РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 36. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Сентября 3-го.

Содержаніе: При погребеніи М. С. Р.—Народные религіозные обычаи и обряды южныхъ славянъ.—Отрывки изъ моего дневника.—Библіографія.—Михайловскій монастырь.—Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ
при погребеніи М. С. Р. [1]).

Много перенесла печали, много пролила слезъ покойница, нынѣ оплакиваемая нами. Чрезъ все время ея жительства въ семъ городѣ она пребывала почти въ непрерывной печали. И—было ей чего печалиться! Господь не посылалъ ей и любезному ея супругу утѣшенія въ жизни семейной. Господь, по неисповѣдимымъ судьбамъ Своего Промысла, устроялъ такъ, что отъ примѣрной любви пребывающей четы одно за другимъ являлись на свѣтъ Божій дѣти. Но они не долго радовали нѣжныя сердца отца и матери,—умирали не доживъ и до двухлѣтняго возраста. Если родительскому сердцу грустна и тяжела разлука и съ однимъ умершимъ дитятею, то

[1]) Жены Липовецкаго казначея.

какъ мучительна и не стерпима должна была для покойницы разлука съ четырьмя дѣтьми и притомъ въ короткое время. Въ продолженіе осьми лѣтъ она похоронила четырехъ дочерей малютокъ. Такимъ образомъ, за одною душевною ея раною слѣдовала вторая, а за этою третья и четвертая. Послѣ того легко понять, до какой степени могло наболѣть сердце покойницы отъ столь частой потери нѣжно любимыхъ ею дѣтей. Наконецъ, за шесть мѣсяцевъ предъ кончиною покойницы, Господь послалъ ей предметъ утѣшенія и радости: у нея родилась пятая дочь. Казалось-бы, что нѣжная мать теперь будетъ непрерывно утѣшаться и радоваться. Но вышло не такъ: ея утѣшеніе часто замѣнялось давящею печалію, послѣ непродолжительной радости она не разъ заливалась горькими слезами; ей казалось что дочь ея не долговѣчна, что она должна скоро заболѣть и умереть. Поэтому, она не разъ говорила своимъ домашнимъ, что въ случаѣ болѣзни дитяти, она не перенесетъ этого,—она не дождется смерти его, она прежде его отправится на тотъ свѣтъ. При таковой мнительности, малѣйшій признакъ нездоровья дитяти повергалъ ее въ печаль и уныніе. Похудѣетъ ли дитя, закашляетъ-ли, какой-либо малѣйшій болѣзненный признакъ появится на немъ, она приходила къ мысли, что дитя заболѣло опасно, что болѣзнь смертельна, что ей предстоитъ перенести тяжкую разлуку съ предметомъ, милымъ материнскому сердцу. Эта ужасающая мысль невольно преслѣдовала ее особенно во дни близкіе къ ея кончинѣ. Богъ знаетъ,—можетъ быть, такое тревожное душевное состояніе ея было между прочимъ причиною тому, что она въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, повидимому вполнѣ здоровая женщина, вдругъ лишается чувствъ, на вѣки смыкаетъ глаза и чрезъ четыре часа въ рукѣ Господа предаетъ духъ.

Но обратися, душе моя, въ покой твой, яко

Господь благодѣйствова тя! Время скорбей и печалей прошло для тебя, любезная сестра наша! Ты много печалилась, много плакала, пока была здѣсь между нами; теперь ты тамъ, гдѣ уже отнята всякая слеза отъ очію твоего! Ты теперь тамъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль ни воздыханіе, но жизнь безконечная! По истинѣ, *блаженъ путь въ оньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

Можетъ быть, кого-либо изъ насъ, любившихъ и любящихъ скончавшуюся сестру нашу, смущаетъ мысль, что она по причинѣ скоропостижной кончины не могла приготовиться къ жизни вѣчной? Пусть эта мысль не смущаетъ никого изъ насъ благожелателей и друзей покойницы. Мы большею частью не думаемъ о будущей жизни и не готовимся къ ней, надѣясь приготовиться къ смерти въ случаѣ прочной болѣзни,—живемъ въ грѣховной безпечности, и потому можемъ (отъ чего да сохранитъ насъ Господь) умереть въ оной. Покойница не такъ поступала: она, не дожидаясь предсмертной болѣзни, постоянно готовилась къ смерти и отличалась христіанскими добродѣтелями, какихъ не достаетъ нѣкоторымъ изъ христіанъ. Такъ она всегда съ должнымъ уваженіемъ относилась къ духовнымъ пастырямъ, смотрѣла на нихъ, какъ на слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ, дорожила пастырскою молитвою и съ вѣрою, упованіемъ и надлежащимъ благоговѣніемъ часто изливала чувства своей пламенно молящейся души. Замѣчательна и искренняя любовь покойницы ко всѣмъ и каждому: она, кажется, всю жизнь свою въ нашемъ городѣ посвятила на то, чтобы благотворительными дѣлами, ласковыми словами, кроткимъ и дружественнымъ обращеніемъ со всѣми высказать на самомъ дѣлѣ свое истинно-христіанское чувство непритворной, нелицемѣрной, искренней любви

ко всѣмъ, кто только зналъ ее, и кого знала она; она съумѣла поставить себя въ обществѣ такъ, что была въ искренне-дружественныхъ отношеніяхъ и къ тѣмъ, которые считаютъ себя принадлежащими къ высшему сословію, и—къ тѣмъ, которые принадлежатъ къ среднему и низшему сословію. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ знавшихъ покойницу понесъ хоть малѣйшую обиду, получилъ хоть самое незначительное оскорбленіе лично или заочно отъ нея? Найдется-ли хоть одинъ изъ жителей города нашего, который-бы могъ сказать, что усопшая когда-либо отозвалась о немъ съ неуваженіемъ или презрѣніемъ къ нему, оклеветаніемъ и осужденіемъ его?

Любя любовію христіанскою всѣхъ и каждаго, незабвенная покойная и въ свою очередь пріобрѣла взаимную любовь отъ всѣхъ и каждаго. Чувства любви и признательности заявляемы были ей при всѣхъ удобныхъ случаяхъ. По чувству любви и преданности къ почившей знаемые ея и незнаемые собрались вчера сопровождать бездыханное тѣло ея въ сей св. храмъ. Не мало собралось чтителей памяти ея и нынѣ, для принесенія общественной въ храмѣ молитвы объ упокоеніи души ея и для сопровожденія тѣла ея къ могилѣ.

Братія и сестры! Мы любили вѣрную въ Бозѣ почившую сестру нашу при ея жизни,—не перестанемъ любить ее и по ея смерти! Постараемся, чтобы любовь наша къ ней не оказалась любовію лицемѣрною! А любовь наша будетъ не искренна, если мы теперь, окружая гробъ ея, будемъ только плакать, воздыхать, а далѣе и совсѣмъ забудемъ о ней! Покойница любила насъ любовію нелицемѣрною: она по своей искренней любви иному была матерію, иному сестрою, иному дочерью; постараемся и мы по смерти ея любить ее тою-же любовію. Любовь свою къ ней мы можемъ выражать въ теплыхъ

сердечныхъ молитвахъ къ Богу объ упокоеніи съ праведными души ея. Всякій разъ, когда придется намъ молиться о блаженномъ упокоеніи родныхъ и ближнихъ нашему сердцу, вспомнимъ, что у насъ была добрая христіанка, которая хотя была чужая для насъ, но истинно, какъ родная, любила насъ. Вспомнивъ-же искренно любившую насъ будемъ молиться объ ней Господу такъ: »упокой, Господи, душу усопшія рабы Твоея Маріи, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная!« Аминь.

Свящ. *Ипполитъ Тацѣевскій.*

Г. Липовецъ.

Народные религіозные обычаи и обряды южныхъ Славянъ [1]).

Въ народно-религіозныхъ обычаяхъ и обрядахъ указанныхъ нами зимнихъ праздниковъ замѣчается перевѣсъ христіанскаго элемента надъ натуральнымъ и миѳологическимъ: эти обряды и обычаи большею частію возникли на почвѣ христіанскихъ воззрѣній и представляютъ въ себѣ лишь слабые слѣды стародавней языческой древности. Въ обычаяхъ лѣтнихъ праздниковъ, наоборотъ, мы встрѣчаемъ большею частію преобладаніе обычаевъ старинныхъ, выходящихъ изъ языческаго обожанія природы, которые хотя пріурочены къ извѣстнымъ христіанскимъ праздникамъ и отчасти соединены съ христіанскими элементами, но въ основѣ своей имѣютъ натуральный миѳологическій характеръ. Такое различіе безъ сомнѣнія объясняется тѣмъ, что силы и явленія природы, то благотворныя, то разрушительныя, именно весною и лѣтомъ производятъ на

[1]) См. № 33.

человѣка, и особенно на народъ земледѣльческій, наиболѣе сильныя и неотразимыя впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ съ трудомъ отрѣшается отъ представленій о природѣ, какъ о высшей, самосущей, безусловной силѣ, и отъ преданій вышедшихъ изъ древняго обожанія ея частныхъ явленій и силъ. Поэтому-то древнѣйшія миѳологическія, идущія отъ язычества, воззрѣнія и обряды, не смотря на успѣхи христіанскаго просвѣщенія, въ теченіе вѣковъ не теряютъ для народа своего значенія и сохраняются, если не въ смыслѣ положительныхъ вѣрованій, то по крайней мѣрѣ какъ народный вѣковѣчный обычай, какъ игра народнаго духа, какъ забава народнаго чувства. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что всеразрушающее время болѣе и болѣе кладетъ свою руку и на эти остатки сѣдой старины какъ вездѣ, такъ и у южныхъ славянъ. Миѳологическія воззрѣнія обычаи и обряды, вслѣдствіе просвѣтительной дѣятельности церкви и духовенства, въ слѣдствіе общаго распространенія цивилизаціи и усиленія практическихъ сторонъ жизни, сохраняются въ наши дни уже какъ обычаи вымирающіе, постепенно болѣе и болѣе изчезающіе изъ народной жизни, и многое хранится только въ памяти стариковъ, не практикуясь въ настоящее время.

Въ ряду весеннихъ прадниковъ первое мѣсто занимаетъ день св. Георгія (юрьевъ день) 20 апрѣля. У сербовъ и болгаръ около этого времени скотъ возвращается изъ зимовищъ и начинается первый убой молодыхъ телятъ и ягнятъ для продовольствія. Поэтому-ли или по какой-либо аналогіи съ сказаніями о св. Георгіѣ, только этотъ святой у сербовъ и болгаръ, такъ-же какъ и у насъ, почитается нарочитымъ молитвенникомъ о благосостояніи стадъ, а именно рогатаго скота. Во многихъ мѣстахъ Сербіи и Болгаріи въ этотъ день каждый домохозяинъ

пригоняетъ къ церкви ягненка или теленка и ставитъ свѣчу. Послѣ обѣдни священникъ выходитъ на паперть, зажигаетъ свѣчи, отправляетъ молебенъ и кропитъ святою водою собранныхъ вокругъ церкви животныхъ, благословляя въ нихъ весь скотъ своей паствы. Кожи убитыхъ въ этотъ день ягнятъ и телятъ поступаютъ въ пользу священника и притча. Въ Болгаріи рано утромъ въ этотъ день старухи ѣдутъ къ рѣкѣ, раскладываютъ костеръ и на немъ варятъ молоко,—чтобы *не перегаряло* молоко у коровъ и козъ, но чтобы онѣ давали его цѣлое лѣто. Въ день св. Георгія заключаются на цѣлый годъ контракты между хозяевами стадъ и пастухами и вообще между хозяевами и работниками. Первый весенній праздникъ соединяется также съ обычаями, указывающими на вѣрованія въ особенную цѣлительность свѣжей зелени разцвѣтающей природы. Такъ въ Сербіи молодыя дѣвушки на канунѣ Юрьева дня берутъ воду изъ подъ мельничнаго колеса, бросаютъ въ нее молодую зелень и рано утромъ моются этою водою, вѣря, что это умыванье даетъ красоту и здоровье. Особенно благотворная сила приписывается въ этомъ отношеніи любистку (Liebstockel). Мужчины втыкаютъ вѣтви этого растенія въ шляпу, а дѣвицы прикалываютъ къ груди. Въ Болгаріи дѣвицы на канунѣ 23 апрѣля берутъ сосудъ съ водою, кладутъ въ него нѣсколько вѣтокъ *селима* (благовонное растеніе), а также веревку и метлу, оставляютъ все это переночевать, а поутру этою водою поливаютъ косу и втыкаютъ въ головы *по одной вѣткѣ селима*, »чтобы коса была широка, какъ метла, и длинна, какъ веревка«. Стволъ селима обрѣзываютъ и въ теченіе дня пьютъ чрезъ него вино и воду. Въ Юрьевъ день строятъ качели—одно изъ любимѣйшихъ лѣтнихъ удовольствій молодыхъ людей.

Съ 1 мая соединяются также нѣкоторые гигіениче-

скіе обычаи, имѣющіе, можетъ быть, и миѳологическую основу. Именно, въ этотъ день больныя и неплодныя женщины ходятъ на луга и голыя катаются по росистой травѣ. Считается также полезнымъ для здоровья въ этотъ день выходить въ поле и пить молоко и вино »пелинашъ« (вино съ полынью, абсентъ) съ сухарями.

Отъ языческой древности въ Сербіи и Болгаріи до сихъ поръ сохраняются »дождевыя процессіи«, называемыя въ Сербіи »додола«[1]), а въ Болгаріи »петеруга«[2]). Онѣ устрояются во время засухи для проявленія дождя, и прежде производились обыкновенно такимъ образомъ. Когда продолжительная засуха грозитъ неурожаемъ, одна изъ молодыхъ дѣвушекъ деревни съ головы до ногъ окутывается въ молодую зелень, такъ что у ней видно одно только лицо. Ее сопровождаютъ подруги. Съ поднятыми руками онѣ пляшутъ и кружатся около нея и, останавливаясь около каждаго дома, припѣваютъ: »О пеперую рудоле! пусть упадетъ роса, о рудоле! пусть идетъ дождь, чтобы пшеница, маисъ и пшено уродились богато; о рудоле! пусть пчелы плодятся! О рудоле, о рудоле!« и т. п. Пѣніе й пляска предъ каждымъ домомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ кто-нибудь изъ домашнихъ, обыкновенно хозяйка, не обольетъ »ходячую зелень« ведромъ воды и не обдаритъ всѣхъ участницъ дождевой процессіи. Въ послѣднее время въ Болгаріи и Сербіи духовенство сильно возставало противъ этихъ процессій и другихъ подобныхъ обычаевъ, какъ чисто языческихъ, и въ слѣдствіе этого теперь только цыганки исполняютъ эти »дождевыя процессіи«.

Съ Вознесенья начинаются »самовильски праздници« или »русаля«—праздникъ русалокъ, вилъ или фей, оби-

[1]) Додола—древнее сербское божество дождя.

[2]) »Пеперуза«—бабочка.

тающихъ въ поляхъ, лѣсахъ, лугахъ и рѣкахъ. Здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ праздникахъ обнаруживаются языческія преданія и уже одно имя »русалій« указываетъ на происхожденіе и связь ихъ съ подобными же обрядами древнихъ народовъ. Въ продолженіе этихъ самовильскихъ праздниковъ, которые празднуются иногда недѣлю, иногда болѣе, иногда вообще до наступленія дождя, обыкновенно выносятъ или выводятъ страдающихъ меланхоліей, умопомѣшательствомъ, падучею или другими неизлечимыми болѣзнями на такія поляны въ лѣсу, гдѣ растетъ »рисенъ« (благовонная трава)—любимая пища вилъ, и оставляютъ тамъ больныхъ на цѣлую ночь, вѣря, что вилы собираются тамъ, играютъ вокругъ нихъ свое »*хоро*« и даютъ опредѣленіе объ изцѣленіи больныхъ. Суевѣрный праздникъ соединяется со многими суевѣрными воззрѣніями. Сороки и орлы состоятъ, по болгарскому повѣрью, на особенной службѣ у вилъ. Въ Ильинъ день сороки собираются на самовильскихъ гумнахъ молотить росенъ, и такъ какъ онѣ идутъ при этомъ подъ ярмомъ, то и шеи у нихъ голыя. Потому же голыя шеи и у орловъ, такъ какъ они возятъ колесницы вилъ. Даже градъ разносятъ по волѣ вилъ эти страшныя птицы, а потому обыкновенно при появленіи градовыхъ тучъ стрѣляютъ въ воздухъ, чтобы прогнать приближающихся орловъ. Если во время грозы случайно на дворѣ будетъ сосудъ съ водою, то дѣвушки и молодые парни не должны ею мыться и не должны быть во время грозы внѣ дома, чтобы въ нихъ не влюбился мужской или женскій *змай* (змѣй, драконъ). Во многихъ мѣстностяхъ Болгаріи во время русалій не купаются, такъ какъ вилы или русалки любятъ купаться въ это время и могутъ повредить тѣмъ, кто имъ помѣшаетъ.

Но миѳологическія воззрѣнія и языческое обожаніе

природы особенно ясно выражается въ обычаяхъ и обрядахъ конца весны и начала лѣта. Въ этомъ отношеніи замѣчательны »праздникъ кралицы« и обычаи Иванова дня. Праздникъ »кралицы«, совершавшійся въ Сербіи обыкновенно въ Троицынъ день, былъ посвященъ богу любви и весны Лелю или Лельо. Выбиралась самая красивая въ деревнѣ дѣвушка; ее одѣвали въ самое лучшее платье и особенно роскошно убирали цвѣтами. Это—»кралица« (королева). Ее сопровождали другія также убранныя цвѣтами дѣвушки, изъ коихъ одна представляла собою короля, другія военачальниковъ, рыцарей, солдатъ, придворныхъ дамъ. Подъ предводительствомъ знаменоносца вся эта кампанія убранныхъ цвѣтами дѣвушекъ ходила изъ дома въ домъ съ особыми пѣснями въ честь Леля, бога весны и любви древнихъ языческихъ сербовъ. Праздникъ этотъ, какъ чисто-языческій, воспрещался духовенствомъ, и нынѣ остались о немъ только преданія. Въ противоположность этому языческому празднику весны, церковь ввела въ день св. Троицы крестный ходъ по полямъ съ молебствіемъ о благорастворенiи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Въ Сербіи и Болгаріи духовенство съ хоругвями, св. крестомъ и иконами обходитъ съ молебнымъ пѣніемъ поля и окропляетъ ихъ св. водою въ сопровожденіи всѣхъ почти жителей деревни отъ стараго до малаго. На деревьяхъ по дорогѣ вырѣзываются кресты; по мѣстамъ процессія останавливается, встрѣчаемая хозяиномъ поля съ хлѣбомъ солью и »чутурою ракіи« (бутылкою водки); а по окончаніи обхода духовенству предлагается отъ всей деревни угощеніе. День заканчивается веселыми пѣснями и плясками молодежи. Въ Систовѣ, Ловчѣ и др. мѣстахъ женщины послѣ Троицына дня не работаютъ въ теченіе восьми дней.

Особенною живучестію и разнообразіемъ отличаются

обычаи и обряды Иванова дня, 24 іюня, пріуроченные къ этому дню у всѣхъ славянъ, какъ остатки древне-языческаго праздника солнца, и сохраняющіеся доселѣ, какъ обычаи прямо непротиворѣчащіе христіанству, и составляющіе только народныя забавы, хотя и соединенные съ суевѣріями. Въ Болгаріи еще рано утромъ въ »Енёвдень« дѣвушки, молодыя женщины и старухи идутъ въ лѣсъ или въ поле; однѣ собираютъ цвѣты для украшенія, другія травы для лѣкарствъ, и эти травы: *теменюга, тептява, поббѣла* и др. называются въ Болгаріи *Енёвы билки*, т. е. Ивановы лѣкарства. Воротившись домой онѣ стараются еще до восхода солнца сварить эти травы и этимъ отваромъ моются для избавленія отъ злыхъ духовъ, какъ-то: чумы, *таласума*, вампира, каракончо (миѳологическое существо, черный конь), отъ волшебства и т. п. Изъ цвѣтовъ вьютъ вѣнки и берегутъ ихъ до другаго Енёва дня. Вѣнки эти употребляются также и на лѣкарства: оторвутъ частицу, положатъ въ находящуюся въ каждомъ домѣ кадильницу и окуриваютъ больнаго. Во многихъ мѣстахъ въ Енёвъ день гадаютъ по вѣнкамъ и кольцамъ. Въ первомъ случаѣ дѣвушки вьютъ вѣнки изъ цвѣтовъ или вѣтвей и бросаютъ въ воду. Чей вѣнокъ отплыветъ отъ другихъ, та выйдетъ замужъ; чей потонетъ, та не выйдетъ замужъ или умретъ и т. п. Или же дѣвушки собираютъ отъ каждой по кольцу, кладутъ эти кольца наканунѣ въ сосудъ съ водою, а 24 іюня идутъ въ садъ, выбираютъ изъ среды своей гадальщицу, и та съ извѣстными церемоніями вынимаетъ кольца одно за другимъ съ предварительными приговорами: чье кольцо выймется, та выйдетъ замужъ за черноокаго молодца, за богатаго вдовца, который свозитъ ее на богомолье въ Іерусалимъ, будетъ имѣть много дѣтей и т. п. Въ Сербіи дѣвицы гадаютъ также о своемъ замужствѣ по бѣлку опу-

щенному въ воду наканунѣ Иванова дня, по зерну посаженному въ землю въ этотъ день и т. п. Отъ временъ язычества, какъ символическій остатокъ какого-либо праздника, сохранился и слѣдующій обычай. Дѣлаютъ куклу изъ разныхъ старыхъ платьевъ или изъ соломы, и дѣвушки и парни носятъ ее какъ покойника, а другія, идучи за ними, поютъ пѣсни. Но особенно видную роль въ обычаяхъ и забавахъ Иванова дня играютъ костры и вечернія игры молодежи. Что доселѣ дѣлается у западныхъ славянъ въ этотъ день, тоже самое видимъ и въ Сербіи и въ Болгаріи. Никогда славянскія страны, говоритъ одинъ писатель, не представляютъ такой чудной картины, какъ въ ночь на Ивановъ день: по всѣмъ холмамъ, точно звѣзды упавшія съ неба, свѣтятся тысячи огней; съ горъ несутся веселыя пѣсни молодежи, долины радостно вторятъ имъ. Еще за недѣлю до праздника пастухи наваливаютъ кучи хвороста и дровъ; по условному выстрѣлу всѣ они разомъ зажигаются. Вокругъ костра парни и дѣвушки составляютъ веселый хороводъ, пляшутъ, поютъ пѣсни, задаютъ другъ другу разныя относящіяся до чаръ этой ночи загадки, и удалые парни одинъ за другимъ прыгаютъ чрезъ зажженные костры. Молодежь придумываетъ безчисленное множество игръ и забавъ, и оттого праздникъ выходитъ удивительно разнообразенъ и живъ. Въ основѣ игръ лежитъ богатое сокровище южно-славянскихъ сказокъ, преданій и суевѣрій. По народнымъ повѣрьямъ, кто умоется въ эту ночь росой, тотъ сбережетъ красоту, а кто окурится можевельникомъ,—сбережетъ здоровье. Собранная въ этотъ день земляника помогаетъ удачно стрѣлять, крестовикъ—отыскивать клады, а добытый при помощи дятла корень разрыръ-травы—отпирать всѣ замки. Пастухъ, нарвавшій въ этотъ день водяныхъ лилій, во весь годъ не потеряетъ ни одной овцы изъ своего стада и будетъ из-

бавленъ отъ зубной боли. Для предохраненія скота отъ моровой язвы, пастухи считаютъ полезнымъ обходить стада на канунѣ Иванова дня съ горящими головнями. Но всего болѣе значенія имѣетъ повсюду играющій въ этотъ день главную роль папоротникъ съ своимъ золотымъ цвѣткомъ, и особенно сѣмена его: кто добудетъ себѣ цвѣтовъ и сѣменъ папоротника, тому сдѣлается извѣстнымъ все будущее и будутъ открыты всѣ клады, всѣ сокровища земли. Но сопряженныя съ добываніемъ этихъ цвѣтовъ и сѣменъ »испытанія« и опасности столь ужасны, что до сихъ поръ никто еще не могъ ихъ выдержать до конца. Съ вечера въ каждомъ домѣ у словинцевъ убираютъ папоротникомъ окна и устилаютъ полы, чтобы предохранить себя отъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ. Въ Ивановъ день, по тѣмъ же повѣрьямъ, солнце пляшетъ, бружитси, въ рукахъ держитъ двѣ сабли и вертитъ ими. Въ Ивановскую ночь всѣ ручьи и источники на мгновеніе превращаются въ чистое серебро, деревья молвятъ пророческія рѣчи и человѣкъ вступаетъ въ ближайшія сношенія съ міромъ духовъ. Дѣвушки смотрятъ въ колодцы, чтобы увидать на днѣ лицо своего суженаго, также втыкаютъ въ щели стѣнъ и въ полъ своей спальни кусочки нарѣзаннаго камыша. Свѣтящійся »Ивановскій жукъ« (керсинца) пользуется у словинцевъ особенною любовію; по словамъ набожнаго преданія онъ леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель младенца; для воина онъ счастливое предзнаменованіе побѣды; у всѣхъ поэтовъ любимецъ; только люди съ нечистою совѣстію, особенно воры, ненавидятъ его. Изъ обычаевъ, имѣющихъ нѣкоторое повидимому примѣненіе къ христіанскому празднику св. Іоанна Предтечи, можно указать на одинъ. Въ придунайскихъ мѣстностяхъ за три дня до Иванова дня отправляются съ музыкою по деревнѣ шесть по праздничному разодѣтыхъ дѣвушекъ,

предводительница которыхъ выступаетъ въ мѣховой шапкѣ и съ мечемъ. Предъ каждымъ домомъ производится остановка. Дѣвушки поютъ и танцуютъ; а предводительница вертитъ мечемъ въ воздухѣ, подражая обезглавленію. Это должно напоминать усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи. Полагаютъ впрочемъ, что это обычай перенесенный въ Болгарію изъ Румыніи.

Въ Петровъ день, 29-го іюня, въ Сербіи, также какъ и въ Ивановъ день, зажигаются на горахъ огни, хотя этотъ день и не соединенъ съ играми и забавами Иванова дня.

Гораздо болѣе празднуется у южныхъ славянъ Ильинъ день, 20 іюля. Какъ у всѣхъ восточныхъ славянъ, у сербовъ и болгаръ св. Илія чествуется какъ »громовникъ«, съ перенесеніемъ на него нѣкоторыхъ языческихъ воззрѣній о богѣ грома. Громъ въ этотъ день считается весьма вреднымъ, такъ какъ отъ него могутъ быть червивы орѣхи и жолуди, изъ которыхъ послѣднія весьма важны въ хозяйствѣ южныхъ славянъ, служа пищею для свиней. Въ честь св. Иліи весь мѣсяцъ называется въ Сербіи »ильинскимъ«.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ празднуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго Балкана »*горешницы*« (три жаркихъ дня) воздержаніемъ отъ всякой работы.

Успеньевъ день *(свято-Богородица)* чествуется между прочимъ какъ праздникъ, имѣющій значеніе въ отношеніи къ семейному благосостоянію и размноженію. Для того, чтобы дѣти были красивѣе, здоровѣе и многочисленнѣе, въ этотъ день жертвуютъ въ церковь въ честь извѣстнаго святаго ягнятъ, вино, медъ или что-либо иное изъ домашняго хозяйства. Изъ особенно-чтимыхъ святыхъ избирается обыкновенно одинъ по указанію дитяти: предъ

иконами трехъ святыхъ зажигаются свѣчи, приносятъ маленькое дитя и эти свѣчи, и смотря потому, за свѣчу котораго святого оно прежде схватится, тотъ и почитается наиболѣе дѣйственнымъ молитвенникомъ о благосостояніи семьи, и въ честь его дѣлается приношеніе.

На ряду съ самыми большими праздниками чествуется въ Сербіи день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. Высокое почитаніе св. Предтечи между прочимъ выражается въ томъ, что его именемъ взываютъ о помощи и на крикъ »іованиминъ те« (призываю тебя во имя св. Іоанна) всякій поспѣшитъ подать помощь въ минуту опасности.

Къ числу также большихъ праздниковъ въ Сербіи и Болгаріи относится день св. Петки (Параскевы). Какъ святая, славянскаго происхожденія, даровавшая побѣду надъ греками, она почитается нарочитою покровительницею Болгаріи и Сербіи и въ день ея памяти, 14 октября, считается грѣхомъ работать. У южныхъ славянъ очень распространено проклятіе: »пусть убьетъ тебя св. Петка!« Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи 14 октября ѣздятъ на лошадяхъ по полямъ и лугамъ и ведутъ нѣчто въ родѣ военной игры.

Въ »Димитровъ день«, 26 октября, зажигаютъ въ конюшняхъ и сараяхъ освященныя свѣчи, чтобы здѣсь духи не повредили домашнимъ животнымъ. Этотъ день вмѣстѣ съ Юрьевымъ днемъ составляетъ другой годовой терминъ для возобновленія контрактовъ и сдѣлокъ, для найма и расчета рабочихъ и т. п.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Болгаріи въ теченіи восьми дней продолжаются такъ называемые »влци праздници«— волчьи праздники, въ которые жены пастуховъ обвязываютъ ножницы для стрижки овецъ и козъ, чѣмъ, по народному повѣрью, устраняется отъ стадъ опасность нападенія со стороны волковъ. Въ продолженіе этихъ

праздниковъ женщины оставляютъ всякую работу, особенно шитье платья мужьямъ, такъ какь въ противномъ случаѣ на нихъ нападутъ волки.

Наканунѣ 30 ноября (Андреевъ день) въ сѣверной Болгаріи варятъ зерна различныхъ хлѣбовъ и передъ ужиномъ каждый взрослый беретъ горсть этого развара и бросаетъ вверхъ говоря: »какъ эти зерна распухаютъ такъ пусть и все растетъ въ будущемъ году!« Въ южной Болгаріи варятъ пшеницу и бросаютъ ее въ отверстіе трубы приговаривая: »пусть такъ высоко выростаетъ посѣвъ!«

А. В—повъ.

Отрывки изъ моего дневника[1]).

15.

На деревенскомъ праздникѣ встрѣчаюсь я съ тѣмъ крестьяниномъ, который началъ было повѣствовать, какъ Богъ наказалъ одного бахвала...

— Что́ Филатъ Терентьевичъ, какую ты исторію хотѣлъ разсказать мнѣ про бахвала-то, помнишь?.. что́ бахвалился своими грѣхами?—спрашиваю его среди крестьянскаго праздничнаго обѣденнаго стола.

Всѣ бывшіе »на праздникѣ« обратились въ слухъ...

Крестьянинъ былъ уже подъ хмелькомъ...

— То-то вотъ оно и есть, съ разстановкой заговорилъ онъ, »что мы *нагрѣшники*, а чувства въ насъ нѣтъ!« заговорилъ и залился слезами; всхлипывая, трясъ, трясъ головою, да наконецъ и совсѣмъ положилъ ее на столъ, и тутъ ужъ совершенно зарыдалъ...

---

[1]) См. № 29.

Въ углу раздались звуки смѣха...

— Смѣяться тутъ нечему, говорю я: дядя Филатъ *въ чувствѣ*, и можетъ разсказать намъ исторію совсѣмъ не смѣшную.

— Могу, могу, поднявши голову, самоувѣренно, съ сознаніемъ своихъ силъ отвѣтилъ онъ.

— Очень насъ обяжешь всѣхъ, говорю я.

— Отецъ, отецъ! Больно я тебя люблю!... полезъ ко мнѣ Филатъ.

— Не о томъ рѣчь, другъ мой, а ты исторію-ту разсказывай.

— Разскажу, пра-слово разскажу исторію: она не очинно замашиста... Выпьемъ только, отецъ, по рюмашечкѣ!..

— Объ этомъ повторять ужъ нечего: я сказалъ, что я не пью и кончено, толковать, стало быть, по пустому нечего.

— Ну такъ я выпью.

— И тебѣ не совѣтую. Когда разскажешь, тогда за храбрость можно, пожалуй, выпить тебѣ малу-толику. Разсказывай-же, не бахвалься!...

— Да... да... да... да... бахвалиться грѣхъ, великій, грѣхъ!... качая головой, серьёзно заговорилъ крестьянинъ. Слушай, батька: знаешь-ли ты село Семеновское? какъ-бы встрепенувшись продолжалъ онъ.

— Знаю.

— Ну-такъ не далече отъ него есть рѣчка, Мерой ее зовутъ, а околъ самой эѳтой рѣчки стоитъ домъ одинъ: деревня тутъ есть, да домъ-то эѳтотъ отшатнулся отъ деревни, стоитъ о́ себѣ... Домъ большой... На дому вывѣска, значитъ: *мастеръ де такой-сякой;* мѣсто тутъ привольное.. кажись-бы жить-бы тутъ да жить, жить-бы да блаженствовать!.. Анъ нѣтъ; окошки въ домѣ всѣ заколочены, и домъ стоитъ пустымъ пустехинекъ!.. Вотъ

тутъ-то и гисторія!.. Эхъ грѣхи, грѣхи!!. Вотъ оно бахвальство-то!..

Филатъ задумался... взоры всѣхъ устремились на него; въ избѣ воцарилось глубокое молчаніе...

Чрезъ нѣсколько секундъ Филатъ продолжалъ:

А человѣкъ-то былъ какой этотъ самой мастеръ!.. Ухъ какой!. Разумница-умница!.. Кажись... всё могъ сдѣлать; ничего отъ его рукъ не отбивалось... ушь наштo!! Часы самъ сдѣлалъ, всякія машины, значитъ исправлялъ.. вотъ онъ и жилъ въ Питерѣ, разные подряды производилъ... Сначала хорошо, а тутъ врагъ попуталъ—началъ жить *не по чести:* цѣны за подряды бралъ хорошія, а работы сталъ дѣлать на скору руку, и работниковъ плохихъ сталъ нанимать къ себѣ, и матеріалы, коли отъ него они шли, закупать дешевые, не подходящіе; окромя того, гдѣ доводилось, не прочь былъ и »царапнуть«, прямо сказать—своровать .. Одначе, эдакимъ манеромъ, онъ нажился таки »на порядкахъ«.. А когда карманы набилъ туго, захотѣлъ покинуть Питеръ и съ деньгами явиться *папомъ* въ свою деревню... Ну, и явился... Что ты! Баринъ, да и только!... Бариномъ онъ и жить восхотѣлъ: купилъ землю, построилъ вотъ тотъ домъ, что̀ пустой то теперь стоитъ,—при домѣ какой-то заводъ... На рѣкѣ поставилъ мельницу... Мужики—земляки стали его работниками и кланялись ему чуть не »въ землю«, какъ какому господину... А онъ-то говоритъ: жить вы, значитъ, не умѣете! Вотъ я, говоритъ, какъ жилъ, вотъ какъ жилъ! И теперь глядите на меня: каковъ я!!«.. И начнетъ, бывало, бахвалиться и хвастаться, какъ онъ тамъ мошеничалъ и всё такое..., всё разсказывалъ, не скрывалъ своихъ пакостей и подлостей, и разсказывалъ-то вѣдь какъ! »Ха-ха-ха!«—только и слышно было при розказ-

нях̀ъ его! »Ну-у-гусь-же ты порядочной!«—думали про себя мужики: »что-то дальше будетъ«... А дальше и вышло то, что Богъ покаралъ его—общипалъ перья у этаго гуся... На землю и постройки онъ деньги уже выгрузилъ... Надо-бы ихъ выручать, да прибыль наживать, а вышло не то: бывало, какъ ни загатитъ мельницу,—чрезъ какую-нибудь недѣлю непремѣнно прорветъ ее... Вотъ, онъ гатилъ, гатилъ ее, да и бросилъ всё—отчаялся, а съ тоски—кручины сталъ пить и пить, и напослѣдокъ до того допился, что сошелъ съ ума—и теперь жалость, кабы вы посмотрѣли на него!.. Вотъ гисторія-то!.. Грѣшилъ, грѣшилъ, значитъ,—да еще бахвалиться сталъ своими грѣхами: ну, Богъ и наказалъ его!...

— Доволенъ-ли, отецъ, моей гисторіей? Теперь мнѣ выпить можно?? заключилъ крестьянинъ.

— Выпей, выпей—рюмку только одну.

— Да вѣдь я не запиваюсь, батюшка, обидчиво сказалъ Филатъ.

— Знаю, знаю я, ободрилъ я его...

Праздничный обѣдъ кончился.

Я поѣхалъ домой. Мужики разбрелись по разнымъ домамъ деревни угощаться. Дѣвицы затѣвали хороводы. Молодой парень, подбоченясь, среди деревни ухалъ:

Убояхся зѣло,
Чтобы въ наше село
Сила вражья не вступила
И насъ въ плѣнъ не повлече...

Свящ. *Аркадій Левашевъ.*

Троица-Чудца.

Библіографія.

Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества. Томъ I-й, 1878. Спб. Страниц. 800 въ 8°.

Этотъ »очеркъ, по заявленію автора, есть »сокращеніе уроковъ по исторіи проповѣдничества, читанныхъ въ одномъ учебномъ заведеніи. Онъ имѣетъ общую научную цѣль: ознакомить читателя съ исторіей русской проповѣди и вліяніемъ ея на нравственную и гражданскую жизнь народа. Нельзя ожидать, чтобы очеркъ этотъ, какъ первый опытъ въ своемъ родѣ, былъ безъукоризненъ во всѣхъ отношеніяхъ, но за недостаткомъ лучшаго руководства, обнимающаго судьбу русской проповѣди за 1000 лѣтъ, можетъ принесть пользу наукѣ«.

Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества, по плану автора, долженъ изобразить въ главныхъ чертахъ судьбу отечественной проповѣди за все время ея существованія. Для сего авторъ вознамѣрился сообщить свѣдѣнія, во первыхъ, о развитіи проповѣдническаго матеріала: самой проповѣди въ ея своеобразномъ содержаніи и направленіи, въ ея выраженіи со стороны слога или языка, логической формы и произношенія. Во вторыхъ, дать свѣдѣнія о причинахъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ и направленіе проповѣдническаго матеріала. Затѣмъ, въ третьихъ, пояснить, что русское проповѣдничество во все время своего существованія не отличалось самобытностію и состояло подъ вліяніемъ проповѣдничества иноземнаго и можетъ быть названо—то греко-русскимъ, то латино-русскимъ, смотря потому, какимъ образцамъ подражало оно; и только въ настоящее время старается усвоить практическое примѣненіе къ жизни народа въ соприкосновеніи ея съ религіею.

Изложивъ судьбу русскаго подражательнаго проповѣдничества, по намѣренію автора, »Очеркъ« долженъ выяснить его достоинства и недостатки и степень его вліянія на жизнь, на нравственное состояніе и гражданское преспѣяніе русскаго народа въ теченіи тысячи лѣтъ. Такое изслѣдованіе по самой важности и современности своего предмета, съ одной стороны, на основаніи историческихъ данныхъ должно показать, въ чемъ состоятъ недостатки современной проповѣди и какія перемѣны необходимы въ составѣ ея; съ другой стороны правильною постановкою этихъ вопросовъ можетъ указать, какъ проповѣдь можетъ ускорить развитіе народа. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, предлагаемый имъ очеркъ можетъ послужить прочнымъ основаніемъ самостоятельнаго русскаго проповѣдничества. Первая часть »Очерка« начинается изображеніемъ проповѣдничества греческаго изъяснительнаго, полемико-догматическаго и нравственно-аскетическаго. Затѣмъ слѣдуетъ, какъ эпизодъ, описаніе гражданскаго быта и характера русскаго народа. Далѣе изображается характеръ и развитіе проповѣдничества греко-русскаго въ его содержаніи и внѣшнемъ выраженіи. Авторъ знакомитъ читателя съ различными видами греко-русскаго проповѣдничества, а именно: съ проповѣдничествомъ нравственно-аскетическимъ, церковно-историческимъ, истолковательнымъ и практическимъ. Все это только предварительный очеркъ исторіи проповѣдничества. Трактатъ очень обширенъ (316 страницъ) и могъ-бы составить отдѣльную книгу. Объ немъ мы скажемъ послѣ свое сужденіе. За этимъ трактатомъ начинается 1 часть книги, гдѣ изслѣдованіе располагается по главамъ. Изслѣдованіе—подробное и пространное, и чтобы изложить все его содержаніе, потребовалось-бы много мѣста. Поэтому мы укажемъ только въ короткихъ чертахъ главные рубрики статей, составляющихъ сочи-

ненiе. Въ первой главѣ изображается обличенiе умственныхъ заблужденiй въ вѣрѣ. Для чего сначала излагается исторiя суевѣрiя славянъ,—предлагаются свѣденiя о суевѣрiяхъ языческомъ, астрологическомъ и порожденномъ апокрифами и указывается вліяніе суевѣрія на жизнь народа и послѣдняя судьба суевѣрія. Послѣ этого предлагаются примѣры обличенія разныхъ суевѣрій, а также обличенія языческихъ обрядовъ и предразсудковъ.—Слѣдуетъ за симъ исторія ересей и инославныхъ вѣроисповѣданій, повѣствуется также объ обличеніи богомиловъ, стригольниковъ, жидовствующихъ, Бакшина, Косаго.—Развитіе и обличеніе католицизма въ Россіи изслѣдуется съ десятаго по восемнадцатый вѣкъ, тутъ же излагается и обличеніе уніи; говорится далѣе о распространеніи на Руси протестантизма и объ обличеніи его. Наконецъ указывается отношеніе суевѣрія и ересей къ расколу и упоминается о развитіи религіознаго консерватизма и либерализма. Въ заключеніе первой главы авторъ между прочимъ говоритъ о достоинствѣ проповѣдей перваго періода (продолжавшагося около 800 лѣтъ) слѣдующее: »Нечего и говорить о томъ, что, при скудномъ обличеніи умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ, не выяснено вліяніе ихъ на жизнь. Проповѣдники-самоучки не имѣли средствъ подняться до той высоты взгляда, чтобы судить о вліяніи суевѣрія и ересей на жизнь общественную и частную и предотвратить ихъ неисчислимыя слѣдствія... Равнымъ образомъ оставлены безъ вниманія въ проповѣдяхъ и слѣдствія ересей. Объ аскетическо-нравственныхъ проповѣдяхъ авторъ отзывается такъ: »допустимъ, что они укоренили вѣру и сдѣлали много для цѣлей горнихъ—приготовленія народа къ небу, къ царству Христову;... но пренебрегши земныя нужды и общественные вопросы, проповѣдь не дала благочестію народа твердой опоры(?)... Знаменательный урокъ для

нашихъ проповѣдниковъ—ревнителей богословскихъ отвлеченностей, »византійскаго« догматизма, по выраженію прогрессистовъ, »и латинской схоластики«. Ревнуя о буквѣ догмата и формѣ логической, они не примѣчаютъ безчисленныхъ заблужденій жизни и даютъ возможность разрастаться на русской землѣ страннымъ, чтобы не сказать, безтолковымъ сектамъ и безобразнымъ порокамъ. Оцѣживаютъ комаровъ и глотаютъ верблюдовъ, благодаря руководству школы, преслѣдующей теорію и незнающей жизни!«.

Вторая глава занимается изслѣдованіемъ обличенія нравственныхъ недостатковъ народа. Послѣ указанія особенной важности этой главы, авторъ замѣчаетъ, что кромѣ жизненности и занимательности ея содержанія она даетъ уроки историкамъ и проповѣдникамъ. Ни изъ какихъ теорій, продолжаетъ авторъ, историки и проповѣдники не вынесутъ столь ясныхъ понятій о важности практической проповѣди, какъ изъ разсмотрѣнія нравственно-обличительныхъ поученій и ихъ вліянія на жизнь«. Въ доказательство своихъ положеній, авторъ указываетъ виды нравственно-обличительныхъ поученій и эпохи въ развитіи нравственныхъ недостатковъ народа. Онъ разсматриваетъ обличеніе чувственныхъ пороковъ: пьянства, пресыщенія, разврата и останавливается на обличеніяхъ Транквилліона. Потомъ—на обличеніяхъ эгоизма, высокомѣрія, корыстолюбія и сродныхъ съ ними пороковъ, какъ-то: народнаго корыстолюбія, ростовщиковъ, лѣнивыхъ, странниковъ и праздношатающихся, непризванныхъ искателей монашества, богатыхъ, неправедныхъ, самоуправства властителей и наконецъ семейнаго деспотизма въ отношеніи къ женѣ, дѣтямъ и слугамъ. Тутъ-же авторъ обращаетъ вниманіе на обличенія нравственныхъ недостатковъ жителей Сибири. На всѣ эти виды обличеній у

автора представлены примѣры изъ греческихъ и русскихъ проповѣдниковъ. Въ образчикъ такихъ поученій представляемъ въ сокращенномъ видѣ слово Кирилла философа о высокоумномъ хмѣлѣ и худоумныхъ пьяницахъ. »Благослови отче!... Такъ говоритъ олицетворенный здѣсь хмѣль ко всякому человѣку, священникамъ, монахамъ, діаконамъ, князьямъ, боярамъ, слугамъ боярскимъ, купцамъ, богатымъ, убогимъ, нищимъ, монахинямъ, женамъ большимъ и меньшимъ и всякой женѣ.—Не дружитесь вы со мною, и добро вамъ будетъ! Я силенъ въ корнѣ, великъ и многоплоденъ въ племени; мать моя Богомъ сотворена. Ноги у меня тонкія, утроба не объядливая; руки мои обдержатъ всю землю; голову имѣю высокомѣрную, умомъ не ровенъ никому. А кто дружится со мною, держится меня и напивается до пьяна, тому бѣда! Я его доспѣю блуднымъ, Богу немолебнымъ, ночію безсоннымъ. Когда встанетъ отъ сна, я положу ему на сердце стенаніе, печаль, великую кручину и истязанье. Съ похмѣлья голова его болитъ, глаза не видятъ свѣта, ничто доброе не идетъ ему на умъ, не хочетъ ѣсть, хочетъ пить. Выпивъ одну чашу, хочетъ другую и третью, потомъ выпиваетъ много,—и такъ напивается во всѣ дни. Я раздую въ немъ тѣлесныя страсти, ввергну его въ погибель. Сдружится со мною князь,—я сдѣлаю его несмысленнымъ; будетъ онъ пить всю ночь, спать до полудня. Нѣтъ людямъ управы, бояре обираютъ, обижаютъ вдовицъ и сиротъ, а тѣ плачутъ, да вздыхаютъ на князя. Увидѣвъ такого князя, люди разбѣгутся и лишатъ княженія. Сдружится со мною священникъ, я доспѣю его немолебнымъ, людямъ ненавистнымъ, и—лишенъ будетъ своего сана. Начнетъ дружиться со мною жена, какова-бы ни была, я доспѣю ее блудну, немолебну, роду и племени ненавистну. Станетъ пить меня купецъ—и начнетъ ходить въ рубищѣ. Станетъ пить меня слуга,—

доспѣю его князю не любезнымъ, и двора княжескаго лишу« [1]).

Въ третьей главѣ обозрѣвается обличеніе междоусобій и раздоровъ князей, бояръ и вольныхъ городовъ, увѣщанія по случаю нашествія варваровъ на Россію; особенно монголовъ,—по случаю бѣдствій физическихъ, особенно отъ голода, холода, пожаровъ, мора—черной смерти въ четырнадцатомъ и чумы въ семнадцатомъ столѣтіи. Но увѣщаніе пастырей недостаточно утѣшали народъ въ бѣдствіяхъ, потому что состояли изъ суровыхъ обличеній и угрозъ, впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ растворены любовію, таковы увѣщанія о любви къ ближнимъ, о милостынѣ и состраданіи и увѣщанія ропщущимъ на Промыслъ Божій и на бѣдствія жизни.

Въ четвертой и послѣдней главѣ разсматриваются общія вспомогательныя мѣры для укрѣпленія пасомыхъ въ вѣрѣ. Таковы во первыхъ пастырскія посланія и грамоты къ духовенству и народу, административныя распоряженія относительно церковнаго благоустройства, Библія и богослужебныя книги, сборники нравоучительные, домострои или домашнія поученія, патерики, прологи и четьи минеи, лѣтописи, странники, сборники легендарнаго содержанія и паломники. Все это не составляетъ проповѣдей въ собственномъ смыслѣ, но имѣетъ нравоучительное значеніе и способствуетъ умственному и нравственному развитію народа.

Въ заключеніи »Очерка« авторъ сводитъ къ немногимъ *точнымъ* положеніямъ сущность ученія о характерѣ древней проповѣди и ея вліяніи на жизнь народа. Онъ находитъ древнюю греко-русскую проповѣдь недостаточною и несостоятельною ни по содержанію, ни по языку, ни

[1]) Златая цѣпь. Пам. стар. лит. 1, 447.

по логическимъ пріемамъ, въ которыхъ нѣтъ анализа, синтеза, послѣдовательности и доказательности. Впрочемъ старинная Русь подъ вліяніемъ проповѣдничества, хотя и слабаго, окрѣпла въ православіи, которое должны крѣпко хранить и мы. Надобно только позаботиться о томъ, чтобы поднять нравственность народа. »Только нынѣ, говоритъ, между прочимъ, авторъ, при успѣхахъ просвѣщенія и перемѣнѣ всего строя общественной жизни, можно внушить народу, что внѣшняя религіозность, безъ самообладанія, честности, исполнительности христіанскаго долга, не приноситъ большой пользы и подвергается осужденію. Нынѣ время искоренить заблужденія и предразсудки, угнетающіе духъ народа и вредящіе его нравственности«. »Уступая времени въ его разумныхъ требованіяхъ должнаго примѣненія христіанскаго закона къ условіямъ жизни, мы должны быть строги въ обличеніи крайнихъ взглядовъ«. Прежде, какъ мы видѣли, авторъ неблагопріятно относился къ аскетизму, а здѣсь—въ заключеніи »Очерка« защищаетъ монашество, какъ противоядіе матеріализму, противовѣсъ философскимъ увлеченіямъ... »Монашествомъ, по его словамъ, въ особенности поддерживается типъ святой православной Руси. Съ уничтоженіемъ монашества на Руси, по образцу европейскихъ державъ, она утратитъ свой типъ и сдѣлается земнымъ обществомъ, лишеннымъ благодати«. Все это правда, но къ сожалѣнію не выходитъ послѣдовательно изъ всей книги. Конецъ ея составляютъ замѣчанія о внѣшней логической формѣ проповѣди, замѣчанія, противорѣчащія одно другому. Авторъ, повидимому, старается угодить и нашимъ и вашимъ.

»Такъ сложно и обширно приложеніе нашего изслѣдованія къ современной жизни. Оно не менѣе сложно и въ приложеніи къ наукѣ о проповѣдничествѣ какъ въ его

содержаніи, такъ и изложеніи«, говоритъ авторъ. Дѣйствительно изслѣдованія автора сложны и обширны. Но составляетъ-ли это достоинство сочиненія?

Мысль о составленіи историческаго очерка проповѣдничества въ Россіи, безъ всякихъ оговорокъ, есть мысль счастливая и прекрасная. Такой очеркъ необходимъ у насъ какъ матеріалъ для исторіи русскаго проповѣдничества, и—самъ по себѣ полезенъ, потому что знакомитъ насъ съ русскимъ проповѣдничествомъ. Но исполненіе этой мысли въ »Очеркѣ« представляется намъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ безупречнымъ. Чтобы видѣть это яснѣе, обратимъ вниманіе на расположеніе и форму сочиненія и на слогъ его. Авторъ въ самомъ началѣ сочиненія предначерталъ планъ его, но—произвольный, а не строго систематическій; а между тѣмъ систематическій планъ сочиненія представляется необходимымъ, если смотрѣть на »Очеркъ« какъ на сокращеніе уроковъ, читанныхъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній,—къ тому же, поэтому произвольному плану въ книгу вошли нѣкоторыя статьи, которымъ трудно указать въ книгѣ приличное для нихъ мѣсто. И, во первыхъ, представляется, что авторъ написалъ два введенія, одно предшествуетъ книгѣ и необходимо, а другое, слѣдующее за первымъ, предшествуетъ самой сути книги. Въ немъ поясняется значеніе и состояніе греческаго проповѣдничества и греко-русскаго. Хотя этотъ предварительный трактатъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, однако трудно было ввесть его въ составъ книги, да и не было надобности. И о греческомъ и о греческо-русскомъ проповѣдничествѣ говорится подробно въ самой книгѣ. Особенно страннымъ и излишнимъ кажется трактатъ о гражданскомъ бытѣ и характерѣ русскаго народа, потому что онъ по частямъ, гдѣ было нужно, приводится въ »Очеркѣ«,

начиная съ первой главы. Такъ, въ началѣ первой главы положено изслѣдованіе о суевѣріи и язычествѣ. Во второй главѣ говорится о разныхъ нравственныхъ недостаткахъ русскаго народа. Въ третьей главѣ говорится подробно о междоусобіяхъ и раздорахъ князей и о другихъ гражданскихъ смутахъ. Въ четвертой между прочимъ трактуется о вліяніи греческаго проповѣдничества на русскую проповѣдь и жизнь, и—объ общемъ вліяніи греко-русскаго проповѣдничества и литературы на жизнь народа. Такимъ образомъ, мы въ самой книгѣ находимъ все то, о чемъ говорится въ предварительной статьѣ и вслѣдствіе чего статью эту надобно признать лишнею. Безъ нее не было-бы въ книгѣ повтореній одного и того-же. Конечно, при чтеніи уроковъ повторенія иногда необходимы, но въ книгѣ хотя-бы то сокращенной изъ уроковъ, повтореніе одного и того-же неумѣстно.

2) Множество дѣленій и подраздѣленій придаютъ »Очерку« схоластическій колоритъ, который теперь не можетъ нравиться по своей сухости и раздробленности.

3) Языкъ книги ясный и правильный нѣсколько тяжеловатъ; примѣровъ не представляемъ потому, что ихъ можно найти на каждой страницѣ книги. Вообще весь тонъ и характеръ рѣчи въ очеркѣ припахиваютъ стариною.

Но не смотря на указанные нами недостатки книги, мы признаемъ ее очень состоятельною по богатству содержанія. Для тѣхъ, которые мало знакомы съ древнимъ нашимъ проповѣдничествомъ, »Очеркъ« представляетъ интересныя свѣдѣнія и можетъ замѣнить недостатокъ научныхъ свѣденій о русскомъ проповѣдничествѣ въ историческомъ его развитіи. Книга эта особенно пригодна для

приходскихъ пастырей и пріобрѣтеніе ея не составитъ безполезной и лишней затраты денегъ.

Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ втораго тома, гдѣ конечно сдѣланъ будетъ очеркъ исторіи русскаго проповѣдничества со временъ Петра великаго до половины настоящаго столѣтія,—и гдѣ будутъ сообщены свѣденія о тѣхъ измѣненіяхъ въ характерѣ проповѣди, какія произошли за послѣднія десятилѣтія.

К. Думитрашковъ.

Михайловскій монастырь [1]).

На рубежѣ горы высокой
Вознесся древній Божій храмъ;
Глядитъ на синій Днѣпръ широкій,
На даль, раскрытую очамъ.

Стоитъ онъ, стройный, величавый,
Какъ стражъ при Кіевѣ святомъ,
Золотоверхій, многоглавый,
Блестя архангельскимъ мечомъ.

О, чудный Кіева хранитель,
Побѣдоносный, вѣковой!
Веди меня въ свою обитель,
Къ мощамъ страдалицы святой.

Вхожу; весь полный изумленья:
Какая вѣра въ ней цвѣла!

---

[1]) Изъ только-что вышедшаго сборника »Кіевъ въ русской поэзіи«.

Какая жажда въ ней спасенья!
Какія муки понесла!

Любовь отца, его стяжанья,
И красоту и жизнь свою—
Все принесла безъ колебанья
Какъ даръ Небесному Царю!..

Почила,—ткани и оклады
Сребромъ и золотомъ блестятъ,
И драгоцѣнныя лампады
Неугасимыя горятъ;

И неотступно, дни и нощи,
Хранитъ незримо каждый мигъ
Великомученицы мощи
Безплотныхъ силъ Архистратигъ;

И къ нимъ народъ отвсюду льется,
И нѣтъ конца живымъ мольбамъ,
И сердце радостнѣе бьется,
Припавъ къ цѣлительнымъ мощамъ.

И сознаешь душой холодной,
Какъ хорошо стоять при нихъ,
И съ теплой вѣрою народной
И самъ сливаешься на мигъ.

У среброкованныя сѣни
Передъ почившей, какъ живой,
Склоняю трепетно колѣни,
Молюся робкою мольбой:

»Ты—изъ сокровищницы вѣчной
Твоей святыни—удѣли
Мнѣ каплю чистоты сердечной
Да вѣры зернышко пошли«,

»Чтобъ могъ я жизнь вести достойно,
Чтобъ могъ принять въ послѣдній путь
Святыя Тайны, и спокойно
Могъ умереть, какъ-бы уснуть!«

Иду къ почившей приложиться,—
И вѣрю тихо, глубоко,
Что отъ мощей сихъ жизнь струится,
Отъ гроба—на́ сердцѣ легло!..

И что́ здѣсь помощи чудесной
Вѣка лилося на людей,
Въ ихъ вѣчной немощи тѣлесной
Въ душевномъ горѣ отъ скорбей!..

Недаромъ Русь съ любовью ясной
Къ святой Варварѣ все идетъ;
Ее »Невѣстою прекрасной«
И Церковь Божія зоветъ.

Внимать всегда и всѣмъ сердечно,
Спасать мильоны душъ и тѣлъ,
Благотворить по смерти вѣчно—
Какой возвышенный удѣлъ!

Благословенъ Господь! какъ славенъ,
Какъ дивенъ Онъ въ своихъ святыхъ!
Благословенъ, что всюду равенъ—
Для всѣхъ, и знатныхъ и простыхъ!....

Нисходитъ сумракъ,—и твердыня
Святаго храма чуть видна:
Прости, старинная святыня,
Прости, святая старина!

С. Пономаревъ.

2 августа 1878 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ,

съ біографическими свѣденіями о св. отцахъ-проповѣдникахъ вселенской церкви и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ.

Составилъ М. А. Поторжинскій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ г. Кіевъ, къ преподавателю Семинаріи священнику Поторжинскому. 2—2.

Отъ редакціи.

Редакція »Руководства для сельскихъ пастырей« находится вынужденною объяснить, что а) »Сборникъ поученій«, изданн. ею, продается не по 1 рублю, а по 1 руб. 20 коп. съ пересылкою, какъ и было объявлено о томъ еще въ прошломъ 1877 году. Посему заявившіе требованіе на такой Сборникъ и выславшіе только по 1 руб. за экземпляръ благоволятъ дослать остальныхъ 20 коп. (почтовыми марками).

б) Желающіе въ настоящемъ году имѣть нашъ журналъ и неуспѣвшіе подписаться на него къ началу года могутъ получить сполна всѣ №№ журнала, начиная съ перваго №, въ какое-бы время текущаго года они не подписались.

в) Получающіе №№ нашего журнала *по одному только заявленію* благоволятъ, при уплатѣ долга, объяснять, что деньги ими высылаются именно въ уплату долга на получаемый уже экземпляръ.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 26 августа 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб.

№ 37.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Сентября 10-го.

Содержаніе: Поученіе по случаю освященія обновленнаго храма въ день преподобнаго Авраамія Галичскаго.—Изъ бесѣды съ старообрядцами о принятіи митрополита Амвросія, въ его санѣ, для заведенія вновь австрійскаго священства.—Русскіе духовные журналы за первую треть 1878 года.—Звѣздный міръ.—Два слова о метрическихъ свидѣтельствахъ.—Объявленіе.

ПОУЧЕНІЕ

по случаю освященія обновленнаго храма въ день преподобнаго Авраамія Галичскаго [1]).

Нынѣ для св. обители сей, для живущихъ въ ней и любящихъ посѣщать св. храмы ея—праздникъ великій, радость сугубая... Обновленный и украшенный храмъ мы видимъ нынѣ освященнымъ *руками архіереовыми*..., и Господь устроилъ это освященіе въ день памяти перваго создателя св. обители сея, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Авраамія!...

Воздадимъ славу, честь, благодареніе и поклоненіе Всевышнему, благоволившему тако устроити! Сердечная

[1]) Сказано въ Городецкомъ Авраміевомъ монастырѣ 19 іюля 1878 года, за всенощной, послѣ освященія въ этотъ день, предъ литургіей, храма преосвященнымъ Игнатіемъ, епископомъ Костромскимъ.

благодарность и тѣмъ лицамъ, которыхъ Богъ избралъ орудіями для обновленія, украшенія и освященія св. храма сего! Эти чувства благодаренія должны быть присущи всѣмъ, для кого дорого благосостояніе и благолѣпіе св. обители сей... А для кого-же изъ жителей страны сея не дорого благосостояніе обители высокочтимаго угодника Божія и особеннаго покровителя здѣшнихъ мѣстъ?!... Для всѣхъ, безъ сомнѣнія оно равно дорого... оно дорого и для тѣхъ, кто, по мѣсту жительства, далекъ отъ святой обители сей, но кто въ благосостояніи и благолѣпіи каждой обители видитъ проявленіе вѣры и Христовой любви человѣка православнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду на достиженіе собственнаго своего спасенія, при помощи этой вѣры и этой любви и тѣхъ св. молитвъ, которые ежедневно возносятся здѣсь къ престолу Божію за всѣхъ христіанъ и за весь грѣшный міръ!...

Нужно ли еще говорить, почему дорого для христіанина благолѣпіе храмовъ Божіихъ?. Сердцу каждаго православнаго понятно, что храмъ есть мѣсто особеннаго присутствія Божія; въ храмѣ, въ который собирается не *двое и трое*, а весьма часто множество молящихся, Господь скорѣе услышитъ наши молитвы, чѣмъ въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ; въ храмѣ совершаются величайшія и высочайшія таинства христіанскія; въ храмѣ изливается на насъ обильно благодать Духа Святаго; въ храмѣ душа наша находитъ нужную для себя пищу; въ храмѣ мы успокаиваемся и отдыхаемъ душею отъ мірскихъ суетъ и переносимся мыслію своею къ небесному отечеству нашему и т. д. Но если въ каждомъ храмѣ мы можемъ получать все сіе, тѣмъ болѣе нужно сказать это о храмахъ св. обителей. Кто изъ васъ, слушатели, не испыталъ на самомъ себѣ ту истину, что св. обитель по-истинѣ можетъ служить для насъ тихимъ пристанищемъ

отъ мірскихъ треволненій!!. Чье сердце, въ минуты скорби и печали, въ минуты тоски и уныпія, въ минуты напастей и бѣдъ, въ минуты другихъ какихъ-либо тяжкихъ искушеній,—чье сердце въ такія минуты не порывалось къ этому тихому пристанищу?! Всякій, приходящій къ нему съ вѣрою и надеждою, безъ всякаго сомнѣнія, получалъ здѣсь успокоеніе и утѣшеніе,... и тѣмъ большее и скорѣйшее, чѣмъ больше порядка и чина онъ находилъ въ жителяхъ, чѣмъ благолѣпнѣе св. храмы обители, чѣмъ благовиднѣе вся внѣшняя ея обстановка, ибо внѣшность имѣетъ неотразимое вліяніе на нашъ внутренній міръ, на наши мысли, чувства, желанія—на всю нашу душу... вотъ почему дорога для насъ благолѣпно украшенная св. обитель!

Итакъ мы радуемся нынѣ украшенію и благолѣпію освященнаго нынѣ храма св обители сей!

Но, братіе, любуясь внѣшностію, не забудемъ внутренняго, не забудемъ нашей души, и посмотримъ, есть-ли въ ней что-либо доброе и христіански хорошее, на чемъ съ радостію мы могли-бы остановить взоръ свой. Это благовременно намъ сдѣлать по поводу настоящаго праздника... Первый создатель св. храма сего преподобный Авраамій галичскій, память котораго мы празднуемъ нынѣ, не удовольствовался созданіемъ храма въ св. обители, но онъ созидалъ вмѣстѣ съ тѣмъ храмъ въ душѣ своей или иначе: и самый видимый храмъ онъ для того собственно и устроялъ, чтобы этотъ храмъ помогъ ему устроить въ душѣ своей храмъ не рукотворенный, т. е. помогъ ему очистить себя отъ грѣховъ и человѣческихъ страстей и вкоренить въ душу свою христіанское добро... И вотъ мы знаемъ и видимъ, что его усилія и труды достигли желаемой цѣли: преподобный Авраамій угодилъ Богу и сталъ святымъ. Помышляемъ-ли мы объ угожденіи Богу и о

своемъ спасеніи? И если не помышляемъ; или помышляемъ мало,—то не лучше-ли намъ сокрушаться и плакать о своихъ грѣхахъ, какъ и дѣлали это угодники Божіи преподобный Авраамій, святитель Тихонъ Воронежскій и многіе другіе?... И если гдѣ, то въ монастырѣ-то и умѣстно это сдѣлать, покрайней мѣрѣ благовременно получить побужденіе къ сему спасительному плачу: монастырь по преимуществу есть мѣсто покаянія и плача... Этотъ плачь, братіе, не омрачитъ и нашей радости: радость съ плачемъ симъ совмѣстима; послѣдній есть начало и основаніе первой и можетъ привести насъ къ радости нескончаемой—такой, которой *никто* уже *не возьметъ отъ насъ*«.

»Плачи-же, христіанине«,—заключимъ ученіемъ святителя и чудотворца Тихона,—»плачи, ибо ты живешь въ юдоли плачевной; имѣешь ты и много причинъ, ради которыхъ должно плакать;—плачи, пока время не ушло, пока полезны слезы; плачи, да не во вѣки восплачешися; плачи, да утѣшишися: *блажени бо плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Мѳ. 5, 4; Сокровище духовное, отъ міра собираемое).

Священникъ *Аркадій Левашевъ.*

Троица-Чудца.

Изъ бесѣды съ старообрядцами о принятіи митрополита Амвросія, въ его санѣ, для заведенія вновь австрійскаго священства[1]).

Миссіонеръ. Кто имѣетъ право восполнить *безблагодатную* форму еретической хиротоніи *благодатію св. Духа*,—іерей или архіерей? Въ предисловіи *Номоканона* пп. Іоасафа и Іосифа, на листѣ 666, говорится, что іерей-духовникъ не имѣетъ права разрѣшить въ священно-

[1]) Въ посадѣ Дубовкѣ сарат. епарх. 16 іюля.

дѣйствіи іерея или протодіакона, впадшихъ въ такіе тяжкіе грѣхи, за которые они подлежатъ извержению изъ сана: »яко іереовъ и протодіаконовъ грѣхи, яже извержения томленіе (наказаніе) наводятъ, епископомъ суду подлежатъ, да не дерзнетъ духовникъ разрѣшити ихъ; ико же бо не возможно ему хиротонисати, сице же ни на священства степень паки возвращати«.

Защитникъ [1]). Это мѣсто патріаршаго Номоканона относится къ принятію извергаемыхъ изъ сана, а не приходящихъ отъ ереси. Господинъ Амвросій не былъ извергаемъ, а былъ только съ еретическою хиротоніею; и потому означенное мѣсто Номоканона къ принятію его отъ іерея Іеронима не относится: принятіе его нашимъ обществомъ учинено не безъ основанія и не противозаконно.

Миссіонеръ. Какъ извергаемый изъ сана лишается благодати хиротоніи, такъ и рукоположенный въ ереси не имѣетъ благодати хиротоніи (Никонъ Черног. слово 63, стр. 562; Матв. Влост. сост. 30, гл. 2; св. Кипр. кн. 1, посл. 12; Соборн. лист. 530; Корм., слов. Іоан. митроп.; Апост. Толк. зач. 108, лист. 541); значитъ — тотъ и другой *безблагодатны*. Если-же извергаемаго іерея Номоканонъ запрещаетъ іерею разрѣшать въ священнодѣйствіи; то тѣмъ болѣе онъ не дозволитъ іерею безблагодатнаго архіерея возводить въ благодатную степень архіерейства: такъ какъ власть рукополагать іереевъ и архіереевъ и восполнять благодатію св. Духа еретическую безблагодатную хиротонію, по смыслу Номоканона, принадлежитъ не *іерелмъ*, а однимъ *архіерелмъ*. Теперь: къ вамъ пришолъ митрополитъ Амвросій, по нашему—*нис-*

[1]) Крестьянинъ дер. Кувыки, саратов. уѣзда, нарочито приглашенный дубовскими австріаками—секретарь лжеепископа сарат. Амвросія.

падшій, изверженный XV апост. прав. за самовольное свое удаленіе отъ патріарха и XVI прав. Антіох. собора за самовольное принятіе себѣ паствы, а по вашему—*безблагодатный:* съ одною пустою формою еретическаго рукоположенія; кто-же у васъ могъ или имѣлъ власть, и по нашему и по вашему *безблагодатнаго* устроить *благодатнымъ*, или преподать ему архіерейскую благодать св. Духа?—Іерей Іеронимъ—безъ права хиротоніи, а архіерея у васъ вовсе не было?! Очевидно, *безблагодатный* Амвросій такъ и остался у васъ *безблагодатнымъ*, потому что хотя іерей вашъ Іеронимъ силился чрезъ *миропомазаніе* влить благодать св. Духа въ пустую форму архіерейской Амвросіевой хиротоніи; однако на самомъ дѣлѣ сдѣлать сего не могъ, какъ потому, что не имѣлъ архіерейскаго права, такъ и потому, что мѵропомазаніемъ могло утвердиться одно только еретическое крещеніе, но отнюдь не рукоположеніе: мѵропомазаніе, по словамъ Симеона Солунскаго (кн. I, о св. мѵрѣ), не преподаетъ хиротоніи. Притомъ, іерей Іеронимъ принималъ и разрѣшалъ митрополита Амвросія *безъ воли епископли*, противъ 39 апост. правила, которое священнику, безъ повелѣнія епископа, ничего священническаго дѣлать не дозволяетъ,—особенно-же ни *связывать*, ни *разрѣшать*. У Іеронима не было архіерея,—ну безъ архіерея и не нужно было-бы ему ничего дѣлать. Итакъ если Амвросій поступилъ въ ваще общество *безблагодатнымъ*, то *безблагодатно* онъ и дѣйствовалъ у васъ: *безблагодатно* рукополагалъ, *безблагодатное* завѣлъ для васъ священство, и всѣ вы *безъ благодати*: должны навѣчно погибнуть.

Защитникъ.—По XV прав. 1 и 2 собора митроп. Амвросій имѣлъ право уйдти отъ своего патріарха *за ересь его*. А такъ какъ въ семъ правилѣ не указано, чтобы уходящихъ отъ *ереси* принимали епископы, а ска-

зано только, что таковые уходящіе *чести и пріятія достойни суть;* то и принятіе Амвросія отъ Іеронима не противорѣчитъ сему правилу.

Миссіонеръ.—Будто Амвросій ушелъ отъ своего патріарха *за ересь его*,—такъ вы только думаете, а самъ Амвросій такъ не думалъ о своемъ патріархѣ, и жаловался только на то, что ему не давали мѣста, обходили его (Докум. о Амвр. въ брош. австр. свящ. стр. 212, 213). Что касается до принятія Іеронимомъ Амвросія, то смыслъ XV пр. 1 и 2 собора не допускаетъ этого и несогласенъ съ вашимъ толкованіемъ его, особенно-же если это правило сличить съ правиломъ XIII, XIV и съ началомъ самаго XV. Въ XIII, XIV и въ началѣ XV пр. говорится, что если діаконъ, священникъ, или епископъ, узнавши о тяжкихъ грѣхахъ своего епископа или патріарха, не захотятъ имѣть общенія съ согрѣшившими и удалятся отъ нихъ, безъ вѣдома и суда собора епископовъ; то таковые самовольники соборомъ епископовъ извергаются изъ сана. А если, по XV пр., эти лица отлучатся отъ своихъ старѣйшихъ за ихъ ересь, то хотя-бы ихъ отлученіе было прежде, нежели узналъ-бы о сей ереси и судилъ-бы сію ересь соборъ епископовъ; однако они, отлучавшіеся по такой благословной винѣ, *чести и пріятія достойни*,—но отъ кого? Очевидно,—отъ того-же собора епископовъ, который какъ извергаетъ тѣхъ, кои самовольно отлучаются отъ своихъ старѣйшихъ за ихъ *грѣхи*, такъ и принимаетъ законно отлучающихся отъ своихъ старѣйшихъ за *ересь* ихъ. Этотъ смыслъ XV пр. 1 и 2 собора довольно ясно подтверждается 8 пр. 1 вселенскаго собора и многими другими, гдѣ говорится, что еретики должны приступать съ раскаяніемъ не къ кому другому, а единственно *ко святѣй соборнѣй и апостольской церкви;* а св. соборную и апостольскую

церковь, по ученію *В. Катихизиса* (наст. 120, 121, 118 и 355), составляютъ всѣ содержащіе ученіе христіанской вѣры въ цѣлости и неизмѣнности, управляемые, подъ главенствомъ Спасителя Іисуса Христа, архіерействомъ, іерействомъ и діаконствомъ, и освящаемые седмью таинствами; безъ этихъ, существенныхъ свойствъ, ни какое общество не можетъ быть и называться соборною и апостольскою церковію,—особенно же если оно не имѣетъ архіерейства, безъ котораго, по *Симеону Солунскому*,— ни хиротонія, ни какая жертва, ни даже истинное христіанство. Поповщинское общество около 200 лѣтъ не имѣло архіерея и приняло Амвросія чрезъ бѣглаго, безблагодатнаго попа Іеронима; и какъ безъ архіерея оно не составляло церкви, то Амвросій приступилъ не *къ церкви*, а къ *толпѣ мірянъ*; эта толпа не могла сообщить Амвросію никакой благодати, равно какъ и Амвросій не могъ передать ей ничего благодатнаго.

Но принятіе вашимъ обществомъ Амвросія и потому еще не согласно со смысломъ XV пр. 1 и 2 собора, что Амвросій принятъ у васъ, какъ *еретикъ*; а правило велитъ принимать не еретиковъ бывшихъ, а *правовѣрныхъ*, т. е. такихъ, кои какъ отъ впавшихъ въ тяжкіе грѣхи своихъ старѣйшихъ отлучаются по той причинѣ, что не желаютъ примѣшиваться къ ихъ грѣхамъ, такъ и отъ впавшихъ въ ересь удаляются потому, что не желаютъ принимать участія въ ихъ ереси, желая по прежнему оставаться въ своемъ правовѣріи. По вашему же выходитъ, будто Амвросій раздѣлялъ ересь своего патріарха; правило не то говоритъ.

Защитникъ.—Принятіе въ наше общество господина Амвросія чрезъ *іерея Іеронима* вполнѣ оправдывается примѣрами: іерея *Максима* исповѣдника, присоединившаго патріарха *Пирра* отъ ереси моноѳелитской, іерея

Саввы съ Θеодосіемъ, присоединившихъ патр. Іоанна отъ ереси монофизитской и іерея *Михаила*, присоединявшаго многихъ епископовъ и іереевъ отъ ересп.

Миссіонеръ. Исторія присоединенія означенныхъ лицъ довольно ясно свидѣтельствуетъ, что они не присоединялись *іереями*, а только располагались къ присоединенію; самое же присоединеніе совершалось не іереями, а *архіереями*. О п. Пиррѣ Четьминея, 21 янв. и 14 апр., и исторія Боржія, лѣто 645, описываютъ, что при *прьніи* Максима съ Пирромъ присутствовали *многіе африканскіе епископы*, которые, конечно, и присоединили *по чину* раскаявшагося патріарха, почему въ Четьминеи и сказано: Пирръ *любезно пріятъ бысть отъ церкве* (21 янв.). Затѣмъ, продолжаетъ Четьминея, Пирръ, написавъ свое православное исповѣданіе, явился съ нимъ къ православному папѣ Θеодору, который далъ ему и утвердительную грамоту на цареградскій патріаршій престолъ. Въ Четьминеѣ, 5 декабря, описывается, что Савва съ Θеодосіемъ только убѣдили п. Іоанна оставить ересь, которую онъ, вмѣстѣ съ сими преподобными отцами, проклялъ съ церковнаго амвона; но изъ описанія не видно, чтобы Савва съ Θеодосіемъ при этомъ совершали надъ патріархомъ какой-либо *Чинопріемъ*. Историкъ Баронiй[1]) пишетъ (523 лѣта, на 578 страниц.), что въ это время въ Іерусалимѣ, при обращеніи Іоанна, находились *нѣкіи епископи* православные, о коихъ гражданскіе начальники доносили императору, что ихъ *невозможно изгнати* изъ Іерусалима *безъ кровопролитія*. Сіи-то епископы, конечно, и присоединили патріарха *по чину* къ православію. Объ іереѣ Михаилѣ Баронiй (лѣта 714, 864, число 4) свидѣтельствуетъ, что римскій папа посылалъ его убѣждать

[1]) „*Истинно древняя хр. церковь*“ митр. Григорія, стр. 268, издан. 1875 г. Братств. св. Петра.

архіереевъ и іереевъ, впавшихъ въ ересь, но что раскаявшихся принималъ не онъ уже, а присоединяли *епископы*. Вашъ іерей Іеронимъ, мало того, что самъ дерзнулъ епископа принять, но еще принялъ его *чрезъ мѵропомазаніе*, чѣмъ привелъ Амвросія въ такое состояніе, что нужно было вновь хиротонисать его, а не оставлять съ тою-же хиротоніею, какъ утверждаютъ толковники церковныхъ каноновъ — *Ѳеодоръ Вальсамонъ*, *Захарій Копистенскій* и *Севастъ Арменополь*, и особенно *цареградскій соборъ* въ своемъ *посланіи* къ Мартирію, архіеп. антіохійскому. Такъ.—Ѳ. Вальсамонъ: »Вопросъ 30: аще еретикъ іерей или діаконъ сподобится божественнаго крещенія, или св. мѵромъ *освятится*, будетъ-ли священнодѣйствуя съ первѣйшею хиротоніею? — Отвѣтъ: первѣйшему іерейству скверне непщуему, и яко не бывшу вмѣряему. И сый, нѣкогда скверный іерей сподобится не точію іерейскаго достоинства, но и епископскаго *обычными всяко степенми на учительскую высоту возводимъ*« (Севастъ Арменоп. кн. 5).—*Захарій Копистенскій*: »Перваго Никейскаго собора канонъ осмый повелѣваетъ Наватіонъ,— когда до каѳолической апостольской церкви приступаютъ,— по исповѣди и по мѵрованіи, *посвятити* ихъ, если годны будутъ *на той степень, на которомъ въ ересьхъ пребывающіе были*« (книг. Копист. гл. 40).—*Севастъ Арменополь*:—»Яко тщаливіи людіны хиротонисуются въ оное, еже быша у самыхъ первѣе, аще же презвитери, аще діакони, аще же и поддіакони, аще же псалмочетцы« (Арменоп. кн. 4).—*Цареградскій соборъ*: »Наватіоны,— помазуемъ ихъ первое св. мѵромъ,—и потомъ потщаливіи мірстіи человѣцы поставляются въ санъ, въ немъ же бѣша, или презвитери, или діакони, или ино что« (Кормч. глав. 37, лист. 293).

Защитникъ. Амвросій принятъ нашимъ обществомъ

на основаніи 8 пр. 1 вселенскаго собора, въ *толкованіи* котораго ясно говорится, что хиротонисанные въ еретичествѣ принимаются *чрезъ св. мгро* и остаются въ своихъ санахъ; поэтому вновь хиротонисать митрополита Амвросія не было нужды.

Миссіонеръ.—Да, вы такъ понимаете въ Кормчей *8 правило съ толкованіемъ;* но *Ѳеофилъ Александрійскій* понимаетъ его не по вашему, а такъ, какъ понимаетъ и *Захарій Копистенскій*, т. е.—что если приступающій къ св. церкви съ еретическою хиротоніею помазуется мѵромъ, то таковаго нужно вновь хиротонисать: »Иже отъ ереси глаголемыхъ *чистыхъ*, говоритъ Ѳеоф. Александр. въ 12 правилѣ, обратившеся восхотятъ приступити къ соборнѣй церкви, да *поставляеши* отъ нихъ діаконы, и презвитеры, и епископы, *по повельнію Никейскаго собора*«.

Защитникъ.—Но 9 правило 1 вселен. собора толкуется согласно нашему понятію не одною нашею *Кормчею*, а и греческимъ толковникомъ церков. правилъ, *Алексѣемъ Аристеномъ*, который говоритъ: »Обольщенные Новатомъ и названные имъ *чистыми* должны быть пріемлемы и помазуемы однимъ св. мѵромъ. И если нѣкоторые изъ нихъ суть епископы или хорепископы,—опять остаются въ томъ-же достоинствѣ« (Правил. св. Апостол. и собор. въ русскомъ переводѣ, вып. 1. Москва, стр. 33, толков. 8 прав. 1 всел. соб.). Такъ и поступили у насъ съ господиномъ Амвросіемъ.

Миссіонеръ.—Да вѣдь въ Кормчей-то *толкованіе* 8 прав.—не кого другаго, а все того же Аристена: у него заимствованы сюда толкованія и для прочихъ правилъ; только нѣкоторыя взяты у другаго толковника, *Іоанна Зонары* (*предисловіе* къ прав. апост. и соб. въ русск. перев. издан. Моск. Общ. любит. дух. просв.

1876 г. стр. 4). Но хоть Аристенъ и такъ толкуетъ, что еретическіе клирики, и *по мѵропомазаніи*, остаются въ прежнихъ чинахъ; однако въ самомъ *текстѣ* 8 прав. этого нѣтъ: здѣсь о *мѵропомазаніи* вовсе не упоминается; да и другіе толковники *текста* сего правила, *Іоаннъ Зонара* и *Θеодоръ Вальсамонъ*, тоже нисколько не упоминаютъ *о мѵропомазаніи* принимаемыхъ еретическихъ клириковъ; они говорятъ только, что таковыхъ принимать *съ отреченіемъ отъ ереси* (прав. апост. и собор. въ русск. перев. стр. 32, 34). Что-же значитъ это толкованіе Аристена; повидимому, несогласное ни съ *текстомъ* правила, ни съ другими толковниками сего текста? Не то ли значитъ, что *Аристенъ* говоритъ о такихъ присоединяемыхъ клирикахъ, кои *чрезъ мѵропомазаніе* принимаются, и хотя послѣ остаются въ прежнихъ своихъ степеняхъ, но не иначе, какъ по новомъ рукоположеніи въ сіи степени, какъ думаютъ объ этомъ и Захарій Коннстенскій, Севистъ Арменополя, Θеофилъ Александрійскій и Цареградскій соборъ. А *Зонара* и *Вальсамонъ* разумѣютъ такихъ клириковъ, которые присоединяются къ св. церкви чрезъ *одно отреченіе отъ ереси*, и принимаются въ прежнихъ своихъ санахъ, отъ которыхъ *не обнажались чрезъ мѵропомазаніе*, но которые утверждаются за ними св. церковію. Такимъ образомъ Аристенъ, говоря о другомъ способѣ принятія клириковъ отъ ереси, въ сущности не расходится съ Зонарою и Вальсамономъ. Но нужно замѣтить, что какимъ бы способомъ ни принимались еретическіе клирики, чрезъ мѵропомазаніе-ли, или чрезъ одно отреченіе отъ ереси, по смыслу 8 правила, они, приступая къ св. церкви, принимались не другимъ кѣмъ, какъ только представителями церкви—*епископами*, какъ читаемъ въ переводѣ *книги правилъ* (стр. 30, правило 8, въ русскомъ перев. изд.

Моск. Общ. любит. дух. просвѣщ. 1876 г.): »*благоугодно св. и великому собору, да по возложеніи на нихъ* (еретическихъ клириковъ) *рукъ, пребываютъ они въ клирѣ*«.

Прот. *Андрей Флегматовъ.*

Посадъ Дубовка, сарат. еп.

Русскіе духовные журналы за первую треть 1873 года[1]).

Духовныхъ журналовъ, имѣющихъ въ виду благочестивыхъ начетчиковъ съ ихъ жаждою благоговѣйныхъ размышленій и назидательныхъ нравственныхъ разсказовъ и изреченій столько-же, сколько и журналовъ второй группы, то есть два: »Душеполезное Чтеніе« и »Странникъ«, самыя названія коихъ свидѣтельствуютъ объ ихъ характерѣ. Есть конечно и нѣкоторое различіе въ этомъ ихъ характерѣ: благочестіе »Душеполезнаго Чтенія« есть по преимуществу аскетическое благочестіе и нравственное назиданіе въ немъ не рѣдко приноровлено спеціально къ монашеской жизни; а »Странникъ въ своей морали имѣетъ въ виду именно міръ, въ коемъ каждый христіанинъ есть странникъ. Для насъ-же, въ виду нашей задачи, оба журнала, не смотря на свое различіе, имѣютъ то невыгодное сходство, что одинаково не легко давать отчетъ о содержаніи ихъ статей: соотвѣтственно задачѣ журналовъ, онѣ черезчуръ кратки и даютъ мысли безъ развитія, такъ что передавать послѣднія значило бы почти повторять самыя статьи; наибольшія между ними весьма нерѣдко излагаютъ свой предметъ въ самыхъ общихъ, чуть не элементарныхъ чертахъ и довольно поверхностно, расчитывая на проникающее ихъ благочестивое чувство, а не на силу мысли.

[1]) См. № 34.

Вслѣдствіе этого по необходимости, можно сказать, большую часть ихъ приходится обойти молчаніемъ и коснуться только весьма не многихъ, наиболѣе солидныхъ въ умственно литературномъ отношеніи произведеній, не забывая при этомъ, разумѣется, и степени общеинтересности ихъ.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ возможнымъ выставить на видъ нашихъ читателей въ первомъ изъ указанныхъ журналовъ (т. е. въ »Душеполезномъ Чтеніи) лишь слѣдующія статьи: »Зрѣлища (очеркъ изъ древне-христіанской исторіи)«, А. Лебедева (напечатана въ январской и февральской книжкахъ), »Мудрость зміиная, простота голубиная« прот. В. Нечаева и »Церковь и наука«, Д. Д. Державина (въ январской книжкѣ); »Неприглядныя стороны современнаго прогресса«, Д. Д. Державина (въ февралѣ); »Никольскаго единовѣрческаго монастыря настоятеля игумена Павла путешествіе по Кавказской епархіи въ 1876 и 1877 годахъ«, игумена Павла и »Любовь къ отечеству« переводъ съ сербскаго А. Леонида (въ мартѣ); »Воды св. земли« Н. Е. (въ мартѣ и апрѣлѣ); наконецъ »Три случая изъ исторіи евреевъ, поучительныя для нашего времени« А. С—ва и »Пять поученій по руководству Пролога«, священника Виктора Гурьева (въ апрѣлѣ). Отмѣтимъ, также для тѣхъ, кому нужно объ этомъ вѣдать »Отчетъ по братству св. Петра митрополита за 1877 годъ«, напечатанный въ февральской книжкѣ журнала. Заслуживало-бы серьезнаго вниманія и изслѣдованіе Н. Одинцова: »Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка« еслибы оно цѣликомъ принадлежало обозрѣваемому нами времени; но здѣсь (въ январской именно книжкѣ) помѣщено лишь окончаніе его, весьма незначительное по объему.

Первая изъ перечисленныхъ статей едва-ли и не самая солидная: въ ней дѣйствительно достаточно полно изложены

воззрѣнія св. отцевъ и писателей древней церкви на существовавшія въ римской имперіи общественныя удовольствія: гладіаторскіе бои, театральныя представленія и конскія ристалища, съ обстоятельной характеристикой всѣхъ ихъ со стороны автора. Мы однакожъ находимъ, что авторъ напрасно безъ оговорокъ поставилъ заурядъ съ другими воззрѣніями и взглядъ такого безмѣрно-суроваго моралиста, каковъ былъ Тертулліанъ, котораго именно его суровость сдѣлала отщепенцемъ отъ церкви и еретикомъ. Едва-ли также вполнѣ справедливо будетъ—преценія св. отцевъ противъ современныхъ имъ зрѣлищъ, проникнутыхъ духомъ язычества и разврата, прилагать безъ большихъ оговорокъ къ существующимъ теперь общественнымъ удовольствіямъ, какъ повидимому не прочь сдѣлать авторъ.

Д. Д. Державинъ въ своихъ двухъ статьяхъ ратуетъ ретиво и не безъ ловкости противъ современнаго невѣрія, прикрывающаго свою наготу насильно натянутымъ на себя плащомъ науки. Въ первой онъ доказываетъ, что ради якобы науки вовсе не слѣдъ отказываться отъ вѣры, потому что наука безсильна рѣшить высшіе вопросы о началѣ и цѣли бытія, волнующіе духъ человѣка, безсильна устроить и счастіе человѣка, особенно же народныхъ массъ, играя всегда, по черезчуръ пожалуй рѣзкому выраженію автора, роль возницы у колесницы сильныхъ. Вторая статья перечисляетъ проявляющіеся въ современной жизни просвѣщенныхъ народовъ признаки нравственнаго растлѣнія, источникъ коего—ненасытная жажда наслажденій, происходящая въ свою очередь отъ утраты высшихъ вѣрованій, и рекомендуетъ читателямъ постараться »противопоставить животнымъ стремленіямъ вѣка хорошія привязанности: любовь къ природѣ, любовь—именно любовь—къ просвѣщенію, къ наукѣ, любовь къ общественному благу, любовь къ ближнимъ и наконецъ любовь къ идеалу, къ облагоро-

женію духа«. Въ свою очередь прот. В. Нечаевъ, на основаніи заповѣди Спасителя и примѣра апостола Павла, даетъ совѣтъ вѣрнымъ при встрѣчѣ съ разными лжеучителями и вольнодумцами, не рѣдко прикрывающими свою волчью природу шкурой агнца, уразумѣвать духъ ихъ и отрицаться его, но лицъ не оскорблять и не раздражать, чтобы не возжечь пламень вражды, который пожалуй можетъ принести намъ большое зло безъ малѣйшей пользы для дѣла Христова.

Путешествіе игумена Павла по Кавказской епархіи стóитъ прочитать тому, кому приходится сталкиваться съ старообрядцами, чтобы научиться искуству препирать ихъ. Кромѣ того, показывая ослабленіе фанатизма у старообрядцевъ въ такихъ гнѣздахъ ихъ, каковъ Кавказъ, оно возбуждаетъ радостную надежду на соединеніе ихъ въ будущемъ со святою церковію.

Статья »Любовь къ отечеству« учитъ, что христіанствомъ любовь къ отечеству не только не ослабляется, но и освящается, какъ одна изъ высочайшихъ обязанностей вѣрнаго.

Описаніе »Водъ св. земли« Н. Е. составляетъ небольшую частичку всесторонняго описанія св. земли, много уже лѣтъ печатающагося въ »Душеполезномъ Чтеніи«, черезчуръ микроскопическими, нужно прибавить, дозами. Авторъ ведетъ свое дѣло вообще хорошо, но самый планъ труда едва-ли можно назвать удачнымъ. »Три случая изъ исторіи евреевъ, поучительныя для нашего времени« суть: присужденіе къ смерти Самуиломъ Агаза, царя Амаликитянъ, а Гедеономъ Мадіамскихъ царей Зевея и Салмана съ одной стороны и трусливое потворство синедріона представшему на его судъ съ гордостію и презрѣніемъ Ироду, тогда еще не царю еврейскому. Нравоученіе же, вытекающее отсюда таково: достойно и праведно карать безпощадно такихъ

изверговъ человѣчества, какими оказались, напр., турки въ недавнюю войну; иначе судъ исторіи покаретъ тѣхъ, кто могъ-бы отомстить за поруганную правду, за оскорбленныя права человѣчества, но не сдѣлалъ этого, что̀ именно и случилось съ членами синедріона, казненными впослѣдствіи тѣмъ самымъ Иродомъ, котораго они оставили не наказаннымъ.

Наконецъ, въ »поученіяхъ по руководству Пролога« свящ. Виктора Гурьева обращаетъ на себя вниманіе счастливая мысль подбирать на тѣ или иныя нравственныя правила мѣткіе примѣры изъ жизни святыхъ, заимствованныя изъ Пролога.

Такъ какъ теперь вошло у нашихъ духовныхъ журналовъ въ обычай, чуть не въ моду, изданіе чего-либо какихъ-либо древнихъ церковно-литературныхъ памятниковъ въ русскомъ переводѣ, то и въ »Душеполезномъ Чтеніи« (въ январской и февральской книжкахъ) встрѣчаемъ нѣчто въ этомъ родѣ, а именно: »Службы тріоди, приготовительныя къ великому посту«. Въ переводѣ съ греческаго свящ. М. Боголюбскаго.

Въ »Странникѣ« еще меньше статей, на которыхъ мы считаемъ возможнымъ остановить вниманіе нашихъ читателей,—отчасти впрочемъ потому, что нѣкоторыя изъ наиболѣе серьезныхъ статей журнала принадлежатъ къ области тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ богословскихъ наукъ: таковы напр. патрологическіе очерки М. М. Хитрова: »Св. Іустинъ философъ-мученикъ и его вѣкъ« (въ январской книжкѣ) и »Климентъ и Оригенъ учители Александрійскіе и ихъ вѣкъ« (въ мартѣ). Таковъ также довольно обширный историческій разсказъ Ю. С. Анненкова: »Гусситы въ Россіи въ XV и XVI ст.« (въ январѣ, февралѣ и мартѣ), сообщающій любопытныя свѣдѣнія объ устной и письмен-

ной полемикѣ Іоанна Грознаго съ проповѣдникомъ Чешскихъ братьевъ Яномъ Рокитою.

Столь-же обширный »Очеркъ исторіи восточной церкви со времени взятія Константинополя турками до настоящаго времени«, свящ. Н. Н. Кодратова (въ январѣ, февралѣ и апрѣлѣ) излагаетъ свой предметъ, какъ впрочемъ и слѣдовало ждать по широтѣ его, уже слишкомъ обще и поверхностно, чтобы остановить на немъ серьезное вниманіе. Притомъ въ значительной части своей очеркъ передаетъ въ сокращенномъ только видѣ, тѣ же факты, что и статья Скалабановича, напечатанная въ марто-апрѣльской книжкѣ »Христіанскаго Чтенія«, о которой мы уже говорили. Мы однакожъ отмѣтимъ въ очеркѣ одну историческую истину,—ученымъ разумѣется давнымъ-давно извѣстную, но можетъ быть не всѣмъ изъ нашихъ читателей знакомую,—что въ церковныхъ безпорядкахъ христіанскаго востока подъ турецкимъ владычествомъ и во вмѣшательствѣ магометанскаго турецкаго правительства въ церковныя дѣла христіанъ въ очень значительной степени виноваты сами греки, особенно-же интриги эгоистическихъ искателей духовныхъ мѣстъ и хлѣба.

Но что любопытно, такъ это сообщеніе прот. А. Т. Судаковымъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, о »представленіи страстей Христовыхъ въ Оберъ-Аммергау въ Баваріи« (въ февральской и апрѣльской книжкахъ). Представленіе это издавна дается поселянами Оберъ-Аммергау разъ въ 10 лѣтъ, подъ открытымъ небомъ вызывая большое стеченіе благочестивой и просто любопытной публики, и ведется участвующими съ такимъ благоговѣніемъ и рачительностію, что производитъ потрясающее религіозное впечатлѣніе.

О явленіяхъ современной религіозной жизни запада есть и еще нѣсколько мелкихъ статеекъ и замѣтокъ. Изъ

нихъ мы упомянемъ о двухъ разборахъ (въ январѣ и февралѣ) новаго сочиненія іезуита Ѳ. Гагарина: »L'Eglise russe l'immaculée conception«, усиливающагося доказать, будтобы русская церковь всегда вѣровала въ непорочное зачатіе Божіей Матери, составляющее, какъ извѣстно, новый догматъ католичества. Разумѣется, доказательства подбираются такъ, какъ обыкновенно онѣ подбираются при защитѣ неправыхъ мыслей: то личнымъ мнѣніямъ немногихъ русскихъ церковныхъ учителей (именно нѣкоторыхъ старыхъ кіевскихъ ученыхъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ католичества, напр., Лазаря Барановича) припишется общее значеніе, то изъ церковныхъ величаній Богородицы, въ родѣ: нескверная, чистота и т. п. сдѣлается произвольное заключеніе къ зачатію Божіей Матери и т. д.

Рядъ такихъ же мелкихъ статеекъ имѣется въ »Странникѣ« и о явленіяхъ современной русской церковной жизни, особенно же о новыхъ книгахъ, вышедшихъ у насъ въ свѣтъ. Общирнѣе другихъ: 1) два »Письма изъ Кульджи« прот. М. П. Путинцева (въ январѣ и февралѣ), сообщающія не безъинтересныя свѣдѣнія о религіозномъ состояніи этой новой окраины русскаго царства, въ коей жатва (невѣрующихъ во Христа) многа, а дѣлателей (миссіонеровъ) нѣтъ. 2) »Новый Іерусалимъ молоканства« П. Румянцева (тамже)—село Тяглое Озеро, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, дѣйствительно съ конца прошлаго вѣка, благодаря талантамъ и энергіи расколоучителя крестьянина Ивана Косицына, сдѣлавшееся важнымъ центромъ малоканства. 3) »Троекрещенецъ«, разсказъ Ѳ. Тихвинскаго (въ апрѣлѣ), живо рисующій глубину невѣдѣнія нашего простаго народа о таинствѣ крещенія, наполняемую за то изрядным количествомъ суевѣрныхъ представленій. 4) »О с.-петербургскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ« свящ. Д. А. Приселкова (тамже)—выдержка изъ записки ком-

миссіи по устройству с.-петербургскаго епархіальнаго завода восковыхъ свѣчей.

Изъ этихъ статей выдѣлимъ ради оригинальности формы, необычной въ нашихъ духовныхъ журналахъ (на западѣ же напротивъ появлялись цѣлые духовные романы вызывавшіе нерѣдко оживленное литературное движеніе), повѣсть Братцева подъ заглавіемъ: »Сиротская доля. Очерки изъ жизни сельскаго духовенства« (въ февральской и мартовской книжкахъ). Содержаніе ея понятно—несчастная доля семьи священника, оставшейся вдругъ безъ отца поильца—кормильца и безъ всякихъ средствъ къ жизни. И нужно отдать честь автору, онъ съумѣлъ изобразить ее трогательно и въ выпуклыхъ чертахъ.

А. Р.

Звѣздный міръ.

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Сонмы стройные свѣтилъ...
Лермонтовъ.

Темная ночь... Отдыхая отъ дневныхъ трудовъ, сидишь себѣ гдѣ нибудь на бугрѣ. Уже поздно; пора-бы по домамъ, да какъ-то съ мѣста сдвинуться нехочется. Больно ужъ прекрасна эта чудная ночь... Вдали рѣка, а надъ всѣмъ ландшафтомъ распростертъ роскошный небесный сводъ съ этими дивными звѣздами, наполняющими безграничное пространство вселенной... Такъ и чувствуешь величіе Творца Вседержителя, такъ и хочется въ упоеніи воскликнуть вмѣстѣ съ Гёте:

Единый! Предвѣчный!
Въ вѣкахъ безконечный!
Не Онъ ли въ созданьи хранитъ и Себя?
Кто сводъ сей воздвигнулъ небесный,
На комъ оперлася земля,
Откуда свѣтъ солнца чудесный
Кѣмъ блещетъ ночная звѣзда?

У кого хватитъ силъ изобразить все великолѣпіе звѣзднаго неба? Эта бездна свѣтящихся и мерцающихъ огненныхъ точекъ, таинственно искрящихся на темномъ небосклонѣ, эта бездна свѣта и огней не поддается кисти художника, рисующаго волшебными красками и луну, купающуюся въ рѣчныхъ волнахъ, и ниву, золотимую утренней зарей, и отблескъ горъ въ лучахъ заходящаго солнца. Все это наноситъ художникъ на свой холстъ. Но онъ не въ силахъ изобразить въ тѣсныхъ рамкахъ картины безграничное пространство вселенной.

Когда мы глядимъ на небо, мы смотримъ собственно въ пустое безпредѣльное пространство и этому пространству нѣтъ конца. Если бы человѣкъ отдѣлился отъ земли и летѣлъ бы все впередъ и впередъ, онъ летѣлъ-бы втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій и милліоновъ лѣтъ, не находя конца. Итакъ, небо есть *безпредѣльное пространство*. Въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ разсѣяны звѣзды, которыя суть ничто иное, какъ громадные раскаленные шары, безконечно отъ насъ отдаленныя. Солнце наше есть одинъ изъ такихъ огненныхъ шаровъ, но только наиболѣе близкій къ намъ. О величинѣ солнца и о его разстояніи отъ земли мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія, если будемъ придерживаться тѣхъ незначительныхъ измѣреній, которыя даются намъ на земной поверхности. Величина солнца не можетъ быть сравниваема съ величиною

какого-нибудь предмета, находящагося на земной поверхности. Это громадный шаръ, поперечникъ котораго по точнымъ исчисленіямъ заключаетъ въ себѣ 1.340,700 верстъ. Оно гораздо больше земли, именно въ 1.400,000 разъ. Вещество, изъ котораго состоитъ солнце, мягче земнаго—изъ него можно-бы сдѣлать только 355,000 такихъ шаровъ, какъ наша земля. Если-бы можно было сдѣлать громадные вѣсы и на одну изъ чашекъ этихъ вѣсовъ положить солнце, то на другую чашку потребовалось бы наложить 355,000 такихъ шаровъ, какъ земля, для того, чтобы вѣсы остались въ равновѣсіи. Если-бы какой нибудь путешественникъ захотѣлъ объѣхать кругомъ нашу землю, дѣлая въ день 70 верстъ, то потребовалось-бы полтора года времени для выполненія этого предпріятія; но чтобъ объѣхать кругомъ солнца нужно при тѣхъ же условіяхъ употребить болѣе 160 лѣтъ. Разстояніе солнца отъ земли также громадно: оно равняется 149.000,000 верстъ. Если-бы отъ земли до солнца была устроена желѣзная дорога и мы мчались на локомотивѣ со скоростью курьерскаго поѣзда, то потребовалось-бы 650 лѣтъ, чтобы доѣхать до солнца. То что неудается человѣку,—удается солнечному свѣту, который, двигаясь съ баснословной скоростью 280.000,000 верстъ въ секунду, доходитъ до нашей земли въ 8 м. 16 сек.[1]).

Не смотря на свою значительную величину солнце кажется намъ столь маленькимъ по причинѣ своего значительнаго отъ земли разстоянія. Если-бы солнце отдалялось отъ насъ еще на болѣе значительное разстояніе, то его видимые размѣры постепенно все болѣе и болѣе

---

[1]) Подробному описанію солнца авторъ надѣется въ скоромъ времени посвятить особую статью.

уменьшались, пока наконецъ солнце не превратилось-бы въ одну свѣтящуюся точку—звѣзду. Звѣзды—это тѣ-же *солнца*, но только неизмѣримо отъ насъ отдаленныя. Если мы видимъ очень яркія звѣзды, то должны заключить, что въ пространствѣ вселенной находятся солнца, превосходящія въ тысячи разъ солнце своимъ блескомъ и величиною. Эти звѣзды называются *неподвижными звѣздами*, потому что онѣ не мѣняютъ своего положенія на небосклонѣ. Но это *повидимому* не такъ. Если мы будемъ слѣдить за одною изъ звѣздъ, появившеюся на небосклонѣ, то мы замѣтимъ, что она впродолженіе ночи опишетъ на небѣ дугу и скроется на противуположной сторонѣ небосклона. Что можно сказать относительно одной звѣзды, приложимо и къ другимъ звѣздамъ небеснаго свода.

Дѣйствительно, намъ кажется, что все небо какъ-будто обращается надъ нашей головой, но это обращеніе только кажущееся и происходитъ отъ того, что сама земля обращается вокругъ своей оси. Видимое движеніе небеснаго свода есть обманъ нашихъ чувствъ. Нѣчто подобное испытываемъ мы, когда катаемся по рѣкѣ на лодкѣ. Если мы будемъ пристально смотрѣть на берегъ, то намъ будетъ казаться, что лодка стоитъ, а берегъ убѣгаетъ отъ насъ въ сторону, противуположную движенію лодки. Тоже самое замѣтимъ мы, выглядывая изъ окна вагона, когда движется поѣздъ желѣзной дороги. Деревья, дома, луга *бѣгутъ* отъ насъ.

Этотъ видимый обманъ долгое время принимался людьми за дѣйствительное явленіе и подалъ поводъ къ такъ-называемому *геоцентрическому* ученію, по которому земля стоитъ, а солнце и всѣ свѣтила небесныя движутся вокругъ земли. Это мнѣніе было сильно распространено въ древнемъ мірѣ и только 300 лѣтъ тому назадъ люди пришли къ надлежащему мировоззрѣнію.

Число звѣздъ на небосклонѣ громадно. Простыми глазами ихъ можно насчитать до 4,000 или 5,000. Эти звѣзды расположены опредѣленными группами или *созвѣздіями*. Самое красивое изъ созвѣздій нашего неба—*большая Медвѣдица* [1]), состоящее изъ семи роскошныхъ звѣздъ. Другія собранія звѣздъ или созвѣздія получили такъ-же различныя названія: одно созвѣздіе назвали *Всадникомъ*, другое—*Лебедемъ*, третье—*Рогомъ* и т. д.; но конечно, на самомъ дѣлѣ на небѣ такихъ фигуръ нѣтъ; какъ ни смотри, не найдешь ни рака, ни медвѣдя, ничего подобнаго, и всѣ эти названія для того только и придуманы, чтобы ими облегчить запоминаніе различныхъ созвѣздій. Раздѣленіе звѣздъ на созвѣздія было очень важнымъ дѣломъ въ наукѣ, ибо черезъ это уменьшилась видимая безчисленность звѣздъ и, кромѣ того, она облегчаетъ запоминаніе взаимнаго положенія звѣздъ. Всѣ созвѣздія, какъ уже объяснено выше, *повидимому* обращается вокругъ одной очень яркой звѣзды. Звѣзда эта называется *полярною звѣздою*. Положеніе этой звѣзды весьма важно знать, потому что она можетъ служить руководителемъ въ дорогѣ, указывая постоянно, въ какой сторонѣ сѣверъ.

Кромѣ созвѣздій мы замѣчаемъ на небѣ большія скопленія звѣздъ. Одно изъ такихъ звѣздныхъ скопленій есть

---

[1]) Изъ простаго народа тоже многіе, особенно кому приходится проводить ночи въ полѣ, отличаютъ нѣкоторыя созвѣздія и называютъ ихъ по-своему. Большую Медвѣдицу одни, напримѣръ, называютъ *Журавлемъ*, другіе—*Возомъ* съ дышломъ или *Віемъ* (по малороссійски), и по измѣненію положенія созвѣздія узнаютъ о приближеніи разсвѣта. Отдѣльные звѣзды получили также свои народныя названія, такъ три яркія звѣзды лежащія вправо называютъ *Поясомъ*, *Коромысломъ*, Почтой; вправо отъ коромысла лежатъ четыре звѣзды меньшей яркости, которыя наз. *Грудкою* или *Утинымъ гнѣздомъ*.

млечный путь. Телескопъ открываетъ намъ въ этомъ млечномъ пути, занимающемъ значительную часть небосклона, миріады звѣздъ. Эти звѣзды суть солнца, которыя сливаются въ одну туманную массу по причинѣ страшно далекаго отъ насъ отдаленія, подобно тому, какъ отдѣльныя деревья лѣса перестаютъ быть видимыми, когда мы удаляемся отъ него.

Разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ насъ такъ велико, что съ трудомъ выражается цифрами. Употребительныя на земли протяженія слишкомъ малы для опредѣленія разстоянія неподвижныхъ звѣздъ. Единицею мѣры берется уже не верста, не миля, а разстояніе солнца отъ земли; при семъ говорятъ, что *такая-то* неподвижная звѣзда отстоитъ отъ земли на *столько-то* милліоновъ растояній солнца отъ земли. Голова кружится, когда только подумаешь о столь громадныхъ протяженіяхъ! Чудны дѣла Твои, Господи! Для того, чтобы нѣсколько выяснить эти необъятныя величины, употребимъ нѣсколько наглядныхъ, но тѣмъ неменѣе научно-точныхъ сравненій. Всѣмъ извѣстно, что наибольшая скорость, извѣстная на землѣ, это скорость пушечнаго ядра. Для того, чтобы ядру долетѣть до самой ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды потребовалось бы шестьсотъ тысячъ лѣтъ. Свѣтъ пробѣгающій 280,000 верстъ въ секунду, доходитъ до насъ отъ этой звѣзды въ три года, слѣдовательно онъ пробѣгаетъ около 25,000,000,000,000,000 верстъ.

Изъ того, что свѣтъ отъ ближайшей изъ неподвижныхъ звѣздъ доходитъ до насъ только черезъ три года, а отъ другихъ черезъ болѣе продолжительное время,—ясно вытекаетъ странное повидимому слѣдствіе, что мы видимъ звѣзды на небосклонѣ не въ *настоящемъ* ихъ состояніи, а въ ихъ *прошедшемъ*. Если-бы ближайшая къ намъ не-

подвижная звѣзда перестала существовать, то она все еще продолжала-бы сіять на нашемъ небосклонѣ впродолженіе трехъ лѣтъ. Есть неподвижныя звѣзды, столь отдаленныя, что ихъ свѣтъ неуспѣлъ еще достигнуть до глаза земнаго наблюдателя.

Безграничны міровыя пространства и эта безграничность »повѣдаетъ славу Божію!« Но Творецъ вложилъ въ душу человѣка разумъ, который-бы постигалъ и изучалъ его творенія и, изучивъ, прославлялъ его Всемогущество.

А. К.

Два слова о метрическихъ свидѣтельствахъ [1]).

Всякій согласится, что чѣмъ простѣе дѣло, тѣмъ лучше; чѣмъ машина малосложнѣе, тѣмъ она удобнѣе къ употребленію и пользованію: намъ кажется, что хлопотливое дѣло о метрическихъ выпискахъ можно-бы устроить такимъ образомъ. Церковь уполномочиваетъ священника совершить таинство крещенія во храмѣ-ли или на дому. Чтобъ избѣгнуть затрудненій, какія встрѣчаютъ родители при полученіи метрическаго свидѣтельства, особенно послѣ истеченія нѣкотораго времени послѣ крещенія дѣтей ихъ,— нужно, чтобы актъ о крещеніи немедленно, по совершеніи его, былъ тутъ же написанъ и вслухъ прочтенъ при всѣхъ присутствующихъ, подписанъ, укрѣпленъ печатью и немедленно врученъ, подъ росписку конечно родителей. Чтобы сдѣлать это болѣе удобнымъ, каждая церковь заблаговременно заготовляетъ книги съ печатными бланками, въ которыхъ въ нѣсколько минутъ можно проставить имя, у кого крещенъ младенецъ, кто воспріемники и проч. Тоже самое священникъ вписываетъ на другомъ бланкѣ (со всѣми подписями и печатью), который вырѣзываетъ изъ книги и вручаетъ родителю новокрещеннаго младенца. Вотъ и

[1]) Моск. еп. Вѣд.

все, никакихъ хлопотъ и хожденій, которые многимъ знакомы. Книга остается при храмѣ и на случай утраты выданнаго документа, онъ всегда можетъ быть возобновленъ. При ревизіи книга просматривается благочиннымъ. И кажется при такой обстановкѣ дѣла не будетъ ли лишнимъ затруднять еще и консисторію? Священникъ съ причтомъ и свидѣтелями заслуживаютъ полное довѣріе. Выше сказано, что актъ крещенія читается вслухъ: это необходимо установить для того, чтобъ не было ошибокъ, когда онъ пишется по истеченіи нѣкотораго времени, были случаи ошибокъ въ числахъ, именахъ и проч. Когда же свидѣтельство будетъ прочтено при всѣхъ, то, конечно, ничего подобнаго быть не можетъ. Выдача метрическаго свидѣтельства немедленно послѣ крещенія не будетъ тревожить родителей ходатайствомъ объ немъ, нерѣдко стеченіемъ обстоятельствъ, принужденныхъ съ мѣста своего жительства уѣзжать за многія тысячи верстъ.

Теперь можетъ быть эта статья благоустроеннѣе, но въ былое время случалось, что, по нерадѣнію, вовсе были пропускаемы и не вписывались новорожденные и новокрещенные младенцы, что, какъ извѣстно, много дѣлало непріятностей и хлопотъ родителямъ, особенно при помѣщеніи сыновей въ образовательныя заведенія и поступленіи ихъ на службу.

Прочтеніе вслухъ присутствующихъ документовъ, выдаваемыхъ церковію—о рожденіи, крещеніи, бракѣ и погребеніи, должно быть признано необходимымъ для устраненія всякихъ недоразумѣній и ошибокъ.

Если подобный порядокъ, а онъ простъ и практиченъ, будетъ установленъ, то нѣтъ причины отказать въ нѣкоторомъ вознагражденіи денежномъ за всякое, выдаваемое отъ церкви свидѣтельство.

Ф. Л.

Сочиненія и переводы свящ. А. Ковальницкаго.

1) Материнская любовь у животныхъ. Изд. 2-е. Цѣна 20 к.

2) Послѣдніе дни жизни Пилата, осудившаго Христа на смерть. Изд. 2 е. Цѣна 20 коп.

3) Происходитъ-ли человѣкъ отъ обезьяны? Цѣна 35 коп. *Содержаніе:* 1) Краткій обзоръ теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ; 2) Отличіе человѣка отъ животныхъ по тѣлу; 3) отличіе человѣка отъ животныхъ по душѣ и 4) теорія Негели о происхожденіи видовъ и взглядъ именно ученыхъ естествоиспытателей на религіозное мировоззрѣніе.

4) Теоретическое богословіе евреевъ—талмудистовъ. Ц. 30 к. *Содержаніе*: 1) ученіе о Богѣ; 2) ученіе объ ангелахъ добрыхъ; 3) ученіе объ ангелахъ злыхъ; 4) ученіе о душѣ человѣка; 5) ученіе о раѣ и адѣ; 6) ученіе о Мессіи; 7) ученіе о тайнахъ и 8) ученіе талмудя о талмудѣ.—Замѣчаніе переводчика о вредѣ талмуда для евреевъ же.

5) Нравственное богословіе евреевъ—талмудистовъ. Ц. 25 к. *Содержаніе:* Ученіе талмудистовъ 1) о ближнемъ; 2) о собственности: *а*) господство надъ цѣлымъ міромъ; *b*) обманъ; *с*) найденныя вещи; *д*) лихва; *е*) жизнь; *f*) женщина; 3) о присягѣ; 4) о христіанахъ и 5) о проклятіи у евреевъ.

6) Вѣчный Жидъ (легенда). Цѣна 10 коп.

7) Кѣховы мы были бы безъ Іисуса Христа, съ француз. Ц. 15 ч.

8) Преподобная Марія Египетская, какъ образецъ борьбы самой съ собою. Цѣна 8 коп.

9) Примѣры святости христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Цѣна 20 коп.

10) Примѣры святости христіанъ, бывшихъ врачами. Ц 20 к.

11) Состояніе рода человѣческаго предъ явленіемъ въ міръ Христа Спасителя. Цѣна 30 коп.

12) Слово о современномъ воспитаніи дѣтей матерями. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

13) О постѣ на основаніи вѣры и науки. Слово противъ доказывающихъ, что постановленіе церкви о постахъ уже отжило свое время. Цѣна 6 коп.

14) Причины невѣрія въ наше время. Цѣна 6 коп.

15) О величіи Божіемъ на небѣ. Цѣна 6 коп.

16) Много-ли знаетъ человѣкъ о вселенной. Съ Нѣм. Ц. 35 к.

Выписывающіе сіи книги у автора за пересылку ничего не платятъ.

Съ требованіями можно обращаться: въ Петербургъ—въ магазинъ Попова и въ Синодальную лавку: въ Москву—въ магазинъ Ферапонтова и въ Кіевъ—въ магазинъ Оглоблина и въ магазинъ Іогансона и къ автору по адресу: въ гор. Ломжу, Законоучителю гимназіи *Аполлинарію Ковальницкому.*

Дозволено цензурою. Кіевъ. 1 сентября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. **№ 38.** Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Сентября 17-го.

Содержаніе: Рѣчь, при открытіи сельскаго образцоваго училища.—Объ исповѣди, какъ учрежденіи божественномъ, вопреки неправильному о ней ученію.—По вопросу о мірянахъ—преподавателяхъ закона Божія.—Изъ Палестинскихъ впечатлѣній: Іудея.

РѢЧЬ,

при открытіи сельскаго образцоваго училища [1]).

Почтеннѣйшіе сельчане! Полтора года назадъ вы согласились открыть въ своемъ селѣ образцовое училище вмѣсто кое-какъ существовавшей школы. Вы не пожалѣли денегъ на ежегодный взносъ для училища, дали помѣстительный домъ, согласились отрѣзать десятину земли, не отказались отъ натуральныхъ работъ при ремонтѣ училищнаго дома. Дѣло доброе, начало прекрасное. Министерство утвердило ваше доброе предпріятіе и дало средства на ремонтъ дома и на первоначальное обзаведеніе всѣмъ необходимымъ для училища. Но извѣстно, что каждое доброе предпріятіе почти всегда встрѣчается съ препятствіями. Такъ вышло и въ нашемъ дѣлѣ. Училищный домъ ока-

[1]) Сказан. въ с. Хотиловѣ, Валд. уѣзда.

зался полуразрушеннымъ; чтобы приспособить его для образцоваго училища потребовались средства вдвое больше тѣхъ, какія дало министерство. Что дѣлать? Исправить домъ кое-какъ, не хотѣлось; а отремонтировать хорошо, не было средствъ. Но Богъ благословилъ доброе предпріятіе. Нашлись добрые люди, которые своими заботами, хлопотами и пожертвованіемъ содѣйствовали окончанію начатаго нашего дѣла. Нашего уѣзда предводитель дворянства принялъ на себя немало труда и заботы въ устройствѣ дома и въ изысканіи средствъ, а досточтимый почетный блюститель нашего открывающагося училища съ радушіемъ принялъ на себя окончаніе ремонта училищнаго дома, не жалѣя средствъ и трудовъ своихъ. И вотъ заботами перваго, да усердіемъ и средствами втораго нашъ училищный восьмикомнатный домъ приспособленъ наконецъ для образцоваго училища такъ хорошо, что едва-ли и во всемъ нашемъ уѣздѣ найдется лучшій. Теперь, какъ видите, училищный домъ и всѣ учебныя принадлежности готовы, новы и хороши. Съ благословеніемъ Господнимъ начнемъ же ученіе въ новомъ домѣ съ новыми силами и съ новыми школьными порядками Дай Богъ, чтобы ваши дѣти полюбили науку и чтобы знаніе, пріобрѣтенное ими въ школѣ, осчастливило ихъ въ жизни! Школа есть источникъ добра для человѣка, для общества, для государства. Въ наше время особенно нужно обращать вниманіе на православную русскую школу, желать ей успѣха и ожидать отъ ней счастливаго результата. Въ наше время, не говоря о различныхъ погрѣшностяхъ, свойственныхъ каждому полу, возрасту и званію, непокорство правиламъ святой церкви и неповиновеніе закону и власти стали нерѣдкими явленіями не только въ городахъ, но и въ средѣ простыхъ поселянъ. Послѣ слова Божія и православнаго храма, хорошо организованная школа есть вѣрное

средство обороны противъ этого современнаго врага религіи, престола и отечества. Хорошо организованная школа дастъ молодому поколѣнію направленіе твердое и религіозно-нравственное. Основательное знаніе закона Божія, ясное и правильное понятіе о добрѣ и злѣ, любовь къ первому и отвращеніе къ послѣднему; воспитаніе въ дѣтяхъ искренней любви къ своему отечеству и уваженія къ гражданскому закону и начальству — вотъ цѣль и предметъ занятій съ дѣтьми законоучителя и учителя въ народной русской школѣ. Изъ такой школы выйдетъ добрый христіанинъ, прекрасный семьянинъ, благонамѣренный гражданинъ. Вотъ почему нашъ Государь-Отецъ имѣетъ особенное попеченіе о народныхъ школахъ, о народномъ образованіи. Вы же, почтеннѣйшіе родители, если желаете видѣть въ своихъ дѣтяхъ добрыхъ христіанъ и честныхъ гражданъ, то не отрывайте ихъ отъ школы ради ничтожныхъ хозяйственныхъ расчетовъ. Смотрите на школу, какъ на одну изъ вѣрныхъ дорогъ къ счастію вашимъ дѣтямъ, какъ на разсадникъ добра для себя, для ближнихъ и для всего нашего отечества.

Милыя дѣти! Смотрите, какъ много заботятся о вашемъ образованіи. Для васъ устроенъ такой прекрасный училищный домъ, для васъ пріобрѣтены лучшія учебныя пособія. Учиться въ такой школѣ удобно и весело. Здѣсь съ вами будутъ обходиться кротко; здѣсь васъ будутъ учить уму-разуму, научатъ, какъ нужно жить, чтобы Господу угодить и отечеству съ пользою служить. Только учитесь, не лѣнись, да ходите въ школу неопустительно, а иначе не будетъ успѣха въ дѣлѣ. Помните, что шалуновъ и лѣнивыхъ и Богъ наказетъ. Усердіе же къ наукѣ и скромное поведеніе въ школѣ пріучатъ къ усердному и аккуратному исполненію своихъ обязанностей въ жизни, когда будете взрослыми. Молитесь за своихъ родителей,

учителей и начальниковъ, потому что они заботятся о васъ. Призывая на васъ, дѣти, благословеніе Господа, я молю Его, да откроетъ вамъ смыслъ и память въ ученіи во славу Своего св. Имени, на радость родителямъ, на пользу церкви и отечеству.

Васъ же, досточтимые предводитель дворянства и г. почетный блюститель, позвольте искренно благодарить за то сочувствіе, какимъ вы встрѣтили наше предпріятіе и за то усердіе, съ какимъ вы помогли докончить начатое.

Издержки на школу г. почетнаго блюстителя да послужатъ добрымъ примѣромъ нашимъ сельчанамъ; они сознаютъ, что лучшіе людіе въ православной школѣ видятъ источникъ благосостоянія государства и потому она есть предметъ достойный вниманія всякаго гражданина; они сознаютъ, что издержки на школу не расходъ, а капиталъ, который дастъ такіе проценты, какихъ не могутъ дать денежные банки всего міра.

Свящ. *Алексѣй Рождественскій*

ОБЪ ИСПОВѢДИ, КАКЪ УЧРЕЖДЕНІИ БОЖЕСТВЕННОМЪ, ВОПРЕКИ НЕПРАВИЛЬНОМУ О НЕЙ УЧЕНІЮ. [1]).

Еще рѣшительнѣе свидѣтельства отцовъ и учителей церкви третьяго вѣка Оригенъ, исчисляя средства, чрезъ которыя человѣкъ можетъ получить прощеніе грѣховъ въ христіанствѣ, говоритъ между прочимъ: »есть и седьмое, хотя и трудное и тяжелое, отпущеніе грѣховъ—отпущеніе чрезъ покаяніе, когда грѣшникъ омываетъ ложе свое слезами, когда слезы день и ночь бываютъ для него пищею и когда онъ не стыдится открыть грѣхъ свой священнику Господню и искать врачества«[1]). Онъ же утверждаетъ: »всеконечно

[1]) См. № 33.

[2]) Origen. Homil. II, in Levit.

должно открывать и объявлять все, сдѣланное нами; ибо втайнѣ ли что мы дѣлаемъ, словомъ ли однимъ или даже втайнѣ помышленій что совершаемъ, все это необходимо откроетъ, все обнаружитъ тотъ, кто обвиняетъ насъ во грѣхѣ и подстрекаетъ къ нему; ибо онъ и подстрѣкаетъ насъ ко грѣху, и самъ же обвиняетъ, когда согрѣшимъ. Посему, если при жизни предваримъ его и сами сдѣлаемся обвинителями себя, то избѣжимъ бездѣльничества діавола, врага и обвинителя нашего. Пророкъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Исх. 43, 26)... Итакъ объявленіе грѣха заслуживаетъ прощеніе грѣха«[1]). И еще: »смотри, какъ божественное писаніе поучаетъ насъ, что не должно таить грѣха внутри. Какъ имѣющіе не сваренную пищу или обремененный мокротами желудокъ, когда сблюютъ, получаютъ облегченіе; такъ и согрѣшившіе, когда скрываютъ и удерживаютъ въ себѣ грѣхъ, чувствуютъ внутреннюю тягость и почти задыхаются отъ флегмы или мокроты грѣховной, но когда кто самъ себя обвиняетъ и исповѣдуется, то вмѣстѣ извергаетъ грѣхъ и уничтожаетъ всю причину немощи. Только будь осмотрительнѣе, кому исповѣдать тебѣ грѣхъ свой! Сыщи прежде врача, которому бы открыть причину немощи и который умѣлъ бы немоществовать съ немощнымъ, плакать съ плачущимъ, соболѣзновать и сострадать съ нимъ, и что онъ скажетъ и присовѣтуетъ, то дѣлай и исполняй. Если онъ найдетъ и предусмотритъ, что немощь твоя такова, что её должно показать и излечить въ собраніи всей церкви и что это можетъ послужить и въ назиданіе другихъ и къ уврачеванію тебя самого; то должно воспользоваться столь обдуманнымъ и искуснымъ совѣтомъ такого врача«[2]). Всѣ эти разсужденія Оригена,—его увѣщанія, совѣты и т. д. со-

[1]) Ovig. ibid. [2]) Homil. 2, in Ps. 37.

вершенно непонятны, если не предположить, что устная исповѣдь существовала, какъ и теперь, въ древней церкви христіанской, и была обычною и общеупотребительною. Всѣ грѣхи—тайные и явные, грѣхи дѣломъ и мыслію равномѣрно составляли предметъ исповѣданія предъ пресвитеромъ церкви.

Столь-же важное свидѣтельство о дѣйствительномъ существованіи устной исповѣди въ древней церкви представляетъ и Кипріанъ. Въ своемъ сочиненіи »о падшихъ« [1]). онъ восхваляетъ поведеніе тѣхъ христіанъ, которые по страху и боязни, во время тогдашнихъ гоненій, осквернили себя только мыслію объ участіи въ языческихъ жертвоприношеніяхъ и не смотря на этотъ только незначительный проступокъ, этотъ только мысленный грѣхъ, смиренно исповѣдывались предъ пресвитеромъ. Здѣсь Кипріанъ очень ясно говоритъ объ исповѣданіи грѣховъ именно въ таинствѣ покаянія. О публичной исповѣди предъ церковію для примиренія только съ нею здѣсь положительно нѣтъ и помину. Публичнаго покаянія церковная практика требовала, обыкновенно, только для уничтоженія произведеннаго соблазна, за тяжкіе, публично совершенныя преступленія, особенно за дѣйствительное отпаденіе отъ вѣры, за прелюбодѣяніе, смертоубійство; но въ приведенномъ мѣстѣ св. Кипріана идетъ рѣчь только о незначительныхъ, въ сердцѣ содѣянныхъ грѣхахъ, и слѣд. подъ исповѣданіемъ здѣсь Кипріанъ разумѣетъ тайное исповѣданіе предъ пресвитеромъ, какъ необходимое условіе божественнаго прощенія.

Очень много, наконецъ, свидѣтельствъ и изъ 4 и 5 вв. Такъ, св. Василій ясно учитъ о необходимости исповѣданія, когда говоритъ [2]): »нужно исповѣдывать свои грѣхи

[1]) De caps. n. 20. [2]) Quaest 288.

тѣмъ, которымъ ввѣрено храненіе тайнъ«. Точно также онъ ясно указываетъ на необходимость исповѣданія грѣховъ и именно тайныхъ и въ другомъ мѣстѣ[1]). Григорій нисскій убѣждаетъ ввѣрять себя священникамъ и называетъ ихъ духовными отцами: »имѣй болѣе довѣрія, говоритъ онъ, тому, кто родилъ тебя для Бога, нежели тѣмъ, которые дали тебѣ жизнь тѣлесную; открой безъ страха этому отцу все, даже самое сокровенное, раскрой ему всю глубину твоего сердца, подобно какъ лекарю показываютъ тайныя раны тѣла, и онъ исцѣлитъ тебя... Ты, душа котораго больна, почему не спѣшишь ко врачу? Почему ты чрезъ исповѣдь не показываешь ему своей болѣзни?«— Амвросій въ своихъ рѣчахъ[2]) выражается такъ: »смотри, теперь есть время, когда вы должны исповѣдать грѣхи свои Богу и священнику; исповѣдь освобождаетъ отъ смерти и открываетъ рай«.—И св. Златоустъ, православіе котораго относительно этого пункта вѣроученія нерѣдко хотѣли заподозрить, точно также представляетъ весьма важное свидѣтельство. Такъ онъ говоритъ[3]), что врачевство покаянія состоитъ изъ сознанія своихъ грѣховъ и исповѣданія ихъ, которое надлежитъ совершать такъ, какъ должно исповѣдывать ихъ, для котораго нужно искренне обращаться съ священниками и которое тогда только доведетъ до исцѣленія ихъ, когда содѣлавшій ихъ не будетъ говорить только: »я грѣшенъ«, но будетъ представлять себѣ грѣхи свои порознь и припоминать: »въ томъ-то и въ томъ-то я согрѣшилъ и исповѣдываться въ нихъ съ дерзновеніемъ, боясь, какъ должно, Бога, Который и нынѣ видитъ дѣла наши и въ будущемъ вѣкѣ накажетъ непокаявшихся, но не трепеща предъ тѣми, которые не могутъ сдѣлать намъ никакого вреда и не боясь

[1]) Homil. in Psalm. 32. [2]) Sermo fer. 2, pent. pr. Dom. quadr. [3]) Homil. II de craces,

отъ нихъ безчестія«. Что здѣсь должно разумѣть не исповѣданіе только предъ Богомъ, а исповѣданіе предъ священникомъ, это ясно слѣдуетъ изъ всего этого мѣста. Златоустъ со всею точностію различаетъ раскаяніе и исповѣданіе; но исповѣданіе предъ Богомъ непосредственно и необходимо уже заключается въ раскаяніи и отъ него совсѣмъ неотдѣлимо, а потому подъ исповѣданіемъ въ приведенномъ мѣстѣ св. отецъ, очевидно, разумѣетъ исповѣдь предъ священникомъ, т. е. въ таинствѣ покаянія. Но со всею ясностію это слѣдуетъ изъ другихъ его мѣстъ. напр. изъ мѣста въ его сочиненіи de sacerdotio, гдѣ онъ священнику вмѣняетъ въ обязанность тщательно испытывать кающагося: »попечителю о душѣ, говоритъ онъ[1]), необходима великая мудрость; онъ долженъ имѣть тысячу глазъ, чтобы со всѣхъ сторонъ познать состояніе сердца... Только послѣ того, какъ все онъ со тщаніемъ и прилѣжаніемъ изслѣдовалъ, долженъ соотвѣтственнымъ образомъ примѣнить и спасительное средство, чтобы не былъ потерянъ весь трудъ его«. Такимъ образомъ св. Златоустъ, значитъ, признаетъ таинственное исповѣданіе грѣховъ и считаетъ его условіемъ примиренія съ Богомъ.

Съ приведенными столь ясными и опредѣленными свидѣтельствами с. Златоуста стоятъ, по видимому, въ прямомъ противорѣчіи другія его мѣста, гдѣ онъ совершенно отвергаетъ исповѣданіе грѣховъ предъ людьми и признаетъ достаточною исповѣдь только предъ Богомъ. Эти противорѣчивыя свидѣтельства очевидно требуютъ примиренія ихъ, и такое примиреніе для безпристрастнаго мышленія представляется вполнѣ легкимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ встрѣчаются въ рѣчахъ, обращенныхъ къ оглашеннымъ; эти послѣдніе нуждались въ полученіи благодати крещенія.

[1]) Lib. II. Cap. 5.

Но условіемъ для полученія крещенія было и есть, кромѣ вѣры во Христа, внутреннее сокрушеніе, внутреее раскаяніе въ своихъ дѣйствительно содѣянныхъ грѣхахъ, а не исповѣданіе грѣховъ; поэтому Златоустъ, въ своихъ рѣчахъ къ оглашеннымъ, совершенно справедливо указываетъ только на покаянное самообличеніе предъ Богомъ; но само собой понятно, что этимъ онъ не исключаетъ исповѣданія содѣланныхъ послѣ крещенія грѣховъ и не отрицаетъ его необходимости для крещенныхъ грѣшниковъ[1]). Въ другомъ мѣстѣ св. отецъ говоритъ только о заглажденіи ежедневныхъ, незначительныхъ простунковъ, которые не отрѣшаютъ сердца отъ Бога, и учитъ, что прощеніе такихъ грѣховъ получается даже только чрезъ сокрушенное самообличеніе предъ Богомъ, чрезъ страданіе еще присущей грѣшнику любви, чрезъ посты и молитвы и т. д. Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ[2]) Златоустъ порицаетъ только публичную исповѣдь, публичное, предъ цѣлымъ собраніемъ вѣрующихъ произносимое, исповѣданіе грѣховъ, какъ подающее нерѣдко поводъ къ великимъ соблазнамъ, и противопоставляетъ этой публичной исповѣди тайную,—тайное самообличеніе предъ Богомъ, равно какъ столь-же тайное и предъ пресвитеромъ, какъ служителемъ Божіимъ, обязаннымъ къ абсолютному молчанію. Публичная исповѣдь предъ цѣлымъ собраніемъ вѣрующихъ, какую мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ первые вѣка церкви Христовой, относилась преимущественно къ публично совершеннымъ и извѣстиымъ уже въ церкви грѣхамъ, и церковь требовала ея для того только, чтобы уничтожить произведенный соблазнъ и наказать грѣшника тяжкимъ исповѣданіемъ, а также и для того, чтобы про-

[1]) Homil. 21, ad Pop. Antioch. [2]) Homil. 31, in Epist. ad Heb.

будить покаянный духъ во всей церкви и призвать къ искреннему участію.—Относительно этой древне-церковной, публичной исповѣди нужно замѣтить, что, въ небольшихъ первоначальныхъ, христіанскихъ обществахъ, жизнь которыхъ была еще такъ фамиліарна, что всѣ взаимно могли знать другъ друга и наблюдать другъ за другомъ, она дѣйствительно имѣла большое нравственное значеніе; но нельзя не замѣтить однако, что съ такимъ публичнымъ исповѣданіемъ грѣховъ соединялось много тяжкаго и мучительнаго, много такого, что́ въ большихъ обществахъ, особенно такихъ, которыя не стояли на высотѣ христіанской жизни, могло приводить къ соблазнамъ. Вредныя слѣдствія такой исповѣди, дѣйствительно, уже очень рано обнаружились въ церкви. Еще Нектарій, предшественникъ Златоуста, на каѳедрѣ константинопольской, вынужденъ былъ отмѣнить эту общественную исповѣдь въ своей области и, по свидѣтельству Сократа[1]), побужденъ былъ къ тому въ особенности великимъ соблазномъ, произведеннымъ во всемъ Константинополѣ, публичнымъ исповѣданіемъ одной благородной дамы, что она согрѣшила съ діакономъ церкви.

Это отмѣненіе публичной исповѣди реформаторы признали за отмѣну вообще устной исповѣди и заключили, что она не божественное, а только церковное учрежденіе. Но такое заключеніе мы считаемъ несправедливымъ; отмѣнена только публичная исповѣдь, а тайная осталась во всей своей цѣлости и неприкосновенности. Эту-то именно публичную исповѣдь и имѣетъ въ виду Златоустъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ твореній порицаетъ и отвергаетъ устную исповѣдь предъ людьми и вопреки ей признаетъ только самопризнаніе, раскаяніе предъ Богомъ.

---

[1]) Hist. eccles. V, 16; ср. Sozom. Hist. eccl. VII, 16.

Такъ напр., онъ говоритъ[1]): »я убѣждаю васъ, братья, исповѣдайте чаще Богу и другъ другу грѣхи ваши. Я не веду тебя на зрѣлище твоихъ сослуживцевъ, я непринуждаю тебя раскрыть грѣхи твои предъ людьми. Раскрой твою совѣсть предъ Богомъ, Ему покажи твои раны, у Него выпрашивай спасительныя средства, чтобы ты былъ выше того невыносимаго раскрытія«. Подобнымъ образомъ онъ разсуждаетъ въ другомъ мѣстѣ[2]): »почему ты стыдишься и краснѣешь раскрыть твои грѣхи? Ты открываешь ихъ не человѣку, чтобы онъ дѣлалъ тебѣ упреки, ты исповѣдаешь даже и не сослуживцу, чтобы онъ разносилъ ихъ между людьми, — нѣтъ, Тому, Кто есть Господь, Кто заботится о тебѣ, Человѣколюбцу, Врачу показываешь ты раны свои. Я не принуждаю тебя выступать на публичное зрѣлище и многихъ дѣлать свидѣтелями. Мнѣ одному открой грѣхи твои втайнѣ, чтобы я исцѣлялъ твои раны и освободилъ отъ страданія«. Уже изъ этихъ мѣстъ со всею ясностію слѣдуетъ, что здѣсь подъ исповѣданіемъ предъ людьми Златоустъ исключительно разумѣлъ публичное исповѣданіе предъ цѣлымъ собраніемъ вѣрующихъ, а не тайную исповѣдь предъ священникомъ. Необходимость частной исповѣди онъ подтвердилъ со всею рѣшительностію, какъ въ приведенныхъ уже, такъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ твореній. Поэтому, если въ сейчасъ приведенныхъ свидѣтельствахъ онъ разсуждаетъ только объ исповѣди предъ Богомъ, то, въ этомъ случаѣ, онъ только соединяетъ и отождествляетъ исповѣдь предъ Богомъ съ тайною исповѣдью предъ пресвитеромъ, который обязывается къ безусловному молчанію; исповѣдь предъ пресвитеромъ есть, у Златоуста, по справедливости испо-

[1]) Homil. 30. [2]) Homil. 58.

вѣдь предъ Богомъ, какъ это именно мы стараемся внушать и нашимъ юношамъ и вообще христіанамъ для побѣжденія ими чувства стыда.

Подобнымъ же образомъ примиряются и нѣкоторыя мѣста твореній Амвросія и Августина, гдѣ они также, повидимому, отрицаютъ устную исповѣдь предъ священникомъ. Такія мѣста несомнѣнно принадлежатъ имъ; но они вовсе не исключаютъ исповѣди предъ священникомъ, напротивъ признаютъ ея необходимость. Такъ Августинъ говоритъ напр.[1]): »вы печальны предъ исповѣдью, а послѣ радуетесь, ибо становитесь здравы. Ядъ накопился въ вашей совѣсти и мучилъ васъ. Врачь полагаетъ на него бальзамъ слова, а иногда и цѣлительный огонь, и вы познаете его благодатную руку... Исповѣдайтесь, и ваша исповѣдь изгонитъ изъ вашей совѣсти всякую нечистоту«. И еще[2]): »покайтесь, какъ это обычно въ церкви, чтобы церковь молилась за васъ. Никто не говори: я втайнѣ приношу покаяніе предъ Богомъ; Богъ знаетъ мое покаяніе и проститъ мнѣ грѣхи. Говорить такъ—не значитъ-ли попирать Евангеліе, уничтожать слова Христа, сказавшаго: *елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси.*

Столь-же опредѣленно говоритъ объ устной исповѣди въ седьмомъ вѣкѣ Григорій великій. »Ученики Христовы, говоритъ онъ[3]), получили преимущество небесныхъ судей и, заступая мѣсто Бога, одному удерживали, а другому отпущали грѣхи. Епископы послѣдовали имъ въ церкви. Велика честь, но и тяжело бремя, соединенное съ нею!

[1]) In Psalm. 66. [2]) Sermo 392. [3]) Homil. 26 in. c. 20 Ioh.

Нужно взвѣсить и обсудить, каковы грѣхи и каково покаяніе, дабы пастырское разрѣшеніе подаваемо было только достойнымъ, только тѣмъ, которыхъ всемогущій Богъ посѣщаетъ благодатію сокрушенія. Ибо разрѣшеніе внѣшняго судіи бываетъ истиннымъ тогда, когда согласуется съ мыслію внутренняго судіи«. Дальше св. отецъ сравниваетъ грѣшника съ Лазаремъ во гробѣ и возстаніе грѣшника уподобляетъ возстанію четверодневаго мертвеца[1]). »Всякій грѣшникъ какъ-бы погребенъ, пока скрываетъ свою виновность внутри совѣсти, кроется въ своихъ потаенныхъ мѣстахъ. Но мертвый выходитъ вонъ, когда грѣшникъ добровольно исповѣдуетъ грѣхи свои. Итакъ Лазарю говорится: *гряди вонъ*. Это какъ-бы говорится и всѣмъ тѣмъ, которые мертвы грѣхомъ. Итакъ, для чего-жъ ты скрываешь вину свою въ глубинѣ твоей совѣсти! Выходи уже вонъ чрезъ исповѣданіе,—ты, который чрезъ запирательство скрываешься внутри себя. Итакъ гряди вонъ мертвый, т. е. грѣшникъ, исповѣдуй виновность свою«. Наконецъ, св. Григорій ясно и опредѣленно внушаетъ пастырямъ церкви съ осторожностію относиться къ кающимся грѣшникамъ и съ великою разборчивостію пользоваться данною имъ властію вязать и рѣшить. »Пастырь долженъ страшиться какъ разрѣшать, такъ и вязать безъ разбора«[2]).

Послѣ столь яснаго и опредѣленнаго ученія свящ. Писанія и св. отцовъ церкви объ устной исповѣди, какъ существенной части таинства покаянія, какъ учрежденіи божественномъ, мы считаемъ излишнимъ подробно останавливаться на тѣхъ возраженіяхъ, какія обыкновенно, дѣлаются противъ нея. Таковы напр., есть возраженія.

---

[1]) Гр. Дв. Бес. на еванг. 26. [2]) Тамъ-же.

»Первое примиреніе, говорятъ, осуществляющееся въ таинствѣ крещенія для взрослаго крещаемаго не соединено съ спеціальнымъ исповѣданіемъ грѣховъ, а потому тоже нужно признать и о примиреніи, возсоединеніи уже крещеннаго грѣшника«. Но при этомъ возраженіи забываютъ, что крещаемый грѣшникъ и крещенный, какъ мы показали въ своемъ мѣстѣ, стоятъ въ различныхъ условіяхъ и отношеніяхъ къ церкви, и божественная любовь и мудрость совершенно справедливо сдѣлала труднѣе и тяжелѣе новое примиреніе съ Богомъ для крещеннаго уже грѣшника, поправшаго благодать крещенія и оскорбившаго христіанское сокровище.—Столь же ничтожно и другое возраженіе. »Въ ветхомъ завѣтѣ, говорятъ, не требовалось никакого спеціальнаго исповѣданія грѣховъ, но вѣдь нельзя сказать, чтобы ветхій завѣтъ имѣлъ въ этомъ отношеніи преимущество предъ новымъ«.—Правда, въ ветхомъ завѣтѣ, требовалось раскаяніе только предъ Богомъ; но каявшійся ветхозавѣтный грѣшникъ и не получалъ тѣхъ спасительныхъ плодовъ, какіе приноситъ покаяніе въ христіанствѣ.

Итакъ, несправедливо то мнѣніе, по которому будтобы устная исповѣдь есть только учрежденіе церковное, обременительное и мучительное для совѣсти, или, что еще хуже, учрежденіе честолюбія и корыстолюбія; она, какъ видно изъ св. писанія, необходимо предполагалась въ мысли І. Христа, давшаго власть апостоламъ и ихъ пріемникамъ *вязать и рышить*; въ противномъ случаѣ, власть эта должна бы остаться неприложимою, если только непроизвольно должны пользоваться ею пастыри церкви.

И. Б.

По вопросу о мірянахъ—преподавателяхъ закона Божія.

По закону имѣютъ право, съ утвержденія епархіальнаго начальства, преподавать законъ Божій въ начальныхъ народныхъ училищахъ, прежде всего, мѣстные приходскіе священники[1]). Они при самомъ рукоположеніи въ санъ священства получаютъ право и власть учить закону Божію своихъ прихожанъ, въ томъ числѣ и дѣтей всякаго возраста.

Затѣмъ, кромѣ священниковъ, могутъ преподавать законъ Божій въ начальныхъ народныхъ училищахъ мѣстные приходскіе діаконы[2]). Необходимость поручать преподаваніе закона Божія въ начальныхъ училищахъ діаконамъ зависитъ отъ многихъ причинъ. Во многихъ приходахъ находится по два, по три и болѣе училищъ; одному священнику невозможно быть преподавателемъ во всѣхъ этихъ училищахъ. Не всѣ священники вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ, какія долженъ выполнить законоучитель народнаго училища, какъ наставникъ и воспитатель дѣтей. Для нѣкоторыхъ пожилыхъ и старыхъ священниковъ и притомъ незнакомыхъ съ методами преподаванія законоучительство въ народныхъ школахъ можетъ быть тягостнымъ, а другіе священники хотя молоды и знакомы съ методами преподаванія, но не имѣютъ способности выражать свои мысли понятно для дѣтей. Кромѣ того, не всякій священникъ можетъ удобно совмѣщать обязанности преподавателя закона Божія въ училищѣ съ занятіями по церкви и приходу. Притомъ многіе священники занимаютъ

---

[1]) Положеніе о начальныхъ народ. училищахъ, ст. 16.

[2]) Указъ Св. Син. отъ 4 мая 1871 года, № 28.

разныя должности по епархіальному и другимъ вѣдомствамъ; они могли-бы съ успѣхомъ преподавать законъ Божій въ училищахъ, но не имѣютъ для этого времени. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ преподаваніе закона Божія въ народныхъ училищахъ поручается діаконамъ, если они изъ окончившихъ курсъ семинарскаго образованія, или изъ неокончившихъ, но признанныхъ епархіальнымъ начальствомъ достаточно свѣдущими въ законѣ Божіемъ и способными къ преподаванію его.

Кромѣ священниковъ и діаконовъ, могутъ преподавать законъ Божій въ народныхъ школахъ не имѣющія священнаго сана лица изъ окончившихъ полный курсъ духовныхъ семинарій. По указу св. Синода[1]) такія лица могутъ быть допускаемы къ преподаванію закона Божія въ свѣтскихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ частныхъ, такъ и казенныхъ только тогда, когда они признаны будутъ епархіальнымъ архіереемъ вполнѣ способными и благонадежными къ занятію законоучительской должности. При такомъ ручательствѣ епархіальнаго архіерея не предстоитъ надобности подвергать такихъ лицъ предварительному испытанію посредствомъ пробныхъ уроковъ, но на епархіальномъ начальствѣ, согласно существующимъ постановленіямъ, лежитъ обязанность имѣть за преподаваніемъ этихъ законоучителей неослабное наблюденіе чрезъ благочинныхъ, или особо назначаемыхъ для того лицъ. Изъ этого видно, что въ тѣхъ приходахъ, гдѣ мѣстнымъ священникамъ и діаконамъ, по какимъ-либо причинамъ, нельзя поручить преподаваніе закона Божія въ начальныхъ народныхъ школахъ, могутъ быть

---

[1]) Тотъ же Ук. Св. Син. отъ 4 мая 1871 г. № 28.

законоучителями въ нихъ псаломщики изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, а также учители начальныхъ училищъ, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, и не состоящіе на должности учителей воспитанники, получившіе полное семинарское образованіе.

Въ указѣ св. Синода ничего не говорится объ окончившихъ курсъ воспитанникахъ духовныхъ академій. Но понятно само собою, что эти лица, какъ имѣющія высшее богословское образованіе, не могутъ быть лишены правъ, предоставленныхъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій. Въ настоящее время магистры и кандидаты духовныхъ академій, не имѣющіе священнаго сана, преподаютъ богословскія науки въ духовныхъ семинаріяхъ, академіяхъ и университетахъ; поэтому нѣтъ основаній лишать ихъ права на преподаваніе закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Что-же касается лицъ, увольняемыхъ изъ духовныхъ академій, то между ними могутъ быть воспитанники духовныхъ семинарій, поступившіе въ академію съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, и воспитанники духовныхъ семинарій, а также и другія лица, не слушавшія до поступленія въ академію полнаго курса богословскихъ наукъ. Первые, на ряду съ окончившими курсъ воспитанниками духовныхъ семинарій, безпрепятственно могутъ быть опредѣляемы на должности законоучителей народныхъ училищъ, а вторые могутъ быть опредѣляемы по усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ[1]).

[1]) »О преподаваніи закона Божія въ нач. нар. учил.« Сем. Ширскаго, Кострома, 1876 г.

Но такъ какъ народныя школы съ каждымъ годомъ постоянно увеличиваются, то въ лицахъ, имѣющихъ по закону право преподавать законъ Божій, сталъ ощущаться большой недостатокъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые архипастыри на мірянъ-учителей, не принадлежащихъ къ клиру и духовному сословію, выходящихъ напр. изъ учительскихъ семинарій, стали смотрѣть какъ на достойныхъ вѣроучителей. Говоря это, мы имѣемъ въ виду рѣчь высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа казанскаго, сказанную воспитанникамъ казанской инородческой семинаріи. Когда былъ выпускъ воспитанниковъ этой семинаріи и производился, 19 мая 1876 года, экзаменъ по закону Божію[1]), на которомъ присутствовалъ высокопреосвященный Антоній, то при этомъ высокопреосвященный сказалъ оканчившимъ курсъ воспитанникамъ нѣсколько замѣчательныхъ словъ, полныхъ теплоты сердечной и задушевности. Утѣшенный религіознымъ развитіемъ учениковъ, высокопреосвященный Антоній, по окончаніи экзамена, сказалъ имъ между прочимъ, слѣдующее: видно, что вы многому здѣсь научились. Идите и научите народъ, находящійся во тьмѣ невѣденія, всему тому, чему научились вы здѣсь сами, и постарайтесь научить такъ, какъ научили здѣсь васъ. »Не всѣмъ изъ васъ, какъ инородцамъ, приведется быть учителями закона Божія, но *вы не считайте себя не обязанными преподавать и законъ Божій, особенно священную исторію.* Не говорите, какъ говорятъ нѣкоторые: »законъ Божій—это не наше дѣло, на это есть законоучитель«. Нѣтъ, и *вы должны учить вѣрѣ и доброй христіанской жизни и никогда не должны*

[1]) Въ этой семинаріи большая часть оканчивающихъ курсъ были инородцы: татары, чуваши, черемисы, мордва, которые отвѣчали на экзаменѣ по закону Божію чисто русскимъ языкомъ осмысленно, послѣдовательно и складно.

отказываться отъ этаго добраго дѣла. Живите со священниками мирно, работайте съ ними совокупно, дружно. Вы прекрасно поете, *учите мальчиковъ пѣнію церковному*«. Высокопреосвященный Антоній, въ знакъ правоспособности воспитанниковъ учительской семинаріи къ преподаванію закона Божія, надѣлилъ окончившихъ курсъ экземплярами книгъ пр. Ев. П.: Уроки по закону Божію«[1]).

Въ такомъ же смыслѣ вопросъ о мірянахъ-преподавателяхъ закона Божія былъ рѣшенъ, въ прошломъ 1877 году, съѣздомъ законоучителей С.-Петербурга и С.-Петербургскаго уѣзда происходившимъ подъ предсѣдательствомъ петербургскаго викарія, преосвященнаго Гермогена. Въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«[2]) передавалось кратко постановленіе петербургскаго съѣзда законоучителей по этому предмету. Но имѣя въ виду, что вопросъ о правахъ на законоучительство имѣетъ въ настоящее время особенный интересъ, мы считаемъ необходимымъ, на основаніи газетныхъ извѣстій[3]), болѣе подробно познакомить нашихъ читателей съ тѣми засѣданіями съѣзда, петербургскихъ законоучителей, на которыхъ этотъ вопросъ рѣшенъ уже очень широко.

На петербургскомъ съѣздѣ законоучителей присутствовали, кромѣ духовныхъ лицъ, и лица свѣтскія, заинтересованныя дѣломъ народнаго образованія. При нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ преподаванію закона Божія, съѣздъ главнымъ образомъ занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, могутъ-ли, за недостаткомъ законоучителей изъ духовныхъ лицъ, быть допущены къ преподаванію закона Божія въ народныхъ школахъ міряне—учители, окончившіе

[1]) »Церковный Вѣстникъ« № 24-й 1876 г.

[2]) № 19-й 1878 г.

[3]) »Церковно-Общ. Вѣстникъ« №№ 14, 22 и 50-й 1877 г.

курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ? Такъ какъ этотъ вопросъ о законоучителяхъ мірянахъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, былъ для съѣзда новостію, то произошелъ продолжительный обмѣнъ мыслей по этому предмету. Преосвященный Гермогенъ, для болѣе обстоятельнаго разрѣшенія этого вопроса, между прочимъ, говорилъ, что воспитанники учительскихъ семинарій не пріобрѣли еще полнаго довѣрія, нужнаго для преподаванія закона Божія, и съ этой стороны необходима прочная гарантія относительно умственной и нравственной зрѣлости. Кромѣ того, его личныя наблюденія даютъ ему право сказать, что ихъ преподаваніе слишкомъ сосредоточено на внѣшней дрессировкѣ вопросами; но за этой казовой стороной дѣла скрывается часто очень безцвѣтное внутреннее содержаніе. Понятно, что по отношенію къ закону Божію болѣе всего желательно видѣть хорошее внутреннее содержаніе преподаванія, выражающееся не столько въ бойкости сообщенія и выспрашиванья, сколько въ силѣ религіознаго убѣжденія и чувства преподавателя, непосредственно отражающихся на дѣтяхъ. При этомъ нѣкоторые члены съѣзда высказались въ томъ смыслѣ, что лучше быть вовсе безъ законоучителей и оставить дѣло изученія закона Божія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, чѣмъ поручать это дѣло совершенно ненадежнымъ людямъ. Мы видимъ, говорили они, что неправильныя выраженія и мысли распространяются даже въ учебникахъ по этому предмету, написанныхъ духовными лицами и прошедшихъ чрезъ цензуру. Что же можетъ случиться, если это дѣло будетъ поручено свѣтскимъ учителямъ? Въ такомъ же духѣ высказано было замѣчаніе въ свѣтскомъ журналѣ »Гражданинъ«, когда еще продолжались засѣданія съѣзда.

Но большинство членовъ съѣзда отъ духовенства, а также и свѣтскія лица, присутствовавшія на съѣздѣ,

говорили, что необходимо допустить къ преподаванію закона Божія въ народныхъ школахъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Мысли ихъ объ этомъ предметѣ были слѣдующія. Умственная подготовленность воспитанниковъ учительскихъ семинарій къ преподаванію закона Божія опредѣляется вполнѣ достаточною программою по закону Божію въ этихъ заведеніяхъ. При прогрессивномъ увеличеніи числа школъ, недостатокъ законоучителей священниковъ увеличивается болѣе и болѣе. Внимательное наблюденіе показываетъ, что наличные священники часто положительно бываютъ не въ силахъ исполнить законоучительскія обязанности, какъ-бы они сами и общество ни желали того. Ученики очень часто обращаются къ учителю за разрѣшеніемъ вопросовъ, соприкасающихся съ областію вѣры; но учитель всегда отсылаетъ въ подобныхъ случаяхъ къ священнику и этимъ покрываетъ свое какъ-будто нежеланіе говорить по этому предмету. Описывая, напр., Кита, учитель легко можетъ выслушать вопросъ дѣтей объ Іонѣ. Теперь для него несравненно легче пренебрежительно отнестись къ этому факту и отослать къ священнику. Если же вмѣнить учителямъ въ обязанность давать отвѣтъ, они должны будутъ давать отвѣтъ, который будетъ повѣркою ихъ собственныхъ религіозныхъ воззрѣній.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на мысли О. М. Горчакова профессора каноническаго права въ университетѣ. Онъ высказался по вопросу о законоучителяхъ теоретически и практически. Если, говорилъ онъ, поставить вопросъ прямо: кто долженъ обучать дѣтей закону Божію въ начальной школѣ, то теоретически нужно отвѣчать: мѣстный приходскій священникъ, на которомъ, по его должности и званію, лежитъ попеченіе о религіозномъ образованіи членовъ его паствы. Но практически,

какъ показываетъ исторія Западной Европы, вопросъ этотъ разрѣшается иначе. Было время, когда приходы, церковныя общины, были небольшіе: въ предѣлахъ прихода церковной или гражданской общины, была одна школа; въ ней могъ быть дѣятелемъ одинъ лишь священникъ или какъ учитель или какъ законоучитель. Съ теченіемъ времени приходы, съ сокращеніемъ числа, увеличились въ пространствѣ, общины стали многочисленны по народонаселенію, стремленіе къ образованію дѣтей усилилось, въ отдѣльныхъ общинахъ явилось по нѣсколько школъ. Понятно, что при исчисленныхъ условіяхъ мѣстный пастырь не могъ бы быть единственнымъ и исключительнымъ учителемъ религіи въ дѣтскихъ школахъ. Кромѣ того, заботы о всей паствѣ въ дѣятельности приходскаго священника всегда имѣютъ преимущественное значеніе предъ преподаваніемъ закона Божія дѣтямъ въ школахъ, что́ служитъ однимъ изъ видовъ пастырской дѣятельности и требуетъ большаго труда и времени. По этому практическая жизнь по необходимости вынуждала приходскихъ священниковъ отыскивать себѣ помощниковъ по преподаванію религіи въ училищахъ. Гдѣ же они отыскивали себѣ помощниковъ? На западѣ два главныя вѣроисповѣданія: лютеранское и католическое. По принципакъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, всякій членъ церкви, мірянинъ и пасторъ, можетъ съ одинаковымъ правомъ учить другихъ лицъ религіи. Въ частной жизни, въ частныхъ сношеніяхъ и урокахъ, всякій можетъ учить другихъ настолько, насколько и самъ понимаетъ вѣрованія; но въ общественныхъ училищахъ и лютеранинъ долженъ учить религію въ смыслѣ символическаго ученія общины религіозной. Поэтому въ лютеранскихъ мѣстностяхъ нашли нужнымъ учредить особыя учительскія семинаріи, въ которыхъ приготовляются учителя народныхъ школъ, между прочимъ, и для обученія дѣтей религіи въ школахъ.

По католическимъ принципамъ одинъ только мѣстный священникъ имѣетъ право обучать религіи своихъ прихожанъ; но и въ католическихъ странахъ, по изложеннымъ выше условіямъ, нашли нужнымъ приготовлять въ особыхъ учительскихъ семинаріяхъ такихъ учителей-мірянъ, которые могли бы быть, подъ руководствомъ священника, учителями религіи въ школахъ въ духѣ церкви. Воспитанники учительскихъ семинарій, такимъ образомъ, на западѣ Европы получаютъ образованіе, при которомъ они считаются надежными преподавателями религіи въ начальныхъ училищахъ. Въ ихъ дѣятельности, въ ихъ образованіи удовлетворены интересы и церкви, и школы и общества.

Затѣмъ, о. Горчаковъ говорилъ, что въ настоящее время русская практическая жизнь выдвигаетъ предъ нами настоятельную необходимость въ образованіи народа, въ учрежденіи начальныхъ училищъ, въ приготовленіи учителей для нихъ. Теперь уже училищъ порядочное число, а духовныхъ лицъ, приходскихъ священниковъ мало, но будетъ еще и меньше съ сокращеніемъ числа приходовъ. Гдѣ же взять законоучителей? Они должны владѣть извѣстнымъ курсомъ религіознаго образованія; это—основное отъ нихъ требованіе. Не всякое духовное лице можетъ быть законоутелемъ: есть діаконы, іеромонахи, даже архимандриты, не получившіе образованія настолько, чтобы быть законоучителями. Неудивительно, что чувствуется у насъ недостатокъ въ законоучителяхъ. Недостатокъ этотъ происходитъ отъ того, что никто не думалъ и, быть можетъ, не было и надобности приготовлять законоучителей спеціально для начальныхъ училищъ. Теперь они нужны. Земство заботится отысканіемъ ихъ, и въ этомъ заслуга земства предъ народомъ, церковію и государствомъ. Какъ же практически разрѣшить вопросъ о законоучителяхъ-мірянахъ? По мнѣнію о. Горчакова, нужно восполь-

зоваться опытомъ запада. Учительскія семинаріи должны выпускать такихъ учителей начальныхъ училищъ, которые могли бы быть и преподавателями закона Божія въ этихъ училищахъ. Они должны быть въ семинаріяхъ обучаемы закону Божію не только для себя, для своего религіозно-нравственнаго образованія, но и для того, чтобы и другихъ могли обучать закону Божію, но не по своимъ личнымъ вѣрованіямъ, а поученію церкви. Съ этимъ практически разрѣшается и вопросъ о гарантіи относительно благонадежности свѣтскихъ лицъ, допускаемыхъ къ преподаванію закона Божія въ начальныхъ училищахъ. Она заключается въ образованіи ихъ. Всякая отвѣтственность за преподаваніе закона Божія свѣтскими лицами лежитъ на тѣхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ они вышли, какъ учители, которымъ довѣряется и преподаваніе закона Божія. Такимъ образомъ, слѣдуетъ принять за правило, чтобы учительскія семинаріи приготовляли такихъ учителей народныхъ училищъ, которые, по степени своихъ знаній и приготовленности къ преподаванію, могли бы быть преподавателями закона Божія, чтобы эти учители преподавали его въ школѣ въ строго церковномъ духѣ, являлись выразителями не своего, но церковнаго ученія. Къ этому ихъ нужно готовить. Преподаваніе ихъ должно сопровождаться руководствомъ и наблюденіемъ мѣстнаго священника.

Когда возникъ вопросъ о самомъ ходѣ преподаванія закона Божія въ учительскихъ семинаріяхъ, то разсмотрѣна была программа по закону Божію въ этихъ заведеніяхъ, и она найдена вполнѣ удовлетворительною для данной цѣли. Когда при этомъ высказано было желаніе видѣть болѣе живое, искреннее пониманіе религіи воспитанниками учительскихъ семинарій, которые могутъ быть законоучителями, а не механическое только знаніе закона Божія, то преосвященный Гермогенъ предложилъ ходатай-

ствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о самомъ внимательномъ наблюденіи за преподаваніемъ закона Божія въ учительскихъ семинаріяхъ и самомъ строгомъ производствѣ испытаній, послѣ чего уже воспитанникамъ учительской семинаріи доставляется право преподавать и законъ Божій. Правоспособность же преподаванія опредѣляетъ лицо, командированное епархіальнымъ начальствомъ.

Вслѣдъ за этимъ преосвященный Гермогенъ формулировалъ слѣдующіе вопросы: 1) при невозможности имѣть законоучителя изъ духовныхъ лицъ, могутъ ли быть допущены къ преподаванію закона Божія кончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ? 2) согласенъ ли съѣздъ подчинить это преподаваніе надзору и руководству мѣстнаго священника? 3) Членъ училищнаго совѣта отъ духовенства наблюдаетъ по закону,—согласенъ ли съѣздъ допустить подобное наблюденіе со стороны благочиннаго, но съ условіемъ, что онъ, благочинный, доводитъ объ этомъ не до свѣдѣнія епархіальной власти, а того-же члена училищнаго совѣта отъ духовенства и такимъ образомъ будетъ его помощникомъ?—Какъ первый, такъ и второй вопросы съѣздъ рѣшилъ утвердительно, по третьему же вопросу, на счетъ контроля благочиннаго, высказался отрицательно. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, отразилось недовѣріе къ благочиннымъ, потому что въ петербургской епархіи выбора благочинныхъ не было предоставлено самому духовенству, а можетъ быть съѣздъ имѣлъ въ виду безплодность оффиціальнаго надзора благочиннаго за преподаваніемъ закона Божія, его рѣдкіе визиты по школамъ и казенные отчеты объ этомъ, какъ это дѣлается теперь.

Послѣ того какъ вопросъ о мірянахъ учителяхъ-преподавателяхъ закона Божія былъ разрѣшенъ, преосвященный Гермогенъ предложилъ съѣзду высказаться относительно учительницъ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній было

постановлено: примѣнить постановленія съѣзда ко всѣмъ лицамъ женскаго пола, получившимъ достаточное педагогическое образованіе и сдавшимъ экзаменъ на условіяхъ одинаковыхъ съ учителями. Самое преподаваніе ихъ точно также подчинить руководству мѣстныхъ священниковъ.

Такъ широко съѣздъ законоучителей города С.-Петербурга и с.-петербургскаго уѣзда рѣшилъ вопросъ о мірянахъ-преподавателяхъ закона Божія. А между тѣмъ такимъ рѣшеніемъ вопроса остались недовольны нѣкоторыя свѣтскія лица; имъ въ особенности не нравится то, что мірянинъ-преподаватель закона Божія съѣздомъ подчиненъ контролю мѣстнаго священника, подъ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ котораго онъ долженъ находиться. Такой контроль, по ихъ мнѣнію, тяжелъ и стѣснителенъ и едва-ли кто изъ мірянъ, послѣ этого, согласится быть преподавателемъ закона Божія въ народныхъ школахъ. Посему на послѣдней сессіи петербургскаго земства былъ, между прочимъ, предложенъ и такой вопросъ: »нельзя-ли сократить контроль мѣстнаго священника надъ мірянином-преподавателемъ закона Божія?« Хотя земское петербургское собраніе не согласилось на подобное предложеніе, но тѣмъ не менѣе такое предложеніе показываетъ, что свѣтскія лица хотѣли бы предоставить болѣе свободы мірянамъ-преподавателямъ закона Божія. Священники, по ихъ словамъ, могутъ усматривать превратное направленіе въ преподаваніи учителя-мірянина и доводить объ этомъ до свѣдѣнія надлежащаго начальства[1]).

Недовольство свѣтскихъ лицъ, высказываемое противъ постановленій съѣзда петербургскихъ законоучителей относительно мірянъ-преподавателей закона Божія, по нашему мнѣнію, не имѣетъ прочныхъ основаній. Члены съѣзда заботились о возможно правильной постановкѣ надзора

[1]) См. *внутреннее обозрѣніе* »Отечеств. Записокъ«, февраль м. 1878 г.

за преподаваніемъ закона Божія. Съѣздъ желалъ наблюденія близкаго и плодотворнаго. Поэтому онъ постановилъ, чтобы ближайшимъ образомъ наблюдалъ мѣстный священникъ. Наблюденіе его имѣетъ характеръ пастырскаго руководства и касается преподаванія прежде всего. Личная жизнь учителя и его направленіе подлежатъ вѣдѣнію священника, какъ жизнь каждаго члена прихода. Только въ случаѣ открытаго соблазна въ поведеніи и направленіи учителя и безуспѣшности предварительнаго пастырскаго вліянія, священникъ сообщаетъ словесно члену училищнаго совѣта отъ духовенства. Чтобы придать этому пастырскому наблюденію характеръ единства, съѣздъ постановилъ образовать группы школъ, большія или меньшія по мѣстнымъ условіямъ, для каждой изъ нихъ избрать на благочинническихъ съѣздахъ по одному наблюдателю изъ священниковъ, который утверждается епархіальной властью на три года. На обязанности такого наблюдателя лежитъ осмотръ школъ, ближайшія отношенія съ учителями и приходскими священниками, заботы объ организаціи мѣстныхъ собраній по училищнымъ дѣламъ. Подобные уполномоченные отъ духовенства являются помощниками членовъ училищныхъ совѣтовъ отъ духовенства, назначаемыхъ по одному лицу на уѣздъ. Посредствомъ избранія наиболѣе уважаемыхъ людей изъ среды духовенства, съѣздъ надѣялся возвысить самодѣятельность духовнаго общества въ правильномъ устройствѣ религіознаго преподаванія.

Кромѣ того, свѣтскимъ лицамъ хотѣлось бы дѣло народнаго образованія и въ томъ числѣ религіозно-нравственнаго развитія, поручить однимъ только учителямъ, дабы они были полными хозяевами школъ. Въ этомъ случаѣ имѣется въ виду не недостатокъ законоучителей-священниковъ, а желаніе устранить ихъ отъ школъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, свѣтскія лица стараются или закрывать тѣ школы, въ которыхъ являются и учителями

и законоучителями одни только священники, или ссылаются на неудовлетворительное преподаваніе закона Божія, на апатичное и неумѣлое отношеніе къ дѣлу и т. под. Поднять уровень народнаго образованія, по ихъ мнѣнію, можно только тогда, когда міряне-учители народныхъ школъ будутъ вмѣстѣ и преподавателями закона Божія[1]). Мы согласны съ тѣмъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ много школъ, а мало священниковъ, могутъ быть преподавателями закона Божія воспитанники, окончившіе курсъ въ учительской семинаріи или земской учительской школѣ, при тѣхъ условіяхъ, какія поставлены съѣздомъ петербургскихъ законоучителей. Что же касается того желанія, чтобы священниковъ-законоучителей устранить отъ преподаванія въ школахъ закона Божія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ этихъ законоучителяхъ и притомъ способныхъ и усердныхъ къ своему дѣлу, то это желаніе не можетъ быть осуществимо уже по тому одному, что священникъ, по самому призванію своему, есть воспитатель и руководитель своихъ прихожанъ въ ихъ религіозно-нравственномъ развитіи и образованіи. Между священникомъ-законоучителемъ и молодымъ поколѣніемъ, которое онъ воспитываетъ въ духѣ вѣры и благочестія, устанавливается нравственная связь, что́ очень важно для поддержанія въ нашемъ народѣ религіозно-нравственной жизни. Вліяніе же на дѣтей мірянина-учителя, преподающаго въ то же время и законъ Божій, оканчивается съ выходомъ ихъ изъ школы.

Говоря это, мы припоминаемъ мнѣніе члена губернскаго училищнаго совѣта отъ духовенства, о. протоіерея г. Діаконова, о законоучительствѣ въ народныхъ школахъ, напечатанное въ »Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣ-

[1]) »Церковно-Общ. Вѣстникъ« № 57-й 1878 г. »Современность« № 69-й 1878 г.

стіяхъ«[1]). Онъ говоритъ: »по поводу возникшаго въ с.-петербургскомъ округѣ предположенія о допущеніи къ преподаванію закона Божія свѣтскихъ лицъ въ начальныхъ училищахъ, внесеннаго на обсужденіе нашего (черниговскаго) училищнаго совѣта, я, съ своей стороны, какъ членъ отъ духовенства, долгомъ считаю сказать, что означенное предположеніе не согласно съ мѣстными нашими потребностями и неприложимо къ нашей губерніи по многимъ основаніямъ«. Затѣмъ онъ говоритъ, что причинъ, побудившихъ нѣкоторыя земскія собранія придти къ сознанію необходимости допущенія къ преподаванію закона Божія свѣтскихъ лицъ не существуетъ въ Черниговской губерніи. Въ другихъ губерніяхъ священниковъ менѣе, чѣмъ школъ, а здѣсь наоборотъ: школъ гораздо менѣе, чѣмъ приходскихъ священниковъ. Притомъ священниковъ, по закону, могутъ замѣнять и замѣняютъ въ дѣлѣ преподаванія закона Божія въ начальныхъ школахъ и окончившіе курсъ духовной семинаріи, которые, по прослуженіи въ этихъ должностяхъ не менѣе трехъ лѣтъ, считаются прямыми кандидатами на занятіе священническихъ мѣстъ.

Что касается мнѣнія нѣкоторыхъ земствъ, будто неудовлетворительность преподаванія закона Божія, главнымъ образомъ, происходитъ отъ малой педагогической подготовки учителей изъ духовнаго званія; то съ такимъ мнѣніемъ о. протоіерей Діаконовъ не соглашается, а напротивъ лицъ изъ окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій считаетъ болѣе другихъ компетентными и правоспособными къ преподаванію закона Божія, такъ какъ въ духовныхъ семинаріяхъ богословскія науки преподаются спеціальнѣе и шире, чѣмъ во всѣхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не говоря уже о низшихъ; кромѣ того, тамъ преподаются педагогика и дидактика съ практическими примѣчаніями и занятіями. Если же замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неудовлетворительность успѣховъ учени-

[1]) »Черниговскія Епарх. Изв.« № 5-й 1878 г.

ковъ по закону Божію и слабость преподаванія этого предмета многими законоучителями, то это зависитъ отъ того, что законоучители не получаютъ достаточнаго вознагражденія за свои труды. Вслѣдствіе этого является у нихъ охлажденіе къ тому дѣлу, къ которому они приставлены. Думать-же, какъ нѣкоторыя земства думаютъ, что преподаваніе закона Божія священниками въ своихъ приходахъ необходимо входитъ въ кругъ прямыхъ ихъ пастырскихъ обязанностей, нѣтъ основанія, такъ какъ преподаваніе уроковъ по закону Божію совсѣмъ отдѣльное дѣло отъ пастырскаго назиданія и наученія. »Поэтому я вполнѣ убѣжденъ говоритъ о. пр. Діаконовъ, что для надлежащаго поднятія уровня ученическихъ успѣховъ по закону Божію и для улучшенія преподавательскаго дѣла по этому предмету, непремѣнно слѣдуетъ назначить законоучителямъ болѣе приличное и соотвѣтственное ихъ трудамъ жалованье, какъ уже по мѣстамъ и сдѣлано, причемъ увеличить и самое число уроковъ въ недѣлю, такъ какъ слабость ученическихъ успѣховъ по извѣстному предмету и неудовлетворительность его преподаванія много зависитъ и отъ малаго количества уроковъ (часто не болѣе одного въ недѣлю)«.

Ничего не прибавляя къ мнѣнію о. протоіерея Діаконова мы замѣтимъ только, что уровень народнаго образованія вообще и религіозно-нравственнаго развитія въ частности поднимется только тогда, когда само общество сознаетъ свою обязанность заботиться о развитіи религіозныхъ началъ жизни. До сихъ поръ интересы вѣры понимались какъ предметъ заботъ одного духовнаго званія. Всякое другое званіе считало дѣло вѣры чуждымъ себѣ. При участіи мірянъ-учителей въ преподаваніи закона Божія и при правильной въ этомъ случаѣ постановкѣ преподавательскаго дѣла установится нравственная связь между духовенствомъ и обществомъ, между пастырями и пасомыми.

Изъ Палестинскихъ впечатлѣній.

Іудея.

Грустна, угрюма Іудея:
Руина жалкая она;
Молчитъ, печально сиротѣя,
Окаменѣвшая страна;
Селенья рѣдки, тихи, праздны;
Повсюду бѣдность, нищета,
И всюду грустно-неотвязны
Бакшишъ просящія уста.
И это нищенство народа
Не одинокое тамъ зло;
Бѣдна въ ней нынѣ и природа,
И людямъ жить тамъ тяжело:
Всё скалы дикія да камень,
Все знойнымъ солнцемъ позжено;
Съ высотъ и снизу пышетъ пламень,
Земля что пепелъ—все равно.
А эти горы! съ ними встрѣчи
На этотъ разъ приводятъ мнѣ
На память царственныя рѣчи
Объ этой каменной странѣ:
»*Здѣсь горы прыгаютъ какъ овны,*
»*Холмы какъ агнцы въ ней бѣгутъ*«;
Но еслибъ были хладнокровны,
Повѣрьте, лучше было-бъ тутъ!
Тоска душѣ, тоска для ока
Громады ихъ обозрѣвать,
А каково переѣзжать!
Опять припомнишь рѣчь Пророка:
»*Томится плоть моя въ землѣ*
»*Пустой, изсохшей и безводной*«,—

Особенно, какъ встанешь на зарѣ
И цѣлый день бредешь голодный.
Здѣсь—»*небо мѣдное*«, и днемъ
Ниразу дождь не брызнетъ лѣтомъ,
И не блеститъ веселымъ цвѣтомъ
»*Земля желѣзная*« кругомъ.
А эти горныя дороги!
По нимъ не только что узлы,
Гляди и голову, и ноги;
Одно спасеніе—ослы!
День цѣлый ѣдешь то отлогой,
А то обрывистой горой,—
Оселъ чуть тащится убогой
И остановится порой,
А все-жъ по грудамъ, по каменьямъ
Съ оглядкой мудрою бредетъ,
И плавно, сдержанно, съ терпѣньемъ
Любаго путника несетъ.
Оселъ—сокровище Востока;
Лишь съ нимъ надеженъ трудный путь
Чрезъ выси горъ, чрезъ дно потока,
Чрезъ эту каменную грудь...
О, полно правды, полно свѣта
Ты, слово вѣщее поэта,—
Какъ-бы рисующее мнѣ,
Что въ этой мертвенной странѣ
»Гора безъ прелести прохладной,
»Скала безъ грозной красоты,
»Земля безъ зелени нарядной
»И дно долины безъ воды!«...[1])

Іюнь 1873. *С. Пономаревъ.*

[1]) Ламартинъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 10 сентября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб.

№ 39.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Сентября 24-го.

Содержаніе: Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Александра Николаевича, Императора и Самодержца Всероссійскаго.—Рѣчь къ воспитанницамъ Кіевскаго института, сказанная при выпускѣ ихъ изъ заведенія въ 1878 г., на молебнѣ, 4 іюня.—Рѣчь во время молебствія предъ началомъ обученія отроковъ и отроковицъ.—Законы Моисея о способахъ церковной, общественной и частной благотворительности, какъ указаніе для руководства пастырямъ церкви, при устройствѣ церковно-приходской благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ.—О Молоканствѣ.—Объявленія.

СЛОВО

въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Александра Николаевича, Императора и Самодержца Всероссійскаго.

Настоящій день—священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя нашего—даетъ намъ право, хотя кратко, коснуться дѣяній Его прошлой многотрудной жизни. Это послужитъ и нѣкоторою благодарностію къ Монарху со стороны подданныхъ и урокомъ для послѣднихъ; потому что краткій очеркъ жизни Царя покажетъ намъ всю трудность его правленія, и чрезъ это въ сердцѣ подданныхъ откроется благодарность къ той многотрудной

и полезной дѣятельности нашего Монарха, которую Онъ несетъ на Себѣ, желая намъ жизни тихой и безмятежной.

Двадцать четвертый годъ продолжается царствованію нашего Императора Александра Николаевича! Хотѣлось—было назвать это царствованіе мирнымъ; но начало его напоминаетъ намъ Севастопольскую войну, равно и въ настоящее время войско наше еще отдыхаетъ на полѣ ратномъ, послѣ кроваваго пира. Тѣмъ не менѣе средина царствованія нашего Императора, обнимающая собою болѣе, нежели двадцати-лѣтній періодъ времени, можетъ назваться временемъ мирнымъ, тихимъ и безмятежнымъ.—Начало настоящаго царствованія, какъ я только что сказалъ, совпадаетъ съ Севастопольскою войною, во время которой сошелъ въ могилу Императоръ Николай Павловичъ, и которую долженъ былъ закончить новый Государь нашъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ. Такимъ образомъ, нашъ Императоръ Александръ Николаевичъ долженъ былъ въ одно время и оплакивать усопшаго Своего родителя, и скорбѣть о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, какія оставила въ нашемъ отечествѣ Севастопольская война. Самая трудность предстоящаго царствованія не могла не устрашать Его души, еще не искусившейся въ то время въ трудной наукѣ міроправленія. Но Государь нашъ и Своимъ подданнымъ и всему свѣту скоро показалъ Себя достойнымъ преемникомъ Своего почившаго родителя. Первое вниманіе нашего Государя обращено было на южный край нашего отечества, пострадавшій отъ войны. Тамъ, на окраинѣ обширнаго отечества нашего, все представляло печальный видъ раззоренія.—Города и веси были въ разрушеніи, опустошенныя поля оставались не воздѣланными. Торговля и промышленность, науки и искусства—все было пріостановлено войною. И въ короткое время Государь всё это

обновилъ, возсоздалъ и всему указалъ правильный ходъ для развитія.

Обезопасивъ предѣлы Своего государства отъ вторженія внѣшнихъ враговъ, Императоръ обратилъ вниманіе на улучшеніе внутренняго благосостоянія Своихъ подданныхъ. По вступленіи на престолъ Всероссійскій, Онъ увидѣлъ, что жизнь Его подданныхъ требуетъ реформъ. И онѣ не замедлили явиться, и явились въ такой полнотѣ, что проникли во всѣ состоянія и классы русскаго народа.

Начавъ рѣчь о реформахъ государственныхъ, мы встрѣчаемся съ недоумѣніемъ, на чемъ остановить свое вниманіе?—Всѣ онѣ такъ плодотворны, всѣхъ ихъ такъ много, что въ краткомъ словѣ трудно изобразить всю ихъ плодотворность. Поэтому и останавливаемся только на болѣе главныхъ нововведеніяхъ настоящаго царствованія.—Многимъ изъ насъ еще памятенъ былой, старый порядокъ судопроизводства, по которому тяжущіеся разорялись въ конецъ и часто потомкамъ оставляли въ наслѣдство только свои тяжбы; на тѣхъ судахъ слабый, по большей части, оставался и виновнымъ. Нынѣ судъ данъ скорый, нелицепріятный и для всѣхъ безпристрастный. Самыя карательныя мѣры значительно смягчены для виновныхъ новымъ судопроизводствомъ. Смертная казнь, тѣлесныя наказанія замѣнены болѣе легкими и гуманными средствами исправительными. Цѣлые милліоны подданныхъ освобождены отъ крѣпостной зависимости. Всѣ классы общества, городскіе и сельскіе, дворяне и крестьяне, допускаются къ самоуправленію; тѣмъ и другимъ предоставляется право отъ Царя самимъ заботиться о себѣ и изыскивать средства къ улучшенію своего положенія. Всѣ ученыя и учебныя заведенія поставляются на лучшую степень совершенства; тѣмъ и другимъ даются новыя,

вызванныя потребностію времени, уставы и правила для дѣятельности, и всѣмъ, жаждущимъ образованія, безъ различія званія и состоянія, открывается доступъ въ эти заведенія. Торговля и промышленность, эти главные двигатели народнаго благосостоянія, развиваются и поощряются. Неудобопроходимые пути нашей страны, представлявшія большое затрудненіе въ сообщеніи для жителей такого обширнаго царства, каково русское, частію уравнены, частію замѣнены новыми, искусственными, по которымъ желающіе могутъ поспѣвать изъ одного края отечества въ другой съ удивительною скоростію. Измѣненіемъ порядка отбыванія воинской повинности, которая, по прежнимъ законамъ, почти исключительно лежала на низшемъ классѣ подданныхъ русскаго царства, и изданіемъ новаго устава о воинской повинности, который всѣхъ, безъ различія званія, состоянія и образованія, призываетъ на великое дѣло защиты отечества,—Государь не только увеличилъ силу арміи въ числѣ, но привнесъ въ неё значительный процентъ силы мыслящей, разумной, и—всякій согласится, что знаніе подкрѣпляетъ силу.

И долго, въ теченіе двухъ десятилѣтій, нашъ Государь трудился для внутренняго благосостоянія Своихъ подданныхъ. Въ теченіе этого времени Россія, наслаждаясь невозмутимымъ спокойствіемъ подъ скипетромъ своего Августѣйшаго Монарха, оставалась только сторонней зрительницею тѣхъ браней, которыя по временамъ происходили въ Европѣ. Почило и успокоилось отъ трудовъ бранныхъ и войско русское: за двадцати-лѣтній періодъ мирнаго времени оно излечило свои раны, созрѣло и окрѣпло духомъ, увеличилось въ числѣ, и въ будущемъ, по видимому, все обѣщало ему покой!...

Но на землѣ нѣтъ и не можетъ быть мира незыблемаго. Пробилъ и для Россіи грозный, бранный часъ!

Единство вѣры и національности христіанъ Востока, невинно страждущихъ отъ турокъ, побудило и нашего миролюбиваго Монарха ополчиться противъ притѣснителей славянъ, нашихъ братьевъ по крови и по вѣрѣ... Грозною тучею двинулось наше войско въ землю вражескую, агарянскую, съ своимъ Царемъ впереди и со многими другими членами царствующаго Дома. Это время такъ еще свѣжо въ памяти нашей, что излишне было бы говорить подробно о событіяхъ, только что кончившейся войны,— скажемъ только, что мужество и настойчивость нашего войска побѣждало въ этой брани не враговъ только своихъ, но преграды, поставленныя самою природою. Они усмирили притѣснителей и хоть часть доблихъ воиновъ нашихъ легла костьми на полѣ брани, но большая часть нашего войска претерпѣла до конца и побѣдила врага, у котораго оскудѣли и стрѣлы, и ратники.

Такъ нашъ Государь, въ своей заботливости, объемлетъ и близкихъ, и дальнихъ; печется Онъ и о благѣ Своихъ подданныхъ, болитъ душою и спѣшитъ на помощь въ страну отдаленную, куда призываютъ Его движенія Его человѣколюбиваго сердца—и всюду Онъ является ангеломъ мира!

Да познаютъ всѣ сыны Россіи, что Богомъ царіе царствуютъ! Что сердце царево, его душа и тѣло, и вся жизнь въ руцѣ Божіей! Долгъ вѣрноподданныхъ сыновъ Россіи заключается въ томъ, чтобы любить своего Государя, вѣрно исполнять обязанности, возлагаемыя на насъ властію самодержавною и молить Бога царей, чтобы Онъ покрывалъ всегда въ кровѣ крилъ Своихъ благочестивѣйшаго раба Своего— Александра Николаевича, котораго оправдалъ царствовать надъ нами!

Господи, спаси царя и услыши ны въ оньже еще день призовемъ Тя (Псал. 19, 16)! Аминь.

Священникъ *Петръ Синявскій.*

Г. Бѣлый.

РѢЧЬ

къ воспитанницамъ Кіевскаго института, сказанная при выпускѣ ихъ изъ заведенія въ 1878 г., на молебнѣ, 4 іюня.

За нѣсколько часовъ предъ симъ мы молились здѣсь съ коленоприклоненіемъ о томъ, чтобы Господь ниспослалъ намъ благодать Пресвятаго Своего Духа и простилъ грѣхи не только живыхъ—насъ, но и умершихъ нашихъ отцевъ и братій[1]). Теперь мы опять собрались сюда для молитвы по случаю окончанія нашего учебнаго года. На этотъ разъ молитва наша имѣетъ другой торжественный характеръ: прежде мы испрашивали милости у Бога и прощенія грѣховъ, а теперь благодаримъ Бога за дарованныя намъ благодѣянія. За исключеніемъ немногихъ, всѣ вы удостоились великой милости Божіей; однѣ изъ васъ совершенно окончили курсъ наукъ, преподающихся въ этомъ учебномъ заведеніи, другія удостоены перевода въ высшіе классы и стали ближе къ цѣли вашего воспитанія. Чтобы видѣть, что происшедшее съ вами не заурядное, обыкновенное событіе, случающееся со всѣми, а именно великая милость Божія къ вамъ, обратите свое вниманіе на то, сколько есть подобныхъ вамъ, которыя бы желали получить то воспитаніе, какое получили вы, и однако не могли и не могутъ достигнуть этого. Да и изъ тѣхъ, которые поступили въ это лучшее женское учебно-воспитательное

[1]) Молебенъ и выпускной актъ былъ въ 2 часа, въ день Пятидесятницы.

заведеніе, всѣмъ ли удалось окончить курсъ здѣсь?— Однимъ воспрепятствовала болѣзнь, другимъ смерть, а нѣкоторымъ разныя другія обстоятельства. Если же вы счастливо избѣжали случайностей, которыя не дозволили другимъ и поступить въ это заведеніе, и окончить въ немъ курсъ воспитанія, то вы можете назваться счастливыми. Чѣмъ же вы заслужили у Бога такую милость, что Онъ оказалъ ее вамъ предпочительно предъ другими? Конечно, личной заслуги вашей въ этомъ случаѣ не было нисколько; это сдѣлалъ для васъ Господь по безпредѣльной своей милости къ вамъ. И вотъ вы, сознавая величіе незаслуженно оказаннаго вамъ Богомъ благодѣянія, собрались сюда, чтобы принести Ему молитву благодаренія за это благодѣяніе. Прекрасны, безъ сомнѣнія, мысли и чувства ваши, побудившія васъ къ этому. Благодарность есть свойство благородныхъ высокихъ душъ; кто благодаритъ за полученныя благодѣянія въ прошедшемъ, тотъ какъ бы пріобрѣтаетъ этимъ право на полученіе ихъ и въ будущемъ; тотъ оказывается достойнымъ дарованной ему милости. Дай Богъ, чтобы вы всегда были достойны милостей Божіихъ, чтобы вы всегда помнили оказанное вамъ благодѣяніе и благодарили за него. Не забывайте, что благодарность не должна ограничиваться только словомъ, но простираться и на дѣла, и на нашу жизнь. Слово хотя и служитъ у насъ обыкновеннымъ выраженіемъ благодарности, но мы, принимая это выраженіе съ удовольствіемъ, ожидаемъ еще подтвержденія его дѣломъ. Нашему слову не всегда довѣряютъ потому, что между словомъ и дѣломъ у насъ большой разладъ: на словахъ у насъ одно, а на дѣлѣ другое; вотъ почему мы тому только слову придаемъ значеніе, которое подтверждается дѣломъ. Поэтому и вы, приносящія Богу здѣсь слово благодарственной молитвы, должны доказать свою благодарность дѣлами своей жизни.

Особенно помните это вы, окончившія курсъ наукъ, такъ какъ вы удостоились большаго, сравнительно съ другими, благодѣянія отъ Бога и болѣе будете имѣть возможности устроить свою жизнь такъ, чтобы она была доказательствомъ, что вы помните благодѣяніе Божіе, оказанное въ полученномъ вами воспитаніи въ лучшемъ женскомъ учебномъ заведеніи.

Чрезъ нѣсколько часовъ вы разстанетесь съ воспитавшимъ васъ заведеніемъ, съ лицами, которыя прилагали все свое стараніе, чтобы сдѣлать васъ образованными и благородными женщинами и добрыми христіанками. При этомъ не обойдется, конечно, безъ грусти и даже слезъ съ той и другой стороны. Грусть и слезы—представляютъ обыкновено не веселую картину для зрителя; но въ настоящемъ случаѣ онѣ—отрадное явленіе: онѣ свидѣтельствуютъ, что разлучающіяся жили въ добромъ согласіи, что при всемъ внѣшнемъ различіи положенія и возраста они соединялись внутренними, сердечными связями, перерывъ которыхъ отзывается больно въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди нѣсколько лѣтъ жили вмѣстѣ, дѣлили радость и горе, узнали и полюбили другъ друга, и на взаимныхъ уступкахъ установили свою, если и не богатую удовольствіями, во всякомъ случаѣ сносную жизнь. И вотъ наступаетъ минута, когда эти долгимъ временемъ и трудомъ укрѣпившіяся связи вдругъ прерываются; все, пріобрѣтенное прежде, теряется и мы очутимся предъ лицемъ неизвѣстнаго будущаго, какъ-бы ни съ чѣмъ. Правда, при разставаньѣ съ друзьями, мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, что мы перенесенные въ другую обстановку, снова найдемъ людей, съ которыми сойдемся, которые раздѣлятъ наши мысли и чувства и будутъ дѣйствовать за одно съ нами; но вѣдь все это надобно еще пріобрѣтать вновь, узнавать характеры дру-

гихъ, примѣняться къ нимъ и, можетъ быть, цѣною самыхъ дорогихъ для насъ убѣжденій и привычекъ снискивать ихъ дружбу,—одна мысль объ этомъ неизвѣстномъ будущемъ такъ поражаетъ насъ, что мы грустимъ и плачемъ при разлукѣ, теряя сносное настоящее и идя навстрѣчу неизвѣстному будущему, можетъ быть, не чуждому непріятностей и опасностей для насъ. Эти чувства сожалѣнія и страха выражаются между прочимъ и въ тѣхъ благожеланіяхъ, которыми обильно осыпаютъ другъ друга разлучающіеся, ища въ нихъ какъ-бы противовѣса будущимъ случайностямъ непріятнаго свойства. По обычаю друзей, основанному на лучшихъ свойствахъ человѣческаго сердца, въ благодарность за тѣ добрыя отношенія, въ которыя вы поставили себя ко мнѣ, я хотѣлъ-бы въ эту послѣднюю свою бесѣду съ вами выразить вамъ свои искреннія благожеланія. Но чего пожелать вамъ такого, что было-бы доступно для всѣхъ васъ?—Завидныхъ успѣховъ въ свѣтѣ, въ который вы готовы вступить? Разнообразныхъ удовольствій и всего того, что въ обществѣ называютъ счастьемъ?! Можно-бы, пожалуй, и этого счастья пожелать вамъ, но оно возможно только при извѣстномъ положеніи и состояніи въ обществѣ; слѣд. можетъ быть общимъ вашимъ удѣломъ. Вотъ почему я считаю за лучшее указать вамъ на такой источникъ счастія, какой доступенъ всѣмъ вамъ, независимо отъ положенія и состоянія человѣка въ обществѣ. Многіе составили себѣ понятіе о счастіи самое ошибочное, воображая, что оно состоитъ въ разнообразіи пріятныхъ впечатлѣній отъ людей и предметовъ, съ которыми намъ приходится обращаться. Нельзя отрицать, что подобныя впечатлѣнія доставляютъ намъ минутное удовольствіе, т. е. удовлетворяютъ, успокаиваютъ наше возбужденное чувство на короткое время; но уже одно то, что этого счастія надобно искать гдѣ-то,

внѣ себя, что оно зависитъ не отъ насъ, а отъ постороннихъ намъ предметовъ и продолжается не долго,—показываетъ, что это счастье не надежное, не постоянное и не наше: наше должно быть въ насъ самихъ. Если-бы такое счастіе, состоящее изъ разнообразныхъ впечатлѣній, было нашимъ удѣломъ, то намъ пришлось бы искать его по всему свѣту, гоняться за нимъ, какъ тѣнью, и никогда не достигать его. Тогда искатели счастія были-бы самые несчастные люди. Не таково истинное счастіе человѣка. Богъ, создавъ человѣка по Своему образу, который состоитъ въ нашей душѣ, въ ея способностяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ ему и источникъ истиннаго счастія или блаженства въ соотвѣтственномъ назначенію употребленіи этихъ способностей, или въ подобіи Богу. Если мы своей разумъ будемъ обращать на познаніе Бога и Его закона, если свое чувство воспитаемъ такъ, что оно будетъ искать и находить наслажденіе только въ дѣланіи добра, по требованію закона Божія, если наша воля будетъ совершать свою дѣятельность только для славы Божіей и для пользы ближняго, то мы будемъ уподобляться Богу и не будемъ чужды удовольствія или блаженства. Въ этомъ и состоитъ наше дѣйствительное счастіе; оно внутри насъ, всегда съ нами и зависитъ отъ насъ самихъ, при какихъ-бы внѣшнихъ обстоятельствахъ ни приходилось намъ жить. Если намъ выпадетъ счастливая доля,—мы будемъ благодарить Господа Бога за Его къ намъ милость, но не будемъ придавать этимъ случайностямъ важнаго значенія; равнымъ образомъ, если на нашу долю выпадетъ жребій тяжелый, мы, чувствуя въ себѣ внутреннюю силу, легко будемъ переносить постигшія насъ невзгоды; во всякомъ случаѣ мы будемъ жить и наслаждаться внутреннимъ миромъ съ своею совѣстію и съ Богомъ. Устройте свою

жизнь и направляйте свою дѣятельность такъ, чтобы совѣсть ваша не укоряла васъ за нарушеніе закона Божія въ отношеніяхъ къ Богу, ближнимъ и къ себѣ самимъ и вы будете счастливы такъ, какъ никто изъ окруженныхъ самыми разнородными мірскими удовольствіями; вы на землѣ будете обладать такимъ блаженствомъ, какое составляетъ удѣлъ жителей неба, ангеловъ и святыхъ людей—праведниковъ. Свои благожеланія вамъ, оставляющія заведеніе воспитанницы, я высказалъ. Остается произнесть послѣднее слово. При разставаньѣ разные народы различно выражаютъ свои чувства: одни выражаютъ или надежду на новое свиданіе съ разлучающимися, или поручаютъ ихъ Богу, другіе желаютъ имъ благополучной жизни, но русскій человѣкъ въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду совершенно противоположное. Тогда какъ другіе выражаютъ мысль о жизни земной, настоящей, русскій человѣкъ при разлукѣ думаетъ о жизни будущей—онъ говоритъ »прощайте«. Всѣмъ вамъ, вѣроятно, приходилось очень часто произносить это выраженіе; но обратили-ли вы *вниманіе на мысль*, какая заключается въ немъ. Прощайте, т. е. не поминайте лихомъ, забудьте объ огорченіи и непріятоости, какія приходилось вамъ иногда испытывать здѣсь; знайте, что безъ огорченій ни одинъ человѣкъ не можетъ прожить на землѣ; что непріятности, если и выходятъ иногда между людьми, то большею частію по несовершенству человѣческой природы, поврежденной грѣхомъ. Но забывая зло, какое сдѣлали, можетъ быть, ненамѣренно вамъ другіе, никогда не забывайте добра, какое оказали вамъ: сохраните добрую память о воспитавшемъ васъ заведеніи, о тѣхъ лицахъ, которые трудились для васъ, для того, чтобы сдѣлать васъ образованными и благородными людьми и добрыми христіанами; при сужденіи о другихъ, особенно

о лицахъ близко къ вамъ стоящихъ или стоявшихъ, не произносите строгаго приговора другимъ, знайте, что по отзывамъ вашимъ о другихъ люди будутъ судить васъ-же самыхъ; помните, что только добрые люди отзываются о другихъ хорошо, а злые—худо. Насколько знаю я вашу дѣтскую, неиспорченную натуру, я увѣренъ, что вы и по выходѣ изъ института будете такими добрыми и благородными людьми, какими именно институтъ васъ желалъ видѣть и старался сдѣлать. Аминь.

Законоучитель Института Свящ. *М. Поторжинскій.*

РѢЧЬ

во время молебствія предъ началомъ обученія отроковъ и отроковицъ[1]).

Дѣти! Вознося молитвы къ Всемогущему и Премудрому Богу о томъ, чтобы Онъ укрѣпилъ ваши силы душевныя и тѣлесныя для того, чтобы Вы съ успѣхомъ внимали преподаваемому вамъ ученію, я обращу ваше вниманіе на одно историческое событіе, которое для васъ будетъ особенно поучительнымъ. Изъ царей, упоминаемыхъ въ исторіи, одинъ извѣстенъ подъ именемъ премудраго;—это премудрый Соломонъ.

За что онъ названъ премудрымъ?—Когда умеръ благочестивый царь Давидъ,—на престолъ вступилъ сынъ его Соломонъ. При вступленіи на престолъ Соломонъ вмѣстѣ съ народомъ принесъ Богу жертву. Принявши жертву,

---

[1]) Произнесена въ Ломжинской Св. Троицкой церкви, въ 1878 г., предъ воспитанниками гимназіи и воспитанницамъ прогимназіи.

Богъ сказалъ Соломону: проси у меня чего хочешь—и юный Соломонъ былъ настолько мудръ, что просилъ у Господа не славы и не богатства, а мудрости. Господу такъ была пріятна эта просьба, что Онъ Соломону открылъ слѣдующее: такъ какъ ты просилъ у меня не богатства, не славы, а мудрости, то я и дамъ тебѣ мудрости, и, кромѣ мудрости, дамъ тебѣ и богатство и славу.

Господь надѣлилъ Соломона не только мудростію, но и богатствомъ и славою для того, чтобы всѣ люди убѣдились, что кто обладаетъ мудростію, тому сами собою придутъ и честь, и слава, и богатство.

Соломонъ не просилъ себѣ у Господа чести и славы, а просилъ только мудрости—и Господь надѣлилъ его мудростію, которая ему доставила такую славу, что цари и царицы съ далекихъ странъ приходили къ Соломону поучаться его мудрости и воздать ему честь и славу.

Соломонъ не просилъ себѣ у Господа богатства, а просилъ себѣ только мудрости, по которой онъ мудро правилъ своимъ царствомъ, а вслѣдствіе его мудраго правленія Іудейское царство въ его время отличалось полнымъ благосостояніемъ и изобиліемъ во всемъ. Такъ какъ Соломонъ былъ мудрѣе всѣхъ царей Іудейскихъ, то ни при одномъ царѣ Іудейское царство не отличалось такимъ богатствомъ и довольствомъ, какъ при немъ.

Ясно можете отсюда видѣть, что съ мудростію, съ образованіемъ, само собою сопровождается богатство и честь.

Образованный человѣкъ всегда удостоивается уваженія. Развѣ вы встрѣчали когда-нибудь истинно образованнаго человѣка, къ которому бы невольно въ вашей душѣ не раждалось уваженіе?

Правда, можете вы встрѣтить образованнаго человѣка который страдаетъ отъ бѣдности, но вы никогда не встрѣтите образованнаго человѣка, какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ, который бы такъ сказалъ: »я бы желалъ быть глупцемъ, лишь-бы быть богатымъ«. Образованный человѣкъ богатъ уже потому, что умѣетъ находить довольство въ своей собственной душѣ, не говоря уже о томъ, что образованіе даетъ ему непосредственные способы добыть себѣ матеріальное довольство.

Нерѣдко впрочемъ вы встрѣтите людей богатыхъ, неполучившихъ никакого образованія, и въ тоже время людей грубыхъ. При встрѣчѣ съ ними въ вашей душѣ не возбуждается къ нимъ особаго расположенія. Если-же вы встрѣчаетесь съ богатымъ хотя не получившимъ образованія, но человѣкомъ добрымъ, то при сближеніи съ нимъ скажете себѣ: »жаль, что этотъ добрый богатый человѣкъ нигдѣ не получилъ образованія; онъ бы иначе жилъ и разумнѣе распоряжался бы своимъ богатствомъ, и для общества отъ него было бы гораздо больше пользы«.

Такъ, дѣти, только съ образованіемъ соединяется истинное довольство и истинная честь. Итакъ, учитесь, помня, что, получая образованіе, вы мало помалу пріобрѣтаете себѣ довольство и честь.

Въ мірѣ Божіемъ вездѣ разбросаны богатства премудрости и благости Божіей. Вы учитесь съ цѣлью— познавать премудрость и благость Божію и извлекать себѣ изъ нихъ пользу во славу Богу, въ утѣшеніе родителямъ и на пользу всему обществу, какъ объ этомъ вы и молитесь каждый день предъ началомъ уроковъ.

Но, получая образованіе, вы должны и вести себя хорошо, должны слушаться родителей, начальниковъ и

учителей, потому что никто не желаетъ вамъ столько добра, какъ ваши родители и наставники.

Еслибы, допустимъ, кто изъ васъ получалъ образованіе и хорошее, но въ тоже время велъ себя не хорошо: не слушалъ добрыхъ наставленій своихъ родителей и учителей,—тому образованіе не принесетъ пользы. Премудрый Соломонъ только тогда видѣлъ вокругъ себя богатство и славу, когда имѣлъ въ виду примѣръ своего благочестиваго родителя Давида и помнилъ завѣщаніе его относительно св. храма. Но когда онъ пересталъ поступать такъ, какъ поступалъ его отецъ, когда онъ началъ вести жизнь порочную, сталъ забывать даже объ истинномъ Богѣ, то его царство постепенно стало приходить въ упадокъ и дошло до такого безпорядка, что немедленно послѣ смерти, когда на престолъ вступилъ сынъ его, произошолъ бунтъ, и царство его раздѣлилось на двѣ части, которыя уже никогда не видѣли у себя такого благоденствія, какимъ онѣ наслаждались при жизни Соломона, когда онъ былъ благочестивымъ.

Имѣйте всегда въ виду этотъ примѣръ, и не только хорошо учитесь, но и ведите себя хорошо, посѣщайте храмъ Божій, считайте грѣхомъ оскорбить своихъ родителей и учителей; они вамъ ничего другаго не желаютъ, какъ только того, чтобы вы были здоровы душею и тѣломъ. Вознесите же теперь отъ своихъ чистыхъ сердецъ усиленныя молитвы ко Господу Богу, Отцу Небесному, да подастъ Онъ вамъ силы внимать преподаваемому вамъ ученію, творить благо и удаляться отъ всякаго зла.

Свящ. *А. Ковальницкій.*

Законы Моисея о способахъ церковной, общественной и частной благотворительности, какъ указаніе для руководства пастырямъ церкви, при устройствѣ церковно-приходской благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ[1]).

I. Есть много основаній утверждать, что во времена Моисея изъ среды бѣдныхъ евреевъ не выработалось еще того выразительнаго типа нищихъ, для которыхъ нищенство составляетъ ремесло и которые наводняютъ всѣ многолюдныя мѣста большихъ городовъ, осаждая проходящихъ своими неотступными просьбами о подаяніи дневнаго пропитанія. По замѣчанію археологовъ (Iahn. Arch. bibl. p. I. c. XI. § 182; Tareau. Ant. Hebr. p. IV. c. VI. § 5), во всемъ Пятокнижіи и даже въ тѣхъ св. книгахъ, появленіе которыхъ относится ближе ко времени заселенія Палестины евреями, совершенно не упоминается о нищихъ выпрашивающихъ милостыню. О несчастныхъ, ищущихъ пищи (mebaqqesch lâhém) и о бѣдныхъ, которые просятъ (schiélou), упоминается въ первый разъ только въ псалмахъ (Псал. XXXVI, 25 и CVIII, 10). Изъ одного этого факта справедливо можно заключить, что нищихъ, бродящихъ по улицамъ и по домамъ за подаяніемъ,—нищихъ по ремеслу у евреевъ не было, по крайней мѣрѣ во времена Моисея, а потому и въ постановленіяхъ Моисея относительно благотворительности бѣднымъ нѣтъ правилъ и предписаній о мелочной, поручной подачѣ бѣднымъ. Намъ кажется, что такая незначительная помощь, могущая предохранить бѣдныхъ только отъ голодной смерти, была-бы дѣломъ совершенно лишнимъ; потому что и помимо этого способа бѣдные у евреевъ всегда могли находить себѣ дневное пропитаніе.

Кромѣ семейныхъ праздниковъ и торжествъ по случаю окончанія жатвы и оставленія десятины (Втор. XII. 12.

[1]) См. № 34.

17, 18; XIV. 22—29; XVI. 11—14), на которые непремѣнно приглашались бѣдные пришельцы, сироты и вдовы,—бѣдные могли находить себѣ дневное пропитаніе на поляхъ и садахъ каждаго еврея. Всякій поземельный собственникъ, какъ поселенецъ Іеговы (Лев. XXV. 23), не имѣлъ неограниченнаго права на безусловное пользованіе плодами, произраставшими на его участкѣ; строго не опредѣленная, но тѣмъ не менѣе довольно значительная часть его жатвы должна была идти въ пользу всякаго рода нуждающихся и составляла такимъ образомъ одинъ изъ видовъ благотворительности бѣднымъ. Законъ не возбранялъ, а напротивъ повелѣвалъ каждому, пришедшему на чье-либо поле или же въ садъ, ѣсть находящіеся тамъ плоды »елико души насытитися«,—запрещалось только уносить плоды домой или приносить на чужую ниву серпъ и жать колосья (Втор. XXIII. 24, 25). При обиліи и разнообразіи видовъ плодовъ полевыхъ и садовыхъ, которыми такъ богата была земля Палестины, бѣдные, можно сказать, большую часть года могли весьма легко находить себѣ такимъ образомъ даровое пропитаніе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти плоды поспѣвали далеко не въ одно и то-же время года. Этотъ способъ пропитанія бѣдныхъ, конечно, далеко выгоднѣе для самихъ бѣдныхъ, чѣмъ ежедневное собираніе милостыни по домамъ и многолюднымъ мѣстамъ. Что-же касается до того, чѣмъ могли кормиться бѣдные евреи въ остальное время года, т. е. послѣ сбора жатвы и до зрѣлости новыхъ плодовъ, то и въ этомъ случаѣ положеніе бѣдныхъ было обезпечено у евреевъ довольно прочно. Такое прочное обезпеченіе представляютъ многочисленныя правила и постановленія, предписанныя Моисеемъ относительно собранія плодовъ каждаго года. Законодатель, если можно такъ выразиться, обезпечилъ бѣднымъ право на пользованіе частью произведеній земли, обѣщан-

ной ихъ предкамъ и раздѣленной сначала поровну. Во время жатвы, по правиламъ и предписаніямъ закона, бѣдный пришелецъ, вдова и сирота являлись непремѣнными участниками на ниву каждаго поземельнаго собственника. На долю каждаго изъ этихъ несчастныхъ законъ повелѣвалъ оставлять на нивахъ цѣлые углы совершенно не сжатыми и запрещалъ дочиста подбирать упавшіе и не сжатыя колосья. Забытый на нивѣ снопъ шелъ также въ пользу нуждающихся и хозяинъ нивы не долженъ былъ возвращаться, чтобы взять его. Подобное-же распоряженіе встрѣчаемъ и въ отношеніи къ собранію плодовъ въ садахъ. Всѣ плоды, остающіеся на масличныхъ, виноградныхъ и смоковныхъ деревьяхъ, послѣ собранія съ нихъ плодовъ хозяиномъ, предоставлялись въ пользу бѣдныхъ, пришельцевъ, вдовъ и сиротъ; при этомъ рекомендовалось даже владѣльцамъ садовъ и виноградниковъ обирать свои сады и виноградники не до-чиста, тщательно осматривая каждую вѣтку, а, напротивъ, намѣренно оставлять на вѣткахъ нѣсколько плодовъ (Лев. XIX. 9—10; XXIII. 22; Втор. XXIV. 19—20). Въ силу этого постановленія всѣ лица, *лишившіеся поземельной собственности*, пріобрѣтали, такъ сказать, даровую жатву на ряду съ людьми достаточными и на земляхъ этихъ послѣднихъ. Нѣтъ никакихъ основаній считать всѣхъ этихъ, разными способами оставляемыхъ въ пользу нуждающихся плодовъ—ничточными, мелкими крохами, падающими отъ избытковъ богатыхъ. Въ общей сложности изъ этихъ разсыпанныхъ крохъ могло составиться довольно значительное количество плодовъ. По толкованію талмудистовъ, количество оставляемыхъ, такимъ образомъ, плодовъ, поступающихъ въ пользу бѣдныхъ, должно было равняться $^1/_{60}$ всего годоваго дохода извѣстнаго владѣльца (см. Калужск. Еп. Вѣдом. 1866. № 9, стр. 268).

Отъ бѣдныхъ требовался только трудъ для сбора этихъ, въ разныхъ мѣстахъ оставленныхъ плодовъ, и этимъ запасомъ, сдѣланнымъ во время и послѣ общей жатвы, они могли обезпечить себя до зрѣлости плодовъ слѣдующаго года. Если взять при этомъ во вниманіе то, что число бѣдныхъ въ каждомъ народѣ, а тѣмъ болѣе въ народѣ еврейскомъ, жившемъ на землѣ »текущей медомъ и млекомъ«, всегда несравненно менѣе числа достаточныхъ людей; то въ результатѣ окажется, что количество оставляемыхъ на поляхъ и въ садахъ плодовъ было совершенно достаточно для пропитанія этихъ незначительныхъ единицъ. Ко всему этому можно прибавить еще и то, что въ шестой годъ совершенно запрещалось евреямъ засѣвать поля и собирать плоды въ садахъ: все выросшее на этихъ не воздѣланныхъ поляхъ и садахъ шло на пропитаніе убогихъ (Исх. XXIII 11—12; XXV. 4—7). Но, какъ справедливо можно догадываться, не всѣ евреи, почему либо пришедшіе въ матеріальный упадокъ и убожество, предпочитали пользоваться этого рода благотворительностью. По всей вѣроятности, къ собиранію оставленныхъ плодовъ бѣдные прибѣгали только въ случаѣ крайности,—уже тогда, когда всѣ средства къ поправленію ихъ горькаго положенія оказывались не дѣйствительными. Эти оставленные плоды шли по преимуществу на содержаніе пришельцевъ, вдовъ и сиротъ, которымъ оставалось уже послѣднее и единственное средство для безбѣднаго существованія продаться въ рабство какому-либо богатому землевладѣльцу. Но для только что обѣднѣвшаго еврея такое пользованіе оставшимися въ садахъ и на поляхъ плодами не представляло особенныхъ выгодъ, потому что оно доставляло ему, хотя и безбѣдное, но только насущное пропитаніе. Его будущность представлялась всё въ тѣхъ-же непривлекательныхъ краскахъ и для сколько-нибудь прочнаго

обезпеченія ея обѣднѣвшій еврей съ большею готовностію прибѣгалъ къ другимъ средствамъ благотворительности, исходящей отъ щедротъ болѣе достаточныхъ его собратовъ. Такими способами могли представляться прежде всего—займы.

II. Случайная бѣдность, произшедшая отъ падежа рабочаго скота, неурожая, войны и проч. несчастныхъ и непредвиденныхъ обстоятельствъ, далеко не была гибельна для еврея и не сопряжена была неминуемо съ тѣми вредными послѣдствіями, которыми сопровождается это явленіе у другихъ народовъ. »Если обѣднѣетъ братъ твой и придетъ въ упадокъ у тебя, говорилъ законодатель своему народу, то поддержи его хотя бы то былъ пришлецъ и поселенецъ, чтобы онъ живъ былъ у тебя« (Лев. XXV 35). Эта поддержка выражалась въ займахъ. Займы составляющіе такую важную и прибыльную статью дохода для современныхъ богатыхъ евреевъ далеко не отличались такимъ безжалостно меркантильнымъ характеромъ. У нихъ займы составляли не средство еще болѣе нажиться людямъ богатымъ, а благородное и гуманное средство благотворить нуждающимся и ищущимъ временной метеріальной поддержки. По смыслу предписаній Моисея всякаго рода ссуды бѣдному—природному-ли еврею или только пришельцу смотря по нуждѣ и требованію просящаго—деньгами или вещами—представляются только простымъ временнымъ пособіемъ въ нуждѣ или въ трудныхъ обстоятельствахъ своего собрата. Въ силу этого всякій меркантильный разсчетъ, барышничество, выгода совершенно уничтожались и изгонялись изъ займовъ, и самые займы вмѣнялись богатымъ, такъ сказать, въ непремѣнную обязанность (Втор. XV. 9—10). Займы производились какъ вещами, такъ и деньгами. Всякій еврей, почувствовавшій нужду въ деньгахъ, хлѣбѣ, рабочемъ

скотѣ, или въ какихъ-либо иныхъ необходимыхъ вещахъ, могъ обращаться къ своему собрату и просить у него въ займы, на извѣстный срокъ, по прошествіи котораго онъ обязывался возвратить занятое. Если при этомъ оказывалось какое-либо поврежденіе въ занятыхъ вещахъ, если напр. взятый оселъ или волъ потерпитъ вредъ, или умретъ, или будетъ растерзанъ звѣремъ, или будетъ украденъ, и все это случится безъ умысла и вины взявшаго; то, въ такомъ случаѣ, занимавшій не платитъ хозяину за изъянъ, и хозяинъ не имѣетъ даже права требовать съ него чтобы—то ни было (Исх. XXII. 10—15). Такъ какъ займы, по мысли законодателя, должны были составлять только одно изъ средствъ благотворительности, то, при этомъ, совершенно уничтожались притѣсненія, дѣлаемыя въ подобныхъ случаяхъ сильною стороною слабой. Брать во время займа проценты или прибыль законъ допускалъ только въ отношеніи къ иностранцамъ (Втор. XXIII. 20; сравн. 15. 3); при займѣ-же жителю Палестины—еврею или пришельцу—заимодавцамъ строго запрещалось давать въ ростъ серебро, хлѣбъ или другую какую-либо вещь, которую можно давать въ ростъ (Исх. XXII. 25; Втор. XXIII. 19; ср. Пс. XV. 5; Іезек. XVIII. 8; XXII. 12). Но въ свою очередь и заимодавецъ не оставался совершенно безъ всякой гарантіи на право получить съ своего должника удовлетвореніе за занятую этимъ послѣднимъ вещь. При займахъ законодатель дозволилъ заимодавцамъ принимать отъ просящихъ разнаго рода залоги (Исх. XXII. 26—27; Втор. XXIV. 6, 10—13). Принимая залоги, заимодавцы должны были однакоже свято соблюдать нѣкоторыя очень важныя ограниченія. Они не должны были требовать въ займы какую-нибудь опредѣленную вещь, а довольствоваться тѣмъ, что приносилъ имъ занимавшій и безъ чего этотъ послѣдній могъ легко обойтись въ данный проме-

жутокъ времени. Благородство и гуманность обращенія съ бѣдными, нуждающимися въ помощи, проглядывающая во всѣхъ видахъ займовъ, ясно высказывалась и при принятіи залоговъ Въ обращеніи съ должниками законодатель предписываетъ заимодавцамъ кротость, вѣжливость и осторожность. Онъ строго запрещалъ заимодавцу входить въ домъ должника для того, чтобы взять съ него залогъ; вмѣсто этого заимодавцу рекомендуется постоять на улицѣ, пока ему не вынесетъ туда его должникъ залога (Втор. XXIV. 10—11). Кромѣ того не всѣ вещи бѣдняка могли дѣлаться предметомъ залога и быть принимаемы заимодавцами. Верхній и нижній жерновый камень, равно какъ и одежда вдовы, совершенно исключались изъ предметовъ залога (Втор. XXIV. 6, 17). Верхняя одежда бѣднаго могла быть принята только на самый короткій срокъ, и, въ случаѣ пріема такого залога, законъ запрещалъ заимодавцу ложиться спать, до тѣхъ поръ пока онъ не возвратитъ этого залога его владѣльцу. »Возврати бѣдному залогъ до захожденія солнца, чтобы онъ могъ спать въ одеждѣ своей и благословилъ тебя (Втор. XXIV. 12—13). При холодныхъ ночахъ Палестины возвращеніе такого залога, какъ верхняя одежда, было существенно необходимо, особенно для бѣднаго, который, быть можетъ, не имѣлъ крова и принужденъ былъ ночевать подъ открытымъ небомъ.

Таковы правила и постановленія Моисея относительно займовъ,—правила, по истинѣ, исполненныя высокой гуманности и божественной мудрости. Подобнаго рода займы не могли не быть въ высшей степени благодѣтельными для случайно и внезапно обѣднѣвающихъ. Пользуясь такими займами, всякій случайно обѣднѣвшій еврей легко могъ поправить разстроенное свое состояніе, такъ какъ въ займахъ открывалась ему всесторонняя и разнообразная помощь. Если же и послѣ такой значительной помощи,

бѣдный еврей не успѣвалъ поправить своего упавшаго состоянія и по прежнему оставался безъ прочныхъ средствъ къ жизни, если домъ и прочія вещи проданы или заложены имъ, если онъ лишился даже поземельной собственности; то и въ такомъ случаѣ для него далеко еще не все потеряно. Онъ могъ идти за плату въ услуженіе къ болѣе состоятельнымъ своимъ собратамъ, или продаться въ рабство и, по истеченіи извѣстнаго срока, опять сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ.

III. На первый взглядъ представляется довольно страннымъ встрѣтить между перечисленіемъ способовъ благотворительности у евреевъ—наймы въ услуженіе и добровольную продажу въ рабство. Наймы въ услуженіе, а тѣмъ болѣе рабство, ни у одного народа не считались и не считаются средствомъ благотворить нуждающимся. Никто не называетъ благотворительностью условную плату слугъ. Какъ выдающій плату за услуженіе, такъ и принимающій её считаютъ себя взаимно обязанными; на полученіе ея нанимающійся пріобрѣлъ неотъемлемое законное прево. Не то было у евреевъ. Наймы въ услуженіе и продажа въ рабство дѣйствительно служили у нихъ однимъ изъ способовъ благотворительности бѣднымъ и ближайшее знакомство съ положеніемъ такихъ бѣдныхъ покажетъ намъ, на сколько иногда явленіе, само по себѣ непривлекательное, при хорошей юридическо-нравственной постановкѣ, можетъ быть возвышено до идеальнаго совершенства и истинной благотворительности.

Послѣ неоднократныхъ попытокъ поправить упавшее свое состояніе посредствомъ займовъ, нужда заставляла случайно обѣднѣвшаго закладывать или продавать свои домашніе пожитки, домъ и даже землю. Законодатель такъ снисходительно смотрѣлъ на подобнаго рода поступки бѣдняковъ, что, даже проданные вещи, дозволилъ выку-

пать или самому продавшему или его родственникамъ. Если-же по какому-либо случаю ни самъ продавшій, ни его родственники не были въ состояніи выкупить заложенныхъ или проданныхъ вещей; то онѣ, напр. домъ и земля оставались во владѣніи купившаго до юбилейнаго года, когда по закону должны были отойти къ прежнему ихъ владѣльцу (Лев. XXV. 24—31). Та-же горькая нужда заставляла бѣднаго, продавшаго или заложившаго все свое имѣніе, идти къ кому-либо изъ достаточныхъ своихъ собратовъ въ услуженіе или даже въ добровольное рабство; эта высокая черта, присущая всякому юному, еще не испорченному морально народу, особенно выразительна и рельефна у древнихъ евреевъ. Обѣднѣвшій еврей имѣлъ много закономъ утвержденныхъ правъ безъ особенной нужды проживать на счетъ достаточныхъ своихъ собратовъ, самъ ничего не дѣлая. Дневное пропитаніе, и даже больше того, было всегда обезпечено еврейскимъ бѣднымъ. Но они были слишкомъ совѣстливы, чтобы оставаться тунеядцами и служить для своихъ согражданъ лишнимъ бременемъ;—этому они предпочитали идти въ наймы и даже продаваться въ рабство. Для большаго поощренія такого добраго качества въ своемъ народѣ, законодатель подробно и прочно оградилъ права нанимающихся на полученіе заслуженной ими платы и строго предписалъ господамъ, чтобы они не только »не лишали наемника мзды его«; но въ тотъ-же день, до захожденія солнца, отдавали заслуженную имъ плату (Втор. XXIV. 14—15). Благотворительное значеніе такого распоряженія обнаруживается изъ того, что наемникъ, еще не дождавшись окончанія дня, могъ оставлять работу и идти удовлетворить на заработанную плату нуждамъ своего семейства. Болѣе чертъ благотворительности высказывается въ постановленіяхъ Моисея въ отношеніи къ бѣднымъ, добровольно прода-

ющимся въ рабство. Какой законъ существовалъ на счетъ проданныхъ домовъ и земель (Лев. XXV. 26—31), тотъ-же законъ, съ незначительными измѣненіями, простирался и на рабовъ. Нельзя опредѣленно сказать, могъ ли закабалившійся въ рабство отойти на волю раньше извѣстнаго срока, въ томъ случаѣ, если онъ или его родственники принесутъ за него выкупъ. Между постановленіями Моисея не встрѣчаемъ опредѣленныхъ правилъ на этотъ случай. Законъ упоминаетъ только о бѣдномъ евреѣ, продавшемся въ рабство пришельцу, и такового положительно дозволяетъ выкупить его родственникамъ (Лев. XXV. 47—54). Впрочемъ, на основаніи одного мѣста въ книгѣ Исхода (XXI. 8)—гдѣ говорится, что, если евреянка, проданная въ рабство, не будетъ угодна своему господину, и онъ не захочетъ ее взять вмѣсто жены ни себѣ, ни своему сыну; то пусть дозволитъ выкупить её—на основаніи этого мѣста, можно предполагать, что выкупъ бѣдныхъ, продавшихся въ рабство и къ еврею, не былъ окончательно воспрещенъ. Но если допустить, что рабъ дѣйствительно обязанъ былъ прослужить своему господину извѣстное число лѣтъ; то и въ такомъ случаѣ его положеніе не было такъ печально и безотрадно, какъ положеніе рабовъ у другихъ, и притомъ самыхъ образованныхъ народовъ древняго міра.

Узаконяя рабство, греческіе и римскіе законодатели проводили слишкомъ рѣзкую черту между свободными гражданами и рабами. Послѣдніе, какъ существа низшей скотской породы, лишены были названія людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ покровительства законовъ и всякихъ правъ. Законъ предоставлялъ владѣльцу полное и не ограниченное право надъ рабами; поэтому рабы были вполнѣ вещь (res), изъ которой господа могли дѣлать самое обширное и произвольное приложеніе. Въ Римѣ выработалось весьма

характерное выраженіе для обозначенія раба—говорящая машина (instrumentum vocale) — вполнѣ обрисовывающее тогдашее положеніе рабства.

И дѣйствительно, положеніе рабовъ было до крайности безотраднымъ. Безжалостно муча ихъ тяжелыми работами и кормя хуже свиней, господа содержали ихъ въ тюрьмахъ, на цѣпяхъ; какой-нибудь самой незначительной провинности было достаточно для того, чтобы господинъ, иногда движимый простымъ капризомъ, отдавалъ приказъ, и несчастныхъ распинали на крестахъ, вѣшали, разсѣкали на части, сжигали живьемъ, цѣлыми сотнями отправляли въ циркъ на борьбу съ дикими звѣрями и бросали въ пищу муренамъ[1]). Такое звѣрское обращеніе римлянъ со своими рабами превосходило-бы всякое вѣроятіе, если-бы не было фактомъ, дѣйствительно существовавшимъ! Послѣ этой раздирающей душу картины положенія рабовъ у грековъ и римлянъ пріятно остановить свой взглядъ на томъ положеніи, въ какомъ находились эти люди, потерявшіе личную свободу и гражданскія права, у древнихъ евреевъ. Но, касаясь положенія рабовъ въ еврейскомъ народѣ, мы считаемъ нужнымъ напередъ оговориться въ томъ, что мы будемъ входить въ разсмотрѣніе ихъ положенія именно настолько, насколько въ этомъ положеніи высказывались черты благотворительности евреевъ къ этимъ людямъ.—Евреи не могли не сознавать равноправности рабовъ со всѣми людьми въ нравственномъ отношеніи, потому что такое равенство всюду предписывалось въ данномъ имъ законѣ. По мысли законодателя духъ человѣколюбія, братскаго союза и общенія съ каждымъ человѣкомъ, живущимъ въ средѣ народа Божія, долженъ былъ служить основнымъ элементомъ соціальнаго благоустрой-

[1]) Мурена (Anguilla murena; Μυραῖνα)—морской угорь, съ красивыми пятнышками на спинѣ; водится у береговъ Сициліи.

ства еврейскаго народа. Одно изъ сильныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ возбужденію человѣколюбія и милосердія къ рабамъ народъ видѣлъ въ томъ, что и самъ онъ нѣкогда былъ рабомъ въ землѣ египетской, и на этотъ печальный фактъ еврейской исторіи законодатель указываетъ почти вездѣ, гдѣ только идетъ рѣчь о рабахъ (Исх. XXIII. 9; Лев. XIX. 34; Втор. V. 15; XVI. 12 и др.). Такимъ образомъ, одно уже это признаніе за рабами человѣческаго достоинства и нравственнаго равенства рѣзко выдѣляетъ въ этомъ отношеніи народъ еврейскій изъ среды всѣхъ народовъ древности. Но такими общими воззрѣніями и соображеніями, подымавшими нравственную сторону евреевъ на возможно высокую степень совершенства, не ограничивается и не исчерпываются заботы законодателя о положеніи рабовъ въ средѣ своего народа. Онъ предписываетъ много частныхъ постановленій, направленныхъ къ водворенію самыхъ добрыхъ и человѣколюбивыхъ, чисто семейныхъ отношеній между господами и ихъ рабами. Рабы, особенно изъ евреевъ или принявшихъ еврейскую религію, становились, такъ сказать, членами семьи, были живыми участниками во всѣхъ семейныхъ радостяхъ и торжествахъ своихъ господъ. Чрезъ брачныя связи они могли вступать даже въ родство съ своими господами (Исх. XXI. 7; Втор. XXI. 10—14). Впрочемъ и въ отношеніи ко всѣмъ вообще рабамъ еврей обязывался сохранять милосердіе и справедливость. Господа сами работали на поляхъ и пасли стада на ряду со своими рабами (Исх. III. 1; 1 Цар. XI. 5; XVI. 11; XVII. 26, 28; 34; 3 Цар. XIX. 19; и др.), и вечеромъ всѣ вмѣстѣ возвращались домой. День покоя для господина былъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ отдыха для всѣхъ его рабовъ (Исх. XX. 10; XXIII. 12; Втор. V. 14—15). Во дни праздничные рабы участвовали также въ удовольствіяхъ своихъ господъ и ве-

селились съ ихъ семействомъ (Втор. XII. 18; XVI. 11, 12, 14). (Исключеніе составлялъ только праздникъ Пасхи; въ немъ не могли участвовать всѣ вообще рабы, а только люди обрѣзанные и совершенно принятые въ общество народа Божія). Относительно продовольствія рабовъ пищею, существовавшее правило: »не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ« (Второзак. XXV. 4) безъ сомнѣнія распространялось и было прилагаемо къ рабамъ. Суровое и жестокое обращеніе съ рабами не было терпимо и запрещалось закономъ. По правиламъ закона, господинъ, изувѣчившій раба или рабыню, обязывался тотъ-же часъ отпустить ихъ на волю (Исх. XXI. 26—27), а убившій того или другую подлежалъ наказанію, какъ убійца (Исх. XXI. 20). Города убѣжища, назначенные для пріюта невольнымъ убійцамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давали защиту и покровительство рабу, убѣжавшему отъ жестокаго обращенія своего господина.

Особенно хорошо было положеніе рабовъ евреевъ, добровольно продавшихся въ рабство. Въ Пятикнижіи эти рабы всюду встрѣчаются съ именемъ »братьевъ«, и законодатель предписываетъ смотрѣть на нихъ не какъ на рабовъ, а какъ на наемныхъ слугъ (Лев. XXV. 40. 53), которые, прослуживши извѣстный срокъ, должны были отходить на свободу, почему и самая работа, возлагаемая на нихъ, не должна была быть работою рабскою (Лев. XXV. 39). Эти рабы обязаны были служить 6 лѣтъ, а на седьмой ихъ должно было отпускать на свободу безъ всякаго выкупа (Исх. XXI. 2; Втор. XV. 12), и притомъ господинъ, отпуская такихъ рабовъ, обязанъ былъ наградить ихъ домашнимъ скотомъ, хлѣбомъ и другими продуктами, которыми благословилъ его самого—Іегова (Втор. XV. 13—14).—Такимъ образомъ, благотворительное значеніе рабства у евреевъ выражалось въ томъ, что, при

умѣренной работѣ, равной съ господами, и при гуманномъ обращеніи, рабы получали хорошее содержаніе и становились какъ-бы членами семьи своего господина, участвуя въ его семейныхъ радостяхъ и торжествахъ; а рабы, добровольно подвергшіеся этой участи, сверхъ всего этого, сверхъ своей платы, за которую они продавались господину, въ годъ отпуска пользовались еще добровольнымъ, но довольно значительнымъ, матеріальнымъ обезпеченіемъ. При такомъ юридическомъ и нравственномъ положеніи рабовъ въ еврейскомъ народѣ, не удивительно, что многіе свободные, но бѣдные евреи рѣшались жертвовать своею свободою, и вмѣсто горькаго нищенства и тунеядства предпочитали идти въ рабство.

IV. Мы прослѣдили постепенно одинъ за другимъ всѣ способы благотворительности, которыми могъ пользоваться случайно обѣднѣйшій еврей въ разные періоды своей бѣдности; указали существовавшія средства, съ помощью которыхъ онъ могъ поправить свое упавшее состояніе, и описали его положеніе въ рабствѣ, куда онъ продавался опять таки для поправленія своего состоянія и избѣжанія постояннаго нищества. Намъ остается сказать теперь о тѣхъ временахъ, когда, по предписанію законодателя, возвращалось бѣднымъ заложенное или проданное ими недвижимое имѣніе, а продавшимся въ рабство возвращалась и вѣчная свобода, послѣ чего они снова дѣлались самостоятельными хозяевами. Такими временами у евреевъ были: субботній или седьмой годъ и потомъ пятьдесятый, или—малый и великій юбилеи.

А). Годъ субботній или годъ малаго юбилея повторялся у евреевъ чрезъ каждыя шесть лѣтъ. Этотъ годъ былъ годомъ покоя какъ для земли, такъ и для ея жителей. Евреи не обработывали въ этотъ годъ полей и не собирали плодовъ съ виноградниковъ и садовъ (Лев. XXV. 3—4).

Этотъ годъ былъ также годомъ веселія для бѣдныхъ. Кромѣ дароваго пропитанія на поляхъ и въ садахъ каждаго поземельнаго собственника (Лев. XXV. 5—6), бѣдные покончивали въ этотъ годъ почти всѣ счеты со своими заимодавцами и господами. Въ этотъ годъ производилось »отпущеніе Господу Богу« (Втор. XV. 2), какового терминомъ обозначалось прощеніе заимодавцами всѣхъ долговъ числящихся за жителями Палестины—какъ евреями, такъ и пришельцами—покончивались всякіе иски съ этихъ должниковъ. Въ эту категорію не входили только должники изъ иноземцевъ, долгъ съ которыхъ дозволялось взыскивать и послѣ юбилейнаго года (Втор. XV. 2—3). Кромѣ того въ этотъ-же годъ было отпущеніе на волю рабовъ изъ евреевъ, добровольно продавшихся своимъ господамъ (Исх. XXI. 2; Лев. XXV. 40—41; Втор. XV. 12). Законодатель предписываетъ отпускать на свободу этого рода рабовъ не съ пустыми руками. Въ награду за ихъ услуженіе господинъ долженъ былъ дать имъ при отпускѣ сколько нибудь изъ стадъ своихъ, и изъ гумна своего, и изъ точила своего; дать изъ всего, чѣмъ благословилъ его самого Іегова (Втор. XV. 13—14). Въ оправданіе справедливости такого предписанія законодатель указываетъ на то, что отпускаемый рабъ въ продолженіе шести лѣтъ заработалъ своему господину вдвое противъ платы наемника (Втор. XV. 15). Но, какъ видно, не всѣ рабы предпочитали пользоваться такимъ освобожденіемъ. Въ законѣ есть правила и на тотъ случай если рабъ не захочетъ разстаться съ своимъ господиномъ—потому-ли, что ему понравился господинъ, или потому, что во время рабства онъ обзавелся женою и дѣтьми и не хотѣлъ разставаться съ ними. Въ такомъ случаѣ господинъ долженъ былъ привести раба или рабыню, желающихъ остаться у него, къ двери, и у косяка или порога ея проколоть имъ

ухо шиломъ, послѣ чего они оставались у него рабами на всегда (Исх. XXI. 3, 6; Втор. XV. 16—17).

Великій субботній годъ, или годъ великаго юбилея повторялся чрезъ каждыя 50 лѣтъ, по прошествіи 7 малыхъ юбилеевъ (Лев. XXV. 8—55). Годъ великаго юбилея ознаменовывался не только отпущеніемъ всѣхъ долговъ и рабовъ; но и недвижимыхъ и поземельныхъ владѣній, хотябы эти послѣднія и были проданы. Впрочемъ, относительно возвращенія проданныхъ домовъ существовали нѣкоторыя ограниченія. Домы въ селеніяхъ вокругъ которыхъ не было стѣнъ, возвращались безпрекословно; но домы въ городѣ, окруженномъ стѣнами, не могли быть возвращаемы въ юбилейный годъ. Продавшій могъ получить обратно такой домъ только въ такомъ случаѣ, если приносилъ за него выкупъ не позже, какъ чрезъ годъ; иначе домъ дѣлался вѣчною собственностью купившаго (Лев. XXV. 29—31). Земли-же, какъ заложенныя, такъ и проданныя, возвращались въ юбилейный годъ безъ всякаго выкупа и ограниченія (Лев. XXV. 10, 28).

Въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи юбилейные годы имѣли въ еврейскомъ народѣ великое жизненное значеніе. Установленіе ихъ предупреждало, съ одной стороны, накопленіе богатствъ въ однихъ рукахъ, что всегда отзывается невыгодными послѣдствіями въ экономіи извѣстной страны, съ другой—ограничивало и задерживало развитіе пролетаріата и, хотя на нѣкоторое время, уравновѣшивало и болѣе или менѣе соразмѣряло въ народѣ матеріальныя средства жизни. Какъ ни точны и строги были постановленія Моисея, навсегда удерживавшія поземельную собственность за ея первыми владѣльцами и потомками этихъ послѣдпихъ и ограничивавшія переходъ такой собственности въ чужія руки (Исх. XIX. 5; XXIII. 22; Лев. XXV. 23; Числ.

XXXIII. 53; Втор. XIX 14); но первоначальный порядокъ не могъ быть вѣчнымъ. Вслѣдствіе разныхъ причинъ злоупотребленія должны были явиться очень скоро. Мало по малу поземельная собственность могла сосредоточиться въ рукахъ немногихъ богатыхъ людей, что отозвалось бы страшнымъ угнетѣніемъ на сильно развившемся и принявшемъ огромные размѣры бѣдномъ классѣ общества и сопровождалось-бы всегдашнимъ безвыходнымъ рабствомъ этого послѣдняго класса въ отношеніи къ первому. Юбилейные же годы, особенно годъ великаго юбилея, дѣлали такое явленіе положительно невозможнымъ въ средѣ еврейскаго народа. Съ установленіемъ юбилейныхъ годовъ бѣдные не могли навсегда лишаться поземельныхъ владѣній и всю послѣдующую свою жизнь оставаться жалкими пролетаріями, ищущими только насущнаго пропитанія; всѣ семейства и поколѣнія нѣкоторымъ образомъ уравновѣшивались въ правахъ собственности, и бѣдные, вновь получивши потомственную поземельную собственность, могли снова поправить упавшее свое состояніе и крѣпко гарантировать свою экономическую, а чрезъ то, и нравственную самостоятельность.

Итакъ, мы изложили всѣ прямыя и косвенныя мѣропріятія, какими законодатель еврейскаго народа, по указанію Божію, желалъ предотвратить зарожденіе и развитіе нищенства въ народѣ Божіемъ. Изложенные въ совокупности и порядкѣ эти законы Моисея о бѣдныхъ и нищихъ составляютъ богатый и плодовитый матерьялъ для пастыря церкви въ дѣлѣ его проповѣди прихожанамъ о благотворительности меньшей братіи,—противъ жестокости и немилосердія заимодавцевъ, противъ холоднаго и безучастнаго отношенія къ раззоряющемуся брату. Законъ Моисея, съ этой именно стороны, въ опредѣленныхъ со-

вѣтахъ и положительныхъ постановленіяхъ, сказалъ еврейскому народу почти всё, что сказало въ этомъ отношеніи евангеліе, предлагая христіанину въ руководство идеалъ полнаго самоотверженія въ пользу ближняго. Моисей не все сказалъ, потому что не могъ еще тогда сказать, только—о самоотверженіи. Съ другой стороны изложенные законы Моисея о благотворительности бѣднымъ могутъ служить для богатыхъ указателемъ тѣхъ способовъ, какими можетъ воспользоваться пастырь церкви при устройствѣ и развитіи системы приходскаго призрѣнія бѣдныхъ, что̀ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ церковно-приходскихъ попечительствъ.

О МОЛОКАНСТВѢ[1]).

Изложеніе вѣроученія каждаго мол. толка порознь.

I. Воскресенники—молокане, именующіеся духовными христіанами, главнымъ символомъ своей вѣры считаютъ слова Спасителя: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 23 и 24); *упованіе видимо нѣсть упованіе* (Римл. VIII, 24). На этомъ тезисѣ построено у нихъ все вѣроисповѣданіе. Поэтому они, какъ давніе сектанты богомилы,— 1) единственнымъ руководствомъ имѣютъ священное писаніе ветхаго и новаго завѣта, но и то стараются толковать согласно основному тезису, усиливаются объяснять въ духовномъ смыслѣ даже и тѣ мѣста въ писаніи, въ которыхъ ясно говорится о внѣшнемъ. Священное преданіе, правила святыхъ соборовъ и ученіе св. отцевъ и учителей церкви признаютъ за лишнее и не нужное, какъ мудрованіе человѣ-

[1]) См. № 17.

ческое. Такія прибавленія, по мнѣнію ихъ, подлежатъ проклятію на основаніи словъ въ концѣ Апокалипсиса: *аще кто приложитъ къ симъ*, т. е. къ словесамъ книги сей (разумѣя весь новый завѣтъ), *наложитъ Богъ на него язвы*... Еще—словъ ап. Павла: *Если бы даже мы*, говоритъ онъ, *или Ангелъ съ небесе благовѣстилъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Галат. I, 8). И церковь говорятъ молокане, которая въ ученіи прибавляетъ или убавляетъ, прелюбодѣйца есть, о которой сказано (въ гл. XVII и XVIII Апок.) *основанія бо инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11). Кромѣ сего еще до новаго завѣта Богъ влилъ *полну чашу* премудрости въ уста Ездры, которая написана пятью скорописцами въ ветхомъ завѣтѣ (3 Ездр. XIV).

2) Вѣруютъ, что Богъ есть Духъ въ трехъ лицахъ—Отца и Сына и Святаго Духа.—Сынъ Божій и Духъ Святый хотя единосущны Отцу, но не равны Ему въ Божественномъ достоинствѣ[1]).—Впрочемъ не положительно воскресенники убѣждены, что три лица Божества не равны[2]).

3) Обрядность въ вѣроисповѣданіи и всякую внѣшность, по возможности, отвергаютъ.

4) Видимый храмъ Божій, святыя иконы и всѣ другіе священные предметы православнаго почитанія, какъ рукотворенное, отвергаютъ на основаніи слѣд. мѣстъ св. писанія: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій* сами *есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III, 16); *Господь сый не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ, ни отъ*

---

[1]) Въ Прав. Собес. 1858, сент. стран. 51—57, рукопись преосв. Іакова.

[2]) При собесѣдованіяхъ съ ними по сему пункту они легко примиряются съ ученіемъ православной церкви, и противъ этого ученія не дерзаютъ толковать на своихъ собраніяхъ. Авт.

рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ (Дѣян. XVII, 24 и 25). На св. иконы смотрятъ, какъ на идоловъ языческихъ, о которыхъ сказано (въ Пс. 113): *уста имутъ, и не возглаголютъ; очи имутъ и не узрятъ; уши имутъ, и не услышатъ.* Почитателей св. иконъ называютъ идолопоклонниками, которые *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Римл. I, 23). Это запрещено второю заповѣдію, данною Богомъ чрезъ Моисея. --Крестнаго знаменія (на молитвѣ) не допускаютъ: »мы«, говорятъ, *знаменуемся Духомъ обѣтованія Святымъ* (Еф. I, 13). На крестъ Христовъ смотрятъ, какъ на висѣлицу или другое орудіе казни. *Обратившійся*, по слову Премудраго, *не вещію зримою цѣлящеся, но тобою всѣхъ спасителемъ* (Прем. Сол. XVI, 6—7).

5) *Первосвященника*, говорятъ, *имѣемъ великаго Іисуса Сына Божія* (Евр. IV, 14), *главу церкви* (Еф. V, 23). *Таковъ бо намъ подобаше архіерей..* (Евр. VII, 26). Церковную же іерархію, имѣющую благодать священства по преемству отъ апостоловъ, отвергаютъ. Епископами, учителями, пресвитерами считаютъ своихъ старцевъ наставниковъ, основываясь на словахъ апостола Петра (1 Петр. V, 1—4). У нихъ имѣетъ право учить даже и всякій, кто умѣетъ,—не по избранію, а по своей охотѣ.

6) Въ св. таинствахъ православной церкви видимую обрядовую сторону отвергаютъ. Крещеніе признаютъ духовное, проповѣданное Іоанномъ (Лук. III, 16), которое обрѣтаютъ въ *покаяніи* (Марк. I, 4), въ *ученіи*, т. е. въ чтеніи и толкованіи слова Божія (Мѳ. XXVIII, 19; Евр. VI, 2). Послѣ того и причащеніе видимаго тѣла и крови Христовой находятъ не нужнымъ: *не возможно бо просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго*

вкусившихъ Божія глагола... паки обновляти въ покаяніе (Евр. VI, 4—6). *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (Пс. XXXIII, д). Также и муропомазаніе принимаютъ духовное, сообщаемое самимъ Богомъ (1 Іоан. II, 20). *Помазавый насъ Богъ, Иже и запечатлѣ насъ, и даде обрученіе Духа въ сердца наша* (2 Кор. I, 22). Въ этомъ и елеопомазаніе у нихъ состоитъ. Вмѣсто св. таинства покаянія допускаютъ исповѣдь въ грѣхахъ другъ предъ другомъ, по ученію ап. Іакова (V, 16), а грѣхи очищаетъ непосредственно самъ Богъ (1 Іоан. II, 1 и 2).—Брачный ихъ союзъ не освящается какъ во св. таинствѣ—благодатію св. Духа, а заключается собственно благословеніемъ родителей, подъ условіемъ согласія жениха съ невѣстой, по примѣру брака Товіи (Товит. VII 10). При семъ на узаконенное для брака совершеннолѣтіе не обращаютъ вниманія, и родство признаютъ только до четырехъ степеней по крови.

7) Почитаніе св. Ангеловъ и угодниковъ Божіихъ отвергаютъ, и ходатайства ихъ предъ Богомъ не признаютъ: *единъ бо есть ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тим. II, 5 и 6). Почему:

8) Праздники почитаютъ только въ честь Господа Іисуса, наприм. день воскресный, дни Рождества Христова, Крещенія, Благовѣщенія о Христѣ и въ память др. событій, упоминаемыхъ въ евангеліи, а также и Троицынъ день.—Мѣстный храмовой праздникъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери почитаютъ, но только по обычаю, освященному предками ихъ, а не по убѣжденію.

9) Соблюдаютъ строгій постъ, но не въ опредѣленные св. церковію дни, а сами назначаютъ его на молитвенныхъ собраніяхъ, по требованію обстоятельствъ, напр. въ случаѣ эпидеміи, засухи, по примѣру ветхозавѣтному,

или—безъ того, ради какихъ-либо цѣлей, напр. въ недѣлю сыропустную, чтобы обличить обычный разгулъ православныхъ. За то въ великій постъ разрѣшаютъ себѣ на все.

10) Въ разсужденіи о поминовеніи усопшихъ милостынею и общественнымъ моленіемъ, о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни согласны съ православнымъ ученіемъ.

11) Признаютъ долгомъ повиноваться царю и предержашимъ властямъ, по слову Божію (Притч. XXIV, 21; 1 Петр. II, 17; Римл. XIII, 1, 2, и 7), и всегда похваляются, что они молятся за царя, но это почитаніе ихъ притворное. Никогда они за царя и властей не молятся на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, когда совершаютъ моленіе одни, безъ посторонниихъ.—Вообще всѣ сектанты смотрѣ тъ на православное правительство, какъ іуден въ плѣну Вавилонскомъ смотрѣли на языческое правительство. Потому, именующіе себя духовными христіанами, какъ и другіе молокане, стараются всѣми мѣрами обойти всякій законъ, не указанный прямо и ясно въ свящ. писаніи, и тѣ распоряженія власти, которыя не согласны съ личнымъ ихъ убѣжденіемъ. Въ недавнее былое время, когда продавались люди въ рекрута и зачетныя рекрутскія квитанціи, никогда настоящій молоканинъ не поступалъ въ военную службу, если могъ онъ найти какія нибудь, хотя крайнія, средства къ избѣжанію этой повинности.—Странникъ и каторжный дезертиръ находятъ у нихъ одинаковый пріютъ; послѣдній всегда можетъ разчитывать здѣсь на укрывательство отъ преслѣдованія законной власти. Узаконенное гражданское совершеннолѣтіе между ними не имѣетъ значенія. При погребеніи умершихъ также избѣгаютъ всѣ гражданскія постановленія. Вообще на многія законныя мѣры къ общественному благоустройству и безопасности, къ предупрежденію и пресѣченію

преступленій смотрятъ какъ на одно лишь притѣсненіе власти.

II. Новые молокане—воскресники, именующіеся евангеликами, уже не держатся слѣпо главнаго тезиса духовныхъ христіанъ: *видимое упованіе нѣсть упованіе.*

По 1-му пункту единственнымъ руководствомъ также считаютъ одно священное писаніе ветхаго и новаго завѣта, но уже не объясняютъ въ духовномъ смыслѣ тѣ мѣста, гдѣ ясно говорится о внѣшности.

По 2-му п. вѣруютъ во единаго Бога въ трехъ лицахъ, и разсуждаютъ о личныхъ свойствахъ Бога Отца и Сына и Святаго Духа такъ, какъ разсуждали, бывши духовными христіанами.

По 3-му п. обрядность въ вѣроисповѣданіи и вообще внѣшность допускается. Именно—

по 4-му п. признаютъ нужнымъ имѣть видимый храмъ Божій, но только въ самомъ первобытномъ видѣ, въ какомъ была, по ихъ понятію, церковь апостольская,— не болѣе. На святыя иконы и крестъ Христовъ смотрятъ, какъ старые молокане, и молятся по старому, безъ крестнаго знаменія. Все прочее допускаютъ, что находятъ сами благообразнымъ и по чину, не обращая вниманія на историческое развитіе внѣшности въ христіанскомъ богослуженіи. Въ таинствахъ православной церкви не признаютъ тайнодѣйствія, потому что не видятъ этого термина въ священ. писаніи, а смотрятъ на всѣ седмь таинствъ, какъ на священный обрядъ, установленный церковію, по заповѣди Спасителя, для усвоенія вѣрующимъ спасающей благодати. Именно—

По 5-му п. признаютъ по православному священство или пресвитерство съ рукоположеніемъ отъ епископа, какъ единственнаго преемника апостольской власти, а за

неимѣніемъ его допускаютъ и одно народное избраніе, чрезъ рукоположеніе присутствующихъ, при томъ мущинъ и женщинъ.

По 6-му п. принимаютъ водное крещеніе во оставленіе грѣховъ; въ воспоминаніе тайной вечери Христовой, совершаютъ преломленіе хлѣба и причищаются онаго съ виномъ, какъ тѣла и крови Христовой, также во оставленіе грѣховъ. Прочія таинства принимаютъ совершенно въ смыслѣ евангеликовъ. Вообще въ отправленіи священнодѣйствій и богослуженія—на сколько умѣютъ, стараются подражать западнымъ евангеликамъ.

Относительно почитанія св. ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, а также постовъ и праздниковъ согласны съ старыми молоканами.

III. Субботники или молокане стараго іудействующаго толка, по невѣжеству своему, не усвоили всѣхъ тонкостей Схаріева ученія относительно Сына Божія и Духа Святаго. Во всемъ же прочемъ остались вѣрны іудействующему взгляду на христіанство. Именно—

1) Они отвергаютъ не только свящ. преданіе и писанія святыхъ отцевъ Христовой церкви, но и священное писаніе новаго завѣта. Единственнымъ руководствомъ въ вѣроисповѣданіи считаютъ ветхій завѣтъ, но и въ писаніяхъ ветхозавѣтныхъ не всему вѣрятъ. Всѣ пророчества, гдѣ ясно изображаются обстоятельства рождества Христа Сына Божія и страданія Его, отвергаютъ, считая это ложною прибавкою отъ христіанскихъ учителей, или же объясняютъ такія мѣста ветхаго завѣта по своему. Напр., изъясняя 53 главу прр. Исаіи, утверждаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о страждущемъ Христѣ Спасителѣ, а объ Іерусалимѣ, потерпѣвшемъ отъ враговъ. Въ книгѣ бытія въ 1 гл. 26 и во II гл. ст. 18 въ словахъ Бога:

сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію, въ III гл. ст. 22: *се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ*, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ясно различается одно лице Пресвятыя Троицы отъ другаго (Бытія XIX, 24; Пс. II, 7; Пс. XLIV, 8; Пс. CIX, I; Пр. Сол. VII и IX, 17), они видятъ только проявленіе Божественной силы и славы Единаго Господа Саваоѳа. Слѣдовательно:

2) Не вѣруютъ во Іисуса Христа Сына Божія и Святаго Духа Божія, какъ въ Лицъ, Единосущныхъ Богу Отцу и Самоличныхъ. Не вѣруютъ, что Предвѣчный Сынъ Божій сшелъ съ небесъ, воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчился, и своею крестною смертію даровалъ спасеніе всякому вѣрующему въ Него. Богоматерь признаютъ дѣйствительною женою Іосифа, а Іисуса Христа дѣйствительнымъ ихъ сыномъ, который законнымъ судомъ казненъ былъ на эшафотѣ за то, что называлъ себя Сыномъ Божіимъ и возмущалъ народъ противъ кесаря.

3) Вѣруютъ во Единаго и по существу единоличнаго Бога, Творца міра и Вседержителя, Который всегда даруетъ спасеніе и всякія милости истинному исполнителю Моисеева закона, а нарушителей онаго караетъ гнѣвомъ Своимъ.

4) Надѣятся, что придетъ время, когда Господь возстановитъ разоренный Іерусалимъ и храмъ Свой въ немъ; во всемъ мірѣ устроитъ царство, въ которое призоветъ для славы Своей и ихъ—субботниковъ, какъ новый Израиль, а враговъ ихъ—христіанъ и другихъ всѣхъ язычниковъ погубитъ. О чемъ они молятся молитвою Товита (III глав.) и т. под. словами изъ ветхаго завѣта.

5) Новорожденныхъ нарекаютъ именами изъ христіанскихъ святцевъ, но всѣ обрѣзуются по закону ветхо-

завѣтному, празднуютъ субботу и пасху іудейскую; прочихъ же праздниковъ и обрядовъ еврейскихъ не соблюдаютъ. Талмуда совершенно не вѣдаютъ.

6) Браки вѣнчать, погребать и прочія священнодѣйствія исполнять у нихъ, какъ у молоканъ—вескресенниковъ стараго толка, имѣетъ право всякій грамотный и мало-мальски способный выполнить дѣло, къ которому приглашенъ, хотя бы онъ и не былъ признанный наставникъ. И совершается все это, какъ и общественное моленіе, безъ всякихъ еврейскихъ обрядностей, какъ научились совершать, когда были воскресниками, именующимися духовными христіанами.

7) Относительно храма, христіанскаго почитанія креста Христова, св. иконъ и во всемъ прочемъ совершенно согласуются съ ученіемъ тѣхъ же молоканъ—воскресенниковъ; также и на правительство, на гражданскія и церковныя постановленія смотрятъ съ ними одинаково.

Вообще объ этихъ давнихъ субботникахъ—молоканахъ можно сказать, что они въ настоящее время не удовлетворяются обрядовою стороною своего толка. Имъ желательно принять отъ караимовъ все, относящееся къ вѣроисповѣданію, и уже посылали своихъ грамотѣевъ въ Керчь, чтобы тамъ они научились у караимскихъ священниковъ богослуженію и всѣмъ обрядамъ, и попросили написать имъ обрядникъ съ правилами своей вѣры; но въ этомъ пока неуспѣли. Дѣло стало за тѣмъ, что въ Керчи караимы по русски плохо понимаютъ, а русскіе субботники языка ихъ не знаютъ.

IV. Талмудисты-субботники, образовавшіеся въ с. Пришибѣ не ранѣе 1874—75 г., принимаютъ мало по малу всѣ обрядности по Талмуду, и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы научиться отъ природныхъ жидовъ—талмудистовъ, какъ соблюдать тотъ или другой обрядъ ихъ.

Уже начали почитать ихъ праздники; нѣкоторые обзавелись символическими ремешками, ряснами и скуфейками, употребляемыми на моленіи. На общественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ стало уже замѣтно больше разнообразія и оживленности, свойственной настоящимъ жидамъ—талмудистамъ. Тѣмъ собственно и отличаются отъ своихъ родичей, давнихъ русскихъ субботниковъ. Все прочее остается у нихъ пока одинаково съ ними, по старому.

По всей вѣроятности не далеко то время, когда старые субботники молокане сойдутся во всемъ по вѣроисповѣданію съ караимами, а новые—съ евреями талмудистами. Теперь же намѣреины пригласить для обученія своихъ дѣтей вѣрѣ—первые изъ караимовъ, а послѣдніе раввина талмудиста.

Священникъ *Павелъ Бобровъ.*

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИГА

ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ

ПРИХОДСКИХЪ ТРЕБЪ

Составленная Священникомъ Н. Сильченковымъ.

При составленіи »Вспомогательной книги« имѣлось въ виду, чтобы она могла служить практическимъ руководствомъ при отправленіи приходскихъ требъ. Сообразно съ такою цѣлію, преимущественное вниманіе обращено на изложеніе обрядоваго порядка совершенія требы, съ указаніемъ — такъ сказать — естественнаго хода самаго порядка требы. За тѣмъ: 1) какъ при пользованіи Требникомъ необходимо знать—когда, въ какихъ случаяхъ и какъ нужно совершить ту или другую требу, то въ книгѣ заключаются церковныя правила и граждан-

скія постановленія, относящіяся до каждой требы; 2) примѣненіе тѣхъ и другихъ законоположеній, а особенно—обрядовыхъ пріемовъ при совершеніи требы, облегчается опытомъ службы другихъ лицъ,—въ виду сего въ книгѣ приведены практическія замѣтки по исполненію каждой требы, заимствованныя изъ нововременныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій; наконецъ, 3) на затруднительные случаи даны отвѣты, согласованные съ церковными правилами и гражданскими законами.—Таково содержаніе »Вспомогательной книги« въ общихъ чертахъ.

Въ книгѣ изложены слѣдующія требоисправленія:

1) Молитвы, въ первый день по внегда родити женѣ отроча и нареченіе имени младенцу; 2) Молитва женѣ, егда извержетъ младенца; 3) Молитва женѣ родильницѣ въ сороковой день; 4) Оглашеніе крещаемаго; 5) Крещеніе; 6) Молитва святыхъ крещеній, како младенца крестити ради страха смертнаго; 7) Муропомазаніе; 8) Молитвы, слѣдующія за муропомазаніемъ на омовеніе и постриженіе власовъ; 9) Исповѣдь; 10) Причащеніе; 11) Благословеніе предъ вѣнчаніемъ; 12) Оглашеніе; 13) Обыскъ; 14) Бракъ, при чемъ имѣется особая глава, въ которой подробно изложены указанія, для ризбора степеней родства; 15) Елеосвященіе; 16) Отпѣваніе усопшаго; 17) Совершеніе разныхъ чиновъ погребенія въ недѣлю св. Пасхи; 18) Поминовеніе усопшихъ; 19) Крестные ходы; 20) Водоосвященіе; 21) Молебныя пѣнія, съ канономъ и безъ канона; 22) Соединенные молебны; 23) Молебны, совершаемые въ недѣлю Пасхи; 24) Чинъ благословеніе новаго дома; 25) Освященіе иконъ; 26) Молитвенные чины на разные случаи; 27) Хожденіе »со славой« въ дни Рождества, Воскресенія Христова и со святою водою; 28) Хожденіе съ такъ называемой »постной молитвой«; 29) Присяга, и проч.

Въ приложеніи въ книгѣ содержатся формы приходскихъ документовъ съ относящимися къ нимъ законополо-

женіями: а) Метрическія книги; б) Метрическія свидѣтельства, выписки; и проч. в) Обыскныя книги съ указаніемъ документовъ, требуемыхъ при совершеніи брака; г) Исповѣдныя книги; и проч.

Въ частности, почти каждая треба заключаетъ въ себѣ слѣдующія рубрики: а) Мѣсто и время отправленія требы; б) Подготовительныя дѣйствія къ исполненію ея; в) Обрядовый порядокъ совершенія требы; г) Заключительныя дѣйствія по совершеніи ея; д) Церковныя правила; е) Гражданскія постановленія; ж) Практическія замѣтки; з) Разрѣшеніе представляющихся недоумѣній; і) Послѣдствія неисполненія законоположеній.

Цѣна книги: безъ пересылки 1 р. 20 к., съ пересылкою—1 р. 40 к. При выпискѣ 5 экземпляровъ дѣлается съ первой цѣны скидки 10%; 10 экземпляровъ—15% и 15 экземпляровъ—25%.

Складъ книги находится въ конторѣ Редакціи »Воронежскаго Телеграфа« въ Воронежѣ, на Дворянской улицѣ, домъ Столля, и въ книжной лавкѣ Воронежскаго Митрофанова монастыря. Г. г. иногородныхъ покупателей покорнѣйше просятъ обращаться за покупкою книги по преи. муществу въ контору Редакціи »Воронежскаго Телеграфа«.

ПОПРАВКА.

Въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ книги: Священная Исторія Новаго завѣта, въ простыхъ разсказахъ для дѣтей младшаго возраста, священника Ѳеодора Митвевича, не обозначена стоимость изданія.

Цѣна книги безъ пересылки 20 коп., съ пересылкой 25 коп.

По той-же цѣнѣ продается и Священная Исторія Ветхаго Завѣта, того же автора.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 15 сентября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. **№ 40.** Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Октября 1-го.

Содержаніе: Слово въ день Рождества Пресв. Богородицы.—Поученіе о взаимныхъ отношеніяхъ христіанъ между собою.—Современный практицизмъ и воспитаніе.—Рѣшеніе вопроса, предложеннаго редакціи.—Объявленіе.

СЛОВО

въ день Рождества Пресв. Богородицы.

Премудрость созда себѣ домъ
(Прит. 9, 1).

Въ установленные въ честь Пресв. Богородицы праздники, св. церковь возглашаетъ слова сіи, конечно, потому, что видитъ въ нихъ таинственное указаніе на Божію Матерь. Премудрость, создавшая себѣ домъ, есть Ипостасная Божія Премудрость—Господь нашъ Іисусъ Христосъ; домъ же, созданный Премудростью въ жилище, знаменуетъ Пресвятую Дѣву Марію. Она, по словамъ св. церкви, есть »храмъ Божій, храмъ святый, Божіе обителище, царскій чертогъ, Божіе селеніе«. Сей-то святый, одушевленный домъ основалъ, совершилъ и освятилъ Вышній въ жилище Себѣ. И когда пришло изъ вѣчности предъопредѣленное время

совершенія спасенія нашего, Единородный Сынъ Божій вселился въ приснодѣвственную утробу пренепорочной и пречистой Дѣвы Маріи, воплотился отъ Нея и вочеловѣчился, и сталъ Сыномъ человѣческимъ. Такъ, устроеніемъ Премудрости Божіей, одна изъ дщерей человѣческихъ содѣлалась въ такой мѣрѣ, или лучше безъ всякой человѣческой мѣры, чистою и совершенною, достойною и способною не только принять Святѣйшаго Святыхъ, предъ Которымъ самое небо нечисто, но и дать Содѣтелю всяческихъ, восхотѣвшему воплотится нашего ради спасенія,—безгрѣшное, чистое естество человѣческое, и быть присноблаженною и пренепорочною Матеріею Бога нашего, честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ. *О глубина богатства премудрости и разума Божія!*

Какъ же Упостасная Премудрость создала Себѣ сей святый домъ? Какими путями и средствами Дѣва Марія взошла на высочайшую степень чистоты, совершенства и святости и содѣлалась воистину Богородицею?

Судьбы премудрости и разума Божія непостижимы и пути неизслѣдимы; но внимающій съ смиреннымъ благоговѣніемъ въ дѣйствія Божественнаго Промысла въ жизни Пресвятыя Дѣвы Маріи, при свѣтѣ слова Божія, по указанію св. церкви, можетъ уразумѣвать, что Пречистая Дѣва Марія была предъуготована къ исполненію высочайшаго, ей одной предъопредѣленнаго назначенія—рожденіемъ отъ праведныхъ родителей, святымъ воспитаніемъ при храмѣ и всею жизнію, преукрашенною ангельскою чистотою и непорочностію души и тѣла, и дивными подвигами добродѣтели.

Начало предъуготовленія Дѣвы Маріи къ принятію—зачатію и рожденію Сына Божія, благоволившаго заимствовать отъ Ея пречистыхъ кровей безгрѣшное естество

человѣческое—въ происхожденіи ея отъ избранныхъ Богомъ предковъ и въ благословенномъ рожденіи отъ благочестивыхъ и праведныхъ родителей. Съ давняго времени, начиная отъ Авраама, Богъ избралъ изъ рода человѣческаго, погрязшаго въ безднѣ грѣховъ, одну лучшую отрасль—предковъ Пресвятой Дѣвы, которую особеннымъ образомъ постепенно очищалъ отъ грѣховной заразы, освящалъ и велъ дивными путями къ предназначенной цѣли. Долгій рядъ очищенія и освященія предковъ Пресв. Дѣвы привелъ наконецъ къ тому, что ея родители, по сказанію преданія, были »паче всѣхъ родителей благопріятны Богу непорочнаго ради житія ихъ«. Отъ сихъ-то праведныхъ родителей, искушенныхъ и очищенныхъ скорбію долгаго—до глубокой старости безчадства, осѣненныхъ, вслѣдствіе ихъ пламенной молитвы, благодатію, побѣждающею естества чинъ, по благовѣстію ангела, произошла Дѣва Марія, которую св. церковь именуетъ чистою и непорочною, а св. отцы всенепорочнымъ сѣменемъ Іоакима, всесвятымъ младенцемъ Анны. »Цѣломудренная и непорочная жизнь Іоакима и Анны, говоритъ св. Дамаскинъ, произвела дѣвства сокровище—Дѣву, прежде рождества Дѣву, въ рождествѣ Дѣву, и по рождествѣ Дѣву, едину умомъ и душею и тѣломъ приснодѣвствующую. Ихъ жизнь благочестивая и преподобная въ человѣческомъ естествѣ произвела дщерь, высшую ангелъ, и ангелы нынѣ обладающую«.

Начатое святымъ рожденіемъ предъуготовленіе пречистой Дѣвы Маріи къ предопредѣленному ей назначенію продолжалось святымъ же воспитаніемъ. Съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ она, по Божественному устроенію, входитъ въ храмъ »да уготовится въ одушевленный храмъ великаго Царя«. Пребывая въ пламенной молитвѣ, богомысліи, чтеніи слова Божія, въ строгомъ воздержаніи и постѣ, въ храмѣ она »честно и священно«, не людьми,

а Божественною благодатію воспитывается, укрѣпляется и созрѣваетъ для святой и богоугодной жизни. Въ храмѣ она всецѣло освящается Духомъ святымъ, и приближается къ своему безпримѣрно высокому предназначенію—быть Матерію Бога Слова по плоти. »Всю тебе, воспѣваетъ св. церковь, освяти Духъ всесвятый внутри храма пребывающу и питаему пищею небесною, невѣсто Отча прекрасная. Сего ради была еси и Слова родительница«.

Предъуготованная такимъ образомъ чрезъ рожденіе и воспитаніемъ быть Матерію Господа нашего Іисуса Христа, освященная, облагодатствованная, благословенная Дѣва Марія, съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни и до блаженнаго успенія своего, украшалась, какъ насажденный Богомъ рай, блистала на землѣ, какъ солнце на тверди небесной, самыми вожделѣнными, свѣтлыми, богоподобными свойствами и качествами святой души и чистаго сердца, и добродѣтелями высочайшими, премудрыхъ превосходящими разумъ, и для ангеловъ дивными. Въ ней, по выраженію богомудрыхъ отцевъ, произросъ цѣлый рай добродѣтелей. Она »вся чертогъ Духа, вся градъ Божій, благодатей море, вся добра«. Она, »пресвѣтлаго Царя пресвѣтлая палата«, была исполнена и преукрашена всѣми добродѣтелями. Ибо »кто отъ земныхъ обрѣтеся благихъ дѣятель лучшій, ябо пречистая Дѣва? Всѣ заповѣди Господни сохрани, всю волю Его сотвори, вся глаголы Его соблюде, вся словеса Его въ сердцѣ своемъ сокры, вся милосердная дѣла ближнимъ изъяви. Она всѣхъ благъ дѣлательница«.

Такъ живый на небеси Господь, хотя явитися для спасенія нашего, уготовалъ и совершилъ Себѣ домъ—пренепорочную и пречистую Матерь Свою!

Воплощеніе Сына Божія есть событіе чрезвычайное, единственное и неповторяемое. И преисбреннѣйшее соединеніе съ Божествомъ, котораго удостоилась преблаженная

Дѣва Марія чрезъ воплощеніе отъ Нея Бога Слова, есть дѣйствіе любви и премудрости Божіей безпримѣрное, единственное, ни для кого недостижимое и болѣе ненужное. Но есть иное духовное общеніе, тѣснѣйшимъ союзомъ соединяющее человѣка съ Богомъ, возможное для всѣхъ, по безконечной благости Божіей, и требуемое отъ всѣхъ *призванныхъ къ почести высшаго званія о Христѣ Іисусѣ*. Всѣ мы, бр., званія небеснаго причастницы, несомнѣнно предназначены къ сему блаженному общенію и ведемся благодатію Божіею къ тому, чтобы быть живыми обителями живаго Бога;—чтобы Отецъ небесный сотворилъ Себѣ обитель въ нашемъ сердцѣ, чтобы вообразился въ насъ Христосъ, чтобы мы содѣлались храмами Божіими, и Духъ Божій жилъ въ насъ.

Какъ бываетъ сіе? Какъ человѣкъ, въ беззаконіяхъ зачинающійся и рождаемый во грѣхахъ, можетъ достигнуть такого блаженнаго состоянія, когда онъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ пребываетъ?

Сама Ипостасная Премудрость Божія вседѣйствующею Своею благодатію, рожденіемъ свыше и духовнымъ воспитаніемъ, уготовляютъ, а христіанскою жизнію совершаетъ домъ души нашей въ жилище Себѣ.

Предназначая призываемыхъ ко спасенію въ жилище Божіе, Премудрость Божія начинаетъ приготовленіе ихъ еще во чревѣ матери, сообщая въ таинствѣ брака родителямъ благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію и христіан. воспитанію дѣтей. Когда же являются въ міръ, они благодатію всесвятаго Духа, въ таинствѣ крещенія, совершенно очищаются отъ скверны первороднаго грѣха, во Христа облекаются, и естествомъ чада гнѣва содѣлываются чадами Божіими, достойными царствія Божія; а въ таинствѣ муропомазанія получаютъ потребныя силы къ сохраненію и продолженію новой жизни, къ

укрѣпленію въ ней и преспѣянію. Начатое духовнымъ рожденіемъ свыше приготовленіе къ соединенію съ Богомъ призываемыхъ ко спасенію продолжается воспитаніемъ;— не тѣмъ воспитаніемъ для мірскихъ цѣлей, какое мудрость человѣческая обыкла давать сынамъ вѣка сего, но воспитаніемъ христіанскимъ, какое желаетъ дать св. церковь сынамъ царствія Христова. Для такого воспитанія устроены св. храмы—истинныя училища вѣры и благочестія, гдѣ обрѣтается все, что можетъ и возбуждать, и руководить къ тѣсному соединенію съ Богомъ, и способствовать сему соединенію. Для такого воспитанія дано слово Божіе, *могущее умудрить насъ во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ, полезное ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ; да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 15—17). Для такого воспитанія Самъ Божественный Учитель *Духомъ Св. поставляетъ пастырей и учителей къ совершенію святыхъ... дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 11—13). Возрожденный, обновленный, получившій всѣ силы къ животу и благочестію, наставляемый и руководимый благодатію Божіею, истинный христіанинъ укрѣпляется и возрастаетъ постепенно въ духовной жизни, восходитъ отъ силы въ силу, вступаетъ въ тѣснѣйшій союзъ, какъ вѣтви съ лозою, съ Іисусомъ Христомъ, живетъ Его жизнію, такъ что чувствуетъ и сознаетъ, подобно апостолу, что живетъ не онъ, а живетъ въ немъ Христосъ, и входитъ въ таинственное единеніе съ Тріипостаснымъ Божествомъ, какъ молился о семъ Спаситель нашъ: *да вси едино будутъ якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21).

Но преуспѣяніе наше въ добрѣ, наше нравственное совершенство, приводящее въ благодатный союзъ съ Богомъ, дѣло не одной благодати, но и нашего дѣятельнаго участія. Сотворившій насъ безъ насъ спасти насъ безъ насъ не можетъ, потому что неизмѣняемый въ своихъ дарованіяхъ не хочетъ отнять данной намъ свободы. Вседѣйствующая благодать устроетъ насъ въ храмъ Божій только тогда, когда мы желаемъ сего и сами содѣйствуемъ ея дѣйствіямъ. Для сего съ нашей стороны необходимо не только не противодѣйствовать благодати Божіей, но открывать для нея наше сердца, привлекать ее познаніемъ и сознаніемъ своей немощи и грѣховности, принимать ее живою вѣрою, хранить какъ зѣницу ока, повиноваться ея внушеніямъ, всегда слѣдовать ея водительству и всѣми силами содѣйствовать ея дѣйствіямъ. Уповая на благодать Божію, мы и сами, по заповѣди апостола, *яко каменіе живо, должны созидатьсѧ въ храмъ духовенъ* (1 Пет. 2, 5). Вы камни живые, имѣете свою жизнь, свою волю, свою дѣятельность,—имѣйте же дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ благодати и устрояйте изъ себя домъ духовный въ жилище Божіе.

Итакъ, христіанинъ, *омывшійся, освятившійся, оправдавшійся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего*, свято храни одежду чистоты и непорочности, полученную во св. крещеніи; въ цѣлости соблюдай благодатную печать даровъ Духа Св. и съ нею духовныя силы къ животу и благочестію, данныя въ св. мѵропомазаніи; и всякимъ храненіемъ соблюдай себя отъ грѣховъ, чтобы не оскорбить *Духа Божія, имъ же запечатлѣлся въ день избавленія* (Еф. 4, 30). Охотно и съ усердіемъ учись вѣрѣ и жизни по вѣрѣ, дабы со всѣми святыми могъ постигнуть, *что широта и долгота, и глубина, и высота домостроительства тайны, сокры-*

той отъ вѣчности въ Богѣ, и уразумѣть превышающую разумъ любовь Христову (Еф. 3, 11, 18, 19). Для сего, какъ прилѣжный ученикъ небеснаго Учителя, неопустительно ходи въ храмъ Божій, пребывай въ немъ съ благоговѣніемъ, и открытымъ сердцемъ внимай всему, что въ немъ дѣйствуется. Не лѣностно читай и слушай слово Божіе, день и ночь поучайся въ законѣ Господнемъ, и уроки Его и наставленія со тщаніемъ слагай въ сердце, усвояй размышленіемъ, сохраняй въ памяти и обращай къ жизнь и дѣятельность. Знай своихъ духовныхъ наставниковъ и руководителей о Господѣ и не чуждайся ихъ; не бѣгай отъ ихъ наставленій, но охотно слушай ихъ поученія, слушай не для того, чтобы судить слово и осуждать говорящаго, но чтобы получать *назиданіе, утѣшеніе и утвержденіе*. Живя въ мірѣ, живи не для міра и не по духу міра; живи для Бога, во всемъ и всегда, изъ любви къ Господу, соблюдай заповѣди Христовы и ходи непорочно путемъ закона Господня. Тогда руководимый, поддерживаемый и укрѣпляемый благодатію всесвятаго Духа, ты несомнѣнно достигнешь блаженнаго единенія со всеблаженнымъ Богомъ, по неложному обѣщанію самаго Господа нашего Іисуса Христа: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23).

Преклонимъ убо колѣна наши ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, да дастъ намъ, молитвами Пресвятыя Богородицы, всемощной предстательницы нашей предъ Господомъ *по богатству благости Своей, силою утвердитися Духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ; отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно пожити въ*

настоящемъ вѣкѣ, и возрасти въ мѣру возраста Христова; и да придетъ Онъ—Отецъ щедротъ и Богъ всякаго утѣшенія, и обитель сотворитъ въ насъ со Единороднымъ Своимъ Сыномъ и Божественнымъ Духомъ. Аминь.

Пр. *М. Богдановъ.*

ПОУЧЕНІЕ

о взаимныхъ отношеніяхъ христіанъ между собою.

Моя радость всѣхъ васъ есть
(2 Кор. 2, 3) [1])

Вотъ что писалъ св. ап. Павелъ своимъ ученикамъ, Коринѳскимъ христіанамъ. Вотъ сколь близкое отношеніе, сколь горячая любовь была тогда между пастыремъ и пасомыми: *моя радость есть радость для всѣхъ васъ.* Такая взаимная радость, общая между отцомъ и дѣтьми, общая между высшими и нисшими членами общества, общая между знатными и *буіими міра сего* (Лук. 14, 21), общая между богатыми и убогими, такая взаимная радость служитъ лучшимъ доказательствомъ *званія* христіанскаго (Еф. 4, 1).

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на первое общество христіанское, взглянемъ на жизнь первыхъ христіанъ, на жизнь учениковъ Христовыхъ. Еще при жизни своей Господь молился о своихъ ученикахъ: *Отче Святый ихъ-же далъ еси Мнѣ, да будутъ едино,... яко-же Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан: 17, 11 и 21). Чего желалъ Божественный Учитель,

[1]) Это мѣсто изъ посланія ап. Павла къ Коринѳ. читается въ 14 недѣлю по пятидесятницѣ. Ред.

то и исполнили Его ученики. У святыхъ апостоловъ всё было общее,—*вси апостолы быша единодушно вкупѣ* (Дѣян. 2, 1), *вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи* (—1, 14), *бяху терпяще во ученіи апостолъ и во общеніи и въ преломленіи хльба* (—2, 42), *и стяжанія и имѣнія продаяху и раздаяху всѣмъ, его-же аще кто требоваше* (—45), *народу-же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина: и ни единъ-же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (—4, 32) Словомъ, дѣла милосердія съ самаго начала христіанства были главнымъ украшеніемъ и отличіемъ христіанской жизни (Іак. 1, 27). Въ такомъ единодушіи жить и намъ всегда слѣдуетъ, братіе! потому что мы всѣ христіане, какъ дѣти одного Отца, какъ (1 Кор. 12, 27) *члены одной Главы Христа* (Еф. 5, 30), *призваны во единомъ упованіи званія* (Еф: 4, 4). Самое общество христіанское должно составлять цѣлый организмъ, гдѣ радость или горе каждаго частнаго лица должны отзываться на всѣхъ членахъ. Вѣдь когда болитъ въ нашемъ тѣлѣ одинъ чл҃нъ, ему сочувствуютъ въ боли всѣ члены тѣла нашего. А потому на каждомъ изъ насъ, бр., лежитъ священная обязанность всегда сочувствовать другимъ и въ радости и въ горести. По любви христіанской непростительно *ученому не научить* невѣжду (1 Сол. 5, 14), богатому—не оказать милости бѣдствующимъ,—*сильному не помочь слабымъ* (Галат. 6, 2. Рим. 15, 1). *Если мы любимъ только любящихъ насъ, кая благодать? Если благотворимъ и взаимъ даемъ, чающе воздаянія, кая похвала? Это и язычники творятъ* (Лук. 6, 32).

Съ другой стороны, взаимной любви и благотворительности требуетъ отъ насъ и самое наше положеніе въ обществѣ, гдѣ начальникъ безъ подчиненныхъ, пастырь безъ пасомыхъ, ученый безъ неучей, богатый безъ бѣд-

ныхъ – быть не могутъ. Не красна жизнь того счастливца, который живетъ въ довольствѣ и радостяхъ, но не имѣетъ дружбы ни съ кѣмъ, не питаетъ любви ни къ кому! Безъ любви христіанской счастіе немыслимо. Что̀ значитъ земное довольство въ сравненіи съ душевною радостію и спокойствіемъ?—Радость своя личная, одиночная, безъ сочувствія другихъ, не есть еще радость полная. Только та и радость истинная, когда её раздѣляютъ съ нами другіе. А для этого намъ самимъ нужно всегда сочувствовать радостямъ чужимъ. Равно и на состраданіе другихъ только тогда можемъ расчитывать, когда сами бываемъ сострадательны къ другимъ. Быть себялюбивымъ значитъ быть одинокимъ, несчастнымъ, значитъ не быть христіаниномъ. Возьмёмъ примѣръ изъ жизни своей и увидимъ, сколь необходима и душеполезна наша взаимная любовь при постигшихъ насъ внезапно горестяхъ, потеряхъ и болѣзняхъ. Не тогда-ли только легко бываетъ намъ переносить всякое горе, когда слышимъ повсюду сочувствіе отъ другихъ, когда насъ жалѣютъ другіе, объ насъ молятся, намъ желаютъ добра особливо тѣ, коимъ мы сами дѣлали добро? *Если мы желаемъ себѣ, да творятъ доброе другіе, и сами мы должны творить такожде*, по заповѣди Спасителя (Лук. 6, 31). Только при этомъ условіи въ нашихъ горестяхъ всегда найдёмъ мы утѣшеніе и въ ближнихъ, и паче всего въ самомъ Господѣ. Видимъ напр. около себя счастливыхъ, должны сорадоваться имъ; живёмъ сами въ бѣдѣ, имѣемъ враговъ, лишаемся чести, и тогда не падать духомъ должны, а *радоваться о Господѣ, утѣшать и одушевлять другъ друга* (2 Кор. 6, 10. Кор. 4, 12), потому что *Господь наказуетъ насъ любя* (Апок; 3, 19). И такая наша жизнь на землѣ, *въ духѣ любви и долготерпѣнія* (Ефес: 4, 2) несомнѣнно угодна Богу, радостна ангеламъ и спасительна намъ самимъ.

»*Слава Богу за всё*«, говорилъ среди гоненій св. Іоаннъ Златоустъ. Значитъ жаловаться на судьбу, называть себя несчастными грѣшно и противно ученію вѣры христіанской.

Итакъ, бр., если мы будемъ вполнѣ достойно носить имя Христово, если мы въ жизни всегда будемъ руководствоваться христіанскою любовію, будемъ подражать благочестію первенствующихъ христіанъ, будемъ жить въ духѣ братства, любви и благотворительности, то, повѣрьте, легче тогда будемъ переносить всякое горе, меньше тогда будемъ воздыхать, а больше *благодушествовать* (Іоан. 5, 3). Запомнимъ-же навсегда тотъ урокъ, что какъ св. апостолъ съ Коринѳскими христіанами былъ связанъ такою любовію, что *радость Его была радостію для всѣхъ ихъ*, такъ и мы бр., должны *тщательно блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф: 4, 3). *Да дѣлаемъ же, бр., благое* (Іоа I. 9, 4) особливо тѣмъ *приснымъ*, въ средѣ коихъ мы живемъ, *да угождаемъ всегда ближнему во благое къ созданію* (Рим. 15, 2), *будемъ братолюбіемъ другъ другу любезни, честію другъ друга больше творяще* (Рим. 12, 10), *терпяще другъ друга любовію* (Еф. 4, 3), *да единодушно едиными усты и сердцемъ славимъ всегда Бога Отца и Сына и Святаго Духа Аминь* (Рим. 15, 6).

Священникъ *Николай Кедровъ*.

Слобода Кукарка
Вят. губ.

Современный практицизмъ и воспитаніе.

Погоня за наживой, богатствомъ, деньгами, желаніе обставить себя матеріально наивозможно лучше, съ тѣмъ, чтобы какъ можно полнѣе насладиться жизнію, испить до дна чашу наслажденій, имѣютъ теперь очень значительный контингентъ поклонниковъ, принимаютъ иногда довольно

широкіе размѣры и являются въ весьма острой формѣ. Юханцевы, Сіони, Батраковы, Варшавскіе, Горвицы, Коганы, Грегори и К°—вотъ пріобрѣтшіе чуть-ли не общеевропейскую извѣстность представители этаго распространеннаго у насъ типа людей. Жить для себя, для своего удовольствія, эксплуатируя ближнихъ въ свою пользу, присвоять собственность частныхъ обществъ, пользоваться государственной казной какъ своей—для многихъ теперь дѣло, не особенно претящее совѣсти. Этотъ духъ наживы во что-бы ни стало, не разбирая достоинства средствъ, въ настоящее время настолько силенъ, что пора серьезно подумать о немъ и о мѣрахъ къ искорененію его, не ожидая, пока это антихристіанское явленіе приметъ такіе размѣры, что бороться съ нимъ будетъ почти невозможно. А кому бороться противъ этого какъ не представителямъ христіанской вѣры, пастырямъ церкви?

Всякое явленіе, говорятъ, имѣетъ свою причину, существуетъ, пока есть причина, изчезаетъ, когда перестаетъ существовать *послѣдняя*. И данное явленіе въ области нашей нравственной жизни, разумѣется, не составляетъ исключенія изъ общаго правила,—существуетъ, благодаря условіямъ, обезпечивающимъ его существованіе. Причинъ, обусловливающихъ фактъ его существованія и распространенія, очень много. Не послѣднее мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ воспитаніе; то состояніе, въ которомъ находится у насъ нравственное воспитаніе, по нашему убѣжденію, не мало способствуетъ тому, что вышеуказанный печальный фактъ имѣетъ у насъ мѣсто. Предположьте, что нравственное воспитаніе ведется у насъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ настолько удовлетворительно, насколько это возможно при настоящемъ состояніи знаній,—что родителями и воспитателями—въ семьяхъ и школахъ—дается дѣтямъ устойчивая нравственная выправка, пола-

гаются твердыя основы истинно-нравственнаго настроенія, міросозерцанія и расположенія воли,—предположьте все это, читатель,—что́ бы тогда было? Развѣ имѣло-бы мѣсто широкое, подчасъ чуть не эпидемическое, развитіе той группы безнравственныхъ дѣйствій, на которую указано выше[1]).—Несомнѣнно, что впечатлѣнія дѣтства и юности, если онѣ достаточно сильны, такъ входятъ въ плоть и кровь человѣка, что остаются неизгладимыми на всю жизнь. Слѣдовательно строго нравственный духъ, выносимый молодыми людьми изъ семьи и школы,—еслибы это такъ было (при удовлетворительности нравственнаго воспитанія иного результата ожидать нельзя),—развѣ не удерживалъ-бы ихъ по вступленіи въ жизнь на прямомъ пути? Такъ должно-бы быть, но не такъ бываетъ. Наша молодежь, выходя изъ подъ вліянія семьи и школы, нерѣдко, лишь коснется ихъ вѣяніе духа практицизма, или, говоря точнѣе, эгоистически чувственнаго направленія, существующаго въ современной жизни, очень скоро—не по днямъ а по часамъ—мѣняются въ своемъ нравственномъ характерѣ, становятся такими же дѣльцами и эксплуататорами, какъ и многіе изъ пожившихъ и вкусившихъ довольно отъ слабостей жизни людей.—Теорія борьбы за существованіе съ правилами нравственной дѣятельности, выводимыми изъ нея, соціалистическое ученіе, проповѣдующее достигать указываемой имъ цѣли не разбирая достоинства средствъ, находятъ себѣ пріемъ и сочувствіе (это—фактъ, засвидѣтельствованный министромъ народнаго просвѣщенія) среди нашего учащагося и учившагося юношества также не безъ зависимости отъ положенія, въ какомъ находится нравственное воспитаніе у насъ. Въ нравственномъ складѣ

[1]) Разсказы очевидцевъ—корреспондентовъ о дѣяніяхъ этаго сорта людей въ минувшую войну, думаемъ, извѣстны читателямъ и не разъ возмущали ихъ духъ до глубины души.

воспитывающагося поколѣнія то и другое потому не встрѣчаютъ стойкаго противодѣйствія, что въ ихъ душѣ не оказывается твердыхъ основъ, заложенныхъ воспитателями въ семьѣ и школѣ.

Можно было-бы указать еще на нѣкоторыя данныя въ этомъ родѣ, но онѣ нисколько не увеличили-бы справедливости того, что эгоизмъ, стремящійся принести все въ жертву удовлетворенію чувственнымъ потребностямъ отдѣльнаго лица, одинъ изъ существеннѣйшихъ и важнѣйшихъ недуговъ настоящаго времени и общества и что существованіе его стоитъ въ зависимости отъ недостатковъ, присущихъ теперешней педагогической практикѣ.

Итакъ, чтобы устранить по мѣрѣ возможности нежелательное явленіе, нужно улучшить воспитаніе. У насъ много эгоистовъ, способныхъ при случаѣ пожертвовать самыми священными, общечеловѣческими, интересами въ пользу своихъ личныхъ и преимущественно чувственныхъ —въ пользу своего единичнаго матеріальнаго благосостоянія,—постарайтесь воспитывать такъ, чтобы а) самолюбіе не развивалось въ ущербъ симпатіи, чтобы послѣдняя не оказывалась въ подчиненномъ положеніи у перваго, а наоборотъ, первое замолкло бы, когда заявляетъ свои законныя требованія послѣдняя,—б) чтобы чувственныя потребности ставились воспитываемыми ниже духовныхъ—потребности знанія, наслажденія прекраснымъ, общенія съ людьми и Богомъ,—чтобы послѣднія предпочитались первымъ.

Тѣло есть орудіе духа; его потребности по этому должны находиться въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ интересамъ духа. Въ такое отношеніе должны быть поставлены тѣло и духъ и въ дѣтяхъ; ради этого и слѣдуетъ съ самаго начала пріучать дѣтей—подчинять

чувственныя стремленія стремленіямъ духовнымъ. Какъ же сдѣлать это?— Прежде всего нужно правильно воспитывать духъ и тѣло. Если разумно ведется воспитаніе физическое, если, напр., пища воспитываемаго, при своей питательности и удобоваримости, проста, не слишкомъ разнообразна, дается въ надлежащей мѣрѣ и въ надлежащее время, то можно поручиться, что воспитываемый не пріобрѣтетъ склонностей къ лакомству, обжорству, не сдѣлается склоннымъ къ спиртнымъ напиткамъ, къ половымъ наслажденіямъ, при томъ, впрочемъ, условіи, когда въ ребенкѣ нѣтъ наслѣдственнаго расположенія къ этому и когда психическое воспитаніе не идетъ въ разрѣзъ съ физическимъ. Далѣе, если цѣлесообразно, гармонично идетъ духовное развитіе (умственное, эстетическое, религіозное, соціальное) безъ ущерба тѣлесному и безъ того, чтобы первое съуживалось въ пользу послѣдняго, если психическія силы дѣтей (и юношей) находятъ достаточное упражненіе и увлекаются соотвѣтственной работой, то нѣтъ основаній опасаться, что въ воспитываемомъ разовьется склонность къ лѣности и нѣкоторыя другія чувственныя склонности.—Говоря иначе здѣсь дѣло все въ томъ, чтобы тѣло и душа развивались соотвѣтственно своему нравственному назначенію, слѣдов. гармонично. Дѣти, выросшіе при неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, голодавшіе и холодавшіе, и, наоборотъ, дѣти, росшіе въ довольствѣ и нѣгѣ, извѣдавшіе удовольствія чувственныя, если не противодѣйствовали сильныя стороннія вліянія, въ одинаковой почти мѣрѣ оказываются чувственниками. Припомните нашихъ *кулаковъ*, купцовъ, вышедшихъ *въ люди* изъ бѣдности, и сынковъ богатыхъ купеческихъ и нѣкоторыхъ аристократическихъ семействъ[1]),—что они такое, какъ не грубые эгоисты, пре-

[1]) Здѣсь имѣются въ виду, между прочимъ, нѣкоторые изъ извѣстнаго клуба *червонныхъ валетовъ*, оказавшіеся принадлежащими къ очень знатнымъ фамиліямъ.

дающіеся чувственнымъ удовольствіямъ больше всего?— Если взять крайности въ психическомъ воспитаніи, то окажется въ результатѣ почти тоже самое. Люди, которыхъ въ періодъ воспитанія и роста, заставляютъ психически, умственно работать много, чрезъ мѣру, и сынки— баловни, въ родѣ Митрофанушки Простаковой (ком. фонъ-Визина), сходны бываютъ нерѣдко въ томъ, что тѣ и другіе чувствуютъ расположеніе болѣе къ чувственнымъ удовольствіямъ, чѣмъ къ духовнымъ. Итакъ самое первое средство—правильное, гармоническое развитіе тѣла и души, соотвѣтственно христіанскому идеалу.

Чтобы отвѣтить ближе и опредѣленнѣе на то, какъ именно нужно вести воспитаніе духа и тѣла гармонично, чтобы въ воспитываемыхъ чувственныя влеченія и склонности не получили чрезмѣрной силы, господства надъ высшими—духовными, мы замѣтимъ, что задача воспитателя должна состоять въ слѣдующемъ: онъ долженъ съ одной стороны сдерживать развитіе чувственныхъ влеченій, а съ друг. стороны, помогая всѣми зависящими отъ него средствами развитію высшихъ стремленій, давать воспитаннику случаи упражнять себя въ подчиненіи потребностей тѣла потребностямъ духа.

Имѣя въ виду первое, воспитатель долженъ удалять воспитанника отъ чрезмѣрнаго обилія пріятныхъ впечатлѣній, сопровождающихъ удовлетвореніе естественныхъ потребностей тѣла. Слѣдуетъ стараться, чтобы дѣти употребляли пищи столько, сколько нужно, и лишь такого качества, какую имъ должно употреблять. Въ этомъ случаѣ встрѣчаются нерѣдко два уклоненія. У нѣкоторыхъ чадолюбивыхъ родителей дѣти ѣдятъ и пьютъ, какъ говорится, *походя;* чуть не каждый плачъ и крикъ, чуть не всякое огорченіе, испытываемое ребенкомъ, утѣшается и исцѣ-

лятся тѣмъ, что ребенку суютъ въ руки что нибудь съѣдомое. Съ теченіемъ времени дитя и пріучается дѣйствительно заглушать тѣ или другія свои непріятности пищей; суньте ему въ руку что либо съѣдомое, онъ перестаетъ огорчаться. Такъ дѣлаютъ преимущественно матери въ семьяхъ низшаго, необразованнаго класса, сующія въ ротъ ребенку кусокъ при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.—Къ тому-же результату приводитъ и обратный способъ дѣйствія—давать дѣтямъ сколько возможно меньше ѣсть, съ той цѣлью, чтобы они не сдѣлались обжорами. Чувствуя себя полуголодными, дѣти постоянно думаютъ о томъ, какъ бы утолить свой голодъ до сыта; мало по малу удовольствія, сопряженныя съ наполненіемъ желудка, становятся у нихъ на первое мѣсто, дѣлаются чуть не постояннымъ предметомъ ихъ мечтаній. И это весьма естественно, если принять въ разсчетъ то обстоятельство, что тѣлесныя потребности, коль скоро онѣ не получаютъ законнаго удовлетворенія, пріобрѣтаютъ необыкновенную силу, заглушаютъ голосъ всѣхъ другихъ потребностей человѣка.

Другое уклоненіе, попадающееся въ современной педагогической практикѣ,—это—обычай баловать дѣтей лакомствами. Для дѣтскаго организма сахаръ болѣе необходимъ, чѣмъ взрослому,—и дѣти поэтому любятъ сладкое. Подмѣтивъ это законное влеченіе дѣтей, нѣкоторые родители, особенно матери, начинаютъ пичкать дѣтей разнаго рода сластями: сахаромъ, конфектами, сладкими пирожными, забывая или не зная, что употребленіе дѣтьми сластей не въ мѣру и не въ видѣ кушанья, даваемаго во время и въ необходимомъ только количествѣ, приноситъ дѣтямъ вредъ физическій и нравственный,—разстраиваетъ ихъ пищевареніе и развиваетъ склонность къ лакомству. Здѣсь весьма умѣстно обратить вниманіе на тотъ фактъ,

что нѣкоторые кормятъ дѣтей слишкомъ разнообразной пищей. Случается, что дѣтямъ даютъ ѣсть и пить все, чего они ни попросятъ, лишь-бы не шумѣли. Разнообразіе въ дѣтской пищѣ, конечно, необходимо, но не слишкомъ большое. Пріучать дѣтей питаться тѣмъ чего они не будутъ въ состояніи достать себѣ впослѣдствіи, во время самостоятельной жизни, по меньшей мѣрѣ непрактично. И помимо того, дать воспитываемому возможность испробовать самую разнообразную пищу значитъ предоставить ему большой рядъ удовольствій повторяющихся.

Въ дѣлѣ развитія высшихъ духовныхъ стремленій и склонностей въ противовѣсъ чувственнымъ исходной точкой и опорой для воспитателя могутъ и должны служить пробуждающіяся въ дѣтяхъ психическія потребности, напр. стремленіе дѣтей все узнать, осмотрѣть, ощупать, ихъ стремленіе къ дѣятельности, склонность къ товарищескимъ играмъ и проч. Каждое стремленіе и склонность растетъ и крѣпнетъ, обыкновенно, по мѣрѣ удовлетворенія; чѣмъ чаще пробудившееся стремленіе удовлетворяется, чѣмъ многочисленнѣе случаи полученія удовольствія отъ удовлетворенія той или другой душевной потребности, тѣмъ сильнѣе становится самая потребность. Педагогическое правило, вытекающее отсюда, понятно само собой. Поэтому нельзя одобрить какъ тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы всегда и во всякомъ случаѣ удовлетворять дѣтской любознательности, отгоняютъ отъ себя дѣтей, пристающихъ къ нимъ съ вопросами, такъ и тѣхъ, которые ради своего спокойствія стѣсняютъ дѣтей въ ихъ неугомонной дѣятельности, не даютъ имъ играть въ волю, особенно съ сверстниками.—Преслѣдуя идеи ограниченія въ развитіи чувственныхъ потребностей и возможнаго усиленія и укрѣпленія духовныхъ, воспитателю, для осуществленія намѣченной выше задачи, нужно обращать серьезное вниманіе на

то, чтобы воспитываемый почаще упражнялся въ предпочтеніи потребностей тѣла потребностямъ духа. Дѣти сами укажутъ, какъ здѣсь нужно дѣйствовать. Извѣстно, что дѣти, особенно болѣе взрослые, нерѣдко сами переносятъ разнаго рода тѣлесныя страданія, напр., голодъ, ушибы, усталость, ради высшихъ удовольствій, напр., ради удовольствій получаемаго отъ игры съ товарищами, или отъ другаго какого либо занятія интереснаго для нихъ. Воспитателю слѣдуетъ во время пользоваться такими случаями и даже намѣренно ставить воспитываемаго въ подобныя положенія, разумѣется, наблюдая, чтобы искусъ не наносилъ существеннаго вреда здоровью дѣтей. При этомъ, можно и незамѣтно, косвенно довести питомца до побѣды надъ чувственными влеченіями, дѣйствуя на его самолюбіе, на привязанности, утвердившіяся въ немъ и пр., и прямо посредствомъ требованія, чтобы онъ сдѣлалъ то, а не другое изъ уваженія къ воспитателю.

Переходя къ второму пункту въ указанной выше задачѣ современнаго нравственнаго воспитанія—ограниченію въ развитіи самолюбія и содѣйствію самому широкому развитію симпатическихъ влеченій (въ отношеніи къ людямъ и Богу),—мы замѣтимъ прежде всего то, что эгоизмъ, или ограниченіе въ своей внутренней и внѣшней жизни личными интересами развивается, обыкновенно, вслѣдствіе того, что количество пріятныхъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ положеній и дѣйствій своей единичной личности по разнообразію и силѣ превышаетъ количество и разнохарактерность чувствъ удовольствія, получаемыхъ отъ другихъ лицъ. Отсюда естественно вытекаетъ правило, что въ воспитываемомъ не слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе на самомъ себѣ, давать ему возможность любоваться собой, испытывать вслѣдствіе этого много пріятныхъ

чувствъ. Не то, къ сожалѣнію, замѣчается въ современной педагогической практикѣ. Здѣсь, напр., не рѣдкость, что дѣтямъ оказывается черезъ чуръ боязливая заботливость и услуживаніе чуть не на каждомъ шагу, отъ чего дѣти мало по малу привыкаютъ смотрѣть на себя какъ на центръ, около котораго должно вращаться все окружающее, не только люди, но и животные, и неодушевленные предметы.—Можно натолкнуться въ современной педагогической практикѣ и на противоположное явленіе. Родители, особенно воспитатели (опекуны, родственники), иногда обращаются съ дѣтьми деспотически, весьма мало работясь объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей и желаній дѣтей, почему послѣдніе, предоставленные самимъ себѣ, собственнымъ силамъ и заботамъ, поставлены бываютъ въ необходимость прежде всего и чаще думать о себѣ самихъ, объ удовлетвореніи своихъ личныхъ нуждъ и желаній. Дѣти избалованные, изнѣженные и не видѣвшіе любви и ласки со стороны семейныхъ—пасынки природы—бываютъ большими эгоистами.

Обязанность воспитателя въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать крайностей сейчасъ указанныхъ системъ отношенія къ дѣтямъ. Нужно стараться также и о томъ, чтобы не было и другихъ случаевъ, дающихъ дѣтямъ поводъ часто сосредоточивать вниманіе на себѣ самомъ. Не слѣдуетъ любоваться дѣтьми въ ихъ присутствіи, не говорить при нихъ о ихъ достоинствахъ—хвалить ихъ. Чтобы устранить самую возможность частой и не въ мѣру продолжительной остановки дѣтей на себѣ самомъ, нужно заботиться о томъ, чтобы дѣти были заняты постоянно какимъ-либо полезнымъ дѣломъ, пока не спятъ.

Предохраняя дѣтей отъ развитія эгоизма, слѣдуетъ заботиться о безпрепятственномъ и возможно широкомъ воспитаніи симпатіи. Въ обыденной жизни симпатія прини-

маетъ иногда видъ утонченнаго самолюбія, является въ видѣ ограниченія интересами только какого либо опредѣленнаго кружка людей, напр., семьи и родственниковъ, какого-либо сословія, одной націи (въ видѣ такъ называемаго узкаго патріотизма). Люди, страдающіе такимъ недостаткомъ, заботятся прежде всего, если не исключительно, объ интересахъ своего кружка; къ благу другихъ они равнодушны, холодны. На основаніи этого первое требованіе по отношенію къ воспитанію симпатіи должно состоять въ томъ, чтобы воспитатели (и родители) развитію сочувствія въ воспитываемыхъ не ставили никакихъ ограниченій—ни сословныхъ, ни религіозныхъ, ни національныхъ, хотя-бы съ цѣлью наибольшаго развитія патріотизма. Слѣдовательно, воспитатели ни себѣ, ни дѣтямъ не должны позволять относиться съ пренебреженіемъ къ кому либо изъ людей, ни къ низшимъ себя (прислугѣ, нищимъ), ни къ высшимъ (богачамъ и сильнымъ міра сего), ни къ иностранцамъ.

Нѣкоторые изъ педагоговъ указываютъ какъ на хорошее средство для развитія симпатіи въ дѣтяхъ на путешествія (въ какихъ бы то ни было размѣрахъ) въ виду того обстоятельства, что путешествія даютъ возможность познакомиться съ лицами различныхъ званій, состояній, религій и національностей. На нашъ взглядъ средство рекомендуется не подходящее. Не говоря уже о томъ, что это не всякому по средствамъ, во время странствованій по бѣлу свѣту, не сопряженныхъ съ продолжительными остановками и близкимъ знакомствомъ съ бытомъ населенія посѣщаемой мѣстности, сближеніе съ встрѣчающимися личностями бываетъ очень и очень поверхностнымъ. Инымъ оно у дѣтей и не можетъ быть, пожалуй; потому что людей встрѣчается при этомъ такъ много и столь разнообразныхъ, что вниманіе воспитанника необходимо будетъ

разсѣеваться, почему и не возбудится въ его душѣ прочныхъ симпатій, особенно если припомнить, что въ отношеніяхъ между путешествующими рѣдко проглядываетъ искренняя теплота и задушевность.—Гораздо цѣлесообразнѣе и практичнѣе другое указаніе, что жизнь сельская, гдѣ люди находятся между собой въ болѣе интимныхъ отношеніяхъ, чѣмъ въ городахъ (особенно большихъ), болѣе благопріятствуетъ развитію сердечности и задушевности въ дѣтяхъ. Здѣсь кстати сказать, что симпатія, какъ и другія психическія потребности человѣческой природы, развивается постепенно, начиная съ самыхъ элементарныхъ видовъ: сочувствія къ семейнымъ, роднымъ и вообще лицамъ, близкимъ къ дѣтямъ, и затѣмъ уже къ людямъ, живущимъ внѣ круга ихъ близкихъ знакомыхъ. Само собой понятно, что воспитаніе симпатическихъ влеченій и склонностей должно идти отъ простаго къ болѣе сложному—отъ развитія любви и привязанности къ отцу, матери и другимъ семейнымъ, затѣмъ роднымъ и близкимъ людямъ должно постепенно переходить къ возбужденію въ дѣтяхъ сочувствія къ другимъ людямъ.

Возбуждая и укрѣпляя симпатію, нужно стараться, чтобы она направлялась у дѣтей не на воображаемое что либо, а на дѣйствительно существующее, не на пустяки и мелочи, а главнымъ образомъ на существенное и важное. Нѣтъ основаній желать, чтобы у воспитанниковъ было сочувствіе только къ героямъ романовъ, повѣстей, сказокъ и прочихъ подобныхъ сказаній, а не къ дѣйствительно существующимъ и окружающимъ ихъ личностямъ. Нельзя считать съ нравственной точки зрѣнія хорошимъ и другаго явленія въ воспитывающемся поколѣніи, преимущественно женскаго пола, когда всѣ симпатіи и заботы отдаются кошкамъ, собакамъ (особенно ихъ маленькимъ дѣтенышамъ), птичкамъ,—такъ, что на долю людей не

перепадаетъ почти ничего.—Въ виду этого питомца съ самаго начала слѣдуетъ пріучать доказывать свое сочувствіе дѣломъ, не страшась необходимыхъ жертвъ, заставлять помогать ближнимъ и словомъ и дѣломъ, и деньгами и трудами.

Развитіе чувствъ и стремленій симпатическихъ какъ вообще у каждаго человѣка, такъ и у дѣтей находится въ прямой зависимости исключительно отъ того, *какими являются дѣтямъ всѣ люди* по своей духовной и физической сторонѣ, не исключая самыхъ близкихъ лицъ. Что для возбужденія симпатіи къ себѣ въ дѣтяхъ, особенно маленькихъ, необходимо обладать не только умственными и нравственными достоинствами, но и физическими, напр., привлекательной, неотталкивающей наружностію,—это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что дѣти скорѣе и сильнѣе привязываются (идутъ напр., на руки) къ людямъ съ привлекательной и внушительной наружностью, чѣмъ обратно. Притомъ замѣчаютъ, что чѣмъ моложе дитя, тѣмъ болѣе значенія имѣетъ внѣшность и менѣе внутреннія достоинства, а чѣмъ старше, тѣмъ болѣе душевныя качества. Поэтому отсутствіе пріятности въ наружности, особенно въ лицѣ воспитателя, и живость и ясность въ выраженіи имъ своихъ душевныхъ состояній, своихъ чувствъ по отношенію къ дѣтямъ, не есть что-либо лишнее, безъ чего можетъ обойтись воспитатель.

Въ частности, здѣсь имѣемъ значеніе во 1-хъ то. *какое значеніе имѣютъ тѣ или другіе люди въ глазахъ уважаемыхъ дѣтьми лицъ.* Нерѣдко случается, что дурные отзывы даже о родителяхъ и воспитателяхъ лицъ, пользующихся уваженіемъ дѣтей, уничтожаетъ чуть не въ самомъ основаніи ихъ симпатію къ первымъ. Въ виду

этого обстоятельства понятно, о чемъ нужно хлопотать родителямъ и воспитателямъ.

2) То, *въ какое отношеніе ставятъ себя къ воспитываемому окружающіе его люди.* Любовь и благорасположеніе вызываетъ симпатію, тогда какъ антипатія производитъ обратное дѣйствіе. Здѣсь не мѣшаетъ помнить, что люди вообще склонны болѣе любить тѣхъ, кому благодѣтельствуютъ, чѣмъ своихъ благодѣтелей. Поэтому для возбужденія въ дѣтяхъ болѣе прочной и сильной симпатіи къ окружающимъ людямъ необходимо давать дѣтямъ случаи выражать свое благорасположеніе посредствомъ тѣхъ или другихъ услугъ, пожертвованій. Въ выраженіяхъ своего благорасположенія къ дѣтямъ нужно быть справедливымъ, не обнаруживать большей любви къ одному сравнительно съ другимъ, не превозносить одного предъ другимъ и не унижать. Оказывая явное предпочтеніе одному или нѣсколькимъ, тѣмъ самымъ развиваютъ въ предпочитаемыхъ эгоизмъ, а въ другихъ сверстникахъ—зависть. Униженіе всегда возбуждаетъ въ терпящемъ униженіе непріязнь, антипатію къ воспитателю. Само собой понятно, что здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ случаяхъ, когда похвалы и порицанія раздаются слишкомъ щедро, предпочтеніе и униженіе оказываются несправедливо и не въ мѣру. Далѣе, съ взрослыми воспитанниками не слѣдуетъ обращаться такъ, какъ обращаются съ дѣтьми до 7—12 лѣтъ. Простое, отзывающееся грубостью, обращеніе бываетъ оскорбительнымъ для ихъ сознанія собственнаго достоинства и воздуждаетъ въ нихъ непріязненное чувство.

Послѣ того, какъ дѣти научаются бѣгать и хорошо говорить, самой лучшей школой для развитія въ нихъ симпатическихъ влеченій и склонностей можетъ служить общество сверстниковъ: братьевъ, сестеръ, товарищей по игрѣ, по классу въ школѣ. Дѣти особенно одинаковаго возраста и пола, благодаря большому сходству въ отношеніи душевнаго развитія, сближаются между собой скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ со взрослыми. Общество товарищей,

коль скоро дѣти вступаютъ въ него и становятся его членами, развиваетъ въ дѣтяхъ духъ общественности, сознаніе обязанностей общественныхъ и желаніе трудиться для блага другихъ. Если у питомца нѣтъ общества братьевъ, сестеръ и товарищей, ему нужно подыскать сверстниковъ и свести съ ними, а не удалять и уединять, какъ это иногда дѣлается родителями и воспитателями подъ вліяніемъ опасенія, что сверстники могутъ дурно повлять на нравственность дитяти. Если дитя воспитывалось, какъ слѣдуетъ,—нѣтъ основаній *бояться*, что товарищество повліяетъ дурно: такія дѣти и сами по мѣрѣ возможности окажутъ противодѣйствіе тлетворному духу, и своимъ родителямъ разскажутъ о случаяхъ неблаговиднаго поведенія своихъ товарищей. Притомъ родители и воспитатели всегда могутъ подбирать своимъ дѣтямъ такихъ товарищей, которые чужды крупныхъ нѣдостатковъ и отличаются и умственными, и нравственными достоинствами. Съ этой точки зрѣнія нельзя не одобрить, какъ хорошее средство нравственнаго воспитанія, общественное обученіе въ школахъ, частнѣе, систему взаимнаго обученія и такъ называемыя общежитія, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, если при этомъ не предоставляется все усмотрѣнію самихъ дѣтей. Забота воспитателя, когда ему ввѣряется цѣлое общество питомцевъ—въ школѣ, или общежитіи,—должна касаться главнымъ образомъ соблюденія безпристрастія и охраненія добраго согласія между товарищами—дѣтьми. Старшіе и болѣе сильные воспитанники нерѣдко деспотически относятся къ младшимъ и слабымъ, нужно безъ замедленія и строго прекращать такія поползновенія. Подобнымъ образомъ слѣдуетъ относиться и къ доносамъ товарищей другъ на друга, исключая прямыхъ и открытыхъ предъ лицемъ всѣхъ товарищей заявленій жалобы. Ссоры мелкія и мимолетныя нѣтъ нужды разбирать и разслѣдывать; въ этихъ случаяхъ всѣ мѣры, употребляемыя воспитателями, должны клониться къ установленію миролюбивыхъ, дружественныхъ отношеній между поссорив-

шимися. Въ противоположность сейчасъ сказанному нужно поощрять товарищей стоять другъ за друга, насколько это возможно не противорѣча требованіямъ христіанской нравственности,—въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуетъ отъ дѣтей помощи своимъ товарищамъ,—трудомъ или деньгами, имуществомъ,—это все равно.

N. N.

РѢШЕНІЕ ВОПРОСА, ПРЕДЛОЖЕННАГО РЕДАКЦІИ.

Какими дверьми—сѣверными или царскими выходитъ изъ алтаря въ притворъ, для совершенія литіи на всенощномъ бдѣніи? Выходъ на литію царскими дверьми само собою предполагаетъ открытіе ихъ во все время пѣнія литіи въ притворѣ. Открытіе дверей царскихъ при томъ или другомъ богослуженіи имѣетъ свое особенное значеніе; въ православномъ христіанскомъ богослуженіи нѣтъ ничего такого, чтобы не заключало въ себѣ глубокаго смысла. Но какое-же значеніе будетъ имѣть отверзстіе царскихъ вратъ во время пѣнія литіи? Открытіе царскихъ вратъ во время пѣнія литіи не имѣетъ какого-либо отношенія къ послѣдней, такъ какъ литія совершается въ притворѣ какъ-бы внѣ храма. А по изъясненію Симеона Солунскаго литія прежде совершалась не только въ притворѣ и какъ-бы внѣ храма, но и предъ закрытыми западными (красными) дверьми, ведущими изъ притвора въ храмъ (Нов. Скриж. част. втор. гл. 2, § 3, сн. част. перв. гл. 10, § 50). Если же открытіе царскихъ вратъ во время пѣнія литіи не имѣетъ отношенія къ послѣдней, то какое значеніе, какой смыслъ будетъ имѣть это открытіе?

Литія есть общенародное, усердное и прилежное моленіе. Совершая литію, церковь усиленно и прилежно умоляетъ Бога, чтобы Господь отвратилъ отъ насъ свой праведный гнѣвъ, готовый разразиться надъ нами, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ заслуженнаго нами наказанія, чтобы простилъ согрѣшенія наши, сохранилъ и помиловалъ отъ *голода*, *заразы*, *землетрясенія*, *потопа*, огня и т. д. Литія такимъ образомъ имѣетъ покаянный характеръ и какъ общенародное, усиленное и покаянное моленіе, она совершается въ притворѣ,—мѣстѣ назначенномъ для оглашенныхъ и кающихся. Совершая литію въ этой части храма, церковь принимаетъ на себя какъ-бы образъ кающихся и оглашенныхъ, смиренно испрашиваетъ у Бога помилованія (Нов. Скриж. част. 2 гл. 2 § 30). Посему было-бы суетнымъ и напраснымъ желаніемъ со стороны о. настоятеля *придать литіи какой-либо торжественный характеръ*, обставить ее какими-либо торжественными внѣшними обрядовыми дѣйствіями. Тотъ настоятель церкви обнаружилъ-бы непониманіе духа и характера литіи, какъ общенароднаго, усиленнаго и покаяннаго моленія, который-бы рѣшился для бо́льшей торжественности литіи, совершаемой хотя-бы въ навечеріи великихъ праздниковъ, сдѣлать выходъ на нее царскими дверьми и оставить эти двери открытыми во все время пѣнія литіи. Царскія двери вообще не отверзаются на службахъ, которыя главнымъ образомъ состоятъ изъ молитвословій, пѣснопѣній и чтеній умилительныхъ, изображающихъ наше грѣховное состояніе и гнѣвъ Божій за прегрѣшенія,—на службахъ печальныхъ, покаянныхъ. Такъ напр. царскія двери не открываются на часахъ (если на нихъ не читается евангеліе), на повечеріи, полунощницѣ. Напротивъ царскія двери откры-

ваются на службахъ торжественныхъ, радостныхъ, на которыхъ наиболѣе раскрывается домостроительство спасенія людей, въ которыхъ подается бо́льшая надежда получить царствіе небесное, на которыхъ читается евангеліе.

Тотъ или другой настоятель, выходя на литію царскими дверями и оставляя эти двери открытыми во все пѣніе литіи, обличилъ-бы себя *и въ незнаніи* церковнаго устава и въ нарушеніи его предписаній. Въ Типиконѣ со всею ясностію и опредѣленностію сказано, что священникъ съ діакономъ совершаютъ выходъ на литію сѣверными дверьми. Вотъ подлинныя слова церковнаго устава: »Исходитъ іерей съ діакономъ, *сѣверными дверьми*, предъидущимъ имъ двѣма свѣтильникома, діакону же съ кадильницею, намъ-же послѣдующимъ. И поемъ стихиру храма и исходимъ въ притворъ«, и т. д. (гл. 2 л. 3-й на обор). Тоже самое изложено и въ служебникѣ. Но какъ скоро существуетъ тотъ или другой законъ, то онъ долженъ быть выполняемъ. Вѣдь законы издаются не для того только, чтобы они значились на бумагѣ?! Почему-же можно было-бы совершать и какъ нѣкоторые оо. настоятели совершаютъ выходъ на литію не согласно съ указаніями церковнаго устава?

Въ богослужебной практикѣ у насъ многое совершается »по принятому обычаю«. Легко можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ приходахъ обыкновеніе выходить на литію царскими дверьми ведется издавна, и что иные *оо. настоятели поддерживаютъ это обыкновеніе единственно въ силу его праводавности*. Но принятый обычай можетъ имѣть силу и значеніе только въ тѣхъ случаяхъ богослужебной практики, въ которыхъ предписанія церковнаго устава или другихъ богослужебныхъ книгъ, ясно

или вовсе не опредѣляютъ образъ дѣйствія для священнослужащихъ,—въ тѣхъ случаяхъ, которые не были предусмотрѣны правилами церковными. Но если извѣстное обыкновеніе, какъ-бы оно давно ни существуетъ и откуда-бы оно ни происходило, стоитъ въ противорѣчіи съ существующимъ закономъ, то должно быть оставлено. Въ противномъ случаѣ оно должно быть отнесено къ разряду явленій произвольныхъ и нежелательныхъ въ нашей церковно-богослужебной практикѣ.

Если какая, то внѣшне-формальная сторона православнаго христіанскаго богослуженія всего болѣе поддается вниманію и наблюдательности для нашего простаго народа. Посему всякое измѣненіе во внѣшней сторонѣ богослуженія, всякая разность въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ рѣзко бросается ему въ глаза и кажется соблазнительнымъ, какъ намъ и заявляетъ одинъ священникъ изъ Ростовскаго (на Дону) уѣзда, предложившій разсматриваемый вопросъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли видѣть, что одно и тоже обрядовое дѣйствіе, какъ выходъ на литію, совершается не одинако въ различныхъ приходахъ даже одной и той-же епархіи? Во всякомъ случаѣ мы должны сказать въ заключеніе своей замѣтки, что въ православномъ христіанскомъ богослуженіи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ мелочей, къ которымъ бы можно было относиться безразлично, измѣнять по своему усмотрѣнію или произволу обрядовыя дѣйствія и плодить разность въ церковно-богослужебной практикѣ, какихъ разностей и безъ того не мало.

П. З.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИГА

ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ

ПРИХОДСКИХЪ ТРЕБЪ

Составленная Священникомъ Н. Сильченковымъ.

При составленіи »Вспомогательной книги« имѣлось въ виду, чтобы она могла служить практическимъ руководствомъ при отправленіи приходскихъ требъ. Сообразно съ такою цѣлію, преимущественное вниманіе обращено на изложеніе обрядоваго порядка совершенія требы, съ указаніемъ — такъ сказать — естественнаго хода самаго порядка требы. За тѣмъ: 1) какъ при пользованіи Требникомъ необходимо знать—когда, въ какихъ случаяхъ и какъ нужно совершить ту или другую требу, то въ книгѣ заключаются церковныя правила и гражданскія постановленія, относящіяся до каждой требы; 2) примѣненіе тѣхъ и другихъ законоположеній, а особенно— обрядовыхъ пріемовъ при совершеніи требы, облегчается опытомъ службы другихъ лицъ,—въ виду сего въ книгѣ приведены практическія замѣтки по исполненію каждой требы, заимствованныя изъ нововременныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій; наконецъ, 3) на затруднительные случаи даны отвѣты, согласованные съ церковными правилами и гражданскими законами.—Таково содержаніе »Вспомогательной книги« въ общихъ чертахъ.

Въ книгѣ изложены слѣдующія требоисправленія:

1) Молитвы, въ первый день по внегда родити женѣ отроча и нареченіе имени младенцу; 2) Молитва женѣ, егда извержетъ младенца; 3) Молитва женѣ родильницѣ въ сороковой день; 4) Оглашеніе крещаемаго; 5) Крещеніе; 6) Молитва святыхъ крещеній, како младенца крестити ради страха смертнаго; 7) Муропомазаніе; 8) Молитвы, слѣдующія за муропомазаніемъ на омовеніе и постриженіе власовъ; 9) Исповѣдь; 10) Причащеніе; 11) Благословеніе

предъ вѣнчаніемъ; 12) Оглашеніе; 13) Обыскъ; 14) Бракъ, при чемъ имѣется особая глава, въ которой подробно изложены указанія, для ризбора степеней родства; 15) Елеосвященіе; 16) Отпѣваніе усопшаго; 17) Совершеніе разныхъ чиновъ погребенія въ недѣлю св. Пасхи; 18) Поминовеніе усопшихъ; 19) Крестные ходы; 20) Водоосвященіе; 21) Молебныя пѣнія, съ канономъ и безъ канона; 22) Соединенные молебны; 23) Молебны, совершаемые въ недѣлю Пасхи; 24) Чинъ благословеніе новаго дома; 25) Освященіе иконъ; 26) Молитвенные чины на разные случаи; 27) Хожденіе »со славой« въ дни Рождества, Воскресенія Христова и со святою водою; 28) Хожденіе съ такъ называемой »постной молитвой«; 29) Присяга, и проч.

Въ приложеніи въ книгѣ содержатся формы приходскихъ документовъ съ относящимися къ нимъ законоположеніями: а) Метрическія книги; б) Метрическія свидѣтельства, выписки; и проч. в) Обыскныя книги съ указаніемъ документовъ, требуемыхъ при совершеніи брака; г) Исповѣдныя книги; и проч.

Въ частности, почти каждая треба заключаетъ въ себѣ слѣдующія рубрики: а) Мѣсто и время отправленія требы; б) Подготовительныя дѣйствія къ исполненію ея; в) Обрядовый порядокъ совершенія требы; г) Заключительныя дѣйствія по совершеніи ея; д) Церковныя правила; е) Гражданскія постановленія; ж) Практическія замѣтки; з) Разрѣшеніе представляющихся недоумѣній; і) Послѣдствія неисполненій законоположеній.

Цѣна книги: безъ пересылки 1 р. 20 к., съ пересылкою—1 р. 40 к. При выпискѣ 5 экземпляровъ дѣлается съ первой цѣны скидки 10%; 10 экземпляровъ—15% и 15 экземпляровъ—25%.

Складъ книги находится въ конторѣ Редакціи »Воронежскаго Телеграфа« въ Воронежѣ, на Дворянской улицѣ, домъ Столля, и въ книжной лавкѣ Воронежскаго Митрофанова монастыря. Г. г. иногородныхъ покупателей покорнѣйше просятъ обращаться за покупкою книги по преимуществу въ контору Редакціи »Воронежскаго Телеграфа«.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 24 сентября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. **№ 41.** Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Октября 8-го.

Содержаніе: Поученіе въ день Воздвиженія креста Господня.—Поученіе на день Покрова Пресв. Богородицы.—Библіографическая замѣтка.—Отрывки изъ моего дневника.—Фокусъ нѣмецкаго профессора.

ПОУЧЕНІЕ
въ день Воздвиженія креста Господня.

Такихъ собраній въ св. храмѣ, каково въ сегоднешній день, не много въ году. Между тѣмъ въ нашемъ приходѣ, судя по численности его, такія и даже еще большія собранія должны-бы быть въ каждый воскресный день. Господь Богъ повелѣваетъ помнить воскресные дни для того, чтобы святить ихъ. Святить воскресные дни значитъ проводить ихъ въ святыхъ дѣлахъ: въ молитвѣ домашней и *церковной*, въ добрыхъ бесѣдахъ и благотвореніи бѣднымъ. Если-бы прихожане исправно ходили въ св. храмъ въ воскресные и праздничные дни; то и я, какъ приходскій пастырь, имѣлъ бы большую возможность къ объясненію имъ того, что необходимо знать каждому православному христіанину, для своего душевнаго спасенія. Когда же вы

придете въ храмъ только три—четыре раза въ годъ; тогда я рѣшительно не знаю, о чемъ говорить вамъ. Предметовъ, о коихъ желательно и нужно бы сообщить вамъ, много; времени же, въ которое я могъ-бы сообщить вамъ о нихъ, по причинѣ вашего нерадѣнія къ хожденію въ храмъ, нѣтъ. Вотъ и нынѣ я, пользуясь настоящимъ собраніемъ, буду говорить вамъ о томъ, что должно бы быть сказано уже давно.

На утреннемъ богослуженіи я объяснялъ здѣсь, что́ сегодня за праздникъ—что онъ установленъ въ память обрѣтенія св. креста Господня царицею Еленою, и что этотъ праздникъ названъ *Воздвиженіемъ* отъ того, что найденный св. крестъ патр. Макаріемъ былъ предъ народомъ *воздвигаемъ*, т. е. поднимаемъ. Вѣроятно, очень многіе изъ васъ знаютъ, что сегодняшній праздникъ—большой. Такихъ праздниковъ въ году—только 12. Отъ чего же вы собираетесь въ св. храмъ въ такомъ количествѣ не во всѣ эти праздники? Нѣсколько дней назадъ былъ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы—также одинъ изъ двѣнадцати большихъ; въ храмѣ же здѣсь—едва можно было насчитать до 20 богомольцевъ! Отъ чего это?... Скажете: въ сегоднешній день, равно какъ еще въ другіе два: Крещеніе Господне и Троицынъ день, у жителей здѣшняго селенія приготовляется угощеніе для приходящихъ, здѣсь производится гулянье, пріѣзжаютъ торговцы.—Отсюда понятно, что многочисленныя собранія въ эти дни происходятъ не отъ усердія къ св. храму, а по желанію поѣсть, попить, погулять... Впрочемъ, гостепріимство похвально; и гулянье не порокъ, если оно не сопровождается какимъ либо безчинствомъ и безобразіемъ. Я не могу произнести ни одного слова укорнаго противъ того, кто, придя къ празднику, бываетъ въ св. храмѣ у божественной службы, молится Господу Богу отъ усердія

и проводитъ остатокъ дня степенно и по-христіански. Но я не могу умолчать о тѣхъ, которые предаются въ праздники крайнему разгулу и неистовствамъ. Противъ этихъ-то нарушителей святости праздниковъ, общественнаго порядка и всякаго приличія я и желалъ сказать слово осужденія. Во время праздниковъ многіе упиваются виномъ до забвенія своихъ обязанностей, пьяные расхаживаютъ по селенію съ крикомъ и бранью—самою площадною и въ высшей степени омерзительною, заводятъ между собою грязныя сцены: ссоры и драку, буйствуютъ и безобразничаютъ. Иные изъ нихъ доходятъ до такого безстыдства, что, являясь въ домы жильцовъ, нагло припрашиваютъ себѣ вина, тогда какъ сами отъ вина едва стоятъ на ногахъ! Иные рѣшаются на дѣла еще болѣе грязныя и отвратительнѣйшія. Останавливаясь предъ окнами тѣхъ, которыми бываютъ почему либо не довольны, они изрыгаютъ противъ нихъ разныя гнилыя слова и сквернословныя ругательства, и дѣлаютъ такія выходки, которыя, уподобляя ихъ безсмысленнымъ скотомъ, обнаруживаютъ въ нихъ крайнее развращеніе и невѣжество. Неужели эти безобразники думаютъ, что опьяненіе ихъ даетъ имъ право безнаказанно совершить все, что они хотятъ: и разныя глумленія и явное безстыдство и публичное оскорбленіе честнаго имени? Удивительно! Въ будни крестьянинъ труженникъ, достойный всякаго почета и уваженія; въ праздники—этотъ же самый человѣкъ—пьяный, ни стыда, ни совѣсти въ немъ тогда нѣтъ! И между тѣмъ иные еще хвалятся такими безобразными своими поступками. Какое жалкое ослѣпленіе! Человѣкъ, который не сознаетъ мерзости своихъ поступковъ, не краснѣетъ отъ своего совершеннаго безобразія, а еще хвалится имъ, далекъ отъ покаянія и исправленія, далекъ, слѣдов., и отъ вѣчнаго спасенія.

Говоря это, я знаю, бр., что здѣсь нѣтъ этихъ озорниковъ и безобразниковъ. Слѣдовательно они не слышатъ моего голоса. При всемъ томъ я говорю вамъ объ этомъ въ надеждѣ, что вы примете участіе во вразумленіи этихъ несчастныхъ. Объясняйте имъ, прошу васъ, что не хорошо упиваться до потери стыда и совѣсти; еще хуже обнаруживать свое безобразіе предъ другими, какъ напр. бродить по селенію съ разными ругательствами и начинать споръ и драку. Напоминайте имъ, что здѣсь живутъ лица образованные, чиновные и благородные, для слуха которыхъ весьма непріятны и крайне возмутительны сквернословіе и площадная брань, хотя бы онѣ и не къ нимъ относились, что по селенію совершаютъ прогулку дѣвицы, скромность и цѣломудренную стыдливость которыхъ надобно беречь, и потому не позволять себѣ никакихъ безнравственныхъ выходокъ, что здѣсь есть множество дѣтей, для которыхъ они могутъ послужить соблазномъ ко грѣху или сдѣлаться посмѣшищемъ для нихъ. Наконецъ, если ваши убѣжденія будутъ не дѣйствительны, напомните безобразникамъ, что здѣсь, въ селеніи, имѣютъ жительство начальствующіе и имѣющіе власть, которые силою власти, данной имъ отъ Государя, могутъ обуздать ихъ своеволіе, подвергнувъ ихъ за площадное безобразіе законному взысканію. Слѣдовательно, они должны удерживаться отъ безобразій, если не по совѣсти, то, по крайней мѣрѣ, по страху наказанія.

Если кто изъ васъ, побывавъ сегодня въ св. храмѣ, при Божіей помощи, успѣетъ уговорить хотя одного такого человѣка отъ неприличныхъ выходокъ; то таковый проведетъ праздникъ истинно по христіански. Въ писаніи сказано: »кто обратитъ грѣшника отъ пути его заблужденія,—отведетъ его отъ грѣха; тотъ спасетъ свою душу

и покроетъ множество грѣховъ«. Запомните это, братіе, и постарайтесь въ этотъ день соблюсти отъ неприличія, безобразія и омерзительныхъ дѣлъ и себя, и другихъ. Аминь.

Пр. *П. Мегорскій.*

Кончезеро.

ПОУЧЕНІЕ

на день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Святая церковь часто обращается къ Царицѣ Небесной съ молитвою о заступленіи и ходатайствѣ Ея предъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ за родъ человѣческій. По примѣру св. церкви и каждый изъ насъ среди многоразличныхъ обстоятельствъ своей жизни обращается къ Матери Божіей съ молитвою о помощи Ея и заступленіи. *Владычице, помози, на ны милосердствовавши*,—кому изъ насъ не знакомы эти слова?

Да и какъ намъ, грѣшнымъ и безсильнымъ, не обращаться къ Царицѣ Небесной съ молитвою о помощи и заступленіи?

Не станемъ говорить о лѣтахъ своего младенчества и ранней молодости, когда безсиліе человѣка извѣстно каждому. Возьмемъ во вниманіе лѣта своей зрѣлости,—лѣта полнаго своего мужества! Въ эти годы мы часто надѣемся на *счастіе*, такъ или иначе устроивая себя на жизненномъ поприщѣ; но еще чаще видимъ, какъ это счастіе, подобно туманному призраку, отлетаетъ отъ насъ, и мы въ недоумѣніи останавливаемся, не въ силахъ будучи удержать его. Нынѣ мы благополучны, но на завтра терпимъ какія-либо жизненныя невзгоды: разстройство въ быту домашнемъ, утрату милыхъ и дорогихъ сердцу,

неудачи въ дѣлахъ и предпріятіяхъ... И все это невольно приводитъ насъ къ сознанію своего безсилія и безпомощности.—Найдемъ-ли мы опору въ своихъ денежныхъ средствахъ? Но и въ нашъ вѣкъ, когда *золотой телецъ* имѣетъ для себя многое множество ревностныхъ поклонниковъ,—какъ часто въ средѣ послѣднихъ раждается разочарованіе относительно могущества ихъ идола? Нынѣ золото широкою рѣкою льется къ счастливцу, разжигая въ немъ чувство ненасытнаго корыстолюбія,—а на завтра, увы! нѣтъ его: укатилось оно куда-то безвозвратно, и часто не по собственной винѣ человѣка потерпѣвшаго, а по винѣ другихъ, въ дѣловой водоворотъ которыхъ онъ былъ вовлеченъ. И посмотрите, какъ жалокъ тогда человѣкъ! Не зная, на что рѣшиться, и что предпринять, съ поникшею головою ходитъ онъ, сознавая свое ничтожество, и проклиная своего неблагодарнаго идола, которому онъ служилъ съ такимъ усердіемъ.—Но можетъ быть *связи*, близкое отношеніе къ людямъ, имѣющимъ въ томъ или другомъ отношеніи вѣсъ и значеніе, могутъ внушить въ насъ сознаніе силы и сдѣлать насъ счастливыми? Но какъ часто рушатся эти крѣпкія связи? Какъ часто, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, человѣкъ остается забытымъ своимъ покровителемъ? Какъ часто вслѣдствіе смерти послѣдняго, которая есть общій всѣхъ человѣковъ удѣлъ, съ вершины могущества онъ повергается въ ничтожество и изъ довольнаго и богатаго дѣлается безсильнымъ нищимъ и страдальцемъ?—И вотъ тутъ-то, среди всѣхъ этихъ жизненныхъ бурь и невзгодъ, у кого и гдѣ искать человѣку помощи и заступленія, какъ не у Божіей Матери? Одинъ благодатный звукъ: *Владычице, помози, на ны милосердствовавши*,—не принесетъ-ли тогда человѣку и утѣшеніе и отраду?

Что сказать о лѣтахъ старости, когда человѣкъ бы-

ваетъ изнуренъ и обезсиленъ трудами и годами! Опытъ жизни достаточно вразумилъ каждаго старца въ необходимости для него Высшей помощи; преклонный возрастъ его достаточно убѣдительно говоритъ ему, что ему нѣтъ надежды на себя самаго: все прошло, и сила пропала, и взглядъ притупился.—Что же тогда старцу можетъ доставить утѣшеніе, какъ не взоръ на икону Царицы Небесной, молитва произнесенная къ Ней изъ глубины души: *Владычице, помози, на ны милосердствовавши!*

Если мы оказываемся слабыми и безсильными во всѣ лѣта своей жизни и отъ колыбели до гроба нуждаемся въ Высшей помощи, то благотворно было-бы со стороны родителей и воспитателей, какъ можно чаще внушать неиспорченному уму дитяти, среди другихъ истинъ, мысль о Пренепорочной Матери Господа Іисуса, какъ о Заступницѣ и Покровительницѣ рода человѣческаго. Сѣмя, брошенное на добрую и воспріимчивую почву, съ теченіемъ времени принесло-бы сторичный плодъ: упованіе на помощь и заступленіе Матери Божіей было бы постояннымъ и непоколебимымъ въ теченіи всей дальнѣйшей жизни ребенка. И съ какимъ спокойствіемъ, съ какимъ благодатнымъ терпѣніемъ переносилъ-бы онъ въ года своей возмужалости всѣ бѣдствія и случайныя невзгоды жизни; съ какою-бы твердостію, какъ истинный воинъ Божій, встрѣчалъ-бы онъ тогда ея, часто жестокіе, удары, для отраженія которыхъ такъ часто не достаетъ силъ не только у слабодушныхъ, но и у тѣхъ, которые думаютъ поставить себя въ числѣ людей, какъ говорятъ, съ твердымъ характеромъ. Пламенная молитва была тогда-бы на устахъ человѣка: *Владычице, помози, на ны милосердствовавши!*

Бр. хр! мы не только слабыя и безсильныя существа, но и грѣшныя, припоминая важнѣйшіе случаи своихъ со-

грѣшеній, сознавая всю глубину своего нравственнаго паденія, часто не имѣетъ, повидимому, средствъ для примиренія своего съ Богомъ и своею совѣстію. Никто не можетъ отрицать, чтобы не приходили къ намъ эти мучительныя минуты сознанія своей грѣховности; даже у закоренѣлыхъ преступниковъ, противъ воли ихъ, являются они... И вотъ, мучимые угрызеніями совѣсти, мы считаемъ себя недостойными благодѣяній Божіихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая всю глубину своего грѣховнаго паденія, не смѣемъ непосредственно обратиться къ Господу Іисусу, чтобы молить у Него милосердаго прощенія. Но есть у насъ грѣшныхъ и въ эти тяжкія для насъ минуты скорая Ходатайница за насъ предъ Сыномъ Божіимъ: это—пренепорочная Дѣва Марія Матерь Божія.—Если мы въ минуты своей душевной скорьби и угрызенія совѣти будемъ взывать къ Царицѣ Небесной: *Владычице, помози, на ны милосердствовавши*,—то въ этомъ найдемъ для себя примиреніе съ Господомъ Іисусомъ и съ своею совѣстію.

И нужно-ли говорить о томъ, какъ скоро является на помощь безсильному и грѣшному человѣчеству Матерь Божія. Нынѣ православная церковь празднуетъ то достопамятное событіе, какъ Матерь Божія, окруженная ликами ангеловъ и святыхъ Божіихъ, явила нѣкогда видимымъ образомъ свое покровительство надъ цѣлымъ сонмомъ вѣрующихъ, собравшихся для слушанія богослуженія въ одномъ изъ храмовъ православной Греціи; вслушаемся въ слова пѣсни, которую воспѣваетъ нынѣ церковь въ честь Богоматери: *Дѣва днесь предстоитъ церкви, и съ лики святыхъ невидимо за ны молится Богу.*

И Богъ—Господь Іисусъ,—безъ сомнѣнія услышитъ молитву Своей Пренепорочной Матери?—Чье ходатайство для него можетъ быть вожделеннѣе ея ходатайства? Какой

сынъ не согласится исполнить прошеніе своей матери? Еще во время земной Своей жизни Господь Іисусъ снисходилъ къ просьбамъ Своей возлюбленной Матери. Такъ евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что во время брака въ Канѣ Галилейской, когда присутствовавшіе увидѣли недостатокъ въ винѣ, *глагола Мати Іисусова къ Нему: вина не имутъ* (II, 3). И вотъ по Ея ходатайству Небесный Чудотворецъ превращаетъ воду въ вино и тѣмъ даетъ необычайный случай для продолженія брачнаго пиршества. Но тогда еще, по сказанію евангелиста, не наступилъ часъ для прославленія Господа Іисуса: *не у прiйде часъ Мой* (Іоан. II, 4), отвѣчалъ Онъ на ходатайство Своей божественной Матери, хотя и исполнилъ это ходатайство. Нынѣ Онъ, прославленный, совершившій дѣло искупленія грѣшнаго человѣчества, сидитъ одесную Бога Отца: и чье, повторяемъ, ходатайство для него можетъ быть вожделеннѣе ходатайства Его Матери?

Итакъ, христіане, не будемъ отчаяваться среди скорбей и неудачъ, которыя такъ часто выпадаютъ на долю человѣка на жизненномъ пути его; не будемъ отчаяваться въ своемъ спасеніи, сознавая свой грѣхъ и вину предъ Богомъ. Мы знаемъ и вѣруемъ, что имѣемъ вѣрную ходатайницу за насъ предъ Господомъ Іисусомъ и скорую помощницу намъ во всѣхъ нашихъ нуждахъ и несчастіяхъ—Царицу небесную. Къ ней-то, Милосердой, чаще и чаще будемъ взывать изъ глубины души нашей: *Владычице, помози, на ны милосердовавши*! Аминь.

С.

Библіографическая замѣтка.

»Исторія христіанской церкви со временъ апостольскихъ до Реформаціи« Джемса Роберстона, профессора церковной исторіи королевской коллегіи въ Лондонѣ. Переводъ Ѳ. Матвѣева. Т. I, кн. 1 и 2. Москва. 1878 года.

»Исторія христіанской церкви« Джемса Роберстона составляетъ въ подлинникѣ восемь томовъ. Подобно тому подраздѣленію Исторіи церкви на періоды, какому слѣдуютъ вообще западные историки, и »Исторія церкви«, составленная г. Роберстономъ, подраздѣляется на слѣдующіе періоды:

Періодъ первый: Отъ гоненія при Неронѣ до изданія Константиномъ (великимъ) эдикта о терпимости христіанства, 64—313 г.

Второй: Отъ Константина до смерти Ѳеодосія великаго, 313—395 г.

Третій: Отъ смерти Ѳеодосія великаго до Григорія великаго, 395—590 г.

Четвертый: Отъ избранія Григорія великаго до смерти Карла великаго, 590—814 г.

Пятый: Отъ смерти Карла великаго до низложенія папы Григорія VI, 814—1046 г.

Шестой: Отъ низложенія Гвигорія VI до смерти Целестина III, 1046—1198 г.

Седьмой: Отъ избранія Иннокентія III до смерти Бонифація VIII, 1198—1304 г.

Восьмой: Отъ смерти Бонифація VIII до Констанцкаго собора включительно, 1304—1418 г.

Девятый: Отъ окончанія Констанцкаго собора до пятаго Латеранскаго собора, 1418—1517 г.

Изъ восьми томовъ »Исторіи христіанской церкви«, составленной Роберстономъ, мы имѣемъ въ переводѣ пока одинъ только первый томъ. Этотъ томъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ г. Матвѣевымъ въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ въ первой содержится исторія христіанской церкви со временъ апостольскихъ до изданія Константиномъ великимъ эдикта о терпимости христіанства, или до 313 года отъ Р. Х., а во второй—со временъ Константина великаго до смерти Ѳеодосія великаго, или до 396 г. отъ Р. Х.

При первой книгѣ (въ началѣ ея), состоящей изъ десяти листовъ довольно убористой печати, приложены четыре списка!

1) Хронологическій списокъ римскихъ императоровъ отъ Тиверія до Ѳеодосія великаго, или отъ 14 до 395 г. отъ Р. Х.

2) Хронологическій же списокъ римскихъ папъ отъ ап. Петра до Пія IX включительно,—до 1846 г.

3) Такой-же перечень константинопольскихъ патріарховъ отъ ап. Андрея Первозваннаго до Іоакима II,—до 1860 г.,—здѣсь же въ хронологическомъ порядкѣ перечисляются турецкіе султаны, современные константинопольскимъ патріархамъ, слѣдовавшимъ послѣ взятія Константинополя турками.

4) Алфавитный перечень писателей и книгъ, какія чаще встрѣчаются въ примѣчаніяхъ къ »Исторіи христіанской церкви«.

Уже изъ того перечня книгъ и писателей, какіе встрѣчаются въ примѣчаніяхъ къ »Исторіи христіанской церкви«, можно видѣть, что авторъ ея располагалъ громадною массою историческаго матеріала. Какъ г. Роберстонъ распо-

рядился такимъ матеріаломъ, мы можемъ, хотя не вполнѣ, судить по первому тому его церковной исторіи, изданному въ переводѣ на русскій языкъ г. Матвѣевымъ.—Исторію христіанской церкви г. Роберстонъ излагаетъ въ видѣ лѣтописи; слѣдуя хронологическому порядку, онъ почти одновременно отмѣчаетъ всѣ важнѣйшія событія и явленія въ жизни церкви,—всѣ перемѣны какъ во внѣшнемъ, такъ и внутренномъ ея состояніи. Чтобы далеко не ходить за примѣрами въ подтвержденіе высказываемаго нами замѣчанія, остановимся на первой главѣ книги »Исторіи« Роберстона. Придерживаясь хронологическаго порядка, авторъ въ этой главѣ говоритъ прежде о трудахъ апостольскихъ въ дѣлѣ распространенія евангелія, затѣмъ о тѣхъ препятствіяхъ, какія христіанство встрѣтило на пути своего развитія,—о гоненіи воздвигнутомъ со стороны Нерона; потомъ о разрушеніи Іерусалима и о той перемѣнѣ, какую разрушеніе Іерусалима вызвало во взаимныхъ отношеніяхъ іерусалимской церкви къ прочимъ христіанскимъ церквамъ; далѣе опять о гоненіи на христіанъ, воздвигнутомъ Домиціаномъ, о послѣднихъ дняхъ жизни и дѣятельности ап. Іоанна Богослова; наконецъ о литературныхъ произведеніяхъ христіанскихъ писателей и церковномъ управленіи въ вѣкъ апостольскій. Подобнымъ образомъ г. Роберстонъ излагаетъ дальнѣйшую исторію христіанской церкви въ царствованіе Траяна и Адріана (гл. II), Антонина (гл. III) и т. д. весь первый и второй періоды. Такое изложеніе церковной исторіи едва-ли можно признать научнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Кажется было-бы правильнѣе и раціональнѣе, заговоривши о внѣшнемъ состояніи церкви, довести эту рѣчь до конца,

т. е. представить болѣе или менѣе послѣдовательную и законченную картину внѣшняго состоянія церкви во весь данный періодъ; затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію внутренняго состоянія церкви въ тотъ-же періодъ и т. п. Тогда не было-бы надобности постоянно перебѣгать отъ одного предмета къ другому или повторяться о событіяхъ и явленіяхъ, которыхъ начало въ одномъ вѣкѣ, а продолженіе во второмъ, какъ это заключается въ »Исторіи« Роберстона, да и самое дѣло могло-бы представляться яснѣе.

Если Церковная Исторія Роберстона не имѣетъ характера строго-научнаго изложенія, то она, съ другой стороны, свободна отъ всякой тенденціозности. Авторъ ея ставитъ себя въ положеніе объективнаго наблюдателя и, какъ-бы въ качествѣ сторонняго зрителя, на основаніи историческихъ данныхъ отмѣчаетъ всѣ тѣ важнѣйшія событія и явленія въ жизни церкви Христовой, какія происходили въ извѣстный промежутокъ времени. Какъ безпристрастный историкъ, безъ всякой предвзятой мысли распоряжающійся историческимъ матеріаломъ, онъ выдѣляется изъ ряда своихъ собратій—западныхъ историческихъ писателей. На западѣ, такъ сказать, выработались три типа историческихъ писателей: одни усиливаются, во что бы ни стало, возвысить значеніе папской власти, не пренебрегая измышленными событіями и поддѣльными документами; другіе, изъ желанія уничтожить значеніе папъ, стараются подорвать вѣру къ соборнымъ опредѣленіямъ; иные, наконецъ, безъ зазрѣнія совѣсти отрицаютъ и то и другое. Но г. Роберстона, повторяемъ, нельзя отнести ни къ той, ни къ другой группѣ историческихъ писателей. Когда мы говоримъ, что г. Роберстонъ свободенъ отъ всякой тенденціозности, то не выражаемъ той мысли, будто-бы онъ въ своей исторіи передавалъ одни

голые факты и числа; нѣтъ, анализомъ своей мысли онъ освѣщаетъ разнообразный историческій матеріалъ, какой имѣлъ подъ руками; говоря о тѣхъ или другихъ событіяхъ и явленіяхъ въ жизни церкви Христовой, онъ объясняетъ причины вызвавшія такія событія и явленія, указываетъ добрыя или вредныя послѣдствія ихъ и т. д.

Излагая судьбу и дѣятельность церкви Христовой, объясняя явленія и перемѣны, происходившія во внѣшнемъ и внутреннемъ ея состояніи, г. Роберстонъ всегда старается обосновать свою рѣчь на точныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Посему въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ему заговаривать о фактахъ сомнительныхъ—спорныхъ и, по неопредѣленности историческихъ данныхъ, понимаемыхъ писателями различно, онъ высказывается съ большею осторожностію, допускаетъ оговорки въ родѣ слѣдующихъ: »вѣроятно«, »говорятъ«, полагаютъ« и пр. Въ примѣчаніяхъ къ своей »Исторіи« г. Роберстонъ цитуетъ и самыя историческія свидѣтельства и различныя мнѣнія историческихъ писателей о фактахъ спорныхъ и неопредѣленныхъ, при чемъ нерѣдко сравниваетъ и сопоставляетъ между собою тѣ или другія мнѣнія, взвѣшиваетъ силу и относительное ихъ значеніе. Примѣчанія къ первой книгѣ перваго тома »Исторіи« Роберстона помѣщены въ видѣ особаго приложенія. Самъ-ли авторъ или переводчикъ его »Исторіи« отвелъ такое мѣсто примѣчаніямъ, сказать не можемъ. Во всякомъ случаѣ мы находимъ, что необходимыя примѣчанія къ »Исторіи« Роберстона помѣщены не на мѣстѣ. Благодаря тому, что примѣчанія изложены въ видѣ особаго приложенія, читателю приходится ежеминутно отрываться отъ послѣдовательнаго чтенія и перевертывать 7—8 листовъ. Это неудобство, кажется, было сознано самимъ авторомъ или переводчикомъ, потому что примѣ-

чанія ко второй книгѣ перваго тома уже непосредственно слѣдуютъ за самымъ текстомъ »Исторіи« и расположны въ видѣ подстрочныхъ замѣчаній.

При ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ »Исторіи христіанской церкви« можно замѣтить, что авторъ ея почему-то обращаетъ преимущественное вниманіе на религіозную политику римскихъ императоровъ и съ особенною подробностію разсуждаемъ о борьбѣ церкви съ ересями и расколами. Замѣчательно, что когда г. Роберстонъ касается ересей и расколовъ, то не полагается вполнѣ на слово тѣхъ писателей, которые принимали на себя трудъ опроверженія ересей. И нужно признаться, что и всякій историкъ, для котораго дорога историческая истина, иначе и не можетъ поступить. Писатели полемизировавшіе противъ ересей и расколовъ не рѣдко смѣшивали мнѣнія ересіарховъ съ мнѣніями ихъ послѣдователей; случалось также, что полемисты выходили изъ того ошибочнаго или покрайней мѣрѣ не всегда вѣрнаго предположенія, что основатели сектъ были люди безъ принциповъ и безнравственные, вообще въ умъ оппонента легко могло закрадываться неправильное пониманіе или ложное толкованіе даже тамъ, гдѣ не было недобрыхъ намѣреній.—Съ большимъ недовѣріемъ г. Роберстонъ относится къ словамъ тѣхъ писателей, которые въ сужденіи объ еретикахъ слѣдовали съ безусловнымъ къ нимъ довѣріемъ или которые готовы симпатизировать каждому завзятому еретику, представляя его по уму и благочестію далеко опередившимъ церковь, дополнять своими догадками пробѣлы его системы, примирять всѣ непримиримыя въ ней противорѣчія, находить смыслъ тамъ, гдѣ его не существуетъ. Почтенный авторъ »Исторіи христіанской церкви со временъ апостольскихъ до реформаціи« болѣе склоняется на сторону того писателя,

который старался проникнуть въ душу еретика, прослѣдить направленіе его мыслей и такимъ образомъ выяснить сущность ереси. Съ этой стороны трудъ г. Роберстона не заставляетъ желать лучшаго. — Такъ какъ г. Роберстонъ съ особенною подробностію занимается, между прочимъ, изложеніемъ ересей, то переводчикъ совершенно не лишне предпослалъ его »Исторіи« введеніе, ясно обрисовывающее состояніе іудейства и язычества предъ пришествіемъ и во времена Христа Спасителя и апостоловъ, и способствующее къ удобнѣйшему пониманію возникновенія ересей и расколовъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Это введеніе есть ни что иное, какъ заимствованное у Мильмана вступленіе къ его »Исторіи христіанства«.

Мы сказали, что авторъ »Исторіи христіанской церкви со временъ апостольскихъ до реформаціи« обращаетъ преимущественное вниманіе на религіозную политику римскихъ императоровъ и на борьбу церкви съ ересями и расколами, а равно на изложеніе еретическихъ системъ вѣроученія и нравоученія; почему г. Роберстона нельзя не упрекнуть въ односторонности историческаго изслѣдованія жизни церкви: ему слѣдовало-бы съ одинаковою полнотою и обстоятельностію разсмотрѣть жизнь церкви и съ другихъ сторонъ, столь же подробно сказать о томъ, какъ распространялась церковь, въ какомъ видѣ находилось богослуженіе и совершеніе таинствъ, какъ организовалась церковная іерархія и въ какомъ положеніи находилось церковное управленіе и т. д. Впрочемъ этотъ недостатокъ восполняется у него заключительными главами и дополнительными статьями къ каждому періоду, заимствованными отъ лучшихъ греческихъ историковъ—Мелетія митрополита Артскаго, Константина Контогоноса и Стефана Кометы. Такъ первую книгу перваго тома онъ заключаетъ

особою главою »объ успѣхахъ евангелія«, »объ іерархіи« »обрядахъ и обычаяхъ«, »нравственномъ характерѣ христіанъ,—аскетизмѣ и дѣвственности«; къ этой же книгѣ, обнимающей первый періодъ, приложена статья »объ общественномъ богослуженіи христіанскомъ», взятая изъ церковной исторіи Константина Контогоноса, издан. въ 1866 г. Въ заключеніи второй книги перваго тома, обнимающей второй періодъ, помѣщена глава »о распространеніи евангелія«, »объ отношеніи церкви къ государству«, »іерархіи«, »монашествѣ«, »обрядахъ и обычаяхъ« и т. п., а потомъ въ видѣ особаго приложенія присоединена статья, принадлежащая тому же Константину Контогоносу, »о монашеской жизни«, »церквахъ,—ихъ украшеніи и иконахъ«, »временахъ богослуженія«, »святыхъ мощахъ«, »путешествіи къ святымъ мѣстамъ« и »обрядахъ христіанскаго богослуженія«.

Во всякомъ случаѣ, »Исторія христіанской церкви« Роберстона и при нѣкоторыхъ своихъ недостаткахъ представляетъ капитальное и цѣнное произведеніе; и потому мы не можемъ быть не признательными къ г. Матвѣеву, принявшему на себя трудъ перевода и изданія этой исторіи на русскомъ языкѣ. Полное изданіе всѣхъ 8 томовъ »Исторіи« Роберстона на русскомъ языкѣ значительно обогатитъ нашу церковно-историческую литературу, хотя и не бѣдную, но неимѣющую полной и подробной исторіи церкви.

З.

Отрывки изъ моего дневника[1]).

16.

»Черти—дьяволы! Возмите меня!« во времена о́ны, какъ передавали мнѣ, покрикивалъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, одинъ близко знакомый мнѣ человѣкъ... Этимъ, должно быть, онъ давалъ понимать слушателямъ, что бѣсовъ онъ не боится, да и на самомъ дѣлѣ не долженъ былъ слишкомъ бояться, потому что, какъ извѣстно мнѣ, не совсѣмъ вѣровалъ въ самое существованіе бѣсовъ, не смотря на то, что вышелъ только изъ низшаго класса училища: своимъ, стало-быть, собственнымъ умомъ дошелъ онъ до такой премудрости отрицанія того, чего не видно подъ носомъ... Однакожъ »черти—дьяволы« явились наконецъ къ его услугамъ и вотъ четвертый уже годъ исправно водятъ его за носъ...

Въ 1875-мъ году, въ вечеръ великой субботы, нежданно—негаданно, является ко мнѣ гость—высокій мущина, весь покрытый хлопьями мокраго снѣга... Это и былъ упомянутый мною, близко знакомый мнѣ человѣкъ, старшій меня десятью годами... Онъ служилъ въ должности причетника въ довольно богатомъ приходѣ, отстоящемъ отъ моего погоста въ 150 верстахъ, и жилъ, какъ мнѣ извѣстно, безбѣдно, »заправно« даже... Я не видался съ нимъ болѣе десяти лѣтъ... Пѣшествіе его ко мнѣ и явленіе у меня въ такое необычное для служащаго »духовнаго« время, конечно, должно было изумить меня.

— Это что за явленіе?! Какими судьбами?! обращаюсь я къ нему.

Мой странникъ, и безъ того робко вступившій въ мои комнаты, еще болѣе смутился отъ моихъ наступательныхъ

[1]) См. № 36.

вопросовъ... Озираясь по сторонамъ, какъ будто опасаясь постороннихъ глазъ и ушей, онъ тихо и запинаясь отвѣчалъ:

— Я ходилъ молиться въ Надѣевскую пустынь, и, по пути, зашелъ къ тебѣ, повидаться съ тобою...

— Спасибо, спасибо!.. Очень радъ!.. Но, другъ мой, ты не по пути зашелъ ко мнѣ: до Надѣевской пустыни отъ нашей Троицы 60 верстъ и всѣ эти версты идутъ совершенно въ противную сторону отъ твоего дома?...

— Да ужъ такъ, захотѣлось больно повидаться съ тобою...

— А какъ-же дома? Теперь праздникъ наступаетъ, а у тебя должность, приходъ, служба?

— Я вѣдь въ больницѣ лежалъ въ К—вѣ...

— Такъ ты нездоровъ былъ?!... Чѣмъ-же ты былъ нездоровъ?.. Теперь какъ?...

— Погоди, дай вздохнуть маленько; больно усталъ; дорога гадчайшая; едва дотащился до тебя; послѣ всё разскажу...

Мой знакомый казался мнѣ человѣкомъ здоровымъ, хотя немножко утомленнымъ, боязливымъ, трусливымъ... По внѣшнему виду его, нельзя было, особливо съ перваго раза, заключить, какая страшная буря кипѣла внутри его, какое жестокое искушеніе онъ терпитъ...

Поданъ былъ самоваръ...

— Не желаешь-ли водочки передъ чайкомъ, по русскому обычаю? потчую я гостя.

— Да съ устатку, пожалуй, рюмочку выпью... А то вѣдь я не пью, братъ, заказался;... развѣ—развѣ когда рюмочку, и то съ устатку выпьешь...

— Давно-ли ты изъ больницы?

— Недѣли полторы ужъ есть.

— Такъ чѣмъ-же ты былъ нездоровъ??.

— Весь былъ нездоровъ,—кружилась голова, слабость во всемъ тѣлѣ была...

— А теперь какъ?

— И теперь нездоровъ.

— Зачѣмъ-же тебя выпустили изъ больницы? и зачѣмъ ты вышелъ оттуда?

— Тамъ болѣзни моей вылечить не могутъ, и я просто изъ больницы убѣжалъ...

Изъ дальнѣйшихъ моихъ распросовъ и его отвѣтовъ и разсказовъ оказалось, что тѣлесный организмъ моего знакомаго, *отъ извѣстныхъ причинъ*, разстроенъ... Но это была-бы бѣда еще не очень велика... Но вотъ бѣда великая: этимъ разстройствомъ тѣлеснаго организма воспользовался, для своихъ губительныхъ цѣлей, врагъ нашъ —діаволъ... Образъ или способъ, какимъ вліялъ на моего знакомаго бѣсъ, неслыханный мною доселѣ и по-истинѣ изумительный. Издѣтства намъ толковали, что по правую сторону человѣка находится Ангелъ—хранитель и внушаетъ ему добрыя мысли, какъ-бы вкладываетъ ихъ въ правое ухо,—по лѣвую же сторону, въ лѣвое ухо, влагаетъ худыя мысли діаволъ... Послѣднее осязательно испыталъ и испытываетъ на себѣ мой знакомый. Бѣсъ незримо ни для кого, но слышимо для больнаго, внятно и отчетливо говоритъ ему не на лѣвое только ухо, но и на правое. Тоны голоса онъ мѣняетъ: иногда говоритъ страшно, угрожающимъ тономъ, иногда ласково, успокоительнымъ, но лицемѣрно насмѣшливымъ... Но какъ-бы и о чемъ-бы онъ ни говорилъ,—его слова всегда оставляютъ въ душѣ моего знакомаго смущеніе, уныніе, боязнь, страхъ... Ни днемъ, ни ночью бѣсъ не даетъ ему покоя своими рѣчами: больной, надъ самыми ушами своими, нерѣдко слышитъ разговоръ даже нѣсколькихъ особей и этотъ разговоръ всегда касается его особы и его участи;... очень часто слышитъ не разговоръ только, но и страшный крикъ; и какъ рѣчи бѣсовскія, такъ и крикъ, кружатъ голову не-

счастнаго и всего его мучатъ... Онъ понялъ, наконецъ, что у него не тѣлесная только болѣзнь, но что онъ находится именно подъ особеннымъ вліяніемъ бѣса, и никто теперь не разубѣдитъ его въ противномъ... Онъ старается отдѣлаться отъ этаго вліянія и заглушить бѣсовскій голосъ молитвой, пѣніемъ духовныхъ пѣсней, чтеніемъ, разговорами: бѣсъ во всё вмѣшивается: слова молитвы читаетъ впередъ и надъ молитвой издѣвается; при пѣніи—адски кричитъ; при чтеніи и разговорахъ, скороговоркой, насмѣшливо, читаетъ и разговариваетъ самъ о своихъ собственныхъ матеріяхъ; внушаетъ больному мысли, которыя никогда бы и въ голову, безъ бѣса, ему не пришли; сквернословитъ; богохульствуетъ; говоритъ на разныхъ языкахъ, которые знакомому моему совершенно неизвѣстны и т. д и т. п. Но этимъ, т. е. бѣсовскими сужденіями и разговорами не ограничивается еще вліяніе бѣса на моего знакомаго: бѣсъ, какъ увидимъ, строитъ съ нимъ и иныя вещи, и всѣ эти вещи, точно также какъ и сужденія и разговоры бѣсовскія, имѣютъ одну цѣль: помѣшать моего знакомаго въ разсудкѣ, держать его въ постоянномъ унынии и страхѣ, привести къ отчаянію, побудить къ самоубійству... Отъ того, что бѣсъ не окончательно овладѣлъ имъ,—тяжесть положенія его лишь только увеличивается: въ первомъ случаѣ человѣкъ обыкновенно лишается сознанія и личность человѣка какъ будто изчезаетъ, уступая власть и силу личности діавола,—въ этомъ послѣднемъ сознаніе остается и личность человѣка, ясно, осязательно различая дѣйствующую на нее личность бѣсовскую, должна выдерживать борьбу съ нею и, понятное дѣло, страдать жестоко... Преслѣдуя свою жертву, бѣсы достигли наконецъ того, что разстроили —помѣшали моего знакомаго въ разсудкѣ, именно: въ душу его они глубоко заронили мысль, что его, за какія-то

тяжкія преступленія, будто-бы присудили наши духовные начальники изрѣзать на части и въ этихъ видахъ держали его, по его мнѣнію, и въ больницѣ...

Мой знакомый, такимъ образомъ, ушелъ изъ больницы—сколько для избѣжанія смертной казни, яко-бы назначенной ему, столько-же и для освобожденія себя отъ вліянія бѣсовъ; онъ пришелъ къ мысли и рѣшенію,—пользовать себя средствами духовными и этими же средствами, если уже словятъ его и смертной казни ему никакъ нельзя будетъ миновать, приготовить себя и къ переходу въ вѣчность...

Въ 25 верстахъ отъ К—ва есть село »Княжева пустынь«, куда довольно издалека ходятъ православные пѣть молебны, вѣруя, что тутъ есть особенная святыня—мощи св. угодниковъ... Дорога туда отъ упомянутаго города глухая, проселочная; на пространствѣ 25 верстъ нѣтъ ни одного селенія, и сплошъ—всё лѣсъ дремучій... Дѣло было ночью... Мой знакомый не убоялся ни темной ночи, ни лѣсовъ дремучихъ, и изъ больницы прямо направилъ путь свой въ Княжеву пустынь... Страшный, оглушительный бѣсовскій крикъ въ воздухѣ сопровождалъ его: »куда пошелъ!.. куда пошелъ!.. Не ходи!.. Не ходи!.. попа дома нѣтъ!!« и т. п. Оказалось, что священника дѣйствительно дома не было: онъ былъ въ дальней отлучкѣ, и мой знакомый, не удовлетворивъ своей потребности, пошелъ обратно къ городу...

Дорогой встрѣчается съ нимъ промотавшійся полковникъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ лежалъ въ больницѣ и который въ больницѣ же и остался, когда тотъ отсюда убѣжалъ... Завязался разговоръ:

— Пойдемъ, выпьемъ; здѣсь кабачокъ есть,—обращается полковникъ къ моему знакомому.

— Пожалуй, зайдемъ,—отвѣчаетъ тотъ.

»Пошли мы съ полковникомъ«,—разсказываетъ мой знакомый, »пришли въ кабакъ; цѣловальникъ тутъ въ красной рубашкѣ, стоитъ за прилавкомъ; виднѣются штофы, полуштофы, бутылки съ водкой и т. п.

— Подай намъ полштофъ водки! говоритъ полковникъ цѣловальнику.

Поданъ былъ полштофъ водки и стаканъ, стаканъ вотъ точно такой, какой былъ у меня дома и какимъ я не разъ пивалъ... Полковникъ наливаетъ стаканъ водки и подноситъ мнѣ: я выпилъ... Полковникъ наливаетъ другой: я отказываюсь.

— Эхъ вы! говоритъ полковникъ. Мы вотъ, такъ не такъ пьемъ! Подай чашку, цѣловальникъ!

Подана была чашка. Всю оставшуюся въ полштофѣ водку и налитый стаканъ полковникъ вылилъ въ чашку и сейчасъ-же залпомъ выпилъ...

— Вотъ какъ надо пить! поучилъ онъ.

— Ну ужъ эдакъ-то сохрани и спаси Господи! Говорю я.

Лишь только вымолвилъ я эти слова: ни кабака, ни цѣловальника, ни полковника—ничего не стало,... и я оказался сидящимъ на пнѣ, въ лѣсу, и не знаю, далеко-ли отъ дороги... Тутъ я, продолжалъ мой знакомый, страшно испугался!.. Вѣдь и въ голову ранѣе не пришло, что никакого кабака на этой дорогѣ нѣтъ... Сидѣлъ, сидѣлъ я на пнѣ въ лѣсу, не знаю куда, въ какую сторону идти и гдѣ дорога... А между тѣмъ въ ухо убаюкиваетъ меня насмѣшливый голосъ: »что, батюшка, Е. Ф!.. не бойся... не бойся!..« А въ воздухѣ слышится страшное: »ха, ха, ха«!.. Долго я блуждалъ, стараясь выдти на дорогу... Наконецъ кое-какъ нашелъ дорогу... Боязнь, унынiе, тоска, постоянныя бѣсовскiя рѣчи душили, давили меня: я не радъ былъ жизни... Подхожу къ рѣкѣ Неѣ; иду по ней; только, не далеко отъ дороги, виднѣется

на рѣкѣ прорубь... »бросся сюда, говоритъ мнѣ бѣсовскій голосъ, здѣсь вѣдь ты не утонешь, а только къ бережку приплывешь«... »Замолчи, бѣсъ проклятый«! говорю я, крестясь... »Что ты, что ты, батюшка, Е. Ф..., не гнѣвайся, не гнѣвайся«! отвѣчаетъ на мое воззваніе насмѣшливый бѣсовскій голосъ«...

Въ городъ К—въ мой знакомый не пошелъ, опасаясь, что тамъ его узнаютъ и представятъ опять въ больницу... »Что дѣлать? Куда идти? Раздумывался онъ. Ему пришло на мысль и онъ рѣшилъ идти на богомолье въ Надѣевскую пустынь и, оставивъ домъ, семью, приходъ, пошелъ онъ странствовать... »Не ходи туда! Не ходи туда! Тамъ свяжутъ тебя«!.. слышится ему крикъ въ воздухѣ. Однакожъ, вопреки этому совѣту, онъ идетъ въ Надѣевскую пустынь, сопровождаемый своими всегдашними, съ нѣкотораго времени, спутниками—бѣсовскими гласами... Передъ пустыней, съ нимъ встрѣчается опять прежній полковникъ... и старается отвлечь его отъ путешествія на монастырское богомолье... Но цѣли своей »полковникъ« не достигъ: мой знакомый помолился въ Надѣевскомъ монастырѣ, и вотъ отсюда, *по пути*, пришелъ ко мнѣ... Не дойдя до меня нѣсколькихъ верстъ, еще разъ онъ встрѣтился съ полковникомъ.

— Куда вы? спрашиваетъ моего знакомаго полковникъ.

— Да вотъ къ брату, отвѣчаетъ тотъ.

— Хорошее дѣло... а я сейчасъ отъ него: знаю я его: славный парень!.. Я познакомился съ нимъ хорошо въ Костромѣ... Знаю и его тестя: тоже славный старецъ!...

Полковникъ сообщилъ моему знакомому о томъ, гдѣ я женатъ, гдѣ жилъ, служилъ и проч. и проч. и всѣмъ этимъ убѣдилъ его, что дѣйствительно знаетъ меня хорошо... Само-же собою разумѣется, что съ »полковникомъ« знакомъ я не былъ и никакого полковника, передъ при-

ходомъ ко мнѣ странника, у меня не бывало... Мой знакомый всегда удивлялся, какъ это, во время подобныхъ явленій, ему никогда и въ голову не приходитъ, что это прелесть бѣсовская...

Итакъ, на свѣтлый праздникъ расположился у меня гостить одержимый бѣсомъ и разстроенный въ разсудкѣ, близко знакомый мнѣ человѣкъ... Онъ усердно просилъ меня держать его пребываніе у меня въ секретѣ и никому объ этомъ секретѣ не открывать... Въ успокоеніе его, я обѣщалъ ему это... И жилъ онъ у меня сряду нѣсколько недѣль,... и я былъ свидѣтелемъ его великихъ мученій и тяжкихъ страданій, какія терпѣлъ онъ отъ вліянія бѣсовъ,— его стенаній и безсонной борьбы съ бѣсами, его боязни и страховъ, его долгихъ молитвъ и глубокихъ воздыханій къ Богу и проч. и проч...

— Что-то у тебя дома дѣлается?! Какъ живутъ безъ тебя твоя жена, дочь—невѣста?.. Тебѣ-бы лучше жить дома, лечиться тамъ, молиться и т. п. Жена и дочь могли-бы лучше походить за тобой и успокоить тебя... Ты получалъ-бы, за болѣзнію, половинную часть дохода... А теперь, пожалуй, всего лишишься?.. Разговариваю я съ нимъ.

— Дома со мной всегда бываетъ хуже: такіе голоса, такой крикъ слышишь, такія явленія бываютъ, что просто высказать не могу!.. А жена, да дочка не вѣрятъ мнѣ, и только разстраиваютъ меня... Я не радъ теперь ничему на свѣтѣ... Должность свою хочу совсѣмъ оставить... Да оно и всё равно...

— Давно-ли тобой такъ овладѣли бѣсы?

— Больно-то стали мучить не слишкомъ давно. А то не много похожее на теперешнее у меня было года четыре назадъ тому, но скоро прошло... Въ ухо мнѣ тогда не говорили бѣсы, а представлялись мнѣ въ видѣ людей, либо

животныхъ какихъ необыкновенныхъ... Разъ напримѣръ: я иду домой изъ деревни Балахни, знаешь? Въ четырехъ верстахъ отъ села... Только, на лѣсу, догоняетъ меня знакомая женщина: »пойдемъ, говоритъ, по этой тропкѣ, здѣсь ближе,... мнѣ туда же надо идти«... Я согласился. Идемъ, разговариваемъ о разныхъ разностяхъ... Ничего... тропа хорошая... Только шли—шли мы,.. по моему, давнобы надо выдти къ дому, а оно—всё лѣсъ да лѣсъ, всё глуше и глуше?... »Ты ведешь меня не по прямушкѣ, а по кривушкѣ?« говорю я ей.—»Скоро, скоро выйдемъ къ дому», отвѣчаетъ. Идемъ опять, идемъ долго: »да что это, Господи помилуй, куда ты ведешь меня?« говорю я, крестясь. Какъ только сказалъ я это, вдругъ она пропала... И гдѣ бы ты думалъ я оказался? На »Оксёновой мельницѣ!« А вѣдь Оксенова мельница, знаешь, отъ насъ въ 7-ми верстахъ, да отъ дороги, по которой я шелъ сначала, до Оксеновой мельницы верстъ 12 будетъ по крайней мѣрѣ... И гдѣ вѣдь на Оксеновой-то мельницѣ я оказался! Вотъ тутъ, гдѣ по доскамъ, высоко надъ водою, помнишь? мы перехаживали, бывало, со страхомъ и трепетомъ, рѣку?!.

— Какъ не помнить?! Очень хорошо помню!... Тутъ въ одну минуту можно свернуться въ пропасть и свернуть себѣ голову...

— Но и другія кой-какія вещи выдѣлывали со мною тогда бѣсы...

— Не отъ пьянства-ли ужъ, эдакой грѣхъ, у тебя случались подобныя вещи?

— Похоже, братъ, на это!—съ сожалѣніемъ отвѣтилъ мой знакомый. Только на тотъ разъ, продолжалъ онъ,—когда женщина вела меня »по прямушкѣ«,—я вовсе не былъ пьянъ.

— Что́ это сталось съ тобою!!. Я помню тебя, какъ совершенно трезваго человѣка?!.

— Непріятности... При попѣ Ѳедулѣ, да при попѣ Авксентіѣ лучше, братъ, житье было: служишь, и получишь все свое: и доходъ и ежемѣсячную выдачу на долю сверхштатнаго пономаря получишь. А этотъ, и этотъ сначала былъ хорошъ, а теперь просто никуда не годится. Доходъ дѣлитъ раза три—четыре въ годъ и что́ дастъ, за то и благодарю. Выдачу, взамѣнъ жалованья, выдавать пересталъ: нынѣ, говоритъ, не тѣ права. А я знаю, что въ другихъ мѣстахъ сверхштатнымъ выдаютъ выдачу и теперь. И тяжело всё это было переносить! Служи—служи, а получай меньше всѣхъ, и то съ грѣхомъ »пополамъ«. Вѣдь я, знаешь, старше теперь всѣхъ въ причтѣ и ничѣмъ не замаранъ! Меня всѣ любятъ въ приходѣ, и многіе мнѣ обязаны. Да и самому попу я помогалъ, когда онъ обзаводился у насъ; и теперь еще онъ не заплатилъ мнѣ должнаго. А ужъ служилъ-то какъ!.. За добро онъ зломъ мнѣ платитъ! Больно, братъ, обидно!

— У насъ, по правиламъ, должны быть двѣ доходныя книги: въ одной ежедневный, текущій доходъ долженъ записываться; въ другой, общій итогъ мѣсячнаго дохода: По правиламъ же нашимъ, доходъ долженъ быть раздѣляемъ каждомѣсячно и каждый мѣсяцъ засвидѣтельствованъ подписью всѣхъ членовъ причта. Что касается выдачи,— то я, съ своей стороны, выдаю своему сверхштатному пономарю каждомѣсячно 2 руб. взамѣнъ жалованья, и около насъ, какъ знаю, вездѣ эта выдача производится; убѣжденъ, что и слѣдуетъ производить ее вездѣ: у насъ епархія еще на старомъ положеніи находится. У васъ, вѣдь, есть дьяконъ и еще дьячекъ: вы бы протестовали противъ злоупотребленій священника?

— У дьякона, ты знаешь, что шуринъ въ консисторіи членомъ служитъ: такъ попъ его побаивается и за-одно съ нимъ; а дьячекъ штатный, да ктому-же видитъ, что сила не на нашей сторонѣ, и молчитъ.

— Ты бы жаловался благочинному?

— Благочинный!!. Благочинный-то (нынѣ умершій) какъ гоститъ-то у попа!.. Говорилъ я разъ благочинному о выдачѣ; онъ тоже сказалъ, что не слѣдуетъ выдавать, по какимъ-то новымъ правиламъ.

— И совралъ, говорю я. А книги-то доходныя у васъ есть-ли?

— Какія книги!! Когда ждутъ эрхіерея, такъ и приготовятъ книги...

— Тогда бы ты и не подписывался?

— Гдѣ ужъ тутъ тягаться!!. Можно-ли одному идти противъ всѣхъ?!. скажи пожалуйста?

— Оно, конечно, плохо; за чѣмъ-же было такъ волноваться тебѣ и начать пить?.. Есть, вѣдь, батюшка, безобразниковъ на бѣломъ свѣтѣ: такъ и надо пить!.. Терпѣлъ-бы и молился!..

— Сказать-то, вѣдь, легко братъ, да сдѣлать трудно...

Я соглашался въ душѣ съ моимъ знакомымъ... И грустно было мнѣ... И жаль мнѣ было всѣхъ!.. »А я думалъ было, говорилъ я про себя, *что молодые священники лучше старыхъ!*.. Вотъ оно и молодые«!!.

— Ну такъ, обращаюсь я къ моему знакомому, положимъ ты не перенесъ обидъ своихъ и сталъ пить... Но надобы образумиться тебѣ тогда, когда бѣсы стали зло шутить надъ тобою, образумиться бы и перестать пить...

— Я было и пересталъ и не пилъ довольно долго... Да нельзя у насъ не пить; смѣются!.. Соберемся въ деревнѣ на праздникѣ, а у насъ, вѣдь, праздниковъ много; я отказываюсь отъ рюмки... И что-же? Тотъ да другой изъ нашего брата, а попъ первый, тычутъ подъ бокъ другъ друга: »смотри, говорятъ, какой святой сталъ!«.. и прочія глупости и пошлости...

— Да, къ великому сожалѣнію нашему и несчастію,

говорю я, у нашей братьи—есть эта презреннѣйшая черта, въ высшей степени унижающая духовенство предъ народомъ и въ высшей-же степени соблазняющая и развращающая этотъ народъ... Ну, а сами-то они какъ: пьютъ, или нѣтъ?

— Сами!!. Не хочется и говорить-то объ нихъ! Заплати имъ, Господи!.. и мой знакомый махнулъ только рукой.

— Повторяю, мой другъ; безобразниковъ на бѣломъ свѣтѣ много: зачѣмъ же глядѣть-то на нихъ и изъ-за ихъ безобразій пускаться самому на безобразія?! Надо было рѣшиться твердо—не пить никогда во что-бы то ни стало и дѣлу конецъ.

— Оно-бы такъ, да не такъ случилось: я опять сталъ попивать, хоть дома больше, но больше прежняго... Вотъ тогда-то бѣсы снова приступили ко мнѣ и совсѣмъ ужъ овладѣли мной...

— Какъ же это случилось, что бѣсы стали говорить съ тобою?

— А вотъ слушай: разъ, когда похмѣлье стало выходить у меня изъ головы, лежу я на печкѣ... Страшная тоска была на сердцѣ: »тошно, тошно мнѣ!« говорю я самъ себѣ... Домашніе всѣ спали; ночь была... Только вдругъ слышу! отворяется дверь, и въ избу кто-то входитъ... я засвѣтилъ свѣчку. Смотрю: на лавкѣ, противъ печки, сидитъ красивая женщина... »Зачѣмъ ты?!«—спрашиваю я. »Я пришла утѣшить тебя въ горѣ: слушай меня!..« И начала!.. и начала!.. Говорить—говорить безъ отдыха!.. Говорила такъ хорошо, такимъ пріятнымъ голосомъ, и всё отъ божественнаго, что я заслушался и мнѣ пришло въ голову, что это ангелъ—утѣшитель явился мнѣ... А женщина, между тѣмъ, начала уже заговариваться и съ божественнымъ мѣшать ужъ вовсе не божественное, такъ что сталъ я колебаться: за кого-же нако-

нецъ мнѣ принять ее? Въ эту минуту она говоритъ мнѣ: »отвори мнѣ двери; пусти меня къ себѣ!« Не успѣлъ я сообразить, какой отвѣтъ ей дать на эти непонятныя для меня слова, какъ вдругъ, точно птица, она влетѣла ко мнѣ на печку и влетѣла въ самое ухо, обратившись напередъ какъ-бы въ паръ... Ровно вѣтеръ какой въ это мгновеніе пронесся около меня и я почувствовалъ въ головѣ моей мучительнѣйшую боль... Съ тѣхъ-то вотъ поръ я и сталъ слышать около себя бѣсовскіе голоса... »Здорово, батюшка, Е. Ф.!«—это были первыя слова, которыя я услышалъ тотчасъ-же почти послѣ того, какъ красивая женщина въ меня »влетѣла«... Голосъ этотъ казался мнѣ какъ будто голосомъ ласковымъ, привѣтливымъ. Но, черезъ какую нибудь минуту въ ухо заговорилъ со мною другой голосъ—отвратительный, страшный, грозный: »что́ (употреблено выраженіе не печатное)!... нашъ теперь!..«—»Нашъ! нашъ! нашъ!«—громко, неистово подтвердили и закричали по всему дому цѣлыя сотни адскихъ голосовъ... Я лежу ни живъ, ни мертвъ!... Ахъ, чудакъ! Такія вещи, та́кія вещи были со мною въ самые-то первые разы, что просто уму непостижимо!.. Что вѣдь было?! Изъ меня даже душу вынимали бѣсы!..

— Какъ это?!. Какъ это?!..

— Мнѣ на одну минуту не давали покоя бѣсы: день и ночь не говорить только стали, но и постоянно кричать: »нашъ, нашъ, нашъ!« и т. п. Крики эти смущали, ужасали, оглушали меня... Не было, кажется, ни одного мѣста въ домѣ, откуда-бы не доносились до меня эти крики... И на полу, и на потолкѣ, и по стѣнамъ, и по скамьямъ, и по столамъ—вездѣ кричали,—кричали на разные голоса, хохотали, »хлопали въ ладоши«... Бѣсовъ я даже видѣлъ... Какъ бы чадъ разстилался, переливался по полу,—клубился, клубился и тутъ обращался во что-то

не осязательное, но видимо страшное, отвратительное;... и это страшное и отвратительное говорило, угрожало, кричало мнѣ самымъ гнуснымъ—адскимъ голосомъ: »не уйдешь отъ насъ,—не уйдешь отъ насъ,—нашъ, нашъ, нашъ« и т. п. Наконецъ бѣсы прямо стали приступать ко мнѣ и говорить: »отдай намъ душу!« Души своей я не отдавалъ имъ сначала, и бѣсы стали мучить меня еще болѣе,—мучить всячески... Что́ было дѣлать? Я выбился изъ силъ; потерялъ всякое терпѣніе... Чтобы избавиться отъ ихъ мученій, я принужденъ былъ сказать имъ:

— Да отступитесь вы отъ меня,—берите душу, только не мучьте меня!...

— Отдай намъ и домъ свой,—говорятъ мнѣ бѣсы.

— И домъ берите! отвѣчаю я.

— Пиши-же намъ завѣщаніе!...

Принудили меня писать и завѣщаніе.

— Бери бумагу, перо, чернила,—садись за столъ!—приказываютъ мнѣ.

Я взялъ бумагу, перо, чернила и сѣлъ за столъ. Ожидаю, что дальше будетъ... Нѣсколько голосовъ стали оцѣнивать мой домъ: одинъ говоритъ,—домъ стоитъ 500 руб., другой—700, третій—800 и т. д. Спорили—спорили между собою, наконецъ на чемъ-то порѣшили, но на чемъ именно, я уже не помню...

— Пиши-же! сказали мнѣ.

Я сталъ писать со словъ ихъ... сначала о моихъ грѣхахъ, по которымъ я долженъ отдать себя въ ихъ руки;... потомъ о домѣ.... Пишу: только вдругъ является на столѣ рука, указующая мнѣ на нѣсколько мѣстъ въ исписанной бумагѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ тоже самое время, слышится голосъ: »вотъ тутъ,... вотъ тутъ,... вотъ тутъ...—надо *ять* писать, а не *есть*: поправь!« Я поправилъ... Я послушенъ былъ приказаніямъ бѣсовъ во

всёмъ,—но когда дѣло дошло до души, я написалъ не такъ, какъ говорили бѣсы. Вмѣсто того, чтобы написать: »отдаю вамъ свою душу«, я написалъ: »отдаю вамъ сухую грушу«...

Я засмѣялся...

— Молодецъ, говорю, надулъ бѣсовъ!...

— Надуешь ихъ, окаянныхъ!.. отозвался мой знакомый. Ну слушай же,—продолжалъ онъ; когда завѣщаніе было написано, бѣсы сказали мнѣ: »теперь, любезный, мы тебя потѣшимъ!«—И сейчасъ-же, послѣ этихъ словъ, явилось на столахъ по нѣсколько зажженныхъ свѣчей и въ комнатѣ сдѣлался свѣтъ необыкновенный (дѣло было ночью); заиграла музыка; и множество разныхъ дамъ и кавалеровъ подняли такую пляску, такую пляску, что просто на удивленіе... Я, какъ бы забылся, заглядѣлся и заслушался... »Довольно!«—кто-то повелительно сказалъ и—всё пропало... »Хорошо-ли, батюшка, Е. Ф.?«—спрашиваетъ меня бѣсъ на ухо. А между тѣмъ въ тоже самое время голоса въ комнатѣ закричали: »къ дѣлу, къ дѣлу теперь!« Бѣсы приступили ко мнѣ и говорятъ: »ну, домъ теперь нашъ,—ты нашъ: убей сначала жену, а потомъ мы тебя и возьмемъ съ собой«... Жена въ это время спала... Я не слушаюсь приказаній бѣсовскихъ и отказываюсь отъ убіенія жены... »Поставь же среди комнаты стулъ и садись!«—грозно сказали мнѣ,—»сейчасъ мы будемъ вынимать изъ тебя душу!«... Въ страхѣ и трепетѣ я сѣлъ на стулъ,—сижу и не смѣю и не имѣю силъ пошевелиться... Кругомъ обступили меня бѣсы... Одни схватили меня за уши, другіе—за руки, третьи—за ноги всего какъ будто охватили меня и стали что-то какъ будьто вытягивать изъ меня: »скоро, скоро выйдетъ душа«,—говорили между собою бѣсы... »Выняли!... Вышла!..« радостно сказали они, и потомъ, какъ-бы разсма-

тривая душу, насмѣшливо восклицали: »Аа—парень!... Душа-та, душа-та какая!..« Полумертвый отъ этихъ ужасовъ, я говорю бѣсамъ: »я еще дышу?«—»Это только дыханіе, а душа ушъ въ нашихъ рукахъ«... отвѣтили мнѣ. Однако я чувствую, что дышу и дышу,—дышу и движусь: »нѣтъ, думаю себѣ, душа еще во мнѣ«... Сидѣлъ—сидѣлъ я на стулѣ, наконецъ рѣшилъ: »стой, не встану-ли какъ нибудь—что̀ будетъ?« Всталъ, и кой-какъ вышелъ въ сѣни, сопровождаемый криками бѣсовъ; отчаяніе болѣе и болѣе овладѣвало мною: »зарѣжься, зарѣжься скорѣй!«—говорятъ и кричатъ мнѣ бѣсы въ сѣняхъ.—»Да нечѣмъ!« отвѣчаю я.—»А вотъ серпъ!« указываютъ мнѣ,—»имъ зарѣзаться можно«... Я взялъ серпъ, бывшій въ сѣняхъ, и осмотрѣлъ его... »Серпо-тъ тупой«... отвѣчаю я... То были такія тяжкія для меня минуты, что я дѣйствительно готовъ былъ зарѣзаться...

— А этого-то и добивались бѣсы, говорю я.

— Богъ только, видно, еще не совсѣмъ отступился отъ меня, продолжалъ мой знакомый, набожно крестясь. Когда я нашелъ, что серпъ тупой и имъ зарѣзаться нельзя, мнѣ пришло на мысль и я рѣшился помолиться Господу Богу... А ранѣе этого и на мысль не приходило, да и несмѣлъ я, боялся обратиться къ Богу и молиться... Я взошелъ въ комнату и сталъ молиться... Но лишь только я сталъ класть поклоны, бѣсы схватили меня за полы моей одежды, съ силой повлекли меня отъ мѣста, гдѣ всталъ я на молитву и неистово закричали: »не молись!.. Теперь ужъ поздо«!. Между тѣмъ, по милосердію Божію, я почувствовалъ въ себѣ какъ-бы нѣкую силу... Съ страшной досадой на бѣсовъ, я развелъ руками, началъ махать ими во всѣ стороны и гнѣвно кричать: »отступись ты отъ меня, окаянная сила, черти вы проклятые!.. Не отдамъ себя вамъ: Богъ мой Помощникъ«?.. И началъ креститъ

я рукою всѣ стороны, призывать на помощь Бога и Ангела хранителя... Бѣсы сначала передразнивали и смѣялись надо мною... Но я продолжалъ свое дѣло: крестился и призывалъ на помощь Бога... И только послѣ долгой борьбы моей съ силой бѣсовской, она стала какъ будто удаляться отъ меня; я не сталъ уже чувствовать осязательнаго прикосновенія къ себѣ бѣсовъ, бѣсовскихъ голосовъ стало меньше и они казались мнѣ глуше и дальше,.. дальше, дальше,.. наконецъ и совсѣмъ перестали быть слышимы... Не безъ угрозъ, впрочемъ, бѣсы разстались со мною: изъ дальняго угла донесся до меня страшный голосъ какъ будто самаго сатаны, который, скрежеща зубами, желая какъ-бы поглотить меня, простоналъ своимъ дьявольскимъ тономъ: »нашъ-же, нашъ-же будешь; погоди, погоди, мы тебѣ дадимъ!!..« Всегдашній же мой спутникъ бѣсъ, говорящій мнѣ на ухо, жалобливо проговорилъ мнѣ на этотъ разъ: »напрасно, напрасно ты дѣлаешь такъ!..« И затѣмъ постоянно началъ твердить мнѣ: »лучше-бы тебѣ зарѣзаться: вѣдь все равно зарѣжутъ же тебя твои начальники, изрѣжутъ еще на части!.. Вспомни о твоемъ *завѣщаніи:* какіе у тебя грѣхи«!.. и проч. и проч... Вотъ этотъ-то голосъ, послѣ того какъ бѣсы хотѣли вынять изъ меня душу, и сталъ мучить меня болѣе всего!..

— А бѣсы уже перестали приступать къ тебѣ цѣлымъ полчищемъ?

— Приступали не разъ и послѣ этого... Мнѣ представляли бѣсы даже страшный судъ и вѣчныя мученія въ геоннѣ огненной... Меня насильно влекли въ эту геенну... Я страшился, ужасался... Но »наотчаянную« боролся съ бѣсами... Что со мною было, я не могу даже высказать всего... И если-бы всё можно было описать, что со мною было, могла-бы быть написана цѣлая книга... Я не къ

тому говорю это однако, чтобы меня кто-либо описывалъ: нѣтъ, Боже сохрани! Что говорилъ я съ тобою, чтобы было только между нами въ секретѣ!..

— Ещё бы!.. обѣщаю я и продолжаю: да, много ты испыталъ, перенесъ... Ну теперь, сравнительно съ прежнимъ, тебѣ все-таки лучше?..

— Теперь нѣтъ у меня сильныхъ приступовъ бѣсовскихъ, но голоса, говорящія мнѣ въ ухо, очень часто крики или иныя бѣсовскія вещи и теперь преслѣдуютъ меня и смущаютъ постоянно... Случается, впрочемъ, что я какъ будто не слышу голоса бѣсовскаго: и какой рай, какую непъяснимую радость я чувствую тогда въ душѣ!.. Но это бываетъ очень, очень рѣдко, и то на какія нибудь двѣ—три минуты... Болѣе всего меня смущаетъ теперь мысль о завѣщаніи: гдѣ оно теперь? О какихъ грѣхахъ своихъ писалъ я въ немъ? Не попалось-ли оно въ руки враговъ моихъ, а чрезъ нихъ и въ руки начальства?..

— Изъ твоихъ вопросовъ я заключаю, будто ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебя начальники наши изрѣжутъ, за твои грѣхи, на части?

Не такъ-ли?

Вмѣсто отвѣта, мой знакомый спросилъ меня:

— А что? Бѣсы знаютъ будущее, или нѣтъ?

— То есть ты хочешь спросить меня, говорю я, можно-ли вѣрить бѣсовскому голосу, увѣряющему тебя, что ты изрѣзанъ будешь на части? Да?.. Правда.., какъ-бы нехотя и стыдясь самого себя, отвѣтилъ мой знакомый.

— Экъ, какъ ты запуганъ своими *врагами!*.. Экъ какъ тебя запутали черти!.. говорю я. Успокойся, другъ мой: бѣсы будущаго не знаютъ, а они могутъ знать только прошедшее и настоящее: они знаютъ напримѣръ, что ты *запуганъ врагами*, что ты всѣхъ и всего боишься; и вотъ навѣяли тебѣ нелѣпую мысль о томъ, что люди могутъ даже на части тебя изрѣзать... Ну съ чѣмъ-же это сообразно? Подумай! За какія преступленія, когда и кого наши начальники рѣзали на части?!. Да у насъ и гражданское

начальство никогда и никого не рѣзало на части... Подлинно хитры бѣсы, они не успѣли принудить тебя наложить руки на себя самаго и вотъ *помѣшали разсудокъ твой на одномъ самомъ нельпѣйшемъ предметѣ*... въ тѣхъ видахъ помѣшали, чтобы въ концѣ концовъ все-таки побудить тебя къ самоубійству... Нѣтъ, другъ, тебѣ надобно принимать рѣшительныя мѣры и средства противъ вліянія бѣсовъ... Ты думаешь это средство, которое ты избралъ противъ вліянія на тебя бѣсовъ, разумѣю твое странствованіе, дѣйствительно будетъ для этой цѣли? Нѣтъ! По моему, оно можетъ питать только это вліяніе, но не уничтожать... Разбери ты свою душу; зачѣмъ ты сталъ пить? Зачѣмъ не хочешь жить дома? Зачѣмъ желаешь бросить свою должность? »Люди не хороши выходитъ«!.. Стало быть, ты лучше людей? Не гордость-ли это?!. А гордостью, братъ, дьявола не побѣдишь, изъ себя не выгонишь... Если когда и гдѣ, такъ при этомъ особенно случаѣ и нужно имѣть намъ самое глубокое смиреніе.. Я тебѣ совѣтую прежде всего, въ видахъ освобожденія себя отъ бѣсовъ, смириться до послѣдней возможности и идти домой... Попъ тебѣ болѣе всѣхъ досадилъ? Поди къ попу, поклонись ему, проси у него прощенія и молитвъ и дѣлай, что онъ заставитъ тебя дѣлать: »коль заставитъ поливать, поливай«!.. Смирись и предъ прочими членами причта... Потому-то, можетъ быть, бѣсы и отвлекаютъ тебя отъ дому потому и запугиваютъ »домомъ«, что здѣсь ты всего скорѣе могъ-бы освободиться отъ нихъ, еслибъ только захотѣлъ, т. е. еслибъ захотѣлъ смириться...

— Да теперь попъ нашъ сталъ еще хуже, чѣмъ былъ прежде!..

— Почему это ты думаешь такъ?..

— У насъ выбирали депутатовъ на съѣздъ; выборъ былъ въ домѣ нашего попа; попъ *напоилъ* дьячковъ и—оказался депутатомъ...

— Что-же изъ этого?

— А тамъ на съѣздѣ ему предложили заняться писа-

ніемъ бумагъ, никому не хотѣлось заниматься такой »махинаціей«, а у попа нашего почеркъ хорошій, да и дѣло это ему было уже знакомо .. И нашъ попъ упираться было сталъ, но кто-то сказалъ на съѣздѣ: »да о. предсѣдатель, выхлопочите ему набедренникъ!..« Теперь попъ нашъ съ набедренникомъ, и еще больше прежняго поднялъ рыло: »я, говоритъ, теперь первый кандидатъ въ благочинные!«

— Развѣ въ допотопныя времена, говорю я, такіе господа могли быть первыми кандидатами... въ злочинные? Да еслибы и въ нынѣшнія времена они были первыми кандидатами »въ таковые«: кто тутъ виноватъ?! Не виновато-ли въ томъ и ваше »дьячковство«, готовое за рюмку водки продать здравый смыслъ и совѣсть и на чело человѣка всадить рога, которыми онъ васъ-же долженъ будетъ бодать?!.. но это я говорю такъ себѣ, къ слову... А вотъ что слѣдуетъ сказать тебѣ на твои представленія: намъ съ тобой слѣдуетъ теперь обращать вниманіе свое не на то, что́ и какъ дѣлается въ мірѣ, а всё свое вниманіе нужно обратить на себя самихъ, на избавленіе себя отъ болѣзни... Да и что намъ за дѣло до другихъ? Кто поставилъ насъ судьею чужихъ дѣлъ? Мало-ли въ мірѣ зла?! *Весь міръ во злѣ лежитъ*,—говоритъ намъ слово Божіе. Намъ-ли съ тобой искоренить это зло?! Не мы съ тобой строимъ дѣла въ мірѣ, а *всѣ дѣла въ мірѣ строитъ Богъ!*... Прими это къ свѣдѣнію и никогда не забывай, и не испытывай, почему то или другое въ мірѣ строится такъ, а не иначе; вѣруй только, что если Богъ поставилъ тебя жить и дѣйствовать въ такую, а не иную среду,—стало-быть для тебя же это лучше: для насъ, стало-быть, нужны такіе люди, которые бы гнали, притѣсняли, обижали насъ,—безъ нихъ мы были бы еще хуже, чѣмъ теперь, а для этихъ людей нужны мы; потому, когда насъ колютъ, то, по необходимости—естественно, кричимъ и мы,. . и въ свою очередь, крикомъ этимъ, колемъ ихъ... Въ этомъ смыслѣ справедливо, что »жизнь есть борьба«, и всѣ мы, въ этой борьбѣ, учимся другъ отъ друга дра-

гоцѣнному и спасительному для насъ христіанскому свойству—терпѣнію... Иди же въ домъ своей и научайся терпѣнію!!. Все-же прочее... предоставь волѣ Божіей. Если Богу угодно будетъ,—дойдетъ часъ гнѣва Божія и до твоихъ притѣснителей и обидчиковъ... Если онъ не придетъ, стало-быть они заслуживаютъ еще милости Божіей. Но придетъ-ли этотъ часъ, или не придетъ,—во всякомъ случаѣ тебѣ нужно дѣлать свое дѣло,—исполнять то, что ты долженъ исполнить, къ чему ты призванъ... Если ты въ настоящее время никакъ уже не можешь исправлять своей должности и странствованіе находишь полезнымъ для себя, покрайней мѣрѣ испроси у своего священника благословенія на это странствованіе: этимъ ты смиришь себя предъ нимъ, а смиреніе поможетъ тебѣ въ твоей борьбѣ съ бѣсами... Съ благословенія своего священника и надлежащаго разрѣшенія начальства, ты можешъ пожить въ какомъ-либо монастырѣ, напримѣръ въ Абрамьевскомъ, гдѣ настоятелемъ мой тесть,—можешь помолиться тамъ, и затѣмъ, походить и по другимъ монастырямъ... Повторяю: надобно тебѣ смирить себя передъ своимъ священникомъ и прочими членами причта и смиреніе всегда имѣть въ душѣ своей: это первое условіе, при которомъ ты можешь успѣшно бороться съ бѣсами,—безъ этого перваго условія никакія средства противъ бѣсовъ, не будутъ дѣйствительны; увѣряю тебя!...

Знакомый мой хранилъ глубокое молчаніе... Видно было, что въ душѣ его происходила сильная борьба мыслей и чувствъ. . Теперь онъ склонилъ голову свою нѣсколько на-бокъ и какъ будто къ чему-то прислушивался:

— »Врётъ онъ, батюшка, вретъ,—не слушай его! Дома свяжутъ тебя!..«—вотъ что говоритъ мнѣ сейчасъ голосъ бѣса на твои разсужденія!—наконецъ сказалъ онъ мнѣ...

— Да вѣдь ты знаешь ужъ, чего желаетъ отъ тебя бѣсъ?!. Если ты будешь слушаться бѣсовскаго голоса, то онъ доведетъ тебя до того, что ты самъ на себя наложишь руки!.. Того-ли тебѣ хочется?! Не слушай-же этого

голоса, и всегда иди вопреки ему... Если его говоритъ тебѣ: »не ходи домой«,—ты иди и знай, что это будетъ полезно для души твоей и губительно для бѣса... Смиреніе наше,—еще разъ говорю тебѣ, это ладонъ, котораго, какъ знаешь ты, бѣсъ боится и отъ котораго бѣжитъ... Что еще, какія средства, кромѣ смиренія, предложитъ тебѣ въ видахъ освобожденія тебя отъ бѣса?.. Я вижу, мой другъ, ты мало надѣешься, или даже вовсе не надѣешься на полученіе вѣчнаго спасенія, отчаеваешься въ этомъ спасеніи... Не правда-ли?

— Да, это совершенная правда...

— Это великое для тебя несчастіе; это, какъ нельзя болѣе, помогаетъ бѣсамъ вліять и дѣйствовать на тебя; это, безъ всякихъ бѣсовъ, должно держать тебя въ постоянной тьмѣ, печали и унынiи, а при вліяніи на тебя бѣсовъ эта безнадежность должна всецѣло отравить всю жизнь твою и обратить ее въ совершенный адъ... Я понимаю это... Понимаю, пожалуй, лучше, чѣмъ кто-либо другой,... потому что самъ подверженъ былъ подобному-же искушенію... У меня, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, составилось нѣкогда представленіе, что въ званіи священника я не спасусь—погибну для вѣчности, и я приходилъ къ мысли, для спасенія своего, сложить съ себя санъ... Что-же удержало меня отъ этого шага? Удержали лица прозорливые, съ которыми, по милосердію Божію, мнѣ приводилось встрѣчаться въ жизни... »Ты шелъ—шелъ, да палъ: такъ что?—и лежать надо!.. Нѣтъ, вставай!... Не то дивно, что палъ, а то чудно, что возсталъ!.. Пить-то не надо,—пить-то не надо!.. Ан—хмѣлёкъ—щеголекъ!... Ан—хмѣлёкъ—щеголекъ!... Чаще исповѣдайся: Богъ всѣ грѣхи проститъ!.. Живите, да Бога благодарите!...« Такъ и подобнымъ образомъ говорилъ мнѣ одинъ изъ упомянутыхъ благочестивыхъ мужей—говорилъ въ первые годы моего священническаго служенія тогда, когда и въ мысли у меня не было »пить«, и когда

его рѣчи »о паденіяхъ« я не могъ принимать и не принималъ и на свой счетъ, не смотря на то, что рѣчи эти онъ обращалъ ко мнѣ... Но эти-то рѣчи, въ соединеніи съ совѣтами и предсказаніями обо мнѣ другихъ благочестивыхъ мужей и были впослѣдствіи для меня спасительны: въ минуты тяжкихъ искушеній, они воодушевляли меня, воодушевляютъ и теперь, надеждою на милосердіе Божіе. Не думай, мой другъ, чтобы грѣховъ у тебя было болѣе, чѣмъ у меня,—я увѣренъ напротивъ, что у меня ихъ болѣе, чѣмъ у тебя, и мои грѣхи, по самому званію моему, должны быть болѣе тяжки, чѣмъ твои... И если до меня столько милосердъ Господь, что обѣщаетъ мнѣ, прощеніе грѣховъ, подъ условіемъ моего покаянія: думаешь ли ты, что не проститъ Богъ твоихъ грѣховъ, если искренно ты будешь раскаяваться въ нихъ?!.. Итакъ не отчаявайся: »ты шелъ—шелъ, да палъ«,—обращу къ тебѣ слова моего наставника »такъ что? и лежать надо! Нѣтъ вставай! Не то дивно, что палъ, а то чудно, что возсталъ!.. Чаще исповѣдайся: Богъ всѣ грѣхи проститъ!« А »пить« уже ни одной рюмки »не надо«,—хотя бы и *устатку*: одна рюмка можетъ повести къ другой, другая—къ третьей и т. д. А »хмѣлекъ?« Ай хмѣлекъ—щеголекъ!.. Ай-хмѣлекъ—щеголекъ!«. Повторю и прибавлю еще: вѣруй въ Бога, надѣйся на Его милосердіе, чаще исповѣдайся и пріобщайся съ этой вѣрой и надеждой: Христосъ Спаситель нашъ, съ Которымъ ты будешь соединяться, прогонитъ отъ тебя враговъ твоихъ—бѣсовъ...

— »Батюшка! Батюшка! не слушай его, не слушай«! жалобно убѣдительнымъ тономъ проговорилъ на этотъ разъ моему знакомому бѣсъ.

— Не думай, продолжалъ я, что Богъ тебя забылъ оставилъ, отдавши тебя подъ вліяніе бѣсовъ... Богъ наказалъ тебя, любя: ты заживо узнаешь, каково жить въ со-

обществѣ съ бѣсами, и теперь, безъ сомнѣнія, примешь всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы, послѣ смерти твоей въ будущей жизни вѣчной, Богъ избавилъ тебя отъ этого сообщества... Великое ты искушеніе терпишь, но если, съ покорностію и преданностію волѣ Божіей, перенесешь его: великую на небѣ получишь и награду...

Замѣтно было, что мои слова производили на моего знакомаго нѣкое благотворное вліяніе, но не успокоивали его вполнѣ: чувство »безнадежности« и боязнь быть изрѣзаннымъ пустили въ душѣ его слишкомъ глубокіе корни...

Были случаи когда бѣсъ, говорящій на ухо моему знакомому, дѣлалъ прямо обращеніе ко мнѣ, были случаи когда и самъ я обращался съ вопросами къ бѣсу и получалъ отъ него отвѣты... Мой знакомый въ этихъ случаяхъ былъ переводчикомъ—посредникомъ между мной и бѣсомъ...

Разъ, напримѣръ, я говорю моему знакомому: »тебѣ бы въ Питеръ отправиться съ своей болѣзнію: тамъ бѣсамъ не вѣрятъ, такъ ты бы, своей особой, быть можетъ, заставилъ увѣровать«...

Бѣсъ, чрезъ моего знакомаго, отвѣчаетъ мнѣ:

»Полно врать!.. Полно врать«!..

Другой разъ мой знакомый говоритъ мнѣ: »бѣсъ шепчетъ мнѣ теперь: помяни Господи во царствіи своемъ Макарія«!

Обращаясь мысленно къ бѣсу, я вслухъ спрашиваю.

— Какого ты Макарія поминаешь? Ужъ не тестя ли моего?..

— Тестя, тестя твоего, окаяннаго! Отвѣчаетъ бѣсъ.

Еще: мой знакомый говоритъ мнѣ однажды: »какъ то я раздумался: должно быть, вѣдь, имя какое нибудь есть этому бѣсу, что́ говоритъ со мною, думаю я... Бѣсъ на мою думу сказалъ мнѣ имя свое, не русское только, и такое мудрёное, забылъ теперь какое«...

Обращаясь къ бѣсу при этомъ случаѣ, я спрашиваю его:

— Ты по-Русски-то скажи, какъ твое имя?

— »Полюби нашъ родъ«, отвѣчаетъ бѣсъ.

При этихъ и подобныхъ случаяхъ живо, осязательно чувствовалось мнѣ присутствіе между нами невидимой бѣсовской личности и, безъ чувства содроганія, я не могъ выслушивать этихъ отвѣтовъ бѣсовскихъ...

Въ продолженіи трехъ лѣтъ, мой знакомый былъ у меня нѣсколько разъ, являясь ко мнѣ всегда нежданно-негаданно, и съ каждымъ разомъ я видѣлъ въ немъ перемѣну къ лучшему... Гдѣ онъ теперь? Богъ вѣсть!.. Въ лучшемъ-ли еще положеніи я увижу его, если онъ опять придетъ ко мнѣ? или въ худшемъ? И что бы мнѣ сказать ему тогда въ его утѣшеніе и въ видахъ освобожденія его отъ болѣзни, доселѣ много не слыханной?..

Было-бы очень полезно для несчастныхъ людей, еслибы опытные люди сообщили средства къ излеченію и этихъ недуговъ и бѣдъ человѣческихъ...

Священникъ *Аркадій Левашевъ.*

Фокусъ нѣмецкаго профессора [1]).

(Курьезное происшествіе).

Во второмъ вѣкѣ по Р. Х., въ небольшомъ итальянскомъ городкѣ Сіеннѣ появилось необыкновенное событіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе. Съ одной молоденькой дѣвуш-

[1]) Выставляемъ на видъ читателю ту рѣзкую разницу, которая существуетъ между *чудеснымъ фокусомъ* и дѣйствительнымъ *чудомъ* Божіимъ, ниспосылаемымъ для назиданія людей и ихъ нравственнаго исправленія.

кой стали часто дѣлаться конвульсивные припадки, подобные тѣмъ, какіе бываютъ у нашихъ кликушъ; эти припадки увеличивались и на высшей степени своего развитія сопровождались полнѣйшей потерей сознанія. Во время этаго комато-знаго (обморочнаго) состоянія на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было прободено тѣло Распятаго, (т. е. на рукахъ, ногахъ и на лѣвомъ боку) просачивались кровавыя пятна. Это явленіе получило названіе чуда *стигматизаціи* и повторялось неоднократно на западѣ.

Въ 1876 году въ Женевѣ появилась одна странная женщина. Ее звали Луиза Лато. Это была очень набожная католичка. Каждую среду она постилась въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. ничего не ѣла и ничего не пила. По четвергамъ она ходила въ костелъ, исповдывалась и пріобщалась св. таинъ, послѣ чего съ ней въ самой церкви стали дѣлаться конвульсивные припадки, сопровождаемые потерей сознанія. Во время этихъ припадковъ ксендзъ кропилъ ее святой водою и на опредѣленныхъ мѣстахъ выступали кровяныя пятна. Въ реальности факта нельзя было усумниться и слухи о Луизѣ Лато дали матеріалъ для многочисленныхъ сужденій и взбунтовали всю просвѣщенную публику.

Во время всей этой суматохи въ одномъ изъ небольшихъ университетскихъ городовъ Германіи появилось слѣдующее курьезное объявленіе.

»Завтра, *такого-то* числа въ 12 часовъ по полудни, въ залѣ университета профессоръ Фойгтъ покажетъ и объяснитъ чудо стигматизаціи. Входъ безплатный«.

На слѣдующій день въ назначенное время въ университетскомъ залѣ собралась масса публики. По срединѣ залы возвышалась эстрада, а на ней стояла большая купель съ водою. Ровно въ 12 часовъ на подмосткахъ появляется ассистентъ съ кропиломъ и любезно раскланя-

вается. Приглашаетъ публику осмотрѣть тщательно кропило. Кропило ничего не представляетъ особеннаго. Затѣмъ публика пробуетъ воду изъ купели, и эта вода ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной. Наконецъ появляется и самъ профессоръ въ очень странномъ костюмѣ. Онъ во фракѣ, но у фрака отрѣзаны рукава, такъ что выступаютъ совершенно обнаженныя руки. На груди съ лѣвой стороны круглый прорѣзъ; брюки обрѣзаны до колѣнъ, на ногахъ сандаліи.

Настаетъ минута опыта. Въ залѣ мертвая тишина... Ассистентъ кропитъ проф. Фойгта водой и на окропленныхъ мѣстахъ появляются кровяно-красныя пятна. Проф. Фойгтъ проситъ публику подойти поближе и удостовѣриться, что кровяно-красныя пятна по цвѣту, густотѣ и запаху ничѣмъ не отличаются отъ кровяныхъ. Публика удивлена. Съ одними дурно, другія крестятся, видя во всемъ этомъ дьявольское навожденіе. Одинъ только проф. Фойстъ стоитъ и хохочетъ. Успокоивъ публику (что стоило большаго труда), профессоръ Фойгтъ принимается за объясненіе. Оказалось, что весь фокусъ былъ основанъ на дѣйствіи сѣрно-синеродистаго калія на растворъ желѣзнаго купороса. Ежели къ такому раствору прибавить никроскопическималыя количества сѣрно-синеродистаго калія, то появится кровянокрасный осадокъ ни по виду, ни по запаху, ни по густотѣ не отличающійся отъ настоящей крови. Въ данномъ случаѣ тѣло проф. Фойгта было покрыто на опредѣленныхъ мѣстахъ тонкимъ слоемъ купороснаго раствора, а въ водѣ, налитой въ купель, были растворены столь незначительныя дозы сѣрно-синеродистаго калія, что они не оказали никакого вліянія на нормальный вкусъ воды.

К.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 1 октября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 42. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Октября 15-го.

Содержаніе: Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауера, основателя современнаго философскаго пессимизма Ѳ. Ѳ. Гусева.—Народные религіозные обычаи и обряды южныхъ славянъ.—Похороны Іоакима II, патріарха константинопольскаго.—Камни, падающіе съ неба.—Объявленія.

Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауера, основателя современнаго философскаго пессимизма Ѳ. Ѳ. Гусева [1]).

(Библіографическій обзоръ).

Въ послѣдней главѣ своего критическаго отдѣла г. Гусевъ доказываетъ несправедливость того мнѣнія Шопенгауера, будто пессимистическій характеръ его нравственной философіи тождественъ съ основнымъ характеромъ и духомъ христіанства, т. е. будто христіанство, подобно философіи Шопенгауера, внушаетъ и заповѣдуетъ стремленіе къ освобожденію отъ всего и всякаго существованія въ формѣ принципа индивидуализма, къ погашенію, уничтоженію самой основы и возможности жизни. Еслибы такая тенденція въ самомъ дѣлѣ принадлежала христіан-

[1]) См. № 35.

ству, то она прежде и полнѣе всего выразилась-бы въ аскетизмѣ, какъ и пессимистическій основной характеръ философіи Шопенгауера получилъ свое полное выраженіе въ ученіи объ аскетизмѣ. Въ такомъ случаѣ и христіанскій аскетизмъ долженъ-бы имѣть существенное сходство съ шопенгауеровскимъ аскетизмомъ. Но тотъ и другой стоятъ въ совершенной противоположности. Первоначальнѣйшимъ мотивомъ и конечною цѣлію для аскета Шопенгауеровскаго служитъ погашеніе всей и всякой жизни, уничтоженіе самой основы своего индивидуальнаго существованія. Смотря на всю и всякую жизнь, какъ на зло и бѣдствіе, Шопенгауеровъ аскетъ хочетъ уничтожить самый источникъ этой бѣдственной жизни. Съ этою цѣлію онъ старается уничтожить въ себѣ всякое влеченіе и чувство, какъ основу бытія и жизни, выработать и развить полное равнодушіе и безразличіе къ предметамъ міра. Весь образъ жизни этого аскета опредѣляется стремленіемъ къ полнѣйшему уничтоженію и убійству въ себѣ всякой способности жить. Отсюда онъ ведетъ сильную и постоянную брань противъ духа и тѣла, стараясь убить въ нихъ всякую жизненность. Не таковы мотивы христіанскаго аскетизма. Этотъ послѣдній проистекаетъ изъ пламенной и напряженнѣйшей любви къ Богу. Изъ этой-то пламенной любви къ Богу опредѣляется и весь образъ жизни христіанскаго аскета, все содержаніе и всѣ формы его дѣятельности. Въ христіанскомъ аскетѣ влеченіе и чувство не только не убито, но напряжено и только сосредоточено на одномъ неземномъ предметѣ, на представленіи безконечнаго, высочайшаго существа. Вотъ въ общихъ чертахъ существенное, основное различіе аскетизма шопенгауеровскаго и христіанскаго.

Признавъ основаніемъ и источникомъ христіанскаго

аскетизма пламенную и напряженную любовь къ Богу, авторъ доказываетъ это прежде всего свидѣтельствами свв. подвижниковъ—аскетовъ, которыя, какъ говоритъ онъ, имѣютъ и должны имѣть высокую научную цѣну. Онъ приводитъ нѣсколько свидѣтельствъ изъ твореній св. Іоанна Лѣствичника и Исаака Сирина, гдѣ въ самыхъ сильныхъ и живыхъ образахъ представляется чувство любви къ Богу и удовлетвореніе его. Чувство любви къ Богу представляется здѣсь подъ образомъ пламенной любви мужчины къ женщинѣ, подъ образомъ огня палящаго и поядающаго и, наконецъ, подъ образомъ жажды живой и сильной[1]). Удовлетвореніе этой любви изображается какъ упоеніе, доходящее иногда до изсту-

[1]) »Блаженъ, кто пріобрѣлъ такую же любовь къ Богу, какую восторженный любитель имѣетъ къ своей возлюбленной. Не столько матерь прилѣплена къ грудному младенцу, сколько сынъ любви привержень всегда къ Господу«. Кто истинно любитъ, тотъ непрестанно воображаетъ лице любимаго и съ удовольствіемъ обнимаетъ его внутренно. Таковой не можетъ даже и во снѣ успокоиться отъ сильнаго желанія, но и въ это время занятъ мыслію о любимомъ. Такъ бываетъ въ природѣ тѣлесной, такъ и въ природѣ безплотныхъ. Нѣкто уязвленный любовію сказалъ о себѣ: *изъ сплю* по требованію природы, а *сердце мое бдитъ* по обилію любви (Пѣснь пѣсн. 5, 2). Должно замѣтить тебѣ, вѣрный братъ, что елень—душа, истребивъ страсти, *желаетъ* уже и *скончавается* огнемъ любви ко Господу, какъ бы пораженная ядоносною стрѣлою. Дѣйствіе голода какъ-то неявно и незамѣтно, а дѣйствіе жажды сильно, явно и всякому замѣтно по внутреннему жару. Посему-то пламенѣющій любовію къ Богу говоритъ: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому* (пс. 48, 3). Святая любовь нѣкоторыхъ поядаетъ, по словамъ сказавшаго: сердце наше привлекла еси, сердце наше привлекла еси. Любовь огненный источникъ; въ какой мѣрѣ источаетъ питіе, въ такой же мѣрѣ попаляетъ жаждущаго (Препод. Іоанна, игумена Синайской горы Лѣствичника. Москва. 1857 г. стр. 365—370).

пленія[1]). Это напряженное и пламенное чувство любви къ Богу и служитъ преобладающимъ мотивомъ и исходною точкою христіанскаго аскетизма, который поэтому въ образѣ своей внѣшней и внутренней дѣятельности опредѣлился именно свойствомъ и характеромъ чувства любви къ Богу, доходящаго до величайшаго напряженія и получившаго господствующее вліяніе на сознаніе.

Указавъ основаніе для своей мысли объ основѣ и источникѣ христіанскаго аскетизма въ твореніяхъ свв. подвижниковъ, авторъ далѣе, путемъ психологическаго анализа, старается представить и уяснить процессъ происхожденія христіанскаго аскетизма изъ напряженнѣйшаго чувства любви къ Богу.

Свой анализъ авторъ начинаетъ указаніемъ свойствъ любви вообще, какъ психическаго феномена, и отсюда уже переходитъ къ изображенію свойствъ любви къ Богу. Общее свойство всякой вообще любви состоитъ въ томъ, что представленіе ея предмета становится центральнымъ и господствующимъ въ сознаніи. Это представленіе любимаго предмета находится въ центрѣ или же на порогѣ сознанія, всегда будучи готово занять его по первому

[1]) »Радость, яже по Бозѣ, крѣпльша есть здѣшняго живота. Якоже человѣкъ пія вино въ день плача, и упиваяся, всяку печаль болѣзней своихъ забываетъ: тако и упившійся любовію Бога въ мірѣ семъ, иже есть домъ плача, болѣзни и печали своя вся забываетъ, и бываетъ нечувственъ отъ всѣхъ страстей грѣха упоенія ради своего. Любовь Божія тепла есть естествомъ. И егда безмѣрно возгорится въ комъ, творитъ душу ону изступительну. Сего ради не можетъ сердце ощутившаго ю вмѣстити ю и стерпѣти: но по мѣрѣ качества нашедшія на него любве зрится въ немъ измѣненіе необычно. Сія-бо знаменія ея чувственныя: бываетъ лице человѣка онаго румяно, обрадовано, и тѣло его разгрѣвается. Отступаетъ отъ него страхъ и стыдѣніе и бываетъ якоже изступленъ« (Подвижник. слова св. Исаака Сирина. Москва 1854 г. стр. 181, 259, 410).

поводу и случаю. Мало того: другія психическія явленія стоятъ въ нѣкоторой зависимости отъ упомянутаго центральнаго, господствующаго въ сознаніи представленія,—подбираются и опредѣляются его характеромъ и содержаніемъ. Но господствующее въ сознаніи представленіе любимаго предмета не стоитъ въ сознаніи какъ спокойный холодный образъ, оно всегда возбуждаетъ нѣкоторое пріятное волненіе и сопровождается имъ. Такимъ образомъ существуетъ постоянная связь представленія любимаго предмета съ пріятнымъ чувствомъ. Однако, пока предметъ нашей любви существуетъ, живетъ только въ воображеніи,—любящее сердце остается неудовлетворимымъ, оно стремится къ соединенію съ любимымъ предметомъ, къ обладанію имъ и, такъ сказать, къ занятію съ нимъ. Эти же общія свойства любви неизмѣнно присущи и чувству любви къ Богу. И представленіе Бога для пламенно любящаго Его не можетъ быть спокойнымъ, холоднымъ образомъ представленія, но сопровождается соотвѣтствующимъ ему пріятнымъ волненіемъ въ формѣ духовной пріятности или радости. И здѣсь также одно простое представленіе или помышленіе о Богѣ не удовлетворяетъ пламенно любящаго Его человѣка,—онъ стремится къ соединенію съ Нимъ, къ нѣкоторому непосредственному общенію съ Нимъ. Но какъ-же возможно общеніе и соединеніе любящаго человѣка съ предметомъ своей любви—Богомъ, который есть Существо нечувственное, духовное и притомъ безконечное? Пламенно любящій Бога удовлетворяетъ своему стремленію къ соединенію съ Богомъ, по словамъ автора, въ состояніи молитвеннаго услажденія, молитвеннаго созерцанія и чисто-духовнаго созерцанія,—въ этихъ трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ мысленнаго или духовнаго единенія и общенія человѣка съ Богомъ. Въ чемъ же состоитъ это созерцаніе, какое его содержаніе? Нѣкоторое разъясненіе

этого состоянія, т. е. состоянія созерцанія представляетъ наша собственная, аналогичная ему молитва, особенно молитва глубокая, пламенная и до такой степени сосредоточенная, когда мы позабываемъ все и не сознаемъ никакого другаго впечатленія или ощущенія, когда мы чувствуемъ одно лишь какое-то возвышеніе и необычайное умиленіе отъ этого возвышенія. Къ такой именно молитвѣ призываетъ церковь, когда во время херувимской пѣсни поетъ: *нынѣ отложимъ всякое житейское попеченіе.*

Итакъ, пламенная любовь къ Богу, находящая свое удовлетвореніе въ состояніи созерцанія или умной молитвы, силою своего психическаго свойства или сущностію и характеромъ своего предмета, приводила человѣка, объятаго такою любовію, къ аскетизму, т. е. безбрачію, отреченію отъ міра или удаленію изъ него и постоянной брани съ плотію и всѣми грѣховными пожеланіями. Всѣ эти три феномена аскетической жизни составляютъ естественное послѣдствіе пламенной любви къ Богу и стремленія къ удовлетворенію ея въ состояніи умнаго созерцанія, какъ формѣ, единственно соотвѣтствующей нечувственному и безконечному предмету любви—Богу.

Путемъ психологическаго анализа авторъ дальше выясняетъ въ частности происхожденіе каждаго изъ упомянутыхъ феноменовъ аскетической жизни изъ напряженнаго чувства любви къ Богу. Что касается прежде всего безбрачія, что оно, по мнѣнію автора, вполнѣ естественное и даже необходимо для аскета. Въ сердцѣ, безраздѣльно и пламенно объятомъ любовію къ Богу, Существу нечувственному и безусловному, не остается мѣста для любви къ женщинѣ. Сила любви, какъ и всякая психическая сила, напр. сила сознанія, имѣетъ свои предѣлы въ душѣ человѣческой, и человѣкъ не можетъ обнаруживать ее въ отношеніи къ многимъ предметамъ въ такомъ-же изобиліи,

какъ въ томъ случаѣ, когда она обращена къ немногимъ предметамъ.—Съ другой стороны, по самому свойству своему и содержанію, напряженное чувство любви къ Богу, чистѣйшему Духу, высочайшему Существу и безусловной Личности дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ любви и привязанности къ женщинѣ. Извѣстно, что разнородные или даже противорѣчивые интересы, страсти, чувства или склонности не могутъ одновременно ужиться въ душѣ человѣческой, такъ что если зарождается и получаетъ силу одна изъ нихъ, то этимъ самымъ вытѣсняется другая. Этотъ психологическій фактъ каждый можетъ провѣрить на себѣ самомъ. Когда въ человѣкѣ развивается какой-либо духовный интересъ, напр. любовь къ мышленію, то онъ уже охлаждается къ интересамъ и привязанностямъ чувственнымъ, и въ той или другой мѣрѣ одухотворяется, возвышается и, самъ собою, безъ всякаго принужденія или усилія воли покидаетъ нѣкоторыя чувственныя удовольствія. Если же можно принять за общее правило, что расположенія и наклонности человѣка, болѣе или менѣе не однородныя и спорящія между собою, не уживаются вмѣстѣ и вытѣсняютъ другъ друга, то становится вполнѣ понятнымъ и естественнымъ, что чувство любви къ Богу, достигшее крайняго напряженія и пламенности, не оставило въ человѣкѣ мѣста для одновременной любви и привязанности къ женщинѣ. Наконецъ, пламенное чувство любви къ Богу, находящее свое удовлетвореніе въ умной или духовной молитвѣ, необходимо требовало глубочайшей и всецѣлой сосредоточенности духа, или ничѣмъ не развлекаемой и неотвлекаемой его разсѣянности. Эта глубочайшая самососредоточенность требовалась съ одной стороны, для напряженности и высоты духовнаго созерцанія, къ которому стремилось сердце любящаго Бога,—съ другой стороны, для успѣшнаго подавленія всѣхъ грѣховныхъ или порочъ-

ныхъ движеній, обусловливающихъ чистоту и силу духовнаго или умнаго созерцанія. Если даже носители соціально-общественныхъ и другихъ интересовъ и стремленій добровольно и даже сами собою отказывались отъ семейной жизни ради безраздѣльнаго и всецѣлаго служенія своимъ интересамъ и идеямъ, то тѣмъ натуральнѣе и необходимѣе было состояніе безбрачія для носителей пламенной любви къ Богу. Семейная жизнь вообще есть нѣчто препятствующее всецѣлому и безраздѣльному служенію какому-либо высшему интересу; она въ той или другой мѣрѣ развлекаетъ, отнимаетъ у человѣка большую или меньшую долю вниманія и энергіи для семейства, для своихъ, и не даетъ человѣку всю свою энергію и всѣ свои силы и способности отдать на общее дѣло. Такимъ образомъ, безбрачіе аскетовъ есть необходимое послѣдствіе напряженнѣйшей и пламенной любви къ Богу, ихъ объявшей или »уязвившей«.

Но для упоенія любовію къ Богу въ формѣ умной молитвы, аскеты не могли ограничиться однимъ безбрачіемъ. Ихъ влекло къ отреченію отъ міра и совершенному удаленію изъ него—*къ отшельничеству*. Послѣднее является также вполнѣ натуральнымъ и вполнѣ изъяснимымъ изъ стремленія подвижниковъ къ умному созерцанію, въ которомъ и посредствомъ котораго единственно удовлетворялась ихъ пламенная любовь къ Богу. Разнообразіе внѣшнихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на чувства и вторгающихся въ сознаніе, составляетъ помѣху уже для отвлеченнаго мышленія, и потому серьезное мышленіе необходимо приводитъ человѣка къ нѣкоторой изолированности отъ дѣйствія и вліянія разсѣевающихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Полной сосредоточенности мышленія мѣшаютъ, какъ учитъ опытъ, даже свѣтъ и другія иногда даже незначительныя впечатлѣнія. Поэтому-то нѣкоторые философы, представители самаго сосредоточеннаго и напряженнаго мышленія,

имѣли привычку даже днемъ заниматься съ закрытыми ставнями и при свѣтѣ лампы. Относительно Декарта, напр., сообщается въ одной книгѣ такой интересный фактъ, что онъ имѣлъ привычку, работая мыслью и обдумывая философскіе вопросы, лежать въ постели по 16 часовъ въ день и притомъ съ опущенными сторами и закрытыми ставнями, потому что въ этомъ покойномъ положеніи умъ его былъ дѣятельнѣе и сильнѣе, нежели тогда, когда развлекали внѣшнія впечатлѣнія. Если же отвлеченное мышленіе требуетъ такой изолированности отъ внѣшнихъ впечатлѣній, то тѣмъ болѣе должны чувствовать потребность въ уединеніи святые подвижники созерцатели, предметъ созерцанія которыхъ не есть чувственный, но совершеннѣйшій и безконечный духъ. Созерцаніе, имѣющее своимъ предметомъ Бога, требовало полной и безраздѣльной сосредоточенности сознанія, совершенной неразсѣянности его и тѣмъ самымъ нудило человѣка къ уединенію до отшельничества изъ міра. Такимъ образомъ удаленіе свв. подвижниковъ—созерцателей изъ міра есть фактъ внутренно необходимый и психически вынужденный природою и свойствомъ умнаго созерцанія, въ которомъ они стремились найти удовлетвореніе любви къ Богу, наполняющей и поядающей ихъ. Но, конечно, отшельничество святыхъ подвижниковъ вынуждалось не только стремленіемъ изолироваться отъ разсѣевающаго разнообразія впечатлѣній міра, но и потребностію уйти отъ мірскихъ соблазновъ и страстей, для успѣшнѣйшаго искорененія страстей и грѣховныхъ помысловъ въ себѣ самихъ.

Но одно простое удаленіе отъ міра, уединенность пустыни, скалы и лѣса были еще недостаточны сами по себѣ для сосредоточеннаго, напряженнаго и чистаго духовнаго или умнаго созерцанія Бога. Сосредоточенности и неразсѣянности сознанія могутъ мѣшать не только

внѣшнія впечатлѣнія, стремящіяся занять сознаніе и привлекающія его къ себѣ, но и впечатлѣнія міра внутренняго—внутренніе помыслы, желанія и чувствованія, не относящіяся къ предмету созерцанія и даже противоположныя ему. Для освобожденія отъ этихъ внутреннихъ разсѣевающихъ впечатлѣній, т. е. инородныхъ стремленій, чувствованій или представленій остается или осуществить ихъ на дѣлѣ и тѣмъ разрядить ихъ и лишить ихъ силы, или предпринять борьбу съ ними для совершеннаго искорененія ихъ. Но первое средство всегда приноситъ лишь временный результатъ, не обезпечивающій въ будущемъ, даже болѣе или менѣе близкомъ, отъ новаго возникновенія и появленія внутреннихъ разсѣевающихъ впечатлѣній. Отсюда является потребность и необходимость нѣкотораго болѣе радикальнаго ограниченія стремленій, своимъ пробужденіемъ отвлекающихъ сознаніе отъ предмета, на которомъ оно безраздѣльно должно быть сосредоточено, требуется нѣкоторое подавленіе и ограниченіе потребностей, мѣшающихъ желаемой и нужной самососредоточенности духа. Это нѣкоторое ограниченіе чувственныхъ стремленій, давящихъ и разсѣевающихъ сознаніе, необходимо требуется уже для мыслителя, такъ что глубокое и серьезное отвлеченное мышленіе само собою нудитъ и приводитъ человѣка къ нѣкоторому нравственному усовершенствованію. Это потому именно, что для сосредоточеннаго и напряженнаго мышленіе нужно освобожденіе не только отъ впечатлѣній внѣшнихъ, но и отъ впечатлѣній собственнаго, субъективнаго міра, не относящихся къ предмету мышленія и даже противорѣчащихъ ему. Съ другой стороны, самая ясность, чистота и сила сознанія стоятъ въ связи съ нѣкоторымъ подавленіемъ чувственности и нѣкоторымъ, если не ослабленіемъ, то утонченіемъ тѣла посредствомъ воздержанія и умѣренности. Для яснаго сознанія и глубоко

сосредоточеннаго мышленія нуженъ всегда значительный перевѣсъ духа надъ тѣломъ, который достигается нѣкоторымъ ограниченіемъ тѣлесныхъ потребностей и преобладаніемъ дѣятельности духовной, особенно мыслительной. Такимъ образомъ, уже мышленіе для успѣха своей дѣятельности требуетъ нѣкотораго нравственнаго усовершенствованія, состоящаго въ ограниченіи чувственности. Но если отвлеченное мышленіе требуетъ нѣкотораго ограниченія и подавленія чувственности и ея разсѣевающаго вліянія, то особенно это требовалось для умнаго созерцанія свв. подвижниковъ—аскетовъ, тѣмъ болѣе, что предметомъ этого созерцанія служитъ существо нечувственное, высочайшее, святѣйшее, безусловное. Такой предметъ созерцанія необходимо требовалъ не только свободы отъ давленія разсѣевающихъ чувственныхъ пожеланій, но и положительной нравственной чистоты. Отсюда именно объясняется строгое и даже суровое отношеніе подвижниковъ созерцателей къ чувственности, постоянная брань и борьба съ нею. Эта чувственность, съ коренящимися въ ней пожеланіями и стремленіями, представляла помѣху для сосредоточеннаго, чистаго и напряженнаго созерцанія, и вотъ свв. подвижники вели съ нею энергическую брань и борьбу. Какого строгаго и великаго ограниченія чувственности требовало молитвенное созерцаніе подвижниковъ, это прекрасно видно изъ слѣдующаго сообщенія св. Исаака Сирина объ одномъ подвижникѣ: »нѣкто, пишетъ Исаакъ Сиринъ, разсказываетъ мнѣ изъ собственнаго своего опыта: »въ которые дни имѣю я бесѣду съ кѣмъ нибудь, въ тѣ дни съѣдаю по три или по четыре сухаря на день; и если стану принуждать себя къ молитвѣ; то *умъ мой не имѣетъ дерзновенія къ Богу и не могу устремить къ Нему мысли.* Когда-же разлучусь съ собесѣдниками на безмолвіе, въ первый день принуждаю себѣ съѣсть полтроа

сухаря, во второй—одинъ; а какъ скоро утвердится умъ мой въ безмолвіи, усиливаюсь съѣсть одинъ цѣлый сухарь и не могу; умъ же мой непрестанно съ дерзновеніемъ бесѣдуетъ съ Богомъ, хотя и не понуждаю его къ тому, и свѣтозарность Божества, не оскудѣвая, осіяваетъ меня и влечетъ меня видѣть красоту божественнаго свѣта и увеселяться ею. Если-же во время безмолвія приключится кому придти и говорить со мною хоть одинъ часъ, невозможно мнѣ тогда не прибавить пищи, не оставить чего изъ правила, не разслабѣть умомъ къ созерцанію онаго свѣта«. Если три—четыре сухаря дѣлали мысль тяжелѣе и ослабляли ея стремительность и паренiе, то пельзя не видѣть, что умное созерцаніе Бога требовало отъ аскетовъ величайшаго ограниченія чувственности и нѣкотораго ея одухотворенія, состоянія въ нѣкоторой мѣрѣ безплотности. Такимъ образомъ, борьба христ. аскета съ плотію была строга, сурова и самоотверженна; цѣлію ея служило усиленіе сосредоточенности мысли на Богѣ, возвышеніе напряженности и паренія мысли въ актѣ умнаго созерцанія, въ которомъ они упивались любовію къ Богу. Слѣдовательно, самая послѣдняя или конечная цѣль борьбы христіанскаго аскета съ плотію—тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ и общеніе съ Нимъ. Такимъ образомъ, любовь къ Богу психологически приводила христіанскихъ аскетовъ къ величайшей нравственной дѣятельности, но только направленной не на усовершенствованіе другихъ, но на усовершенствованіе себя самихъ. Это составляло характеристическую черту свв. подвижниковъ—аскетовъ. Но эта нравственная дѣятельность, направленная непосредственно и почти исключительно на себя самихъ, въ своемъ нравственномъ достоинствѣ нисколько не стоитъ ниже нравственной дѣятельности, имѣющей своимъ предметомъ дѣятельности благо и совершенство другихъ. Во-первыхъ,

чтобы двигать другихъ, нужно прежде всего двинуть себя; чтобы развивать и воспитывать другихъ, нужно прежде всего развить и воспитать себя самихъ. Вездѣ и всюду самоусовершенствованіе предшествуетъ совершенствованію другихъ. Съ другой стороны, подвижники посредственно имѣли и доселѣ имѣютъ величайшее нравственное вліяніе на другихъ; они служили и служатъ для другихъ возбуждающимъ и ободряющимъ примѣромъ нравственнаго самоусовершенствованія, къ которому христіанство настойчиво призываетъ каждаго своего послѣдователя. Значеніе же примѣровъ въ дѣлѣ воспитанія другихъ весьма велико, болѣе чѣмъ простое наставленіе, что совершенно понятно; примѣръ есть нѣчто живое, наглядное, а наставленіе всегда болѣе или менѣе отвлеченное. Значитъ и свв. подвижники—аскеты служили дѣлу общему, человѣчеству, но только въ особенной, высшей и полезнѣйшей формѣ вліянія на другихъ—въ формѣ примѣра.

Изъ всего доселѣ сказаннаго совершенно ясно видно, насколько радикально отличается христіанскій аскетъ отъ аскета шопенгауеровскаго. Христіанскій аскетъ обнаруживалъ въ себѣ сильнѣйшее хотѣніе продолжительныхъ и напряженныхъ созерцаній Бога, и именно ради напряженности и возвышенности своихъ молитвенныхъ состояній онъ подавлялъ свою плоть, чтобы она не мѣшала его духовной напряженности и сосредоточенности, не выводила его изъ избранной и излюбленной имъ сферы, и не ослабляла охватившій его религіозный аффектъ. Слѣдовательно христіанскій аскетъ вовсе не убиваетъ въ себѣ хотѣнія и жажды жизни, а только подавляетъ стремленіе къ извѣстнымъ формамъ жизни, именно подавляетъ всѣ чувственныя и грѣховныя хотѣнія, обнаруживая въ тоже время напряженнѣйшее стремленіе къ другимъ формамъ жизни—высшимъ формамъ жизни религіозно-нравственной. Хри-

стіанскіе подвижники—аскеты были пламенно воодушевлены идеею небесной будущей жизни, и своими тяжкими нравственными подвигами стремились добыть себѣ такія минуты молитвенно-созерцательнаго состоянія, которыя уже здѣсь давали имъ предвкушать духовное благо небесной жизни. При этомъ авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что изъ любви къ Богу, которая, по его мнѣнію, служитъ основой и источникомъ христіанскаго аскетизма, не всегда и не во всѣхъ случаяхъ можно изъяснить аскетизмъ. Первоначальнѣйшею и непосредственною причиною аскетизма нѣкоторыхъ подвижниковъ было напр., сознаніе и оплакиваніе своихъ грѣховъ: таковы св. Ефремъ Сиринъ, отчасти Симеонъ Столпникъ и др. Впрочемъ любовь къ Богу и сознаніе собственной грѣховности не могутъ совершенно отдѣляться другъ отъ друга и тѣмъ менѣе взаимно исключаться. Когда имѣемъ въ виду человѣка, то одно изъ этихъ состояній можетъ только перевѣшивать и преобладать въ сознаніи, но не исключать другое или не предполагать его.

Но что основной характеръ христіанства и его отношеніе къ жизни человѣческой не имѣетъ ничего общаго съ радикальнымъ пессимизмомъ философіи Шопенгауера, поставляющей цѣль жизни въ совершенномъ погашеніи жажды ко всей и всякой жизни и слѣдов. въ отрицаніи самой основы индивидуальнаго бытія, очевидное подтвержденіе этого авторъ находитъ еще въ лицѣ многочисленныхъ христіанскихъ мучениковъ. Они радостно переносили величайшія страданія и охотно оставляли земную жизнь, но не съ цѣлію погашенія въ себѣ жажды ко всей и всякой жизни, а съ цѣлію достиженія жизни, только жизни небесной, гдѣ больше свѣта и простора для духа, гдѣ царство духа. Весьма наглядное и рѣшительное доказательство этого авторъ видитъ, напр., въ мученической

смерти св. Игнатія Богоносца. »Когда Игнатій услышалъ приговоръ Траяна объ отсылкѣ его въ столицу, Римъ, и о преданіи его для удовольствія римскаго народа дикимъ звѣрямъ при играхъ въ амфитеатрѣ, то палъ на колѣна, простеръ руки къ небу и съ радостію воскликнулъ: благодарю Тя, Господи, что ты восхотѣлъ почтить меня драгоцѣннѣйшимъ знакомъ любви твоей и, подобно ап. Павлу, удостоилъ за Тебя оковъ«.

»Изъ Смирны, гдѣ св. Игнатій остановился по дорогѣ въ Римъ, онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ посланій, въ которыхъ онъ просилъ христіанъ различныхъ церквей, особенно римлянъ, не препятствовать ему на пути къ мученической смерти. Игнатій проситъ ихъ со всею горячностію сердца, чтобы они не мѣшали ему достигнуть вѣнца и въ старческихъ своихъ лѣтахъ изъ многотрудной жизни испытаній войти въ неизреченную радость небеснаго царства. Онъ писалъ: »не дѣлайте для меня ничего болѣе, какъ чтобы я былъ закланъ Богу теперь, когда жертвенникъ уже готовъ, и тогда составьте любовію хоръ и воспойте хвалебную пѣснь Отцу во Христѣ Іисусѣ, что Богъ удостоилъ епископа Сиріи призвать съ востока на западъ. Прекрасно мнѣ закатиться отъ міра къ Богу, чтобы въ немъ мнѣ возсіять«. Въ другомъ мѣстѣ своего посланія онъ пишетъ слѣдующія трогательныя слова: »оставьте меня быть пищею звѣрей, чтобы я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Христовымъ. Лучше приласкайте этихъ звѣрей, чтобы они сдѣлались гробомъ моимъ и ничего не оставили отъ моего тѣла, дабы по смерти не быть мнѣ кому-либо въ тягость. Тогда я буду поистинѣ ученикомъ Христовымъ, когда даже тѣла моего міръ не будетъ видѣть. Молитесь о мнѣ Христу, чтобы я посредствомъ этихъ орудій сдѣлался жертвою Богу«.—Въ отвѣтъ императорскому намѣстнику, совращавшему св. Игнатія угрозами мученій и

смерти принести жертву богамъ, этотъ мученикъ сказалъ: »ты хочешь тронуть и совратить меня своими льстивыми словами. Знай же, что эта смертная жизнь не имѣетъ для меня никакой привлекательной силы; я хочу идти къ Іисусу, хлѣбу безсмертному и питію вѣчной жизни; для Него живу и душа моя стремится къ Нему. Смѣюсь надъ всѣми вашими мученіями и повергаю вамъ въ ноги свободу, которую вы мнѣ предлагаете«. Изъ этого величественнаго примѣра и притомъ замѣчательнаго не только въ нравственномъ, но и психологическомъ отношеніи, съ видностію открывается, что христіанскіе мученики, радостно разставаясь съ земною жизнію, радовались не прекращенію своей индивидуальной жизни и переходу въ нирвану или общее бытіе, но именно переходу въ ту жизнь, гдѣ они чаяли вѣчнаго продолженія или безсмертія собственной личности и гдѣ надѣялись достигнуть ближайшаго единенія со Христомъ, предметомъ ихъ пламенной любви. Все ихъ сознаніе, все стремленіе и чувствованіе были обращены къ небесной или вѣчной жизни, гдѣ былъ предметъ ихъ любви и гдѣ они чаяли достигнуть ближайшаго единенія съ Нимъ. Въ этомъ случаѣ получили полное оправданіе и примѣненіе глубоко-истинныя психологическіе слова Іисуса Христа: *гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше* (Мѳ. 6, 21). Другой величайшій примѣръ пламеннаго влеченія къ жизни небесной ради скорѣйшаго и ближайшаго единенія съ Іисусомъ Христомъ мы видимъ въ лицѣ ап. Павла. Онъ пишетъ о себѣ Филиппійцамъ: »Для меня жизнь есть Христосъ, и смерть— пріобрѣтеніе. Если же жизнь въ плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу; то не знаю, что избрать. Влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и со Христомъ быть, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнѣе для васъ« (1. 21—24). Образъ боже-

ственной личности Іисуса Христа до такой степени наполнялъ душу апостола и сдѣлался господствующимъ или даже исключительнымъ предметомъ его сознанія, стремленія и чувства, что все остальное въ этой жизни, не стоящее въ отношеніи къ Іисусу Христу, потеряло для него всякую цѣну и прелесть. »Наше жительство, говоритъ св. Павелъ, на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, который уничиженное тѣло наше преобразуетъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его, силою котораго Онъ дѣйствуетъ и покоритъ Себѣ все« (3, 7—8, 10—11, 14, 20—21). Таже пламенная любовь воодушевляла сердце Василія великаго, когда онъ, будучи призванъ предъ лице гордаго префекта Модеста, на разныя угрозы его отвѣчалъ ему слѣдующими словами: »ссылки я не считаю ссылкою. Вся земля Божія, а я пришлецъ и странникъ. Смерть благодѣяніе для меня, она скорѣе приведетъ меня къ Богу, для котораго я живу, служу и большею частью уже умеръ« (Историч. ученіе объ отцахъ церкви. Филарета арх. черниг. стр. 131).

Народные религіозные обычаи и обряды южныхъ Славянъ [1]).

»Въ народныхъ обычаяхъ декабря мѣсяца—говоритъ Канитцъ, именно въ обычаяхъ дня св. Варвары и Рождества Христова отражается постоянно присущее земледѣльцу чувство зависимости отъ высшихъ силъ. Всякими наслѣдованными по преданію средствами старается онъ разгадать предопредѣленное ему счастіе или несчастье, отклонить бѣды грозящія дому и хозяйству и ходатайствомъ святыхъ молитвенниковъ и патроновъ предохранять себя отъ вліянія

[1]) См. № 36.

враждебныхъ силъ«. Въ день св. Варвары (4 декабря) въ Сербіи варятъ »варицу«, которая состоитъ изъ смѣси всѣхъ родовъ полевыхъ хлѣбовъ, въ родѣ нашей кутьи или узвара (съ зернами варятъ и плоды) и при этомъ поютъ: »Варвара вари, Савица (день св. Саввы 5 декабря) студи́ и Нико́ла кушай«. На слѣдующее утро смотрятъ, на какую сторону склонялись при варенiи зерна, и сообразно съ этимъ направленіемъ вспахиваютъ нивы подъ посѣвъ, для хорошаго урожая. По повѣрьямъ сербовъ, »варица« предохраняетъ отъ всѣхъ золъ и ее ѣдятъ обыкновенно въ теченіи трехъ дней, а также, посоливъ, даютъ и скоту. Въ Далмаціи по »варицѣ« гадаютъ о предстоящемъ счастіи или несчастіи. Тамъ, по словамъ Вука Караджича, на разсвѣтѣ, соблюдая глубокое молчаніе, приносятъ »варицу« къ водѣ и восклицаютъ: »доброе утро, вода! я несу тебѣ »варицу«, а ты дай мнѣ козловъ, барановъ, счастья« и т. п. Почерпнувъ воды, возвращаются домой, окропляютъ ею домъ и загоны для скота и при этомъ восклицаютъ: »сколько капель, столько же пусть будетъ воловъ, овецъ, лошадей, курицъ, свиней и т. п., да умножатся плоды и поколѣнія!« Окропляютъ также этою водою и ульи пчелъ, приговаривая: »прочь колдуны и вѣдьмы! прочь вы завистники и завистницы! Сколько мостовъ чрезъ море, роговъ у собаки, волосъ на ладони, столько же пусть будетъ убыли у моихъ пчелъ«!

Та-же самая идея, только въ нѣсколько иныхъ формахъ, выражается въ обычаяхъ, совершаемыхъ 4—6 декабря у болгаръ. Въ эти дни также варятъ зерно разныхъ хлѣбовъ и пекутъ прѣсный хлѣбъ. Передъ ужиномъ одинъ изъ мущинъ беретъ кадильницу съ ладономъ и кадитъ эти сваренныя зерна и хлѣбъ; затѣмъ женщина беретъ хлѣбъ, кладетъ его на голову и разламываетъ на двѣ половины, изъ коихъ одну ставитъ на столъ, а другую кладетъ на

полку. Тогда всякій беретъ ложкою сваренныя зерна, поднимаетъ ихъ вверхъ насколько можетъ выше и приговариваетъ: »вотъ такого роста пусть будутъ хлѣба въ будущемъ году«! Когда сядутъ за столъ, то приносится самая большая сулея съ виномъ; она переходитъ отъ одного къ другому и при этомъ, испивая понемногу вина, каждый приговариваетъ: »какъ велика эта сулея, такъ велики пусть будутъ грозды на лозахъ«! Кутья или узваръ съѣдается не весь, но нѣсколько оставляется, и поутру эти остатки отдаются курамъ, чтобы лучше плодились куры. Эти обряды съ узваромъ повторяются въ Болгаріи и наканунѣ 20 и 25 декабря, а также и наканунѣ новаго года.

Начиная съ Игнатова дня (20 декабря) до Рождества Христова, въ Болгаріи дѣти каждый вечеръ поютъ: »отъ Игната до Коледы (Рождества) святая Матерь Божья почуяла, что она родитъ Христа! Тебѣ, хозяйка, поемъ мы, ты имѣешь сына такого-то (или такихъ-то); воспитывай его въ благочестіи и разумѣ, чтобы научился читать и писать, чтобы онъ сдѣлался *баномъ*, королемъ«. При этомъ дѣти приносятъ свои пожеланія, чтобы куры, гуси, утки и т. д. размножились въ домѣ. Взрослые привѣтствуютъ другъ друга, выражая желанія добраго года, богатой жатвы, урожая винограда и т. п. До 25 декабря не ѣдятъ чесноку, чтобы не поглупѣть; это повѣрье распространено по всему Балкану.

Въ числѣ дѣтскихъ обычаевъ, соединенныхъ съ декабрскими праздниками, обращаютъ на себя вниманіе два обычая практикуемые въ Сербіи въ два послѣднія воскресенья предъ праздникомъ Рождества Христова. Въ предпослѣднее воскресенье дѣти стараются захватить врасплохъ свою мать и опутываютъ ее нитками, веревками и т. п., и только давши выкупъ изъ орѣховъ, плодовъ или чего-

либо подобнаго, мать можетъ освободиться изъ этихъ дѣтскихъ узъ. Въ послѣднее воскресенье предъ Рождествомъ тоже продѣлывается съ отцомъ, и отсюда предпослѣднее воскресенье называется »материца«, а послѣднее »отцева«. Каппицъ ставитъ этотъ обычай въ параллель съ извѣстными западными праздниками »невинныхъ младенцевъ« и съ существующими и до нынѣ аналогическими обычаями въ Германіи.

Но идея упрочить благосостояніе хозяйства содѣйствіемъ высшихъ силъ у земледѣльческаго славянина никогда не выражается въ такомъ разнообразіи торжественныхъ обрядовъ, какъ наканунѣ и въ самый праздникъ Рождества Христова. Большая часть этихъ обрядовъ и ихъ существенная основа безъ сомнѣнія восходятъ къ дохристіанской древности; но древнеязыческій натуральный культъ, соединенный съ зимнимъ солнцеворотомъ, во многихъ отношеніяхъ получилъ христіанскую окраску и соединился съ праздникомъ Солнца правды, Источника жизни и Подателя благъ. Обряды эти такъ характеристичны и важны въ жизни южныхъ славянъ, что мы считаемъ нужнымъ сообщить о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія[1]).

Сочельникъ наканунѣ праздника Рождества Христова у южныхъ славянъ называется »*баднимъ днемъ*«, а самый праздникъ »*Божичемъ*«. Приготовленія къ празднику Божича начинаются еще наканунѣ сочельника, въ такъ-называемый *Туцандан* (туцати—закалывать). Въ этотъ день на зорѣ собираются изъ всего дома стулья и скамьи и прячутся на чердакъ или въ какое-нибудь другое мѣсто, чтобы на бадній день ихъ не трогали, иначе скоту угрожаетъ хромота; прячутъ также желѣзныя кочерги, щипцы

[1]) Заимствуемъ описаніе это изъ сообщеній князя А. Церетелева въ его статьѣ: „Бадній день и Божичъ въ Сербіи“. Русскій Вѣстн. 1875 г. Августъ, стр. 770—804.

и треножникъ, на которомъ ставятъ котелъ, и все замѣняютъ деревянными. Въ этотъ же день убиваютъ поросенка, предназначеннаго для *печеницы* (жаренаго),—убиваютъ кускомъ каменной соли, на который и собирается кровь отъ заколотаго животнаго. Соль эту даютъ потомъ скоту, чтобы былъ здоровъ и плодился. Въ Туцинъ день не слѣдуетъ упоминать о нечистой силѣ, не слѣдуетъ ни драться, ни браниться, слѣдуетъ даже избѣгать дурныхъ словъ, но всѣмъ должно быть весело и пріятно: несоблюденіе этого ведетъ къ несчастіямъ.

Въ *Бадній день* до восхода солнца хозяинъ идетъ въ лѣсъ и выбираетъ *баднякъ*; нашедши молодое *дубовое* дерево, онъ намазываетъ медомъ или посыпаетъ пшеницею мѣсто, гдѣ хочетъ рубить, и обращаясь къ дереву говоритъ: »доброе утро, баднякъ, нашъ милый братецъ, будь намъ живъ и здоровъ, молодецъ«! На это кто-нибудь другой отвѣчаетъ за баднякъ: »рубите насъ тамъ и тамъ, съ той и той стороны; тутъ наша старость и смерть«. Въ Черногоріи, подошедши къ выбранному заранѣе дереву, хозяинъ снимаетъ шапку, крестится на востокъ и, начиная рубить, говоритъ: »помози ми, Боже и Божичу«. По тому, какъ упалъ баднякъ и какъ отломился, гадаютъ—счастливъ-ли будетъ годъ или нѣтъ: если обрубокъ выступаетъ клиномъ—счастье, если выемка—дурной годъ. Рубятъ дерево только съ одной стороны и потомъ сваливаютъ однимъ ударомъ; баднякъ долженъ упасть непремѣнно на востокъ, иначе принимаются за другое дерево. Затѣмъ срубленный баднякъ приносится домой хозяиномъ или самымъ почтеннымъ въ домѣ человѣкомъ и прислоняется къ кровлѣ, причемъ поются пѣсни въ честь »Божича, Сварожича—Божича« съ призываніемъ на домъ всякаго добра и счастія.

Баднякъ приносятъ изъ лѣса съ вершиною. Она упо-

требляется вмѣсто кочерги, а потомъ хозяйка привязываетъ къ ней связку льна и бросаетъ на крышу. Въ Босніи этой верхнею вѣткой бадняка обмахиваютъ домашній скотъ на привязи, приговаривая: »обмахну я тебя... да сохранитъ насъ Богъ и св. Рождество Христово, да будете всегда здоровы и веселы«.

Въ Черногоріи возвращающагося съ баднякомъ хозяина хозяйка встрѣчаетъ у воротъ, держа въ одной рукѣ пшеничный *ко́лач* (родъ пирога), а въ другой—стаканъ вина. »Доброе утро и счастливый тебѣ Божій день«,—говоритъ она ему, и получаетъ въ отвѣтъ: »доброе тебѣ счастье и всѣмъ съ тобою въ этотъ и во всякіе другіе дни«.

Въ сумерки баднякъ вносится въ домъ. Предварительно хозяйка, наполнивъ мѣшокъ соломою, три раза обходитъ домъ съ дѣтьми, причемъ она подражаетъ кудахтанью насѣдки, а дѣти крику цыплятъ, и потомъ вошедши въ »куту« или хату, гдѣ горитъ очагъ, разбрасываетъ эту солому по полу и на нее бросаетъ орѣхи. Солома эта должна пролежать три дня и быть сожжена на сливнякѣ, чтобы лучше родились сливы. Разбрасывая солому, въ Босніи приговариваютъ: »гдѣ разсыпалась ячменная солома, пусть развивается Христова слава! Нашему »*домаћину*« (хозяину) и дому и всему роду христіанскому даруй Господь Богъ миръ, благодать и славу во вѣки«!

Когда солома разбросана и всѣ домашніе собрались, хозяинъ, въ рукавицахъ и шапкѣ, вноситъ баднякъ въ домъ комлемъ впереди и говоритъ: »добрый вамъ вечеръ и счастливый Божичъ«; а хозяйка изъ передняго угла отвѣчаетъ ему: »А ты будь живъ и здоровъ«, посыпаетъ его разнымъ зерномъ. У болгаръ и сербовъ очагъ помѣщается среди куты, и печныхъ трубъ нѣтъ; на этотъ уже прежде изведенный очагъ кладутъ внесенный баднякъ такъ, чтобы

комель выступалъ наружу и надъ нимъ цѣлуются пастухи, чтобы овцы любили своихъ ягнятъ; этотъ-же конецъ бадняка цѣлуютъ и всѣ входящіе въ домъ. За горѣніемъ бадняка слѣдятъ внимательно и обѣщаютъ ягненка тому, кто первый замѣтитъ, что онъ перегорѣлъ. Между обгорѣвшими кусками проходятъ приговаривая: »Прошелъ между двухъ огней, и третьяго не боюсь«. Это дѣлаютъ во избѣжаніе горячки. Въ нѣкоторыхъ домахъ дѣти прыгаютъ черезъ огонь бадняка, чтобы плодились овцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при горѣніи бадняка поютъ пѣсни и стрѣляютъ.

Въ Сербіи и Черногоріи кладутъ только одинъ баднякъ; въ Босніи же три и пять, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столько, сколько членовъ въ семьѣ. Большею частію употребляютъ для баднякаа молодое дерево; но въ Герцеговинѣ на баднякъ срубаютъ большое дерево, которое везутъ иногда три и четыре пары воловъ, которые волокутъ его до самаго очага и выгоняются въ противоложныя двери куты. Иногда доматинъ, внося баднякъ, »напиваетъ здравицу«, т. е. пьетъ здоровье своихъ домашнихъ, иногда-же на баднякѣ дѣлаетъ насѣчку, кладетъ туда кусокъ лепешки и поливаетъ насѣченное мѣсто виномъ. Въ Сербіи всѣ эти обряды съ баднякомъ совершаются только по деревнямъ, но въ Черногоріи они строго соблюдаются и при дворѣ, и князь Черногорскій самъ вноситъ баднякъ во дворецъ свой.

Когда баднякъ перегоритъ, то надѣвъ рукавицу, берутъ верхній кусокъ, обносятъ его вокругъ ульевъ, чтобы роились пчелы и затѣмъ кладутъ на сливу или яблоню, чтобы хорошо уродились плоды. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Далмаціи бадняки украшаютъ лаврами, а въ Герцеговинѣ на Бадній день весь домъ убираютъ плющемъ и зеленью и даже на нивахъ втыкаютъ вѣтки дуба и плюща,

чтобы хлѣба были зелены какъ плющъ и густы какъ дубовый листъ. Стадо въ этотъ день гоняютъ особыми прутьями называемыми *малыми бадняками*. Пастухи въ этотъ день пригоняютъ скотъ поздно, когда уже смеркнется; доматинъ выходитъ къ воротамъ и становится по одну сторону, пастухъ по другую; оба держатъ въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи и скотъ проходитъ между ними: пастухъ считаетъ его своимъ прутикомъ, *малымъ бадняком*, а доматинъ молится Богу, чтобы стадо не подвергалось дурному глазу; потомъ пастухъ беретъ отъ хозяина огниво, стискиваетъ его зубами и говоритъ: »сколько я повредилъ этому огниву зубами, пусть столькоже вреда будетъ нашему дому отъ злыхъ людей, а нашему скоту отъ волковъ«.

По окончаніи всѣхъ церемоній съ бадняком, приступаютъ къ вечерѣ, которая обыкновенно бываетъ тамъже у очага, гдѣ въ теченіе всей ночи и слѣдующаго дня горитъ бадникъ. Столъ накрываютъ мѣшкомъ, въ которомъ берегутъ зерно, а подъ мѣшкомъ кладутъ солому, чтобы былъ урожай. Набожные люди въ Сочельникъ, также какъ у насъ, не ѣдятъ до звѣзды, за то вечеря или ужинъ, хотя постный, состоитъ изъ множества блюдъ, которое напоминаетъ наши малороссійскіе, но никакъ не великороссійкіе обычаи Сочельника. Вечеря сопровождается обрядами и самыя кушанья имѣютъ символическій характеръ, сообразный съ общимъ духомъ праздника. Прежде всего на столъ кладутся »*калачи бадняго дня*«, постныя лепешки, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое значеніе и которые съ утра лежали въ ситѣ съ разнымъ зерномъ. Одно изъ нихъ называется *ораница*, нива; она больше всѣхъ другихъ, и по ней проведены ножомъ восемъ полосъ, представляющія борозды на нивѣ и означающія: первая пахаря, вторая—пшеницу, третья—кукурузу, четвертая—ячмень,

пятая—овесъ, шестая—просо, седьмая—счастіе, восьмая—здоровье. Около ораницы кладется *кошница* (пчела), лепешка, на которой шарики изъ тѣста представляютъ ульи; наконецъ *волови*—печенье, состоящее изъ двухъ продолговатыхъ кусковъ, соединенныхъ узкою полоскою тѣста, и представляющее запряженныхъ въ ярмо воловъ. Пекутъ также колачи, изображающіе мелкій скотъ, домашнюю птицу и т. п. и кромѣ того по колачу на всякаго въ домѣ.

Посреди стола на подсвѣчникѣ становится восковая свѣча; доматинъ беретъ кадильницу, кадитъ предъ образами и предъ каждымъ изъ присутствующихъ; мальчикомъ, учащимся въ школѣ, читаются молитвы: Царю Небесный, Святый Боже, Отче нашъ и Богородице Дѣво, и кромѣ того самъ хозяинъ импровизируетъ свою собственную молитву, въ которой молится Богу, Богородицѣ и особенно почитаемымъ святымъ объ оставленіи грѣховъ о ниспосланіи ему и всему дому благополучія и успѣха во всѣхъ дѣлахъ. Ужинъ начинается съ ломанія колача—*ораницы*, причемъ всѣ сидящіе за столомъ берутъ его разомъ правою рукою и, поворачивая справа на лѣво, стараются отломить кусокъ: кому достанется больше, тому годъ сулитъ счастье. Между множествомъ блюдъ, подаваемыхъ въ этотъ ужинъ, непремѣнно должна быть и *варица*, кутья или узваръ, о которой мы упоминали выше. За ужиномъ гадаютъ: вытаскиваютъ изъ-подъ мѣшка покрывающаго столъ солому и по длинѣ соломинки и величинѣ колоса судятъ о будущемъ урожаѣ; по орѣхамъ, составляющимъ необходимую принадлежность ужина, гадаютъ такимъ образомъ: три орѣха кладутъ на деревянное блюдо, наполненное виномъ или водкою съ медомъ, потомъ вынимаютъ и, замѣтивъ одинъ на *здоровье*, другой на *плодъ*, третій на *родъ*, бросаютъ въ три угла комнаты, а послѣ ужина раз-

бываютъ эти орѣхи; если который нибудь окажется пустымъ, то годъ будетъ неудачный. Берутъ также орѣхъ въ руку и просятъ Бога, чтобы домъ былъ полонъ какъ орѣхъ. За ужиномъ пьютъ здравицы и поютъ пѣсни; бадній вечеръ проводится весело. Извѣстный поэтъ сербскій Петръ II, владыка черногорскій, такъ описываетъ Бадній день:

Огонь пылаетъ лучше чѣмъ когда-либо,
Передъ огнемъ разложена солома,
На огнѣ перекрещены бадняки,
Ружья стрѣляютъ, вертится жаркое,
Гудятъ гусли, поютъ хороводы,
Со внуками дѣды пляшутъ,
По три колѣна вертятся въ хороводѣ,
Сказалъ-бы, что все однолѣтки!
Все радостью дивной сравнено;
А что́ больше всего нравится,
Что всякому надо *наздравить* (пить за здоровье).

Съ вечера бадняго дня начинается *коллдованье*. Колядующихъ собирается обыкновенно семь человѣкъ, и число ихъ должно быть всегда нечетное: одинъ изъ нихъ, *коледа* и носитъ на головѣ *самуръ-колпакъ*—мѣховую шапку. Колядующіе ходятъ по домамъ и собираютъ дары; имъ даютъ солонины, колбасъ, ветчины и т. п. Пѣсни, съ припѣвомъ: »Коледо«,—воспѣваютъ »царя, младаго Бога или Божича«, причемъ нѣкоторыя прямо упоминаютъ Христа и Рождество Христово; но нѣкоторыя воспѣваютъ и »Сварожича—Божича«, указывая на дохристіанское происхожденіе праздника Коледы и соединенныхъ съ нимъ обрядовъ. Замѣчательно, что обычай колядовать существуетъ не только у славянъ православныхъ, но и у сербовъ—магометанъ, которые въ Босніи ходятъ по домамъ съ бандурой, но не собираютъ даровъ.

Еще съ первыхъ пѣтуховъ начинается стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ, возвѣщающая, что наступилъ день Рождества Христова, *Божичъ*. Теперь начинаются *обряды Божичные*. Въ Босніи и Герцеговинѣ хозяинъ выходитъ первый къ воротамъ своего дома и *сякаетъ*, то есть кричитъ: сіяй Боже и Божичу и нашему или нашей—называя имена домочадцевъ. Тотчасъ кто-нибудь изъ дома идетъ за водой, въ Босніи непремѣнно мущина и въ рукавицахъ,—потому что такъ прислуживали пастухи Богородицѣ,—и подходя къ источнику говоритъ: »добро ютро ьодице и честит ти Божич«; а въ старой Сербіи посыпаютъ на воду пшеницею и говорятъ: »вотъ тебѣ знакъ Христовъ, отнеси его къ нашимъ покойникамъ и скажи имъ о Христовомъ рожденіи«. Этою водою всякій въ домѣ спѣшитъ умыться, считая это особенно полезнымъ. На этой же водѣ хозяйка мѣситъ »чесницу«.

Чесница—большая, сдобная, прѣсная лепешка, въ которую вездѣ запекаютъ маленькую монету, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланныя изъ дерева изображенія овецъ, ульевъ, воловъ, плуга и принадлежностей разныхъ ремеслъ; въ Босніи запекаютъ гвоздь отъ подковы, солому и сыръ, и за обѣдомъ, когда рѣжутъ чесницу, то по этимъ замѣткамъ гадаютъ кому въ чемъ будетъ счастье: кому достанется монета, будетъ торговецъ, кому гвоздь, будетъ счастливъ въ коняхъ, кому сыръ—будутъ овцы, кому солома—будетъ урожай. Замѣсивъ чесницу, хозяйка покрываетъ ее углями, кладя столько угольковъ, сколько есть въ хозяйствѣ посѣвовъ и разнаго рода имуществъ: уголь, покрывшійся гуще другихъ золою, предвѣщаетъ урожай соотвѣтствующаго ему посѣва.

Умывшись *Божичной водой*, съѣдаютъ для здоровья по нѣсколько почекъ *терна* и забусываютъ протертой

тыквой »чтобы толстѣть какъ тыква«, и все это запиваютъ *Божичной водой*.

Праздникъ Рождества Христова открывается приходомъ въ домъ *полажайника* или *полазника*. Такъ называется гость, который первый войдетъ на Рождество въ домъ; онъ приноситъ на весь годъ счастье или несчастье; въ однихъ мѣстностяхъ его приглашаютъ заранѣе, въ другихъ ежегодно приходитъ тотъ-же самый, большею частію родственникъ или сосѣдъ. Тамъ гдѣ полажайникъ назначенъ заранѣе, прежде его никто не смѣетъ войти въ домъ, и даже священникъ, приходящій съ крестомъ, останавливается и совершаетъ молебствіе внѣ дома.

Въ Герцеговинѣ полажайникъ приходитъ послѣ обѣда и, подходя къ дому, стрѣляетъ изъ ружья и кричитъ издалека: »Христосъ се роди«. Когда онъ входитъ въ домъ, всѣ должны встать и *мирбожиться*, т. е. цѣловаться говоря: »Мир Божи и Христос се роди, поклоняемо се светоме Христову Рожанству«; потомъ полажайникъ подвигаетъ головни бадняка къ огню, поливаетъ виномъ и подъ бадникъ кладетъ принесенное съ собой яблоко съ вдавленною въ него монетою. Въ Шумадіи (область Сербіи) обычаи нѣсколько иные. Входя въ домъ на зарѣ, полажайникъ говоритъ: »Христос се роди« и сыплетъ по дому зерномъ принесеннымъ въ рукавѣ; »ва истину се роди«, отвѣчаютъ ему хозяева и посыпаютъ его пшеницею; потомъ онъ подходитъ къ бадняку, ему выносятъ кочергу, спрятанную еще на Туцинъ день, и, ударяя ею при каждомъ словѣ по горящему полѣну, чтобы летѣли во всѣ стороны искры, полажайникъ говоритъ: »а бадняк, веселяк, въ добрый часъ, дай намъ Богъ столько (сколько искръ) здоровья, мира, урожая, приплода, веселья, дѣтей мальчиковъ и всякаго добраго счастія«; или: »столько коровъ, столько коней, столько козъ, столько овецъ, столько свиней,

столько ульевъ, столько счастья и успѣха«. Полажайникъ затѣмъ кладетъ въ пепелъ нѣсколько монетъ и садится на скамейку—спрятанную въ Туцинъ день и также впервые вынесенную для него; когда онъ хочетъ сѣсть, стараются выдернуть изъ-подъ него скамейку, чтобы онъ сѣлъ на полъ,—тогда насѣдки будутъ хорошо высиживать; иногда онъ привѣшиваетъ къ потолку свою *опанокъ* (обувь), желая, чтобы такой высоты уродилась конопля; женщины покрываютъ полазайника самымъ толстымъ одѣяломъ или попоною, чтобы густо собирались сливки. Послѣ этихъ обрядовъ полажайникъ разгавливается и идетъ домой, возвращаясь опять послѣ обѣда, и тогда его угощаютъ на славу, вѣря, что если онъ напьется пьянъ, то это принесетъ счастье дому; когда онъ уходитъ, ему дарятъ разукрашенный *колач*, мясо; всякая женщина по связкѣ льна, а взявшая деньги изъ подъ бадняка—варежки.

Послѣ обѣдни, которая бываетъ обыкновенно рано, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ священникъ, послѣ отпуста, говоритъ, обращаясь къ народу: »Христосъ се роди«, на что народъ отвѣчаетъ: »ва истину се роди«, какъ у насъ на свѣтлое Воскресеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доселѣ сохранился обычай по выходѣ изъ церкви *мирбожиться*, т. е. цѣловаться съ праздничнымъ привѣтомъ: »Христосъ се роди« и »ва истину се роди«, причемъ и враги мирятся и прощаютъ другъ друга.

Обѣдъ въ праздникъ Рождества, который бываетъ обыкновенно тотчасъ послѣ обѣдни, также соединяется съ особыми, имѣющими свое значеніе, обрядами. Столъ остается накрытымъ, какъ и на Бадній день, мѣшкомъ, подъ который кладется солома, на столѣ разставляютъ всѣ кушанья, а чесницу, о которой мы упоминали выше, рѣжутъ на куски по числу присутствующихъ; на столѣ непремѣнно долженъ быть *овечій сыръ*, которымъ обы-

кновенно и разгавливаются, съѣвъ прежде кусокъ принесенной изъ церкви просфоры. Когда все къ обѣду готово, берутъ прядь льна и два раза обмакиваютъ въ растопленный воскъ и рѣжутъ на куски; по одной такой *божичной свѣчѣ* даютъ каждому изъ домочадцевъ; потомъ дѣлаютъ выстрѣлъ, всѣ стаютъ, зажигаютъ свѣчи и начинаютъ молиться Богу; молитвы сходны съ тѣми, которыя произносятся въ сочельникъ. По окончаніи молитвъ, держа въ рукахъ свѣчи, всѣ по очереди *мирбожатся*; старшій доматинъ (хозяинъ) говоритъ: »Христосъ се роди«; »ва истину се роди« отвѣчаетъ ему тотъ, къ кому онъ обращается и оба трижды цѣлуются въ щеку, говоря вмѣстѣ: »Мир Божи и Христос се роди, покланяемо се светом Христову Рожанству«. Женщины кромѣ того цѣлуютъ мужчинамъ руку. Вообще до самаго Богоявленія всѣ встрѣчаясь привѣтствуютъ другъ друга словами: »Христос се роди!« Послѣ окончанія *мирбожанья* доматинъ собираетъ всѣ свѣчи въ одинъ пучокъ, обматываетъ краснымъ шелкомъ или шерстью и ставитъ на столъ въ чашку съ ячменемъ или пшеницей, гдѣ онѣ должны горѣть до конца обѣда; по тому, на какую сторону наклонится пепелъ свѣтиленъ, гадаютъ, что уродится, виноградъ, озимь или яровое; по тому, чья свѣча прежде угаснетъ, гадаютъ кто ранѣе умретъ; въ концѣ обѣда хозяинъ долженъ эти свѣчи *утъшить*, т. е. перекрестясь погасить кускомъ вырѣзаннымъ заранѣе изъ чесницы и обмакнутымъ въ вино; иногда ихъ засыпаютъ зерномъ, въ которомъ онѣ стояли. И свѣчи и зерно это хранятся въ домѣ весь годъ и имѣютъ особенныя цѣлебныя свойства.

Между кушаньями, подаваемыми за обѣдомъ, особенно важное значеніе имѣетъ *колач* или *пита* (у болгаръ)— пирогъ изъ пшеничнаго *квашенаго* теста, и затѣмъ *печеница*, жаркое изъ поросенка. Въ Сербіи *колач* дѣлается

съ изображеніемъ буквъ IC. XP. HI. KA., какъ у насъ на просфорахъ; около этихъ буквъ изображаются изъ тѣста четыре розы, четыре боченка для вина и кругомъ всего пирога кладется ободокъ изъ тѣста--*поясъ*. На этотъ пирогъ ставятся и зажигаются свѣчи; доматинъ, перекрестясь, кадитъ предъ каждымъ присутствующимъ и разламываетъ пирогъ при пѣніи стиховъ: »Исаія ликуй« и »Святіи мученицы«, а затѣмъ съ поцѣлуями и праздничными привѣтствіями раздѣляетъ половину пирога между всѣми присутствующими, а остальное хранится до новаго года.

Печеница, которую приготовляютъ наканунѣ съ разными начинками, служитъ предметомъ многихъ примѣтъ и гаданій. Такъ, въ Сербіи хозяинъ долженъ съѣсть верхъ языка, чтобы, когда будетъ судиться съ турками и другими врагами, языкъ былъ у него острый; онъ также долженъ съѣсть мозгъ, чтобы умъ былъ свѣтелъ, быстръ и открытъ на всякое доброе помышленіе противъ враговъ »честнаго креста и закона христіанскаго«. Жердью, на которой жарилась печеница, ударяютъ по плечамъ, чтобы не болѣли плечи; бечевку, которою была привязана печеница, кусаютъ, чтобы не было изжоги; сердце и внутренности печеницы также имѣетъ цѣлебныя свойства. Кость изъ горла печеницы сохраняется цѣлый годъ; у кого заболитъ горло, того поятъ чрезъ эту кость водою три раза говоря: »во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь«. Дѣвушки собираютъ послѣ обѣда кости изъ печеницы и разставляютъ на порогѣ столько костей, сколько въ домѣ или селѣ дѣвушекъ—невѣстъ; каждую кость обозначаютъ именемъ одной изъ нихъ, и которую кость возьметъ прежде собака, та дѣвушка первая выйдетъ замужъ.

Въ продолженіе обѣда пьютъ здравицы за общее счастіе, а также »во славу Божію«, въ честь св. Троицы,

праздника и т. п. и въ теченіи всего дня поютъ разныя праздничныя пѣсни. Пѣсни Бадняго дня и Божича, по свидѣтельству изслѣдователей, различаются у сербовъ— православныхъ и сербовъ—католиковъ, т. е. у хорватовъ и словинцевъ. Въ пѣсняхъ у сербовъ православныхъ первое мѣсто занимаетъ Божичъ, иногда солнце, Коледо, старый богъ; баднякъ, къ которому обращаются какъ къ святынѣ; о Христѣ упоминается рѣдко, о Богородицѣ еще рѣже. У сербовъ католиковъ, не смотря на то, что обряды и обычаи на Бадній день и на Рождество почти одинаковы съ соблюдаемыми у православныхъ, пѣсни вполнѣ проникнись разсказами о Рождествѣ Христовѣ и очень напоминаютъ бѣлорусскія каты въ этотъ праздникъ.

Болгарскіе обряды и обычаи Бадняго дня и Божича или »Коледы« (какъ этотъ праздникъ называется въ Болгаріи) разнятся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ описанныхъ нами обычаевъ сербскихъ; но при разностяхъ въ частностяхъ, они одни въ главныхъ чертахъ и въ основной идеѣ. Баднякъ и разнаго рода *Коляди* или, по болгарски, *пити*, играютъ и въ Болгаріи туже роль, какъ и въ Сербіи: и идея одна и та же: молитвою и обрядомъ испросить благословеніе Божіе, счастіе и успѣхи всѣмъ домочадцамъ и для всѣхъ отраслей хозяйства домовитаго славянина.

А. В—новъ

Похороны Іоакима II, патріарха константинопольскаго.

Съ 1853 года, со смерти патріарха Германа V, населеніе Константинополя не приходилось видѣть погребеніе вселенскаго патріарха. Это не значитъ, что съ того времени несмѣняемо правилъ константинопольскою паствою

одинъ и тотъ-же патріархъ, преемникъ Германа V-го. Много перебывало съ той поры патріарховъ на константинопольсбомъ престолѣ, и только Іоакимъ II умеръ, такъ сказать, на дѣйствительной службѣ. Вслѣдствіе этого погребеніе такого высокопоставленнаго лица, какъ патріархъ, было совершено съ подобающей церемоніальностію, и привлекло вниманіе всего Константинополя. Впрочемъ, не одно только праздное любопытство привлекло толпы народа на погребеніе патріарха: греческая паства по нравственной обязанности должна была оказать почести смертнымъ останкамъ своего пастыря—благодѣтеля[1]); правительство турецкое—за содѣйствія ему патріарха въ минуты трудныя... Наша цѣль—сообщить читателямъ о необыкновенно блистательномъ церемоніалѣ погребенія патріарха.

Святѣйшій патріархъ Іоакимъ II скончался, въ ночь съ 4 го на 5 е августа, на островѣ Халки, одномъ изъ семи Принцевыхъ острововъ. На слѣдующій день послѣ смерти бренные остатки патріарха были выставлены въ часовнѣ монастыря св. Троицы. Въ этотъ же день на пароходѣ адмиралтейства они были перевезены съ острова Халки въ Фанаръ. Когда пароходъ, везшій смертные остатки патріарха, проходилъ мимо англійской эскадры, стоящей въ видахъ Принцевыхъ острововъ,—послѣдняя отдала военные похоронныя почести при проходѣ траурнаго парохода. Высадившись на берегъ, погребальный кортежъ прошолъ въ каѳедральный соборъ святаго Георгія со всею религіозною пышностію. Въ этой церкви, знаменитой тѣмъ, что до сихъ поръ каѳедрой св. Іоанна Златоуста и колоной храма Соломонова, вдѣланной въ стѣну, и было поставлено набальзамированное тѣло патріарха.

---

[1]) Патр. Іоакимъ отказалъ свое состояніе (около 100 т. руб.) бѣднымъ людямъ и богоугоднымъ заведеніямъ своей епархіи.

Помѣщалось оно не въ гробѣ, а на патріаршемъ тронѣ, въ сидячемъ положеніи и во всемъ архіерейскомъ облаченіи. Къ этому нужно еще указать на ту особенность, что, согласно обычаю, лицо патріарха было открыто,—и длинная бѣлоснѣжная борода его спускалась на грудь. »Поразительное зрѣлище, говоритъ корреспондентъ Голоса, представлялъ этотъ почтенный старецъ, издали казавшійся живымъ и какъ бы готовившимся поднять руки для благословенія паствы! Діаконъ въ льняномъ облаченіи смахивалъ широкимъ вѣеромъ мухъ, жужжавшихъ вокругъ его блѣднаго лица. Коленопреклоненные священники читали у ногъ его молитвы. И, къ довершенію картины, турецкіе солдаты въ чалмахъ стояли на часахъ вокругъ катафалка, съ »ружьями на погребеніе и съ полумѣсяцемъ надъ знаменами«... Въ церкви святаго Георгія тѣло патріарха оставалось до слѣдующаго дня, воскресенія, когда должно было послѣдовать отпѣваніе. Церемонія отпѣванія и погребенія патріарха должна была происходить по особо составленной программѣ, и всѣ жители столицы были оповѣщены патріархатомъ, что отпѣваніе будетъ происходить въ воскресенье, въ 5 (12) часовъ по турецкому времени. Но »еще съ утра безчисленная толпа стала собираться въ Фанаръ. Селенія по Босфору и греческіе кварталы столицы опустѣли: всѣ стремились въ Фанаръ. Около четырехъ часовъ по турецкому времени, стеченіе народа въ Фанарѣ было такъ велико, что движеніе въ узкихъ улицахъ этой мѣстности стало почти не возможнымъ. Всѣ дома, окна, балконы, крыши и стѣна древней ограды была унизана зрителями«. Число присутствовавшихъ исчисляютъ въ 100,000 человѣкъ.

Какъ и было объявлено, отпѣваніе началось ровно въ 5 часовъ, и совершено было множествомъ митрополитовъ, архіепископовъ, архимандритовъ, священниковъ и

діаконовъ. Въ церкви толпа была такъ густа, что доступъ въ нее оказался совершенно невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, явившіяся отдать послѣднюю честь депутаціи различныхъ религіозныхъ общинъ столицы, послы нѣкоторыхъ государствъ, между которыми находился и князь Лобановъ-Ростовскій, а также многіе сановники турецкаго правительства не могли войти въ церковь; они оставались во всё время отпѣванія во дворѣ патріархата. Когда-же въ $5^1/_2$ часовъ двинулся погребальный кортежъ всѣ они приняли въ немъ участіе.

Шествіе открывалъ взводъ кавалеріи. Непосредственно за нимъ шли оркестръ военной музыки и баталіонъ пѣхоты съ опущенными ружьями. Вслѣдъ за ними шло духовенство съ пѣніемъ похоронныхъ молитвъ. Затѣмъ шли роты пѣхоты, взводъ жандармовъ и муниципальной стражи и непосредственно за ними греческое духовенство въ *черныхъ ризахъ*. Сенаторъ Антонуло-ефенди и депутатъ Суледесъ-ефенди несли на подушкахъ ордена покойнаго; непосредственно за ними на рукахъ несли престолъ, на которомъ находились останки патріарха. Престолъ окружали по преимуществу члены синода. Вслѣдъ за престоломъ слѣдовали два адъютанта султана и много другихъ сановниковъ. Весь этотъ кортежъ около часа двигался отъ церкви св. Георгія до пристани Фанара, у Золотого рога. Возлѣ этой пристани, четыре парохода со спущенными до половины мачтъ флагами ожидали похоронную процесію. Когда она подошла, пароходъ, доставившій останки изъ Халки, принялъ ихъ снова на себя и въ сопровожденіи трехъ другихъ пароходовъ, наполненныхъ народомъ, доставилъ останки въ церковь Исаматіи. Здѣсь, по обычаю, смертные останки патріарха были выставлены въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, чтобы доставить народу возможность преклонить передъ ними колѣна. Ночью останки святѣйшаго патріарха

Іоакима были отвезены въ послѣднее обиталище—въ Балукли, въ »святую церковь«, извѣстную чудомъ пріумноженія рыбъ и служащую теперь мѣстомъ погребенія константинопольскихъ патріарховъ.

Камни, падающіе съ неба.

Внегда же бѣжати имъ отъ лица сыновъ Израилевыхъ до восхода Ваворонска и Господь верже на ня каменіе великое града съ небесе, и бысть множае умершихъ отъ града каменна, и еже убіенныхъ отъ сыновъ Израилевыхъ мечомъ на брани (Іис. Нав. 10, 11).

Паденіе камней съ неба происходило и повторялось съ самой глубокой древности и играло очень важную роль въ преданіяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ лѣтописяхъ китайцевъ, индусовъ, грековъ и римлянъ засвидѣтельствованы случаи неоднократнаго паданія камней. Такъ у одного китайскаго лѣтописца, жившаго за 450 лѣтъ до Р. Х, записано и описано шестнадцать случаевъ каменнаго дождя. Поэзія грековъ также сохранила свидѣтельства о падающихъ камняхъ. Приводимъ для примѣра краткій отрывокъ изъ »Освобожденнаго Прометея«.

Что ты блуждаешь кругомъ, усталый бродя по дорогѣ,
Устлана мягкой землею она. Не найти тебѣ камня—
Высѣчь топоръ на врага. Но Зевесъ всемогущій
Мощную тучу нашлетъ и изъ тучи той черной
Каменный выпадетъ дождь и покроетъ валунами
землю...
Восточишь острый топоръ и пойдешь на Лигуровъ
ты смѣло.

Если мы покинемъ на время вѣчно голубое небо Греціи и перенесемся къ древнимъ сказаніямъ суроваго

скандинавскаго сѣвера, то найдемъ подобныя-же поэтическія изображенія. Раскроемъ Новую Эдду:

Путь луны свѣтозарный,
Богу Тору[1]) послушный,
Подъ его колесницей
Загремѣлъ громкимъ гуломъ...
Воздухъ пламенемъ рдѣетъ...
Небеса накалились...
И на томъ небосклонѣ
Шаръ сверкнулъ раскаленный
И луну—чародѣйку
Помрачилъ онъ величьемъ.
Вотъ онъ ближе и ближе;
Съ трескомъ, грому подобнымъ,
Лопнулъ шаръ свѣтозарный
И посыпались камни
Надъ пустынной землею...[2]).

Въ этомъ поэтическомъ разсказѣ невозможно не видѣть самаго точнаго описанія явленій паденія камней со всѣми сопровождающими ихъ свѣтовыми и звуковыми явленіями.

Древніе народы не только описывали паденіе камней, но даже часто пользовались этими камнями. Вотъ что говоритъ Дункеръ въ своей »Исторіи Греціи«:

»Намъ кажется, что самое вѣроятное объясненіе миѳологическаго разсказа, въ которомъ глава боговъ, желая помочь воину, посылаетъ ему стрѣлы, состоитъ въ томъ, что массы металла, упавшія изъ облаковъ при свѣтѣ молніи и раскатахъ грома употреблялись для изготовленія стрѣлъ. Миѳъ, представляющій намъ циклоновъ кующими

[1]) Торъ—богъ молніи.

[2]) Оба вышеприведенные поэтическіе отрывки переведены самимъ авторомъ статьи.

громъ, тоже указываетъ намъ на первобытное употребленіе метеорическаго желѣза; уже изъ того, что металлъ, падающій съ неба, неизбѣжно отождествляли съ молніей и считали произведеніемъ кузнечнаго искусства, не можетъ быть сомнѣнія, что знали о возможности ковать его; быть можетъ, эту басню сочинили кузнецы, обработывавшіе это падавшее съ неба желѣзо, и небесное происхожденіе перваго матеріала ихъ промышленности находилось въ связи съ священнымъ характеромъ, вообще приписываемомъ преданіями кузнецамъ, ковавшимъ желѣзо«.

Суевѣріе древнихъ людей сдѣлало нѣкоторые изъ упавшихъ камней предметомъ священнаго культа. Финикіане обожали одинъ изъ такихъ камней подъ именемъ Элагобала, Фригійцы—подъ именемъ Цибелы или матери боговъ; въ Ливіи покланялись камню Юпитера Аммона, который въ 104 году до Р. Х. былъ перенесенъ въ Римъ и сдѣлался предметомъ особаго почитанія. Другой камень, упавшій близь Дельфійскаго храма, считался брошеннымъ Сатурномъ, а камень, упавшій въ Македоніи въ Потидеи, былъ сочтенъ за хорошее предзнаменованіе, посему то мѣсто, гдѣ онъ упалъ, послужило къ основанію могущественной колоніи. Черный камень Каабы, столь священный для мусульманъ, считается упавшимъ съ неба.

Паденіе камней принадлежитъ вовсе не къ исключительнымъ явленіямъ: не проходило года, чтобы какой нибудь простолюдинъ не засвидѣтельствовалъ фактъ такого паденія. За историческое время Европа претерпѣла шесть колоссальныхъ каменныхъ дождей, причемъ въ 1511 г., около итальянскаго мѣстечка Крема, насчитано свыше 1200 отдѣльныхъ камней.

Не смотря на многочисленныя указанія, засвидѣтельствованныя часто знаменитыми людьми, ученыя до конца восемнадцатаго столѣтія отвергали паденіе камней съ неба

и во всѣхъ разсказахъ видѣли ясное доказательство легковѣрія черни. Знаменитый Лавуазье, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ конца восемнадцатаго столѣтія, иронически замѣтилъ, что онъ питаетъ мало уваженія »къ разсказамъ мужиковъ, занимавшихся собираніемъ жатвы«, а Де-Люгъ, женевскій ученый, открыто заявилъ, что онъ не повѣритъ даже тогда, когда камень упадетъ къ его собственнымъ ногамъ, ибо сочтетъ это дьявольскимъ наваожденіемъ. Лихтенбергъ, профессоръ въ Гёттингенѣ, читая книгу физика Хладни о падающихъ камняхъ, съострилъ, сказавъ, что подобная чепуха можетъ родиться только въ головѣ того, кого вѣроятно въ пьяномъ видѣ пришибли камнемъ по головѣ.

Такимъ образомъ ученые упорно отрицали фактъ паденія камней съ неба потому, что его наблюдали не ученые люди, а простые простолюдины. Въ 1802 году выпалъ каменный дождь и Пикте, знаменитый физикъ того времени, убѣдившійся въ дѣйствительности этого явленія, долженъ былъ запастись большею долею храбрости, чтобы говорить о падающихъ камняхъ передъ французской академіей наукъ, этимъ »первымъ въ мірѣ ученымъ обществомъ«, какъ называлъ ее самъ Пикте. Но никто не повѣрилъ Пикте, не смотря на его строгую авторитетность. Академія наукъ назвала все это »игрою воображенія«.

Однако строгій приговоръ академіи не помѣшалъ камнямъ падать и даже, какъ бы на зло этому приговору, камни продолжали падать все чаще и чаще. Англійскіе и нѣмецкіе ученые, убѣдившись во-очію въ справедливости факта, примкнули къ Пикте; одна только французская академія по прежнему упорствовала и отрицала фактъ паденія. Наконецъ въ 1803 году, какъ бы въ поученіе невѣрующихъ, выпали камни почти у самыхъ воротъ Парижа. Ученые академики должны были смириться, »по-

учиться отъ простонародья« (какъ остроумно о томъ выразился Bio), и самимъ »подержать въ рукахъ« тѣ самые камни, существованіе которыхъ они такъ упорно отрицали.

Съ этого времени всѣ признали, что на поверхность земли могутъ падать камни и куски желѣза. Но кто-же бросаетъ ихъ съ неба? Откуда они берутся? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ уклонимся нѣсколько въ сторону отъ нашего разсказа.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА,
подъ заглавіемъ:

„ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА“,

СОСТАВЛЕННОЕ

Ректоромъ Владимірской духовной семинаріи,

протоіереемъ

Михаиломъ Херасковымъ,

удостоенное преміи *(пятисотенной)* преосв. Макарія, и одобренное Святѣйшимъ Сунодомъ къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго руководства по Священному Писанію. Книга состоитъ изъ 31-го листа убористой печати, страницъ XXIV и 471.

Цѣна книги 1 руб. 80 коп. съ пересылкой.

Выписывающимъ не менѣе 50 экземпляровъ дѣлается уступка 10%.
Выписывающимъ не менѣе 100 экземпляровъ 20%.

Адресоваться съ требованіями исключительно *въ губ. гор. Владиміръ, на имя Ректора духовной семинаріи, протоіерея Михаила Хераскова.* 1—3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей« издается,—по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей тайнъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей. этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. На сколько добросовѣстно редакція журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1879 года. редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усердіемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклониться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ »Руководства для сельскихъ пастырей« *по прежнему* будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. Отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику, въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ.. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служитъ источникомъ свѣденій о жизни церкви и государства по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«: 1) общія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи; и наконецъ

3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, не возможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ поставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

»Руководство для сельскихъ пастырей« выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полтора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.*

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 и 1877 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы

можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Проспмъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ. 9 октября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 43. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Октября 22-го.

Содержаніе: Поученіе въ день Покрова Пресв. Богородицы.—Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауера, основателя современнаго философскаго пессимизма Ѳ. Ѳ. Гусева.—Протестантское ученіе ученіе объ ординаціи.—По вопросу о народномъ образованіи.—Физическое воспитаніе.—По вопросу объ исповѣди больныхъ.—Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

(Мѣстный храмовой праздникъ).

Благослови, Господи, день сей!

Что означаетъ, братіе, та особенная торжественность, которую вы нынѣ замѣчаете въ храмѣ? Посмотрите: какъ священнослужитель, такъ и предстоящіе—въ свѣтлыхъ, лучшихъ праздничныхъ одеждахъ, храмъ особенно убранъ и освѣщенъ, пѣніе—радостно-торжественное, собраніе молящихся—велико, между послѣдними вижу и нашихъ добрыхъ сосѣдей, пришедшихъ изъ окрестныхъ селъ,—что все это означаетъ? Большой праздникъ!—конечно, отвѣтите вы Да, великъ нынѣшній праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, какъ вообще всѣ праздники, учрежденные въ честь великой Заступницы христіанъ. *Днесь*,

какъ поется въ церковной пѣснѣ, *вси благовѣрніи людіе свѣтло празднуютъ*. Мы знаемъ, какъ горячо молится въ этотъ день вся православная Русь, особенно любящая и чтущая нынѣшнее празднество.

Вотъ и мы нынѣ собрались, чтобы почтить молитвою великій и святый день. Но, братіе, нынѣшній праздникъ, день Покрова Пресвятыя Богородицы, имѣетъ для насъ еще и мѣстное, особенно важное значеніе, для насъ—это праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ.

Извѣстно, что каждый храмъ освящается въ честь Господа, Богородицы или святаго, одного или нѣсколькихъ. Это тоже, что посвященіе каждаго изъ насъ, при крещеніи, покровительству избраннаго святаго, имя котораго мы носимъ. Нашъ храмъ посвященъ имени и покровительству Божіей Матери, и собственно освященъ въ честь нынѣшняго праздника Ея, т. е. Покрова Пресвятыя Богородицы. Значитъ, для нашего храма настоящій праздникъ—тоже, что день ангела или именинъ для каждаго изъ насъ. Отсюда, братіе, и поучимся надлежащему, достойному почитанію его, почитанію торжественнѣйшаго дня храма; пусть сама жизнь наша, съ нашими обычаями, скажетъ намъ, какъ достойнѣе чествовать сей день.

Какъ мы обыкновенно проводимъ и чѣмъ отличаемъ наши именинные дни?

Добрый христіанинъ прежде всего отправляется въ храмъ Божій и, въ молебномъ служеніи святому, имя котораго носитъ, проситъ заступничества: охраны среди житейскихъ бѣдъ и скорбей и умилостивительной его молитвы предъ Отцемъ Небеснымъ. Сдѣлаемъ же такъ, братіе, и въ нашъ храмовой день. Похвально и любезно усердіе, съ которымъ вы нынѣ собрались въ домъ Божій, будемъ-же усердны и въ самой молитвѣ. Литургійное богослуженіе окончено; помолимся теперь Вла-

дыцицѣ міра особеннымъ, Ей одной принадлежащимъ моленіемъ; станемъ молебствовать нашей Заступницѣ и Покровительницѣ. Но да не умалится ваше усердіе и на будущая грядущая лѣта; да не престанете всегда начинать этотъ день общею и усердною молитвою къ Божіей Матери, и тѣмъ достойно чтить святость его.

Помолясь, именинникъ-христіанинъ обыкновенно приводитъ себѣ на память, для наученія и подражанія, обстоятельства изъ жизни своего святого, или-же прочитываетъ его житіе. Дѣло благое и полезное! Худо, недостойно христіанина не знать житія того святого, имя котораго онъ носитъ. Но во много разъ хуже и непростительнѣе было-бы для насъ не знать исторіи того праздника, которому посвященъ нашъ храмъ. Поэтому сдѣлаемъ нынѣ то́, что дѣлаетъ каждый благочестивый именинникъ, припомнимъ: когда и по какому случаю установленъ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Въ настоящемъ случаѣ даетъ отвѣтъ и вмѣстѣ поучаетъ насъ то священное изображеніе, которое мы называемъ храмовою иконою.

Смотрите: сверху изображена женщина, которая какъ-бы покрываетъ краями своей одежды молящихся, изображенныхъ внизу. Это Матерь Божія, всегда покрывающая людей своею материнскою милостію и заступничествомъ предъ Ея Божественнымъ Сыномъ и нашимъ Спасителемъ Іисусомъ Христомъ. Но здѣсь, на иконѣ, изображенъ особенный случай Ея покровительства. Почти за тысячу лѣтъ до нашего времени, на греческое царство напали враги, народъ, который назывался Сарацинами. Много побѣдъ одержали они, прошли все царство и подходили уже къ самому большому, главному городу грековъ, Константинополю или Царьграду, который такъ названъ потому, что

основанъ первымъ христіанскимъ царемъ Константиномъ. Жители Царьграда были въ большой опасности. Какъ христіане, они поспѣшили собраться въ храмъ Божій, который точно также, какъ и нашъ храмъ, былъ посвященъ Богородицѣ, и начали усердно молиться и просить помощи у Милостивой Заступницы рода христіанскаго. Взгляните на нижнюю часть иконы, гдѣ изображено нѣсколько молящихся—это они, пораженные страхомъ и просящіе о помощи греки. Замѣчаете-ли между ними изображеніе человѣка, плохо одѣтаго, но особенно выдающагося, съ распростертыми руками и поднятою кверху головою, въ умиленіи взирающаго на то мѣсто, гдѣ изображена Матерь Божія? Это святой Андрей юродивый. Онъ былъ нищій, казался простымъ и неразумнымъ, а между тѣмъ велъ самую строгую, святую жизнь, безпрестанно молился и творилъ добрыя дѣла. Святый Андрей съ вѣрою молился о спасеніи города и всей страны, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ на воздухѣ, въ верху храма, Пречистую Дѣву, окруженную ангелами, пророками и апостолами. Она сама молилась, и омофоромъ, ризою своею, покрывала молившихся въ Ея храмѣ. »Видишь-ли братъ«, спросилъ св. Андрей своего ученика, »Царицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся о всемъ мірѣ?«—»Вижу«, отвѣчалъ тотъ, »вижу и ужасаюся«. Жители Царьграда, услышавъ о чудесномъ видѣніи двухъ святыхъ мужей, исполнились радости и надежды. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Сарацины были побѣждены. Для грековъ же день чуднаго избавленія отъ враговъ остался вѣчно-памятнымъ; они установили для этого дня, а именно для 1 октября, церковное празднованіе въ честь Небесной Покровительницы и назвали этотъ праздникъ: »Покровъ Пресвятыя Богородицы«. Вотъ откуда ведетъ свое начало и свое названіе нашъ настоящій праздникъ. Русскій народъ принялъ отъ грековъ

христіанскую вѣру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскіе праздники. Много бѣдъ испытала святая Русь отъ различныхъ враговъ своихъ, но во всѣ трудныя времена она видѣла ясныя знаменія покровительства Божіей Матери, а потому и настоящій праздникъ Покрова Богородицы, праздникъ греческій, она сдѣлала своимъ, сроднилась съ нимъ и, не менѣе другихъ православныхъ народовъ, усердно чтитъ его. Мы знаемъ, какое множество храмовъ въ нашемъ отечествѣ посвящено настоящему празднику и какая горячая молитва къ Небесной Покровительницѣ нынѣ льется по всей православной Россіи. Счастливы и мы, братіе, что нашъ храмъ посвященъ столь знаменательному празднику Божественной Покровительницы нашей. Отцы и матери! вспоминайте чаще исторію настоящаго праздника и просите Божію Матерь, чтобы въ трудныя минуты жизни вашей и дѣтей вашихъ Она не оставила васъ въ своихъ молитвахъ предъ своимъ возлюбленнымъ Сыномъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ; просите, чтобы Она не оставила васъ и дѣтей вашихъ Своею милостію и ходатайствомъ за васъ предъ престоломъ Всевышняго, подобно тому, какъ Она нѣкогда избавила отъ опасности грековъ, обратившихся къ Ней съ молитвою...

Но продолжимъ свое назидательное сравненіе празднованія настоящаго храмоваго дня съ обыкновеннымъ именинным нашимъ торжествомъ. Въ празднованіи именинныхъ дней, кромѣ указаннаго христіанскаго препровожденія времени, состоящаго въ молитвѣ, чтеніи житія святаго и благочестивыхъ размышленіяхъ, есть еще и житейская сторона, очень поучительная въ настоящемъ случаѣ.

Обыкновенно въ именинный день одѣваются въ лучшія одежды и приводятъ по возможности въ наилучшій видъ убранство дома. Будемъ и мы дѣлать тоже въ праздничественный день нашего храма. Наши одежды, убранство

храма, освѣщеніе, торжественное пѣніе—все свидѣтельствуетъ объ особенности праздника и о нашемъ желаніи почтить и отличить его. Но все-ли мы сдѣлали для достойнаго благолѣпія храма Божія? Думаемъ, что усердіе ваше найдетъ еще не мало потребностей. Да не оскудѣютъ же ваши жертвы и да украсится нашъ храмъ большимъ и большимъ благолѣпіемъ. Именинника посѣщаютъ родные и знакомые, поздравляютъ его, даютъ подарки; гостямъ же предлагается угощеніе. Обыкновенно считаютъ важнымъ нарушеніемъ добрыхъ отношеній къ человѣку, если въ день его именинъ къ нему не заходитъ кто-либо изъ родныхъ и пріятелей. Тоже, братіе, должно сказать и о христіанскомъ празднованіи храмоваго дня: плохой христіанинъ тотъ, кто даже въ такой день лѣнится придти въ храмъ Божій. Но какія поздравленія мы можемъ принести? Поздравленія обыкновенно выражаются привѣтливостію и благожеланіями. Какъ примѣнить это къ храму? Съ хорошимъ расположеніемъ, не тяготясь, приходи во храмъ; стоя на общественной молитвѣ, не лѣнись полагать на себѣ, съ должнымъ благоговѣніемъ, крестное знамя; не разговаривай, а будь внимателенъ къ тому, что читаютъ поютъ и проповѣдаютъ, до окончанія богослуженія не выходи изъ храма и не нарушай общаго благоговѣнія, а уходя, когда положено, благословись крестнымъ знаменіемъ и цѣлованіемъ праздничнаго образа—вотъ твоя, христіанинъ, истинная привѣтливость въ храмѣ Божіемъ, которая прилична и необходима всегда, а тѣмъ болѣе нынѣ, въ храмовой день.

А чего благожелать въ храмѣ? Того, для чего онъ назначенъ. Храмъ Божій есть домъ молитвы. Поэтому усерднѣе молись, христіанинъ, Покровительницѣ сего храма, молись о себѣ и о храмѣ семъ—о благосостояніи его, чтобы онъ, процвѣтая извнѣ, усердно наполнялся право-

вѣрующими и былъ бы, такимъ образомъ, не только домомъ Божіимъ, хранящимъ святая, но и церковію Божіею—собраніемъ вѣрующихъ. Принеси, наконецъ, жертву: духъ сокрушенъ и сердце сокрушенно—и трапеза храма всегда будетъ изобильно уготована для тебя.

Съ такими мыслями и расположеніями свѣтло да празднуемъ, братіе, мѣстный праздникъ нашъ, день нашего Покровскаго храма. Какъ священнослужитель сего храма, приношу вамъ, боголюбезное церковное собраніе, христіанское поздравленіе, выражая оное въ общей, вмѣстѣ съ вами, молитвенной пѣснѣ къ Матери Божіей. Преклонимъ предъ Ея пречестнымъ образомъ наши колѣна и сердца и благоговѣйно помолимся нашей усердной Заступницѣ и Покровительницѣ. »Днесь благовѣрніи людіе свѣтло празднуемъ, осѣняеми Твоимъ, Богомати, пришествіемъ, и къ Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголемъ: покрый насъ честнымъ Твоимъ покровомъ, и избави насъ отъ всякаго зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша«. Аминь.

Священникъ *Ю. Татаровъ.*

Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауера, основателя современнаго философскаго пессимизма Θ. Θ. Гусева [1]).

(Библіографическій обзоръ).

Разсмотрѣвши аскетизмъ и мученичество, эти два высочайшіе и величайшіе феномена христ. жизни, въ которыхъ найполнѣйшимъ образомъ выразился основной характеръ христіанства и нашедши, что въ основѣ ихъ

[1]) См. № 42.

отнюдь не лежитъ презрѣніе и отвращеніе ко всей и всякой жизни по принципу индивидуализма, авторъ выводитъ отсюда положительную несправедливость того мнѣнія Шопенгауера, будто основной характеръ его философіи тождественъ христіанству. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ христіанство заключало въ себѣ духъ отрицанія и убійства всей и всякой жизни, еслибъ побуждало человѣка къ освобожденію отъ своего индивидуальнаго бытія, то такого рода настроеніе весьма замѣтно должно было обнаружиться въ аскетизмѣ и мученичествѣ. Но эти явленія, какъ показано, выражаютъ стремленіе къ жизни,—только небесной и вѣчной, въ которой аскеты и мученики чаяли болѣе свѣта и простора для своего духа, къ жизни чуждой плотскихъ стремленій и наклонностей, вообще всего земнаго и чувственнаго.

Въ заключеніе своего критическаго разбора пессимистической философіи Шопенгауера авторъ дѣлаетъ общій взглядъ на христіанство со стороны его отношенія къ жизни человѣческой и доказываетъ, что по существу своему оно есть самый ободряющій и утѣшительный оптимизмъ, и что въ немъ есть глубокое отвращеніе только въ отношеніи ко грѣху и пороку, живущему въ мірѣ, а отнюдь не къ самому міру съ его бытіемъ и жизнію; людскія страсти, испорченность и растлѣніе, вообще зло нравственное презираетъ и осуждаетъ оно, но не самую жизнь, какова она должна быть по идеѣ Создавшаго её. Что ко злу и грѣху, особенно ожесточенному и неисправимому, христіанство дѣйствительно относится съ величайшею строгостію и глубокимъ отвращеніемъ, это видно изъ многочисленныхъ словъ и рѣчей Іисуса Христа, съ которыми онъ обращался къ жестоковыйнымъ и лицемѣрнымъ своимъ современникамъ.

Такъ Онъ говорилъ: »горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красными, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты« (Мѳ. 23, 27). Нравственное состояніе современнаго человѣчества, особенно іудейскаго народа, представлялось Іисусу Христу, какъ состояніе глубокой порчи и ожесточеннаго зла и грѣха. Онъ называетъ фарисеевъ и книжниковъ родомъ лукавымъ и прелюбодѣйнымъ (Мѳ. 12, 39). Это нравственное растлѣніе и огрубеніе было свойственно не отдѣльному только кружку или классу современнаго Іисусу Христу общества, но оно составляло преобладающій характеръ современной жизни и принадлежало большинству. Это съ полною ясностію и несомнѣнностію видно изъ того, что когда нѣкоторые сообщили Іисусу Христу о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ, Онъ отвѣчалъ: »думаете-ли вы, что сіи Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Или, думаете-ли, что тѣ осьмнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силомская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ?! Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете« (Лук. 13, 2, 4—5). Вслѣдствіе такой преобладающей и господствующей нравственной порчи людей, Іисусъ Христосъ часто и настойчиво призываетъ ихъ къ покаянію (Мѳ. 4, 17), говоритъ о близости кончины міра и суда и показываетъ признаки и обстоятельства, которыя имѣютъ непосредственно предшествовать и сопровождать кончину міра. И все это Онъ изображаетъ въ самыхъ сильныхъ образахъ, могущественно дѣйствующихъ на сердце и воображеніе (Мѳ. гл. 24, 2—51; ср. Марк. 13, 24—25). Такимъ образомъ, Іисусъ Христосъ дѣйствительно относился съ строгостію къ нравственному состоянію современнаго общества, особенно іудей-

скаго, и въ весьма сильныхъ и мрачныхъ образахъ изображалъ его нравственное растлѣніе и огрубѣніе. Но считая современное іудейское общество полнымъ нравственнаго растлѣнія и огрубѣнія и дѣлая его предметомъ строгаго упрека и осужденія, Іисусъ Христосъ не считалъ однако все человѣчество, и даже современное, испорченнымъ безповоротно, неисправимо и достойнымъ лишь гибели и вѣчнаго наказанія. Нѣтъ, самая проповѣдь Его о покаяніи и Его призывъ къ исканію царствія Божія были-бы излишни, если-бы Онъ все человѣчество и всякаго человѣка считалъ сполна испорченнымъ и неспособнымъ къ нравственному возрожденію и обновленію. Вѣра Іисуса Христа въ способность человѣчества къ нравственному возрожденію и обновленію выразилась въ Его словахъ: »царствіе Божіе внутрь васъ«, сказанныхъ въ отвѣтъ на вопросъ фарисеевъ о времени пришествія царствія Божія (Лук. 17, 20—21). Изъ этихъ словъ видно, что Іисусъ Христосъ допускалъ нѣкоторое предвнушеніе царствія Божія, имѣющаго сполна раскрыться только въ будущей жизни, уже здѣсь на землѣ, во внутреннихъ чувствованіяхъ и нравственномъ настроеніи здѣшняго, земнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы Іисусъ Христосъ относился пессимистически къ нравственной природѣ и нравственнымъ задаткамъ всего земнаго человѣчества и всякаго человѣка, то могъ-ли бы Онъ говорить къ людямъ: »царствіе Божіе внутрь васъ« и могъ-ли бы постоянно и настойчиво призывать къ *исканію этого царствія прежде всего* (Мѳ. 6, 33)? Съ другой стороны, изъ устъ Іисуса Христа далеко не всегда и не всюду слышались суровыя и жесткія рѣчи, обличающія въ лицемѣріи, жестоковыйности и нравственномъ злѣ вообще; на

ряду съ этимъ, и даже чаще и болѣе, слышались слова, полныя любви, сочувствія, утѣшенія и надежды на обновленіе человѣка и на достиженіе имъ царствія Божія. Не одобряющій-ли оптимизмъ слышенъ въ словахъ Іисуса Христа: »пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко« (Мѳ. 11, 28—30)? Тотъ-же оптимизмъ слышенъ и въ словахъ Іисуса Христа: »блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны алчущіе, ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю и т. д. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ« (Мѳ. 5, 3—12).

Но говоря объ оптимизмѣ христіанства, авторъ не соглашается съ тѣми моралистами, которые оптимистическому отношенію христіанской религіи къ земной жизни приписываютъ евдемонистическій оттѣнокъ, т. е. которые говорятъ, будто христіанская религія съ одной стороны освящаетъ всѣ удовольствія и радости человѣка на землѣ, а съ другой стороны сама приводитъ къ счастію и пріятности земной жизни. Нѣтъ, христіанство, говоритъ авторъ, есть воодушевленный, энергическій и настойчивый призывъ къ самоотверженію, къ борьбѣ духа съ плотію, къ исканію царствія Божія *прежде всего*, къ крестному и тѣсному пути добродѣтели, къ труду, къ *перевѣсу* духа и даже нѣкоторому одухотворенію. Оно призываетъ человѣка не къ жизни вольной, веселой и широкой, но къ взятію и несенію креста, къ самоотверженію, къ борьбѣ, и не эпикурейскія радости и пріятности предвѣщаетъ оно своимъ послѣдователямъ, но часто скорбь и печаль. Этотъ общій

характеръ христіанства и его отношенія къ земной жизни своихъ послѣдователей ясно открывается изъ слѣдующихъ словъ Іисуса Христа, сказанныхъ въ различное время и по различному поводу: »если кто хочетъ идти за мною; отвергнися себя и возми крестъ свой, и слѣдуй за мною« (Мѳ. 16, 24). »Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ я пришелъ принести, но мечь« (Мѳ. 10, 34). Посылая своихъ учениковъ въ міръ на проповѣдь, Онъ предвѣщаетъ имъ не изобиліе пріятностей и удовольствій жизни, но ненависть со стороны всѣхъ и потому Онъ призываетъ ихъ только къ *терпѣнію до конца* (Мѳ. 10. 22). Что же касается земныхъ удовольствій, увеселеній и развлеченій человѣка, то христіанство если не безусловно ихъ отвергаетъ, то по крайней мѣрѣ нигдѣ не выражаетъ къ нимъ *прямаго и положительнаго* сочувствія, тѣмъ болѣе не *освящаетъ* ихъ. Оно просто игнорируетъ ихъ и потому отношеніе христіанства къ земнымъ удовольствіямъ, радостямъ и развлеченіямъ человѣка можетъ быть приблизительно уяснено лишь посредственнымъ и выводнымъ путемъ, а не путемъ прямаго и положительнаго свидѣтельства. Этотъ посредственный или выводной путь долженъ имѣть точкою отправленія общую идею христіанства и его основное требованіе: »ищите царствія Божія *прежде всего*«. Но съ этой точки зрѣнія едва-ли можно придти къ мнѣнію, что христіанство освящаетъ всѣ удовольствія и наслажденіе человѣка и даже предоставляетъ человѣку широкую свободу пользоваться всѣми возможными удовольствіями и наслажденіями жизни. Такое отношеніе христіанской религіи къ наслажденіямъ и удовольствіямъ человѣка было-бы даже нѣкоторымъ противорѣчіемъ своему общему характеру. Съ одной стороны, изъ жизни св. подвижниковъ и другихъ св. Божіихъ, наиболѣе воплотившихъ въ себѣ общій духъ христіанства и наибо-

лѣе преданныхъ исканію царствія Божія и идеѣ вѣчной жизни, мы можемъ ясно видѣть, что живое воодушевленіе идеями и требованіями христіанства, живая преданность Іисусу Христу и стремленіе къ царствію Божію само собою и психически необходимо приводитъ къ полному охлажденію ко всѣмъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, носящимъ на себѣ чувственный характеръ и разсѣевающимъ сердце и умъ человѣка. Вся радость, обѣщаемая и освящаемая непосредственно христіанствомъ, заключается въ радости и блаженствѣ предвкушенія и предощущенія въ себѣ царствія Божія, когда послѣднее не есть только предметъ отвлеченнаго представленія, а—нѣкоторый субъективный фактъ, нѣкоторое явленіе собственной, религіозно-нравственной жизни. Вотъ что собственно христіанство прямо и непосредственно возвѣщаетъ и обѣщаетъ каждому своему истинному послѣдователю.

Авторъ, наконецъ, соглашается съ Шопенгауеромъ относительно того его мнѣнія, представляемаго имъ въ доказательство тожества основнаго характера христіанства съ духомъ его пессимистической философіи,—что христіанство заключаетъ въ себѣ основу для аскетическаго направленія. Такую основу представляетъ прежде всего заповѣдь: любите Бога паче всего, и затѣмъ призывъ Спасителя—искать царствія Божія *прежде всего*. Поставляя главнѣйшею цѣлію и задачею человѣка исканіе царствія Божія, Іисусъ Христосъ постоянно и настойчиво убѣждалъ не привязываться къ чувственному и не заботиться много о тѣлесномъ. Онъ говорилъ: »старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную, которую даетъ вамъ Сынъ человѣческій (Іоан. 6, 27). Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и

крадутъ, но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше« (Мѳ. 6, 19—20). Эта проповѣдь объ исканіи царствія Божія прежде и болѣе всего и непривязанности къ земному и чувственному, падая на нѣкоторыя, особенно · воспріимчивыя сердца, естественно могла возбудить въ нихъ жажду духовной жизни и небеснаго царствія Божія до совершеннаго и полнаго охлажденія ко всему земному. Въ этихъ людяхъ, глубоко уязвленныхъ любовію къ Богу и царствію Божію, все вниманіе и чувство отдавалось безраздѣльно и всецѣло небесному, *духовному*, по слову Спасителя: »гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше«. Так. образомъ въ христіанской религіи дѣйствительно заключаются основы для аскетизма. Но во первыхъ, въ основѣ христіанскаго аскетизма лежитъ не отвращеніе ко всей и всякой жизни, но живое ожиданіе небеснаго блага и всецѣлая преданность идеи небеснаго царствія. Съ другой стороны, въ христіанской религіи, на ряду съ элементами, обусловливающими аскетическое отшельничество отъ міра, существуютъ элементы, призывающіе къ практически-дѣятельной жизни въ пользу людей и *среди* людей. Вслѣдъ за заповѣдью: »люби Бога паче всего«, стоитъ заповѣдь: »люби ближняго какъ самого себя« (Мѳ. 2 2, 3 7—39). Любовь же и притомъ любовь самоотверженную заповѣдывалъ Спаситель и ученикамъ своимъ въ Своей прощальной бесѣдѣ съ ними. Онъ говорилъ имъ: »заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою« (Іоанн. 13, 34—

35). И далѣе: »сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ« (Іоан. 15, 12—13). Изъ этихъ словъ Іисуса Христа видно, что взаимная и самоотверженная любовь между людьми считается даже признакомъ дѣйствительной принадлежности человѣка къ христіанству. Такъ. образомъ христіанство заключаетъ въ себѣ два основныхъ элемента: одинъ изъ нихъ, получившій величайшее напряженіе и преобладаніе въ какомъ-либо субъектѣ, можетъ приводить къ аскетическо-отшельнической жизни, но только отнюдь не въ духѣ шопенгауеровскаго аскета; другой элементъ, получивши господствующую силу въ душѣ человѣка, побуждаетъ его къ самоотверженной, дѣятельной жизни для людей и среди людей. Но эти два элемента могутъ такъ сочетаваться въ душѣ человѣка и получать въ ней такую равномѣрность своего напряженія, хотя-бы и относительную, что человѣкъ удовлетворяетъ своему чувству любви къ Богу и среди міра—въ формѣ непосредственной практической дѣятельности для ближнихъ. Это тотъ именно средній путь, о которомъ говоритъ Григорій Назіанзинъ и который онъ выбралъ впослѣдствіи для себя самаго. Этимъ среднимъ путемъ идетъ и пойдетъ большая часть человѣчества; аскеты—отшельники составляютъ исключеніе и относятся къ рѣдкимъ чрезвычайнымъ натурамъ, являющимся только какъ-бы для возбужденія и усиленія напряженія религіозно-нравственныхъ интересовъ въ человѣчествѣ.

И. Б.

Протестанское ученіе объ ординаціи[1]).

Какъ протестанты противорѣчатъ самимъ себѣ въ ученіи объ ординаціи, это ясно видно еще изъ самаго обряда ординаціи. Наиболѣе ходячій у нихъ аргументъ несуществованія особаго богоучрежденнаго званія вѣрующихъ въ церкви тотъ, что оно не установлено основателемъ новозавѣтной церкви Іисусъ Христомъ. Но молитвы изъ которыхъ слагается обрядъ ординацій опровергаютъ этотъ аргументъ. Особенно рѣчь, которую въ агендахъ прусскихъ и гессенскихъ положено произносить ординатору, обращаясь къ посвящаемому при совершеніи надъ нимъ ординаціи, направлена прямо къ отверженію этого. Она въ этихъ агендахъ читается слѣдующимъ образомъ: »нашъ Господь Іисусъ, послѣ своего воскресенія, сказалъ ученикамъ: миръ вамъ! Яко-же посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ: дуну и глагола имъ: пріимите Духа Св., Имъ-же отпустите грѣхи и т. д. Послѣ того, какъ Господь вознесся на небеса, да исполнитъ всяческая, Онъ оставилъ по Себѣ овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова (Еф. IV, II—12). Отъ Самаго Господа, такимъ образомъ, установлено званіе, которое проповѣдуетъ спасеніе, званіе духовное, дѣйствующее праведно, спасительно и свято. Это не такое служеніе новаго завѣта, которое было-бы дѣйственно само по себѣ, но оно дѣйственно отъ Бога. Служащіе въ этомъ званіи—посланники Христа, Богъ дѣйствуетъ въ нихъ, они носятъ на себѣ званіе Божіе«[2]). Эта рѣчь до наглядности ясно показываетъ, какъ велико противорѣчіе протестантовъ своимъ принципамъ. Для нихъ въ сферѣ ре-

[1]) См. № 25.

[2]) Православн. Обозрѣн. 1866 г. Іюль. „О лютеранскомъ Богослуженіи“.

лигіозной возможно одно и тоже и отрицать и утверждать и при томъ то и другое дѣлать одновременно, какъ и въ данномъ случаѣ они дозволяютъ себѣ, то отрицать установленіе въ христіанской церкви особаго званія людей для служенія Богу, то утверждать, что »отъ самаго Господа установлено званіе, которое проповѣдуетъ спасеніе, званіе духовное, дѣйствующее праведно, спасительно, свято, которое дѣйственно не само по себѣ, но дѣйственно отъ Бога«.

Бёмеръ[3]) осуждаетъ протестантовъ за непослѣдовательность самимъ себѣ въ ученіи объ ординаціи, и замѣчаетъ въ немъ также слѣды католическаго воззрѣнія на ординацію. Онъ обращаетъ вниманіе на слѣдующее: протестанты, предоставляя право совершенія ординаціи епископу или суперъинтенденту, требуютъ, чтобы она совершалась во владѣніи епископа, а не въ церкви того общества, на служеніе которому призывается извѣстное духовное лице, что требуется цѣлію,—какую протестанты полагаютъ для ординаціи—рекомендовать посредствомъ нея извѣстное духовное лице тому обществу, въ церкви котораго оно будетъ служить. Неповтореніе въ нѣкоторыхъ протестантскихъ церквахъ ординацій въ томъ случаѣ, когда пасторы ихъ переходятъ съ своего мѣста на другое, Бёмеръ считаетъ тоже за возвращеніе назадъ, т. е. къ католическимъ понятіямъ. Дѣйствительно, никакъ нельзя объяснить неповтореніе ординаціи въ упомянутомъ случаѣ съ точки зрѣнія самыхъ протестантовъ на ординацію, т. е. какъ на доказательство избранія для служенія въ какой-нибудь извѣстной церкви, съ цѣлію представить избраннаго членамъ той церкви, чтобы они знали его и чтобы чрезъ это устранить всякую возможность для неизбранныхъ похищать себѣ права духовнаго сана помимо всякаго избранія Конечно, какъ нибудь иначе смотрятъ на

[3]) Herzog R. X. Ordination.

ординацію тѣ протестанты, которые не повторяютъ ординацію при переходѣ пастора изъ одного прихода въ другой, имъ Бёмеръ и усвояетъ католическое воззрѣніе на ординацію. Замѣчательно также то обстоятельство, что нѣкоторые изъ протестантскихъ церквей, повторяя ординацію, стараются при этомъ отличить вторичный актъ совершенія ординаціи отъ первичнаго. Такъ въ гессенскихъ агендахъ существуетъ особая форма ординаціи на тотъ случай, когда пасторъ изъ одного прихода выходитъ въ другой. Въ нихъ къ обыкновенной ординаціи присоединяется положенная на этотъ разъ особая молитва, а затѣмъ читается еще молитва Господня, но возложенія рукъ, неизвѣстно почему, не бываетъ. Зачѣмъ устранять возложеніе рукъ при повтореніи ординаціи, если съ этимъ возложеніемъ рукъ протестанты не соединяютъ ничего особеннаго?

У протестантовъ существуютъ правила относительно того, кто можетъ быть посвященъ въ пасторы. Эти правила заимствованы ими изъ католическаго церковнаго права, въ которомъ они довольно многосложны, протестантами же удержана только часть ихъ. Абсолютно требуется отъ того, кто вступаетъ въ протестантскіе пасторы, чтобы онъ былъ крещенъ и былъ-бы мужскаго рода. Протестанты требуютъ также отъ лица претендующаго на духовный санъ, чтобы этотъ претендентъ имѣлъ образовательный цензъ, соотвѣтствующій его служенію и выдержалъ бы экзаменъ по своей спеціальности; имѣлъ-бы также законное совершеннолѣтіе; былъ-бы свободенъ отъ недостатковъ неизвинительныхъ въ духовномъ лицѣ, и наконецъ долженъ предъ совершеніемъ надъ нимъ ординаціи засвидѣтельствовать посредствомъ клятвы и обѣщанія свое согласіе съ тѣмъ образцемъ исповѣданія, какой существуетъ въ той церкви, въ которую онъ вступаетъ на должность пастора. Сказавъ о томъ, надъ кѣмъ можетъ быть совершена ординація, слѣдуетъ сказать и о

томъ, кто, по ученію протестантовъ, имѣетъ право совершать ординацію. По свидѣтельству св. Писанія, апостолы рукополагали служителей церкви и предоставили такое право рукоположенія епископамъ. Апостолы сами рукополагали въ санъ епископа (2 Тим. 1, 6), пресвитера (Дѣян. XIV, 22 23), діакона (—17, 6). Предоставили тоже совершать епископамъ (1 Тим. 1, 5. V, 22). Церковь не знала и не признавала другаго рукоположенія кромѣ епископскаго. Протестанты совершенно измѣнили это и у нихъ нѣтъ епископскаго рукоположенія, сохранившагося по преемству отъ апостоловъ. Это произошло такимъ образомъ. Ведя полемику съ деспотизмомъ римскихъ папъ, протестанты, подъ вліяніемъ своего страстнаго отношенія къ нимъ, сочли должнымъ, уничтоживъ папскій деспотизмъ, для искорененія всякихъ слѣдовъ его установить полное равенство всѣхъ лицъ духовнаго сана. Т. е. при этомъ протестанты какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ рѣшились вмѣсто одной крайности допустить другую, прямо противоположную. Слѣдствіемъ этой рѣшимости было то, что они отвергли всякое различіе въ степеняхъ церковной іерархіи. Они утверждаютъ, что въ св. Писаніи епископъ и пресвитеръ представляются совершенно равными, будто-бы одни и тѣже лица безразлично называются и пресвитерами и епископами, такъ что съ именемъ пресвитера всегда соединяется понятіе о епископствѣ. Не отрицая того, что имена »епископъ«, »пресвитеръ« при первоначальномъ образованіи церкви употреблялись безъ строгаго разграниченія, требуемаго обозначаемыми ими степенями, но кажущееся смѣшеніе именъ отнюдь не выражало, будто и самые степени были тожественны и не были различаемы. Безразличіе въ употребленіи терминовъ въ данномъ случаѣ происходило отъ того, что самые термины еще не опредѣлились по новости предмета. Это довольно обычное явленіе и въ общежитіи, что какіе-либо новые предметы смѣшива-

ются по названіямъ до тѣхъ поръ, пока люди не согласятся наконецъ, какимъ словомъ назвать какой именно предметъ. Такъ когда въ извѣстномъ обществѣ являются новыя понятія о жизни, и вслѣдствіе этого устанавливаются новыя отношенія между членами того общества, само собою понятно, что при этомъ должны образоваться и новыя названія, соотвѣтствующія различнымъ отношеніямъ, которыя вырабатываются постепенно, по мѣрѣ развитія общественной жизни. Подобное же было въ церкви христіанской, явившейся на землѣ съ новыми званіями въ качествѣ новаго общества, имѣющаго свои новыя понятія, свои учрежденія, свое управленіе, для означенія которыхъ требовалось образованіе новыхъ словъ, или же соединеніе съ старыми словами новыхъ понятій. Если такимъ образомъ въ церкви двѣ степени іерархическія: пресвитера и епископа въ началѣ иногда смѣшивались по названіямъ; то это не иначе должно быть объясняемо, какъ новостію предмета, неопредѣленностію терминологіи, а не тожественностію степени епископа и пресвитера, такъ какъ та и другая существовали раздѣльно, каждая съ сохраненіемъ присвоенныхъ ей правъ, что подтверждается практикою церкви и всей патрологической литературой. Твореніями только блаж. Іеронима протестанты хотятъ защитить себя въ своемъ неправомысліи, находя въ нихъ мнѣніе о тожествѣ епископскаго сана съ пресвитерскимъ въ началѣ существованія церкви до появленія Коринѳскаго раскола, послѣ котораго будто только и установлено было епископство. Блаженный Іеронимъ съ этимъ своимъ мнѣніемъ совершенно одинокъ, вся отеческая письменность и исторія церкви противъ него. Такому мнѣнію и самъ блаж. Іеронимъ въ другихъ мѣстахъ противорѣчитъ. Ему принадлежатъ напр. слѣдующія слова: »у насъ епископы занимаютъ мѣсто апостоловъ, а священники занимаютъ въ церковномъ достоинствѣ вторую степень«. Что въ храмѣ были Ааронъ и сыновья

его и левиты, то въ церкви сохраняютъ у себя епископы, пресвитеры и діаконы« [1]).

Самый способъ образованія епископской власти протестанты объясняютъ различно. Зигель объясняетъ слѣдующимъ образомъ: въ каждой церкви, для завѣдыванія и управленія дѣлами ея, существовалъ совѣтъ старцевъ или пресвитерство (πρεσβυτηριον). Особенныя какія-нибудь обстоятельства въ церкви побудили облечь властію одного изъ членовъ этого совѣта властію сначала надъ прочими только сотоварищами, а потомъ и надъ всею церковію, и этимъ путемъ могла произойти въ церкви власть епископская съ извѣстными правами, исключительно ей усвоенными. Неандеръ и Хеминцъ тѣми обстоятельствами, которыя вызвали учрежденіе епископской власти въ церкви, считаютъ бѣдствія церкви внутреннія и внѣшнія, которыя вызывали на борьбу, а въ этой то борьбѣ, говорятъ они, драгоцѣнна была для церкви власть одного мудраго, благочестиваго мужа. Всѣ эти предположенія протестантовъ, ни на чемъ не обоснованныя, направляются къ тому, чтобы оправдать *свое отрицаніе* необходимости епископскаго рукоположенія для совершенія ординаціи, дозволяя ее совершать лицамъ равнымъ съ посвящаемыми или даже низшимъ, извращая тѣмъ то, что сказалъ Духъ Божій устами апостола: *безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. VII, 7). Но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, протестантамъ примѣръ поданъ былъ, по словамъ Хомякова [2]), романизмомъ. Всѣ епископы, по ученію церкви, одинаково равны между собою по своимъ церковнымъ правамъ. Въ католичествѣ же папа или римскій епископъ неизмѣримо возвышается надъ всѣми остальными епископами не только почетнымъ отличіемъ, чѣмъ могутъ они разниться между

[1]) Прав. Собесѣд. 1868, часть 3, стр. 189.

[2]) Богословскія сочиненія Хомякова стр. 122.

собою, но свойствомъ болѣе существеннымъ и таинственнымъ, именно прерогативой непогрѣшимости, вслѣдствіе чего всѣ остальные католическіе епископы неизмѣримо стоятъ въ правахъ своихъ ниже папы, а между тѣмъ они посвящаютъ его. Такимъ образомъ въ католической церкви низшіе благословляютъ высшаго—церковный порядокъ тѣмъ самымъ извращенъ и протестанты вполнѣ оправданы.

Но на практикѣ у протестантовъ можно усматривать противорѣчіе и въ этомъ отношеніи. Они какъ будто хотятъ хоть сколько нибудь исполнить апостольское правило—благословляемый отъ большаго благословляется, когда требуютъ, чтобы ординаторъ или совершитель ординаціи былъ суперъинтендентъ. »Лютеръ, говоритъ Новиковъ, принимаетъ нѣкоторымъ образомъ епископское рукоположеніе, потому что въ обрядѣ поставленія проповѣдниковъ, имъ сочиненномъ, возложеніе рукъ на главу избираемаго совершается суперъинтендентомъ, вмѣстѣ съ молитвою о нисхожденіи Духа Святаго«[1]). Въ двухъ протестантскихъ странахъ, Швеціи и Даніи, существуетъ должность епископовъ и для посвященія ихъ въ агендахъ прусскихъ и гессенскихъ есть особаго рода ординація, которая впрочемъ отличается отъ ординаціи назначенной для обыкновенныхъ пасторовъ только большею торжественностію.

Такимъ образомъ протестантство, отвергнувъ богоучрежденное священство, явилось съ своимъ собственнымъ, имъ измышленнымъ священствомъ. Протестантство, будучи укоряемо за это отрицаніе законнаго священства, старается иногда оправдать себя при этомъ тѣми злоупотребленіями, какія дѣлали іерархическія лица въ католичествѣ, но это не можетъ служить къ его оправданію. Во время земной жизни Спасителя священно-начальниками іудейскими были

[1]) Гусъ и Лютеръ II часть, стр. 199.

люди недостойные и неправые (Мѳ. XXIII, 3—8, 13—33), а при жизни св. апоснола Павла, послѣ распятія Господня, они сдѣлались святотатцами, нечестивыми и жестоковыйными, уже нисколько не удерживали священнической чести и важности, тѣмъ не менѣе однако и Спаситель и апостолъ признавали достоинство сана, носимаго этими лицами (Мѳ. XXIII, 3. Дѣян. XXIII, 4). Протестанты, отвергая богоучрежденное священство, повторяютъ въ христіанской церкви тотъ противозаконный фактъ, который совершенъ былъ въ ветхозавѣтной церкви Кореемъ, Даѳаномъ и Авиропомъ (Числ. XVI гл). Оба эти факты аналогичны, такъ какъ тотъ и другой произведены возмутителями церковнаго порядка, возставшими противъ одного и того-же учрежденія, именно: законнаго священства. Протестанты, позволивъ себѣ сдѣлать это отрицаніе, совершили великій проступокъ; ибо, по слову апостола, *прелагаему священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ* (Евр. VII, 12). И слова апостола осуществились въ протестантствѣ. Протестанты вслѣдствіе перемѣны богоучрежденнаго священства, оставьше заповѣдь Божію, держатъ преданія человѣческая (Мрк. VII, 8). Вмѣсто той реакціи, какую предполагали они произвести въ началѣ своей реформаторской дѣятельности,—возстановить апостольскую церковь во всей ея чистотѣ—они произвели одну великую катастрофу, которая уничтожила нормальный порядокъ вещей, вмѣсто апостольской церкви произвела люгеранскую церковь съ ея собственными законами, постоянно измѣняемыми и передѣлываемыми. »Протестанты строятъ и розрушаютъ, снова строятъ, но не съ большимъ успѣхомъ; потому что *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи.* А Господь создалъ Свой домъ болѣе 1800 лѣтъ тому назадъ и другаго дома Онъ уже не создастъ. Этотъ домъ есть единая, святая, каѳолическая и

апостольская церковь, какою и пребыла, чуждая всякихъ нововведеній и заблужденій православная восточная церковь« (Слово Овербека).

С. О.

Симбирскъ.

По вопросу о народномъ образованіи.

Кто слѣдилъ за журнальными и газетными извѣстіями о ходѣ у насъ, въ настоящее время, народнаго образованія, тотъ знаетъ, въ какія отношенія ставитъ себя земство по этому предмету къ министерству народнаго просвѣщенія, какъ относятся училищные совѣты къ земскимъ управамъ и какъ члены училищныхъ совѣтовъ смотрятъ на законоучителей—сельскихъ священниковъ. Наши читатели, сельскіе пастыри церкви, хотя и слѣдятъ за вопросомъ о народномъ образованіи, какъ лица близко стоящія къ народу, но не всѣ, конечно, знаютъ, какъ относятся къ этому вопросу поименованныя нами учрежденія и лица и какъ слѣдуетъ относиться къ нему; а потому мы находимъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Нѣкоторыя земства хотятъ, чтобы заводимыя имъ учительскія семинаріи, для приготовленія учителей народныхъ школъ, не подлежали вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, а министерство народнаго просвѣщенія хочетъ, чтобы весь свой учебный и учебно-начальственный персоналъ земскія семинаріи получали отъ министерства. Отсюда происходитъ такое явленіе: нѣкоторыя земства передаютъ свои школы министерству народнаго просвѣщенія, а другія земства готовы скорѣе уничтожить свои школы, чѣмъ »передать ихъ въ чужія руки«. Такъ новгородское земство передало свою школу министерству народнаго про-

свѣщенія. Тверское земство сдѣлало тоже самое. Но черниговское и рязанское земства рѣшили лучше закрыть учительскія семинаріи, чѣмъ подчинить ихъ управленію министерства народнаго просвѣщенія. Передадимъ кратко свѣдѣнія о мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ черниговскаго и рязанскаго земства по этому предмету.

Вопросъ о передачѣ учительской семинаріи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія рѣшался въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ январѣ текущаго 1878 года. Пренія по этому вопросу продолжались ровно три дня и привлекли въ залъ довольно многочисленную публику. Одни изъ гласныхъ земскаго собранія настаивали на передачѣ учительской семинаріи министерству народнаго просвѣщенія и предлагали собранію—ассигновать, разъ на всегда, на ежегодное содержаніе семинаріи ту же сумму, какая тратится и теперь, принять на себя единовременный расходъ по устройству зданія и предоставить въ пользованіе министерства земскія зданія до устройства имъ своихъ. Предположеніе свое они мотивировали тѣмъ, что земство не компетентно въ учебномъ дѣлѣ, требующемъ извѣстнаго направленія и устойчивости, что семинарія даетъ плохихъ народныхъ учителей, такъ какъ служащіе въ ней не пользуюся никакими правами государственной службы и лишены права на пенсію, вслѣдствіе чего въ преподаватели учительской семинаріи идутъ люди, которымъ »некуда дѣваться«, что воспитанники, въ періодъ своего обученія въ семинаріи, лишены льготы по воинской повинности,— они кончаютъ курсъ въ призывный возрастъ и вмѣсто того, чтобы идти въ учители, они идутъ въ солдаты. Гдѣ-же результатъ земскихъ затратъ? Земство тратитъ понапрасну деньги и отказаться отъ такихъ порядковъ земству выгодно. Передачею учительской семинаріи министерству народнаго просвѣщенія, спеціально

учрежденному для веденія педагогическаго дѣла, земство пріобрѣтаетъ ту выгоду, что она будетъ идти по тому пути, по которому идутъ всѣ учрежденія министерства—по пути разъ навсегда опредѣленному, чего не можетъ быть у земства, такъ какъ мнѣнія и взгляды земства перемѣнчивы и т. п.[1]).

Другіе гласные земскаго собранія и вмѣстѣ съ ними управа возражали, что некомпетентность земства—вещь недоказанная; что земство, приготовляя учителей для своихъ же школъ, непосредственно заинтересовано учебною частію въ семинаріи и должно имѣть надъ нею контроль; что есть люди, которые не изъ-за чиновъ и пенсіи, а изъ одной любви къ дѣлу, охотно пойдутъ преподавателями въ учительскую семинарію; что и нынѣшніе учители ея вовсе не такіе люди, которымъ некуда дѣваться: оба съ высшимъ образованіемъ; одинъ извѣстенъ въ педагогической литературѣ, другой былъ воспитателемъ у Ушинскаго; что обвиненіе семинаристовъ въ томъ, будто они плохіе учители, взведенное на нихъ еще въ 1874 году, когда впервые былъ поднятъ вопросъ о передачи семинаріи министерству, не имѣетъ основаній, такъ какъ тогда сдѣланъ былъ всего одинъ выпускъ воспитанниковъ, по которому вообще нельзя судить о семинаріи; что собраніе не имѣетъ нравственнаго права ни поступиться дарованными земству правами, ни принимать на себя обязательнаго расхода, такъ какъ, принимая это предложеніе, собраніе становится отвѣтственнымъ предъ будущими поколѣніями земскихъ дѣятелей. Поэтому учительскую семинарію лучше закрыть, что́ и рѣшено большинствомъ голосовъ.

Кто въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, замѣчаетъ »Кіевлянинъ«, слѣдилъ за черниговскимъ земствомъ, тотъ ясно

[1]) „Отечеств. Записки“, февраль 1878 г. „Кіевлянинъ“ № 16-й 1878 г.

могъ въ немъ замѣтить борьбу двухъ рѣзко раздѣлившихся лагерей не по одному только вопросу о народной школѣ, но и по другимъ. Изъ этихъ лагерей въ одномъ, быть можетъ, среди людей вполнѣ умныхъ и достойныхъ, находились и такіе, которые не чужды были излишней подозрительности и мечтали, что могутъ, подобно I. Навину, остановить теченіе жизни словами: «стой и не движись!«; а въ другомъ лагерѣ къ истинно просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ дѣятелямъ примѣшались и легковѣсные либералы, бившіе на дешевую популярность и устраивавшіе »на земскія деньги народныя чтенія о значеніи фрака«. И замѣчательно, что подняли руку на учительскую семинарію либеральные народолюбцы: »если не намъ, то никому!« Послѣ этого »Кіевлянинъ« говоритъ: »странно, гг. борцы, ратующіе за интересы народа! Неужто вы не замѣчаете, что въ результатѣ вашихъ препирательствъ вышло оправданіе пословицы: »паны дерутся, а у мужиковъ чубы трещатъ?« Вѣдь имъ, этимъ мужикамъ, придется теперь терпѣть отъ недостатка въ школьныхъ учителяхъ«.

Черниговское земство отвергаетъ право министерства народнаго просвѣщенія на земскія учительскія семинаріи только со стороны финансовой; оно нашло невозможнымъ существованіе черниговской семинаріи на земскія средства, когда она перейдетъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. А рязанское земство не признаетъ за министерствомъ компетентности и въ руководствѣ учительскими семинаріями вообще. Когда въ рязанскомъ губернскомъ собраніи начались дебаты, вслѣдствіе пререканій съ дирекціею народныхъ училищъ о закрытіи Александровской учительской семинаріи, то гласный Кошелевъ высказалъ мнѣніе, что учительскія семинаріи—дѣло чисто земское. »Учительскія семинаріи, говорилъ онъ, не гимназіи и не университеты, содержаніе которыхъ могло-бы превышать

и познанія и средства земства. Съ этимъ дѣломъ земство, безъ сомнѣнія, справится несравненно лучше правительства. Если въ настоящее время земство встрѣчаетъ помѣхи въ этомъ дѣлѣ со стороны дирекціи народныхъ училищъ, то онѣ происходятъ только отъ лицъ. Но лица измѣняются и съ перемѣною лицъ для Александровской семинаріи можетъ еще настать болѣе благопріятное время«. Съ этимъ заявленіемъ гласнаго Кошелева было согласно почти все земское собраніе и въ томъ числѣ сама управа, предсѣдатель которой, князь Волконскій, заявилъ, что »управа не менѣе гласнаго Кошелева убѣждена въ пользѣ семинаріи и въ томъ, что приготовленіе учителей—дѣло земское, и если въ настоящее время ставитъ вопросъ о закрытіи семинаріи, то дѣлаетъ это, скрѣпя сердце..., потому что дальнѣйшее веденіе дѣла становится невозможнымъ«. »Отечественныя Записки«, передавая этотъ фактъ, замѣчаютъ, что убѣжденіе земствъ въ томъ, что учительскія семинаріи не только чисто земское дѣло, но и исключительно земское дѣло, что оффиціальная часть, т. е. министерство народнаго просвѣщенія, не можетъ такъ хорошо вести учительскія семинаріи, какъ ведутъ ихъ земства, и твердое отстаиванье ими этого земскаго права и служитъ источникомъ многихъ печальныхъ коллизій между земствомъ и дирекціями народныхъ училищъ.

Какія же это коллизіи? »Отечественныя Записки« находятъ, что инспекторы народныхъ училищъ, ревизуя земскія школы, относятся къ нимъ съ большими слишкомъ требованіями. Такъ напр. одинъ инспекторъ замѣтилъ при ревизіи, что учитель народной школы выходитъ изъ предѣловъ министерской программы, преподавая своимъ ученикамъ естественную исторію, рисованіе и проч.; другой инспекторъ, при ревизіи учительской семинаріи, заявилъ предсѣдателю управы, что »хотя образовательная часть

въ семинаріи и хороша, но воспитательная находится въ упадкѣ, что распущенность училища уже вредно отзывается на учителяхъ, изъ него выпущенныхъ...«; третій инспекторъ, при посѣщеніи лекціи учителя, нашелъ »въ памятной тетради ученика, на первой страницѣ, какой-то сальный рисунокъ и взилъ тетрадь съ собою«... Вслѣдствіе этого земства наводятъ справки, подвергаютъ вопросъ о народномъ образованіи изслѣдованію, и дѣло кончается или увольненіемъ дирекціею учителей отъ преподавательской должности или закрытіемъ земствомъ школъ. Кто тутъ правъ и кто виноватъ—судить не намъ, да только народное образованіе, по нашему мнѣнію, страдаетъ отъ такой постановки дѣла...

Въ то врема, когда идутъ препирательства между нѣкоторыми земствами и дирекціею народныхъ школъ, земскія управы спорятъ съ училищными совѣтами. Не нравится напр. земской управѣ учитель народной школы, она предлагаетъ мѣсто другому учителю, безъ вѣдома училищнаго совѣта, которому одному предоставлена власть устранять и утверждать учителей. Такимъ образомъ, иногда въ одной школѣ являются два учителя: одинъ признаваемый училищнымъ совѣтомъ, другой созданный земской управой. Такія нестроенія между учрежденіями, призванными заправлять дѣломъ народнаго образованія, едва-ли содѣйствуютъ процвѣтанію народныхъ школъ. А недавно былъ такой случай, разсказанный корреспондентомъ изъ Боровичей (Новгородской губерніи[1]). Въ одной народной школѣ не были произведены испытанія въ нынѣшнемъ году на полученіе льготъ по отбыванію воинской повинности. Уѣздная земская управа обратилась за разъясненіемъ этого факта въ уѣздный училищный совѣтъ. Она въ этомъ случаѣ желала удовлетво-

[1]) »Недѣля« № 31-й 1878 г.

рить просьбу губернской новгородской управы, которая, собирая свѣдѣнія о положеніи народныхъ школъ въ губерніи и въ особенности тѣхъ, въ которыхъ состоятъ наставниками бывшіе воспитанники земской учительской семинаріи, узнала отъ этихъ учителей, что въ одной школѣ не производилось испытаній въ настоящемъ году. Губернская управа отнеслась по этому вопросу къ уѣздной управѣ и просила выяснить причину подобнаго явленія. Какой же отвѣтъ далъ училищный совѣтъ уѣздной земской управѣ? Слѣдующій: »Боровичскій уѣздный училищный совѣтъ, согласно отношенію боровичской уѣздной земской управы, имѣетъ честь увѣдомить, что новгородской губернской земской управѣ нѣтъ надобности знать о томъ, на основаніи чего училищный совѣтъ поступаетъ такъ или иначе: каждое учрежденіе вѣдаетъ свои обязанности и, слѣдовательно, не должно касаться того, что ему не подлежитъ; поэтому, по мнѣнію совѣта, остается только благодарить губернскую управу за ту излишнюю заботливость, съ которой она вмѣшивается или, лучше сказать, входитъ въ распоряженіе дѣйствій совѣта«. Мы полагаемъ, что нѣтъ надобности объяснять этотъ фактъ, характеризующій отношеніе земской управы и училищнаго совѣта къ дѣлу народнаго образованія. Если-бы лица, заинтересованныя дѣломъ народнаго образованія, не относились къ нему формально, а прониклись живымъ желаніемъ приносить ему пользу при каждомъ удобномъ случаѣ, то подобныхъ фактовъ не существовало бы.

Училищные совѣты, »вѣдая свои обязанности«, не ставятъ себя, однако, въ должное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тѣ ненормальныя отношенія, которыя существуютъ между свѣтскими членами училищныхъ совѣтовъ и законоучителями сельскихъ народныхъ школъ. Если свѣтскія лица, члены училичныхъ совѣтовъ, они же и ревизоры народ-

ныхъ школъ, не сойдутся въ общемъ дѣлѣ съ сельскими законоучителями—священниками, то эти члены училищныхъ совѣтовъ или дѣлаютъ о дѣятельности законоучителей—священниковъ обидные отзывы въ печати, или жалуются на нихъ епархіальнымъ архіереямъ. Законоучители, по ихъ мнѣнію, или апатично относятся къ исполненію своихъ обязанностей, или неумѣютъ преподавать законъ Божій, или заставляютъ механически заучивать молитвы, заповѣди и проч., или совсѣмъ устраняютъ себя отъ своей обязанности; а потому члены училищныхъ совѣтовъ желали-бы поручить преподаваніе закона Божія мірянамъ—народнымъ учителямъ, которые были бы въ школахъ полными хозяевами[1]). Не будемъ здѣсь говорить о томъ, по какимъ побужденіямъ члены училищныхъ совѣтовъ дѣлаютъ такіе обидные отзывы о священникахъ—законоучителяхъ, не будемъ также доказывать того, основательны или неосновательны эти отзывы, такъ какъ объ этомъ мы скажемъ въ другой разъ, а припомнимъ только теперь нѣкоторыя статьи Высочайше утвержденнаго положенія 25 мая 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ.

По Высочайше утвержденному положенію о народныхъ училищахъ содѣйствовать успѣху народнаго образованія призваны всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны, люди всѣхъ вѣдомствъ, сословій и званій. »Начальныя народныя училища, говорится въ первой статьѣ положенія, имѣютъ цѣлію утвердить въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія«. Къ осуществленію этого идеала народной школы приглашаются представители дворянства, директоры и инспекторы народныхъ училищъ, назначаемые министерствомъ народнаго просвѣщенія, попечители и попечительницы народныхъ

[1]) „Церковно-Общ. Вѣстникъ“ № 57-й 1878 г. „Современность“ № 69-й 1878 г.

училищъ, избираемые земствомъ, городскими и сельскими обществами, и даже мѣстные жители, если они заявили сочувствіе къ народному образованію учрежденіемъ какого-либо народнаго училища или содѣйствіемъ къ поддержанію и улучшенію онаго денежными взносами или личною о нихъ заботливостію (ст. 19. 11. 13. 41). Попеченіе объ удовлетвореніи потребностей въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго собственно возлагается въ каждомъ уѣздѣ на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ цѣлой губерніи на губернскаго предводителя дворянства и губернскій училищный совѣтъ; въ составѣ училищныхъ совѣтовъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, духовенство имѣетъ по одному члену, который назначается епархіальнымъ архіереемъ; завѣдываніе же учебною частію ввѣряется директору народныхъ училищъ и инспекторамъ народныхъ училищъ (ст. 19. 20), которые, по соглашенію съ предсѣдателями уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ случаѣ безпорядка или вреднаго направленія ученія, могутъ закрывать училища или устранять неблагонадежныхъ преподавателей, доводя объ этомъ до свѣдѣнія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. Среди заботъ людей и лицъ разныхъ званій и сословій о добромъ, полезномъ и нравственномъ направленіи народныхъ школъ духовенству предоставляется значительная доля участія. Духовенство приглашается не только преподавать законъ Божій въ народныхъ школахъ (ст. 16 и 18), но съ дозволенія инспектора, въ случаѣ возможности, можетъ принимать на себя обязанности преподавателей и по другимъ предметамъ. Высшее-же наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ принадлежитъ мѣстному епархіальному архіерею, который или самъ обозрѣваетъ училища

или поручаетъ это особо назначеннымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ (ст. 17). Такимъ образомъ, по смыслу положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, и земство и министерство народнаго просвѣщенія, и училищныя совѣты и духовенство должны совмѣстно заботиться о просвѣщеніи нашего простаго народа.

Пожелаемъ же, чтобы выставленные нами факты, характеризующіе отношеніе земства къ министерству народнаго просвѣщенія, училищныхъ совѣтовъ къ земскимъ управамъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ къ законоучителямъ, не встрѣчали подражанія и повторенія въ нашей великой и пространной Россіи, и чтобы какъ земство, такъ и министерство народнаго просвѣщенія, а равно училищные совѣты и законоучители вели великое и святое дѣло народнаго образованія дружно, совмѣстно и съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ другъ къ другу. Только при такомъ отношеніи къ дѣлу народнаго образованія всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, сословій и званій народныя школы могутъ обѣщать благіе результаты въ недалекомъ будущемъ.

Л.

Физическое воспитаніе.

Не смотря на то, что естественныя науки, особенно физіологія и гигіена, съ нѣкотораго времени у насъ въ модѣ, не смотря на довольно значительное развитіе и распространеніе популярной литературы по этимъ отраслямъ знанія; въ современной практической жизни и въ школахъ, и въ семьяхъ на физическое воспитаніе, на развитіе и укрѣпленіе тѣлесныхъ силъ воспитанниковъ все еще мало обращается вниманіе. Но нигдѣ такъ мало не обращаютъ вниманія на это, какъ въ крестьянской средѣ; здѣсь почти

вовсе не существуетъ его. А если что и дѣлается тутъ намѣренно относительно тѣлеснаго благосостоянія дѣтей, то подъ вліяніемъ традицій, которыя нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ требованіями науки и, благодаря этому, причиняютъ вредъ; традиціонными средствами и мѣрами нерѣдко разстраивается здоровье дѣтей, замедляется правильное развитіе ихъ тѣла. Подтверждать сейчасъ сказанное фактами изъ быта нашего простаго народа, указывать, какія именно уклоненія отъ правилъ раціональнаго воспитанія тѣла здѣсь встрѣчаются и что онѣ влекутъ за собой, едвали нужно. Большинству читателей, живущихъ среди народа, это очень хорошо извѣстно, пожалуй, даже лучше, чѣмъ автору этой замѣтки. Къ тому же въ общихъ чертахъ это—такой общеизвѣстный фактъ, что о немъ непремѣнно знаетъ каждый образованный человѣкъ. А начните слѣдить за воспитаніемъ крестьянскихъ дѣтей и дѣтей низшаго рабочаго класса, за ходомъ его съ колыбели, вы натолкнетесь на массу ошибокъ, предразсудковъ и суевѣрій. И отъ всего этого прежде и больше всѣхъ страдаетъ самое же крестьянство и рабочій людъ. Сколько среди крестьянскаго населенія нашихъ деревень умираетъ дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, сколько здѣсь въ подрастающемъ поколѣніи слабыхъ, хилыхъ, болѣзненныхъ и даже увѣчныхъ, не смотря на весьма благопріятныя здоровью климатическія условія и здоровый родъ занятій. Еще болѣе можно опасаться за будущее дѣтей нашихъ рабочихъ на заводахъ, фабрикахъ и въ разнаго рода ремесленныхъ заведеніяхъ, гдѣ они растутъ среди весьма дурныхъ гигіеническихъ условій.

Въ виду такого печальнаго явленія распространеніе правилъ раціональнаго воспитанія тѣла среди простаго народа не долгъ-ли каждаго образованнаго человѣка, близко

стоящаго къ народу и знакомаго съ его бытомъ, со всѣми неприглядными сторонами послѣдняго?.. Но ближе и сподручнѣе всего заниматься этимъ пастырю церкви. Не говоря уже о томъ, что просвѣщеніе *во тмѣ сѣдящихъ* есть прямая обязанность пастырей, послѣднимъ при ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей представляется столько поводовъ къ бесѣдамъ о занимающемъ насъ предметѣ и случаевъ изучить всѣ слабыя стороны крестьянскаго воспитанія въ семьяхъ и школахъ своего прихода, сколько не выпадаетъ на долю никакого другаго дѣятеля въ крестьянской средѣ, за исключеніемъ развѣ пользующихся уваженіемъ и ревностно трудящихся народныхъ учителей. При знаніи быта своихъ пасомыхъ и сердечномъ отношеніи пастыря къ ихъ нуждамъ для него нѣтъ никакихъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы путемъ распространенія здравыхъ понятій о развитіи и укрѣпленіи тѣлесныхъ силъ дѣтей содѣйствовать улучшенію дѣла физическаго воспитанія дѣтей нашего простонародья.

Только что сдѣланное предложеніе нѣкоторымъ изъ читателей можетъ показаться страннымъ. Какое дѣло пастырю церкви до тѣла и тѣлесныхъ потребностей своихъ прихожанъ? Вѣдь неоспоримо, что пастыри—врачи душъ, а не тѣлесъ, должны спасать душу, а не тѣло?... Но даннымъ вопросамъ съ не меньшимъ правомъ можно противопоставить другіе. Обязанность заботиться о своемъ тѣлѣ и матеріальномъ благосостояніи ближнихъ; о томъ, чтобы и тѣло было вполнѣ достойнымъ храмомъ Св. Духа, развѣ не входитъ въ кругъ тѣхъ обязанностей, которымъ долженъ учить пастырь своихъ пасомыхъ? Не думаемъ, чтобы здѣсь нужно было доказывать и то, что на каждомъ пастырѣ церкви лежитъ священная обязанность наставлять своихъ прихожанъ въ томъ, какъ

нужно воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ вѣры, любви и блага послѣднихъ. Съ большей основательностію можно возражать противъ данной мысли съ точки зрѣнія матеріальной необезпеченности нашего простонародья. Для чего распространять въ простомъ народѣ правила разумнаго воспитанія тѣлесныхъ силъ дѣтей, когда крестьяне при своей бѣдности не могутъ выполнить всѣхъ требованій діэтетики?—Но прежде, чѣмъ такъ рѣшительно ставить вопросъ, не мѣшаетъ подумать и дать себѣ вполнѣ безпристрастный отчетъ относительно того, всѣ-ли недостатки въ физическомъ воспитаніи крестьянскихъ дѣтей находится въ прямой зависимости отъ бѣдности ихъ родителей? Есть основанія быть увѣреннымъ, что многихъ изъ нихъ не было-бы здѣсь, еслибы родители и вообще воспитатели дѣтей низшаго сословія не были невѣжественными, если-бы среди нихъ разсѣялся хотя нѣсколько тотъ туманъ, который застилаетъ имъ глаза; если-бы они *познали истину, истина освободила бы ихъ.*

Чтобы помочь приходскимъ пастырямъ въ выполненіи намѣченной задачи, и предлагается здѣсь рядъ нижеслѣдующихъ замѣчаній по части физическаго воспитанія дѣтей.—Нашъ простой народъ и рабочій людъ нужно въ этомъ случаѣ учить съ самаго начала, убѣждать прежде всего въ истинности самыхъ основныхъ, элементарныхъ понятій и не загромождать частностями, чтобы онъ лучше могъ усвоить главное; поэтому и указанія будутъ даны самыя существенныя, общія: приходскимъ пастырямъ въ этомъ случаѣ нуженъ связный подробный конспектъ бѣседъ. Такой конспектъ и дается.

Почему нужно заботиться о развитіи и укрѣпленіи тѣла дѣтей дома и въ школѣ,—это очень понятно. Быть здоровымъ и сильнымъ физически, чувствовать себя тѣмъ и другимъ весьма пріятно. Но не ради удовольствія и

наслажденій только нужно воспитаніе тѣла. Побужденія для этого существуютъ болѣе серьезныя и солидныя, вытекающія изъ задачи, предначертанной земной жизни человѣка откровеніемъ. Человѣкъ созданъ для духовнаго или нравственнаго усовершенствованія. А нравственное усовершенствованіе возможно лишь путемъ труда, нормальной упорной душевной дѣятельности. Трудъ же духовный условливается здоровьемъ, силой тѣла. Человѣкъ развивается и дѣйствуетъ душевно всегда въ тѣлѣ и чрезъ тѣло. Въ подтвержденіе довольно указать, что физическія страданія, тѣлесная слабость и хилость, обыкновенно, уменьшаютъ энергію ума и воли и производятъ дурное настроеніе и расположеніе, тогда какъ здоровье облегчаетъ умственное напряженіе, сообщаетъ человѣку бодрость, веселость и энергію. Изъ сейчасъ сказаннаго уже видно, что о развитіи и укрѣпленіи тѣла дѣтей слѣдуетъ заботиться главнымъ образомъ потому, что тѣло наше служитъ органомъ душевной жизни. Слѣдов. задача физическаго воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать питомца атлетомъ, а въ томъ, чтобы развить и укрѣпить его тѣло въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо, чтобы тѣло было хорошимъ орудіемъ духа и душевной жизни.—Ближайшимъ, непосредственнѣйшимъ органомъ душевной жизни въ тѣлѣ человѣка, какъ извѣстно, служатъ: нервная система съ своими центральными частями и мускулы. Поэтому первою задачею физическаго воспитанія должно быть развитіе и укрѣпленіе нервной и мускульной системы дитяти. Но это возможно не иначе какъ подъ условіемъ заботы о правильномъ совершеніи процессовъ *питанія, дыханія, кожи* и надлежащемъ чередованіи покоя и движенія. Здоровье и сила нервной и мускульной системъ стоитъ въ зависимости отъ должнаго обращенія крови надлежащаго качества и количества; количество же, качество и обра-

щеніе крови бываютъ нормальнымъ, когда правильно совершаются процессы *питанія*—воспріятія и усвоенія питательныхъ веществъ организмомъ и выдѣленія изъ тѣла негодныхъ для него веществъ,—*дыханія*, процессы *въ кожѣ* и когда надлежащимъ образомъ чередуются *сонъ и бодрствованіе*. Вслѣдствіе этого физическое воспитаніе, заботясь о развитіи и укрѣпленіи нервной и мускульной системы, должно вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно хлопотать о томъ, чтобы правильными были: *питаніе*, *дыханіе*, *отправленія кожи и сонъ*.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ физическое воспитаніе должно начинаться съ момента рожденія и продолжиться до совершеннолѣтія воспитываемаго, не прекращаясь даже и тогда, когда съ возникновеніемъ и разширеніемъ душевной жизни въ дѣтяхъ послѣдняя должна привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе вниманія и дѣятельности воспитателей. Прекращеніе его ранѣе совершеннолѣтія сдѣлаетъ воспитываемаго слабо развитымъ физически.

Само собой понятно далѣе, что правильнымъ и цѣлесообразнымъ физическое воспитаніе будетъ тогда, когда оно будетъ вестись соотвѣтственно законамъ нормальной тѣлесной жизни и развитія человѣка. Наиболѣе важныхъ законовъ физіологія и гигіена въ этомъ случаѣ указываютъ 6-ть, а именно:

1) Матеріалъ, изъ котораго образуется и которымъ питается тѣло человѣка, долженъ по своему *содержанію* соотвѣтствовать составнымъ частямъ тѣла, чтобы послѣднее могло воспринять въ составъ себя;

2) Онъ долженъ соотвѣтствовать организму человѣка и *по формѣ*, потому что превращеніе питательныхъ веществъ въ составныя части организма существенно зависитъ и отъ того, въ какомъ видѣ онѣ вводятся въ организмъ человѣка;

3) Матеріалъ долженъ соотвѣтствовать силѣ органовъ, которыми онъ воспринимается и перерабатывается, не только по содержанію и формѣ или виду, но и по количеству;

4) Сила каждаго органа въ тѣлѣ человѣка зависитъ отъ мѣры силы всего организма; въ той мѣрѣ, въ какой дѣятельность одного органа увеличивается, сила организма отвлекается отъ всѣхъ прочихъ органовъ; поэтому всѣ органы тѣла не могутъ одновременно обнаруживать высшую степень дѣятельности, а только какой либо одинъ изъ нихъ. При этомъ сила каждаго органа имѣетъ:

а) Опредѣленную мѣру напряженности. Если эта мѣра превышена, наступаетъ ослабленіе органа, а затѣмъ и всего организма; если-же она не достигается, то органъ, а вмѣстѣ и весь организмъ, не получаетъ полнаго развитія;

и б) Свою мѣру продолжительности въ дѣятельности. Постоянная напряженная дѣятельность каждаго отдѣльнаго органа ослабляетъ его, равно какъ и все тѣло; поэтому необходима смѣна высшей дѣятельности слабѣйшею, напряженія отдыхомъ и обратно.

По вопросу объ исповѣди больныхъ.

Одинъ изъ священниковъ Симбирской губерніи Буинскаго уѣзда обратился къ намъ съ письмомъ такого содержанія: »въ настоящее время,—пишетъ онъ,—а преимущественно въ прошедшую зиму, въ нашей мѣстности довольно сильно была распространена тифозная горячка, такъ что въ одной семьѣ—одномъ домѣ доводилось и доводится напутствовать нѣсколькихъ членовъ семьи вдругъ: родителей и дѣтей, мужа и жену и т. п. При такихъ слу-

чаяхъ для насъ, приходскихъ священниковъ, является не малое затрудненіе при исповѣди. Больные находятся въ такомъ состояніи, что не имѣютъ возможности удаляться изъ комнаты, пока исповѣдуется одинъ членъ семьи, или-же совершенно лежатъ безъ ногъ, а другихъ кимнатъ или избъ, куда-бы на время исповѣди одного можно перенести другаго больнаго, у крестьянъ нѣтъ. Спрашивается: какъ-же производить исповѣдь, чтобы она не послужила причиной вражды, несогласій и укоровъ въ семьѣ, если исповѣдь одного будетъ невольно услышана другимъ, да и возможна-ли при такихъ условіяхъ искренняя исповѣдь?«

Полагая, что пастырская практика наталкивала и многихъ другихъ священниковъ на этотъ вопросъ, мы находимъ небезполезнымъ печатно высказать нѣсколько замѣчаній въ отвѣтъ на него.—Въ случаяхъ, подобныхъ описанному, пастырь—духовникъ можетъ располагать нѣсколькими способами исповѣди, благодаря которымъ она не будетъ явною, открытою и не послужитъ поводомъ ко враждѣ, несогласій и упрековъ. Одинъ изъ такихъ способовъ состоитъ въ томъ, чтобы больные, находящіеся по необходимости въ одной и той-же комнатѣ, сами высказывали свои грѣхи отцу духовному и при томъ такъ, чтобы высказываемое однимъ не могло быть разслышано другимъ (шепотомъ). Само собою разумѣется, что этотъ способъ исповѣди больныхъ, находящихся въ одной комнатѣ, нельзя признать исключительно и всегда цѣлесообразнымъ, потому что въ большинствѣ случаевъ онъ оказывается не примѣнимъ: крестьяне и въ здоровомъ состояніи часто бываютъ не въ состояніи, безъ пособія и напоминанія, высказать своихъ грѣховъ предъ духовнымъ отцемъ или по естественному чувству стѣсненія и по забвенію, или потому, что нѣкоторыхъ своихъ предосудительныхъ поступковъ не считаютъ таковыми, тѣмъ болѣе нельзя требовать, чтобы

поселяне, находясь въ болѣзни, всѣ безъ исключенія сами разсказывали о своихъ грѣхахъ, когда всякое напряженіе мысли для нихъ чрезвычайно тяжело да и небезвредно. Но если первый, только что указанный способъ исповѣди иногда оказывается непримѣнимымъ по отношенію къ больнымъ, то пастырь—духовникъ можетъ обратиться къ другому—къ спрашиванію; только при этомъ способѣ исповѣди, равно какъ и при первомъ, необходимо наблюдать нѣкоторую мѣру предосторожности, именно: пока исповѣдуется одинъ больной, пусть другой, находящійся въ той-же комнатѣ, закроется съ головою и займется посильнымъ припоминаніемъ своихъ грѣховъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такая мѣра не всегда можетъ быть дѣйствительною: больные горячкой не рѣдко страдаютъ и глухотой; такимъ образомъ отцу духовному волей неволей приходится громко спрашивать ихъ о грѣхахъ, причемъ отвѣты кающагося хотя и не будутъ слышны другому больному, лежащему въ той же комнатѣ, но самые вопросы духовника могутъ послужить ко вреду и соблазну для другаго. Въ такомъ случаѣ въ распоряженіи пастыря церкви есть новый способъ исповѣди—мимика: о грѣхахъ обыкновенныхъ и менѣе тяжкихъ онъ можетъ словесно распрашивать больныхъ, а о грѣхахъ тяжкихъ—посредствомъ жестовъ и мимическихъ знаковъ. Приходится же пастырю церкви прибѣгать къ мимикѣ при исповѣди глухонѣмыхъ; отчего-же ему не обратиться къ посредству мимики и при исповѣди больныхъ, когда они находятся въ одной комнатѣ? Какъ производить исповѣдь при помощи мимики, относительно этаго желающій можетъ найти дѣльныя наставленія въ статьѣ объ исповѣди глухо-нѣмыхъ, помѣщенной въ нашемъ журналѣ за прежніе годы. Мимическій способъ исповѣди съ особеннымъ удобствомъ можетъ быть примѣненъ къ больнымъ, знающимъ грамоту: въ

Требникѣ, въ чинѣ исповѣди, какъ извѣстно, помѣщены вопросы кающемуся о различныхъ грѣхахъ; посему пастырь—духовникъ можетъ предложить больному, знающему грамоту, прочитать по Требнику тѣ или другіе вопросы о грѣхахъ, помѣщенные здѣсь, и потребовать, чтобы больной кающійся, мысленно прочитывая вопросы, находящіеся въ чинѣ исповѣди, давалъ въ тоже время и отвѣты на нихъ въ формѣ обще-утвердительной или отрицательной или даже посредствомъ какихъ-либо знаковъ утвердительнаго и отрицательнаго характера. Вообще нужно сказать, что каждый изъ разсмотрѣнныхъ способовъ исповѣди можетъ быть пригоднымъ и цѣлесообразнымъ въ рукахъ благоразумнаго пастыря, когда представится ему случай напутствовать нѣсколько больныхъ, по необходимости находящихся въ одной комнатѣ. Долгъ и благоразуміе подскажутъ ему, что прежде чѣмъ произвести исповѣдь больнымъ, необходимо освѣдомиться,—могутъ-ли больные сами разсказать ему свои грѣхи, не страдаютъ-ли глухотой, умѣютъ-ли читать, и уже послѣ того, приспособляясь къ состоянію больныхъ, онъ обратится къ тому или другому способу исповѣди и къ нѣкоторымъ мѣрамъ предосторожности при ней.

З.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей« издается,—по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ

въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. На сколько добросовѣстно редакція журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1879 года редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усердіемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклониться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ »Руководства для сельскихъ пастырей« *по прежнему* будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. Отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣдническої литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику, въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ,

какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ.. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служитъ источникомъ свѣденій о жизни церкви и государства по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«: 1) общія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи; и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, не возможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ поставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательеое чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія

цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

»Руководство для сельскихъ пастырей« выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полтора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.*

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій**.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА,

подъ заглавіемъ:

„ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА“,

СОСТАВЛЕННОЕ

Ректоромъ Владимірской духовной семинаріи,

протоіереемъ

Михаиломъ Хераскowымъ,

удостоенное премін *(пятисотенной)* преосв. Макарія, и одобренное Святѣйшимъ Сунодомъ къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго руководства по Священному Писанію. Книга состоитъ изъ 31-го листа убористой печати, страницъ XXIV и 471.

Цѣна книги 1 руб. 80 коп. съ пересылкой.

Выписывающимъ не менѣе 50 экземпляровъ дѣлается уступка 10%.
Выписывающимъ не менѣе 100 экземпляровъ 20%.

Адресоваться съ требованіями исключительно *въ губ. гор. Владимірѣ, на имя Ректора духовной семинаріи, протоіерея Михаила Хераскова.* 2—3.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИГА

ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ

ПРИХОДСКИХЪ ТРЕБЪ

Составленная Священникомъ Н. Сильченковымъ.

При составленіи »Вспомогательной книги« имѣлось въ виду, чтобы она могла служить практическимъ руководствомъ при отправленіи приходскихъ требъ. Сообразно съ такою цѣлію, преимущественное вниманіе обращено на изложеніе обрядоваго порядка совершенія требы, съ указаніемъ — такъ сказать — естественнаго хода самаго порядка требы. За тѣмъ: 1) какъ при пользованіи Требникомъ необходимо знать—когда, въ какихъ случаяхъ и какъ нужно совершить ту или другую требу, то въ книгѣ заключаются церковныя правила и гражданскія постановленія, относящіяся до каждой требы; 2) примѣненіе тѣхъ и другихъ законоположеній, а особенно—обрядовыхъ пріемовъ при совершеніи требы, облегчается опытомъ службы другихъ лицъ,—въ виду сего въ книгѣ приведены практическія замѣтки по исполненію каждой требы, заимствованныя изъ нововременныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій; наконецъ, 3) на затруднительные случаи даны отвѣты, согласованные съ церковными правилами и гражданскими законами.—Таково содержаніе »Вспомогательной книги« въ общихъ чертахъ.

Въ книгѣ изложены слѣдующія требоисправленія:

1) Молитвы, въ первый день по внегда родити женѣ отроча и нареченіе имени младенцу; 2) Молитва женѣ, егда извержетъ младенца; 3) Молитва женѣ родильницѣ въ сороковой день; 4) Оглашеніе крещаемаго; 5) Крещеніе; 6) Молитва святыхъ крещеній, како младенца крестити ради страха смертнаго; 7) Муропомазаніе; 8) Молитвы, слѣдующія за муропомазаніемъ на омовеніе и постриженіе власовъ; 9) Исповѣдь; 10) Причащеніе; 11) Благословеніе

предъ вѣнчаніемъ; 12) Оглашеніе; 13) Обыскъ; 14) Бракъ, при чемъ имѣется особая глава, въ которой подробно изложены указанія, для разбора степеней родства; 15) Елеосвященіе; 16) Отпѣваніе усопшаго; 17) Совершеніе разныхъ чиновъ погребенія въ недѣлю св. Пасхи; 18) Поминовеніе усопшихъ; 19) Крестные ходы; 20) Водоосвященіе; 21) Молебныя пѣнія, съ канономъ и безъ канона; 22) Соединенные молебны; 23) Молебны, совершаемые въ недѣлю Пасхи; 24) Чинъ благословеніе новаго дома; 25) Освященіе иконъ; 26) Молитвенные чины на разные случаи; 27) Хожденіе »со славой« въ дни Рождества, Воскресенія Христова и со святою водою; 28) Хожденіе съ такъ называемой »постной молитвой«; 29) Присяга, и проч.

Въ приложеніи въ книгѣ содержатся формы приходскихъ документовъ съ относящимися къ нимъ законоположеніями: а) Метрическія книги; б) Метрическія свидѣтельства, выписки; и проч. в) Обыскныя книги съ указаніемъ документовъ, требуемыхъ при совершеніи брака; г) Исповѣдныя книги; и проч.

Въ частности, почти каждая треба заключаетъ въ себѣ слѣдующія рубрики: а) Мѣсто и время отправленія требы; б) Подготовительныя дѣйствія къ исполненію ея; в) Обрядовый порядокъ совершенія требы; г) Заключительныя дѣйствія по совершеніи ея; д) Церковныя правила; е) Гражданскія постановленія; ж) Практическія замѣтки; з) Разрѣшеніе представляющихся недоумѣній; і) Послѣдствія неисполненія законоположеній.

Цѣна книги: безъ пересылки 1 р. 20 к., съ пересылкою—1 р. 40 к. При выпискѣ 5 экземпляровъ дѣлается съ первой цѣны скидки 10%; 10 экземпляровъ—15% и 15 экземпляровъ—25%.

Складъ книги находится въ конторѣ Редакціи »Воронежскаго Телеграфа« въ Воронежѣ, на Дворянской улицѣ, домъ Столля, и въ книжной лавкѣ Воронежскаго Митрофанова монастыря. Гг. иногородныхъ покупателей покорнѣйше просятъ обращаться за покупкою книги по преимуществу въ контору Редакціи »Воронежскаго Телеграфа«.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 13 октября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 44. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Октября 29-го.

Содержаніе: Рѣчь овдовѣвшаго молодаго священника къ своей паствѣ.—По вопросу о сельскихъ законоучителяхъ.—На вопросъ: какъ совершать благословеніе хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи?—Замѣтка о св. антиминсахъ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

РѢЧЬ

овдовѣвшаго молодаго священника къ своей паствѣ.

Возлюбл. бр. и чада мои о Господѣ!

Да проститъ мнѣ благосклонность ваша, если я, желая излить предъ вами чувства, волнующія мою душу, по случаю произшедшей горькой превратности въ моей судьбѣ, такъ сказать—*самъ себя* поставлю предметомъ настоящаго моего слова къ вамъ.

Всѣмъ вамъ извѣстно мое горе великое и ужасное... И мое несчастіе, и мое лишеніе, и моя утрата—такъ велики и чувствительны, такъ поразили меня слабаго и неопытнаго на тернистомъ жизненномъ пути, что я, удрученный и ошеломленный этимъ страшнымъ событіемъ, доселѣ[1]) не имѣлъ силъ, не имѣлъ слова сказать вамъ

[1]) Рѣчь сказана послѣ $1^1/_2$ мѣсяцевъ вдовства.

что-либо по этому поводу, хотя и душевно желалъ. Только теперь рѣшаюсь раскрыть уста свои и хоть что-либо сказать вамъ... Но, и теперь—вотъ незнаю что́ говорить... Слово связано, языкъ едва движется, слезы и тоска душатъ меня при одномъ представленіи великаго горя, постигшаго меня грѣшнаго.

Вы знаете, братья мои, что Господь, видно, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ на меня недостойнаго лишилъ меня нынѣ самаго лучшаго и милаго на землѣ друга и совѣтника въ лицѣ умной и доброй моей жены... И вотъ—я, одинокій, съ такихъ еще молодыхъ лѣтъ, притомъ съ тремя малыми дѣтьми,—долженъ влачить свою жизнь, отселѣ, конечно, полную горя и невзгодъ. Въ домѣ моемъ пусто, въ немъ царитъ печаль и уныніе! Некому уже встрѣтить меня теперь супружескою ласкою и привѣтомъ при возвращеніи изъ прихода, некому сказать слова утѣшенія и ободренія при разстройствѣ и огорченіи на поприщѣ службы пастырской... О, велико, невыразимо велико и тяжко, бр., мое несчастіе!—И вообще, для всякаго священника потерять жену—лишеніе изъ лишеній, утрата, какой не можетъ быть чувствительнѣе. А для меня—въ особенности... Да! моя супружеская и семейная жизнь такъ безпощадно разбилась въ то самое время, когда только что, казалось, должна была войти въ полномъ блескѣ,—когда я, ознакомившись и привыкши къ мѣстности службы и окружающей средѣ и—обставившись, какъ слѣдуетъ, въ матеріальномъ и хозяйственномъ отношеніи, еще думалъ—было только жить. Случилось со мной тоже, что бываетъ иногда въ самый ясный лѣтній день: ярко и пріятно сіяетъ на голубомъ небѣ красное солнышко, въ природѣ все живетъ и ликуетъ; но вдругъ откуда не взялась черная туча, налетѣла она—и совсѣмъ закрыла роскошное свѣтило дня,—въ природѣ смятеніе... Такъ и въ

моей жизни случилось. Благодареніе Богу! довольно удачно и хорошо все сложилось—было въ моей жизни,—я долженъ былъ быть и былъ доволенъ: въ приходѣ—любовь и довѣріе, у сослуживцевъ—добрый пріемъ и расположеніе, и въ обществѣ свѣтскомъ я принятъ благосклонно и радушно,—въ семействѣ—опытные въ жизни и благоразумные старцы, готовнѣйшіе совѣтники и руководители на пути практической жизни, а главное—умная, добрая, любящая и хозяйственная подруга жизни, и мало въ чемъ недостатковъ... Какъ вдругъ неумолимая смерть во мгновеніе ока, можно сказать, вверхъ дномъ переворачиваетъ всю мою жизнь!... О, смерть, смерть! *Горька память твоя!*... Дивны и неисповѣдимы, бр., пути Провидѣнія! Но тамъ, въ лѣтніе дни, не сегодня завтра солнышко можетъ опять показаться, и еще въ лучшемъ и прелестнѣйшемъ видѣ. А въ моей жизни ни завтра, ни послѣ-завтра, никогда уже не взойдетъ звѣзда, которая закатилась!... Искренно открываюсь предъ вами, бр. мои, прискорбно, невыносимо прискорбно моей душѣ: по временамъ умъ мутится, сердце разрывается, душа нѣмѣетъ! *Вздохи мои*, скажу словами многострадальнаго Іова, *предупреждаютъ хлѣбъ мой, и стоны мои льются, какъ вода. Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ. Нѣтъ мнѣ мира, нѣтъ покоя, нѣтъ отрады: постигло несчастіе!..* (Іов. 3, 24—26).

Да, братья! Что не говори—а дѣло не поправимое. Остается одно говорить, что говорилъ во время бѣдствія и Іовъ многострадальный: *буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!* а при этомъ прибавлять: *упокой, Господи, душу усопшей!*...

Однако что́ же я нынѣ? Что мнѣ предпринять теперь? Гдѣ взять мнѣ силъ и терпѣнья на перенесеніе столь тяж-

каго бѣдствія?—На Господа Вседержителя возвергну я печаль мою великую, на Него Единаго все мое упованіе; потому что *отъ Господа*, по писанію, *исправляются стопы мужу*. И на васъ, возлюбленные брат. и чада мои духовн., послѣ Бога, моя надежда, въ вамъ моя сердечная просьба въ этомъ случаѣ: не забудьте меня въ своихъ молитвахъ предъ Богомъ. Помолитесь, чтобы Господь, *имиже вѣсть судьбами*, поддержалъ меня въ горѣ непомѣрномъ,—попросите, чтобы Онъ ниспослалъ мнѣ благодать и силу, потребную въ столь важномъ и опасномъ подвигѣ!—Не говорите, возлюбл. мои, какъ вы нерѣдко говорите о себѣ: »мы не умѣемъ и Богу-то молиться«. Нѣтъ, мои братья! Богу вѣдь не многоглаголаніе и красноглаголаніе нужны и пріятны: Ему нужны и угодны—одинъ вздохъ, только исходящій отъ сердца, одно слово, только въ простотѣ души сказанное. Припомните евангельскихъ мытаря и фарисея: фарисей вѣдь много и высоко вѣщалъ предъ Богомъ, а смиренный мытарь только билъ себя въ грудь и повторялъ одно: *Боже, милостивъ буди ко мнѣ грѣшнику!* Но молитва сего послѣдняго, какъ извѣстно, оказалась гораздо выше и дѣйственнѣе предъ очами Божіими, чѣмъ гордое многоглаголаніе ученаго фарисея... Прошу же и молю васъ, бр. и сестры мои о Господѣ, молитесь обо мнѣ грѣшномъ! Я надѣюсь,—по тому всеобщему и искреннему сочувствію и участію, какое вы уже почти всѣ выразили ко мнѣ по случаю постигшаго меня семейнаго горя—надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ. Я вѣрю, что вашу простую, но сердечную молитву Господь непремѣнно услышитъ и облегчитъ мою печаль и тугу сердечную. Молитва ваша положительно необходима для меня. Сами судите: горе, постигшее меня такъ велико и страшно, лѣта и силы мои еще такъ малы и неиспытаны въ жизненной борьбѣ, си-

роты—дѣти мои еще такъ млады и неразумны и такъ много потребуютъ хлопотъ и благоразумія въ своемъ воспитаніи,—что, безъ особенной помощи и благодати Божіей, я, пожалуй, могу совсемъ растеряться и изнемочь подъ бременемъ ниспосланнаго на меня Провидѣніемъ страшнаго креста. Прошу же и молю—своею молитвою къ Богу за меня несчастнаго, своимъ теплымъ участіемъ и любовію поддержите меня слабаго въ несеніи сего креста! Совокупная и единодушная молитва цѣлаго сонма вѣрующихъ бываетъ особенно вѣска и доступна Богу: припомните, напр., какъ ап. Петра совокупная молитва христіанъ іерусалимскихъ освободила отъ узъ и темницы... Быть можетъ и ваша молитва за меня злосчастнаго ослабитъ и облегчитъ томленіе моего духа, и, внявъ ей, милосердый Господь вдохнетъ мнѣ силу и крѣпость на предлежащемъ скорбномъ пути одиночества и всевозможной борьбы... Вѣрую, бр., и надѣюсь!

Свящ. *В. О—въ.*

По вопросу о сельскихъ законоучителяхъ.

Въ настоящее время нерѣдко слышатся въ нашей печати жалобы на дѣятельность священниковъ—законоучителей сельскихъ школъ. Жалуются обыкновенно на оо. законоучителей члены училищныхъ совѣтовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ иногда являются и ревизорами народныхъ школъ. Приведемъ на это факты и выскажемъ свое мнѣніе по этому предмету.

Въ корреспонденціи изъ Симбирска, помѣщенной въ »Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ« [1]), говорится, что

[1]) »Церковно-Обществ. Вѣстникъ« № 57-й 1878 г.

членъ симбирскаго училищнаго совѣта В. Назарьевъ напечаталъ въ симбирской земской газетѣ свой отчетъ о состояніи народнаго образованія за нынѣшній годъ. Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, характеризуется дѣятельность оо. законоучителей симбирскаго уѣзда. Г. В. Назарьевъ говоритъ, что священники—законоучители относятся къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ чисто формальнымъ образомъ, поддерживаемымъ единственно предписаніями и побужденіями епархіальнаго начальства; что удовлетворительные успѣхи по закону Божію оказываютъ ученики по симбирскому уѣзду не болѣе какъ въ 5-ти школахъ, во всѣхъ же остальныхъ 48-ми священники или вовсе устранили себя отъ преподаванія закона Божія, или добровольно передали свои обязанности учителямъ и учительницамъ, или же, наконецъ, исполняютъ эту обязанность »крайне апатично, неумѣло и бездарно«, и все преподаваніе ихъ ограничивается заучиваніемъ наизустъ молитвъ, заповѣдей и важнѣйшихъ событій священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, при которомъ большинство учащихся начинаютъ свои разсказы съ одного и того-же твердо заученнаго слова. »Каждому изъ законоучителей, говорится въ отчетѣ, хорошо извѣстно это роковое слово, и каждый спѣшитъ пеннуть это слово ученикамъ своимъ... Возможное-ли дѣло, говоритъ авторъ отчета, считать такое механическое повтореніе заученныхъ словъ преподаваніемъ закона Божія«?

Такъ какъ отзывъ г. Назарьева о законоучителяхъ не есть единственный, принадлежащій лично только ему одному, а раздѣляютъ такой отзывъ и многіе другіе члены училищныхъ совѣтовъ, существующихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, то мы на немъ и остановимся, чтобы видѣть всю его состоятельность.

Въ отзывѣ г. Назарьева о законоучителяхъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли: священники устраняютъ себя отъ преподаванія закона Божія и передаютъ свои обязанности учителямъ и учительницамъ; священники преподаютъ законъ Божій апатично, неумѣло и бездарно; священники заставляютъ дѣтей заучивать наизустъ молитвы и заповѣди... Эти мысли даютъ намъ поводъ думать, что г. Назарьевъ, высказавшій ихъ, не подумалъ хорошенько о томъ, что говорилъ... Ему, какъ дѣятельному члену училищнаго совѣта, видѣвшему, какъ говорятъ, начальныя школы въ Германіи и проч., не мѣшало-бы покороче познакомиться съ сущностію дѣла у насъ и тогда уже дѣлать отзывъ о преподавательскомъ дѣлѣ вообще и въ частности о преподаваніи закона Божія.

Въ прежнее и даже недалекое отъ насъ время, священники или сами заводили церковно-приходскія школы или своимъ словомъ и примѣромъ побуждали прихожанъ къ устройству и открытію народныхъ школъ. Въ этихъ школахъ они охотно были учителями и законоучителями. Спрашивается: отъ чего же теперь они въ *новыхъ* народныхъ школахъ устраняютъ себя отъ преподаванія закона Божія и передаютъ свои обязанности учителямъ и учительницамъ? Не отъ того-ли, что имъ приходится преподавать законъ Божій почти даромъ и за даровые труды свои слышать обидные отзывы отъ членовъ училищнаго совѣта, которые печатно обзываютъ законоучителей такими словами, что порядочные изъ нихъ поневолѣ должны уклоняться отъ школы, дабы не быть предметомъ насмѣшекъ? Можетъ быть, члены училищныхъ совѣтовъ думаютъ, что преподаваніе закона Божія священниками въ своихъ приходахъ необходимо входитъ въ кругъ прямыхъ ихъ пастырскихъ обязанностей? Но думать такъ—нѣтъ основанія, потому что преподаваніе уроковъ по закону Божію совсѣмъ

отдѣльное дѣло отъ пастырскаго назиданія и наученія. Притомъ въ нѣкоторыхъ приходахъ встрѣчаются священники пожилыхъ лѣтъ, для которыхъ преподаваніе закона Божія можетъ быть тягостнымъ, а другіе священники, хотя и молоды, не могутъ совмѣщать обязанности преподавателя закона Божія въ училищѣ съ занятіями по церкви и приходу. Естественно, что тѣ и другіе могутъ устранять себя отъ преподаванія закона Божія въ народныхъ школахъ. Но главная причина, по которой священники устраняютъ себя отъ преподаванія закона Божія, заключается въ недостаточномъ вознагражденіи за ихъ труды. Вѣдь сумма труда, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ равна суммѣ вознагражденія. Мы вполнѣ убѣждены, что со стороны священниковъ—законоучителей не послѣдуетъ охлажденія къ народной школѣ, когда будетъ назначено имъ приличное и соотвѣтственное ихъ трудамъ жалованье.

По отзыву члена училищнаго совѣта г. Назарьева, священники—законоучители исполняютъ свои обязанности »крайне апатично«. Но отъ чего это происходитъ? Не отъ того-ли, чсо они не встрѣчаютъ должнаго сочувствія у нашего общества какъ къ себѣ, такъ и къ тому дѣлу, къ которому они приставлены? Вѣдь до сихъ поръ интересы вѣры понимаются какъ предметъ заботъ одного духовнаго званія. Всякое другое званіе считаетъ дѣло вѣры чуждымъ себѣ. Отсюда однимъ только священникамъ приходится учить вѣрѣ и благочестію дѣтей, имъ однимъ только приходится бороться съ невѣжествомъ и предразсудками народа, а всѣ другіе идутъ какъ-бы въ разрѣзъ съ ними, въ томъ числѣ народные учители и учительницы. Объ учителяхъ говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ, щеголяющіе словомъ »развитіе« занимаютъ дѣтей сельскихъ школъ разными »побасенками и сказками, знакомятъ ихъ съ развѣтвленіемъ деревъ, листьевъ, цвѣтовъ« и проч.,

и при этомъ страдаютъ избыткомъ самолюбія и самоувѣренности, вслѣдствіе чего возникаютъ между ними и законоучителями несогласія, оканчивающіяся тѣмъ, что учители порицаютъ ихъ дѣятельность въ какой-нибудь свѣтской газетѣ. Что касается учительницъ, то и у нихъ дѣло не всегда идетъ ладно. Недавно намъ пришлось прочитать въ »Кавказскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ«[1]) разсказъ объ одной учительницѣ, которая всегда приходила въ сильное раздраженіе, когда какой-либо школьникъ въ ея присутствіи произноситъ слово »Богъ«. »Ахъ, какъ я раздражена негодными мальчишками«, восклицала учительница, приходя домой съ урока. »Чѣмъ же они васъ такъ раздражили?« спрашивали ее тѣ, при которыхъ она говорила. »Да тѣмъ, что то и знаютъ, что́ твердятъ—Богъ, отъ Бога, къ Богу, съ Богомъ«. Эта же учительница въ одинъ день первой недѣли великаго поста вздумала послать мальчика—школьника купить гдѣ-либо молока и яицъ для накормленія холостой молодежи, прибывшей къ ней. Когда мальчикъ сказалъ, что теперь постъ, и молока и яицъ не ѣдятъ, то учительница крикнула: »убирайся ты съ своимъ постомъ...; пусть его держатъ тѣ, которые выдумали его, а ты иди, куда тебя посылаютъ«. Мальчикъ послѣ этого безпрекословно выполнилъ приказаніе своей учительницы. »Въ бытность этой учительницы, говорятъ »Кавказскія епархіальныя Вѣдомости«, мѣстная школа представляла не разсадникъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, а вертепъ соблазновъ и нравственныхъ безобразій, по поводу которыхъ возникло дѣло, окончившееся изгнаніемъ учительницы изъ школы«. Мы не обобщаемъ этого факта, а только имѣемъ въ виду сказать, что онъ вытекаетъ изъ неправильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ народной школѣ.

[1]) „Кавказскія епархіальныя вѣдомости“ № 2-й 1878 г.

Не будемъ останавливаться надъ толкованіемъ приговора произнесеннаго г. Назарьевымъ о дѣятельности законоучителей, которые, какъ онъ говоритъ, »ведутъ свое дѣло неумѣло и бездарно«, а посмотримъ лучше на его педагогическія воззрѣнія относительно преподаванія закона Божія въ народныхъ школахъ.

Г. В. Назарьевъ говоритъ, что »все преподаваніе закона Божія ограничивается заучиваніемъ наизустъ молитвъ, заповѣдей и важнѣйшихъ событій священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Возможное-ли дѣло, спрашиваетъ онъ, считать механическое повтореніе заученныхъ словъ преподаваніемъ закона Божія?« Не говоря о томъ, какъ нужно изучать священную исторію, мы спросимъ: какъ-же, по мнѣнію г. Назарьева, нужно изучать молитвы и заповѣди? Можетъ быть ихъ совсѣмъ не нужно заучивать наизустъ, а нужно разсказывать?.. Но къ чему же это поведетъ? Какіе успѣхи будутъ по закону Божію? Какъ дѣти будутъ молиться?.. По требованію нашей церкви, всѣ необходимѣйшія молитвы, заповѣди, символъ вѣры и проч., непремѣнно должны быть заучиваемы наизустъ. Нынѣшнее мнѣніе нашихъ педагоговъ, чтобы дѣти передавали своими словами молитвы, приводитъ иногда къ курьезамъ. Намъ извѣстенъ такой фактъ: въ одномъ среднемъ учебномъ заведеніи экзаменовался ученикъ домашняго приготовленія по закону Божію. Законоучитель попросилъ его прочитать молитву Господню: »Отче нашъ«; ученикъ началъ читать такъ: »Отче нашъ, хлѣбъ нашъ насущный, дай намъ днесь« и проч. Когда законоучитель замѣтилъ, что такъ молитву читать нельзя и что это свидѣтельствуетъ о незнаніи молитвы, то ученикъ сказалъ: »я разсказываю молитву своими словами«. Подобное случается сплошь и рядомъ: когда ученикъ не знаетъ урока и при передачѣ его путается въ мысляхъ и словахъ, онъ обыкновенно въ

свое оправданіе говоритъ, что отвѣчаетъ урокъ своими словами...

Буквальнаго изученія молитвъ, безъ допущенія какихъ-бы то ни было измѣненій въ словахъ и въ порядкѣ мыслей, требуетъ важность молитвъ и цѣль, для которой онѣ преподаны христіанамъ. Какъ Господь преподалъ образецъ молитвы своимъ ученикамъ, такъ православная церковь предлагаетъ опредѣленныя молитвы для употребленія вѣрующими при общественномъ богослуженіи и причастныхъ ежедневныхъ случаяхъ. Онѣ составлены мужами, опытными въ молитвѣ, и суть плодъ благодатныхъ внушеній свыше и сильныхъ, искреннихъ и глубокихъ чувствованій благоговѣнія къ Богу, которыя исполняли сердца людей благочестивыхъ. Чтеніе этихъ молитвъ, по указанію святой церкви, составляетъ необходимую обязанность каждаго православнаго христіанина, потому что онѣ служатъ къ соединенію всѣхъ православно вѣрующихъ во едино, и нѣтъ лучшаго средства къ сохраненію въ себѣ духа единенія съ ближними, какъ частое употребленіе тѣхъ молитвъ, которыми всѣ молятся и которыя составляютъ какъ-бы общія уста, общій голосъ всѣхъ вѣрующихъ. Нѣтъ нужды, что дѣти не вполнѣ еще понимаютъ слова молитвъ; время объяснитъ имъ смыслъ ихъ, а навыкъ утвердитъ въ душѣ молитвенное расположеніе. Апостолы сначала многаго не понимали въ словахъ Господа Іисуса Христа; тѣмъ не менѣе Онъ сообщалъ имъ тайны Своего ученія, предоставляя времени раскрытіе ихъ.

Знаніе на память повседневныхъ молитвъ, заповѣдей и символа вѣры обязательно для всѣхъ христіанъ. Отъ взрослыхъ, приступающихъ къ св. крещенію, всегда требовалось и нынѣ требуется, чтобы они предварительно прочитали на память слово—въ слово символъ вѣры, во свидѣтельство своего исповѣданія. Предъ совершеніемъ

брака лицъ православнаго исповѣданія священникъ долженъ спросить жениха и невѣсту,—знаютъ ли они молитву Господню и другія повседневныя молитвы, символъ вѣры и заповѣди десятословія, и если окажутся не знающими, отложить бракосочетаніе, доколѣ не изучатъ; ибо стыдно и грѣшно вступать въ бракъ—желать сдѣлаться родителями дѣтей и не знать того, въ чемъ родители должны наставлять своихъ дѣтей[1]).

Требованіе нашихъ нынѣшнихъ педагоговъ, чтобы всѣ уроки изучивались свободно, безъ заучиванія наизустъ, не имѣетъ прочныхъ основаній. Вѣдь легко требовать, чтобы дѣти передавали своими словами преподанное имъ, но не легко, однако, выполнить это требованіе дѣтямъ, которыя и свои то мысли не умѣютъ выражать, какъ слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе не могутъ передать чужія мысли. Дѣти, по причинѣ малаго умственнаго развитія и бѣдности словъ, естественно стараются подражать преподавателю или книжкѣ, которая у нихъ подъ руками, когда отъ нихъ требуютъ повторить преподанное. Кто преподавалъ не только въ низшихъ, но и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, тотъ хорошо знаетъ это. Опытъ показываетъ, что лучшіе ученики обыкновенно буквально знаютъ урокъ. Но свидѣтельствуетъ-ли это о томъ, что они »механически повторяютъ заученныя слова?« Нѣтъ,—они понимаютъ смыслъ словъ, понимаютъ мысли урока и въ состояніи дать отчетъ въ каждой мысли урока и въ томъ, какая связь между этими мыслями. Такъ называемое »зубренье«, конечно, вредно для умственнаго развитія дѣтей, когда они чисто механически заучиваютъ слова, не соединяя съ ними мыслей Но если, при этомъ, принять во вниманіе, что въ отроческомъ возрастѣ, когда дѣти обыкновенно учатся въ

[1]) О должностяхъ пресвит. § 122. Кормч. гл. 50. О преподаваніи закона Божія, Ширскаго стр. 212.

школѣ, обнаруживаетъ свою дѣятельность преимущественно память механическая, то становится понятнымъ, почему дѣти придерживаются словъ учебника. Разумная память, обнаруживающая свою дѣятельность въ соображеніи, въ переходѣ отъ одной мысли къ другой на основаніи той внутренней связи, какая существуетъ между мыслями, хотя и дѣйствуетъ въ отроческомъ возрастѣ, но усиливается въ особенности въ юношескомъ возрастѣ. Понятно, что требовать отъ дѣтей свободнаго изученія уроковъ невсегда возможно и удобно.

Если посмотрѣть на то, какъ исторически рѣшался вопросъ о заучиваніи на изустъ, то увидимъ слѣдующее: въ прежніе вѣка почти все ученіе юношества состояло въ заучиваніи на память. Съ XVII го вѣка педагоги стали высказывать мнѣніе, что лучше предоставить ученикамъ свободу въ усвоеніи учебныхъ предметовъ. Такое мнѣніе существовало въ продолженіи XVIII-го вѣка до 40-выхъ годовъ нынѣшняго (XIX-го) вѣка. Съ 40 выхъ годовъ понятія объ ученіи наизустъ опять стали колебаться. Наконецъ, въ послѣднія десятилѣтія вопросъ объ изученіи наизустъ окончательно рѣшенъ. Въ настоящее время всѣ серьезные педагоги вполнѣ признаютъ необходимость какъ свободнаго, такъ и механическаго заучиванья наизустъ; требуется только, чтобы здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, соблюдалось правило: все во время, въ мѣру и въ порядкѣ. При этомъ замѣтимъ, что мы вовсе не держимся, мнѣнія, будто дѣти должны заучивать наизустъ только вполнѣ понятое ими, будто всякое заучиваніе наизустъ, пока предметъ не разъясненъ учителемъ до послѣднихъ мелочей, должно быть отвергаемо, какъ нѣчто противное природѣ дѣтскаго духа. Душевныя способности взаимно одна другой помогаютъ. Память помогаетъ разсудку, и разсудокъ помогаетъ памяти. Усвоенное памятью легче

усвояется и разсудкомъ. Какъ въ жизни, такъ и въ каждой наукѣ мы многое запоминаемъ чисто механически, запоминаемъ нерѣдко одни слова, которыя уже послѣ становятся ясными для разсудка. Такъ, дитя изучаетъ родной языкъ чрезъ повтореніе словъ, произнесенныхъ другими и при этомъ вначалѣ вовсе и мысли не имѣетъ о всей полнотѣ содержанія произносимыхъ имъ словъ. Часто и взрослые, даже образованные люди, пользуются въ разговорѣ и нерѣдко въ письмѣ такими словами и выраженіями, о внутреннемъ смыслѣ которыхъ они имѣютъ лишь общее, темное представленіе. Заучиваніе на память во многихъ случаяхъ можетъ быть предварительною ступенью къ разумному заучиванью. Надобно сначала принять пищу въ желудокъ, чтобы потомъ можно было переваривать ее. Такъ и духовную пищу не слѣдуетъ-ли сначала принимать въ душу чрезъ посредство памяти, чтобы тѣмъ свободнѣе послѣ того переработывать ее и мыслію?.. Но довольно объ этомъ.

Корреспондентъ изъ Симбирска, передающій въ »Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ« отзывъ В. Назарьева о законоучительствѣ и законоучителяхъ симбирскаго уѣзда, на которомъ мы такъ долго остановились, замѣчаетъ: »высказывая мысли о религіозно нравственномъ основаніи школьнаго дѣла, г. Назарьевъ далекъ отъ того, чтобы поручить его вѣдомству нашего духовенства, а желалъ-бы, чтобы учителя были полными хозяевами школъ, какъ и есть«. Дѣйствительно, въ настоящее время многимъ свѣтскимъ лицамъ, членамъ училищныхъ совѣтовъ, а также гласнымъ земскихъ собраній хотѣлось бы все дѣло народнаго образованія и въ томъ числѣ религіозно-нравственнаго развитія поручить однимъ только мірянамъ—учителямъ. С.-петербургское земское собраніе впервые подало мысль объ этомъ предметѣ еще въ 1875 году; затѣмъ другія земства

постарались поддержать эту мысль. Въ прошломъ 1877 году съѣздъ законоучителей Петербурга и петербургскаго уѣзда рѣшилъ вопросъ о допущеніи мірянъ-учителей къ преподаванію закона Божія въ народныхъ школахъ при нѣкоторыхъ гарантіяхъ[1]). Вслѣдствіе этого свѣтскія лица пришли къ убѣжденію, что поднять уровень народнаго образованія можно тогда, когда учители народныхъ школъ будутъ вмѣстѣ и преподавателями закона Божія. Не повторяя того, что было уже сказано въ нашемъ журналѣ о мірянахъ-преподавателяхъ закона Божія, замѣтимъ только, что мы раздѣляемъ мнѣнія корреспондента »Церковно-Общественнаго Вѣстника« о преподаваніи закона Божія въ народныхъ школахъ. Онъ говоритъ, что, при настоящей постановкѣ школьнаго дѣла, народныя школы не могутъ воспитывать крестьянскихъ дѣтей въ религіозномъ духѣ и направленіи, потому что закону Божію отведено въ сельскихъ школахъ по счету первое, а на дѣлѣ послѣднее мѣсто; что религію нужно поставить во главѣ народно-школьнаго дѣла и передать ее въ завѣдываніе служителей религіи, которымъ бы помогали въ этомъ дѣлѣ и народные учители; что »на основаніи 17 статьи положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ необходимо поставить особыхъ экзаментаровъ по закону Божію изъ лучшихъ священно-служителей, которые бы дѣйствительно наблюдали за религіознымъ развитіемъ учащихся не внѣшне только, не формально и начальственно, а искренно, разумно, отечески. Тогда только дѣло преподаванія закона Божія пойдетъ правильнымъ путемъ и дастъ соотвѣтствующіе плоды«.

Въ газетѣ »Современность«[2]) находимъ корреспон-

[1]) См. »Руководство для сельскихъ пастырей №№ 19 и 38 й 1878 г.

[2]) Современность № 69-й 1878 г.

денцію, подобную разобранной нами. Эта корреспонденція писана изъ Черностанской волости, Ярославской губерніи. Въ ней говорится о ненормальности отношеній, существующихъ между членами училищнаго совѣта и законоучителями сельскихъ народныхъ школъ. Отцы законоучители и гг. члены совѣта не сошлись какъ-то въ общемъ дѣлѣ и многіе изъ священниковъ совершенно отказались отъ должности законоучительской. Случай былъ такой: членъ одного училищнаго совѣта принесъ преосвященному жалобу на священника—законоучителя сельскаго начальнаго училища, который вообще небрежно относился къ своей обязанности, а подъ конецъ года, не задолго до экзаменовъ, и совсѣмъ отказался отъ занятій въ училищѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что многіе ученики этого училища, не оказавъ требуемыхъ успѣховъ по закону Божію, лишились въ настоящемъ году права получить свидѣтельство объ окончаніи курса въ училищѣ. Преосвященный Іонаѳанъ, епископъ ярославскій и ростовскій, положилъ на жалобѣ инспектора такую резолюцію: »подтвердить циркулярно указами и прочимъ законоучителямъ ярославской епархіи, чтобы они самовольно и безъ уважительныхъ причинъ не уклонялись отъ преподаванія закона Божія при училищахъ сельскихъ«. Отцы законоучители всей епархіи дали подписку въ непремѣнномъ исполненіи указа консисторіи, и г. членъ училищнаго совѣта, конечно, остался доволенъ распоряженіемъ преосвященнаго: »знай-де нашихъ, написалъ архіерею—и ладно, а тамъ пусть вѣдаются, какъ знаютъ«.

Корреспондентъ, передавши фактъ, характеризующій отношеніе членовъ училищнаго совѣта къ законоучителямъ, и сказавши о сдѣланномъ по этому поводу распоряженіи преосвященнаго, говоритъ далѣе: »какъ на морѣ послѣ бури наступаетъ затишье, такъ пришло время притихнуть

и нашимъ членамъ училищнаго совѣта, кричать праведно и неправедно противъ законоучителей. Тотъ же преосвященный Іонаѳанъ сдѣлалъ другое распоряженіе, ограничивающіе своеволіе гг. членовъ училищнаго совѣта«. Какое же это распоряженіе? Преосвященный Іонаѳанъ, желая имѣть обстоятельныя свѣдѣнія объ успѣхахъ преподаванія закона Божія и религіозно нравственномъ направленіи обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, отнесся »въ губернскій училищный совѣтъ о приглашеніи къ испытанію по закону Божію въ училищахъ сихъ, въ качествѣ ассистентовъ, мѣстныхъ оо. благочинныхъ. Въ случаѣ же невозможности лично (оо. благочиннымъ) присутствовать при испытаніяхъ, назначали бы вмѣсто себя кого либо изъ подвѣдомыхъ священниковъ, знакомыхъ съ дѣломъ народнаго образованія и благонадежныхъ«. Благіе результаты такого распоряженія, сдѣланнаго преосвященнымъ Іонаѳаномъ, сами собой очевидны: члены училищнаго совѣта волей—не волей должны будутъ давать знать, какъ законоучителямъ училищъ, такъ и ассистентамъ, когда они прибудутъ въ такое-то училище для испытанія. А то теперь случается, что члены совѣта пріѣзжаютъ въ училище для испытаній или тогда, когда нѣтъ и половины дѣтей, или когда законоучителямъ нельзя оставить церковь и приходъ, чтобы присутствовать на экзаменѣ. Бывали и такіе случаи, что члены совѣта находили возможнымъ производить экзаменъ по закону Божію безъ законоучителя и приходили къ убѣжденію, что этотъ предметъ преподается »неудовлетворительно«, что законоучитель не умѣетъ вести свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Такіе отзывы дѣлались о законоучителяхъ способныхъ и усердныхъ къ своему дѣлу. Естественно, что, при такихъ отношеніяхъ членовъ училищнаго совѣта къ дѣлу народнаго образованія, нѣкоторые законоучители устраняютъ себя отъ обязанностей преподаванія

закона Божія, а другіе подумываютъ объ этомъ устраненіи.

Свѣтскимъ лицамъ почему-то не нравится контроль благочинныхъ надъ религіозно нравственнымъ направленіемъ въ народныхъ школахъ. Они хотѣли бы вовсе устранить ихъ отъ посѣщенія народныхъ школъ. Отсюда возникаютъ между свѣтскими лицами и благочинными различныя недоразумѣнія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду недавнее распоряженіе самарской духовной консисторіи, сдѣланное по этому предмету. Благочинный 2-го округа Бугурусланскаго уѣзда, священникъ Цвѣтковъ, просилъ самарскую духовную консисторію разъяснить ему его обязанности по ревизіи начальныхъ народныхъ школъ, во избѣжаніе различныхъ пререканій съ лицами, которые утверждаютъ, что духовенству не слѣдуетъ вторгаться въ чужую сферу. Консисторія дала знать благочинному, что при подобнаго рода возраженіяхъ слѣдовало указать на статью 17 ю положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, которою высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ этихъ училищахъ предоставлено епархіальному архіерею; епархіальный же архіерей или самъ обозрѣваетъ школы или же поручаетъ это дѣло особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ. Въ данномъ случаѣ благочинный есть лицо, уполномоченное отъ епархіальнаго архіерея, обязанное въ точности исполнять возложенную на него порученность[1]).

Видно, что отзывы членовъ училищныхъ совѣтовъ о неудовлетворительномъ преподаваніи закона Божія въ сельскихъ школахъ составляютъ въ настоящее время, предметъ думъ и заботъ многихъ епархіальныхъ преосвященныхъ.

[1]) »Церковно-Обществ. Вѣстникъ № 58-й 1878 г.

Передаемъ, со словъ »Церковно Общественнаго Вѣстника« [1]), отношеніе къ такимъ отзывамъ Екатеринославскаго преосвященнаго. Въ Екатеринославской духовной консисторіи слушалась переписка, начавшаяся по отзывамъ училищныхъ совѣтовъ о неуспѣшности будто-бы учениковъ нѣкоторыхъ сельскихъ школъ по закону Божію, каковые отзывы даются посѣщающими сельскія училища членами училищнаго совѣта. Отзывы эти, по заявленіямъ духовенства, послѣдовали на основаніи случайныхъ отвѣтовъ одного, двухъ или нѣсколькихъ учениковъ по вопросамъ, предлагаемымъ среди учебнаго времени, а не по годичнымъ испытаніямъ всей школы, и притомъ безъ бытности законоучителей и присутствующаго въ совѣтѣ по назначенію преосвященнаго, или кого-либо изъ мѣстныхъ благочинныхъ, или законоучителей ближайшей мѣстности. По сообщенію его преосвященства о заявленіяхъ законоучителей, екатеринославскій губернскій училищный совѣтъ 30 января сего 1878 года постановилъ: такъ какъ по ст. 20 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ завѣдываніе учебною частію всѣхъ таковыхъ училищъ въ губерніи ввѣряется директору народныхъ училищъ и инспекторамъ сихъ училищъ, какъ непосредственно ему подчиненнымъ помощникамъ, то оцѣнка трудовъ объ успѣшности занятій по народнымъ школамъ законоучителей, какъ и учителей составляетъ долгъ и право директора и инспектора народныхъ училищъ во всякое время учебныхъ мѣсяцевъ. Посему, въ случаѣ недоразумѣній и пререканій между законоучителями и училищными совѣтами касательно успѣшности или неуспѣшности законоучителей по преподаванію закона Божія въ народныхъ школахъ, степень усердія къ занятіямъ послѣднихъ и успѣшность этихъ занятій опредѣляется директоромъ народныхъ училищъ или инспекторомъ под-

[1]) »Церковно-Обществ. Вѣстникъ« № 115-й 1878 г.

лежащаго инспекторскаго округа. Въ исключительныхъ случаяхъ препирательства между уѣздными училищными совѣтами и законоучителями училищъ, преимущественно со стороны усердія къ занятіямъ законоучителей, дѣла объ этомъ поступаютъ чрезъ губернскій училищный совѣтъ, при его заключеніи, къ епархіальному преосвященному, которому, по ст. 17 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, принадлежитъ высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, и который или самъ обозрѣваетъ оныя, или поручаетъ это особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ. Это разъясненіе екатеринославскаго губернскаго училищнаго совѣта, сдѣланное имъ въ постановленіи отъ 30 января сего года, какъ относительно оцѣнки трудовъ и успѣшности занятій по народнымъ школамъ законоучителей директоромъ или инспекторами народныхъ училищъ, а не членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, такъ и касательно образа дѣйствій училищныхъ совѣтовъ въ отношеніи законоучителей по оцѣнкѣ ихъ трудовъ,—сообщено для свѣденія законоучителей народныхъ школъ екатеринославской епархіи.

Ничего не прибавляя къ тому, что сейчасъ сказано нами о дѣятельности епархіальныхъ преосвященныхъ относительно надлежащей постановки наблюденія за преподаваніемъ закона Божія въ народныхъ школахъ, такъ какъ здѣсь дѣло говоритъ само за себя, мы упомянемъ еще объ одномъ фактѣ, характеризующемъ отношеніе членовъ училищныхъ совѣтовъ къ тѣмъ школамъ, которыя открыты самими законоучителями, приложившими все свое стараніе заботы и труды на пользу народнаго образованія. Эти школы, не пользуясь сочувствіемъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, или закрываются или вскорѣ должны будутъ

закрыться. Недавно одинъ священникъ, преподающій законъ Божій въ училищѣ, которое помѣщается въ церковномъ зданіи, существуетъ уже 10 лѣтъ и ежегодно имѣетъ учащихся отъ 60 до 70 дѣтей обоего пола, обратился съ просьбою въ училищный совѣтъ, дабы онъ выдалъ изъ земской или училищной суммы 50 рублей на поправку училищнаго зданія, обветшавшаго отъ 10-ти лѣтняго своего существованія. Училищный совѣтъ отвѣтилъ на это отказомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не имѣетъ для этого экстра-ординарной суммы и не желаетъ обременять земство излишними расходами на училище, такъ какъ зданіе, находящееся подъ училищемъ, есть принадлежность церкви. Послѣ этого законоучитель обратился къ церковному старостѣ, къ прихожанамъ, къ попечителю училища и къ волостному правленію съ просьбою пособить горю, но встрѣтилъ или отказъ или безмолствіе. Что же дѣлать? Закрыть училище? Но куда же пойдутъ тѣ ученики и ученицы, въ количествѣ 70 дѣтей, которые въ прошломъ году начали ученіе, а въ нынѣшнемъ должны кончить? Между тѣмъ наступила осень, нужно начать ученіе, а въ училище войти нельзя... »Часто пишутъ въ газетахъ, говоритъ этотъ законоучитель, и съ ядовитымъ упрекомъ осуждаютъ духовенство, что оно не сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія. Да правда ли это? Не лучше ли этотъ упрекъ обратить къ тѣмъ лицамъ, которые приставлены къ этому дѣлу?« [1]).

Въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ, что дѣло народнаго образованія вообще и религіозно нравственнаго развитія нашего народа въ частности тогда только принесетъ благіе результаты, когда между членами училищныхъ совѣтовъ и законоучителями не будетъ существовать ненор-

[1]) »Современность« № 104 й 1878 г.

мальныхъ отношеній и когда свѣтскія лица не будутъ стремиться къ совершенной изолированности народныхъ школъ отъ вліянія духовенства, будто-бы тормозящаго успѣхи грамотности. Намъ извѣстны такія народныя школы, куда стекались слушать учителя—священника не только дѣти, но и взрослые крестьяне. А почему? Вопросъ этотъ легко рѣшается самъ собою. Священникъ призванъ учить другихъ не грамотѣ, а чрезъ грамотность—любви, истинѣ и добру. Само собою понятно, что религіозно-нравственный элементъ нисколько не препятствуетъ успѣхамъ развитія грамотности. Напротивъ, онъ дѣлаетъ грамотность жизненною и согласною съ идеальными требованіями, высказанными въ высочайше утвержденномъ положеніи, 25 мая 1874 года, о начальныхъ народныхъ училищахъ. Если спросить крестьянина того села, гдѣ есть школа, что дѣлалъ у нихъ въ школѣ учитель—священникъ, и что дѣлаетъ свѣтскій народный учитель, то непремѣнно получится подобный отвѣтъ: священникъ училъ дѣтей всему доброму и вмѣстѣ и грамотѣ; свѣтскій народный учитель только грамотѣ. Но не одна только грамотность нужна для нашего простолюдина, т. е. умѣнье читать, писать, считать; для него нужно религіозно-нравственное развитіе. Народная школа, съ этой послѣдней стороны, можетъ принесть громадную пользу, если она будетъ стоять на стражѣ гуманнаго развитія дѣтей и нравственно-религіознаго воспитанія ихъ. А это возможно только при тепломъ участіи и воздѣйствіи на школу священниковъ—законоучителей. Добровольное или недобровольное устраненіе священниковъ отъ школы можетъ повлечь за собою ослабленіе религіозно нравственнаго развитія нашего простаго народа.

И. Л.

На вопросъ: какъ совершать благословеніе хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи?

Прочитавъ въ № 7-мъ »Руководства для сельскихъ пастырей« статью автора П. І. П. касательно этого вопроса, мы очень удивились его мыслямъ, и сряду же хотѣли опровергнуть неправильный взглядъ его на этотъ предметъ. Но встрѣтивъ, въ № 21-мъ того-жъ журнала, отвѣтъ на этотъ вопросъ Хар. епарх. вѣдомостей, мы полагали, что и этого краткаго, но яснаго отвѣта достаточно. Между тѣмъ сторонники П. І. П. говорятъ, что »отвѣтъ Хар. епар. вѣдомостей весьма не удовлетворителенъ и не точенъ,—подобраны одни только слова, а дѣло не разъяснено«. «Притомъ-же,—говорятъ они,—сами эти вѣдомости утверждаютъ, что гдѣ церковь желаетъ благословить что-либо имянословнымъ благословеніемъ, тамъ она прямо употребляетъ выраженіе—*благословляетъ*; а этотъ обрядъ церковный, то есть благословеніе хлѣбовъ, всегда и вездѣ зовется *благословеніемъ* хлѣбовъ; слѣдовательно, благословлять эти хлѣбы должно такъ, какъ повазываетъ П. І. П. Сверхъ того, со словами—*священникъ благословляетъ*, мы всегда соединяемъ понятіе, что *благословляетъ онъ имянословнымъ благословеніемъ*; такъ какъ имянославное перстосложеніе есть неотъемлемая принадлежность священническаго благословенія; а благословлять эти хлѣбы, пшеницу, вино и елей положено и священнику; слѣдовательно,—заключаютъ они,—нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь священникъ обязанъ благословлять эти предметы своимъ священническимъ благословеніемъ, то есть, имянословнымъ; въ противномъ же случаѣ, здѣсь будетъ благословеніе безъ благословенія, то есть выйдетъ чистая нелѣпость. Пусть, говорятъ они (сторонники П. І. П.), кто-либо опровергнетъ слова и мысли П. І. П. и наглядно докажетъ

намъ, что этотъ церковный обрядъ долженъ совершаться безъ имянословнаго священническаго благословенія; иначе же мы всегда останемся при своемъ убѣжденіи«.

Вотъ побужденія, по которымъ мы рѣшились опровергнуть статью П. І. П. и, разъяснивъ, сколько умѣемъ, истинный смыслъ благословенія хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи, на этомъ утвердить свое убѣжденіе, что этотъ церковный обрядъ долженъ совершаться безъ имянословнаго священническаго благословенія.

Итакъ, да проститъ намъ великодушно П. І. П., если мы скажемъ, что взглядъ его на благословеніе хлѣбовъ узокъ и поверхностенъ, и потому совершенно не согласенъ въ данномъ случаѣ, со взглядомъ святой, православной и каѳолической нашей церкви.

Самъ же П. І. П. говоритъ: »предложенный вопросъ, по видимому, ясно разрѣшается уставомъ и служебникомъ, гдѣ подробно объяснено, какъ благословлять хлѣбы, пшеницу, вино и елей на литіи на всенощномъ бдѣніи«. Только одно слово »по видимому« авторъ здѣсь употребилъ безъ всякой нужды, и отъ того суть дѣла испортилъ, то есть затемнилъ истину и извратилъ ее на иной ладъ. Не по видимому только, а совершенно подробно и, прибавимъ мы, весьма ясно объясненъ чинъ благословенія хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи какъ въ уставѣ церковномъ, такъ равно и въ служебникѣ.

И, чтобъ доказать свой взглядъ, П. І. П. дѣлаетъ сильную натяжку изреченію устава и служебника—»десницею указуетъ«. Вѣдь, кажется, безъ всякаго объясненія ясно, что указывать не одно и тоже, что благословлять; но П. І. П. не хочетъ знать этого. Онъ изреченію—»десницею указуетъ« даетъ не простый, обыкновенный смыслъ; по его взгляду должно быть здѣсь то, чтобъ священникъ указывалъ не просто своею правою рукою на

предложенные предметы—хлѣбы, пшеницу, вино и елей, *по рукою, сложенною имянословно, то есть благословляющею*. Такимъ образомъ, *по его воззрѣнію, имянословное* священническое перстосложеніе здѣсь совершаетъ два дѣла: *указуетъ* и *благословляетъ*. Слѣдовательно выходитъ, что уставъ и служебникъ допустили здѣсь не точность, не досказавъ истины.

Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Нѣтъ, достопочтеннѣйшій П. І. П., къ изрѣченію Устава и служебника »десницею указуетъ« прибавлять еще—»сложенною имянословно«, по нашему мнѣнію, не хорошо и не разумно. Въ священническомъ имянословномъ перстосложеніи заключается великая сила Божія; потому что въ этомъ перстосложеніи живописуется сладчайшее имя Іисуса Христа, Сына Божія, о имени Котораго поклонится *всяко* колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ; такъ мы не допускаемъ, чтобы сама православная наша церковь это Святѣйшее и Сладчайшее *Имя* могла употреблять въ смыслѣ *указки*.

Въ указаніи десницею, безъ имянословнаго перстосложенія, въ данномъ случаѣ, П. І. П. видитъ не православное благословеніе, а еретическое, то есть или латинское или протестантское. Не бойтесь этого, достопочтенный П. І. П.!... Обрядъ этотъ, и безъ имянословнаго священническаго благословенія, есть обрядъ чисто православный; такъ какъ, во первыхъ, совершается онъ въ православной церкви; во вторыхъ, совершается православнымъ священникомъ; а въ третьихъ, совершается такъ по наставленію самой православной церкви.

Ревнуя о православіи, П. І. П. впадаетъ, по нашему мнѣнію, въ непохвальную крайность. Изъ словъ его видно, будто-бы онъ держится того убѣжденія, что безъ имянословнаго священническаго перстосложенія въ святой право-

славной нашей церкви не бываетъ ни какого благословенія, а тѣмъ болѣе освященія, и въ доказательство этой мысли онъ ссылается на примѣръ освященія водъ «святыхъ Богоявленій«. Такъ, достопочтеннѣйшій П. І. П., и мы знаемъ и увѣрены, что при освященіи водъ »святыхъ Богоявленій« священникъ благословляетъ эти воды имянословнымъ перстосложеніемъ; потому что дѣлать это ему вмѣнено въ обязанность самою св. церковію, и весьма ясно показано это наряду въ самомъ Требникѣ, именно въ »Послѣдованіи великаго освященія святыхъ Богоявленій«. Освященіе водъ святыхъ Богоявленій въ Требникѣ озаглавывается такъ: »Послѣдованія *великаго освященія* святыхъ Богоявленій« (смотр. Требникъ). Но кромѣ этого послѣдованія, въ нашей православной церкви, есть другое послѣдованіе освященія водъ, которое, въ Требникѣ же, озаглавливается такъ: »Послѣдованіе *малаго освященія* воды«.

Такъ, скажите, достопочтеннѣйшій П. І. П., освящается-ли вода въ маломъ освященіи, такъ какъ въ этомъ послѣдованіи освященія ея не положено благословлять её священнику имянословнымъ благословеніемъ? Впрочемъ, на это скажетъ намъ П. І. П., что вода здѣсь благословляется святымъ и животворящимъ крестомъ. Такъ, скажите П. І. П., вотъ что: считать-ли святымъ или освященнымъ елей, при таинствѣ елеосвященія, такъ какъ этотъ елей остается безъ всякаго крестообразнаго, не говоримъ уже имянословнаго, священническаго ручнаго осѣненія?!.

Послѣ чина благословенія хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи, въ уставѣ и служебникѣ сдѣлано предостереженіе іерею, чтобы онъ не благословлялъ въ другой разъ эти хлѣбы, пшеницу, вино и елей, и чтобъ онъ не употреблялъ эти хлѣбы и вино для совершенія Божественной литургіи. Это предостереженіе совершенно разсѣваетъ всякое недоумѣніе на счетъ этого благословенія. Изъ этого предостереженія можно смѣло и утвердительно заключать, что

благословеніе хлѣбовъ здѣсь должно совершаться безъ священническаго имянословнаго перстосложенія, однимъ указаніемъ правою рукою священика. Еслибы благословеніе хлѣбовъ совершалось здѣсь имянословнымъ священническимъ перстосложеніемъ, то для чего это предостереженіе? Конечно, всякій бы іерей, какой бы онъ ни былъ невѣжда, зналъ бы, что они благословлены; и слѣдовательно, не должно благословлять ихъ въ другой разъ. Это предостереженіе, безъ всякаго сомнѣнія, св. церковь сдѣлала для іереевъ, подобныхъ П. І. П., которые благословеніе усвоиваютъ только имянословному священническому перстосложенію.

Какъ видно, все дѣло и вся бѣда въ томъ, что П. І. П. и сторонники его не понимаютъ словъ—*благословлять* и *благословеніе*. Они этимъ словамъ предаютъ самый тѣсный смыслъ. Для насъ не мало удивительно, что П. І. П. и его сторонники не знаютъ: что значатъ слова—*благословлять* и *благословеніе* въ обширномъ своемъ смыслѣ. По нашему, и особенно церковному разумѣнію, слово *благословлять* значитъ иногда—*сказать доброе слово кому либо и о комъ либо*, *выразить словами кому либо и какое либо благожеланіе*, или по просту—*похвалить кого либо*. Слѣдовательно, слово—*благословеніе*, произшедшее отъ глагола—*благословлять*, значитъ иногда—*доброе слово*, *благожеланіе* или просто *похвала*. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы благословляемъ даже Самаго Бога. И мы знаемъ и видали, что благословляютъ не одни священники, а иногда благословляютъ даже простые люди—міряне; какъ-то, родители благословляютъ своихъ дѣтей, родственники своихъ родственниковъ, учители своихъ учениковъ и проч., а не говоримъ уже о монахахъ. У монаховъ только и слышишь: »благослови отецъ«, и—»благослови братъ«, и: »Господь благословитъ!« Такъ, въ этомъ-то, между прочимъ, смыслѣ обрядъ благословенія хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи называется такимъ

именемъ; а именно, называется такъ по молитвѣ, которую глаголетъ іерей велегласно и въ которой онъ испрашиваетъ благословеніе у Бога на хлѣбы, пшеницу, вино и елей. А во всѣхъ другихъ случаяхъ, то есть гдѣ потребно священнику благословлять что либо имянословнымъ перстосложеніемъ, св. православная наша церковь ясно тогда обозначаетъ словами такого рода: »благословляетъ«, а иногда: »знаменуетъ«[1]); а отнюдь не употребляетъ тогда выраженія—»указуетъ«.

Такимъ образомъ, вопросъ П. І. П.,—»гдѣ правило священнослужителю благословлять одною рукою безъ имянословнаго сложенія перстовъ руки благословляющей«, имѣетъ смыслъ слѣдующаго вопроса: какое право имѣютъ родители благословлять своихъ дѣтей, учители своихъ учениковъ, монахъ монаха и проч., когда они не имѣютъ права

---

[1]) Мы сказали: *иногда*: *знаменуетъ;* потому что подъ словомъ —„*знаменуетъ*“ св. церковь разумѣетъ всегда—*изображать крестное знаменіе какимъ либо образомъ*. Такое знаменованіе совершается иногда рукою священника, сложенною имянословно, а иногда какимъ-либо предметомъ. Послѣднее знаменованіе положено совершать и при благословеніи хлѣбовъ: »іерей, вземъ единъ хлѣбъ, знаменуетъ имъ прочія хлѣбы«, сказано въ уставѣ и служебникѣ. Но надобно знать и то, что св. церковь дѣлаетъ и допускаетъ знаменованіе не всегда съ цѣлію—освятить тотъ предметъ, надъ которымъ дѣлается это знаменованіе. Таковое знаменованіе дѣлается иногда только для того, чтобъ почтить знаменіемъ креста Господня тотъ предметъ, который іерей держитъ въ рукахъ своихъ, или тотъ предметъ, надъ которымъ онъ совершаетъ это знаменіе. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторые іереи дѣлаютъ антиминсною губкою знаменованіе самаго антиминса. И намъ просто обидно, что П. І. П., какъ выходитъ изъ его словъ, антиминсной губкѣ приписываетъ благословеніе, даже въ смыслѣ освященія. Скажите, пожалуй, П. І. П., какое благословеніе чрезъ антиминсную губку можетъ преподать іерей антиминсу, который совершенно освященъ самимъ архіереемъ?! Авторъ.

складывать персты своей руки имянословно, какъ священникъ?!...

Вотъ что говорится въ Скрижали объ этомъ благословеніи хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи.

»Хлѣбы здѣсь изображаютъ тѣ таинственные пять хлѣбовъ, которые Христосъ умножилъ и которыми насытилъ пять тысячъ народа. Въ настоящей молитвѣ священникъ проситъ Бога, дабы Онъ благословилъ *хлѣбы сіи, пшеницу, вино и елей*, какъ предметы необходимые для поддержанія нашей жизни. Такъ какъ въ началѣ службы церковной, въ предначинательномъ псалмѣ, мы благодарили Бога за то, что Онъ *извелъ хлѣбъ изъ земли, вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, который лице его умаститъ:* то, чтобы такому началу соотвѣтствовалъ и конецъ, мы, воздавая благодареніе Богу за таковые дары, предлагаемъ тѣ же самые предметы на благословеніе и просимъ умножить ихъ. Такое благословеніе хлѣбовъ бываетъ только на всенощныхъ бдѣніяхъ. Симеонъ Солунскій (въ главѣ 342) говоритъ: *это благословеніе хлѣбовъ совершается, если есть бдѣніе: если же его нѣтъ, то послѣ приклоненія главъ не бываетъ ни литіи, ни благословенія хлѣбовъ. Благословенія же хлѣбовъ не бываетъ потому, что оно установлено ради труда бдѣнія, дабы братія за трудъ получила и благословеніе Христово и нѣкоторое подкрѣпленіе, и чтобы, особливо освященные, съ этихъ поръ начинали молиться о причащеніи страшныхъ таинъ*« (смотр. Новая скрижаль част. 2-я, глава 1, § 34).

Кратки, но ясны слова Скрижали объ этомъ предметѣ. Образованному и мыслящему іерею немного труда надобно, чтобъ понять здѣсь всё и добраться до искомой истины.

Изъ Скрижали мы узнаемъ во первыхъ, что хлѣбы здѣсь означаютъ тѣ пять таинственныхъ хлѣбовъ, которыми

Іисусъ Христосъ напиталъ пять тысячь народа Впрочемъ это самое очевидно и изъ словъ молитвы, которую читаетъ іерей велегласно при благословеніи этихъ хлѣбовъ: *благословивый пять хлѣбовъ и пять тысящь насытивый.* Во вторыхъ, изъ Скрижали мы узнаемъ, что первенство благословенія принадлежитъ здѣсь хлѣбамъ, а пшеница, вино и елей занимаютъ здѣсь мѣсто второстепенное, и предлагаются для благословенія съ одной стороны, какъ самые необходимые предметы въ нашей жизни, а съ другой, чтобъ конецъ вечерни соотвѣтствовалъ ея началу. Если хлѣбы здѣсь означаютъ тѣ пять хлѣбовъ, которыми Христосъ напиталъ пять тысячъ народа, то не должно быть никакого сомнѣнія, что и благословлять оные слѣдуетъ безъ имянословнаго священническаго перстосложенія. Конечно, никто не будетъ спорить, что Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ благословилъ тѣ пять хлѣбовъ не такъ, какъ Онъ благословилъ хлѣбъ на Тайной вечери. Хотя св. евангелисты и апостолы не говорятъ о разности этого благословенія, но это очевидно для всякаго образованнаго христіанина. Эти пять хлѣбовъ Господь благословилъ предъ лицемъ цѣлыхъ тысячъ народа, между которыми было не мало невѣрныхъ, какъ показалъ опытъ Его бесѣды съ іудеями, въ слѣдствіе этого чуда, которые сказали: *жестоко есть слово сіе: и кто можетъ его послушати*; и *отъ сего мнози отъ учениkъ Его идоша вспять, и ктому не хождаху съ Нимъ* (Іоан. 6, 60 и 66); слѣдовательно, Учившій не давать святая псомъ и не мѣтать бисера предъ свиньями, ужели благословилъ эти хлѣбы такъ, какъ благословилъ хлѣбъ на Тайной вечери?!... Нѣтъ, не возможно допустить этого. Святые отцы церкви ясно говорятъ намъ, что самые св. апостолы въ своихъ писаніяхъ умолчали объ образѣ благословенія евхаристическаго хлѣба именно потому, чтобъ не оглашать

того, на что невѣрнымъ и посмотрѣть недозволительно. Вотъ, потому-то, св. православная наша церковь заповѣдуетъ своему іерею, который носитъ на себѣ образъ Христа, благословлять эти хлѣбы не такимъ благословеніемъ, какимъ онъ благословляетъ хлѣбъ на Божественной литургіи, а заповѣдуетъ довольствоваться здѣсь только знаменованіемъ однимъ хлѣбомъ прочихъ и молитвою, во время которой онъ долженъ крестообразно указать на всѣ предметы, предложенные предъ нимъ. И таковое благословеніе, будучи согласно съ благословеніемъ Самаго Іисуса Христа, въ данномъ случаѣ, вполнѣ прилично и самому Богослуженію; такъ какъ это благословеніе совершается на вечерни, которая св. церковію посвящена воспоминанію ветхаго завѣта. А въ ветхомъ завѣтѣ не было еще истинныхъ благъ, а была только тѣнь этихъ благъ. Правда, и въ ветхомъ завѣтѣ знали крестъ Христовъ, даже видѣли его чудесную и непобѣдимую силу (см. канонъ на Водвиженіе креста Господня), но не знали еще самаго сладчайшаго имени—*Іисуса Христа*, Который, ради нашего спасенія, имѣлъ пострадать на крестѣ. И вотъ опять, на вечерни, которая, какъ мы уже сказали, посвящается воспоминанію ветхаго завѣта, св. церковь, при благословеніи хлѣбовъ, пшеницы, вина и елея, довольствуется *сѣннымъ благословеніемъ*, то есть довольствуется знаменованіемъ однимъ хлѣбомъ прочихъ и молитвою, съ крестообразнымъ указаніемъ десницею іерея на предложенные предметы, а не употребляетъ благословенія имянословнаго, въ которомъ живописуется сладчайшее имя—*Іисусъ Христосъ*. И такого благословенія весьма здѣсь достаточно; такъ какъ кромѣ молитвы іерей здѣсь дважды изображаетъ своею правою рукою крестъ, а *крестомъ*, по вѣрованію и убѣжденію св. церкви, *все очищается и все освящается* (см. Скрижали часть 1-я, глава X, § 16).

Кажется, что теперь ясно и понятно,—какъ благословлять хлѣбы на всенощномъ бдѣніи; но, для полноты нашей рѣчи объ этомъ благословеніи, обратимъ вниманіе и на слова Симеона Солунскаго, приведенныя въ Скрижали, касательно этого предмета.

Слова Симеона Солунскаго важны для насъ въ томъ отношеніи, что изъ его словъ мы узнаемъ, во первыхъ, что это благословеніе хлѣбовъ бываетъ только на всенощномъ бдѣніи; во вторыхъ, что оно установлено ради труда бдѣннаго, дабы братія за трудъ получила благословеніе Христово и нѣкоторое подкрѣпленіе; и въ третьихъ, что съ этого времени должно уже молиться о причащеніи страшныхъ Христовыхъ таинъ.

Хоть изъ этихъ словъ Симеона Солунскаго не видно того, когда этотъ обрядъ установленъ въ нашей православной церкви; но само собою разумѣется, что этотъ обрядъ весьма древній. Этотъ церковный обрядъ ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ; хотя первоначально онъ совершался не въ такомъ точно видѣ, въ какомъ онъ совершается въ настоящее время[1]). Извѣстно изъ писаній апостольскихъ, что первенствующіе христіане, собираясь на общественную молитву, приносили съ собою хлѣбъ и вино для Божественной евхаристіи и для своего между прочимъ подкрѣпленія, во время долговременной своей молитвы. Это видно изъ того, что св. апостолъ Павелъ укоряетъ коринѳскихъ христіанъ въ злоупотребленіи

---

[1]) А именно, въ самомъ началѣ благословлялись только хлѣбъ и вино, а въ послѣдствіи св. церковь прибавила къ хлѣбу и вину пшеницу и елей; съ одной стороны, какъ предметы самые необходимые въ жизни, а съ другой стороны, чтобъ конецъ вечерни соотвѣтствовалъ ея началу. Нѣтъ намъ нужды говорить о томъ, когда сдѣлано св. церковію это прибавленіе пшеницы и елея, такъ какъ это не относится существенно къ нашему дѣлу. Авторъ.

этими приношеніями. *Сходящимися убо вамъ вкупѣ*, говоритъ онъ, *нѣсть Господскую вечерю ясти: кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ снѣденіе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается* (1 Кор. 11, 21). *Тѣмъ же, братія моя*, говоритъ онъ далѣе, *сходящеся ясти, другъ друга ждите: аще ли кто алчетъ, въ дому да ястъ: да не въ грѣхъ сходитеся О прочихъ же, егда пріиду, устрою* (1 Кор. 11, 33, 34) И вотъ св. апостолы *устроили*, что изъ хлѣба и вина, приносимыхъ христіанами, лучшая часть отдѣлялась для св. евхаристіи; а остальная часть употреблялась на учрежденіе общей трапезы, послѣ евхаристіи, каковая трапеза называлась *вечерію любви*. А въ чрезвычайныя общественныя собранія особенно продолжительныя, именно—во всенощныя бдѣнія, которыя тогда были всенощными въ подлинномъ смыслѣ этого слова, часть изъ тѣхъ же приношеній употреблялись на подкрѣпленіе бдящихъ христіанъ, дабы они, съ одной стороны, бодрѣе могли продолжать свое бдѣніе, а съ другой, чтобы послѣ этого подкрѣпленія не вкушали болѣе ничего до самаго причащенія своего Божественной евхаристіи. А такъ какъ это подкрѣпленіе себя пищею совершалось во время Богослуженія, то, само собою разумѣется, св. церковь дала этому подкрѣпленію таинственный видъ, вполнѣ согласный какъ времени, такъ и мѣсту. А именно, такъ какъ конечная цѣль церковнаго собранія есть Божественная евхаристія, то есть пріобщеніе Животнаго хлѣба, то св. церковь и въ этомъ подкрѣпленіи не опускаетъ изъ виду конечной и существенной своей цѣли; и въ этомъ подкрѣпленіи, она какъ-бы предвкушаетъ Божественную евхаристію. А для того она, во первыхъ, беретъ для своего подкрѣпленія хлѣбъ и вино, на которыхъ имѣетъ совершиться таинство евхаристіи,—во вторыхъ, беретъ для этого только пять хлѣбовъ, на подобіе того,

что Самъ Іисусъ Христосъ для подкрѣпленія голодныхъ и усталыхъ въ пустынѣ іудеевъ употребилъ только пять хлѣбовъ; въ третьихъ, предстоятель церкви, воспоминая надъ ними это чудо Христа Спасителя, чудо, которое было прообразомъ другаго чуда изъ чудесъ, т. е. Божественной евхаристіи, молитъ Его *благословить эти хлѣбы, умножить, и вкушающихъ отъ нихъ вѣрныхъ освятить*; въ четвертыхъ, самое время этого подкрѣпленія она (св. церковь) избираетъ самый конецъ вечерняго своего Богослуженія, чтобъ самымъ временемъ приблизиться, какъ можно ближе, къ евангельскимъ событіямъ, относительно Божественной евхаристіи. Да, чудо надъ пятью хлѣбами Іисусъ Христосъ совершилъ уже въ концѣ ветхаго завѣта, не задолго до учрежденія новаго завѣта въ Божественной Своей Крови; потому и св. церковь установила совершать это благословеніе хлѣбовъ на концѣ вечери, которая, какъ мы уже говорили, посвящена ею на воспоминаніе ветхаго завѣта, а именно, уже на послѣдней вечери со своими учениками и апостолами, Іисусъ Христосъ, давши своимъ ученикамъ и апостоламъ вкусить ветхозавѣтной пасхи, которая служила прообразомъ пасхи новозавѣтной, сряду же далъ имъ вкусить пасхи и новозавѣтной, то есть Пречистаго тѣла и крови Своей. Подобно этому, и св. церковь, на самомъ уже концѣ вечери, предлагая вѣрнымъ своимъ эти пять хлѣбовъ, которые въ рукахъ Господа служили прообразомъ истиннаго Животнаго хлѣба, заповѣдуетъ имъ, а особенно освященнымъ изъ нихъ, которые суть преемники апостольскаго служенія, не вкушать болѣе ничего, а молиться уже о причащеніи страшныхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ.

Чтоже, наконецъ, мы скажемъ еще о статьѣ автора П. І. П. и его сторонникахъ? Скажемъ, что хотя П. І. П.

и его сторонники, мудрствуя такимъ образомъ о благословеніи хлѣбовъ на всенощномъ бдѣніи, не только не впадаютъ въ какую либо ересь, а даже оказываютъ великую ревность о священническомъ имянословномъ благословеніи; но ихъ ревность, въ данномъ случаѣ, есть ревность не по разуму нашей православно-каѳолической церкви.

Священникъ *Алексѣй Виноградовъ.*

Село Гришкино,
Новгородской губ.

Замѣтка о св. антиминсахъ.

Кому приходилось бывать въ Святыхъ Горахъ, тотъ знаетъ въ какой чудной мѣстности находится святогорская Успенская пустынь. Вы видите двѣ высокія горы, покрытыя густымъ, можно сказать, дремучимъ лѣсомъ, и между ними ущелье, составляющее начало долины, которая, постепенно разширяясь, разстилается у подошвы горъ. На одной изъ горъ рѣзко выступаетъ высокая утѣсистая скала, къ которой на обширномъ пространствѣ тянутся подземныя пещеры и съ которой громадная крытая галлерея спускается въ глубину ущелья, гдѣ расположена святая обитель. Вы взбираетесь на эту скалу, и какой дивный видъ раскрывается предъ вами! Впереди обширная, необозримая равнина, усѣянная то густыми рощами, то раскошными лугами, орашаемыми рѣкою Донцемъ, которая протекаетъ вокругъ святыхъ горъ и серебряною лентою извивается по равнинѣ. Впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ прекрасныхъ и разнообразныхъ видовъ еще сильнѣе плѣняетъ душу, когда со скалы однимъ взглядомъ обнимаете все великолѣпное устройство самой обители, въ послѣднее время богато украшенной и доведенной до подобія нашимъ знаменитымъ лаврамъ, по ея грандіознымъ зданіямъ и еще

болѣе грандіознымъ храмамъ, благодаря усердію ея высокихъ благотворителей, особенно извѣстной знаменитой княгини Потемкиной. Святая святогорская Успенская обитель является единственною представительницею религіозно-нравственнаго просвѣщенія на всю обширную область, въ центрѣ которой находится; къ ней обращены взоры милліоннаго народонаселенія и тысячами ежегодно притекаютъ для поклоненія ея святыни благочестивые богомольцы[1]).

Въ святогорской Успенской пустыни отдѣльныхъ храмовъ *три:* соборный Успенскій, Покровскій и Преображенскій; прочіе храмы въ числѣ шести, въ разныхъ мѣстахъ: въ пещерахъ, на больницѣ и въ скиту; всѣхъ св. престоловъ въ нихъ состоитъ 15. Св. антиминсы на сказанныхъ престолахъ атласные, тонкой матеріи, а по цвѣту—одни бѣлые, другіе желтые. Судя по такой ихъ матеріи, они непрочны, скоро пробиваются на сгибахъ, а по цвѣту очень линючи—темнѣютъ. Но вотъ три изъ нихъ сдѣлались уже совершенно неблаговидны и оказалась необходимость перемѣнить ихъ на новые. Когда доставлены были новые, выданные изъ ризницы харьковскаго архіерейскаго домоправленія, то мы были пріятно удивлены, что таковые далеко не похожи на прежніе какъ по матеріи, такъ и по цвѣту. Матерія ихъ плотная въ родѣ тонкой парусины—это вѣрное ручательство за ихъ прочность; цвѣтъ ихъ свѣтло-голубой, небесно-лазоревый изъ рода красокъ—»ультрамарина«. Какого-бы ни были цвѣта или колера св. антиминсы,—важность и значеніе ихъ равно священны и божественны. Но дѣло въ томъ, что на антиминсахъ бѣлаго и желтаго цвѣта »дробнѣйшія крупицы« отъ св. Агнца едва замѣтны и съ трудомъ и напряженнымъ вниманіемъ могутъ быть на нихъ усмотрѣны, особенно во время пасмурной погоды или при сумрачныхъ сводахъ

[1]) Ред.

алтаря; между тѣмъ на новыхъ антиминсахъ ультрамаринового цвѣта самомалѣйшія частицы легко и удобно могутъ быть усмотрѣны и опрятаны въ св. потиръ. Въ этомъ заключается важное превосходство послѣднихъ предъ первыми потому, что на св. антиминсахъ ультрамаринового цвѣта и для близорукихъ и для устарѣлыхъ глазъ оказываются явственны »зѣло дробнѣйшія крупицы«, и съ благоговѣніемъ могутъ быть опрятаны или потреблены вмѣстѣ съ прочею святынею Животворящихъ тайнъ. А потому позволительно желать, чтобы повсюду были распространены антиминсы исключительно свѣтло голубаго цвѣта, какъ въ знаменіе совершаемаго на нихъ святаго и *пренебеснаго* таинства, съ другой стороны—для большаго удобства и облегченія въ опрятованіи »св. Даровъ« совершителями сего высочайшаго, Божественнаго и *пренебеснаго* таинства[1]).

Протоіерей *Григорій Дюковъ.*

---

[1]) При этомъ намъ представился другой вопросъ, имѣющій прямое отношеніе къ изображенію св. лицъ на св. антиминсѣ; вопросъ нашъ состоитъ въ томъ: „Была-ли Божія Матерь при погребеніи Іисуса Христа?« Поводъ къ этому вопросу подаетъ извѣстное сомнѣніе или отрицаніе, высказанное нѣкоторыми даже учеными, относительно присутствія Богоматери при погребеніи Божественнаго Страдальца—Святѣйшаго Ея Сына. Кромѣ »синаксарія« въ В. Пятокъ, »канона о распятіи Господни на плачь Пресв. Богородицы« и др. свидѣтельствъ,—вопросъ нашъ разрѣшается въ положительномъ смыслѣ изображеніемъ святыхъ лицъ на антиминсѣ. На немъ обыкновенно изображаются: свв. Іосифъ и Никодимъ, Іоаннъ Богословъ, жены мироносицы и, непремѣнно, Пресвятая Богородица. Спрашивается: для чего было-бы и изображать Ее между святыми лицами, погребавшими тѣло Господа нашего Іисуса Христа, если бы Она вмѣстѣ съ ними не присутствовала при снятіи со креста и положеніи тѣла Христова во гробъ?

Извѣстія и замѣтки.

I. **Богослуженіе на грузинскомъ языкѣ.** Грузія просвѣщена свѣтомъ христіанской вѣры трудами св. апостола Андрея первозваннаго и св. равноапостольной Нины. Съ той поры христіанство въ Грузіи, не смотря на безчисленныя нашествія арабовъ, турокъ, персіянъ и другихъ иновѣрныхъ народностей, сохранялось съ примѣрною историческою стойкостію. Добровольно отдавшись въ 30-хъ годахъ подъ покровительство и защиту Россіи, эта самая Грузія, покоряясь року событій и вѣка, въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ лишена была богослуженія на своемъ родномъ языкѣ, на томъ самомъ языкѣ, на которомъ издревле совершалось въ ней богослуженіе. Въ послѣднее время, новый экзархъ Грузіи, высокопреосвящ. Іоанникій издалъ по своему экзархату распоряженіе, въ силу котораго въ грузинскихъ церквахъ возстановляется богослуженіе на грузинскомъ языкѣ.

Намъ извѣстенъ пока только совершившійся фактъ; какія же причины ближайшимъ образомъ вызвали введеніе богослуженія на грузинскомъ языкѣ—остается пока не разъясненнымъ. »Современныя Извѣстія« полагаютъ, что

По снятіи Іисуса Христа со креста, немедленно слѣдовало Его положеніе во гробъ или погребеніе, а св. Іоаннъ Богословъ говоритъ, что стояла Богоматерь вмѣстѣ съ нимъ при крестѣ (Іоан. 18, 26). Отсюда ясно, до очевидности, для всякаго, что Она и присутствовала какъ при мѵропомазаніи, такъ и при погребеніи тѣла Іисуса Христа. Во всякомъ случаѣ изображеніе Богоматери на антиминсахъ вмѣстѣ съ другими на нихъ св. лицами принято церковію съ древнѣйшихъ временъ, и потому есть свидѣтельство всей церкви о томъ, что Она, Богоматерь, присутствовала при мѵропомазаніи и погребеніи Господа Іисуса, и исключаетъ самомалѣйшее въ томъ сомнѣніе, хотя въ повѣствованіяхъ св. евангелистовъ нѣтъ яснаго на то указанія.

поводомъ къ этому могло послужить то обстоятельство, что на берлинскомъ конгрессѣ »въ возраженіе на наши ходатайства за права болгарской національности« указывали намъ, говорятъ, на то, что у насъ »богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ даже тамъ, гдѣ народъ ни слова не понимаетъ по русски« (№ 265). Но едва-ли возраженія Биконсфильда послужили ближайшимъ поводомъ ко введенію у грузинъ богослуженія на ихъ родномъ языкѣ, такъ какъ Биконсфильдъ, дѣлая свои замѣчанія, имѣлъ въ виду Бессарабію, а не Грузію. Болѣе правдоподобнымъ представляется намъ мнѣніе князя Давида Грузинскаго. Онъ говоритъ: »возстановленіемъ богослуженія на грузинскомъ языкѣ значительно облегчатся старанія существующаго общества распространенія христіанства на Кавказѣ, такъ какъ большинству многоразличныхъ мѣлкихъ народностей, населяющихъ Кавказъ, хорошо извѣстенъ языкъ грузинскій, какъ болѣе распространенный« (»Совр. Изв.« № 275).

II. **Князь Бисмаркъ о значеніи религіи.** Въ засѣданіи импернаго парламента (27 сентября) Бисмаркъ, отстаивая законъ, ограничивающій развитіе соціализма въ Германіи сказалъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, такъ высказался о значеніи религіи, попираемой соціализмомъ. »Вожаки рабочихъ классовъ даютъ имъ, съ одной стороны, блестящія обѣщанія, а съ другой—словами, изображеніями и всѣми способами внушаютъ имъ, что всё, что для нихъ было свято, есть ложь. Когда имъ изображаютъ, какъ пустое слово и какъ обманъ, то, что одушевляло насъ и нашихъ предковъ; когда у нихъ отнимаютъ вѣру въ Бога, вѣру въ монархію, любовь къ отечеству, привязанность къ семьѣ, къ своему достатку и къ тому, что пріобрѣтается для передачи своимъ дѣтямъ; когда всё это отнимается, то, что удивительнаго, если люди, стоящіе на низкой степени развитія, восклицаютъ наконецъ, подобно Фаусту: »проклятіе тебѣ, надежда, проклятіе вѣрѣ, про-

клятіе, прежде всего, терпѣнію!« И что-же остается такому человѣку, какъ не погоня за чувственными наслажденіями? Я, господа, живу, говорилъ Бисмаркъ, въ лучшей матеріальной обстановкѣ и имѣю богатую дѣятельность; но ничто не могло бы поддержать во мнѣ желанія продолжать эту жизнь хоть на одинъ день, еслибъ у меня не было вѣры въ Бога и въ лучшее будущее. Если это отнять у бѣднаго, котораго жизнь ни чѣмъ не вознаграждается, тогда въ немъ не можетъ не зародиться отвращенія къ жизни, побуждающаго его къ такимъ дѣяніямъ, которыя мы теперь признали нужнымъ побороть«...

III. **Новый константинопольскій патріархъ.** Телеграфъ принесъ извѣстіе, что салоникскій митрополитъ Іоакимъ *единогласно* избранъ вселенскямъ патріархомъ подъ именемъ *Іоакима III.* Новоизбранный извѣстенъ какъ руссофобъ, а потому избраніе его—или-же дѣло исключительно фанаріотовъ, или же какого-нибудь сторонняго, внѣшняго вліянія... Впрочемъ, при существующей теперь системѣ избранія константинопольскихъ патріарховъ, едва-ли возможно интриганство, а потому надо полагать, что крайняя партія еще господствуетъ въ церкви греческой, и напередъ помириться съ мыслію, что и при Іоакимѣ III, точно также какъ при Іоакимѣ II, не прекратится раздоръ между болгарами и греками.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА,

подъ заглавіемъ:

„ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА“,

СОСТАВЛЕННОЕ

Ректоромъ Владимірской духовной семинаріи,

протоіереемъ

Михаиломъ Херасковымъ,

удостоенное преміи *(пятисотенной)* преосв. Макарія, и одобренное Святѣйшимъ Сунодомъ къ употребленію въ ду-

ховныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго руководства по Священному Писанію. Книга состоитъ изъ 31-го листа убористой печати, страницъ XXIV и 471.

Цѣна книги 1 руб. 80 коп. съ пересылкой.

Выписывающимъ не менѣе 50 экземпляровъ дѣлается уступка 10%. Выписывающимъ не менѣе 100 экземпляровъ 20%.

Адресоваться съ требованіями исключительно *въ губ. гор. Владимірѣ, на имя Ректора духовной семинаріи, протоіерея Михаила Хераскова.* 3—3.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“ ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей« издается,—по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. На сколько добросовѣстно редакція журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1879 года редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усердіемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклониться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ »Руководства для сельскихъ пастырей« *по прежнему* будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св Отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику, въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ.. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служитъ источникомъ свѣденій о жизни церкви и государства по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«: 1) общія замѣчательныя церковно-

общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи; и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, не возможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываваются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ поставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательсое чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи посторонниихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

»Руководство для сѣльскихъ пастырей« выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полтора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣсяцъ* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.*

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878

годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ. 23 октября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 45. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Ноября 5-го.

Содержаніе: Поученіе на день св. Архистратига Михаила.—Библіографическая замѣтка.—Педагогическая психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ. П. Каптерева.—Нѣсколько словъ изъ моего дневника.—Камни, падающіе съ неба.—Какъ происходятъ выборы константинопольскаго патріарха.

ПОУЧЕНІЕ
на день св. Архистратига Михаила.

Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ (Пс. 90, ст. 11).

Святая церковь совершаетъ нынѣ празднованіе въ честь св. архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. Кто же суть эти безплотныя силы или ангелы, въ честь коихъ празднуетъ нынѣ св. церковь? Эти безплотныя силы или ангелы суть духи безтѣлесные, и потому невидимые. Они созданы Господомъ въ безчисленныхъ сонмахъ для служенія Ему, и называются потому небесными

слугами Божіими. Они по повелѣнію Божію исполняютъ разныя служенія и на землѣ: возвѣщаютъ волю Божію человѣкамъ, приставляются Господомъ для храненія царствъ, городовъ, областей, монастырей и людей[1]). Изъ всего этого сонма безплотныхъ духовъ самые ближайшіе къ намъ ангелы-хранители. О нихъ-то нынѣ побесѣдуемъ.

При каждомъ человѣкѣ, по опредѣленію Божію, находится ангелъ Господень и называется ангеломъ-хранителемъ. Ангелу-хранителю поручается человѣкъ, при самомъ крещеніи. Впрочемъ съ того времени, какъ наречется человѣку имя, тотъ св. угодникъ Божій, имя коего наречено ему, становится также споручникомъ за него у Господа и особымъ его покровителемъ; почему также обыкновенно называется у насъ ангеломъ. Сопменный христіанину угодникъ Божій, вкупѣ съ ангеломъ его хранителемъ предстоитъ у престола Божія молитвенникомъ за него. Онъ есть какъ-бы сотрудникъ ангелу нашему хранителю, и оба они за едино пекутся о соблюденіи ввѣреннаго имъ человѣка. Значитъ, у насъ два совокупныхъ споручника у Господа, пекущихся о сохраненіи жизни и спасенія нашего: одинъ изъ нихъ отъ небесныхъ чиновъ—ангеловъ: сей хранитъ насъ на землѣ, не переставая быть ходатаемъ нашимъ и на небѣ у Господа; другой отъ земныхъ подвижниковъ: сей предстоитъ молитвенникомъ за насъ на небесахъ у престола Вседержителя. Оба они вкупѣ имѣютъ одну цѣль: сберечь человѣка отъ вражескихъ искушеній и привести его къ царствію Божію; оба они охраняютъ всѣ пути ввѣреннаго имъ человѣка. Какъ это утѣшительно должно быть, какъ отрадно для каждаго изъ насъ! При мысли о такихъ неотлучныхъ и сильныхъ защитникахъ не страшны намъ ни

[1]) Прав. испов. чл. 1, воп. 19.

какія опасности въ жизни, ни какія бѣды, напасти и искушенія. Остановимъ наше вниманіе на томъ, братіе, сколь многое попеченіе имѣетъ о насъ ангелъ нашъ хранитель и тотъ святый угодникъ Божій, имя коего мы носимъ?

Чтобы вамъ понять ихъ искреннюю заботливость о нашемъ спасеніи, я разскажу вамъ видѣніе одного праведнаго мужа. Преподобный Нифонтъ, идя однажды изъ церкви, увидѣлъ у воротъ одного дома ангела Божія горько плачущаго. Это заставило остановиться преподобнаго и спросить ангела о причинѣ такой его скорби. Я, говорилъ преподобному ангелъ, приставленъ былъ Богомъ къ одному человѣку хранить его; этотъ человѣкъ находится теперь въ семъ непотребномъ домѣ. Какъ-же мнѣ не скорбѣть о его беззаконіи? Почему-же на него не подѣйствуешь и не накажешь его, спросилъ еще преподобный ангела? Съ тѣхъ поръ, какъ началъ грѣшить, онъ сдѣлался рабомъ бѣсовъ; съ тѣхъ поръ, я потерялъ надъ нимъ власть свою, и мнѣ теперь остается только плакать и молиться о немъ[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ ангеломъ хранителемъ скорбитъ о грѣшникѣ и другой, подобный ангелу, хранитель и споручникъ его—тотъ святый угодникъ Божій, именемъ коего онъ названъ. Оба они вмѣстѣ сѣтуютъ о погибающемъ грѣшникѣ, оба они молятся объ обращеніи его на путь спасенія. Такъ велика ихъ заботливость о нашемъ спасеніи. Они съ своей стороны употребляютъ всѣ мѣры къ извлеченію человѣка отъ грѣха; но человѣкъ, переступая всѣ преграды ко грѣху—презирая внушенія совѣсти, разума и нерѣдко разныя случайности, отводящія его отъ грѣха, какъ-бы завѣдомо рѣшается на вкушеніе смертоносной снѣди; значитъ, самъ по своей волѣ идетъ въ широкія врата,

---

[1]) Четь-Мин. 23 дек. и Воскр. Чт. 183$^{7}/_{8}$ г. № 27.

ведущія къ аду, самъ дѣлается причиною своей погибели. Не имѣетъ даже права въ оправданіе свое ссылаться на врага искусителя: ибо врагъ искуситель не можетъ употребить насилія надъ человѣкомъ, чтобы принудить его ко грѣху, а обольщаетъ его только искушеніями. Человѣкъ имѣетъ свободную волю, по коей можетъ не слушаться врага искусителя, и, при помощи ангела своего хранителя и св. угодниковъ Божіихъ, всегда можетъ посрамить лукаваго искусителя.

Научимся, братіе, хранить чистоту жизни, чтобы своимъ непростительнымъ нерадѣніемъ о спасеніи души не оскорбить нашихъ ангеловъ-хранителей и не отогнать ихъ отъ себя; научимся всегда призывать ихъ и усердно молиться имъ о помощи въ борьбѣ съ искушеніями. При такомъ тѣсномъ союзѣ съ ними каждый изъ насъ несомнѣнно спасется, и на немъ исполнятся слова Писанія: *ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ.* Аминь.

Священникъ *Харитонъ Павловскій.*

Библіографическая замѣтка.

Недавно вышла въ свѣтъ новая книжка подъ заглавіемъ: »Опытъ православнаго, догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ), архимандрита Сильвестра, доктора богословія, профессора Кіевской духовной Академіи, т. 1-й. Какъ служители духовной науки по званію и призванію, мы съ полнымъ сочувствіемъ и глубокою признательностію отнеслись къ этому приращенію нашей скудной богословской науки. Съ удоволь-

ствіемъ и не безъ пользы прочитали эту книжку, и вотъ спѣшимъ теперь подѣлиться своими мыслями и чувствами по поводу этого труда и съ нашими читателями. Мы останавливаемся на этомъ произведеніи и обращаемъ вниманіе на него нашихъ читателей какъ потому, что такого рода произведенія, т. е. богословскія системы весьма рѣдки у насъ, такъ и въ виду внутреннихъ, существенныхъ достоинствъ этого труда. Въ самомъ дѣлѣ, подобныхъ, и только подобныхъ, начатому труду достопочтеннаго автора у насъ весьма мало. Какъ же намъ не привѣтствовать это новое, дорогое для насъ твореніе! Въ нашей богословской литературѣ, отъ времени до времени, появлялись и продолжаютъ появляться серьёзныя спеціальныя изслѣдованія о разныхъ предметахъ богословскаго знанія, вполнѣ заслуживающія вниманія и одобренія. Но появленія систематическихъ трудовъ по богословію приходится ожидать по цѣлымъ, можно сказать, десяткамъ лѣтъ. Представители и въ собственномъ смыслѣ служители богословской науки могутъ, пожалуй, замѣтить намъ, что система науки—громадный трудъ и потому требуетъ и большихъ періодовъ времени для осуществленія ея. Но вѣдь мы не вправѣ и требовать одновременнаго появленія цѣлой научной системы (хотя не можетъ не желать и этого). Пусть будетъ положено хоть начало только труда,—и это уже много будетъ значить. И интересующій насъ теперь богословскій трудъ представляетъ только собственно начало и именно—вступленіе или введеніе въ догматическую науку. Тѣмъ не менѣе мы съ глубочайшею благодарностію принимаемъ и это малое, воодушевляясь надеждою получить и большее.

Предпринятый трудъ достопочтеннаго профессора, какъ видно по началу его, имѣетъ полное право на вниманіе и признательность къ нему, не только со стороны людей призванныхъ и обязанныхъ служить богословской наукѣ

на школьныхъ каѳедрахъ, но и—людей, не занимающихся спеціально этой наукою, хотя-бы они не получили даже и высшаго образованія. Онъ можетъ быть доступнымъ и весьма полезнымъ и для пастырей церкви всѣхъ степеней и даже для людей мірскихъ—любителей духовнаго просвѣщенія. Причина такой общегодности этого произведенія понятна,—это простота его изложенія. Съ понятіемъ объ ученомъ сочиненіи большею частію, обыкновенно, соединяется мысль о трудности его для пониманія людямъ, не получившимъ высшаго образованія и не пріобрѣтшимъ глубокаго и отвлеченнаго мышленія. Вслѣдствіе этого большинство читающей публики, не задумываясь, отшатывается отъ такого рода произведеній. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ произведеніе ученое и, въ тоже время, вполнѣ доступное и для простаго пониманія, благодаря умѣнью автора излагать и отвлеченныя, метафизическія истины простымъ удобопонятнымъ языкомъ. Читая это сочиненіе, невольно вспоминаешь подобнаго же рода трудъ преосвящ. Филарета черниговскаго и удивляешься той громадной разницѣ въ обработкѣ одного и того-же матеріала, какую представляютъ эти произведенія.—Въ послѣднемъ—въ догматикѣ Филарета затрудненіе въ пониманіи читаемаго, особенно для людей, не получавшихъ достаточнаго образованія—вещь, можно сказать, обыкновенная,—въ первомъ —въ разсматриваемомъ нами трудѣ такого рода трудность возможна развѣ только для нѣкоторыхъ, неимѣющихъ совершенно никакого богословскаго образованія. Конечно, нуждающіеся въ пособіяхъ по богословію должны сказать большое спасибо и первому нашему отечественному богослову за его, во всякомъ случаѣ, серьёзный трудъ, составлявшій и теперь еще у многихъ составляющій настольную, справочную книгу. Тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что этотъ трудъ—далеко не

популярный. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мы по всей справедливости,—судя, по крайней мѣрѣ, по началу, должны отдать предпочтеніе разсматриваемому нами теперь новому богословскому сочиненію. Рѣчь здѣсь чисто-русская, вполнѣ ясная, отчетливая и потому легкая. Мы надѣемся, поэтому, что трудъ о. архим. Сильвестра не будетъ безполезнымъ для всякаго, хоть сколько нибудь образованнаго христіанина, почему весьма желательно, чтобы и наши пастыри церкви обратили свое вниманіе на это произведеніе.

Но простота, ясность и удобопонятность разсматриваемаго нами сочиненія, дѣлающая его общедоступнымъ и общеполезнымъ—не единственное достоинство этого труда. Всякая наука, какъ наука, имѣя свою опредѣленную задачу, должна слѣдовать и своему особенному пути или методу въ осуществленіи ея, и смотря потому, каковъ избранный ею путь, можетъ достигать тѣхъ или другихъ результатовъ. Разсматривая предпринятый трудъ архим. Сильвестра съ этой научной точки зрѣнія, мы должны сказать, что избранный нашимъ авторомъ способъ выполненія своей задачи—самый безопасный и благонадежный, именно такой, какой и подобаетъ православной догматической наукѣ. Задача догматической науки, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, чтобы, не разширяя круга православныхъ догматовъ и неизмѣняя ихъ внутренняго существа и духа, способствовать къ ихъ разъясненію или раскрытію—съ цѣлію споспѣшествовать, насколько это возможно, сознательному и разумному ихъ усвоенію какъ каждымъ образованнымъ христіаниномъ, такъ и въ особенности тѣми изъ членовъ церкви, которые призываются къ тому, чтобы не только самимъ вполнѣ и основательно знать истину Христову, но и способствовать ея возрастанію между другими вѣрующими. Какимъ же образомъ разумъ, взявшій на себя эту задачу, можетъ выполнить ее со всею безо-

пасностію? Ему необходимо при этомъ соблюсти нужную средину между двумя, по видимому не легко миримыми требованіями, съ одной стороны науки, съ другой—особеннѣйшаго существа и характера ея предмета—догматовъ. Съ одной стороны необходимо, чтобы во всей полнотѣ и неизмѣнности сохранена была внутренняя природа или сущность догматовъ, а съ другой бы сдѣлано было все, что можетъ предложить наука къ возможно болѣе совершенному и плодотворному ихъ раскрытію въ нашемъ сознаніи. Выдержать эту средину и успѣшно выполнить свою задачу для разума самого по себѣ, безъ другаго надежнаго руководства—дѣло не легкое и даже невозможное. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ служить для разума несомнѣннымъ ручательствомъ того, что онъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ догматовъ поступаетъ во всемъ совершенно согласно съ требованіями своей задачи, хотябы и на самомъ дѣлѣ онъ такъ поступалъ? Когда разумъ станетъ уклоняться отъ своей задачи или, когда, сознавъ фальшивость своего пути, захочетъ оставить его, то кто правдиво и добросовѣстно подскажетъ ему, что онъ сбивается съ прямаго пути, и направитъ его на этотъ прямой, истинный путь? Въ этомъ случаѣ не поможетъ ему ни строгая критика, какъ нѣкоторые думаютъ, ни даже священное писаніе, несомнѣнно имѣющее за собою, какъ слово Божіе, характеръ непреложной истины и право на полное къ себѣ довѣріе. Критика, основывающаяся на однихъ началахъ разума, есть тотъ же самый личный разумъ, который разъ можетъ судить право, а другой разъ уже можетъ ошибаться и вообще въ дѣлахъ вѣры не можетъ имѣть характера безпрекословной правды и права на полное къ себѣ довѣріе. Свящ. писаніе безмолвная буква, изъ которой всякій можетъ извлечь такую или иную мысль по своему желанію и направленію своихъ

мыслей. Оставленный при одномъ свящ. писаніи, безъ всякаго другаго совнѣ нужнаго пособія и руководства, догматистъ стоялъ бы не въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ тогда, когда прямо бы избралъ для себя разумъ высшимъ критеріумомъ въ своемъ научномъ изслѣдованіи догматовъ. Поэтому, чтобы, съ одной стороны, избѣжать крайностей раціонализма, а съ другой—успѣшнѣе выполнить то, что можетъ сдѣлать полезнаго наука для уясненія и раскрытія догматовъ, для догматиста необходимо руководительное или контролирующее его дѣйствія начало, и притомъ такого рода начало, которое бы, стоя выше всякаго человѣческаго авторитета и выше слѣдоват. всякаго рода колебаній и сомнѣній, было въ тоже время всегда живымъ и, такъ сказать, осязаемымъ началомъ, такъ чтобы догматистъ имѣлъ возможность во всякое время чувствовать его присущимъ своему сознанію и всегда, имѣя его какъ-бы предъ своими глазами, могъ непрерывно провѣрять имъ каждый шагъ на пути научныхъ изслѣдованій своихъ въ области догматовъ. Такое необходимое для догматиста и безопасное начало авторъ находитъ во вселенской церкви Христовой, никогда не оставляемой, а всегда одушевляемой и руководимой Духомъ истины, наставляющимъ её чрезъ непрерывающійся въ ней рядъ пастырей и учителей на всякую истину. Оно заключается не въ разумѣ, нерѣдко отрѣшающемся отъ живой истины или пересозидающемъ ее по своему произволу, а въ духѣ истины или духѣ вѣры, живо и непосредственно присущемъ религіозному сознанію всей церкви. Его нельзя найти также и въ безмолвной буквѣ писанія, ожидающей только такого или иного пониманія своего,—оно находится въ живомъ словѣ вѣры, непрерывно проповѣдуемомъ богоучрежденными пастырями и учителями, словѣ, которое близко сердцу каждаго вѣрующаго (Рим.

10, 8). Поэтому, догматистъ никогда не долженъ отрѣшаться отъ общаго религіознаго сознанія вселенской церкви, а всегда жить имъ какъ своею жизненною стихіею, всегда глубоко проникаться и одушевляться духомъ истины и вѣры, присущимъ какъ всей церкви, такъ и истиннымъ и живымъ членамъ ея. Подъ этимъ только условіемъ весьма не трудно будетъ догматисту избѣжать угрожающихъ ему опасностей, при выполненіи своей задачи. Такое именно начало, заключающееся въ истинномъ духѣ и живомъ словѣ вселенской церкви, и принимаетъ въ руководство для себя авторъ разсматриваемаго нами труда. Частные научные способы, которымъ, по мнѣнію автора, долженъ слѣдовать каждый православный догматистъ, при выполненіи своей задачи, состоятъ въ историческомъ изложеніи догматовъ или обозрѣніи историческаго хода въ развитіи ихъ, а еще прежде въ указаніи для нихъ основы въ самомъ божественномъ откровеніи—св. писаніи и преданіи, не выступая при этомъ за предѣлы своей задачи, а наконецъ и въ уясненіи, насколько возможно, догматическихъ истинъ для разума. Такимъ образомъ, разсматриваемый нами трудъ архим. Сильвестра, будучи популярнымъ, въ тоже время по своему методу есть трудъ вполнѣ научный. Конечно, методъ, которому предположилъ слѣдовать нашъ догматистъ въ своемъ сочиненіи, не есть новость, онъ практиковался и прежде; но есть значительная разница въ приложеніи его къ дѣлу въ прежнее время и въ данномъ случаѣ. Обыкновенно, свидѣтельства отеческія, какъ большею частію и свидѣтельства писанія, приводились безъ всякаго разъясненія ихъ—цѣликомъ, какъ они даны въ твореніи того или другаго св. отца; а между тѣмъ въ писаніяхъ отеческихъ нерѣдко можно встрѣтить такого рода мѣста, въ которыхъ не легко можно видѣть разсматриваемую догматическую истину. Въ трудѣ архим.

Сильвестра историческія свидѣтельства не механически связываются съ догматическими положеніями. Авторъ, на основаніи отеческихъ изреченій, старается выяснить, какъ или въ какомъ видѣ, такъ сказать, жила и развивалась та или другая догматическая истина въ то или другое время церковной жизни, въ сознаніи того или другаго древняго учителя церкви. Такъ, разсматривая ученіе о познаніи Бога при непостижимости Его Существа и указавъ основу для этого положенія въ самомъ словѣ Божіемъ, авторъ дальше обращается къ ученію древней церкви и рядомъ отеческихъ свидѣтельствъ уясняетъ и доказываетъ истинность разсматриваемаго положенія или ученія, не упуская при этомъ изъ виду и исторической судьбы этого члена церковной вѣры. Авторъ не оставляетъ читателя самого толковать отеческія доказательства, что не всегда и не для всѣхъ возможно. Въ такомъ именно видѣ историческій путь въ сочиненіи нашего автора и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Теперь въ краткихъ словахъ изобразимъ самое содержаніе вышедшей книжки. Указавъ на тѣ вопросы, которые должны быть разсматриваемы во введеніи въ науку православно-догматическаго богословія, авторъ даетъ понятіе объ этой наукѣ чрезъ выясненіе самаго понятія о догматахъ, при чемъ онъ указываетъ существенныя, характеристическія черты христіанскаго догмата: теологичность, богооткровенность, церковность и законообязательность. Дальше авторъ опредѣляетъ задачу науки догматическаго богословія и указываетъ способъ ея выполненія, съ которымъ выше мы уже познакомили нашихъ читателей; при чемъ онъ рѣшаетъ вопросъ, умѣстна-ли наука догматическаго богословія, если предметъ ея—догматы—истины ума божественнаго, неизмѣнныя, неприкосновенныя. Сказавъ объ образцахъ церковной вѣры, необходимыхъ для

догматиста, каковы: символы, вѣроопредѣленія соборныя, исповѣданія вѣры или вѣроизложенія, авторъ подробно занимается изложеніемъ исторіи науки догматической,—разсматриваетъ состояніе ея въ первые три вѣка христіанства, въ періодъ вселенскихъ и послѣ вселенскихъ соборовъ,—не обходитъ при этомъ и догматики западной—католической и протестантской. Дальше слѣдуетъ планъ и раздѣленіе науки. Это, можно сказать, первый отдѣлъ вышедшей книжки. Въ другомъ отдѣлѣ своего труда авторъ излагаетъ предварительныя или основныя догматическія истины, вводящія собою въ область вѣроученія христіанскаго. Первая истина, трактикуемая здѣсь авторомъ, есть истина бытія Божія. Вопросъ о томъ, какая основа нашей увѣренности въ бытіи Божіемъ, рѣшается при помощи Откровенія и древне отеческаго ученія. Основаніемъ нашей увѣренности въ бытіи Божіемъ служитъ врожденное каждому чувство или непосредственное сознаніе Божества. Но основывающаяся на этомъ чувствѣ или непосредственномъ сознаніи наша вѣра въ бытіе Божіе проясняется и утверждается при помощи лично-свободныхъ способовъ, служащихъ этой цѣли, каковые способы авторъ дальше и указываетъ. Всѣ, придуманныя въ разное время разными мыслителями и извѣстныя въ нашей богословской наукѣ, доказательства бытія Божія не суть въ собственномъ смыслѣ доказательства, а только пути, которыми человѣкъ приходитъ къ сознательной и разумной вѣрѣ въ бытіе Божіе.—Дальнѣйшіе вопросы о познаніи Бога при непостижимости Его Существа и о способахъ богопознанія авторъ рѣшаетъ также на основаніи божественнаго откровенія и ученія отцевъ церкви.

Въ заключеніе нашей замѣтки, отъ души поблагодаривъ нашего почтеннаго автора за начало предпринятаго имъ труда, пожелаемъ ему хорошаго успѣха и въ продол-

женіи своего дѣла. Польза отъ этого труда ощутится скоро и несомнѣнно, и не только академическими слушателями, для которыхъ первѣе всего нашъ авторъ назначаетъ свой трудъ (какъ видно изъ предисловія), но не меньше, если не больше, и людьми посторонними, интересующимися и служащими наукѣ богословской.

Педагогическая Психологія

для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ, П. Каптерева. С.-Петербургъ, 1877 г.

Въ нашей оригинальной, собственной русской педагогической литературѣ, минуя переводную, до самаго послѣдняго времени не доставало серьезнаго ученаго труда, въ которомъ бы просто и общедоступно, но съ научной основательностію излагались правила воспитанія, не отдѣльно отъ тѣхъ научныхъ положеній, на которыхъ они зиждутся, а въ связи съ ними, хотя нужда въ такомъ изложеніи теоріи воспитанія чувствовалась всѣми образованными родителями и воспитателями, серьезно относящимися къ дѣлу воспитанія. Покойный Ушинскій—этотъ серьезный, ревностно и съ пользой трудившійся педагогъ,—одинъ изъ лучшихъ нашихъ педагогическихъ писателей, подмѣтилъ было эту нужду и задумалъ удовлетворить ей; плодомъ этой думы и желанія и была его *Педагогическая Антропологія*; но вполнѣ свою мысль онъ не успѣлъ осуществить. Въ свѣтъ явилась только антропологическая часть труда; педагогическая же, обосновывающаяся на данныхъ антропологическихъ наукъ, осталась неизданной, унесена имъ съ собой въ могилу, къ крайнему сожалѣнію. Такимъ образомъ потребность мыслящихъ воспитателей такъ и осталась неудовлетворенной.

Мысль покойнаго Ушинскаго взялся осуществить г. Каптеревъ, авторъ сейчасъ названной Педагогической Психологіи. Въ ней, какъ онъ самъ выражается въ предисловіи, онъ хочетъ, во 1-хъ, »сообщить *нѣкоторыя* (въ дѣйствительности всѣ возможныя) свѣдѣнія о психическихъ явленіяхъ, которыя (свѣдѣнія) помогли бы занимающимся воспитаніемъ въ ихъ занятіяхъ«; во 2-хъ, »связать главнѣйшія ученія теоретической педагогики съ твердыми данными науки о душѣ (т. е. психологіи), вывесть первыя изъ послѣднихъ«. Тутъ же авторъ даетъ обѣщаніе постараться, чтобы излагаемое имъ »не было—съ одной стороны—ниже уровня современнаго развитія психологіи и педагогики, а съ другой—было настолько общедоступно, чтобы могло быть читаемо народнымъ учителемъ«. Цѣль, несомнѣнно, прекрасная, но едва-ли удобоисполнимая во всей своей широтѣ.

»Педагогика,—говоря словами покойнаго профессора московскаго университета П. Юркевича,—наука *сборная*. Голова этого тѣла заключается въ моральныхъ идеяхъ, органы питанія—въ психологіи, органы движенія—въ физіологіи«[1]), или иначе: педагогика въ своихъ правилахъ опирается на христіанское нравственное ученіе, психологію съ логикой, физіологію съ анатоміей, гигіену. И въ самомъ дѣлѣ, предметъ воспитанія дитя—человѣкъ во всей полнотѣ его существа, со стороны его души и тѣла. Тѣлесная же жизнь и дѣтей, и взрослыхъ идетъ своимъ порядкомъ, подчиняется своимъ законамъ, зависитъ отъ своихъ причинъ; душевная жизнь также развивается и происходитъ по своему, имѣетъ свой порядокъ и свои законы. Словомъ мы хотимъ сказать, что физическая (тѣлесная) и психическая (душевная) жизнь человѣка—не одно и тоже, хотя

[1]) Курсъ общей педагогики П. Юркевича, 1869 г. Москва, см. введеніе.

онѣ и находятся, безъ сомнѣнія, въ зависимости одна отъ другой; явленія тѣлесной жизни нельзя свести къ явленіямъ душевной жизни, и наоборотъ, хотя первое, думается, скорѣе и легче сдѣлать, чѣмъ послѣднее. Поэтому задаваться мыслію—»связать (хотя-бы) главнѣйшія ученія теоретической педагогики съ твердыми данными науки о душѣ, вывесть первыя изъ послѣднихъ« не значитъ-ли браться за неблагодарную работу:—строить зданіе на половинѣ фундамента?..

Если дитя, какъ и всякій другой человѣкъ, живетъ и развивается душевно и тѣлесно, то, очевидно, для научнаго обоснованія *даже главнѣйшихъ ученій* теоретической педагогики, для вывода ихъ изъ твердыхъ *научныхъ* данныхъ необходимо изложеніе не только *нѣкоторыхъ*, или всѣхъ свѣденій о психическихъ явленіяхъ, но и о явленіяхъ тѣлесной жизни людей, особенно дѣтей. И этого мало. Къ числу важнѣйшихъ отдѣловъ теоріи воспитанія, несомнѣнно, относится ученіе объ идеалѣ воспитанія, или о послѣдней цѣли его. Для основательнаго, болѣе или менѣе научнаго, изложенія свѣденій по этому предмету необходимо хотя краткое указаніе на нравственное христіанское ученіе, на ученіе Христа Спасителя и Его учениковъ о назначеніи земной жизни человѣка. Безъ ссылки на основныя положенія наукъ объ устройствѣ, нормальныхъ отправленіяхъ тѣлесной жизни человѣка, объ условіяхъ здороваго развитія и существованія тѣла нельзя изложить основательно ни одного правила физическаго воспитанія, ни выяснить задачи послѣдняго. Безъ указанія основъ религіозно-нравственнаго христіанскаго ученія ученый педагогъ не можетъ болѣе или менѣе удовлетворительно поставить и рѣшить вопросъ о цѣли вообще воспитанія и частнѣйшихъ видовъ его, о направленіи, въ

которомъ должно идти воспитаніе той или другой способности дитяти.

Педагогическая плихологія г. Каптерева какъ нельзя лучше подтверждаетъ высказанныя сейчасъ соображенія. Здѣсь нерѣдко встрѣчаемъ, что излагаемыя имъ *главнѣйшія* ученія *теоретической* педагогики весьма мало вяжутся съ *нѣкоторыми* свѣденіями о явленіяхъ душевной жизни. Въ 1-й же, напр., главѣ, сказавъ очень пространно о вліяніи тѣла на душу, состояній тѣла на состоянія душевныя и устройствѣ и отправленіяхъ нервной системы, авторъ сейчасъ же въ педагогическомъ отдѣлѣ дѣлаетъ изъ сказаннаго такое заключеніе, что »изложенные выше факты о связи явленій психическихъ и физіологическихъ и объ отправленіяхъ нервной системы поучительны для мыслящаго педагога«, потому что-де »они заключаютъ въ себѣ основныя начала психической гигіены, главныя правила, которыми долженъ руководиться воспитатель въ своихъ отношеніяхъ къ воспитаннику« (стр. 65). Не напрасная ли это мечта?—Изъ того факта, что душа находится въ извѣстной зависимости отъ тѣла, что нервная система имѣетъ такое, а не иное устройство и совершаетъ такія, а не другія отправленія, слѣдуетъ только, что душу дитяти нельзя воспитывать отдѣльно отъ тѣла, особенно отдѣльно отъ воспитанія нервной системы. Частнѣйшихъ заключеній изъ упомянутыхъ разсужденій, кажется, нѣтъ возможности вывесть съ надлежащей основательностью. Иначе дѣло представляется автору. Онъ думаетъ, что сказанное имъ относительно зависимости душевной жизни отъ тѣлесной (объ обратной зависимости—тѣла отъ души—нѣтъ у него ни слова), отъ устройства и отправленій нервной системы, показываетъ, прежде всего, то, »что *психическая дѣятельность подчиняется общимъ законамъ, управляющимъ каждой органической дѣятель-*

ностью (стр. 65). И правда, и нѣтъ. Правда, что душевная жизнь въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ тѣлесной, а послѣдняя похожа на жизнь другихъ живыхъ органическихъ существъ: животныхъ и растеній; но все-таки не справедливо дѣлать такое обобщеніе, что вообще безъ исключенія душевная жизнь человѣка подчинена законамъ, управляющимъ каждой органической дѣятельностью. Не безъ основанія же большинство думаетъ,—и въ томъ числѣ люди очень авторитетные,—что душевная жизнь далеко не одно и тоже, что вообще жизнь органическая, тѣлесная. Впрочемъ *суть* дѣла въ данномъ случаѣ не въ этомъ, а въ томъ, что заключеніе, сдѣланное авторомъ, больше посылокъ и не оправдывается ими. Напередъ нужно было указать на общіе законы органической дѣятельности;—только тогда, въ случаѣ еслибы они оказались одинаковыми съ законами психической жизни человѣка, имѣлось-бы достаточное основаніе для положенія, что *душевная жизнь подчиняется общимъ законамъ органической жизни*.

Спохватившись, что общіе законы тѣлесной и вообще органической жизни еще не указаны, авторъ сейчасъ же послѣ указаннаго выше положенія приступаетъ къ изложенію ихъ и опять впадаетъ въ крайность, благодаря излюбленному имъ *коньку*, что душевная жизнь въ итогѣ тоже самое, что и тѣлесная. »Главнѣйшій законъ каждой органической дѣятельности,—говоритъ г. Каптеревъ,—правильный обмѣнъ веществъ, правильное потребленіе веществъ работой и правильная замѣна ихъ воздухомъ, пищей и питьемъ.—Этому общему закону,—прибавляетъ авторъ,—подлежитъ и наша психическая жизнь« (стр. 65 и 66). Неужели—спросили-бы мы автора—и въ душевной жизни человѣка онъ замѣтилъ хотя нѣчто подобное

обмѣну веществъ, потребленію и замѣнѣ ихъ воздухомъ, пищей и питьемъ?!

Не желай авторъ во что бы то ни стало вывесть всѣ *главнѣйшія ученія* педагогики изъ твердыхъ данныхъ науки о душѣ, онъ, вѣроятно, не дошелъ-бы до крайностей, подобныхъ вышеуказаннымъ; за то тогда ему не было-бы возможности привязать къ 1-й главѣ общихъ правилъ гигіены относительно питанія, дыханія и необходимости правильной смѣны дѣятельности (или бодрствованія) покоемъ (или сномъ) и нѣкоторыхъ другихъ, совершенно не вытекающихъ изъ указаннаго имъ якобы—закона психической жизни.

Помимо указаннаго случая попадаются и другіе примѣры неудачъ автора вывесть главнѣйшія правила воспитанія изъ положеній одной науки о душѣ.

Взятая на себя авторомъ педагогической психологіи задача—обосновать главнѣйшія положенія педагогики на данныхъ одной науки о душѣ не только не исполнима, но и вообще неудобна. Оговоримся. Какъ извѣстно, психологія имѣетъ свою систему, свои дѣленія,—у педагогики и то и другое—свое; въ этомъ отношеніи и та и другая наука мало похожи другъ на друга. Для осуществленія задачи—вывесть правила воспитанія изъ научныхъ положеній психологіи—могутъ употребляться слѣдов. *два* способа: систему педагогики подгонять къ системѣ психологіи, или, наоборотъ, въ основу брать систему педагогики и къ ней прилаживать психологическія свѣденія. Мы думаемъ, если хочется дать народнымъ учителямъ, воспитателямъ и воспитательницамъ научно обоснованныя правила воспитанія, лучше вторая система изложенія, чѣмъ первая. При ней изложеніе правилъ воспитанія будетъ болѣе основательнымъ и связнымъ; въ противномъ случаѣ изложеніе будетъ отрывочнымъ, относительно безсвязнымъ, будетъ

страдать повтореніями и не всегда можетъ оказаться основательнымъ. Такимъ оно и оказывается подчасъ у нашего автора. Разбросанность, отрывочность, безсистемность въ педагогической части книги—особенность, бросающаяся въ глаза. Не рѣдки также повторенія; достаточно сравнить здѣсь стр. 67 и 115, или 63—71 и 113—115. При такой системѣ изложенія, какая принята авторомъ,—не той, за которую мы стоимъ,—отъ педагогической части педагогической психологіи г. Каптерева не получается цѣльнаго впечатлѣнія, связныхъ педагогаческихъ свѣденій.

Недостатокъ систематичности въ педагогическихъ свѣденіяхъ, сообщаемыхъ авторомъ, объясняется отчасти еще тѣмъ обстоятельствомъ, что педагогическая психологія не отличается опредѣленностью, выдержанностью направленія. Какого идеала нужно держаться при воспитаніи, это авторомъ и прямо не формулировано, и ясно не проведено въ предложенныхъ имъ правилахъ воспитанія.

Отсутствіе опредѣленнаго направленія—свойство, присущее, впрочемъ, не одной педагогической части книги г. Каптерева. И психологическій отдѣлъ труда не чуждъ этого. Въ нѣкоторыхъ главахъ, напр. I-й, авторъ держится какъ будто матеріалистическаго, или, какъ говорятъ, *физіологическаго* направленія въ дѣлѣ объясненія явленій душевной жизни человѣка,—въ другихъ, напр. II-й гл., особенно на стр. 76—80,—*спиритуалистическаго*, допускающаго качественное различіе между явленіями душевной и тѣлесной жизни человѣка. Въ самомъ началѣ первой главы авторъ, напр., говоритъ, что »когда мы приступаемъ къ изученію психическихъ явленій« съ мнѣніемъ, что психическія и физіологическія явленія противоположны, »то оказывается, что оно не совсѣмъ правильно« (стр. 5), что »если даны нервныя молекулярныя движенія, то даны и психическія явленія, что если нѣтъ первыхъ,

нѣтъ и вторыхъ. Изъ этого правила—по мнѣнію автора, не исключаются ни одна мысль, ни одно чувство« (стр. 10). Во II-й главѣ встрѣчается противоположная мысль, что »психическая сторона ощущенія имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ физіологическая«, что »ощущеніе вовсе не имѣетъ характера движенія« и намека на него (стр. 79).

Для оцѣнки достоинства книги указанное, впрочемъ, не такъ важно, какъ то, насколько прочны и тверды тѣ свѣденія — и психологическія и педагогическія, которыя предлагаются авторомъ въ его педагогической психологіи.

Психологическій отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ полный курсъ психологіи, въ своихъ 17-ти главахъ касается всѣхъ явленій душевной жизни, начиная съ простѣйшихъ—ощущеній и кончая самыми сложными—явленіями характера, настроенія и разсудочной дѣятельности. Порядокъ изложенія здѣсь у автора почти такой-же, какой у другихъ извѣстныхъ у насъ психологовъ—Ушинскаго, Чистовича, Ульрици. Изложеніе, говоря вообще, нельзя не признать обстоятельнымъ; фактовъ для обоснованія и подтвержденія научныхъ положеній психологіи приводится весьма достаточно, подчасъ даже слишкомъ обильно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактовъ можно было бы указывать поменьше и безъ ущерба основательности, обстоятельности изложенія. Здѣсь мы въ правѣ упрекнуть автора въ недостаточной разборчивости въ выборѣ фактовъ; сплошь и рядомъ цитируются такіе факты, которые не имѣютъ научнаго достоинства, были наблюдаемы и описываемы не съ научной строгостью. Такъ онъ нерѣдко заимствуетъ нѣкоторыя мѣста описательнаго характера по отношенію къ психической жизни изъ поэтическихъ произведеній, напр., Шекспира, Пушкина, Гоголя, изъ описаній путешествій, біографій и пр. Положимъ, что Шекспиръ, Пуш-

книъ, хорошо знали сердце человѣческое, особенно первый; но все-таки изображаемыя ими событія и состоянія не дѣйствительно существовавшіе случаи во всѣхъ своихъ частностяхъ и притомъ случаи, до своего описанія точно, съ научной обстоятельностью обслѣдованные, а лишь типы, воплощенные въ конкретную форму. Для науки о душѣ нужны не такіе факты, а единичные, имѣвшіе мѣсто во всѣхъ своихъ мелочахъ,—конкретные случаи, строго обслѣдованные и описанные. Подобныя вышеуказаннымъ заимствованія годятся для иллюстрированья, для сообщенія легкой занимательности изложенію, но мѣшаютъ научной строгости сочиненія. Манера иллюстрировать психологическіе выводы заимствованіями изъ сочиненій первоклассныхъ поэтовъ, изъ ихъ лучшихъ поэтическихъ произведеній—слабость, свойственная впрочемъ не одному г. Кантереву, но и другимъ; не онъ—первый тутъ, не онъ—и послѣдній.

Сейчасъ указанный недостатокъ поэтому легко можно извинить, тѣмъ болѣе, что авторъ старается указывать возможно болѣе фактовъ, какъ видно, ради того, чтобы сдѣлать излагаемое имъ наиболѣе понятнымъ для читателей, которымъ онъ предназначаетъ свою книгу и которые очень нерѣдко бываютъ мало подготовлены къ чтенію серьезнаго сочиненія по психологіи, благодаря нераспространенности у насъ свѣденій и сочиненій по психологіи. Другое дѣло—чисто научные промахи. Ихъ впрочемъ немного. Здѣсь стоитъ обратить вниманіе читателя особенно на одинъ изъ нихъ—на постановку трактата о волѣ въ самомъ началѣ не на психологическую почву. Вмѣсто того, чтобы говорить о томъ, изъ какихъ психическихъ задатковъ развивается воля, каковы первоначальныя сознательныя проявленія ея, авторъ пускается въ сравнительно постороннія для психологіи разсужденія, начинаетъ, напр.,

говорить какъ объ основахъ воли—о рефлексахъ, о крѣпости, энергіи организма. О видахъ первоначальныхъ инстинктовъ у дѣтей, о элементарныхъ желаніяхъ—сказано очень мало. О томъ же, что человѣкъ имѣетъ желанія, что желанія—самостоятельный разрядъ явленій душевной жизни на равнѣ съ чувствованіями и проявленіями умственной дѣятельности, въ книгѣ г. Каптерева нѣтъ и помину. Изъ разсужденій автора выходитъ даже, что мотивами всѣхъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка, въ томъ числѣ и произвольныхъ, служатъ пріятныя и непріятныя чувствованія, а не желанія и отвращенія, развивающіяся въ душѣ вслѣдъ за первыми; это посредствующее между произвольными внѣшними дѣйствіями и чувствованіями звѣно авторъ совершенно игнорируетъ, какъ будто его вовсе не существуетъ. Если иногда и упоминается о желаніяхъ, то только въ смыслѣ чувствованій, выражающихся во внѣшнихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ. Правда, въ жизни человѣка не рѣдки случаи, когда онъ дѣйствуетъ непосредственно подъ вліяніемъ того или другаго чувствованія; подъ вліяніемъ, напр., сильной радости онъ невольно начинаетъ прыгать и рѣзвиться, подъ вліяніемъ печали—хмурится, плачетъ; когда гнѣвенъ, ругается, бьетъ и разрушаетъ вещи, мѣшающія ему въ движеніяхъ и т. под. У маленькихъ дѣтей это—почти обыкновенное явленіе; у взрослыхъ же людей такой фактъ наблюдается гораздо рѣже. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что мотивами всѣхъ, и произвольныхъ, внѣшнихъ дѣйствій людей служатъ чувствованія; намѣренныя, произвольныя внѣшнія дѣйствія совершаются человѣкомъ не прямо всѣдъ за тѣмъ и послѣ того, какъ онъ почувствуетъ что нибудь пріятное или непріятное, а спустя нѣкоторый моментъ времени, пока не явится влеченіе, стремленіе совершить дѣйствіе ради полученія какого-либо удовольствія или удаленія какой-

либо непріятности,—т. е. пока не явится желаніе или отвращеніе. Не держится-ли авторъ той мысли, намекъ на которую дѣлаетъ покойный Ушинскій въ своей педагогической антропологіи, что желаніе есть не что иное какъ чувствованіе, или, какъ онъ выражается, *чувство желанія?*—Если такъ, то нужно было доказать это анализомъ соотвѣтственныхъ фактовъ изъ душевной жизни.

Педагогическій отдѣлъ педагогической психологіи помимо нѣкоторой безсистемности, общности предлагаемыхъ правилъ, говоря вообще, также удовлетворителенъ, насколько это возможно при настоящемъ младенческомъ состояніи науки о воспитаніи. Особенно хороши и практически очень полезны правила, даваемыя авторомъ относительно воспитанія воли, характера, на развитіе которыхъ у насъ такъ мало обращается вниманія въ педагогической современной практикѣ. За совѣты по этому вопросу автору можно быть благодарнымъ; онъ такъ ясно и вѣрно указываетъ условія развитія сильной воли, твердаго и энергичнаго характера, даетъ такія дѣльныя правила, что ожидать чего-либо большаго отъ него при настоящемъ состояніи психологіи и педагогики значило бы предъявлять несоразмѣрныя требованія. Но свѣтъ существуетъ не безъ тѣней,—и педагогическая часть сочиненія г. Кантерева не безъ недостатковъ.

Одинъ изъ рецензентовъ этого сочиненія (см. журн. Семья и Школа, Май, 1878 г.) говоритъ, что авторъ его является защитникомъ розогъ и всѣхъ вообще тѣлесныхъ наказаній. И дѣйствительно изъ разсужденій автора по этому вопросу трудно не вывесть такого заключенія, хотя по всѣмъ даннымъ, думается, онъ не намѣренъ пропагандировать такой отсталый взглядъ на вещи. »Во вліяніи этихъ ощущеній (ощущеній тѣлесной боли отъ порѣзовъ, ранъ и пр.) на нашу дѣятельность,—такъ начинаетъ

авторъ свои разсужденія по данному вопросу,—замѣчается одинъ любопытный фактъ. Непосредственно за неособенно значительными порѣзами и ранами слѣдуетъ усиленная дѣятельность: животныя и люди подъ ихъ вліяніемъ совершаютъ живыя и быстрыя движенія«, вслѣдствіе чего-де ощущенія боли и употребляются какъ одно изъ средствъ къ возбужденію усиленной дѣятельности у животныхъ и у дѣтей. »Животное ударяютъ бичемъ, чтобы оно скорѣе бѣжало; ученика ударяютъ линейкой, или, въ прежнее время, сѣкутъ розгами, чтобы онъ былъ внимательнѣе, лучше учился, проявлялъ большую умственную дѣятельность. И подъ вліяніемъ боли,—продолжаетъ авторъ,—животное дѣйствительно напрягаетъ послѣднія силы, и школьникъ, *говорятъ*, становится внимательнѣе, лучше учится«. Но полно, такъ-ли,—справедливо-ли говорятъ? Авторъ думаетъ, что »для моментовъ, непосредственно слѣдующихъ за ощущеніемъ боли, это справедливо«, только-де возбужденіе силъ въ этихъ случаяхъ бываетъ скоропреходяще и ведетъ за собой *упадокъ силъ*, *полное истощеніе*, *не только крайнее утомленіе мускуловъ*, *но и пониженіе жизненныхъ силъ и отправленій вообще* (стр. 97 и 98). И первое, и послѣднее мнѣніе не оправдывается фактами. Не было нужды ни въ застращиваньи, что удары линейкой, рукой, розгами и вообще тѣлесныя наказанія ведутъ въ концѣ концовъ чуть не къ смерти, обмороку, или тяжкой болѣзни (иначе значенія нельзя придать словамъ: *полное истощеніе*, *крайнее утомленіе*, *пониженіе жизненныхъ силъ*), ни въ преувеличеніи, что ощущенія тѣлесной боли: удары линейкой, оплеухи, сѣченіе розгами непосредственно возбуждаютъ *усиленную* дѣятельность не только мускульную, но и *умственную*. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на лошадь, вола, подвергающихся ударамъ бича, развѣ у нихъ наступаетъ *полное истощеніе и*

крайнее утомленіе,—такое, что они не въ состояніи двинуть ногами?.. Про школьниковъ, что́ они не испытываютъ спустя не много времени послѣ тѣлесныхъ наказаній полнаго истощенія и крайняго утомленія, слѣдуетъ замѣтить тоже почти.—И непосредственные результаты побоевъ бичами, линейками, руками и розгами также преувеличены авторомъ. Несомнѣнно, что вслѣдъ за ударами линейкой, рукой, или розгами въ школьникѣ происходитъ не возбужденіе усиленной умственной дѣятельности, а какъ разъ обратное явленіе—пониженіе, ослабленіе послѣдней. Если крикъ и брань заставляютъ школьника теряться, то тѣмъ болѣе удары и сѣченіе розгами; тѣлесныя наказанія такого рода совсѣмъ подавляютъ сообразительность, хотя и на время.

Не совсѣмъ цѣлесообразными и практичными оказываются и нѣкоторые совѣты автора относительно воспитанія внѣшнихъ чувствъ. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ своихъ журнальныхъ статьяхъ (напр. въ статьѣ: *о первоначальномъ воспитаніи* дѣтей, помѣщенной въ Народной Школѣ за 1875 г. въ №№ 6 и 7), г. Кантеревъ оказывается поклонникомъ фрёбелевской системы воспитанія, начертанной въ нѣмецкомъ вкусѣ нѣмцемъ Фрёбелемъ, хотя педантичность, относительная безжизненность и несоотвѣтствіе ея дѣтской природѣ указана и разъяснена. Авторъ совѣтуетъ вести воспитаніе внѣшнихъ чувствъ систематично и неуклонно по фребелевскимъ рецептамъ: »упражнять (внѣшнія чувства) ребенка сначала не на окружающихъ его вещахъ, а на спеціальныхъ игрушкахъ, такъ называемыхъ фребелевскихъ дарахъ: мячикахъ, кубахъ, цилиндрахъ, треугольникахъ, квадратахъ« (стр. 193) и проч., забывая, что ребенка нельзя совсѣмъ изолировать отъ вліянія впе-

чатлѣній отъ окружающихъ его вещей и лицъ, что начинать упражненія глазъ съ мячиковъ, затѣмъ—кубовъ и цилиндровъ, а потомъ переходить къ треугольникамъ и квадратамъ далеко не значитъ идти отъ простаго къ сложному: цилиндры и кубы болѣе сложныя фигуры, чѣмъ треугольники и квадраты. При этомъ автору думается, что »строгую постепенность этихъ упражненій не слѣдуетъ считать лишнимъ педантизмомъ, искуственными пріемами«, что »для такого порядка имѣются твердыя основанія« (стр. 194). Основанія эти, по мнѣнію автора, слѣдующія. »Не систематизированныя ощущенія производятъ путаницу, хаосъ въ головѣ ребенка« (тамъ-же). Больной (слѣпорожденный), исцѣленный докторомъ Францемъ, »даже по прошествіи 4-хъ мѣсяцевъ послѣ операціи чувствовалъ себя не хорошо во время прогулокъ-по *людныхъ улицамъ*, *его смущало разнообразіе новыхъ впечатлѣній*, *быстрое движеніе толпы*, *каретъ* и т. п. Дама, исцѣленная (отъ слѣпоты-же) Вольдрономъ, въ первое время послѣ операціи была *оглушена приливомъ множества* впечатлѣній« (стр. 194). Но справедливо-ли изъ этихъ фактовъ выводить то заключеніе, какое у автора. Въ первомъ и послѣднемъ случаѣ, какъ видно изъ описанія, путаница въ головѣ происходила не отъ недостатка систематичности въ ощущеніяхъ, а отъ чрезмѣрнаго обилія, множества впечатлѣній и ихъ быстрой смѣны; въ такихъ случаяхъ и система не принесетъ пользы.

Въ заключеніе замѣтки не лишне замѣтить что языкъ въ разсматриваемой книгѣ ясенъ, точенъ, удобопонятенъ. Издана книга опрятно. Только цѣна назначенная авторомъ высока—2 р. 50 коп. Правда книга очень объемиста, заключаетъ въ себѣ въ 8-ю долю I—VIII 631 стр.; но все-таки въ виду того, что она назначается въ руководство

народнымъ учителямъ, воспитателямъ и воспитательницамъ—людямъ небогатымъ, желательно было-бы, чтобы авторъ понизилъ цѣну[1]).

N. N.

Нѣсколько словъ изъ моего дневника.

Лѣтомъ 187... года случилось мнѣ быть у одного изъ священниковъ села —скаго К. уѣзда,—о. Н. Село большое, торговое и можетъ похвалиться своею обширною, трехпрестольною каменною церковію очень красивой архитектуры. Самая обширность приходскаго храма уже свидѣтельствовала о многочисленности прихожанъ, но каково-же было мое удивленіе, когда въ праздникъ Преображенія Господня, бывши за литургіей, насчиталъ въ немъ не болѣе 15—20 человѣкъ!

— »Сколько у васъ прихожанъ?«—спрашиваю о. Н., когда онъ подъ вечеръ того-же дня пригласилъ меня въ свой садикъ и присѣлъ со мною на скамейку, устроенную подъ тѣнью густо и въ два ряда насаженныхъ тополей.

— »Въ моей половинѣ,—отвѣчалъ о. Н.,—насчитывается до тысячи душъ одного мужескаго пола, да у другаго священника о. М. будетъ столько же... стало-быть всего мужескаго и женскаго пола въ нашемъ приходѣ найдется до четырехъ тысячъ душъ«.

— »И вдругъ изъ четырехъ тысячъ душъ въ такой большой праздникъ, какъ сегодняшній, пришло въ церковь не болѣе 20 человѣкъ?«—съ удивленіемъ замѣчаю о. Н.

---

[1]) Выписывать можно Педагогическую Психологію, обращаясь или къ самому автору—преподавателю с.-петербургской дух. семинаріи П. Каптереву, или въ лучшіе книжные магазины С.-Петербурга.

— »Что удивляетесь! не сегодня только, а и всегда—во всѣ другіе воскресные и праздничные дни ихъ больше не бываетъ, *совсѣмъ отстали отъ церкви... вовсе не ходятъ къ службѣ Божіей*«...—со вздохомъ проговорилъ мой собесѣдникъ.

— »Вы хотите сказать, что у васъ въ приходѣ развелось много раскольниковъ, и потому не многіе ходятъ въ церковь?«

— »Ну, раскольниковъ у насъ не полагается... А бѣда въ томъ, что наши прихожане шибко предались пьянству... Придетъ праздникъ, а они, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, только и думаютъ и норовятъ какъ-бы въ кабакъ—напиться«...

Голосъ о. Н. какъ-то дрогнулъ при этихъ словахъ. Немного помолчавши, онъ съ досадой продолжалъ: »впрочемъ, что и говорить о нашихъ мужикахъ—пьяницахъ... сколько не убѣждай ихъ по христіански проводить праздники, какъ не уговаривай... они все свое дѣлаютъ«,—безнадежно махнулъ правой рукой и поникъ головой.

Видимо было, что о. Н. тяжело и грустно было вспомнить о нерадѣніи своихъ прихожанъ къ храму Божію. Посему отвѣтами, высказанными о. Н. на занимавшій меня вопросъ, хотя я и не могъ вполнѣ удовлетвориться, но мнѣ совѣстно стало, что своими разспросами навелъ его на грустныя размышленія, и я счелъ по меньшей мѣрѣ неприличнымъ вызывать его на дальнѣйшія объясненія,—рѣшился другимъ путемъ удовлетворить своей любознательности, при случаѣ узнать отъ самихъ прихожанъ о причинахъ ихъ равнодушія къ храму Божію. Случай не заставилъ долго ждать себя.

Въ праздникъ Успенія Божіей Матери,—въ храмовой праздникъ —скаго прихода, встрѣчаюсь съ однимъ изъ прихожанъ о. Н. давно знакомымъ мнѣ начетчикомъ Т.

И—чемъ, крестьяниномъ лѣтъ подъ сорокъ. Этотъ, Т. И—чъ, памятенъ мнѣ своею любовію къ церковному чтенію и пѣнію—бывало ни одной праздничной службы не пропускалъ и очень часто заходилъ къ о. Н. взять у него »что-нибудь отъ божественнаго« для прочтенія у себя на дому. Между тѣмъ за послѣднее время, проживши у о. Н. весь іюль и первую половину августа, я увидалъ Т. И—ча въ первый разъ 15-го августа.

— »Давненько тебя, Т. И—чъ, не видать было... вѣрно не здоровилось?«—вступаю въ разговоръ съ нимъ послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— »Нѣтъ, покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, не хворалъ«.

— »Должно быть на сторонѣ былъ, на заработки ходилъ?«

— »И прежде не хаживалъ и теперь все лѣто дома проживаю... Отъ земли да малыхъ ребятъ куда пойдешь?!.. врядъ съ домашними дѣлами управиться одному!«

— »Что же тебя не видно было ни въ Казанскую, ни въ Ильинъ день, ни въ Спасъ *мокрый*[1]), ни въ Преображенье... Вѣдь прежде ты ни одной праздничной службы не пропускалъ?«

— »И радъ-бы въ рай, милый мой, а грѣхи-то не пускаютъ... Лѣтнее время, сами знаете,—страдная для насъ пора; работа больно донимаетъ... Какъ намаешься цѣлую-то недѣлю, въ праздникъ Христовъ и на умъ нейдетъ богомолье,—хочется отдохнуть... Что дѣлать!«

Говоря такъ, Т. И—чъ потягивалъ и расправлялъ свою длинную съ легкою просѣдью бороду и какъ-бы раздумывалъ о чемъ и припоминалъ.

---

[1]) Мокрымъ Спасомъ крестьяне называютъ праздникъ 1-го августа »Происхожденіе честныхъ древъ креста Господня«, потому что въ этотъ день бываетъ освященіе воды на рѣкахъ или прудахъ.

— Развѣ въ воскресный или праздничный день,—продолжаю распрашивать Т. И—ча,—нельзя сходить въ церковь и въ тоже время отдохнуть отъ недѣльныхъ трудовъ? вѣдь у васъ церковная служба не по монастырски правится,—не цѣлый день продолжается?«

— »Такъ-то такъ, но наше дѣло дальнее,—оправдывается Т. И—чъ,—верстъ восемь будетъ отъ нашей деревни до храма Божія, а можетъ быть и всѣ десять наберутся... Скоро-ли дойдешь до села? покуда идешь со двора, а служба то и кончилась!«

— »Ты самъ говоришь, что и хотѣлъ-бы побывать за службой, но запаздываешь къ ней; значитъ тебѣ нужно раньше выходить изъ дому. Поспѣваютъ же нѣкоторые изъ вашей деревни если не къ утрени, то къ обѣдни?«

— »Да никакъ не приноровишься во́ время придти къ службѣ... Иной разъ и рано—часа въ четыре поднимешься со двора и придешь въ село, когда еще не начинали звонить къ обѣднѣ... Ну и ждешь часа два и болѣе... просто скука и тоска возьметъ тебя... Наконецъ когда-то когда зазвонятъ и начнутъ служить, а тебя ужъ на ѣду позываетъ... Народъ мы рабочій, сами знаете, привыкли рано поѣсть!... Какъ нибудь простоишь обѣдню,—проговѣешь и скорѣе домой... Вернешься домой часу въ третьемъ... покуда пообѣдаешь да подготовишь все къ работѣ на другой день, глядишь и вечеръ на дворѣ«...

— »Стало-быть по твоему мнѣнію, Т. И—чъ, выходитъ, что ваши священники виноваты въ томъ, что ты и другіе прихожане рѣдко бываете въ церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ?«

Т. И—чъ слегка покраснѣлъ, на минуту опустилъ глаза внизъ, но потомъ быстро и пристально взглянулъ на меня и, нѣсколько возвысивши голосъ, внушительно замѣтилъ:

— »Да! *Служи наши священники въ одни и тѣ-же часы*, мы бы такъ и знали,—знали-бы когда нужно выдти со двора, чтобы поспѣть въ службѣ во́ время... *Тогда-бы намъ было посвободнѣе и усердія къ церкви было-бы больше.*

— »Кажется ты, Т. И—чъ, человѣкъ разумный, а разсуждаешь не совсѣмъ ладно«,—возражаю ему. Въ вашемъ приходѣ всего на-всего два священника, а васъ у нихъ около четырехъ тысячъ душъ. Самъ посуди,—можно-ли имъ двоимъ угодить на всѣхъ васъ? Вы хотите, чтобы утреня и обѣдня по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ правились въ одни и тѣ-же часы, но для вашихъ священниковъ это невозможно. Часто случается, что тотъ или другой изъ вашихъ священниковъ приготовился начинать обѣдню, а тутъ просятъ его то окрестить, то причастить больнаго. Понятное дѣло, что въ такихъ случаяхъ онъ по необходимости запаздываетъ совершеніемъ литургіи«.

— »Нѣтъ, что ни говорите, а наше дѣло плохое«,—на своемъ настаиваетъ Т. И—чъ—»Мы какъ расточенныя овцы, неимущія добраго пастыря... Если-бы наши пастыри жили согласнѣе между собою и сколько нибудь любили насъ, то и имъ было-бы развязнѣе и насъ подчасъ пожалѣли-бы. Ихъ у насъ двое... пусть же одинъ креститъ или причаститъ больнаго предъ обѣдней, а другой, которому очередь служить, немедля въ свое время начинаетъ обѣдню... А то укоряютъ насъ за то, что мы отстали отъ церкви и своими обличеніями въ проповѣдяхъ только больше обижаютъ насъ«...

Замѣтивъ, что Т. И—чъ начинаетъ болѣе и болѣе волноваться, я поспѣшилъ перемѣнить предметъ своей бесѣды съ нимъ, сознавая, что въ словахъ его проглядываетъ значительная доля правды. *З.*

Камни, падающіе съ неба[1]).

Мы дождались чудныхъ августовскихъ ночей. Днемъ жарко, сидишь себѣ въ комнатѣ, а вечеромъ такъ и хочется вырваться изъ дому.

Ежели мы въ ясную августовскую ночь будемъ разсматривать звѣздное небо, то намъ непремѣнно удается замѣтить то здѣсь, то тамъ промелькнувшую и снова угасшую звѣзду. Такая *падающая* звѣзда проносится блестящею точкою по звѣзднымъ пространствамъ, иногда-же, гораздо рѣже,—яркимъ огненнымъ шаромъ проплыветъ на высотѣ, освѣтивши собою примѣтно весь небосклонъ.

Паденіе звѣздъ только изрѣдка замѣчается нами; но это явленіе далеко не столь рѣдкое, какъ бы оно показалось съ перваго взгляда. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу одинъ извѣстный астрономъ.

»Если нѣсколько наблюдателей, соединившись вмѣстѣ и раздѣливши сводъ небесный между собою на части, посвятятъ падающимъ звѣздамъ по нѣсколько часовъ ночи въ различныя времена года, то имъ придется отмѣтить огромное число мелькнувшихъ передъ ихъ глазами падающихъ звѣздъ. Число это будетъ гораздо значительнѣе, когда зрительная труба поможетъ видѣть такія мелкія падающія звѣзды, которыя пролетаютъ, не будучи замѣчены невооруженнымъ глазомъ. Вычислено, что въ теченіи шести часовъ ночи надъ всею землею пролетаетъ до милліона восьмисотъ тысячъ падающихъ звѣздъ, видимыхъ простому глазу. Если мы замѣтимъ, что при помощи зрительныхъ трубъ ихъ усматриваютъ въ 55 разъ больше, чѣмъ невооруженнымъ глазомъ, то должны будемъ замѣтить, что

[1]) См. № 42.

въ теченіе цѣлыхъ сутокъ число звѣздныхъ паденій доходитъ до 400 милліоновъ.

Только что сказанныя числа суть среднія; но выдаются ночи, когда число падающихъ звѣздъ такъ громадно, что онѣ пролетаютъ по небу передъ нашими глазами какъ хлопья снѣга и счесть ихъ всѣ тогда нѣтъ никакой возможности. Такъ въ 1837 году, 12-го ноября, астрономъ Ольмштедтъ въ Бостонѣ, въ 15 минутъ, и менѣе чѣмъ на десятой части видимаго ему небосклона, насчитывалъ до 650 падающихъ звѣздъ, сознавая притомъ, что вѣроятно цѣлая треть оставалась имъ недосчитанною. Изъ этого можно заключить, что въ одномъ Бостонѣ, въ теченіи семи часовъ (т. е. пока длилось явленіе), можно было-бы видѣть простымъ глазомъ около 250,000 падающихъ звѣздъ« (Проф. Бредихинъ).

Итакъ паденіе звѣздъ принадлежитъ къ болѣе обиденнымъ явленіямъ, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, и въ извѣстныя времена года—въ августѣ и ноябрѣ—онѣ проносятся цѣлыми роями надъ землей.

Падаютъ звѣзды съ значительной высоты, хотя эта высота еще точно не опредѣлена. За то ученымъ удалось опредѣлить скорость, съ которой двигаются падающія звѣзды. Эта скорость оказалась превосходящею всякое вѣроятіе: онѣ двигаются около 170—200 верстъ въ секунду, слѣдовательно въ 20,000 разъ быстрѣе поѣзда нашихъ желѣзныхъ дорогъ! О такой скорости трудно составить себѣ точное представленіе на основаніи тѣхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ на земной поверхности.

Мы изложили всѣ важнѣйшіе факты, относящіеся къ падающимъ звѣздамъ. Невольно раждается вопросъ, неужели тѣ свѣтила, которыя Всемогущій Творецъ укрѣпилъ на тверди небесной, *падаютъ*. Ничуть! Всѣ тѣ-же звѣзды, которыя были на тверди небесной въ моментъ ея созданія

горять и до сихъ поръ своимъ дивнымъ, лучезарнымъ блескомъ: прочно и ненарушимо ихъ бытіе на небосклонѣ. Слѣдовательно, *падающая звѣзда* не звѣзда, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли понимать это выраженіе. Ключь къ разгадкѣ этого таинственнаго явленія найдется, ежели мы добавимъ, что *иногда* на томъ мѣстѣ, куда упадала звѣзда, свидѣтели паденія находили раскаленный камень особаго вида и устройства. Этотъ фактъ освѣщаетъ намъ ту связь, которая существуетъ между *падающими звѣздами* и *камнями, падающими съ неба*. Очевидно это одно и тоже. Падаютъ съ неба камни, которые раскаляются во время своего воздушнаго путешествія: одни сгараютъ и не успѣваютъ долетѣть до земли, другіе—наоборотъ долетаютъ до земли, не успѣвая сгорѣть и остаются въ видѣ камня. Эти камни носятся въ небесномъ пространствѣ съ громадною скоростью и когда земля, въ своемъ движеніи, подходитъ близко къ этимъ камнямъ, то она съ силою притягиваетъ ихъ къ себѣ, подобно тому, какъ она притягиваетъ камень, брошенный вверхъ. Тотъ-же самый законъ земнаго притяженія, заставляющій яблоко падать внизъ и по которому брошенный къ верху мячь падаетъ обратно на землю,—тотъ же самый законъ служитъ причиною притяженія камня землею, когда она приблизится къ камню. Камень со *страшною скоростью* летитъ на землю. При этомъ паденіи камни гонятъ передъ собою воздухъ и сильно сгущаютъ его; отъ этого быстраго тренія объ воздухъ они и раскаляются. Вѣдь вы знаете сами, что если очень скоро ѣхать въ телегѣ, то деревянныя оси могутъ загорѣться; слѣдовательно, отъ быстраго движенія и тренія тѣла могутъ загорѣться; а воздушные камни летятъ со скоростью, превосходящею въ 20,000 разъ поѣздъ желѣзной дороги.

Если мы положимъ въ трубку кусокъ легко-воспла-

меняющагося трута и будемъ сжимать поршнемъ воздухъ— то трутъ загорится. Тоже самое совершается при сгущеніи воздуха падающимъ камнемъ.

Выпавшій камень горячъ только на своей поверхности; если быстро разбить подобный камень (что во многихъ случаяхъ легко удается), то въ серединѣ онъ окажется *холоднымъ*, что свидѣтельствуетъ о низкой температурѣ того пространства, гдѣ онъ первоначально носился. Обстоятельства, сопровождающія паденіе камней таковы. Чаще всего появляется огненный шаръ—*болида*; онъ быстро несется въ атмосферѣ, въ немъ происходитъ взрывъ, сопровождаемый сильнымъ шумомъ, и на землю падаютъ плотные, болѣе или менѣе многочисленные осколки. Въ ясную ночь, блескъ этого огненнаго шара принадлежитъ къ великолѣпнѣйшимъ явленіямъ: онъ подчасъ бываетъ столь силенъ, что затмѣваетъ свѣтъ луны во время ея полнолунія.

Цвѣтъ болидовъ бываетъ различный, иногда красный, иногда бѣлый, иногда зеленый. Онъ подобенъ блестящему фейерверку, пущенному въ высокихъ слояхъ нашей атмосферы. Когда шаръ пролетитъ нѣкоторое пространство— въ немъ происходитъ взрывъ и онъ вдругъ распадается на нѣсколько осколковъ, которые стремительно падаютъ въ разныхъ направленіяхъ. Взрывъ сопровождается трескомъ, который нерѣдко бываетъ слышенъ на значительномъ разстояніи. Такъ 14 мая 1864 года разорвало болитъ и громъ взрыва былъ слышенъ на разстояніи свыше 300 верстъ.

Этотъ взрывъ рѣдко бываетъ одиночнымъ: часто слышны два или три удара, сопровождаемые сильными раскатами, продолжающимися долгое время.

Паденіе камней производитъ на зрителя впечатлѣніе глубокаго страха. Когда выпалъ каменный дождь въ Юви-

ласѣ (въ Испаніи) крестьяне пришли въ такое смятеніе, какъ будто-бы на нихъ напало воинство сатаны и насталъ послѣдній часъ. Они преклонились предъ Всевышнимъ и съ покорностью ожидали послѣдняго часа. Громадный камень врѣзался въ землю, но никто не осмѣливался подходить къ нему...

Животныя также тревожатся и дрожатъ при появленіи метеора. Паденіе камней далеко не обходится безъ несчастныхъ случаевъ. Изъ случаевъ, приведенныхъ въ каталогѣ Біо (Biot), упомяну о слѣдующихъ. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія на одномъ голландскомъ кораблѣ было убито выпавшими камнями 6 человѣкъ. Въ 1837 году въ Бразиліи каменный дождь побилъ стадо быковъ.

Падающіе камни служатъ нерѣдкою причиною пожаровъ; такъ 13 ноября 1835 года въ окрестностяхъ одной французской деревни, въ девять часовъ вечера, на ясномъ и безоблачномъ небѣ появился блистящій болидъ. Осколки, происшедшіе отъ взрыва, зажгли солому на ригѣ, сараѣ, конюшнѣ и хлѣбные запасы.

Не смотря на частыя выпаденія каменныхъ массъ, несчастія, отъ нихъ происходящія, принадлежатъ къ явленіямъ крайне рѣдкимъ и исключительнымъ. Покрайней мѣрѣ газеты почти не сообщаютъ случаевъ убіенія падающимъ камнемъ. Не видно-ли изъ этого, читатель, охраняющее дѣйствіе Промысла Божія! Безъ его вмѣшательства много горя и бѣдъ принесло бы за собою сильно распространенное выпаденіе каменныхъ массъ! Поэтому глубокій мыслитель долженъ видѣть въ падающемъ камнѣ не только грозное явленіе природы, но и вѣчное проявленіе безконечной любви Творца Промыслителя. Метеоръ пронесшійся по небосклону это—языкъ Божій. Что же говоритъ тебѣ этотъ небесный языкъ? Онъ говоритъ тебѣ, что все твое бытіе, каждый ударъ твоего пульса зависитъ отъ

воли Всевышняго, безъ которой не упадетъ и волосъ съ головы твоей. Признавая это, намъ нужно только бояться гнѣва Всевышняго за нашу нравственную порчу, бояться того, что »*если нравственное состояніе рода человѣческаго будетъ таково, что онъ окажется недостойнымъ благодѣтельнаго промышленія Божія, то весьма естественно ожидать, что Верховное Существо отвратитъ свое лице отъ вселенной и допуститъ въ ней смятеніе*[1]).

Какъ происходятъ выборы константинопольскаго патріарха?

Какъ только престолъ вселенскаго патріарха остается праздным, за смертію ли, или увольненіемъ патріарха, члены »смѣшаннаго собранія« (изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ) составляютъ засѣданіе и избираютъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Постановленія »смѣшаннаго совѣта« доводятся до свѣденія Порты, и она издаетъ повелѣніе объ опредѣленіи мѣстоблюстителя и объ избраніи патріарха по установленному порядку. Въ настоящемъ году, за смертію патріарха Іоакима II, мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола былъ избранъ ахіолонскій архіепископъ; установленный же порядокъ, по которому происходитъ избраніе новаго патріарха, состоитъ въ слѣдующемъ[2]).

[1]) Сравн. нашу статью, подъ заглавіемъ »Слѣдуетъ-ли бояться кометъ?«, помѣщ. въ 31 № »Руководства для сельскихъ пастырей« за нынѣшній годъ.

[2]) Излагаемыя нами правила избранія константинопольскаго патріарха выработаны національнымъ собраніемъ въ греческой церкви, имѣвшимъ свои засѣданія въ Константинополѣ съ 1859 г. и выработавшимъ, между прочимъ, правила избранія патріарха. Эти правила впервые были примѣнены въ 1861 г., при первомъ избраніи на патріаршій престолъ недавно умершаго Іоакима II.

По утвержденіи Портой мѣстоблюстителя, разсылается во всѣ подчиненныя константинопольскому патріархату епархіи предложеніе въ теченіе *сорока-одно-дневнаго* срока прислать въ Константинополь свой билетикъ (запечатавъ его внутри посланія) съ обозначеніемъ на немъ имени того лица, которое наиболѣе изъ числа всѣхъ іерарховъ обладаетъ качествами, необходимыми для занятія вселенскаго престола. Качества же, какія требуются отъ кандидатовъ на вселенскій патріаршій престолъ, слѣдующія: а) избираемый долженъ быть зрѣлаго возраста, изъ числа іерарховъ, безукоризненно управлявшихъ какою-либо паствою покрайней мѣрѣ въ теченіе семи лѣтъ; б) онъ долженъ быть безукоризненнаго права, свѣдущъ въ церковныхъ догматахъ и канонахъ и, *если можно*, въ свѣтскихъ наукахъ: по жизни—стражъ священныхъ догматовъ и церковныхъ преданій; в) избираемый долженъ пользоваться *полнымъ* довѣріемъ правительства турецкаго.

Правомъ представлять билетикъ съ именемъ кандидата пользуются и тѣ митрополиты и епископы, которые во время избранія находятся по чему-либо въ столицѣ; билетикъ свой они обязаны представить за пять дней до избирательнаго собранія.

За пять дней до истеченія установленнаго сорока-одно-дневнаго срока, мѣстоблюститель разсылаетъ пригласительныя письма ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые имѣютъ право участвовать въ избраніи патріарха, и увѣдомляетъ ихъ о днѣ общаго собранія. Это общее собраніе должно имѣть слѣдующій личный составъ. Духовные члены: члены синода изъ митрополитовъ, равно какъ и другіе во время избранія патріарха находящіеся въ столицѣ митрополиты; не-

обходимо долженъ присутствовать Ираклійскій митрополитъ, который, по древнему обычаю, вручаетъ вновь избранному патріаршій жезлъ. Изъ свѣтскихъ лицъ въ составу избирательнаго собранія принадлежатъ: а) трое изъ важнѣйшихъ министровъ патріархіи, какъ-то: великій лагоѳетъ и двое другихъ по немъ; б) члены »смѣшаннаго совѣта«; в) трое изъ старшихъ гражданскихъ чиновниковъ и двое изъ военныхъ, имѣющихъ чинъ мири-алаи; г) правитель Самоса или довѣренный его; д) три представителя придунайскихъ княжествъ; е) четверо изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ, находящихся въ Константинополѣ; ж) пять человѣкъ изъ купеческаго сословія; з) одинъ изъ банкировъ; и) десять человѣкъ отъ цеховъ; і) двое изъ предмѣстій города и к) по одному свѣтскому члену отъ каждой подчиненной константинопольскому патріархату епархіи.

Въ день, назначенный для общаго собранія, всѣ члены избирательнаго собранія появляются въ назначенной для засѣданій залѣ, гдѣ, при закрытыхъ дверяхъ, послѣ повѣрки правъ на участіе въ избраніи, секретарь синода съ двумя членами собранія вскрываютъ и считаютъ билетики. Всѣ тѣ лица, имена которыхъ обозначены въ билетикахъ, причисляются къ числу избираемыхъ, сколько бы ни получили голосовъ, и по внесеніи ихъ въ списокъ, здѣсь-же подписываемый мѣстоблюстителемъ, синодомъ и членами »смѣшаннаго совѣта«, представляются тотчасъ въ Высокую Порту. Въ списокъ кандидатовъ вносятся и тѣ лица, за которыхъ въ собраніи подадутъ свѣтскіе члены собранія; но послѣдніе подаютъ свой голосъ подъ тѣмъ впрочемъ условіемъ, если въ спискѣ кандидатовъ не окажутся имена лицъ, имѣющихъ право на занятіе патріаршаго престола.

При этомъ требуется также, чтобы то лицо, за которое подадутъ голосъ свѣтскіе члены собранія, получило третью часть голосовъ наличныхъ духовныхъ членовъ собранія.

Когда Порта получаетъ списокъ кандидатовъ на патріаршій престолъ, разсматриваетъ его и, если въ числѣ лицъ, обозначенныхъ въ этомъ спискѣ, окажутся такія, которыхъ правительство не можетъ одобрить къ избранію, исключаетъ ихъ изъ списка и извѣщаетъ объ этомъ патріархію въ теченіи 24 часовъ. Изъ числа неисключенныхъ изъ списка, посредствомъ секретной подачи голосовъ, избирается *три* кандидата, каковые опредѣляются по большинству поданныхъ въ ихъ пользу голосовъ. Въ этой подачѣ голосовъ имѣютъ одинаковое право голоса всѣ члены собранія безъ исключенія, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. По избраніи трехъ кандидатовъ, имена ихъ вносятся въ списокъ, и *духовные члены* собранія, въ сопровожденіи свѣтскихъ членовъ, *непосредственно* отправляются въ церковь, гдѣ, по совершеніи обычнаго церковнаго чина, т. е. по призваніи Святаго Духа, тайною подачею голосовъ избираютъ одного изъ трехъ кандидатовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, избраніе патріарха рѣшаетъ голосъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола.

Когда, сказаннымъ порядкомъ, совершится избраніе патріарха, представляютъ объ этомъ донесеніе въ Высокую Порту. Новоизбранный, по приглашенію Порты, лично представляется султану, и за тѣмъ торжественнымъ образомъ отправляется въ патріархію.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 29 октября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 46. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Ноября 12-го.

Содержаніе: Слово въ день тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны и Ея Высочества Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.—Рѣчь къ воспитанницамъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, сказанная предъ молебномъ 26 октября 1878 г. въ день пятидесятилѣтняго юбилея IV Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Журнальные и газетные толки объ одеждѣ служащаго духовенства православной церкви.—Нѣсколько словъ о журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ для народа.—Камни, падающіе съ неба.—Объявленія.

СЛОВО

въ день тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны и Ея Высочества Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

Сегодня православная церковь ублажаетъ память св. Маріи, которая, за свое происхожденіе изъ галилейскаго города Магдалы, называется Магдалиною, а за свою проповѣдь о Христѣ—Спасителѣ удостоена церковію высокаго титла—Равноапостольной. Въ кругу церковныхъ временъ день этотъ относится къ числу малыхъ праздниковъ; но съ нимъ у насъ соединяется другое торжество—тезоименитство Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны и Ея Высочества Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны. День тезоименитства у насъ обыкновенно называется днемъ ангела. Итакъ, мы сегодня

празднуемъ день ангела нашихъ Августѣйшихъ Именинницъ, и собрались во храмъ для молитвы объ Ихъ здравіи и благоденствіи на многая лѣта.

Чтобы наше молитвенное празднованіе дня ангела Государини Императрицы и Ея Августѣйшей Невѣстки было и для насъ назидательно, остановимъ свое вниманіе на томъ, почему день памяти святаго, имя котораго мы носимъ, называется днемъ ангела и какія обязанности налагаются на насъ принятіемъ на себя имени того или другаго святаго человѣка Божія?

Когда человѣкъ рождается на свѣтъ, родители стараются окружить родившагося всевозможными попеченіями, чтобы слабый тѣлесный организмъ не потерпѣль вреда отъ неблагопріятныхъ его развитію стихій и обстоятельствъ. Кромѣ общей заботы, какую родители имѣютъ о своемъ дитяти, они поручаютъ его еще особенному надзору избраннаго лица, которое своею опытностію предохраняло-бы его отъ всего вреднаго и, руководя на пути жизни, способствовало правильному росту и развитію его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Это самое, что мы видимъ въ области воспитанія физическаго, тѣлеснаго—можемъ замѣтить и въ области воспитанія нравственнаго, духовнаго. Подобно любвеобильной матери, св. церковь окружаетъ своими заботами родившагося человѣка съ первыхъ минутъ его жизни. Свое попеченіе о немъ она выражаетъ прежде всего тѣмъ, что родившемуся даетъ христіанское имя, заимствуя его у тѣхъ старшихъ своихъ чадъ, которые пріобрѣли извѣстность и славу высокими добродѣтелями и причислены къ ликамъ святыхъ. Заимствуя для слабаго духовными силами младенца имя отъ одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ членовъ, св. церковь какъ-бы отдаетъ его подъ непосредственное покровительство, чтобы первый находилъ защиту и руководство у послѣдняго, и чтобы

несовершенный въ духовной жизни имѣлъ образецъ для себя въ жизни совершеннѣйшаго и самъ стремился къ нравственному совершенству. Такъ какъ совершеннѣйшіе члены церкви Христовой, святые Божіе переселились уже отъ земли въ міръ безплотныхъ духовъ или ангеловъ и, подобно имъ, заботятся о спасеніи людей, которые поручены ихъ смотрѣнію и наречены ихъ именемъ, то и по своей духовной природѣ, и по своимъ отношеніямъ къ людямъ справедливо называются ангелами. Отъ этого названія святыхъ Божіихъ ангелами, и день памяти тѣхъ изъ нихъ, имя которыхъ мы носимъ, называется у насъ днемъ ангела.

Изъ этихъ отношеній къ намъ святыхъ Божіихъ, имя которыхъ мы носимъ на себѣ, ясно опредѣляются и наши обязанности къ нимъ. Если они наши ангелы-хранители, защитники отъ зла и руководители къ добру, если они наши молитвенники и ходатаи предъ Богомъ о нашемъ спасеніи, то естественно мы обязаны быть благодарными имъ, благоговѣйно почитать память ихъ и усердно способствовать ихъ заботамъ о нашемъ спасеніи—подражаніемъ ихъ святой жизни. Кажется, съ перваго взгляда, будто мы именно такъ поступаемъ, какъ и должны, въ отношеніи къ тезоименитымъ намъ святымъ; мы помнимъ день памяти нашихъ святыхъ, всегда празднуемъ дни нашихъ ангеловъ; изъ почтенія къ нимъ освобождаемъ себя въ эти дни отъ служебныхъ занятій и радушно дѣлимъ съ друзьями хлѣбъ-соль, а иногда спѣшимъ въ храмъ Божій на молитву, призывая къ участію въ ней и церковь Христову чрезъ ея служителей. Прекрасны, безъ сомнѣнія, эти дѣйствія наши въ память святыхъ, имя которыхъ мы на себѣ носимъ, но они были-бы не только прекрасны сами въ себѣ, но и благотворны для насъ, если бы къ нимъ мы присоединяли еще и подражаніе изъ жизни, если бы мы старались угодить Богу святою жизнью также,

какъ и они. Вѣдь это собственно и имѣетъ въ виду церковь Христова, когда нарекаетъ насъ именами святыхъ; въ ихъ жизни она хочетъ дать намъ образцы, по которымъ бы мы устрояли свою жизнь и успѣшнѣе достигли нашего спасенія въ Богѣ.

Противъ подражанія жизни извѣстныхъ святыхъ, обыкновенно, говорятъ, что имя у человѣка вещь случайная и вмѣсто одного, которымъ онъ называется, могло быть дано ему другое и что по этому связывать съ тѣмъ или другимъ именемъ разнаго рода обязательства нѣтъ основанія; при томъ же подражаніе лицамъ другихъ съ нами народностей, мѣстъ и временъ, нравовъ и обычаевъ и личныхъ особенностей—дѣло почти невозможное для людей нашего времени.—Признавая отчасти справедливость того замѣчанія, что человѣкъ вмѣсто имени, которое носитъ, могъ быть названъ другимъ именемъ, мы этимъ нисколько не устраняемъ отъ себя обязанности, подражать тому или другому святому въ образѣ своей жизни. Если мы приняли имя извѣстнаго святаго, то онъ и долженъ быть для насъ образцомъ, подобно тому, какъ въ обыкновенной жизни, мы обязаны поступать соотвѣтственно тому званію и состоянію, къ которымъ принадлежимъ. Слѣдовательно, съ такимъ или другимъ именемъ непремѣнно связываются тѣ или другія обязанности, а потому и принимающій имя того или другаго святаго принимаетъ на себя тѣ обязанности, какія соединяются съ этимъ именемъ. Чтобы яснѣе понимать эти обязанности, нужно обратить вниманіе на тѣ намѣренія св. церкви, съ какими она нарекаетъ чадъ своихъ именами святыхъ Божіихъ, именно—чтобы въ жизни святыхъ мы видѣли образцы для подражанія, чтобы мы сами старались быть такими же добродѣтельными и святыми, какъ они. Почему мы должны подражать въ своей жизни тому именно святому, имя котораго на себѣ носимъ,

это зависитъ отъ ограниченности нашихъ духовныхъ силъ. Мы не можемъ осуществить въ своей жизни всей полноты совершенствъ, какою обладаетъ Богъ или всѣ святые; для этого у насъ нѣтъ возможности; и вотъ церковь даетъ намъ въ лицѣ тезоименитаго святаго болѣе близкій намъ и болѣе доступный образецъ. При этой обязанности подражанія жизни тѣхъ святыхъ, имена которыхъ намъ даны церковью, насъ не можетъ затруднять образъ ихъ жизни, тотъ или другой родъ подвиговъ ихъ, напр. мученическихъ, пустынническихъ, святительскихъ и т. д., которые зависѣли отъ условія ихъ жизни, мѣста и времени. Многочисленныя добродѣтели святыхъ Божіихъ суть только разнообразныя формы, въ которыхъ выразилось одно общее содержаніе, одно стремленіе—угодить Богу доброю, святою жизнью. Это-то общее и вмѣстѣ самое главное представляется нашему вниманію, какъ предметъ для подражанія, какъ образецъ для насъ. Кто пріучилъ себя не останавливаться на поверхности предметовъ, а проникать своимъ разумѣніемъ въ самое существо ихъ, тотъ понимаетъ, что внѣшнія формы, какъ-бы разнообразны онѣ ни были, могутъ быть выраженіемъ одной и той же сущности. Какъ на прекрасномъ лугу, при множествѣ зелени и цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ формъ и красокъ замѣчается одинъ общій колоритъ, и при особенномъ запахѣ каждаго изъ цвѣтовъ чувствуется одна основная струя аромата, такъ и на нивѣ церкви Божіей во всѣхъ подвигахъ добротѣтели, совершенныхъ сонмами святыхъ, проявляется одна любовь къ Богу, одно стремленіе къ исполненію Его закона. Лики мучениковъ, преподобныхъ, пустынниковъ, столпниковъ, святителей и всѣхъ святыхъ, въ своихъ частныхъ подвигахъ, указываютъ намъ лишь многообразные пути, которыми можно всѣмъ намъ достигнуть вѣчнаго спасенія. Всѣ они ведутъ къ одной цѣли, и потому какой-бы

изъ нихъ кто ни избралъ примѣнительно къ своему мѣсту и времени, къ обстоятельствамъ жизни и личнымъ наклонностямъ—одинаково вѣрно можетъ прійти къ Богу и спасенію въ Немъ. Вотъ почему каждый изъ насъ, какое бы имя ни носилъ, принадлежитъ-ли оно мученику, или преподобному, или же святителю, вполнѣ удовлетворится жизнью его, такъ какъ въ ней онъ можетъ найти, множество разнообразныхъ добродѣтелей, изъ коихъ если не одна, то другая можетъ быть осуществлена въ жизни, можетъ быть образцомъ для насъ. Напр. вашъ ангелъ или святой, имя котораго вы носите, съ юныхъ лѣтъ удалился въ пустыню, чтобы не увлекаться суетою міра сего и съ бо́льшимъ удобствомъ предаваться мыслямъ о Богѣ и собственномъ спасеніи; старайтесь и вы отвращать сердце свое отъ соблазновъ мірскихъ, влекущихъ ко грѣху; помните постоянно о своемъ назначеніи, указанномъ человѣку Богомъ, и вы явитесь подражателемъ своему ангелу: міръ будетъ для васъ пустыней, а вы сами—пустынникомъ. Или: вашъ святой заслужилъ небесную награду подвигами мученичества,—переносите терпѣливо, изъ любви къ Господу, тѣ притѣсненія и скорби, какія причиняютъ вамъ несправедливо злые люди, защищайте истину до готовности положить за нее душу свою,—и вы будете подражать украшенному вѣнцомъ мученичества. Или: вашъ ангелъ снискалъ благодать у Бога пастырствомъ, съ любовію и самоотверженіемъ училъ паству свою вѣрѣ и благочестію словомъ проповѣди и примѣромъ жизни; старайтесь устроить и свою жизнь такъ, чтобы она была училищемъ вѣры и благочестія для ближнихъ, и вы удостоитесь той награды, какая дается Богомъ истиннымъ пастырямъ и руководителямъ церкви Христовой. Кратко сказать, какими бы особенностями ни отличалась жизнь святыхъ, какіе-бы подвиги добродѣтели ни представляла

она, всѣ они проникнуты одною мыслію, всѣ вытекали изъ одного желанія—жить для Бога и исполнять Его законъ,—а это есть и наше назначеніе, общее у насъ со святыми. Эта общность назначенія, такъ-же какъ и происхожденія, дѣлаетъ доступными всѣмъ намъ подвиги добродѣтельной жизни святыхъ, которые были люди, подобные намъ. При обыкновенныхъ слабостяхъ поврежденной грѣхомъ природы человѣческой, они достигли высокаго нравственнаго совершенства; значитъ и мы, подобно имъ, можемъ достигнуть той же цѣли, если неослабно будемъ стремиться къ ней. Это тѣмъ легче для насъ, что мы имѣемъ уже въ жизни святыхъ не только доказательство возможности этого, но и живые образцы, слѣдуя которымъ, вѣрно выполнимъ свое назначеніе. Пусть каждый приметъ за руководство жизнь своего святаго, котораго имя носитъ, и несомнѣнно получитъ спасеніе. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ выводить, будто жизнь моего святаго можетъ быть назидательна только для меня, вашего для васъ и каждаго для него одного. Будучи достаточнымъ руководствомъ въ достиженіи спасенія для одного, жизнь святаго можетъ быть также назидательна и для другихъ, для всѣхъ людей; вотъ почему имена святыхъ, какое бы намъ ни дала церковь, имѣютъ для насъ совершенно одинаковое значеніе. Жизнь каждаго святаго представляетъ для насъ достаточное руководство ко спасенію. Въ этомъ отношеніи ихъ происхожденіе, народность, званіе и состояніе, полъ и возрастъ, мѣсто и образъ жизни, теряютъ для насъ свои особенности, сливаясь въ одной общей цѣли, въ одномъ общемъ стремленіи; всѣ они по слову ап. Павла: *едино о Христѣ* (Галат. III, 28).

Чтобы яснѣе видѣть, какъ жизнь одного святаго можетъ быть примѣромъ благочестія для другихъ, обратимъ

вниманіе на нѣкоторыя черты изъ жизни ублажаемой нынѣ церковію св. Маріи Магдалины.

Имя Магдалины у христіанскихъ народовъ сдѣлалось синонимомъ принятаго раскаянія и прощенаго грѣха. Евангеліе сообщаетъ намъ, что до своего обращенія ко Христу, она страдала страшною болѣзнію, отъ которой была исцѣлена Спасителемъ. Благодарная за свое исцѣленіе, она сдѣлалась потомъ самою преданною ученицею Его: постоянно слѣдовала за Нимъ, слушала Его ученіе; возлила драгоцѣнное муро на ноги Его; служила Ему въ житейскихъ потребностяхъ имѣніемъ своимъ; сопровождала Его на Голгоѳу; спѣшила весьма рано ко гробу, чтобы помазать ароматами пречистое тѣло Его и, удостоившись первою увидѣть воскресшаго Господа, явилась, наконецъ, ревностнѣйшею проповѣдницею Его воскресенія, за что и почтена высокимъ титломъ равноапостольной.

День памяти св. Маріи Магдалины—день ангела многихъ изъ христіанскихъ женщинъ, и ея жизнь прежде всего служитъ образцомъ для нихъ. Но не однѣ онѣ могутъ быть подражательницами ея; не менѣе назидательною можетъ быть жизнь св. Магдалины и для мужчинъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой добродѣтели изъ ея жизни мы не могли-бы подражать? Постоянно слѣдовать за Христомъ исполненіемъ Его заповѣдей, мы можемъ, хотя и не безъ труда; служить Ему въ лицѣ меньшихъ Его братій имѣніемъ своимъ также можемъ; приносить Ему благоуханіе вѣры и добрыхъ дѣлъ можемъ; питать глубокую любовь къ своему Спасителю несомнѣнно можемъ всѣ; одному развѣ не всѣ можемъ подражать—это проповѣднической ревности св. Маріи Магдалины, такъ-какъ мы живемъ въ христіанскомъ обществѣ, гдѣ эта обязанность возложена на особыхъ лицъ и гдѣ проповѣдь о Христѣ не безъизвѣстна. Но и для этого подвига равноапостольной у насъ обширное поприще; нѣтъ

нужды для него оставлять свои дома и общество и идти къ полудикимъ народамъ въ отдаленнѣйшія страны. И у насъ дома могла-бы быть обильная жатва, еслибы не такъ мало было жнецовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько между нами есть такихъ, которые находятся во тьмѣ невѣжества и сами называютъ себя людьми темными! Зажгите у нихъ свѣтъ христіанской науки, и вы явитесь подражателями равноапостольной. Сколько мрака духовнаго и тамъ, гдѣ мерцаетъ слабый свѣтъ современнаго просвѣщенія. Сколько, наконецъ, между нами самыми, считающими себя болѣе или менѣе просвѣщенными людьми, ложныхъ религіозныхъ мнѣній, отзывающихся вредомъ въ нашей вѣрѣ и нравственной жизни! Вносите каждый въ эти слабо освѣщенные области истинный свѣтъ вѣры Христовой, по ученію св. церкви, а не по измышленіямъ человѣческой мудрости и стихіямъ міра, учите другихъ и словомъ, и святою жизнію, и вы удостоитесь отъ Бога награды за апостольство подобно св. Магдалинѣ. Объ одномъ особенно старайтесь, чтобы распространяемое вами просвѣщеніе было истинное, сіяло чистымъ свѣтомъ христіанства, а не распространяло дыму и гари современныхъ модныхъ взглядовъ, чтобы оно не приковывало къ землѣ и ея интересамъ человѣка и безъ того, по слабости своей природы, долу влекущагося, а напротивъ возводило духъ его къ небу, къ Богу и вѣчной жизни. Руководствуйте себя сами и руководите другихъ по указанію св. церкви и ея непреложнаго ученія,—и ваша дѣятельность на пользу просвѣщенія меньшихъ братій будетъ и для нихъ, и для васъ спасительна.

Это тѣмъ удобнѣе для насъ, что мы имѣемъ предъ собою близкій и въ тоже время самый высокій образецъ въ дѣятельности Августѣйшей Имянинницы Государыни Императрицы. Покровительствуя просвѣщенію науками

воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ Ея вѣдомствѣ, Она обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы это просвѣщеніе проникнуто было религіознымъ характеромъ и велось въ духѣ православной христіанской церкви, зная, что только при свѣтѣ вѣры Христовой научное образованіе можетъ быть истинно полезно для настоящей жизни и спасительно для жизни будущей. Аминь.

Законоучитель Института, свящ. *М. Поторжинскій.*

Рѣчь

къ воспитанницамъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, сказанная предъ молебномъ 26 октября 1878 г. въ день пятидесятилѣтняго юбилея IV Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

За день предъ симъ мы молились въ этомъ свящ. храмѣ объ упокоеніи души усопшей рабы Божіей, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а сегодня будемъ молиться о здравіи тѣхъ, которые потрудились на пользу общества русскаго въ IV Отдѣленіи канцеляріи Его Величества. Связь между первою и послѣднимъ самая близкая и самая тѣсная: первая положила прочное начало и дала направленіе той дѣятельности, которая такъ успѣшно процвѣтаетъ и приноситъ такіе обильные плоды для блага общества подъ управленіемъ послѣдняго. 24 октября 1828 г. скончалась Императрица Марія Ѳеодоровна, а чрезъ день послѣ Ея кончины, 26 октября того-же года, получило свое начало IV Отдѣленіе и приняло въ свое вѣдѣніе тѣ дѣла и учрежденія воспитательнаго и благотворительнаго характера, которыя составляли вѣдомство Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Слѣдуя неуклонно тому направленію и стремясь къ той-же

цѣли, какія имѣлись въ виду при учрежденіи воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеній, IV Отдѣленіе въ теченіе своего пятидесятилѣтняго существованія сдѣлало то, что число этихъ заведеній весьма умножилось. Къ концу жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны ихъ считалось нѣсколько десятковъ, а теперь ихъ считается нѣсколько сотъ. Изъ нихъ 180 богоугодныхъ и 260 учебно-воспитательныхъ заведеній; въ первыхъ призрѣвается до 300,000 лицъ обоего пола, а въ послѣднихъ обучается до 50,000 лицъ, преимущественно женскаго пола. Такая громадная цифра призрѣваемыхъ и воспитывающихся подъ управленіемъ IV Отдѣленія не можетъ остаться незамѣченною. Успѣхи въ наукахъ и въ дѣлѣ воспитанія такъ важны для общества, что оно не можетъ не воздать самой искренней благодарности главнымъ дѣятелямъ IV Отдѣленія особенно въ настоящій день, день его пятидесятилѣтняго юбилея со дня учрежденія. Соединеніе въ одномъ вѣдомствѣ учрежденій воспитательнаго и благотворительнаго характера объясняется тѣмъ, что нерѣдко одно благотвореніе безъ воспитанія не приводитъ къ цѣли: чтобы сдѣлать человѣка полезнымъ членомъ общества, нужно дать ему не только матеріальныя средства для жизни тѣлесной, но и духовныя для жизни разумныхъ существъ. Поэтому IV Отдѣленіе, призрѣвая въ своихъ учрежденіяхъ всѣхъ несчастныхъ, нуждающихся въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ, дряхлыхъ стариковъ и слабыхъ дѣтей, даетъ послѣднимъ и надлежащее воспитаніе, чтобы они могли быть полезными членами общества. За такое доброе дѣло, не только воспитавшіеся въ учрежденіяхъ IV Отдѣленія, но и все общество приноситъ ему свою искреннюю благодарность всегда, а особенно въ нынѣшній приснопамятный для него день пятидесятилѣтняго юбилея.

Но воздавая дань хвалы и благодаренія усердным дѣятелямъ IV Отдѣленія за умноженіе и развитіе воспитатель-

ныхъ и богоугодныхъ заведеній, мы не должны забывать, что успѣхи въ этомъ, какъ и во всякомъ добромъ дѣлѣ, зависятъ главнымъ образомъ отъ Бога, отъ Котораго исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Поэтому, прежде чѣмъ мы услышимъ рѣчь о многосторонней дѣятельности IV Отдѣленія на пользу общественную, мы должны принесть благодареніе Господу Богу за тѣ дары, которые Онъ излилъ на насъ чрезъ IV Отдѣленіе, и будемъ молить Его, Всеблагаго, чтобы Онъ и впредь не оставлялъ насъ Своими щедротами. Такъ мы обязаны были-бы поступить, если-бы дѣятельность IV Отдѣленія не имѣла къ намъ особенно близкаго, такъ сказать непосредственнаго отношенія. Мы должны были бы благодарить Бога за то, что Онъ сдѣлалъ для русскаго общества, въ числѣ членовъ котораго мы находимся. Но если мы вспомнимъ, что нашъ кіевскій институтъ и получилъ свое начало, и успѣшно продолжаетъ свое развитіе, въ теченіе сорокалѣтняго существованія, подъ мудрымъ управленіемъ лицъ, стоящихъ во главѣ IV Отдѣленія, то мы тѣмъ усерднѣе должны молиться о здравіи и долголетствіи тѣхъ лицъ, которыя съ такимъ успѣхомъ направляютъ учебно-воспитательное дѣло для блага русскаго общества.

Возблагодаримъ же Господа за тѣ дары Его милости, которые оказаны намъ въ успѣшной дѣятельности IV Отдѣленія и помолимся Ему, Всеблагому, чтобы Онъ какъ донынѣ устроялъ все въ нашу пользу, такъ и впредь исполнилъ всѣ добрыя наши намѣренія во славу Свою, во благо церкви Христовой и на пользу нашему дорогому отечеству.

Законоучитель Кіевскаго института
свящ. *М. Поторжинскій.*

Журнальные и газетные толки объ одеждѣ служащаго духовенства православной церкви.

Священство хотя первое и необходимое званіе въ обществѣ, но міръ—всегда относился и относится къ нему не любовно и презрительно. Причина такого несправедливаго отношенія къ пастырямъ церкви заключается въ ихъ служеніи,—въ высокой задачѣ священства. Священники вышли изъ міра, предварительнымъ выборомъ и церковнымъ рукоположеніемъ отдѣлены отъ міра какъ особыя лица, какъ особый чинъ (Іоан. 15 гл. 19 ст.); цѣль ихъ службы останавливать и ослаблять зло въ мірѣ. Но міръ, по ученію слова Божія, во злѣ лежитъ (1 Іоан. 5 гл. 19), и ему сроднѣе вездѣ видѣть и творить зло, а не добро. Отсюда-то естественно священники, какъ надоѣдающіе міру напоминаніями о душѣ, о спасеніи, являются лицами противными міру, и міръ непріязненно относится къ нимъ. Въ своей нелюбви къ пастырямъ міръ оказывается совершенно послѣдовательнымъ: міру не нравится въ священникахъ все не мірское, напротивъ онъ готовъ цѣнить и любить въ пастыряхъ только *свое* и родное, т. е. свѣтскіе обычаи, мірскую суету, разсѣянность жизни, разныя человѣческія страсти и мірскую одежду. Такъ какъ зло и грѣхъ въ мірѣ, въ большинствѣ людей, будутъ до скончанія свѣта, то и нельзя ожидать времени, когда бы міръ вполнѣ дружелюбно отнесся къ пастырямъ церкви. Въ извѣстную пору времени или въ извѣстной какой-либо мѣстности міръ—сильно увлекается ко злу: тогда и тамъ еще сильнѣе бываетъ не любовь къ духовенству. Къ сожалѣнію въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо духъ матеріализма, забота только о внѣшнихъ потребностяхъ и удовольствіяхъ въ жизни овладѣли людьми, или значительнымъ большинствомъ людей. И вотъ

нынѣ замѣчается особенное пренебреженіе къ духовенству,—нелюбовь къ пастырямъ и ко всему, что въ нихъ не мірское, чуждое избалованному современному вкусу и мірскимъ обычаямъ. Эта нелюбовь высказывается обществомъ даже печатно, въ разныхъ газетахъ раздались голоса противъ священническихъ рясъ и длинныхъ волосъ, худо прикрытые благожеланіями для духовенства: кому-то опять помѣшали священническія »хламиды« и священническія »гривы«, какъ бѣльмо на глазу.

Въ »Недѣлѣ« нѣкто г. С. помѣстилъ замѣтку объ одеждѣ русскаго духовенства. Въ этой замѣткѣ онъ силится убѣдить православное русское духовенство, чтобы оно перемѣнило рясы на пальто, фраки и обстригло свои длинные волосы, говоря, что нынѣшняя одежда русскаго духовенства,—т. е. подрясникъ и ряса,—тяжела, неудобна, дорого стоитъ, не складна, даже не русскаго и, вообще, не христіанскаго происхожденія, а *татарскаго*[1]). А какой-то духовный спеціалистъ въ »Новостяхъ« въ своихъ сужденіяхъ объ одеждѣ православнаго русскаго духовенства идетъ далѣе. По его словамъ подрясникъ (халатъ) и широкорукавная ряса православнаго русскаго духовенства *происхожденія турецкаго*. Это каждый будто-бы легко можетъ видѣть, сличивъ фасонъ подрясника съ фасономъ національнаго костюма старо-турокъ и особенно ихъ муфтіевъ и кади. Вся разница будто-бы окажется въ чалмѣ и отчасти поясѣ, который наши духовные измѣнили, а теперь и совсѣмъ почти бросили, вмѣстѣ съ длинными турецкими же тростями и безобразными широкими шляпами, заимствованными отъ польскихъ евреевъ. Въ турецкомъ происхожденіи одежды православнаго русскаго духовенства, по словамъ того же спеціалиста, можно убѣдиться не чрезъ

[1]) См. также Нов. Врем. 1878 г. № 929 »Среди журналовъ и газетъ«.

сравненіе только фасона подрясника съ фасономъ національнаго костюма старо-турокъ, муфтіевъ и кади, а и на основаніи историческихъ указаній; въ сочиненіи г. Базили о Константинополѣ, Греціи и Архипелагѣ,—сочиненіи теперь очень рѣдкомъ, встрѣчаются будто-бы обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что платье нашихъ духовныхъ дѣйствительно турецкое и введено въ употребленіе на востокѣ по приказанію одного изъ турецкихъ султановъ[1]). Вотъ, православные пастыри, какое открытіе сдѣлали для васъ относительно вашей священнической одежды! Сознавали-ли вы прежде, что ваша одежда тяжела, неудобна, не складна и дорого стоитъ? подозрѣвали-ли вы, что носите костюмы какихъ-то старо-турокъ и особенно ихъ муфтіевъ и кади? Если нѣтъ, то уразумѣйте открытую для васъ *истину*, бросьте свою настоящую одежду и тѣмъ вы избѣгнете излишнихъ значительныхъ расходовъ и улучшите свой матеріальный бытъ; оставьте свои рясы и подрясники—эту нескладную,—смѣшную и презрѣнную одежду какихъ-то старо-турокъ, муфтіевъ и кади турецкихъ, и вы не будете служить посмѣшищемъ въ глазахъ свѣтскаго общества, а напротивъ пріобрететe большее уваженіе и авторитетъ среди своихъ паствъ!!...

Сколько лжи и фальши скрывается тутъ—въ этихъ заботливыхъ предложеніяхъ и попеченіяхъ о духовенствѣ со стороны непрошенныхъ доброжелателей о немъ,—это довольно ярко разоблачаетъ одинъ изъ священниковъ г. Пскова, о. Василій Яхонтовъ. Въ своемъ письмѣ въ редакцію »Церковнаго Вѣстника«[2]) онъ совершенно основательно замѣчаетъ, что сущность религіи, конечно, не пострадаетъ и церковная іерархія не исчезнетъ съ лица земли, если-бы священники вмѣсто рясъ и подрясниковъ одѣлись въ пальто, фраки и даже мундиры; но дѣло въ томъ, что не представляется

[1]) См. тамъ-же.

[2]) См. »Церк. Вѣст.« 1878 г. № 39.

никакой надобности въ перемѣнѣ одежды служащаго духовенства и пользы для духовенства отъ подобной перемѣны не вышло бы никакой. Возбуждающіе вопросъ о перемѣнѣ одежды православнаго духовенства напрасно поставляютъ этотъ вопросъ въ связь съ заботою объ улучшеніи быта духовенства. Для священника нисколько не будетъ легче, если вмѣсто 10 рублей, которые онъ теперь расходуетъ на пошитье рясы, долженъ будетъ расходовать 25—30 рублей на постройку приличной сюртучной пары. Къ тому же, добавляетъ о. Яхонтовъ, священникъ свою дешевенькую но чистенькую рясу можетъ надѣть и надѣваетъ на старинькой починенный подрясникъ, а подъ этимъ послѣднимъ хотя-бы надѣта была у него простая холщевая рубашка, никому до того дѣла нѣтъ: всякій видитъ одну священническую рясу, а она чистенькая, и стало быть туалетъ священника въ исправности. При сюртукахъ же и фракахъ потребуются священнику, чего добраго, полотняныя, накрахмаленныя и выглаженныя рубашки съ нарукавничками и воротничками, а прислугъ у священника всего только онъ самъ да жена и нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей. Изъ всего этого о. Яхонтовъ выводитъ то прямое заключеніе, что съ экономической точки зрѣнія вопросъ о перекройкѣ священническаго платья есть вопросъ праздный. Духовенство, по словамъ того-же о. Яхонтова, нисколько не выиграло бы отъ перемѣны своихъ одеждъ и въ другихъ отношеніяхъ, а напротивъ проиграло-бы. Нѣкоторые лучшіе представители духовенства поддерживаютъ свой авторитетъ въ средѣ своихъ паствъ, между прочимъ, и тѣмъ, что они (быть можетъ благодаря своей одеждѣ) до нѣкоторой степени особятся отъ прочихъ людей въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ современной жизни. Но что было-бы, еслибы священники, облекшись въ свѣтскую одежду, стали посѣщать всѣ тѣ мѣста, куда увлекаетъ вихрь современной распущенности обыкновеннаго человѣка?—Тогда бы они

потеряли и тотъ небольшой остатокъ нравственной авторитетности, какой еще удѣляютъ имъ пасомые ихъ!

Но непризванные попечители о благахъ духовенства, желающіе освободить пастырей отъ дорого стоящаго и смѣшнаго якобы турецкаго костюма, утверждаютъ, что духовенство само дозволяетъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ султанской формы (!) и отъ нѣкоторыхъ обычаевъ вошедшихъ въ правила, что если начальство терпитъ одно отступленіе, то оно можетъ потерпѣть и другія, вызываемыя настойчивою необходимостью, что перемѣна »духовнаго« костюма священнослужителей на обыкновенный не умалитъ ихъ авторитета и уваженія въ глазахъ народа, что напротивъ есть данныя признать подобныя опасенія неосновательными. Какія-же это данныя? Давно-ли для священниковъ и дьяконовъ,—говоритъ г. С., авторъ замѣтки объ одеждѣ русскаго духовенства, помѣщенной въ »Недѣлѣ« и воспроизведенной въ другихъ общераспространенныхъ газетахъ[1]),—было также обязательно носить »поповскую« шляпу, какъ обязательно теперь носить рясу; и однакожъ »поповскихъ« шляпъ нынче почти не видно, и сколько извѣстно, никакого народнаго волненія по поводу этой »реформы« (?!) не послѣдовало. Прежде священники ходили непремѣнно съ »пастырской« высокой тростью, нынче вовсе ходятъ безъ трости или съ коротенькой,—убавился-ли отъ этаго авторитетъ пастырей? Если священники мало-помалу доведутъ длину своихъ подрясниковъ до длины теперешнихъ модныхъ сюртуковъ—убавится-ли отъ этого ихъ способность къ совершенію таинствъ? Самый вопросъ уже звучитъ какъ-то странно, чтобы не сказать болѣе, а между тѣмъ вѣдь весь вопросъ въ ширинѣ и длинѣ платья, и эту ширину и длину нѣкоторые отстаиваютъ какъ будто какую нибудь святыню. Наконецъ,

[1]) Напр. Нов. Врем. 1878 г. № 918 »Среди журн. и газетъ«.

кому же не извѣстно, что у раскольниковъ ихъ »попы« пользуются большимъ авторитетомъ, хотя рясъ не носятъ и волосы подстригаютъ. Слѣдовательно народу не въ диковинку было-бы видѣть »попа« не въ рясѣ и безъ »длинной гривы«... Да онъ и видитъ ихъ очень часто въ такомъ костюмѣ, который ни чѣмъ отъ мужицкаго не отличается; землю пахать, сѣно косить, дрова рубить деревенскій попъ не станемъ же въ рясѣ—онъ одѣвается, какъ и мужикъ. Народъ давно сложилъ пословицу, что »попа« и въ рогожѣ узнаютъ... Бѣдные пастыри церкви! и тѣ, которые печалуются о вашемъ благополучіи, не стыдятся и не краснѣютъ употребить даже въ печати оскорбительные для васъ выраженія, взятыя на прокатъ у какого нибудь пьянаго сапожника или конюха. Или ужъ ваши непрошенные благожелатели не относятся-ли къ поклонникамъ великосвѣтскихъ рабынь? не вообразили-ли они, что и вы, пастыри церкви, носите искусственные волосы—шеньоны, которые можно дѣйствительно уподобить конскимъ длиннымъ гривамъ! Или, быть можетъ, ваши непрошенные доброжелатели не по внушенію ли и зависти великосвѣтскихъ рабынь и воздвигли гоненіе на ваши длинные природные волосы,—этаго лучшаго головнаго украшенія, котораго лишились наши модницы?... Какъ-бы то ни было, но всѣ заботы и попеченія о перемѣнѣ священнической одежды, высказываемыя непрошенными благожелателями духовенства, и приправленныя оскорбительными выраженіями относительно пастырей церкви, едва-ли могутъ быть признаны искренними. Тотъ-же о. Яхонтовъ въ своемъ письмѣ въ редакцію »Церковн. Вѣстника« не безъ основанія замѣчаетъ, что »всѣ эти заботы и попеченія о перемѣнѣ священнической одежды суть благоприличныя пакости, которыя пастырямъ церкви хотятъ устроить непрошенные благожелатели ихъ. Отпорпруемъ ихъ посягательства, бра-

тія, и скажемъ единодушно, что для насъ хороши наши рясы! Какъ-бы предвидя подобное фіаско своимъ прельстительнымъ попеченіямъ, печалующіеся о насъ искусители говорятъ: »вотъ замѣнили же нынѣ священники прежніе безобразные шляпы модными свѣтскими« и никто этому не удивляется. Я прибавлю къ этому, что многіе пошли и дальше. Но подлежитъ огромному сомнѣнію то, чтобы все это никого не удивило. Напротивъ это многихъ вызываетъ на самыя рѣзкія осужденія. Вотъ что, напр., я слышалъ собственными ушами и слышалъ много разъ: »какіе нынче и попы-то стали—Богъ знаетъ?! Шляпенки понадевано, точно у мазурпковъ, только маковки прикрыты; воротнички да рукавья повыставили, а рубаха, небось, надѣта верхничная (изъ суроваго холста). Кого-то они прельстить хотятъ—Богъ вѣдаетъ?« Наконецъ о нашихъ »гривахъ«. Прежде всего скажу, что такое выраженіе позволяютъ себѣ только пьяные сапожники, а въ печати оно вовсе неумѣстно. Затѣмъ, для священника, сознающаго свое назоретство предъ Богомъ, наша »грива«— *дорогой для насъ символъ*. И буйствующему нынѣшнему міру, этой новой Самсоновой Далидѣ, мы не дозволимъ насъ обстричь и надсмѣяться надъ нами съ филистимскою жестокостію«. Какъ видно разоблаченія о. Василія и обращеніе его къ пастырямъ,—оказать отпоръ прельстительнымъ внушеніямъ печалующихся о духовенствѣ искусителей, пришлись послѣднимъ не по вкусу. »Новости« и за ними »Новое время«[1]) поспѣшили замѣтить о. Василію: »Господь съ вами, какая Далида дерзнетъ васъ стричь, если вы этого сами не хотите!« Еще-бы! очень жаль, что непрошеннымъ благожелателямъ духовенства не дана власть приводить въ исполненіе свои заботы и попеченія о па-

[1]) Нов. Врем. 1878 г. № 939.

стыряхъ церкви, а то, чего добраго, они не замедлили бы разослать своихъ агентовъ по всей великой Россіи съ ножницами и волей—неволей обстричь всѣхъ священниковъ.

З.

Нѣсколько словъ о журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ для народа.

Многіе изъ сельскихъ пастырей церкви, быть можетъ, никогда не видали, и, чего добраго, не слыхали о большей части народныхъ журналовъ и газетъ, которые съ нѣкотораго времени издаются въ нашемъ отечествѣ и предназначаются для чтенія нашего простаго народа. Въ виду этого, мы считаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изданіяхъ для народа, которыя выдаются изъ ряда другихъ своими особенностями.

Первымъ по времени изданіемъ для народа былъ »Мірской Вѣстникъ«, начатый генералъ-майоромъ Гейротомъ (онъ же издаетъ и »Чтеніе для солдатъ«) лѣтъ 15 тому назадъ. Выписывался этотъ журналъ большею частію полковыми канцеляріями, библіотеками и т. п., и едва находилъ себѣ читателей. Затѣмъ появилась »Народная Школа« покойнаго Мѣдникова, которая также не могла похвалиться подпискою. Послѣ этого появились разомъ два изданія, предпринятыя Савичемъ, именно »Народное Богатство« и »Ремесленная Газета«, но и эти изданія мало расходились. Между тѣмъ время шло, потребность народа въ чтеніи, вслѣдствіе распространенія въ средѣ его грамотности, увеличивалась; прибавлялось, сообразно съ этимъ, по немногу и изданій для народа. Такимъ образомъ почти незамѣтно создалась за послѣдніе годы цѣлая народная литература. Кромѣ »Мірскаго Вѣстника«, »Народ-

ной Школы«, »Ремесленной Газеты« и »Народнаго Богатства«, встрѣчаемъ еще слѣдующіе органы: »Грамотѣй« »Русскій Рабочій«, »Досугъ и дѣло«, »Мірское Слово«, »Русь« и »Сельскую Бесѣду«. Въ прошломъ году сообщали газеты, что крестьянинъ Тульской губерніи Н. Сальниковъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи издавать сженедѣльную газету »Селянинъ«[1]). Къ числу подобныхъ изданій относится »Жизнь и Хозяйство«, издаваемое подъ редакціею Карчъ-Карчевскаго и газета »Волга«, издаваемая коллежскимъ ассесоромъ Юреневымъ и друг.

Изъ поименованныхъ нами изданій для народа наиболѣе выдаются слѣдующія: »Русскій Рабочій«, »Мірское Слово«, »Народный Листокъ« »Русь« и »Сельская Бесѣда«; на нихъ мы и остановимъ свое вниманіе.

Духовно-нравственный журналъ »Русскій Рабочій« издается г-жею Пейкеръ съ 1875 года, въ размѣрѣ одного небольшаго печатнаго листа въ мѣсяцъ, съ рисунками. Годовая цѣна журналу съ пересылкою 1 р. Этотъ журналъ нашелъ себѣ много богатыхъ покровителей; такъ, начавъ выходить въ февралѣ 1875 года, онъ къ ноябрю того же года выписывался уже въ числѣ 4,799 экземпляровъ. Выписывали его преимущественно землевладѣльцы, распорядители фабрикъ и заводовъ, предводители дворянства, мировые судьи и друг. Нѣкоторые выписывали по 50, по 100 и даже по 150 экземпляровъ. Приступая къ изданію »Русскаго Рабочаго«, г-жа Пейкеръ задалась благородною задачею: »усладить часы досуга« рабочихъ людей, съ пользою для нихъ, и давать имъ въ своемъ журналѣ »разсказъ для развлеченія, совѣтъ для правильной, честной жизни, утѣшеніе въ минуту грусти и примѣръ для ободренія«. Кромѣ толкованія священнаго писанія, въ журналѣ помѣщаются біографическіе очерки знаменитыхъ

[1]) »Новое Время« № 654-й 1877 г.

людей, разсказы, сцены, стихотворенія, свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ и наставленія на счетъ хозяйственной части. Но главное вниманіе издательницы обращено на то, чтобы доказать нашему народу, что всѣ его бѣдствія происходятъ отъ нетрезвости, небережливости и вообще разгульной жизни, и что хозяева—самые добродѣтельные люди. Такія и подобныя имъ мысли развиваются въ назидательныхъ разсказахъ изъ рабочей жизни. Издательница постоянно призываетъ нашихъ рабочихъ къ хорошему поведенію и обѣщаетъ, что »добрый баринъ« поможетъ имъ за это сдѣлаться прикащиками, подрядчиками, а не то купцами. »Г жа Пейкеръ, говорятъ »Отечественныя Записки«[1]), кажется думаетъ, что еслибы рабочіе перестали пьянствовать и сдѣлались бережливыми, то вскорѣ всѣ могли бы обратиться въ купцовъ и подрядчиковъ. Какое устройство тогда принялъ бы міръ,—ей, конечно знать не нужно, такъ какъ она рисуетъ только идеалы, стараясь сдѣлать ихъ возможно заманчивыми«. Издательница журнала »Русскій Рабочій«, по замѣчанію »Отечественныхъ Записокъ« совсѣмъ не знаетъ русской жизни и русскихъ рабочихъ, которые изображаются ею совсѣмъ на иностранный и даже не на иностранный, а на какой то фантастическій манеръ. По всей вѣроятности, она не только никогда не живала съ рабочими, но даже не видала ихъ вблизи. Даже языкъ, которымъ она заставляетъ говорить ихъ, вовсе не народный.

Газета »Мірское Слово« издается священникомъ Протопоповымъ и выходитъ еженедѣльно, въ размѣрѣ одного небольшаго листа съ рисунками, по слѣдующей программѣ: 1) правительственныя распоряженія, преимущественно относящіяся до крестьянъ; 2) бесѣды, въ составъ которыхъ

[1]) »Отечественныя Записки« 1878 г. августъ, статья: »Новые признаки въ нашей литературѣ«.

входятъ статьи религіозно-нравственнаго, историческаго, географическаго и естественно-научнаго содержанія, равно и разсказы изъ народнаго быта; 3) внутреннія извѣстія, касающіяся главнѣйшихъ явленій русской общественной, земской и народной жизни; 4) внѣшнія извѣстія, излагающія главнѣйшія событія жизни сосѣднихъ намъ народовъ, насколько они касаются быта русскаго государства; 5) разныя извѣстія (достойные вниманія случаи изъ народной жизни, изобрѣтенія и т. п.) и 6) хозяйство и домоводство. Годовая цѣна »Мірскому Слову« 3 руб. съ пересылкою и разсрочкою платежа на три срока. Редакція говоритъ, что она стремится сдѣлать изъ газеты »вполнѣ народный органъ«. Дѣйствительно, это изданіе, по своему внутреннему содержанію, производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ »Русскій Рабочій«. Въ немъ, напримѣръ, сообщаются важнѣйшія правительственныя распоряженія и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, касающіяся крестьянства, въ родѣ разъясненій сената по вопросу о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ, не допускающемъ продажи такихъ предметовъ, безъ которыхъ крестьянское хозяйство можетъ придти въ разстройство. Для крестьянина весьма важно знать подобные законы; незнаніе ихъ бываетъ причиною многихъ недоразумѣній. »Мірское Слово« сообщаетъ также свѣдѣнія о томъ, что крестьяне дѣлаютъ приговоры не пить водки, что они составляютъ приговоры объ обязательномъ обученіи дѣтей въ сельскихъ школахъ и проч. При этомъ газета сообщаетъ свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ наукъ и печатаетъ передовыми статьями духовно-нравственныя бесѣды; встрѣчаются въ ней также разсказы изъ народнаго быта. Статьи и сообщенія, печатаемыя въ »Мірскомъ Словѣ« отличаются объективностію изложенія, что важно въ томъ отношеніи, что читателю не навязы-

ваются мысли и убѣжденія, а онъ самъ можетъ разсуждать.

Иллюстрированный журналъ »Народный Листокъ« издается въ Москвѣ съ 1875 года М. Дмитріевымъ. Выходитъ листокъ два раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ одного печатнаго листа, и стоитъ въ годъ 2 руб. съ доставкою и пересылкою. Редакція, объявляя о выходѣ листка въ нынѣшнемъ 1878 году, заявляла, что въ немъ будутъ сообщаться свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и обо всемъ, что любопытно и интересно знать народу; кромѣ того, подписчики получатъ въ премію на особыхъ листахъ всѣ портреты лицъ, царствовавшихъ въ Россіи отъ Рюрика до воцаренія дома Романовыхъ, а если Русская исторія, продолжающаяся въ »Народномъ Листкѣ«, будетъ окончена въ 1878 году, то подписчики получатъ портреты и всѣхъ прочихъ лицъ, царствовавшихъ въ Россіи до Александра II-го включительно. Это изданіе отличается отъ двухъ выше приведенныхъ тѣмъ, что оно имѣетъ въ виду только собственную наживу, но не просвѣщеніе русскаго народа. »Читая »Народный Листокъ«, говорятъ »Отечественныя Записки«, нельзя ни на минуту сомнѣваться, что имѣешь дѣло вовсе не съ какою-нибудь консервативною или умѣренно-либеральною партіей, а просто съ предпринимателями, которые ставятъ свои снасти и забрасываютъ уду«. Печатая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ русскую исторію, редакція »Народнаго Листка« вовсе не даетъ народу полезныхъ и цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній, а пользуется только исторіями нашихъ историковъ; при этомъ сокращаетъ исторіи неумѣло, такъ какъ все вниманіе обращаетъ на цифры покоренія, годы вступленія на престолъ и т. д. Выданные вначалѣ нынѣшняго года портреты похожи на лубочныя картинки.

Но отличительную черту »Народнаго Листка« состав-

лаетъ то, что онъ старается, по замѣчанію »Недѣли«[1]), »подкопаться подъ тѣ основныя начала русской жизни, которыя могутъ мѣшать господству капитала«. Такъ, напримѣръ, »Народный Листокъ« не питаетъ уваженія къ религіознымъ обычаямъ нашего народа. Онъ говоритъ, что крестьянъ »разоряютъ праздники: разоряютъ они и деньгами на пьянство и тѣмъ, что темный народъ думаемъ, что въ праздники работать грѣхъ. Какъ-бы намъ не дожить до того, восклицаетъ онъ, что у насъ будней совсѣмъ не будетъ!« Приводя изъ »Кубанскихъ Вѣдомостей« разсчетъ, что у насъ праздниковъ отъ 135 до 150 дней въ году, такъ что рабочій годъ простолюдина состоитъ только изъ 7-ми мѣсяцевъ, а за вычетомъ ненастья только изъ 6-ти мѣсяцевъ, »Народный Листокъ« говоритъ, что »разсчетъ этотъ не упоминаетъ еще о томъ, что нѣкоторые праздники въ иныхъ мѣстахъ чуть не по мѣсяцу празднуются, напримѣръ: осенняя казанская и свитки, а если ко всѣмъ этимъ праздникамъ да еще похмѣлье прибавить, много-ли настоящихъ рабочихъ дней въ году останется?« Такія мысли листка ясно говоритъ о томъ, что капиталъ, въ своемъ стремленіи къ наживѣ, наткнулся на праздники, которые ему весьма не нравятся. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ, капиталъ, оплачиваетъ содержаніе рабочаго, а рабочій лежитъ въ праздники на боку, да еще пожалуй отъ праздности мудрствуетъ лукаво. Очевидно, въ праздникахъ (такъ, вѣроятно, думаетъ »Народный Листокъ«) кроется два зла: во 1-хъ, поступаетъ въ карманъ капитала меньше, чѣмъ могло-бы, во 2-хъ, праздникъ даетъ досугъ рабочему, а досугъ, какъ извѣстно, порождаетъ усиленную умственную дѣятельность, которая совсѣмъ не идетъ рабочему, — онъ долженъ трудиться

[1]) »Недѣля« № 36-й 1878 г.

только физически; думать же за него будутъ редакторы газетъ для народа и за приличную плату отъ времени до времени сообщать ему результаты своихъ думъ. Нѣтъ,— по нашему мнѣнію, воскресные и праздничные дни, установленные церковію, каковы напр. двунадесятые праздники и имъ подобные, а также и тѣ, которые имѣютъ значеніе для той или другой мѣстной церкви, составляютъ истинное благодѣяніе для человѣчества. Они имѣли и должны имѣть величайшее значеніе въ облагороженіи и возвышеніи духовной жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, какъ это признаютъ безпристрастные изслѣдователи человѣческой природы и жизни. Что за жизнь была-бы для человѣка, если бы она была обречена на вѣчный трудъ, перерываемый отдыхомъ во время обѣда и сна, а въ праздники часомъ молитвы въ церкви? Въ праздничные дни простолюдинъ освобождается отъ обычныхъ своихъ занятій, трудовъ и заботъ, испытываетъ пріятное чувство законнаго отдыха и живетъ въ лучшемъ мірѣ, нежели тотъ, въ которомъ жилъ въ продолженіи усиленнаго и хлопотливаго труда. Разумѣется, бываютъ и исключенія: народъ нашъ проводитъ иногда праздники въ бражничаньи; въ такомъ случаѣ нужно позаботиться не о томъ, чтобы праздники превратить въ будни, а о томъ, чтобы помочь народу проводить ихъ надлежащимъ образомъ.

»Народный Листокъ«, какъ видно, мало знаетъ нашъ простой народъ. »Кромѣ глупости, по словамъ его, у крестьянъ много хитрости и разныхъ другихъ самыхъ скверныхъ качествъ«. Поэтому онъ считаетъ даже необходимымъ слѣдить за тѣмъ, чтобы другіе органы печати не истолковывали нѣкоторыхъ поступковъ крестьянъ въ благопріятномъ смыслѣ. Такъ напримѣръ, въ Ярославлѣ у одной женщины украли вещи, и когда подозрѣніе пало на дру-

гую и ее посадили, то та женщина, у которой совершилась пропажа, ходила къ заточенной и носила ей булки. »Сѣверный Вѣстникъ«, сообщая объ этомъ фактѣ, замѣтилъ въ немъ глубоко человѣческую черту, что́ очень не понравилось »Народному Листку« и вызвало съ его стороны слѣдующее замѣчаніе: »Какіе-де въ русскомъ народѣ ангелы бываютъ! Ее же, обокрали, она же воровкѣ булки несетъ, а того не догадается, что отъ того булки снесла, что закупить ее хотѣла, чтобы сказала, куда вещи дѣвала. Какъ народъ-то наши сочинители знаютъ!« Но довольно о »Народномъ Листкѣ«.

Художественно литературный журналъ »Русь« издается Мякѣшинымъ. Этотъ журналъ выходитъ съ начала нынѣшняго года, ежемѣсячно, по $1^1/_2$ листа, и стóитъ 2 руб. въ годъ съ пересылкою, а для подписчиковъ »Вѣстника Народной Помощи« только 1 руб. въ годъ. Программа »Руси« слѣдующая: краткій ежемѣсячный очеркъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій въ связи съ современною жизнію единовѣрныхъ намъ народовъ; жизнеописанія, разсказы и преданія, касающіяся жизни древнихъ подвижниковъ православной церкви, дѣятелей государства и народа въ нашемъ отечествѣ и у народовъ славянскихъ; славяно-русскія былины, лѣтописныя и другія сказанія, преданія, пѣсни, разсказы и стихотворенія изъ современной жизни; смѣсь: народныя поговорки, прибаутки, примѣты, загадки и проч.; краткій обзоръ лучшихъ, выходящихъ для народа, полезныхъ и возможно не дорогихъ по цѣнѣ, книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій. Въ каждомъ № находятся рисунки: виды храмовъ, городовъ, селъ, сцены и изображенія изъ военныхъ и народныхъ событій, портреты воиновъ и военачальниковъ, а также дѣятелей и тружениковъ на другихъ поприщахъ для народнаго блага. Издатели прилагаютъ много стараній, чтобы сдѣлать »Русь« интересною

для народа: въ ней и животрепещущія военныя событія, и прибаутки, и подражаніе народному языку. Начинается каждый № подходящими къ случаю тропарями и кондаками, напечатанными церковно-славянскимъ шрифтомъ; затѣмъ идутъ портреты съ біографіями и картины съ объясненіями, разсказы, историческіе очерки, стихи и проч., и кончается каждый № народнымъ мѣсяцесловомъ, въ которомъ больше всего обращено вниманіе на разныя присказки и прибаутки. О достоинствѣ журнала можно судить по нѣкоторымъ даннымъ: вся, напримѣръ, исторія Болгаріи разсказывается въ »Руси« на трехъ страницахъ; историки, разсказывающіе въ »Руси« русскую исторію, летятъ по столѣтіямъ и событіямъ быстрѣе птицы, при чемъ многое пропускается, не досказывается, а только выставляется на видъ хронологія и т. п.; кромѣ того, »Русь«, стараясь писать понятнымъ для народа языкомъ и поддѣлываясь подъ народную рѣчь, очень часто впадаетъ въ такую высокопарность, что, навѣрное, будетъ съ трудомъ пониматься. Въ »Руси«, по замѣчанію »Отечественныхъ Записокъ«, нѣтъ недостатка въ патріотизмѣ и разныхъ другихъ благородныхъ и преимущественно благонамѣренныхъ чувствахъ, но этого еще мало для журнала. Достоинство журнала прежде всего опредѣляется его умственнымъ содержаніемъ и опредѣленностію гражданской задачи, а этого-то и недостаетъ въ »Руси«.

Народный сельско-хозяйственный журналъ »Сельская Бесѣда« издается землевладѣльцемъ Смоленской губерніи Кардо-Сысоевымъ и бывшимъ профессоромъ земледѣльческаго института Бажановымъ. Этотъ журналъ началъ выходить съ іюля настоящаго года. Выходитъ онъ два раза въ мѣсяцъ, маленькими книжками въ $^1/_8$ долю листа, которымъ придана очень удобная форма для того, чтобы крестьянинъ могъ ихъ положить въ карманъ, въ шапку или

за пазуху. Цѣна годовому изданію съ рисунками и потретами 3 руб., а съ пересылкою 4 рубля. Программа »Сельской Бесѣды« слѣдующая: 1) статьи, направленныя къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня поселянъ; 2) статьи сельско-хозяйственныя; 3) техническія; 4) по народному здравію и скотоврачеванію; 5) по земскому дѣлу; 6) извѣстія, разсказы и повѣсти, и 7) объявленія о выходящихъ книжкахъ для народнаго чтенія. Кромѣ того, редакція будетъ помѣщать разсказы изъ современныхъ событій въ отечествѣ, или изъ прошлаго народной жизни, такъ что надѣется помѣстить въ книжкахъ »Сельской Бесѣды« всю исторію Россіи, съ портретами Августѣйшихъ Особъ и извѣстнѣйшихъ въ отечествѣ лицъ. »Сельская Бесѣда«, не успѣвъ появиться на свѣтъ, уже пріобрѣла себѣ подписчиковъ въ лицѣ смоленскаго земства, которое подписалось на 2 тысячи экземпляровъ или, лучше сказать, дало на изданіе субсидію въ 6—8 тысячъ рублей. Изданіе »Сельской Бесѣды« предпринято, какъ гласитъ редакція, по почину и при содѣйствіи земства смоленской губерніи, съ цѣлію провести, помощью печатнаго слова, въ среду земледѣльческаго населенія разумныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству со всѣми отраслями, его составляющими. На первой страницѣ 1-го № »Сельской Бесѣды« нарисованъ сѣятель служащій, вѣроятно, символическимъ изображеніемъ »Сельской Бесѣды«, выходящей сѣять сѣмя. Какое-же это сѣмя? »Сельская Бесѣда« пишетъ о вещахъ или общеизвѣстныхъ или даетъ совѣты, которыми не можетъ воспользоваться простой народъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ »О свободѣ« доказывается, что если человѣкъ, которому дана свобода, будетъ предаваться лѣни и пьянству, безпаказанно съ сосѣдями вздорить, а съ своими дѣлиться и дѣлаться отъ того сначала бабылемъ, а потомъ нищимъ, такой человѣкъ никогда не можетъ назваться свободнымъ

и т. п. Въ другихъ статьяхъ или совѣтуется хозяину удобрять землю золою, мусоромъ, кочками, щепами, стружками, тиною, глиною изъ старыхъ печей, уличною грязью, птичьимъ пометомъ и т. п., или совѣтуется кормить корову »сѣномъ, мѣсивомъ съ мучной посыпкой, бардой, а не ржаной соломой«, или указываются средства, какъ домашнимъ образомъ приготовлять уксусъ, какъ распознавать лѣта лошадей по зубамъ, какъ держать себя относительно пищи, одежды, жилья, какъ лечить лихорадку, ломоту, порѣзы и т. д. »Редакція »Сельской Бесѣды«, замѣчаютъ »Отечественныя Записки«, какъ видно, больше пишетъ все это такъ, для процесса письма, какъ гоголевскій Петрушка читалъ для процесса чтенія«.

Потребность къ чтенію у нашего простаго народа, вслѣдствіе распространенія въ средѣ его грамотности, весьма значительна, и въ настоящее время заявляетъ себя настоятельно. Что же могутъ дать нашему народу издаваемые для него журналы и газеты? Пригодны-ли они для него и будетъ-ли онъ читать ихъ? Намъ кажется, что мысли, проводимыя въ вышеприведенныхъ нами изданіяхъ для народа, такъ беззастѣнчивы, такъ бездоказательны и высказываются иногда въ такой неудобопонятной формѣ, что простой народъ нашъ едва ли станетъ читать ихъ, а скорѣе будетъ читать книги религіозно-нравственнаго содержанія, носящія у него названіе »книгъ божественныхъ«. Правда, у насъ есть и другаго рода попытки народной литературы, но онѣ пока не имѣютъ такого широкаго распространенія, какъ бы слѣдовало; такъ, напримѣръ, московскій комитетъ грамотности издалъ нѣкоторыя сочиненія Тургенева (Пѣвцы; Бирюкъ, Однодворецъ Овсянниковъ), Гоголя (Майская ночь и Ночь предъ Рождествомъ) и Л. Толстаго (Разсказы о Севастопольской оборонѣ), но это только капля въ морѣ. Народъ нашъ все таки будетъ

читать тѣ книги, въ которыхъ онъ найдетъ сочувствіе своему положенію, найдетъ отвѣты на запросы своей души, а такія книги для него—библія вообще и евангеліе въ особенности, а также книги религіозно нравственнаго содержанія.

Л.

Камни, падающіе съ неба[1]).

Массы падающихъ камней большею частью чрезвычайно малы и достигаютъ по вѣсу одной сотой лота. Изслѣдуя атмосферную пыль въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 года, французскій метереологъ Марьѣ-Дэви (Mariè Davy) нашелъ массу падающихъ камней *микроскопической величины*, которыя и изобразилъ въ издаваемомъ имъ »Ежегодникѣ«. Отъ подобной ничтожной, незамѣтной для глаза величины до громадной Палласовой глыбы, вѣсящей около 42 пудъ, существуютъ безконечные переходы въ величинѣ.

По химическому составу, падающіе камни состоятъ изъ минерала оливина съ примѣсью чистаго металлическаго желѣза (которое посему называется *метеорическимъ* желѣзомъ), съ примѣсью никкеля и другихъ металлическихъ веществъ, изъ которыхъ всѣ найдены на поверхности нашей планеты. Составъ камней имѣетъ глубокое значеніе и наталкиваетъ на нѣкоторые выводы.

Металическое желѣзо, т. е. желѣзо въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ падающихъ камняхъ, не встрѣчается нигдѣ на земной поверхности. Оно встрѣчается только въ видѣ руды, т. е. въ соединеніи съ другими веществами (съ кислородомъ и сѣрою). Чистое металическое желѣзо на землѣ не встрѣчается и оно получается

[1]) См. № 45.

только помощію выплавки, слѣдовательно есть результатъ искусственной обработки руды.

Поэтому если гдѣ нибудь мы встрѣтимъ камень, содержащій въ себѣ *металлическое желѣзо*, мы должны будемъ признать его за упавшій съ неба, хотя бы мы и не были прямыми свидѣтелями такого паденія. Съ другой стороны, если падающіе камни принадлежатъ небеснымъ пространствамъ, а съ этимъ согласны всѣ естествоиспытатели, то нахожденіе въ такихъ камняхъ *только* тѣхъ веществъ, изъ которыхъ состоитъ земная кора,—то такое совпаденіе наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о чудномъ единствѣ мірозданія, этого гармоническаго цѣлаго.

Повсюду, во всей вселенной, мы видимъ одни и тѣ-же законы и порядки, потому что вся вселенная сотворена единымъ Богомъ.

Каждый падающій камень на поверхности своей покрытъ черноватой или буроватой пленкой, представляющей слѣды плавленія. Если распилить камень, состоящій изъ желѣза, и промыть плоскость разрѣза соляной кислотой, то получится рисунокъ изъ очень красивыхъ фигуръ, образованныхъ изъ сочетанія кристалловъ чистаго желѣза. Эти фигуры названы, по имени ученаго, ихъ открывшаго —*Видманштеттовыми* фигурами.

Кромѣ камней изъ оливина и метеорическаго желѣза существуютъ еще *углистые* камни, состоявшіе изъ черной рассыпчатой массы, похожей на уголь. Если такой камень разрывался на высотѣ, то сыпалось облако пыли. Особенно интересенъ случай паденія пыли, бывшій 14 марта 1813 г. въ Калабріи. Во всей Калабріи стояла очень вѣтренная погода. Вѣтеръ уже два дня дулъ съ востока. Около четверти третьяго, вѣтеръ нѣсколько успокоился, но облака, покрывшія всѣ горы стали затемнять дневной свѣтъ и приняли угрожающій видъ. Оттѣнокъ казался уже

не краснымъ, какъ это представлялось издали, но совершенно огненнымъ или скорѣе цвѣта раскаленнаго желѣза. Въ половинѣ пятаго сдѣлалось совсѣмъ темно и въ домахъ принуждены были зажечь огни. Испуганный народъ толпами бѣжалъ въ соборъ, гдѣ заставилъ священника взойти на каѳедру для общей молитвы. Какъ только префектъ узналъ объ этомъ—такъ сейчасъ же отправился въ церковь успокоить народъ, но понявъ опасность, которой онъ подвергался, противодѣйствуя такому сильному народному движенію, онъ послалъ вмѣсто себя священниковъ. Предосторожность оказалась безполезной. Около пяти часовъ крики удвоились. Небо сдѣлалось изжелта краснымъ, солнечный свѣтъ почти совершенно затемнился и сѣверная часть неба покрылась непроницаемымъ мракомъ. Хотя море находилось за шесть миль отъ города, но глухой ревъ его волнъ былъ слышенъ въ самомъ городѣ; въ воздухѣ, разсѣкаемомъ молніей, слышался глухой шумъ. Тогда начали падать крупныя капли воды, смѣшанной съ краснымъ порошкомъ, которыя одни принимали за кровь, другіе сочли огненнымъ дождемъ. Народъ метался во всѣ стороны, издавая жалобные вопли и крики. Одни простирали руки къ священникамъ, умоляя немедленно исповѣдывать ихъ; кто не могъ добраться до священника, громко исповѣдывалъ свои грѣхи при всемъ народѣ; другіе бичевали себя, били себя въ лицо, въ грудь, рвали волосы... Съ громкими криками требовали, чтобы составили процессіи, и носили образа святыхъ, что и было немедленно исполнено. Вынесли статуи и народъ до вечера толпился около нихъ, оглашая воздухъ криками и молитвами. Къ ночи небо стало успокоиваться, дождь и молнія прекратилась и народъ сталъ расходиться.

Вопросъ о падающихъ камняхъ получилъ надлежащую постановку еще съ самой древности. Аристотель полагалъ,

что это—камни, случайно поднятые вверхъ силою урагана. Не смотря на авторитетъ Аристотеля, это мнѣніе не было принято, и Діогенъ изъ Аполлоніи совершенно вѣрно училъ, что на ряду съ видимыми звѣздами, существуетъ міръ *невидимыхъ звѣздъ* (какъ онъ самъ выражается), носящихся въ пространствѣ и могущихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ падать на землю. Родиною этихъ тѣлъ считалось по Парацельзу—солнце, по ученію другихъ философовъ—мѣсяцъ.

Въ настоящее время наука еще не вполнѣ порѣшила, *откуда* произошли падающіе камни. Всего вѣроятнѣе то мнѣніе, что это—куски разсыпавшейся планеты, подобно тому, какъ между Марсомъ и Юпитеромъ блуждаетъ цѣлый міръ астероидовъ, для которыхъ съ *научною точностью* доказано, что онѣ нѣкогда составляли одну планету, промежуточную между двумя названными выше[1]).

Итакъ, хотя наука еще не произнесла свое послѣднее слово относительно падающихъ камней, но философы, древняго міра отчасти предугадали тѣ результаты, къ которымъ по несомнѣннымъ, строго-математическимъ даннымъ пришла въ настоящее время положительная наука. Хотя послѣдняя и разсѣяла таинственный полумракъ, царившій надъ этимъ загадочнымъ явленіемъ, и сняла съ него мистическое покрывало неизвѣстности, но тѣмъ не менѣе мы и теперь съ полною справедливостью могли-бы выцарапать на любомъ изъ падающихъ камней слова,

[1]) Величайшій изъ физиковъ настоящаго времени, Гельмгольцъ, въ своей статьѣ »О взаимодѣйствіи силъ природы« высказываетъ и доказываетъ ту мысль, что и наша земля должна будетъ со временемъ разрушиться и, что это разрушеніе будетъ сопровождаться огненными явленіями. Бѣдная земля! Наука, по словамъ Гельмгольца, »грозитъ ей днемъ суда, не предсказывая времени его осуществленія«. Не забудемъ, что самъ ученый, пришедшій къ такому выводу—раціоналистъ.

написанныя на Ензингеймскомъ метеоритѣ, выпавшемъ въ 1492 г. Вотъ онѣ:

De hoc lapide multi multa, omnes aliquid, nemo satis.

Да будетъ же это святое недовольство лезуитомъ всякаго, кто ищетъ истину, ибо только:

Paulatim summa petuntur!

А. К.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла изъ печати, съ дозволенія Комитета духовной цензуры, новая книга по церковному Богослуженію,—Церковный уставъ въ таблицахъ, заключающій въ себѣ весь порядокъ церковныхъ службъ рядовыхъ и всѣ особенности праздничныхъ службъ въ теченіи времени года.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Въ 1-й части показывается порядокъ служенія по октоиху съ минеей мѣсячной, въ періодъ—отъ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли мытаря и фарисея.

Въ 2-й части показывается порядокъ служенія по октоиху съ минеей и постною тріодію въ періодъ—отъ недѣли мытаря и фарисея до недѣли Св. Пасхи.

Въ 3-й части показывается порядокъ служенія по цвѣтной тріоди съ минеей мѣсячной въ періодъ—отъ недѣли Св. Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ.

Составляя уставъ въ таблицахъ, я имѣлъ въ виду доставить болѣе наглядное и ясное руководство для исполненія порядка службы церковной. Въ православной греко-россійской церкви главное руководство для совершенія служенія церковнаго есть—Типиконъ. Но въ немъ есть во многихъ мѣстахъ не домолвки о такихъ священныхъ дѣйствіяхъ, совершеніе которыхъ признано совершать въ нашей церкви, напримѣръ: порядка выноса плащаницы, унесенія ея, порядка принесенія св. Даровъ на преждеосвященной литургіи и др.

Въ службахъ церковныхъ бываетъ много разнообразій и это отъ того, что у насъ не имѣется болѣе нагляднаго указанія порядка службъ церковныхъ.

Такъ, Типикопъ говоритъ о нѣкоторыхъ священныхъ дѣйствіяхъ особыми отдѣлами, или главами, напримѣръ: о кажденіи, объ отверзеніи царскихъ вратъ, объ открытіи и закрытіи завѣсы св. вратъ и др.; но въ предлагаемомъ уставѣ всѣ эти дѣйствія священныя показаны на ряду при совершаемыхъ богослуженіяхъ, чѣмъ уставъ сей сдѣлаетъ большую услугу священнику и псаломщику и устранитъ рѣзкія разнообразія въ церковныхъ службахъ.

Въ семъ уставѣ въ таблицахъ обращено особенное вниманіе на порядокъ совершенія совмѣстныхъ службъ, при совершеніи коихъ и бываетъ много разнообразій отъ недоумѣнія. Въ этомъ отношеніи сей уставъ предоставитъ такъ же не мало услуги, въ особенности 2-я и 3-я части его. Такъ, напримѣръ: наступаетъ недѣля мытаря и фарисея, отыскивается по оглавленію въ уставѣ семъ глава на сію недѣлю и здѣсь ищущій встрѣтитъ порядокъ всѣхъ службъ, могущихъ встрѣтиться въ эту недѣлю и тогда не будетъ надобности обращаться ни къ типикону, ни къ Марковымъ главамъ, ни къ главамъ минеи мѣсячной, ни къ главамъ о храмахъ.

Уставъ въ таблицахъ есть руководство довольно наглядное, сжатое и при томъ обнимающее весь кругъ церковныхъ службъ всего года.

Онъ почти во всемъ замѣняетъ типиконъ, а Марковы главы и главы о храмахъ замѣняетъ вполнѣ и съ большимъ удобствомъ при настоящемъ систематическомъ изложеніи его.

При томъ же уставъ сей составленъ болѣе примѣнительно къ приходскимъ церквамъ,—гдѣ по настоящему положенію одинъ священникъ съ однимъ псаломщикомъ, и тѣмъ доставитъ не стѣснительное измѣненіе Типикона, составленнаго примѣнительно чину, порядку и условіямъ монастырскимъ.

Мнѣ думается, что приходское духовенство оцѣнитъ мой трудъ, предлагаемый съ искреннимъ желаніемъ оказать ему пособіе при совершеніи церковныхъ службъ.

Цѣна 1 рубль серебромъ съ пересылкою.

Продается у автора, къ которому покупатели съ требованіемъ могутъ адресовать такъ: на станцію „Боголюбово“ Московско-Нижегородской дороги села Боголюбова священнику Аркадію Неаполитанскому; а съ денежной корреспонденціей: Въ г. г. Владиміръ, села Боголюбова священнику Аркадію Неаполитанскому.

Священникъ *Аркадій Неаполитанскій.*

СЛОВА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ДИМИТРІЯ, БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО и РОСТОВСКАГО, НЫНѢ ВОЛЫНСКАГО и ЖИТОМІРСКАГО, произнесенныя къ ярославской паствѣ въ 1874—1876 году. Ярославль, 1877 года. Цѣна за экземпляръ 1 р. 25 к., съ пересылкой. Въ случаѣ требованій 10-ти и свыше экземпляровъ 1 руб. Съ требованіями обращаться на имя ректора Ярославской духовной семинаріи, протоіерея Николая Тихвинскаго, или въ правленіе Ярославской семинаріи.

Слова эти, въ количествѣ 19-ти и съ портретомъ автора, съ архипастырскаго согласія и дозволенія Преосвященнѣйшаго Димитрія, а вмѣстѣ и по желанію Ярославскаго общества, изданы въ пользу Ярославской семинарской церкви и бѣдныхъ учениковъ семинаріи.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей« издается,—по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. На сколько добросовѣстно редакція журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1879 года. редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усердіемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклониться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ »Руководства для сельскихъ пастырей« *по прежнему* будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. Отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику, въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ.. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ

изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служитъ источникомъ свѣденій о жизни церкви и государства, по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«: 1) общія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи; и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, не возможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываваются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ поставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательеое чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи посторонниихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

»Руководство для сельскихъ пастырей« выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полтора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ се-*

минарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ. 3 ноября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 47. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Ноября 19-го.

Содержаніе: Поученіе въ день Архистратига Михаила (8 ноября).—Поученіе въ день введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.—Учителя-барчуки.—Физическое воспитаніе.—Гибельныя послѣдствія страсти къ стяжаніямъ.—Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ
въ день Архистратига Божія Михаила.
(8 Ноября).

Спящимъ человѣкомъ, пріиде врагъ его и всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отыиде. Еидаже провяде трава, и плодъ сотвори, тогда явишася и плевеліе...; плевелы суть сынове непріязненніи (Мѳ. 13, 25, 26, 38).

Празднуя нынѣ собору св. Ангеловъ, силъ безплотныхъ, чистѣйшихъ *духовъ*, *выну видящихъ лице Отца Небеснаго* (Мѳ. 18, 10), мы должны помнить, что всѣ *посылаемые* къ намъ отъ Бога *на служеніе* (Евр. 1, 14) ангелы хранители, присущи намъ отъ купели крещенія; они-то и влагаютъ въ сердце наше сѣмена добрыя, просвѣщаютъ нашъ умъ, наставляютъ ко благому дѣянію, направляютъ на путь спасенія, *хранятъ* насъ

отъ зла *во всѣхъ путяхъ* (Псал. 90, 11), укрѣпляютъ насъ *во искушеніяхъ и напастяхъ вѣка сего*, *возносятъ наши молитвы* (Апок. 8, 3), *радуются о кающемся грѣшникѣ* (Лук. 15, 10), помогаютъ умирающимъ, *отгоняя горькихъ враговъ* (1 кан. хран. по 9 п.), *а защищая на мытарствахъ лютаго міродержца* (2 кан. по 9 п.), они возносятъ души праведныхъ въ царство небесное (Лук. 16, 22). Но съ пшеницей растутъ и плевелы. Кромѣ ангеловъ хранителей при насъ могутъ быть еще ангелы злые, *духи злобы* (Еф. 6, 12), падшіе за гордость (1 Тим. 4, 6); они-то искони ищутъ погибели человѣка, внушая ему ложь, зависть, клевету, (Іоан. 8, 44), ненависть къ Богу, отвращеніе къ добру (2 Сол. 2, 8—12; Мѳ. 24, 4—14); они-то и прельщаютъ насъ на грѣхъ, посѣваютъ въ наше сердце всякое зло; они-то чрезъ злыхъ людей, чрезъ соблазны міра сего нерѣдко увлекаютъ насъ на путь погибели и въ лукавыя искушенія. Въ назиданіе свое побесѣдуемъ, бр., о томъ, когда и какъ мы дѣлаемся сынами непріязненными, слугами діавола?

Въ нашемъ обширномъ отечествѣ, хотя и въ отдаленной отъ насъ мѣстности, къ прискорбію нашему, проявляются нынѣ *самозванные* (Еф 4, 11), *лживые* (2 Петр. 2, 1) учители, которые *приходятъ во овчей одеждѣ*, *а внутри суть волки хищные* (Мѳ. 7, 15). Про таковыхъ слово Божіе говоритъ: *нѣсть въ устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху* (Псал. 5, 10). Такіе *суесловцы и умомъ прельщенные, высокомудрствующіе* мечтатели о себѣ (Рим. 12, 16), такіе *сожженные совѣстію* (1 Тим. 4, 2) *совопросники вѣка сего* (1 Кор. 1, 20), такіе *отступники вѣры* (1 Тим. 4, 1) *и безбожники* (Еф. 2, 12) во истину похожи, по слову Спасителя, *на татей и разбойниковъ, инудѣ прелазящихъ во дворъ овчій*,

(Іоан. 10, 1); во истину они *дѣти отца ихъ діавола, творя похоти его* (Іоан. 8, 44). И посмотрите, бр., какъ они дѣйствуютъ, чему учатъ? По слову апостола: *имѣя помраченный смыслъ и окаменѣнное сердце* (Еф. 4, 18), *не пріяша любве истины, пребывая во всякой лести неправды* (2 Сол. 2, 10), *совершаютъ они дѣла только злая и лукавая* (Іоан. 3, 19, 20), дѣйствуютъ на простодушныхъ какъ *сыны погибели* (2 Сол. 2, 3), какъ духъ злобы. Сей духъ, врагъ нашъ діаволъ, нарушаетъ семейныя узы, внося раздоры, брань, междуусобіе и *все худое* (Іак. 3, 16); и эти развратники безчеловѣчно отрываютъ навсегда дѣтей отъ родителей, губятъ неопытную молодежь безвозвратно, внушая ей равноправіе, неуваженіе къ церкви, непочтеніе къ *царю, помазаннику Божію* (Псал. 104, 15), презрѣніе высшей *власти, сущей отъ Бога* (Рим. 13, 1), и этимъ самымъ разрываютъ связь общества и стараются подрывать основы государства. Не имѣя *страха Божія* (а онъ есть и у бѣсовъ Іак. 2, 19), они изрыгаютъ *хулу на Бога* (Тим. 1, 10), презираютъ все Божественное и даже, *въ безуміи своемъ, отвергаютъ Бога* (Псал. 13, 1). Для такихъ безстрашныхъ богоотступниковъ ничто не мѣшаетъ открыто убивать мудрыхъ слугъ царевыхъ и даже покушаться на жизнь царей. Но—послушайте, бр., что объ нихъ намъ говоритъ самъ Господь: *блюдите, да не прельщени будете, мнози бо пріидутъ во имя Мое, не изыдите во слѣдъ ихъ* (Лук. 21, 8). И св. апостолы насъ въ этомъ убѣждаютъ: *никтоже васъ да льститъ суетными словесы; сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя, не бывайте убо сопричастницы имъ* (Еф. 5, 6 и 7), *возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ* (1 Іоан. 4, 1). *Но горе міру отъ*

соблазновъ, обаче горе человѣку, имъже соблазнъ приходитъ (Мѳ. 18, 7). И дѣйствительно, всѣ эти нечестивцы, безбожные соблазнители, не имѣя духа спокойствія, *бѣгаютъ, ни единому же гонящу* (Прит. 28, 1), страшась суда человѣческаго. *Не будетъ имъ никогда добра* даже здѣсь (Екл. 8, 13); *лѣта ихъ сократятся* отъ мятежной жизни (Прит. 10, 27); *рогъ ихъ, сломится* (Псал. 74, 11), *зане гнѣвъ Божій пребываетъ на нихъ* (Іоан. 3, 36); *путь ихъ погибнетъ* (Пс. 1, 6); еще здѣсь всѣ *беззаконники потребятся* (Сир. 15, 9) и *Господь погубитъ всѣхъ, глаголющихъ лжу* (Псал. 5, 7). А тамъ, въ будущей жизни имъ *уготовано мѣсто діавола* (Мѳ. 25, 41).

Видите, бр., сколь ужасна кара Божія надъ всѣми лжеучителями и безбожными возмутителями! Возблагодаримъ же Бога за то, что мы всѣ, бр., рождены въ вѣрѣ православной, воспитаны св. церковію въ духѣ христіанскомъ, послушны пастырямъ церкви, преданы царю (1 Петр. 2, 13), благопокорны всякой власти и не видимъ среди себя прелазящихъ инудѣ съ лукавымъ ученіемъ. Но при всемъ этомъ всегда-ли мы *пребываемъ* твёрды *въ дѣлахъ благихъ* (Еф. 2, 10), *во святыни духа вѣры и истины* (2 Сол. 2, 13)? *Не прилагаемся ли и мы* иногда въ *ученія странна и различна* (Евр. 13, 9), *не влаемся ли и мы вѣтромъ ученія во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. 4, 14), *не ходимъ ли въ суетѣ ума* (17), предаваясь суевѣріямъ и предразсудкамъ? словомъ, тверды-ли мы въ православіи? Быть можетъ найдутся такіе между нами, кои потому и считаютъ себя христіанами, что крещены были въ вѣру Христову и изучали христ. ученіе въ дѣтствѣ? между тѣмъ какъ теперь, погрузившись въ водоворотъ житейскихъ за-

ботъ, не любитъ посѣщать храмъ Божій; обогащаясь знаніями политики, наукъ и искусства, не вкушаютъ пищи духовной, чуждаются свящ. Библіи или св. Евангелія и другихъ душеспасительныхъ книгъ,—избѣгаютъ также обрядовъ церковныхъ, а иногда и самыхъ свящ. таинствъ. Отъ чего православное ученіе и вѣрованіе дѣлается у нихъ не твердыми; и тогда-то въ умѣ и сердцѣ ихъ легко воспринимаются сѣмена ложныхъ ученій; тогда-то и нравственность ихъ падаетъ до того, что никакое преступленіе уже не возмущаетъ совѣсть ихъ. Вотъ что значитъ уклониться отъ вѣры и церкви. *Кому церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ*, сказалъ св. Кипріанъ. Вѣра Христова есть утвержденіе царствъ и народовъ. Она одна даетъ чистыхъ юношей, кроткихъ дѣвицъ, вѣрныхъ супруговъ, покорныхъ гражданъ, несравненныхъ воиновъ, доблестныхъ подвижниковъ. Взглянемъ еще на свою домашнюю жизнь. Всѣ-ли горячо *любимъ Господа* (1 Іоан. 5, 2) такъ, чтобы имя Его святое имѣть въ своихъ устахъ, съ нимъ начинать и кончать каждый день и каждое дѣло? Не бываемъ-ли и мы, къ сожалѣнію, слугами дьявола, совершая въ глазахъ малолѣтнихъ не добро, а зло, произнося ложь, *брань*, вдаваясь *въ гнѣвъ*, *ссору* (Колос. 3, 0) и другія непотребныя дѣла? Не отъ того-ли сѣмена вѣры христіанской и доброй нравственности прививаются туго и утверждаются слабо въ умахъ и сердцахъ нѣкоторыхъ дѣтей, обучающихся въ училищахъ, что дѣти эти дома остаются безъ должнаго надзора? Трудно вѣдь просвѣтить око ума и сердца того дидяти! Можно-ли добраго ожидать отъ дѣтей, если мы не привычны молиться дома по утрамъ и вечерамъ въ кругу своихъ дѣтей, не спѣшимъ съ охотой сами и не ведемъ съ собой своихъ дѣтей въ храмъ Божій въ праздники, а предпочитаемъ

свои мірскія дѣла—дѣлами Божіими? А въ минуты трудныя, въ бѣдахъ и болѣзни, не прибѣгаемъ-ли къ темнымъ средствамъ: суевѣріямъ, предразсудкамъ и наговариваніямъ? Св. апостолъ объ этомъ говоритъ такъ: *сквернихъ и бабіихъ басней отрицайся* (1 Тим. 4, 7; 2 Тим. 3, 13)!

Итакъ, *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста* (Псал. 1, 1); счастливъ тотъ домъ, то семейство, гдѣ *страхъ Божій*, гдѣ *благочестіе* (Притч. 1, 7), гдѣ *любовь христіанская* (Іоан. 13, 34). Счастливы всѣ исполнители законовъ божественныхъ и гражданскихъ. Таковые *и въ нынѣшнемъ вѣцѣ пожывутъ тихо и безмолвно* (Тим. 2, 2), и въ будущей жизни наслѣдятъ блаженство.

Тѣмже убо, бр., мужайтеся и да крѣпится сердце ваше (Псал. 30; 25), *не увлекайтесь соблазнами міра сего, не пріобщайтеся къ дѣламъ тьмы* (Іоан. 3, 19), *очистите себе отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). *Трезвитеся и бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкаяй, ходитъ искій кого поглотити* (1 Петр 5, 8).

Братіе возлюбленніи! берегите свою душу и молитесь ежедневно своему ангелу хранителю, да избавитъ онъ васъ отъ всякаго зла и діавольскаго поспѣшенія.

Священникъ *Николай Кедровъ*.

Слобода Кукарка,
Вят. губ.

ПОУЧЕНІЕ

въ день введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.

Родители Пресвятой Дѣвы Богородицы Іоакимъ и Анна до преклонныхъ лѣтъ дѣтей не имѣли, и только пламенная молитва ихъ ко Господу, соединенная съ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и жертвоприношеніями, привлекли къ

нимъ милость Божію. Господь разрѣшилъ неплодство Анны, и далъ праведнымъ родителямъ дочь—утѣшеніе въ старости.

Горячо желали Іоакимъ и Анна имѣть дѣтей, долго молились Богу объ этомъ, и когда Господь наградилъ ихъ такимъ счастіемъ, казалось бы для чего имъ было нужно такъ рано разставаться съ нею, для чего имъ, едва дочь ихъ достигла 3-хъ лѣтъ, отводить её далеко отъ своего мѣсто-жительства изъ Назарета, города Галилейскаго,—въ Іерусалимъ, столицу Іудейскаго царства? Богъ не требовалъ отъ нихъ такой жертвы, и единственное дитя свое они могли бы воспитать и у себя—дома. Но Іоакимъ и Анна приводятъ свою трехлѣтнюю юницу во храмъ Божій, передаютъ священнику Божію свое любимое дитя и разстаются съ нимъ на всегда. Никто бы изъ насъ, бр., не поступилъ-бы такъ: намъ жаль было-бы разстаться на всегда съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ, и мы никогда-бы не рѣшились отдать его въ такомъ раннемъ возрастѣ чужимъ людямъ на воспитаніе. Мы лучше постарались бы приготовить для единственной дочери хорошее приданное, отыскали бы для нея приличнаго жениха и потомъ, при старости, ласкали бы отъ своихъ дѣтей новое потомство—внуковъ нашихъ. Вотъ къ чему каждый теперь стремится, вотъ чего желаетъ, вотъ чему радуется. И точно по нашему человѣческому разумѣнію такъ дѣлать весьма хорошо. *Вдаяй браку дѣву свою—добрѣ творитъ.* Но, бр., у людей благочестивыхъ, которые всѣмъ сердцемъ преданы Богу, и всю цѣль жизни своей поставляютъ въ томъ, чтобы угождать Ему Одному,—у такихъ людей, какъ Іоакимъ и Анна, все дѣлается и раньше дѣлалось не такъ, какъ дѣлаютъ и дѣлаемъ мы, люди міра; во всемъ они поступаютъ иначе, чѣмъ имъ и, быть можетъ, хотѣлось-бы, потому что и они вѣдь люди;—они стремятся един-

ственно къ тому, какъ-бы больше Богу ѵгодить. Не для того Іоакимъ и Анна желали имѣть дитя, чтобы оно послужило имъ утѣшеніемъ въ старости, успокоеніемъ въ лѣтахъ преклонныхъ, наслѣдникомъ имущества ихъ послѣ смерти. Когда жили эти благочестивые люди, всѣ іудеи съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго Спасителя. Время, опредѣленное пророками, наступало; обстоятельства общественной жизни іудеевъ были тѣ, о которыхъ раньше предсказано; посему каждый благочестивый іудей горячо молилъ Бога скорѣе послать на землю Спасителя міра, молилъ и о томъ, что если не ему, то хотя бы дѣтямъ его судилъ Богъ дожить до того времени, когда явится въ міръ Христосъ; если не онъ, то хотя бы дѣти его сдѣлались участниками милости Божіей, которую получатъ люди съ пришествіемъ на землю ожидаемаго Спасителя.—Іоакимъ и Анна знали изъ пророчествъ, что только благочестивые люди удостоятся благъ Мессіи, и потому надобно приготовиться къ достойному срѣтенію Его. Но видя, что жизнь ихъ, какъ солнышко на закатѣ, скоро угаснетъ; не надѣясь, что они сами могутъ воспитать дочь свою такъ, чтобы она сдѣлалась достойною быть въ числѣ избранныхъ царства Христова, съ благодарными чувствами за дарованіе имъ дщери, они отдаютъ её на воспитаніе и служеніе Богу при св. храмѣ Его, у Его законныхъ служителей—священниковъ. »Удаленная отъ міра и всѣхъ соблазновъ, какъ-бы такъ думали родители Маріи, съ малыхъ лѣтъ воспитанная при святилищѣ Бога въ молитвахъ, чтеніи божественнаго писанія и добрыхъ женскихъ занятіяхъ, въ кругу благочестивыхъ вдовъ и дѣвъ, дочь наша, съ того времени, когда не съумѣетъ еще различить дурнаго отъ хорошаго, видя постоянно живые примѣры святой жизни, оставитъ злое и изберетъ доброе, научится добру и окрѣпнетъ въ добрѣ такъ, что уже послѣ, когда достигнетъ

годовъ совершенныхъ, не соблазнятъ её дурные примѣры, которые такъ часто мы видимъ въ средѣ людей. А это будетъ служить лучшею со стороны нашей благодарностью Богу, чѣмъ то, если она будетъ жить въ мірѣ, видя недобрые примѣры въ кругу своихъ подругъ, научится противу нашего желанія чему либо не хорошему. Богъ далъ её намъ; теперь мы Ему отдадимъ нашего младенца, какъ жертву святую и непорочную«. И принялъ Господь чистый и великодушный даръ праведныхъ родителей, принялъ съ любовью эту непорочную Дѣву и содѣлалъ ее достойною вмѣстить въ себѣ Невмѣстимаго.

Такъ благочестивые родители пожелали воспитать дитя свое въ благочестіи, и ни любовь ихъ къ единственной дочери, ни другіе расчеты житейскіе не отвлекли ихъ отъ добраго намѣренія—оставить наслѣдницу не имущества ихъ, а благочестія.

Слуш. братія! У насъ есть дѣти. Желаемъ-ли мы имѣть дѣтей; просимъ-ли мы объ этомъ Бога,—это мы сами знаемъ; но немногіе изъ супруговъ лишаются счастія имѣть дѣтей. Что же мы должны съ ними дѣлать? какія обязанности лежатъ на насъ, какъ на родителяхъ? Вы знаете, что у родителей спроситъ Богъ отчетъ о дѣтяхъ; согласитесь и съ тѣмъ, что тѣ только родители достойны носить великое имя отца и матери, которые заботятся и желаютъ, чтобы дѣти ихъ были умными и добрыми. Мало того, бр., чтобы только вскормить и вспоить дитя; главная забота отца и матери должна состоять въ томъ, чтобы дитя выросло нашему Создателю во славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви, государству и обществу на пользу.

Всѣ родители, конечно, желаютъ того, чтобы дѣти ихъ стали умными и добрыми. Умными дѣти становятся отъ разумнаго воспитанія и обученія; добрыми они дѣлаются отъ того, если видятъ и слышатъ въ жизни добрые

примѣры. Иначе сказать: хорошее воспитаніе дѣтей состоитъ въ образованіи ихъ ума и сердца.

Хорошо быть умнымъ человѣкомъ. Умнаго человѣка всегда бываетъ пріятно слушать, когда онъ говоритъ умныя рѣчи. Умный только человѣкъ способенъ дать въ жизни хорошій, полезный совѣтъ. Оттого-то умному человѣку отъ добрыхъ людей всегда поклонъ и уваженіе. И конечно всякій отецъ желаетъ и радъ тому, если-бы дѣти его выросли умными людьми. Это первая забота родителей. Что-же, спросите вы, нужно дѣлать, чтобы дѣти наши вышли умными? Чтобы дитя ваше было умное, сами ведите себя умно съ нимъ: не учите его бранью, ругательствами, пинками и побоями; но и не балуйте его такъ, чтобы исполнять его прихоти и капризы, смотрѣть сквозь пальцы на его проказы и дѣтскія шалости. Умнымъ и ласковымъ словомъ слѣдуетъ учить дитя доброму и полезному, и разъяснять ему то, что можетъ быть для него вредно въ жизни. Умное слово родителей глубоко заляжетъ въ мягкую душу ребенка. Вы знаете, что дѣти искренно вѣрятъ всему, что говорятъ взрослые. И какъ тяжело бываетъ видѣть и слышать, какъ иные родители говорятъ своимъ дѣтямъ столько лжи и разныхъ небылицъ, что недоумѣваешь, для чего всё это вбивается въ голову ребенка? Ребенокъ, хотя и малый, но живой человѣкъ: онъ видитъ, что люди дѣлаютъ; слышитъ, что люди говорятъ. Но онъ не понимаетъ многаго, для чего люди то-то и то-то дѣлаютъ, о чемъ взрослые говорятъ. И часто обращается дитя съ вопросами къ родителямъ то о томъ, то о другомъ. Но, къ сожалѣнію, весьма часто случается, что родители либо не отвѣчаютъ дѣтямъ на ихъ вопросы, либо отгоняютъ отъ себя бранью и побоями навязчивыхъ дѣтей, либо, что еще хуже, говорятъ имъ ложь и вздоръ. А это-то и вредно для образованія ума дѣтей. Не отгонять

отъ себя и не обманывать слѣдуетъ дѣтей, а объяснить то, о чемъ дитя спрашиваетъ, объяснить такъ, чтобы оно поняло, въ чемъ дѣло, и чтобы это въ будущемъ принесло ему пользу. Такое обращеніе родителей съ дѣтьми, кромѣ того, что обогащаетъ ихъ умъ полезными свѣдѣніями, развиваетъ дѣтей, пріучаетъ ихъ слушать и понимать. Особенно это можно видѣть на дѣтяхъ тогда, когда они учатся въ училищѣ. Одни изъ нихъ такъ внимательно слушаютъ то, что говорится имъ во время урока, что какъ-бы вникаются въ учителя своими любопытными глазками, и эти дѣти прекрасно понимаютъ. Отъ чего? Отъ того, что и дома они привыкли говорить съ родителями, слышали ихъ объясненія чего-либо имъ непонятнаго, и научились слушать и понимать. Другіе же дѣти тупы, разсѣянны, невнимательны. Отчего? оттого, что ихъ родители съ малолѣтства не думали о нихъ, не говорили съ ними, предоставили ихъ самимъ себѣ. Да, братіе! чтобы дѣти наши стали умными людьми въ послѣдствіи, намъ теперь съ ними, пока они еще малы, слѣдуетъ поступать очень умно и осторожно.

Другая забота родителей состоитъ въ томъ, чтобы дѣти выросли добрыми людьми. Чтобы дитя вышло добрымъ, нужно прежде родителямъ самимъ быть добрыми. Если чего не разумѣютъ сами родители; если чего не могутъ они объяснить дѣтямъ, какъ слѣдуетъ,—въ этомъ могутъ имъ помочь школа и учитель: на то и училища и учителя, чтобы учить дѣтей тому, что родители или несъ умѣютъ сами сдѣлать, или чего не позволяютъ имъ исполнить житейскія дѣла и заботы. Но сдѣлать дѣтей добрыми лучше и легче можно только родителямъ. Какъ? Своею доброю жизнію, своимъ добрымъ примѣромъ—въ словахъ, въ дѣлахъ, во всемъ нашемъ поведеніи. Хотите вы, напр., чтобы дитя ваше было богобоязненное, сами бойтесь Бога, бойтесь

оскорблять Его нескромными словами, недобрыми дѣлами, нечистыми намѣреніями; бойтесь худыхъ дѣлъ не потому, что они могутъ повести за собою нехорошія послѣдствія, а изъ любви къ Богу, изъ боязни Его оскорбить, изъ страха навлечь на себя гнѣвъ Божій. Дитя увидитъ любовь родителей къ Богу, пойметъ страхъ Божій, обитающій въ душѣ вашей, и само будетъ любить Его и не позволитъ себѣ сдѣлать дурное изъ опасенія,—если люди и не увидятъ его нехорошаго поступка, то увидитъ Богъ.—Желаете-ли вы, чтобы дѣти ваши стали богомольными, показывайте имъ въ этомъ примѣръ сами родители; молитесь вы прежде, и дитя охотно будетъ молиться съ вами; не лѣнитесь встать пораньше въ день воскресный, чтобы поспѣть къ утрени и помолиться во храмѣ Божіемъ, и, будьте увѣрены, ваши дѣти предупредятъ васъ своею охотою идти въ церковь молиться Богу. Прекрасно также видѣть въ дѣтяхъ правдивость, честность, скромность, великодушіе,—умѣйте вы—родители показать своимъ дѣтямъ, что слова ваши всегда справедливы, дѣла ваши исполняются добросовѣстно, языкъ не произноситъ ругательства и скверныхъ словъ, не скажетъ клеветы, не осмѣетъ поступковъ другаго человѣка. Такими своими дѣлами вы подадите дѣтямъ прекрасные примѣры доброй христіанской любви, и вотъ вамъ вѣрное средство—воспитать добрыхъ людей для общества.

Но какъ яблоко отъ яблони недалеко падаетъ, и какова яблоня, таковы и яблоки, значитъ—каковы матки, таковы и дѣтки; какъ дѣти воспитываются, такихъ нужно ждать и плодовъ отъ нихъ. Ругается и бранится постоянно отецъ въ семьѣ, и сынъ его перенимаетъ тоже, и не замедлитъ показать, что онъ не хуже отца умѣетъ и ругаться, и браниться. Бьетъ мужъ свою жену, дѣтей, и дѣти, видя побои, и терпя побои отъ отца и матери,—

учатся драться. Обманываетъ жена мужа, мать—дѣтей, и дѣти учатся лгать и обманывать; и такъ легко это замѣтятъ и переймутъ, что своими ловкими обманами удивляютъ даже взрослыхъ.—Отказываютъ отецъ или мать сосѣду въ нуждѣ, и дѣти знаютъ, что родители говорятъ неправду, чтобы найти благовидный предлогъ къ отказу,—также пріучаются сами къ скупости и лицемѣрію.—Замѣчаетъ сынъ, что отецъ его посѣщаетъ питейное заведеніе, приходитъ домой пьянымъ,—будьте увѣрены, что и сынъ отца—пьяницы будетъ такой же, если еще не хуже, пьяница. Словомъ, что посѣешь, то и выжнешь. Постараетесь сами родители показать дѣтямъ примѣры своей доброй жизни,—ваши дѣти научатся отъ васъ доброму, и воздадутъ вамъ за ваше добро добромъ тогда, когда вы будете старыми, когда власть по дому перейдетъ отъ васъ въ руки дѣтей. Но какъ же мы научимъ дѣтей бояться дѣлать худое, когда сами дѣлаемъ худо и не боимся Бога. Такъ: поведеніе родителей—уроки дѣтямъ.

Постараемся же мы, родители быть добрыми и благочестивыми людьми; не станемъ лѣниться ходить въ церковь, бѣгать храма Божьяго, гдѣ всегда можемъ отъ усердія и Богу помолиться, и услышать добрый, полезный урокъ для жизни; будемъ исполнять заповѣди Божіи съ любовью, охотно, и нѣтъ сомнѣнія, что и дѣти наши, наученные въ училищахъ молитвамъ, заповѣдямъ и многому другому, нужному и полезному въ жизни, видя живые примѣры доброй жизни въ семьѣ своей, выростутъ и будутъ сами людьми добрыми и умными.

Пресвятая Владычица наша Богородица, сама съ юныхъ лѣтъ воспитанная въ законѣ Божіемъ и примѣрахъ благочестивой жизни, да поможетъ и намъ, бр., воспитать дѣтей

нашихъ табъ, чтобъ они стали въ послѣдствіи и умными и добрыми, т. е. были-бы людьми благочестивыми. Аминь.

Свящ. *Ал. Тихомировъ.*

С. Десятины
Олон. губ.

Учителя—барчуки.

Недавно мы прочитали въ свѣтской газетѣ »Недѣля«[1]) замѣтку, подъ заглавіемъ: »Учителя—барчуки«. При чтеніи этой замѣтки намъ, съ одной стороны, пріятно было встрѣтить тотъ взглядъ на народныхъ учителей, изготовляемыхъ наскоро учительскими семинаріями, какой мы не разъ высказывали въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«, а съ другой стороны—намъ сдѣлалось грустно при мысли о новой народной школѣ и новыхъ народныхъ учителяхъ.

Авторъ замѣтки говоритъ, что послѣ разговора о народномъ образованіи съ членомъ одной земской управы, онъ былъ заинтересованъ вопросомъ: »насколько наша народная школа, какъ она есть, способна вносить свѣтъ разума и правды въ ту среду, на которую она должна воздѣйствовать«. Этотъ вопросъ навелъ автора на мысль о нынѣшнихъ сельскихъ учителяхъ. Поэтому онъ на нихъ и останавливаетъ свое вниманіе, оставляя въ сторонѣ способы и предметы обученія въ народной школѣ. »Если, говоритъ онъ, требовать отъ сельскаго учителя не только умѣнья обучать, но и способности нравственно дѣйствовать на своихъ учениковъ и окружающую ихъ среду; если желательно, чтобы учитель былъ для крестьянъ носителемъ дѣйствительно такого идеала, разумность и нрав-

[1]) »Недѣля« № 39-й 1878 г.

ственная привлекательность котораго ясно бросались-бы въ глаза народу,—словомъ, если нужно, чтобы распространеніе и утвержденіе нравственныхъ понятій въ народѣ было не пустымъ словомъ, а фактомъ, то учителей, которые могутъ удовлетворить этимъ требованіямъ, найдется, къ сожалѣнію, немного. »Нужно говорить правду: много-ли у насъ народныхъ учителей, о которыхъ, положа руку на сердце, можно сказать, что они способны высоко держать достоинство народной школы?«

Да, скажемъ, съ своей стороны, весьма немного. Учителя, способные нравственно вліять какъ на дѣтей, такъ и на крестьянъ, весьма рѣдки. Теперь многіе земства, и училищные совѣты, и инспекторы народныхъ училищъ стараются устранить отъ преподаванія въ народныхъ школахъ окончившихъ полный курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ воспитанниковъ, получившихъ достаточное образованіе, знакомыхъ съ педагогикою и дидактикою и способныхъ поддержать достоинство народной школы. Теперь учителямъ народныхъ школъ передается даже преподаваніе закона Божія, съ устраненіемъ отъ этого дѣла священниковъ, якобы не умѣющихъ вести религіозно-нравственное развитіе народа, апатично относящихся къ своимъ обязанностямъ и неумѣло преподающихъ законъ Божій[1]). Теперь учителями народныхъ школъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ замѣтки, являются »учителя—барчуки«.

Кто же такіе эти »учителя—барчуки« и откуда они берутся? Эти учителя—крестьянскаго происхожденія, воспитанные или, лучше сказать, обученные въ учительскихъ семинаріяхъ и выпущенные съ правомъ учительствовать въ народныхъ школахъ. Эти учителя дѣлаются »барчуками« потому, что учительскія семинаріи, по мнѣнію автора

[1]) См. »Руководство для сельскихъ пастырей« № № 19, 43 и 44 1878 г.

замѣтки, имѣютъ у насъ необыкновенную способность убивать въ своихъ воспитанникахъ изъ крестьянъ всякую способность чувствовать свою связь съ деревней. Подобно мѣщанамъ, никогда не теряющимъ чувства своего сословнаго достоинства предъ крестьяниномъ, ученикъ учительской семинаріи, хотя бы выросъ въ дымной крестьянской избѣ, по выходѣ изъ школы, уже свысока относится къ »мужику«; онъ чувствуетъ себя бариномъ и стыдится своего происхожденія, чуждается родной, но »мужицкой« семьи. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что воспитанники учительской семинаріи изъ крестьянъ изо всѣхъ силъ хлопочутъ, чтобы не попасть учителемъ въ свою деревню, дабы тамъ, гдѣ его всѣ знаютъ съ малолѣтства, не унижалось его учительское достоинство. Однако волей—неволей все-таки иногда имъ приходится быть учителями въ томъ селѣ, въ которомъ они родились, получили первоначальное воспитаніе, а потомъ окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Какъ же они чувствуютъ себя въ средѣ своихъ односельчанъ и въ какое отношеніе ставятъ себя къ нимъ?

Интересенъ разсказъ автора объ этомъ предметѣ. Онъ говоритъ, что зналъ одного учителя, который, при всемъ нежеланіи учительствовать въ родномъ селѣ, все-таки пробылъ въ немъ годъ учителемъ. Это былъ, по замѣчанію автора, просто мученикъ. Повидимому, онъ не понималъ, что его учительское званіе, сюртукъ и манишка еще не могутъ снискать ему уваженія односельчанъ. Вездѣ онъ боялся за свое достоинство, всюду чудилось ему пренебрежительное отношеніе къ нему крестьянъ, никто не хотѣлъ достаточно уважать въ немъ »господина«. Идетъ онъ по улицѣ, встрѣчаетъ крестьянина, уже посѣдѣвшаго въ то время, когда онъ еще участвовалъ въ играхъ своихъ босоногихъ товарищей, и не кланяется ему, не здо-

ровается. Мужикъ обижается: »Эй, Ванюха, что носъ задралъ? али забылъ, какъ бывало тебя за вихоръ я дралъ«?! И вотъ надолго источникъ страданія для бѣднаго учителя, въ которомъ въ теченіи трехъ лѣтъ ученія въ семинаріи успѣли воспитаться чувства барчука.

Замѣтимъ при этомъ, что такихъ учителей, о которыхъ говоритъ авторъ, теперь не мало. Они, какъ намъ извѣстно по опыту и по отчетамъ ревизоровъ сельскихъ школъ, страдаютъ избыткомъ самолюбія и самоувѣренности—при крайне слабыхъ свѣдѣніяхъ, а также положительнымъ неумѣніемъ обращаться съ народомъ. Видно, что эти народные учителя, являющіеся въ русскихъ селахъ, расходятся съ исконными обычаями и вкусами крестьянства. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, считаютъ для себя даже униженіемъ стать на клиросѣ вмѣстѣ съ дѣтьми и рядомъ съ причетникомъ, а то и не позволяютъ дѣтямъ участвовать въ церковномъ пѣніи и чтеніи; крестьянскія дѣти, словно частныя посѣтители, стоятъ на срединѣ церкви, а за ними высокій посѣтитель храма, свѣтскій народный учитель съ тросточкой и въ перчаткахъ[1]). Новая метода обученія, едва-ли и на половину осиленная учителемъ, а также чувства барчука, усвоенныя имъ во время обученія въ учительской семинаріи, ставитъ его во мнѣніи его самого о себѣ не только выше родичей—крестьянъ, но и священника, къ которому онъ почему-то относится фамиліарно, а къ пожилому старичку и свысока—либерально.

Но посмотримъ, что далѣе говоритъ намъ авторъ объ »учителяхъ—барчукахъ«. Эти учителя, замѣчаетъ онъ, пишутъ къ родителямъ письма, исполненныя укоризны: нѣтъ въ нихъ ни слова ласки, ни одного поцалуя сестрамъ

[1]) »Церковно-Общ. Вѣстникъ« № 49-й 1877 г.

и братьямъ, не шлется въ нихъ ни одного поклона въ родную семью. Извращенные барствомъ они даже »принимаютъ родителей въ передней«. Крестьянское состояніе кажется имъ слишкомъ низкимъ, и они бѣгутъ отъ семьи, отъ родной деревни, отъ своего очага и кормилицы земли туда, гдѣ не видали ихъ на улицѣ, когда они были мальчиками, и гдѣ они спокойно могутъ слыть барчуками. »Если желательно, чтобы сельскіе учителя выходили преимущественно изъ крестьянъ, то такіе учителя—крестьяне, какихъ мы имѣемъ теперь, величайшее зло. Между учителемъ и крестьянами устанавливаются отношенія чуждыя, почти враждебныя. Быть воспитателемъ народа выскочка не можетъ. Онъ разучился понимать или по крайней мѣрѣ сердечно относиться къ нуждамъ, радостямъ и печалямъ крестьянскимъ. И вотъ создаются между учителемъ и крестьянами отношенія такого рода, что учитель чуть не въ улыбкѣ всякаго встрѣчнаго видитъ уже оскорбленіе своей особы«.

Прочитавши эти строки, невольно припоминаешь заявленія нѣкоторыхъ нашихъ свѣтскихъ либераловъ, что учитель народной школы, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, съумѣетъ вести, какъ слѣдуетъ, даже безъ помощи законоучителя, разностороннее воспитаніе молодаго поколѣнія. Но теперь оказывается, что надежда на этихъ учителей не оправдывается опытомъ. А потому считать ихъ краеугольными камнями и столпами поднятія уровня развитія нашего простаго народа есть плодъ иллюзіи и самообольщенія.

Впрочемъ, есть и другаго рода либералы, которые утверждаютъ, что современная школа не годится для нашего народа. »Научатъ, говорятъ они, мальчика читать и считать, оставляя его жить среди пьянства, тяжелой экономической обстановки и деревенской нравственной распу-

щенности, и думаютъ, что дѣло сдѣлано. А между тѣмъ грамотность, при современныхъ условіяхъ, лишнее орудіе въ рукахъ готоваго на всякія плутни мужика. Уничтожьте пьянство, дайте матеріальное благосостояніе мужику—и тогда заводите школы, но такія школы, которыя не ограничиваются обученіемъ грамотѣ и счисленію, а даютъ практически полезное знаніе и способны нравственно вліять на народъ«. Мы думаемъ, что такое рѣзкое осужденіе народной школы, высказываемое даже общественными дѣятелями, вращающимися въ деревенской средѣ, несвоевременно и не стоитъ того, чтобы на немъ останавливаться: ибо польза народныхъ школъ, устрояемыхъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ у насъ существуютъ, признается всѣми, желающими просвѣщенія нашему простому народу.

Мы лучше скажемъ о томъ, что молодые люди, вышедшіе изъ крестьянскаго сословія и обученные въ учительскихъ семинаріяхъ, могли бы нравственно вліять на народъ, если бы они, учительствуя въ родномъ селѣ, отстроили напр. родительскую хату, завели разумное хозяйство на родительской нивѣ. Вѣдь они получаютъ жалованья отъ 200 до 250 рублей въ годъ, иногда и больше, а такія деньги въ крестьянскомъ хозяйствѣ составляютъ большой капиталъ, съ которымъ можно сдѣлаться первымъ хозяиномъ на селѣ. Къ тому же плоды ученія были бы очевидны для крестьянъ; ихъ односельчанинъ, поучившійся въ городѣ (или въ учительской семинаріи), создаетъ матеріально благосостояніе себѣ и родной семьѣ; онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ поучаетъ дѣтей добру и разуму. Естественно, что учитель народной школы, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ снискать для себя уваженіе, довѣріе и вліяніе среди крестьянъ. Но этого, однако, нѣтъ. Учителя народныхъ школъ являются »барчуками«, желающими

поддержать свое учительское достоинство, вслѣдствіе чего ставятъ себя въ ненормальныя отношенія къ крестьянамъ.

Ненормальныя отношенія, въ какія ставитъ себя »учителя—барчуки« къ своимъ односельчанамъ, иногда оканчиваются тѣмъ, что дѣло объ этомъ поступаемъ на разбирательство къ мировому судьѣ. Авторъ замѣтки приводитъ прошеніе одного сельскаго учителя къ мировому судьѣ, какъ замѣчательный документъ, рисующій подобнаго рода отношенія, а также и тѣхъ педагоговъ, которыхъ даютъ намъ учительскія семинаріи. Мы не будемъ передавать съ буквальною точностію этого прошенія, страдающаго отсутствіемъ точности и правильности выраженія, а скажемъ только, что этотъ учитель встрѣтилъ въ одномъ, ближайшемъ къ школѣ селѣ, гдѣ онъ былъ по надобности,—свистки и крики: »урё урё«, вслѣдствіе того, что онъ хотѣлъ показать себя »господиномъ«. Прописавши объ этомъ мировому судьѣ, учитель такъ заключаетъ свое прошеніе: »на основаніи вышеизложеннаго, я прибѣгаю къ стопамъ вашего высокородія, честь имѣю покорнѣйше просить вступиться за оскорбленіе моей личности, на которую смотрятъ какъ на образецъ, и сей образецъ я желаю оправдать въ своемъ званіи«. Таковы бываютъ нынѣшніе учителя народныхъ школъ! Конечно, есть и исключенія, и мы не думаемъ, чтобы всѣ учителя, вышедшіе изъ крестьянскаго сословія, были такими, о какихъ говоритъ авторъ замѣтки. Нѣкоторые изъ нихъ принесли и приносятъ свою долю пользы крестьянскому населенію. А потому мы не обобщаемъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ замѣтки, а желаемъ только указать на то, что они вытекаютъ изъ неправильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ и въ народной школѣ.

Передавши факты, характеризующіе »учителей—бар-

чуковъ«, авторъ замѣтки спрашиваетъ: что же дѣлаютъ тѣ, кому вѣдать надлежитъ, что одну изъ важнѣйшихъ задачъ народной школы составляетъ нравственное развитіе народа? Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ замѣчаетъ, что они находятъ все въ надлежащемъ порядкѣ, потому что относятся къ дѣлу болѣе съ казенной и формальной стороны, чѣмъ съ нравственной. Тѣ, которые готовятъ сельскихъ учителей, и тѣ, которые ихъ вѣдаютъ, повидимому, не имѣютъ въ виду той среды, въ которой приходится дѣйствовать просвѣтителямъ нашего простаго народа. Они, эти просвѣтители, часто бываютъ движимы не любовію къ дѣлу, а желаніемъ создать себѣ извѣстное положеніе. »Только та школа хороша, говоритъ авторъ въ заключеніе своей замѣтки, которая сильна довѣріемъ къ ней общества, сильна своимъ благотворнымъ вліяніемъ на жизнь. А проводникомъ такого вліянія является по преимуществу нравственная личность учителя«.

Ничего не прибавляя къ заключительнымъ словамъ автора, мы отмѣтимъ весьма отрадный фактъ изъ жизни нашихъ народныхъ школъ, о которомъ намъ недавно пришлось узнать. Въ газетѣ »Новости« помѣщена корреспонденція изъ мѣстечка Шарковщизны (Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи) относительно дѣятельности тамошней народной учительницы, молодой дѣвушки Л. М. Р., которая уже шесть лѣтъ обучаетъ крестьянскихъ дѣтей и къ которой не только крестьяне, лично благодарные ей за своихъ дѣтей, но и всѣ окружающіе относятся съ полнымъ уваженіемъ и любовію. Она обаятельно дѣйствуетъ на крестьянъ, внося къ нимъ высоко-нравственныя начала и пробуждая въ нихъ сознаніе въ необходимости ученія. Поэтому они и нахвалиться и нарадоваться ею не могутъ; »все-то она знаетъ, всему-то научитъ, да такъ хорошо,

говорятъ крестьяне, что просто нашему брату на удивленіе. Кажись молодая, а какъ всякое-то дѣло объяснитъ: для чего и зачѣмъ нужна грамота и какъ дѣтей надо держать и, т. е., все, что до этого касается. Ребятъ любитъ, какъ мать, обласкаетъ ихъ, поговоритъ съ ними такъ просто, что ребятишки къ ней душонкой такъ и льнутъ. Спроситъ у насъ: все-ли дѣти имѣютъ? Здоровы ли? А нѣтъ, такъ и совѣтъ даетъ, какъ его лечить и держать, чтобы всякая хворь прошла. Дѣтишекъ, кажись, и балуетъ, а бѣды отъ нихъ не слыхать... Дай ей, Боже, здравія и долголѣтней жизни«. Эта честная и благородная учительница для содержанія бѣдныхъ дѣтей въ училищѣ обращается съ просьбой о помощи къ обществу, причемъ и сама нерѣдко участвуетъ въ пожертвованіи изъ своего скуднаго содержанія.

При неблагопріятныхъ извѣстіяхъ о нашихъ народныхъ учителяхъ, являющихся среди крестьянъ »барчуками«, »пріятно встрѣтить примѣръ такой самоотверженной любви и преданности къ своему дѣлу и къ людямъ, какой представляетъ намъ эта учительница. Честь и хвала этой почтенной и честнѣйшей труженицѣ! Честь и хвала тому семейству, изъ котораго она вышла, и той школѣ, которая въ своихъ стѣнахъ воспитала ее«[1])! Вотъ примѣръ, достойный подражанія для нашихъ народныхъ учителей и учительницъ.

Л.

[1]) »Церковно-Общ. Вѣстникъ« № 124-й 1878 г.

Физическое воспитаніе[1]).

Слѣдуя порядку, намѣченному нами, нужно говорить о воспитаніи органовъ пищеваренія, о томъ, какъ нужно *питать* дѣтей.—Процессъ питанія существенно состоитъ въ постепенной переработкѣ принятыхъ извнѣ питательныхъ веществъ до уподобленія ихъ составнымъ частямъ тѣла и усвоенія послѣднимъ. Воспринятіе, переработка и усвоеніе пищи совершается, обыкновенно, въ полости рта, желудкѣ и кишечномъ каналѣ, гдѣ она чрезъ треніе зубами и соединеніе съ слюной, желудочнымъ сокомъ, желчью и такъ называемымъ панкреатическимъ (всезиждущимъ) сокомъ, выдѣляемыми изъ подчелюстныхъ желѣзъ, желудка, печени и поджелудочной желѣзы, мало помалу превращается въ кашицу (chimus), а потомъ въ млечный сокъ (chilus), и въ этомъ послѣднемъ видѣ соединяется съ кровью, вносится въ сердце и легкія, откуда и распространяется по всему тѣлу и усвояется послѣднимъ. Все негодное и неусвоенное при этомъ выдѣляется.

Имѣя чисто механически-химическій характеръ, этотъ процессъ совершается по тѣмъ же самымъ законамъ, на которые выше указано и которымъ подчинена жизнь и дѣятельность вообще каждаго животнаго организма. Примѣняя эти законы къ данному случаю, мы получимъ слѣдующія правила:

1) Воспитываемому должно давать только такую пищу, которая по своимъ составнымъ частямъ и по формѣ соотвѣтствуетъ потребности организма и силѣ пищеваренія. Только такая пища можетъ быть воспринята организмомъ питомца и поддерживать и развивать его тѣлесныя силы. Пища человѣка состоитъ преимущественно изъ веществъ,

[1]) См. № 43.

принадлежащихъ къ царству животному или растительному; изъ неорганическихъ веществъ употребляются человѣкомъ въ пищу только соль и вода. Всѣ эти вещества, впрочемъ, питаютъ организмъ человѣка не въ одинаковой мѣрѣ; имѣютъ не одну и ту же степень питательности и удобоваримости.

Со стороны питательности на первомъ мѣстѣ ставятъ, обыкновенно, пищу изъ царства животнаго, а потомъ—изъ растительнаго и т. д. Но нужно замѣтить, что питательность пищи зависитъ отчасти и отъ того, насколько организмъ имѣетъ въ себѣ силы вырабатывать изъ предлагаемой ему пищи необходимыя для него частицы.—Что касается удобоваримости пищи, то степень ея стоитъ въ зависимости главнымъ образомъ отъ вида, въ какомъ предлагаются питательныя вещества организму; чѣмъ болѣе онѣ похожи на кровь, тѣмъ менѣе требуютъ времени и силы для своей переработки и тѣмъ удобоваримѣе. По этому молоко, яйца въ смятку, мясной бульонъ удобоваримѣе мяса, даже мяса молодыхъ животныхъ, хорошо испеченнаго бѣлаго хлѣба и зрѣлыхъ фруктовъ. Затѣмъ одни и тѣже питательныя вещества бываютъ болѣе или менѣе удобоваримыми, смотря по тому, вареными и жареными или сырыми онѣ предлагаются, свѣжими или солеными и копчеными, теплыми или холодными. Первый видъ пищи удобоваримѣе втораго.

Какія изъ употребляемыхъ въ пищу веществъ давать дѣтямъ въ различные періоды ихъ тѣлеснаго развитія, это находится въ зависимости отъ степени силы, какая присуща бываетъ ихъ пищеварительнымъ органамъ; а такъ какъ эта сила измѣняется, то и пища въ различное время должна быть различной.

Во время младенчества пищеварительные органы дѣтей не имѣютъ почти никакой энергіи. Новорожденный не

имѣетъ ни зубовъ, ни слюны; желудокъ и кишечный каналъ почти не выдѣляютъ необходимыхъ соковъ. Поэтому пища въ это время по содержанію и формѣ должна какъ можно болѣе походить на кровь, не требуя для своего усвоенія напряженія пищеварительныхъ органовъ. Такой пищей можетъ быть и бываетъ обыкновенно молоко матери; только въ крайнемъ случаѣ, когда мать рѣшительно не можетъ кормить своего ребенка, оно можетъ быть замѣняемо молокомъ кормилицы или же молокомъ коровьимъ, которое при этомъ должно быть всегда свѣжимъ и даваться не иначе какъ съ прибавкой къ нему воды и сахара въ такой пропорціи (сначала подбавляютъ въ молоко $^1/_3$ воды, разбавленной сахаромъ, лучше всего молочнымъ; потомъ количество воды и сахара уменьшается постепенно; съ 9 го мѣсяца, а иногда и ранѣе, можно давать цѣльное молоко безъ примѣсей), что-бы оно сдѣлалось похожимъ по своему составу на женское молоко. Всѣ-же другія искуственныя средства кормленія грудного младенца мало заслуживаютъ вниманія; соска же положительно должна быть изгнана изъ употребленія.—Съ появленіемъ зубовъ, когда пищеварительные органы ребенка значительно разовьются и окрѣпнутъ, ребенку можно начать давать по немногу даже и твердой пищи, но легкой и самой удобоваримой, какъ, напр., мясо куриное, телячье, не говоря уже о жидкихъ питательныхъ веществахъ, каковы: коровье молоко, мясной бульонъ, яйца въ смятку.—Съ перемѣнкой зубовъ на 7-мъ или 8-мъ году дѣтямъ можно уже давать пищу одинаковую съ пищею взрослыхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, пряностей (перца, горчицы, напр.) и крѣпкихъ, горячительныхъ напитковъ (особенно водки), какъ веществъ, сильно раздражающихъ органы пищеваренія, наблюдая при этомъ, чтобы пища не была обременительной для дѣтскаго организма. Кромѣ того, при выборѣ пищи нужно принимать

въ разсчетъ особенныя состоянія организма дѣтей, зависящія отъ перемѣнъ во время дня и года, отъ болѣзней, особенность конструкціи и темперамента.

2) Количество пищи должно соотвѣтствовать потребности организма и силѣ пищеварительныхъ органовъ.

Извѣстно, что дѣти, вообще говоря, требуютъ болѣе пищи, чѣмъ взрослые—потому, что они растутъ. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ, разумѣется, не слѣдуетъ, что ихъ нужно кормить какъ можно больше и чаще, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ у чадолюбивыхъ и неразумныхъ родителей и нянекъ, которые, желая угодить ребенку, набиваютъ его желудокъ при всякомъ крикѣ и плачѣ его и тѣмъ ослабляютъ его пищеварительные органы. Количество пищи, необходимое каждому питомцу, зависитъ, во первыхъ, отъ вѣса его тѣла, а во вторыхъ, отъ энергіи и объема совершаемой дѣятельности; болѣе рослому нужно въ одинъ пріемъ больше пищи, чѣмъ питомцу меньшаго возраста,—болѣе дѣятельному больше, чѣмъ вялому и мало подвижному. Затѣмъ количество пищи необходимой для дѣтскаго организма въ различные періоды его развитія просто находится еще въ зависимости отъ степени ея питательности и отчасти отъ удобоваримости ея; чѣмъ пища питательнѣе, тѣмъ менѣе ея требуется, если только она легка и удобоварима.

3) Принятіе пищи дѣтьми должно происходить не слишкомъ часто и не очень рѣдко. Можно въ данномъ случаѣ поставить общее правило такого рода: однажды принятая пища должна быть переварена прежде, чѣмъ садиться снова за столъ; только въ такомъ случаѣ потребленная пища будетъ служить возобновленію и росту дѣтскаго организма.

Для взрослаго человѣка достаточно принимать пищу три раза въ сутки чрезъ каждые 5-ть или 6-ть часовъ.

Но пока тѣло находится въ періодѣ возрастанія, принятіе пищи должно повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе развитъ организмъ, соблюдая, разумѣется, при этомъ требованія діэтетики относительно качества и количества пищи. Непосредственно послѣ рожденія совѣтуютъ кормить ребенка чрезъ 2—3 часа, коль скоро онъ, проснувшись, выражаетъ безпокойство отъ чувствуемаго имъ голода; по мѣрѣ возрастанія эти промежутки въ принятіи пищи постепенно, мало по малу удлиняются, пока въ юношескомъ возрастѣ порядокъ и время принятія пищи не примутъ того вида, какой свойственъ здоровымъ взрослымъ людямъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ—діэтетиковъ крѣпко стоятъ за то, чтобы въ принятіи пищи дѣтьми существовалъ разъ на всегда заранѣе опредѣленный порядокъ. Но другіе опираясь на то, что дѣти, особенно въ младенческомъ возрастѣ, когда они здоровы и заняты посильно, не склонны объѣдаться, совѣтуютъ—и справедливо (по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству дѣтей младенческаго возраста)—не пренебрегать въ этомъ случаѣ инстинктами и желаніями дѣтей—давать имъ ѣсть, когда просятъ объ этомъ.

4) Во время полной дѣятельности органовъ пищеваренія, наступающей тотчасъ послѣ принятія пищи, не должны дѣйствовать сильно другіе органы тѣла дѣтей. По этому нужно заботиться, чтобы непосредственно предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи дѣти избѣгали всякаго какъ умственнаго, такъ и физическаго напряженія, напр., напряженной физической работы и ученія, и сильныхъ волненій, такъ какъ все это отвлекаетъ органическія силы отъ органовъ пищеваренія и по этому препятствуетъ правильному теченію процесса пищеваренія. Ученіе и физическая работа, требующая сильнаго напряженія мускуловъ, особенно вредны для дѣтей въ часъ, непосредственно слѣ-

дующій за принятіемъ пищи. На этомъ основаніи нельзя одобрить существующаго въ нѣкоторыхъ школахъ, между прочимъ и сельскихъ, учрежденія такъ называемыхъ послѣобѣденныхъ уроковъ, начинающихся тотчасъ послѣ обѣда.

Для здороваго развитія тѣлесныхъ силъ дѣтей существенно необходимо, чтобы процессъ усвоенія необходимыхъ для организма составныхъ частей воздуха и выдѣленія негодныхъ чрезъ дыханіе и кожу совершался правильно.

Химическій процессъ, происходящій въ легкихъ при вдыханіи и выдыханіи, состоитъ въ томъ, что кислородъ вдыхаемаго атмосфернаго воздуха соединяется съ венозной кровью, а углекислота и другія не годныя для организма части выдѣляются изъ крови и выдыхаются, чрезъ что кровь возобновляется и становится годной, способной питать организмъ. Тогда какъ легкія совершаютъ, такъ сказать, внутренній процессъ дыханія, кожа производитъ подобное же дѣйствіе на наружной поверхности тѣла: втягиваетъ или всасываетъ чрезъ поры нужныя организму газообразныя частицы изъ окружающаго воздуха и выдѣляетъ не нужное.

Примѣняя общіе законы здоровой органической жизни къ процессамъ, производимымъ легкими и кожей, получимъ слѣдующія правила:

1) Воздухъ, которымъ дышатъ дѣти, долженъ быть возможно чистымъ. Для этого необходимо: а) заставлять дѣтей сколь возможно чаще пребывать на открытомъ воздухѣ, б) вентилировать (провѣтривать) жилыя дѣтскія помѣщенія, ихъ спальныя и классныя комнаты, в) удалять изъ послѣднихъ все, что можетъ заражать и портить воздухъ: сырость, пыль, дымъ изъ курныхъ избъ, быстро разлагающіяся вещи, напр., съѣстные припасы, скоро вытирающуюся мягкую мебель, лишнее платье и т. под.

Въ обыденной жизни для очищенія воздуха въ комнатахъ иногда употребляютъ разнаго рода куренія; но куренія, какъ дознано, нисколько не очищаютъ и не улучшаютъ состава комнатнаго воздуха и поэтому должны быть изгнаны изъ употребленія.

2) Вдыхаемый дѣтьми комнатный воздухъ долженъ имѣть опредѣленную степень теплоты, соотвѣтственную крѣпости и энергіи легкихъ и вмѣстѣ кожи дѣтей. Нормальной температурой комнатнаго воздуха для взрослаго, обыкновенно, считается 13°—15° по Реомюру. Но въ помѣщеніяхъ новорожденныхъ, у которыхъ легкія и кожа очень нѣжны и слабы, температура воздуха должна быть выше, именно полагаютъ какъ норму 17°—19° по Реомюру. Дѣти, вышедшіе изъ младенческаго состоянія и здоровые (начиная съ 2-хъ, 3-хъ лѣтъ), могутъ жить при одной и той-же температурѣ съ взрослыми. Затѣмъ дѣтей слѣдуетъ удалять отъ продолжительнаго вліянія слишкомъ большаго какъ холода, такъ и жары и не подвергать быстрой перемѣнѣ значительнаго тепла на холодъ и, обратно, большаго холода на большое тепло.

3) Количество вдыхаемаго воздуха должно быть пропорціонально потребности организма. Приблизительно опредѣляютъ, что на каждаго взрослаго человѣка, чтобы онъ былъ здоровъ, нужно вдохнуть въ себя въ часъ около 14 или 15 кубическихъ метровъ (1 метръ равняется почти 22½ вершкамъ), а каждаго изъ дѣтей въ возрастѣ до 12—13 лѣтъ отъ 4-хъ до 7 кубическихъ метровъ въ часъ. Поэтому комнаты, гдѣ живутъ дѣти, особенно тѣ, въ которыхъ помѣщается много дѣтей, каковы, напр., классныя комнаты, должны быть просторны и высоки, чтобы могли вмѣщать въ себѣ достаточное количество чистаго воздуха. Поэтому-же и довольно просторныя и высокія комнаты ученическія—спальныя и классныя,—особенно послѣднія,

въ нашихъ сельскихъ школахъ, необходимо послѣ каждаго часоваго урока провѣтривать въ теченіи, по крайней мѣрѣ, $^1/_4$ часа, которую учащіеся, если не имѣется особой такъ называемой рекреаціонной комнаты, могутъ проводить на открытомъ воздухѣ за подвижными играми, вызывающими глубокое вдыханіе чистаго воздуха, или, если погода и какія либо другія причины не позволяютъ этого, въ какой либо другой комнатѣ.

Кожа, чтобы ея отправленія совершались правильно, должна быть:

1) Содержима въ чистотѣ. Средства для этого—обмыванья и ванны. Такъ какъ кожа новорожденнаго болѣе мягка и скважиста, чѣмъ у взрослыхъ, и всасываетъ и выдѣляетъ болѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, то поэтому ванны и обмыванье особенно необходимы въ первое время жизни ребенка, хотя и во время послѣ младенчества онѣ не должны находиться въ пренебреженіи; потому что онѣ не только возвышаютъ дѣятельность кожи, а чрезъ это—энергію жизни всего тѣла, но и способствуютъ, если аккуратно дѣлаются, образованію въ дѣтяхъ хорошей привычки къ чистотѣ и опрятности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что температура воды для обмыванія должна быть для дѣтей неодинаковаго возраста и здоровья различная. Въ первое время по рожденіи, когда кожа ребенка весьма чувствительна и воспріимчива къ холоду, температура воды въ ваннѣ должна приближаться къ температурѣ тѣла дитяти, достигать 27°—28° R., а потомъ по мѣрѣ подрастанія ребенка постепенно понижаться, пока онъ не будетъ въ состояніи выносить дѣйствіе обыкновенной комнатной воды въ 15° 16° и рѣчной въ лѣтнее время. Въ промежуткахъ между теплыми ваннами, когда кожа привыкнетъ къ обыкновенной температурѣ комнатнаго воздуха, изрѣдка совѣтуютъ дѣлать дѣтямъ (только не грудным) прохлад-

ныя ванны, которыя имѣютъ особенно важное значеніе въ томъ отношеніи, что пріучаютъ кожу къ холоду и къ перенесенію другихъ неблагопріятныхъ атмосферныхъ вліяній. Но тѣ не должны быть продолжительны, а по выходѣ изъ нихъ кожу дѣтей нужно вытирать до суха и притомъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится въ ней нормальная теплота и дѣятельность кожи.

2) Должна сохранять свою нормальную температуру. Средствомъ къ поддержанію нормальной теплоты въ тѣлѣ служитъ главнымъ образомъ одежда помимо правильнаго питанія, дыханія и движенія. Одежда, чтобы удовлетворяла своему назначенію не должна быть ни слишкомъ теплой, ни слишкомъ холодной; слишкомъ теплая одежда изнѣживаетъ тѣло, дѣлаетъ кожу очень воспріимчивой къ простудѣ; слишкомъ холодная, наоборотъ, препятствуетъ быстрому, энергическому ходу отправленій кожи и нормальному скорому теченію тѣлеснаго развитія и роста. Теплота одежды зависитъ отъ ея способности удерживать теплоту тѣла и отъ степени теплоты окружающаго воздуха. Изъ матерій, употребляемыхъ для одежды, способностью удерживать теплоту тѣла и воспринимать въ себѣ теплоту изъ окружающаго воздуха въ большей степени обладаютъ, какъ извѣстно, мѣха и шерстяныя матеріи, особенно чернаго цвѣта, полотняныя и бумажныя—въ меньшей, особенно имѣющія бѣлый цвѣтъ. Поэтому лѣтомъ, когда температура окружающаго воздуха приближается къ температурѣ нашего тѣла и когда слѣдов. намъ нѣтъ нужды защищать теплоту своего тѣла отъ окружающаго холода, одежда должна быть самая легкая—изъ полотна или бумажныхъ (и шелковыхъ) матерій бѣлаго цвѣта, зимой-же наоборотъ. Кромѣ того, одежда всегда должна быть просторной, не стѣсняющей ни одного члена тѣла, ни груди, ни живота, ни ногъ; постоянное сдавливаніе и стѣсненіе

ихъ одеждой препятствуетъ ихъ росту и нормальному совершенію ими своихъ отправленій. Здѣсь нельзя не упомянутъ объ обычаѣ пеленать маленькихъ дѣтей и не сказать, что онъ, какъ обычай вредный, долженъ быть изгнанъ изъ употребленія.

Гибельныя послѣдствія страсти къ стяжаніямъ.

Кому не извѣстно, сколь сильно омрачаетъ разумъ страсть корыстолюбія и къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ лицъ, поработившихъ себя ей. Въ ряду безчисленныхъ примѣровъ погибели отъ этой страсти рѣзко предъ всѣми выдается несчастная и вмѣстѣ отвратительная личность Іуды предателя. Изображая ее св. церковь материнскимъ голосомъ взываетъ къ своимъ чадамъ: »внидь, имѣній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивша. Бѣжи несытыя души, Учителю таковая дерзнувшія«. Ея голосъ, кажется, не остается безплоднымъ. Іуда предатель въ христіанскомъ мірѣ есть личность ненавистнѣйшая изъ всѣхъ преступниковъ, какіе только были въ мірѣ. Но при общей ненависти къ этой несчастной личности всѣ-ли ненавидятъ страсть, омрачившую умъ Іуды предателя и вовлекшую его въ такую ужасную бездну погибели? Ненавидятъ,—но къ сожалѣнію большею частію въ другихъ, а не въ себѣ самихъ. И среди христіанъ всегда бывали и теперь есть многіе, которые питаютъ и грѣютъ эту ненавистную страсть въ своемъ сердцѣ, не подозрѣвая, что она легко можетъ уподобить своего раба Іудѣ предателю. Имъ представляется даже дѣломъ невозможнымъ дойти до такого ослѣпленія; а между тѣмъ сколько бываетъ случаевъ ужасныхъ преступленій, проистекающихъ изъ этой страсти и живо напоминающихъ собою Іуду предателя. Пастырямъ

церкви слѣдовало бы своимъ пасомымъ чаще разсказывать объ этихъ случаяхъ въ предостереженіе отъ гибельнаго развитія страсти, которая нерѣдко выходя изъ благоразумной бережливости и невиннаго желанія обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи, въ виду всевозможныхъ случайностей жизни, незамѣтнымъ образомъ, мало по малу, можетъ опутать человѣка и подъ часъ сдѣлать его великимъ преступникомъ. Разсказы о случаяхъ изъ обыденной жизни сильнѣе могутъ дѣйствовать на душу, чѣмъ всякія разумныя доводы и убѣжденія; даже сильнѣе могутъ потрасти ее, чѣмъ изображеніе поразительныхъ примѣровъ изъ временъ давно минувшихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ нерѣдко слушающіе успокоиваютъ себя мыслію, что это было не у насъ, не въ нашемъ быту, со всѣмъ при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни, слѣдовательно къ намъ дѣло вовсе не подходящее; мы такихъ глупостей не сдѣлаемъ. Вотъ ужасный примѣръ гибельныхъ послѣдствій корыстолюбія изъ быта современнаго намъ общества,—примѣръ, которымъ, по нашему мнѣнію, можно воспользоваться какъ матеріаломъ при пастырскихъ бесѣдахъ съ прихожанами даже съ церковной каѳедры.

Въ одной изъ близь лежащихъ къ городу Старицѣ (Тверской губерніи) деревень (К—ѣ) произошло недавно слѣдующее замѣчательное убійство. Въ ночное время въ эту деревню воротился съ театра военныхъ дѣйствій солдатикъ, имѣющій въ этой деревнѣ отца, мать и свою семью. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ онъ пожелалъ отложить первую минуту радостнаго свиданья съ родными до слѣдующаго утра,—но только постучавшись въ избу своего отца, онъ измѣнилъ свой голосъ и вообще всю фигуру и попросился на ночлегъ, какъ человѣкъ проходящій и совершенно чужой. Въ ночлегѣ ему, конечно, по принятому деревенскому обычаю, не было отказано,

а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ никѣмъ и узнанъ. Это его, повидимому, забавляло, и въ неясныхъ ночныхъ сумеркахъ лѣтней ночи онъ началъ разговоръ со своимъ старикомъ—отцомъ про свои военные подвиги и наконецъ коснулся того,—что вотъ онъ теперь человѣкъ съ деньгой, такъ какъ во время войны получалъ жалованье золотомъ, имѣлъ нѣкоторые доходы и вслѣдствіе своей аккуратности и бережливости успѣлъ скопить кое-что. »А главное дѣло все золотомъ«, повторялъ онъ поминутно въ своемъ разсказѣ. Золото произвело свое дѣйствіе и на старика; онъ не замедлилъ справиться о томъ, что гость его, вѣроятно, съ собой везетъ свое сокровище. Гость отвѣчалъ утвердительно и указалъ на свою котомку, которая лежала съ нимъ рядомъ. Этого было достаточно: солдатъ, утомленный долгою дорогою, не замедлилъ уснуть, а старикъ—отецъ, разбудивъ другаго младшаго сына—рѣшили покончить съ солдатомъ и овладѣть его деньгами. Нѣсколькими ударами по головѣ они уложили несчастнаго; затѣмъ сынъ отправился на огородъ копать яму для того, чтобы скрыть окончательно слѣды преступленія,—и тутъ только, когда убійцы вынесли трупъ на дворъ, одинъ изъ нихъ узналъ въ убитомъ своего брата, а другой—сына... Въ тоже утро они повинились въ своемъ преступленіи и въ настоящее время сидятъ въ острогѣ (Новое Время. 1878. № 894).

Врагъ смутилъ, говорятъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Совершенная правда; и предателя Іуду тоже врагъ смутилъ: въ сердце его вошелъ сатана, замѣчаетъ евангелистъ (Іоан. 13, 27); но если бы страсть къ стяжаніямъ не вытѣснила изъ сердца страхъ Божій и любовь къ ближнимъ, врагъ никогда бы не смутилъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1. »*Еврейско-русскій словарь*«. *Зеффера*. Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. Типографія Императорской Академіи Наукъ. 1875 г. Цѣна 40 копѣекъ съ пересылкою.

2. „*Существенныя свойства богослуженія православной церкви*“. Пенза, 1875 года. Составленная главнымъ образомъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, книга эта девятью преосвященными архипастырями признана полезною и для каждаго пастыря церкви, интересующагося изученіемъ православнаго богослуженія. Цѣна безъ пересылки 75 коп., съ пересылкою 1 рубль. Выписывающіе эту книгу вмѣстѣ съ нижеозначенною книгою (»Изъясненіе церковно-гражданскихъ постановленій относительно браковъ, заключаемыхъ въ родствѣ или свойствѣ«) высылаютъ за обѣ книги 1 руб. 40 коп. Копѣйки могутъ быть высылаемы 8 копѣечными почтовыми марками.

3. »*Изъясненіе церковно-гражданскихъ постановленій относительно браковъ, заключаемыхъ въ родствѣ или свойствѣ*.

Эта книга есть собственно второе изданіе брошюры: »*О видахъ и степеняхъ родства*«, представляющей *наглядный и простѣйшій способъ опредѣлять близость родственныхъ отношеній между лицами, вступающими въ бракъ*. Вопросъ о родствѣ, не рѣдко встрѣчающимся между женихомъ и невѣстою, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу затруднительныхъ вопросовъ пастырской практики. Такъ называемая „Кормчая“ книга, которою пользуются священники, представляетъ въ этомъ случаѣ весьма неудовлетворительное руководство, съ одной стороны потому, что нѣкоторыя статьи ея въ главѣ „о брацѣхъ“ не имѣютъ обязательной силы, а съ другой стороны-изложена глава „о брацѣхъ“ въ такой сложной и темной формѣ, что священники затрудняются въ уразумѣніи истиннаго смысла этой главы. Поэтому если нѣкоторые пастыри и умѣютъ опредѣлять родство между брачущимися лицами, то это наиболѣе опытные, иногда дошедшіе до того путемъ неоднократныхъ ошибокъ, весьма непріятныхъ не только для самихъ священниковъ, но и для епархіальнаго начальства. Преемники такихъ пастырей, люди менѣе опытные, въ опредѣленіи родства между брачущимися лицами снова, можетъ быть, повторятъ первоначаль-

ныя ошибки своихъ предшественниковъ прежде, чѣмъ пріобрѣтутъ достаточный навыкъ рѣшать этотъ вопросъ правильно.

Въ избѣжаніе подобныхъ ошибокъ для каждаго приходскаго священника полезно было бы пріобрѣсти руководство для скораго и безошибочнаго опредѣленія родственныхъ отношеній, встрѣчающихся между лицами, вступающими въ бракъ.

Предлагаемая книга имѣетъ ту особенность, что въ наглядныхъ таблицахъ представляетъ положительно всѣ случаи родства, могущаго встрѣтиться между брачущимися лицами. Но кромѣ того, таблицы эти 1) посредствомъ цифръ ясно показываютъ, въ какихъ именно степеняхъ родства или свойства находятся между собою данныя лица; 2) снабжены условными знаками, по которымъ каждый священникъ безъ труда опредѣлитъ: а) могутъ ли быть вѣнчаемы тѣ или другія лица, состоящія во взаимномъ родствѣ, и, если могутъ, то б) не нужно ли просить разрѣшенія брака отъ епархіальнаго начальства, или же в) слѣдуетъ совершить бракъ, отнюдь не утруждая епарх. начальство помянутымъ прошеніемъ.

Кромѣ вопросовъ, разъясненныхъ въ первомъ изданіи брошюры: „О видахъ и степеняхъ родства“, въ новое изданіе вошли слѣдующія отдѣлы: а) о вредныхъ послѣдствіяхъ браковъ между близкими родственниками; б) о способѣ счисленія степеней въ двухродномъ и трехродномъ свойствахъ; в) форма прошеній о разрѣшеніи браковъ въ родствѣ или свойствѣ и г) епархіальный судъ по дѣламъ о бракахъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства или свойства. Въ »*Приложеніи*« помѣщены указы св. Синода, касающіеся браковъ, заключаемыхъ въ родствѣ или свойствѣ, Трактатъ »о способѣ счисленія степеней въ двухродномъ и трехродномъ свойствахъ« направленъ противъ недавно появившагося въ печати *ложнаго* способа счисленія степеней въ этихъ свойствахъ, способа, несогласнаго съ ясными и опредѣленными законоположеніями, какъ церковными, такъ и гражданскими. Способъ этотъ можетъ ввести въ заблужденіе самыхъ опытныхъ священниковъ, тѣмъ болѣе, что объ немъ напечатано во многихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и въ двухъ книгахъ, довольно распространенныхъ между духовенствомъ, именно въ книгѣ *прот. Громова:* „Уроки практическаго руководства для пастырей“ (Иркутскъ, 1873 г.) и 2) въ книгѣ, изданной г. *Маврицкимъ*, подъ названіемъ: „Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики“ (Санктъ-Петербургъ, 1865 г. и 2-е изданіе Москва, 1875 г.).

Дополненія, сдѣланныя нами въ прежней брошюрѣ: »О видахъ и степеняхъ родства«, заставили дать новому изданію болѣе широкое заглавіе: »Изъясненіе церковно-гражданскихъ постановленій относительно браковъ, заключаемыхъ въ родствѣ или свойствѣ«.

Цѣна 56 копѣекъ за экземпляръ съ пересылкою. Требующіе не менѣе *двухъ* экземпляровъ платятъ по 50 коп. за экземпляръ.

Весьма многія, но запоздавшія требованія на брошюру: „О видахъ и степеняхъ родства“ остались не удовлетворенными. Въ избѣжаніе подобныхъ случаевъ, равно какъ и для сокращенія денежныхъ раеходовъ издатель проситъ всѣхъ оо. благочинныхъ теперь же вытребовать безъ высылки денегъ равное числу ввѣренныхъ имъ церквей количество экземпляровъ новой книги. Экземпляры, которые останутся нераспроданными вслѣдствіе того, что нѣкоторыя церкви пріобрѣли брошюру: „О видахъ и степеняхъ родства“, могутъ быть возвращены издателю съ вычетомъ пересылочныхъ расходовъ изъ суммы, какая будетъ выручена за проданные экземпляры. Но какъ деньги за послѣдніе, такъ и непроданные экземпляры должны быть высланы издателю не позже, какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня полученія книгъ.

Адресоваться въ г. *Пензу*, на имя преподавателя духовной семинаріи, *Николая Ксенофонтовича Смирнова*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей« издается,—по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей. этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. На сколько добросовѣстно редакція журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1879 года. редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усерліемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклониться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ »Руководства для сельскихъ пастырей« *по прежнему* будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. Отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику, въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ.. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ

статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служитъ источникомъ свѣденій о жизни церкви и государства, по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«: 1) общія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи; и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, не возможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываваются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ поставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательеое чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

»Руководство для сельскихъ пастырей« выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полтора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣсто* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ.*

Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевъ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ. 14 ноября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 48. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Ноября 26-го.

Содержаніе: Поученіе къ простому народу о почитаніи духовнаго сана.—Поправки къ рецензіи Н. И. Барсова на книгу „Святоотеческая Христоматія“, составленную Поторжинскимъ.—Изъ бесѣды съ безпоповцами, о необходимости ко спасенію священства и св. причащенія и о непрерывности ихъ до самаго втораго пришествія Христова.—Замѣтка отъ редакціи „Руководства для сельскихъ пастырей“.

ПОУЧЕНІЕ

къ простому народу о почитаніи духовнаго сана.

Всею душею твоею благоговѣй Господеви и іереи Его чти (Сир. 7, 31).

Въ настоящій разъ, слушатели, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ о необходимости уважать и почитать лицъ духовнаго званія. Не ради самыхъ священниковъ, не ради ихъ земной чести, славы я хочу говорить вамъ объ этомъ предметѣ; нѣтъ, братіе—они ищутъ чести и похвалы не отъ людей, а отъ Бога, но я хочу говорить вамъ объ этомъ ради васъ и вашего спасенія; хочу говорить вамъ объ этомъ, потому что знаю, что въ вашихъ словахъ и и дѣлахъ есть много оскорбительнаго для священническаго сана, за что вы берете тяжкій грѣхъ на душу свою.

Вы слышали сейчасъ прочитанныя мною слова свящ. Писанія: *всею душею твоею благоговѣй Господеви и іереи Его чти.* Въ другомъ мѣстѣ также въ словѣ Божіемъ сказано: *бойся Бога и прослави іерея* (Сир. 9, 3—31). Видите-ли, какъ въ этихъ словахъ свящ. Писанія тѣсно соединяются эти двѣ заповѣди—о почитаніи Бога и почитаніи іереевъ? Это значитъ, что эти заповѣди нераздѣлимы одна отъ другой, и кто хочетъ достойно чтить Бога, тотъ непремѣнно долженъ почитать и служителей Его—священниковъ, долженъ всячески остерегаться оскорблять чѣмъ-либо ихъ, и наоборотъ: не почитающій священниковъ не чтитъ и самаго Бога. А что это дѣйствительно такъ, то въ этомъ легко убѣдиться. Вспомнимъ только, слушатели, кто установилъ духовный чинъ и кто даетъ мірянамъ священниковъ? Это сдѣлалъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда, будучи еще на землѣ, Онъ избралъ себѣ двѣнадцать, а потомъ семьдесятъ учениковъ, и послалъ ихъ въ міръ проповѣдывать евангеліе, а также поставлять по городамъ и селамъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ. Эти то ученики Господа и были первыми духовными лицами въ христіанской церкви. Имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ преемникамъ ихъ, Христосъ Спаситель далъ власть совершать святыя службы и учить народъ. Къ нимъ Онъ отнесъ также и слѣдующія слова Свои: »васъ будутъ гнать и преслѣдовать въ мірѣ, но вы не смущайтесь... Кто послушаетъ васъ, Меня послушаетъ, а кто отвергнется васъ и Меня отвергнется; кто приметъ васъ съ честію, хорошо тому будетъ, а кто не приметъ, кто поругается надъ вами, тому хуже будетъ, чѣмъ было Содому и Гоморру« (Мат. 10). Всѣ эти слова относятся какъ къ апостоламъ или ученикамъ Спасителя, такъ равно и ко всѣмъ ихъ преемникамъ, значитъ и къ нынѣшнимъ священникамъ. Теперь очевидно, что кто оскорбляетъ свя-

щенника, тотъ оскорбляетъ и самаго Бога, такъ какъ священники даются и посылаются отъ Бога; и какое страшное наказаніе ожидаетъ тѣхъ, кто »не приметъ, кто поругается« священнику! Тому, говоритъ Спаситель, будетъ хуже, чѣмъ Содому и Гоморру—городамъ, которые, какъ извѣстно, были истреблены небеснымъ огнемъ. Въ священной исторіи мы находимъ примѣръ, который ясно указываетъ на то, что Господь, дѣйствительно, жестоко наказываетъ оскорбляющихъ Его служителей. Вотъ этотъ примѣръ. Въ нѣкоторое время пророкъ Елисей проходилъ чрезъ одну іудейскую деревню и какъ онъ былъ плѣшивый, то нѣкоторыя тамъ дѣти стали надъ нимъ насмѣхаться и кричать: »гряди плѣшивый!« Не смотря на то, что это были дѣти, которыхъ по видимому можно было-бы извинить въ этомъ, не смотря на то, что это они сдѣлали по дѣтской шалости и глупости и, быть можетъ, даже не знали, что это пророкъ, Божій служитель, не смотря на это, говорю, они были строго наказаны, потому что поругались въ лицѣ пророка надъ самымъ Богомъ: двѣ медвѣдицы прибѣжали изъ ближайшей дубравы и тутъ же растерзали всѣхъ дѣтей.

Принимая все это во вниманіе, страшитесь, слушатели, навлечь на себя гнѣвъ Божій непочтительнымъ отношеніемъ къ священнослужителямъ церкви Божіей. Припомните, какъ часто слышатся между вами разныя шутки и присказки про священниковъ! Какъ часто можно встрѣтить между вами повѣрье, что встрѣча въ извѣстное время со священникомъ служитъ печальнымъ предзнаменованіемъ чего нибудь не добраго! Или еще: священнику представляется случай посѣтить домъ кого нибудь изъ своихъ прихожанъ; онъ радъ этому случаю, потому что при этомъ ему представляется возможность узнать, что дѣлается въ вашихъ домахъ: по христіански-ли вы живете за его гла-

зами; учите-ли своихъ домашнихъ страху Божію; онъ спѣшитъ въ домъ, желая узнать, умѣютъ-ли вяши дѣти покрайней мѣрѣ креститься? И что-же? Онъ въ домъ, а дѣти ваши изъ дому; онѣ кричатъ, боятся его, какъ чего нибудь не добраго. И не вы-ли, родители, причиною этого: вмѣсто того, чтобы вселять въ дѣтей любовь къ священнику, вы разсказываете имъ о священникѣ, какъ о чемъ-то страшномъ. Скажите сами, не достойно-ли это суда Божія?

Не только слово Божіе научаетъ мірянъ съ почтительностію относиться къ священнослужителямъ церкви Божіей, но и самая ваша совѣсть, ваше сердце могутъ внушить каждому изъ васъ, съ какою любовію и уваженіемъ должны относиться къ пастырямъ церкви. Вспомните, сколько добра дѣлаетъ каждому изъ васъ священникъ! Только что человѣкъ родится и онъ тотчасъ же нуждается въ помощи священника, который-бы совершилъ надъ нимъ обрядъ крещенія и тѣмъ сподобилъ его сдѣлаться членомъ церкви Христовой и наслѣдникомъ будущихъ благъ. Затѣмъ, во все послѣдующее время, не священникъ ли постоянно молится о благополучіи вашемъ предъ Господомъ Богомъ? Не онъ-ли именемъ Господнимъ благословляетъ васъ на всякое доброе дѣло? Не онъ-ли заботится о томъ, чтобы получше устроить дѣло вашего спасенія? Не къ нему-ли, наконецъ, и сами вы прибѣгаете въ годину несчастія и *не его-ли просите молиться о спасеніи* душъ вашихъ не только пока живете, но и тогда, когда отдадите душу Богу? Да, онъ является во всѣхъ этихъ случаяхъ вашимъ истиннымъ отцомъ; онъ не перестаетъ молиться о васъ какъ при жизни, такъ и послѣ смерти каждаго изъ васъ. Настанетъ время, когда вамъ прійдется разстаться съ здѣшнимъ міромъ: васъ похоронятъ и скоро забудутъ люди,—забудутъ даже самые близкіе родные и друзья

ваши, но не забудетъ васъ церковь въ лицѣ своихъ служителей. Ваша могила сравняется съ землею, не станетъ и этого послѣдняго слѣда вашего существованія на землѣ, но и въ то время ваши потомки будутъ слышать частое повтореніе священникомъ молитвы »объ отшедшихъ отцахъ и братіяхъ« ихъ!

И такъ видите-ли, христіане, чѣмъ является для васъ священникъ? Не чѣмъ нибудь страшнымъ, не врагомъ, вашимъ, а отцомъ и благодѣтелемъ. Поэтому, какъ къ приведеннымъ выше словамъ свящ. Писанія, такъ и къ голосу вашей совѣсти постарайтесь быть внимательнѣе. Слова свящ. Писанія научатъ васъ чтить священно-служителей, какъ посланниковъ Божіихъ, облеченныхъ великою властію и одаренныхъ духовною силою; и голосъ совѣсти, если вы внимательно къ нему прислушаетесь, скажетъ вамъ ясно, что необходимо быть благодарнымъ и преданнымъ своему благодѣтелю, что нужно любить и уважать его, какъ того требуетъ отъ каждаго долгъ справедливости. Аминь.

И. О—ій.

Поправки къ рецензіи Н. И. Барсова на книгу »Святоотеческая Христоматія«, составленную Поторжинскимъ.

Въ прошломъ году издана была мною книга, подъ заглавіемъ: »Святоотеческая Христоматія«, съ біографическими свѣдѣніями о св. отцахъ-проповѣдникахъ вселенской церкви и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ. Собирая въ одну книгу большее или меньшее число святоотеческихъ проповѣдей, разсѣянныхъ по разнымъ духовнымъ журналамъ и отдѣль-

нымъ изданіямъ, въ отрывкахъ и въ цѣломъ, я имѣлъ въ виду облегчить изученіе исторіи проповѣдничества для воспитанниковъ, давъ имъ возможность прочитывать дома тѣ проповѣди, которыя подлежатъ разбору въ классѣ. Въ одной изъ книжекъ Христіанскаго Чтенія за настоящій годъ (май—іюнь), появилась рецензія на означенную Христоматію, принадлежащая перу профессора гомилетики и исторіи проповѣдничества въ с.-петербургской духовной академіи Н. И. Барсова. Какъ отъ спеціалиста по преподаванію науки проповѣдничества и профессора высшаго духовно-учебнаго заведенія, естественно было ожидать серьезнаго разбора и честнаго отношенія къ дѣлу рецензента. Къ сожалѣнію, въ обширной его рецензіи на изданную нами книгу (817—839), за исключеніемъ общихъ мыслей объ исторіи проповѣдничества, намъ сплошь и рядомъ приходилось встрѣчаться то съ явною ложью, то съ придирками къ слову, то съ извращеніемъ нашихъ мыслей, то, наконецъ, прямо съ издѣвательствомъ. Поэтому, въ видахъ возстановленія правды, такъ безцеремонно попранной рецензентомъ, мы рѣшились сдѣлать настоящія поправки къ его рецензіи, собственно въ томъ, что касается изданной нами книги.

Въ предисловіи къ Христоматіи я замѣтилъ, что исторія проповѣдничества введена въ кругъ *богословскихъ наукъ*, называя ихъ такъ, какъ они буквально называются въ уставѣ семинарій. Рецензенту не понравилось это названіе; ему хотѣлось встрѣтить названіе ихъ *учебными* предметами, и вотъ онъ принялся доказывать, что въ семинаріяхъ, какъ и во всѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не могутъ преподаваться науки въ строгомъ смыслѣ. Этого мало для рецензента: онъ хочетъ обличить составителя Христоматіи въ неправильномъ пониманіи дѣла и говоритъ: »для г. Поторжицкаго (за поспѣшностію онъ не могъ правильно прочитать мою фамилію) гомилетика существуетъ въ

семинаріяхъ не какъ учебный предметъ, а именно какъ »наука«; точно также исторія проповѣдничества есть »одна изъ наукъ«. Слово наука поставлено у него въ кавычкахъ, чтобы обратить вниманіе на неправильность такого названія, хотя я нигдѣ буквально не назвалъ исторіи проповѣдничества наукою. Собственный свой выводъ рецензентъ приписалъ составителю Христоматіи и даетъ почувствовать неправильность, неточность названія, забывая, что исторія проповѣдничества можетъ быть наукою даже въ строгомъ смыслѣ, если не въ семинаріяхъ, то въ академіяхъ, и что изъ науки академической можетъ преподаваться та или другая часть ея, въ такомъ или иномъ объемѣ, и въ семинаріи. Зная, что слово наука весьма часто употребляется и въ разговорѣ и въ литературѣ въ смыслѣ общемъ, а не частномъ, мы думаемъ, что это со стороны рецензента одна придирка къ слову и, надобно сказать, совершенно напрасная.

Продолжая измышлять разныя нелѣпости и приписывать ихъ составителю Христоматіи, рецензентъ говоритъ: »задачей своихъ занятій по гомилетикѣ составитель Христоматіи поставляетъ не обученіе семинаристовъ проповѣдничеству путемъ разбора образцовъ или инымъ способомъ, а сообщеніе свѣдѣній изъ исторіи проповѣдничества; у него ученики изучаютъ не образцы проповѣди, а именно исторію проповѣдничества. Христоматія составлена имъ лишь потому, что въ классѣ читать и разбирать проповѣди нельзя, слишкомъ много потребовалось бы времени,—пусть же ученики прочитаютъ ихъ на дому, чѣмъ и можетъ, по мнѣнію г. П., ограничиться отношеніе учениковъ къ образцовымъ проповѣдямъ«. Нужно быть слишкомъ смѣлымъ, чтобы такъ извращать, вопреки всякой правдѣ, чужія мысли и отъ себя навязывать другому нелѣпости. Въ предисловіи у меня говорится совершенно противное тому,

что мнѣ навязываетъ рецензентъ. »Всякій изъ нихъ (преподавателей), сказано тамъ, сознавалъ, что *изучать исторію проповѣдничества можно не иначе, какъ посредствомъ чтенія и разбора самыхъ проповѣдей со стороны содержанія, формы, духа и характера.* Совмѣстить все это въ классѣ невозможно; оставалось поручать самымъ воспитанникамъ *на дому прочитывать тѣ проповѣднические произведенія, которыя подлежали разбору въ классѣ.* Но ученики не имѣли подъ рукою у себя книжекъ, въ которыхъ бы можно было найти нужныя для нихъ статьи. Отсюда и въ преподаваніи, со стороны наставниковъ, и въ изученіи, со стороны учениковъ, исторія проповѣдничества, не смотря на свой самый практическій характеръ, являлась въ теоретическомъ видѣ. Первые болѣе ограничивались указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго проповѣдника, а послѣдніе болѣе принимали на вѣру эти характеристики, чѣмъ читали самыя проповѣди, и по нимъ убѣждались въ вѣрности характеристикъ«. Не говоря о томъ, что рецензентъ безъ всякаго основанія смѣшалъ гомилетику-теорію и исторію проповѣдничества и приложилъ къ первой то, что я говорилъ о послѣдней, онъ измыслилъ, будто я задачей своихъ занятій по гомилетикѣ (теоріи, о которой я не говорилъ) поставляю сообщеніе свѣдѣній изъ исторіи проповѣдничества. Ни о гомилетикѣ, какъ теоріи, ни о задачѣ своихъ занятій по гомилетикѣ, у меня не было и помину; я говорилъ только о томъ, какъ преподается, за отсутствіемъ всякихъ пособій, въ родѣ Христоматіи, по необходимости, исторія проповѣдничества. Ни откуда также не видно, чтобы я ограничивалъ отношеніе учениковъ къ образцевымъ проповѣдямъ однимъ прочтеніемъ ихъ учениками; напротивъ, у меня прямо сказано, что исторію проповѣдничества можно изучать не иначе, какъ посредствомъ чтенія и раз-

бора самыхъ проповѣдей со стороны содержанія, формы, духа и характера, и что ученики на дому должны прочитывать тѣ проповѣдническія произведенія, которыя подлежатъ разбору въ классѣ: для этого и составлена Христоматія.

Какъ ни смѣло рецензентъ началъ извращать мысли составителя Христоматіи о цѣли изданія, а все-таки счелъ нужнымъ оговориться, хотя и постарался эту оговорку закрасить новою неправдою, навязывая свои нелѣпыя соображенія составителю Христоматіи. »Правда, есть у него въ предисловіи упоминаніе о разборѣ, замѣчаетъ рецензентъ, но только упоминаніе, доказывающее, что у него есть нѣкоторое предчувствіе (спасибо и за это!) того, что еще что-то другое должно дѣлать съ образцовыми проповѣдями и именно самому преподавателю въ классѣ, послѣ предварительнаго изученія ихъ учениками, а не ученикамъ только прочитывать ихъ на дому. Но что именно, этого г. П. очевидно не знаетъ, какъ не знаетъ ничего о разборѣ образцовыхъ произведеній литературы вообще по методамъ Любена и Эккардта«. Странное заключеніе! Можно разсуждать о томъ, что сказано,—хорошо-ли оно или дурно; но изъ умолчанія заключать о незнаніи никакъ не слѣдуетъ. Намъ кажется, что самъ рецензентъ отступился бы отъ своего вывода, еслибы кто заключилъ о немъ, что онъ *очевидно* не знаетъ ничего больше того, что высказано въ его статьѣ. Тоже самое надобно сказать и о составителѣ Христоматіи: если онъ не представилъ разбора образцовъ по методамъ Любена и Эккардта, то отсюда слѣдуетъ, что онъ не признавалъ этого нужнымъ, а ни чуть не слѣдуетъ выводить, что онъ *очевидно* ничего не знаетъ объ этихъ методахъ. О нихъ онъ зналъ еще въ 1863 г., когда въ »Учителѣ« печатались статьи Скопина »О преподаваніи русскаго языка и словесности«; ими онъ

пользовался, когда состоялъ преподавателемъ словесности въ семинаріи: были у него подъ рукою и »Словесность въ разборахъ и образцахъ« Водовозова и книга »О преподаваніи русской литературы« Стоюнина. Въ послѣдней, между прочимъ, десять лѣтъ назадъ онъ читалъ все то, что теперь Н. И. Барсосъ сообщаетъ, какъ новость, и о разборѣ образцовыхъ произведеній, и »о наукѣ« въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и о статьяхъ въ Христоматіи, каковы, т. е., онѣ должны быть въ ней, въ цѣломъ или отрывкахъ. Поэтому, составитель Христоматіи былъ не мало удивленъ открытіемъ новаго метода, сдѣланнымъ Н. И. Барсовымъ въ 1876 г. (см. Хр. Чт. сент.—окт.), послѣ того какъ въ теченіи десяти лѣтъ онъ употреблялся и въ гимназіяхъ и въ семинаріяхъ преподавателями словесности. Въ своемъ рефератѣ по методикѣ семинарскихъ уроковъ по гомилетикѣ, приложенномъ *при извѣстномъ своею оригинальностію* представленіи, Н. И. Барсовъ только еще спрашивалъ въ 1876 г.: нельзя-ли примѣнить къ преподаванію гомилетики въ семинаріяхъ методъ Любена и Эккардта? Мы не знаемъ, какое послѣдовало рѣшеніе на его запросъ, но должны сообщить ему, что въ семинаріи и гомилетика и исторія проповѣдничества изучаются при посредствѣ разбора образцовъ. По взгляду Н. И. Барсова, ученики изучаютъ образцы на дому, а у насъ они только прочитываютъ ихъ дома, чтобы познакомиться съ содержаніемъ ихъ, а изученіе *является* уже какъ результатъ разбора образцовъ преподавателемъ совмѣстно съ учениками въ классѣ, при чемъ обращается вниманіе послѣднихъ на отличительныя черты того или другаго разбираемаго образца.

Коснувшись внѣшняго состава Христоматіи, числа образцовъ, рецензентъ замѣчаетъ, что ихъ много, пятьдесятъ семь; но изъ нихъ лишь тридцать два въ цѣломъ

видѣ, а »остальные состоятъ изъ небольшихъ отрывковъ«. Эти *небольшіе* отрывки занимаютъ отъ трехъ до десяти страницъ, по сорокъ строкъ на страницѣ! »Все это легко умѣстилось менѣе чѣмъ на трехъ стахъ страницъ книги, продолжаетъ онъ, менѣе чѣмъ средняго формата, крупнаго шрифта«. На сколько здѣсь правды въ словахъ рецензента, пусть судятъ сами читатели. Страницъ въ книгѣ двѣсти девяносто шесть, это вѣрно—менѣе 300; но что касается формата и шрифта, то это чистѣйшая ложь. Мы не знаемъ масштаба, которымъ рецензентъ измѣряетъ форматъ книгъ, но не можемъ не замѣтить, что форматъ изданной нами Христоматіи—форматъ нашихъ духовныхъ журналовъ: Христіанскаго Чтенія, Православнаго Обозрѣнія, Душеполезнаго Чтенія и под. Шрифтъ которымъ напечатана книга—двоякій: корпуса помѣщается *сорокъ строкъ* на страницѣ, а *петита—шестьдесятъ* строкъ на страницѣ. Обыкновенно же на страницѣ помѣщается *тридцать три* строки. Такова справедливость Н. И. Барсова! И для чего это рецензенту нужно было говорить такую очевидную неправду?

Рецептъ рецензента для составленія Христоматій, подобныхъ нашей, представляетъ собою не больше какъ издѣвательство недостойное не только такого рецензента, какъ Н. И. Барсовъ, но всякаго мало-мальски порядочнаго человѣка.

Опредѣляя достоинство изданной нами книги и положительно и отрицательно, рецензентъ предварительно начертываетъ требованія, какимъ, по его мнѣнію, должна удовлетворять каждая хорошая дидактическая книга. »*Каждая хорошая дидактическая книга*, особенно если она представляетъ первый опытъ въ своемъ родѣ, *должна быть снабжена введеніемъ*, содержащимъ въ себѣ методику предмета, указанія, какъ должно вести занятія по

книгѣ; по меньшей же мѣрѣ указаніе тѣхъ соображеній, какими руководствовался авторъ при выборѣ тѣхъ, а не другихъ образцовъ въ свое изданіе«. Въ подтвержденіе своего взгляда рецензентъ указываетъ на »Дѣтскій Міръ«, »Русское (Родное?) Слово« Ушинскаго,—на книги, составленныя для дѣтей 8—10 лѣтъ. Выходитъ, по взгляду рецензента, что ученики пятаго и шестаго класса семинаріи по умственному развитію стоятъ на степени девятилѣтнихъ дѣтей. Онъ, вѣроятно, не знаетъ, что дѣти, окончившія четыре класса семинаріи, поступаютъ въ университеты и съ успѣхомъ слушаютъ курсы *наукъ въ собственномъ смыслѣ*. Далѣе,—гдѣ рецензентъ нашелъ въ означенныхъ книгахъ *введеніе*, содержащее методику предмета, мы не понимаемъ: въ нихъ нѣтъ его. Введеніе, содержащее предварительныя свѣдѣнія о наукѣ, обыкновенно помѣщаются въ системахъ науки, но въ Христоматіяхъ нигдѣ его нѣтъ. Правда, рецензентъ нашелъ введеніе въ Сборникахъ Нессельмана и Бесте, но вѣдь онъ знаетъ, что Сборники эти назначены не для классныхъ занятій при преподаваніи гомилетики, а для практической цѣли—быть настольными книгами пастырей—проповѣдниковъ. Какое отношеніе можетъ имѣть книга, изданная для чтенія и самообразованія, къ учебной книгѣ—это знаетъ только Н. И. Барсовъ. Впрочемъ, не думайте, чтобы онъ указывалъ на сборники Нессельмана и Бесте какъ на образцы; нѣтъ, и тотъ и другой не удовлетворяютъ рецензента, но ему у перваго нравится обширный историческій очеркъ исторіи развитія формъ проповѣди и то, что проповѣди *почти всегда* (значитъ не всегда?) приведены въ полномъ составѣ, а у втораго—*обстоятельныя біографіи* проповѣдниковъ лютеранскихъ и указаніе каждому мѣста въ ряду прочихъ. Такъ какъ въ нашей Христоматіи рецензентъ не нашелъ ничего, что ему нравится у Нессельмана и Бесте съ одной стороны,

и что онъ вообразилъ существующимъ въ »Дѣтскомъ Мірѣ и Русскомъ Словѣ« Ушинскаго съ другой, и даже не нашелъ готовыми соображеній, какими руководствовался издатель при выборѣ статей для книги, то онъ постарался обязательно составить свои соображенія на этотъ счетъ и предложилъ ихъ читателямъ. »По видимому, издатель бралъ все, что попадалось подъ руку, главнымъ же образомъ проповѣди отличающіяся наименьшимъ объемомъ«: таково заключеніе рецензента. А сокращенія о чемъ говорятъ? А отрывки, занимающія по десять страницъ? Значитъ, были у составителя Христоматіи какія-то соображенія, но несомнѣнно не такія нелѣпыя, какія ему навязываетъ рецензентъ. Всѣ эти соображенія по методикѣ предмета и плану книги нужны, пожалуй, были-бы, если-бы составитель книги предлагалъ что-нибудь новое, неизвѣстное никому, а то вѣдь онъ собралъ въ одну книгу большее или меньшее количество отеческихъ проповѣдей, и въ отрывкахъ и въ цѣломъ, которыя были разсѣяны по разнымъ духовнымъ журналамъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Христоматій же, подобныхъ Святоотеческой, хотя и не духовнаго содержанія, у насъ не мало, и пользоваться ими умѣютъ не только преподаватели, но и ученики словесности, а тѣмъ болѣе ученики пятаго и шестаго класса семинаріи, да еще подъ руководствомъ преподавателя. Рецензентъ, какъ видно, всю суть исторіи проповѣдничества поставляетъ въ указаніяхъ постепенной выработки формъ церковной проповѣди; но для составителя эта цѣль рецензента была на послѣднемъ планѣ, хотя и для этого книга представляетъ достаточно матеріала. Въ бесѣдѣ Климента римскаго, извѣстной подъ именемъ втораго посланія къ Коринѳянамъ, видна форма бесѣды, а въ бесѣдѣ Климента александрійскаго о томъ, какой богачъ спасется, видна отчасти форма слова, у Кирилла іерусалимскаго находимъ

форму катехизической проповѣди и т. д. Есть въ нашей Христоматіи образцы бесѣды и чисто экзегетической, и съ нравоученіемъ и съ нравообличеніемъ, и слова съ единствомъ предмета безъ единства мысли, и слова съ единствомъ и предмета и мысли; все можно найти, если добросовѣстно пересмотрѣть книгу, а не такъ, какъ пересматривалъ ее рецензентъ, ограничившійся предисловіемъ, оглавленіемъ и первою страницею ея. Доказательства на это, самыя осязательныя, приведемъ далѣе.

Говоря о біографическихъ свѣдѣніяхъ и отличительныхъ чертахъ проповѣдничества св. отцевъ—проповѣдниковъ, рецензентъ замѣчаетъ, что въ отличительныхъ чертахъ нѣтъ ничего отличительнаго, а указываются общія свойства каждой хорошей проповѣди; »*въ біографическихъ же свѣдѣніяхъ содержится меньше, чѣмъ сколько говорится о св. отцахъ въ любомъ изъ элементарныхъ курсовъ закона Божія, составленныхъ по новой программѣ для свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и нѣтъ рѣшительно ничего, чего бы ученикъ пятаго класса семинаріи не зналъ раньше*«. Въ этихъ словахъ рецензента такъ много неправды и такой очевидной, что рѣшительно недоумѣваешь, что побудило его къ такой клеветѣ; знакомые не только съ программами, но и учебниками свѣтскихъ учебныхъ заведеній среднихъ, такъ какъ сами преподаемъ законъ Божій въ заведеніяхъ, не ниже среднихъ, мы не встрѣчали ничего подобнаго тому, что воображаетъ найти въ учебникахъ рецензентъ. Не только о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ, но даже и духовныхъ рецензентъ говоритъ чистѣйшую ложь, утверждая, что въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о св. отцахъ проповѣдникахъ *рѣшительно* нѣтъ ничего, чего бы ученикъ пятаго класса семинаріи не зналъ раньше. Интересно-бы узнать отъ рецензента: изъ какихъ предметовъ

ученики пятаго класса, до поступленія въ него, могли узнать объ отцахъ проповѣдникахъ все, что говорится въ Христоматіи, если въ первыхъ четырехъ классахъ семинаріи, за исключеніемъ ветхозавѣтныхъ книгъ св. писанія, не преподается никакихъ богословскихъ предметовъ? Странныя, право, сужденія высказываетъ рецензентъ о воспитанникахъ семинаріи, прошедшихъ первые четыре класса: то они у него стоятъ на степени дѣтскаго, но не больше отроческаго развитія, то, не изучая ни одного богословскаго предмета, кромѣ Библіи, знаютъ біографіи св. отцовъ не только вообще, но и въ частности, какъ проповѣдниковъ. По поводу біографическихъ свѣдѣній въ нашей Христоматіи и обстоятельныхъ біографій въ сборникѣ Бесте, рецензентъ говоритъ, что, *по его мнѣнію*, только *обстоятельныя біографіи*, сообщающія или новыя фактическія данныя о проповѣдникахъ, или оригинальную оцѣнку ихъ личностей и значеніе въ исторіи проповѣди, имѣютъ право на помѣщеніе въ Христоматіи. Къ сожалѣнію, мы не могли поступить по мнѣнію рецензента, потому что имѣли предъ глазами извлеченіе изъ журнала учебнаго комитета при св. Синодѣ, отъ 6 декабря 1867 г., гдѣ прямо сказано: »*преподаватель гомилетики удалился бы отъ своей цѣли, если бы далъ много мѣста біографическимъ описаніямъ*«. Что касается *оригинальной оцѣнки*, которую такъ любитъ Н. И. Барсовъ, какъ видно изъ его рецензіи на нашу книгу, то мы на нее не претендуемъ: мы имѣли въ виду дать кое-что изъ того, что извѣстно отчасти о св. отцахъ-проповѣдникахъ изъ разныхъ статей въ разныхъ духовныхъ журналахъ.

Сказавъ »объ отличительныхъ чертахъ проповѣдничества каждаго изъ отцовъ-проповѣдниковъ«, что онѣ нисколько не отличительныя, а общія свойства каждой хорошей проповѣди, рецензентъ указываетъ ошибку соста-

вителя книги въ томъ, будто онъ судитъ о святоотеческихъ проповѣдяхъ съ точки зрѣнія современной намъ гомилетической теоріи, а не съ исторической точки зрѣнія. Откуда онъ взялъ, будто мы судимъ о проповѣдяхъ св. отцовъ съ точки зрѣнія современной намъ гомилетической теоріи,— неизвѣстно: ничего подобнаго мы не высказали, хотя не можетъ не замѣтить, что для сужденія о предметѣ, о его достоинствахъ и недостаткахъ, необходимо имѣть какое нибудь основаніе. Зная напр. современную гомилетическую теорію, мы можемъ на основаніи ея судить, что есть изъ ея требованій въ проповѣдяхъ святоотеческихъ и чего нѣтъ, а почему—это объясняется историческими обстоятельствами; но это другой вопросъ. По взгляду рецензента, задача исторіи проповѣдничества по отношенію къ св. отцамъ состоитъ не въ критикѣ ихъ съ точки зрѣнія какой-бы то ни было теоріи, а въ указаніи ихъ мѣста и значенія въ общемъ ходѣ развитія проповѣди, въ выработкѣ ими тѣхъ или другихъ типовъ проповѣди. Говоря яснѣе, рецензентъ поставляетъ задачу исторіи проповѣдничества въ указаніи развитія формъ проповѣди, что сдѣлалъ тотъ или другой св. отецъ для бесѣды экзегетической, съ нравоученіемъ и нравообличеніемъ и пр. Но для насъ это не было задачей. Знакомя своихъ воспитанниковъ съ образцами проповѣдничества св. отцовъ посредствомъ разбора со стороны содержанія, формы, духа и характера и указанія отличительныхъ чертъ ихъ проповѣди, мы поставляли своей задачей развитіе въ воспитанникахъ живой настроенности, пробужденіе дарованій и образованіе вкуса, а не указаніе развитія формъ проповѣди, хотя и это не упускалось совершенно изъ вида составителемъ Христоматіи.

Такъ какъ составитель Христоматіи Святоотеческой выразилъ намѣреніе приступить къ изданію Христоматіи и для исторіи русскаго проповѣдничества, то рецензентъ

считаетъ *кстати рѣшительно посовѣтовать* ему »помѣстить въ своей Христоматіи *что-нибудь* (а не цѣлыя проповѣди, какъ требовалось прежде) изъ иностранныхъ проповѣдниковъ Боссюэта, Массильона, Флешье, Бурдалу, Серена, хотя въ подлинникѣ, увѣряя, что за простую перепечатку *ихъ не только ученики но и сами преподаватели* будутъ издателю безконечно благодарны. Что же касается проповѣдей латинскихъ, помѣщенныхъ въ Patrologiae Cursus Completus Миня, каковы проповѣди Беды, Элигія, Бернарда и др., то помѣщеніе ихъ въ Христоматіи въ подлинникѣ, по взгляду рецензента, имѣетъ тѣмъ болѣе основаній, что упражненія въ ихъ переводѣ должны быть *предметомъ обязательныхъ предкласенныхъ работъ учениковъ*«. Можно надѣяться, что составленная по этому рѣшительному совѣту рецензента Христоматія для исторіи русскаго проповѣдничества и для упражненія учениковъ въ переводахъ съ латинскаго на русскій языкъ, будетъ удовлетворительна для рецензента, Н. И. Барсова; но не думаемъ, чтобы ею были довольны изучающіе и преподающіе исторію русскаго проповѣдничества въ семинаріи. Можетъ быть, такая Христоматія съ латинскими и французскими проповѣдями въ подлинникахъ (въ средневѣковой латыни и французскомъ языкѣ восемнадцатаго вѣка) годится для академій, потому что тамъ вѣроятно *всѣ воспитанники знаютъ основательно всѣ древніе и новые языки*, но въ семинаріи она будетъ не пригодна, потому что не всѣ ученики семинаріи изучаютъ французскій языкъ, да и латинскій не на столько имъ извѣстенъ, чтобы они могли свободно читать на немъ и готовить къ классу по нѣсколько страницъ проповѣдей Беды, Эмилія, Бернарда и др. Странно отчасти здѣсь то, что рецензентъ очень горячо доказывалъ невозможность преподаванія въ семинаріяхъ какой бы то ни было науки, даже богословской,

въ полномъ объемѣ, а теперь для исторіи русскаго проповѣдничества рѣшительно совѣтуетъ изучать проповѣди латинскихъ средневѣковыхъ проповѣдниковъ, съ которыми наша проповѣдь русская нѣкогда стояла въ отдаленной связи. Но и это еще не все. »Не говоря уже объ интересѣ исторіи проповѣдничества среднихъ вѣковъ и новаго времени, отъ Григорія Двоеслова до Лютера и отъ Лютера до Шлейермахера включительно, со стороны содержанія, рецензентъ замѣчаетъ, что исторія выработки гомилетическихъ формъ и пріемовъ построенія и изложенія во многомъ не будетъ понятна безъ исторіи западнаго проповѣдничества, католическаго, протестантскаго и даже реформатскаго«. Такъ какъ русская проповѣдь XVI, XVII и первой половины XVIII вѣковъ, по взгляду рецензента, находилась въ непосредственной зависимости отъ католической гомилетики—до-лютеровской, средневѣковой, то онъ признаетъ необходимымъ помѣстить въ Христоматіи для исторіи русскаго проповѣдничества, кромѣ Беды или Эмилія (а прежде рѣшительно совѣтовалъ и того и другаго) и Бернарда, Таулера, Бертольда францисканца, Пельбарта (или Гейлера), Лютера съ его постиллой, Меланхтона съ его проповѣдію тематическою, Арндта, Шпенера, Мосгейма и окончить Шлейермахеромъ. Хотя рецензентъ увѣряетъ, что составленная изъ проповѣдей означенныхъ проповѣдниковъ католическихъ, протестантскихъ и реформатскихъ Христоматія для исторіи русскаго проповѣдничества будетъ и занимательна по содержанію, и полезна для объясненія выработки гомилетическихъ формъ и пріемовъ построенія и изложенія; но мы не послѣдуемъ его рѣшительному совѣту при составленіи своей Христоматіи для исторіи русскаго проповѣдничества; мы имѣемъ свой взглядъ на предметъ, который, надѣемся, совершенно уяснится съ изданіемъ той Христоматіи. Если бы мы имѣли въ виду составлять

исторію русской православной гомилетики, которая разсматриваетъ проповѣдь со стороны содержанія, формы, внутренняго и внѣшняго характера, то мы, пожалуй, приняли бы совѣтъ рецензента къ свѣдѣнію. Но при составленіи Христоматіи для исторіи русскаго проповѣдничества мы совѣтъ рецензента сдадимъ въ архивъ или предоставимъ московскимъ книгопродавцамъ пользоваться имъ.

Пересчитавъ во второй разъ число страницъ въ Христоматіи и нашедъ, что 296 страницъ составляютъ *шестнадцать* листовъ, рецензентъ требуетъ отъ Христоматіи, чтобы она удовлетворяла всевозможнымъ требованіямъ, и эти требованія признаетъ—за самое меньшее. Какъ жаль, что онъ не сообщилъ кстати, какія самыя большія требованія отъ Христоматіи по его взгляду?! Не читая книги, рецензентъ, на основаніи предисловія и оглавленія заключилъ, что она и въ этомъ отношеніи несостоятельна. А что дѣйствительно онъ не читалъ той книги, о которой написалъ тридцать страницъ, видно изъ того, что сказано имъ по поводу поставленнаго предъ посланіемъ Климента римскаго—слова »сокращено«. »Зачѣмъ составителю Христоматіи понадобилось сократить посланіе, спрашиваетъ рецензентъ. Какое право онъ имѣлъ на то?.. И что за странный способъ сокращенія! Пусть бы издатель привелъ первую половину посланія безъ второй или вторую безъ первой, а то—четныя главы (2, 4, 6, 8, 10, 12) выпустилъ, а нечетныя (1, 3, 5, 7, 9, 11) оставилъ,—выпустилъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ содержится толкованіе священнаго текста, т. е. фундаментальную часть памятника, и оставилъ увѣщанія св. Климента, т. е. часть прикладную. Право, еслибы г. П. не сдѣлалъ болѣе никакихъ ошибокъ въ своей Христоматіи, кромѣ этой, ея одной достаточно было бы для того, что бы обнаружить не совсѣмъ правильное пониманіе имъ своего дѣла соста-

вителя Христоматіи, потому что такъ безбожно изувѣчить памятникъ, никакъ не значитъ ознакомить съ нимъ читателей«. Въ этихъ словахъ рецензента видна такая беззастѣнчивость, которая по-просту называется *наглостію*. Пускаться въ соображенія, высказывать сожалѣніе о безбожномъ изувѣченіи памятника, не читавши его могъ только одинъ Н. И. Барсовъ. Въ самомъ дѣлѣ, посланіе Климента было напечатано все, за исключеніемъ второй главы и нѣсколькихъ строкъ двѣнадцатой, по переводу о. Преображенскаго, а рецензентъ увѣряетъ читателя, что всѣ четныя главы выпущены, а нечетныя оставлены. Видно, какъ онъ писалъ рецензію на нашу книгу! Обращаемъ слова сказанныя имъ о составителѣ Христоматіи, противъ рецензента ея: »Право, еслибы Н. И. Барсовъ не допустилъ никакой другой лжи, такого безбожнаго изувѣченія очевиднаго факта—одного было бы достаточно для того, чтобы показать всю недобросовѣстность его, какъ рецензента »Святоотеческой Христоматіи«. Нѣчто подобное онъ высказалъ и по поводу отрывка (болѣе десяти страницъ) изъ бесѣды Климента александрійскаго о томъ, »какой богачъ спасется«. »Изъ единственной дошедшей до насъ бесѣды его о томъ, какой богачъ спасется, замѣчательной не столько въ смыслѣ образца экзегетической гомиліи (образцы этого рода проповѣди встрѣчаются во множествѣ у отцовъ церкви *и приведены составителемъ* (а выше, на стр. 834 утверждалъ, что этого нѣтъ), сколько какъ образецъ превосходной риторически правильной структуры проповѣди, весьма рѣдкой въ проповѣдяхъ св. отцовъ, особенно ближайшихъ къ Клименту, приведенъ лишь отрывокъ именно экзегезиса, а не мастерское, художественное нравообличительное *вступленіе, которымъ опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ мыслей въ проповѣди* и которое составляетъ ея наиболѣе характерную часть«.

Справтесь г. Н. И. Барсовъ въ книгѣ: изъ вступленія приведено именно то, что опредѣляетъ дальнѣйшій ходъ мыслей, хотя составитель Христоматіи и не считалъ вступленія наиболѣе характерною частію бесѣды Климента александрійскаго.

Такая же недобросовѣстность рецензента видна и въ его сужденіяхъ о помѣщенныхъ и непомѣщенныхъ въ Христоматіи святоотеческихъ проповѣдяхъ. Напр., рецензентъ возмущается тѣмъ, что въ Христоматіи помѣщена бесѣда Климента римскаго подъ именемъ втораго посланія къ коринѳянамъ и потому спрашиваетъ,—почему обойдены посланія другихъ мужей апостольскихъ—Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго? Но неужели онъ не знаетъ, что изслѣдователи церковной проповѣди, спеціально занимавшіеся этимъ предметомъ, и наши и иностранные, признаютъ древній памятникъ письменности, извѣстный въ изданіяхъ подъ именемъ втораго посланія Климента римскаго, бесѣдою? Къ именамъ Неандера и Нессельмана, о которыхъ онъ упоминаетъ, какъ объ авторитетахъ поддерживающихъ нашъ взглядъ, ему слѣдуетъ прибавить и Ленца, и Паниля, и Фрешеля и др. Тогда, конечно, онъ не употребилъ такого оригинальнаго доказательства своей мысли, какъ раздѣленіе на главы или же, что слово »братіе« встрѣчается и въ посланіяхъ. Мы не можемъ допустить, чтобы рецензентъ не зналъ, что раздѣленіе на главы и посланій апостольскихъ, и евангелій, и бесѣдъ Златоуста сдѣлано не авторами ихъ, и что не одно слово »братіе«, употребленное въ письменномъ памятникѣ, извѣстномъ подъ именемъ втораго посланія Климента римскаго къ Коринѳянамъ, служило спеціалистамъ изслѣдователямъ церковной проповѣди основаніемъ признавать его проповѣдью, вопреки надписанію. Удивительно, что рецензентъ не удовлетворяется на этотъ разъ тѣми самыми авторами, которыхъ

онъ приводитъ противъ насъ въ другомъ случаѣ и авторитетомъ которыхъ самъ защищается. Точно также онъ поступаетъ и въ другихъ случаяхъ, когда говоритъ о Кипріанѣ Карѳагенскомъ, называя его бесѣды о молитвѣ Господней трактатомъ, хотя и замѣчаетъ, что Нессельманъ, признаетъ ихъ не трактатомъ, а бесѣдами, или трактатомъ, составившимся изъ бесѣдъ. За то въ другихъ случаяхъ, напр. во взглядѣ на мѣсто служенія св. Ипполита, гипотеза Бунзена имѣетъ для рецензента значеніе несомнѣнной истины. Странный, право, способъ доказательствъ у него: если приводимые имъ авторы говорятъ противъ составителя Христоматіи, тамъ рецензентъ признаетъ ихъ авторитетъ; но если они говорятъ за составителя Христоматіи, то ихъ авторитетъ на этотъ разъ уничтожается, а подъискиваются уже другіе.

Отрицая существованіе плана у составителя Христоматіи, рецензентъ никакъ не можетъ объяснить себѣ, почему одни письменные памятники приведены, а другіе нѣтъ. Какъ ни изощрялъ онъ свое остроуміе, направляя все противъ составителя Христоматіи, а въ результатѣ его соображеній ничего не вышло, потому что они шли противъ очевидной истины. Если составитель Христоматіи одни произведенія помѣщалъ, а другія опускалъ, если одни приводилъ въ полномъ видѣ, а другія въ сокращеніи,— то несомнѣнно, что онъ имѣлъ какой-то планъ. Планъ этотъ такъ простъ и очевиденъ, какъ тотъ ларчикъ, который вертѣлъ въ своихъ рукахъ »механики мудрецъ«; стоило безъ предубѣжденія отнестись къ дѣлу, и оно само собою разъяснилось-бы. Но не того, какъ видно, хотѣлъ рецензентъ... Иногда онъ бываетъ точенъ и требователенъ, въ отношеніи къ другому, до щепетильности; а иногда, въ отношеніи къ себѣ, положительно не разборчивъ. Такъ напр. онъ указываетъ составителю Христоматіи, что для

Оригена можно было бы взять отрывки (вмѣсто цѣлыхъ проповѣдей, которыхъ требовалъ прежде) у Фреппеля, посвятившаго *цѣлый томъ* своихъ сорбоннскихъ чтеній знаменитому писателю церкви, хотя всѣмъ извѣстно, что Фреппель посвятилъ Оригену *не одинъ томъ, а цѣлыхъ два*. Или: слова бл. Августина: »пусть лучше укоряютъ насъ стилисты и риторы, чѣмъ не понимаетъ народъ« — приписалъ бл. Іерониму, да еще съ аплобомъ: »таковъ принципъ святоотеческой проповѣди (вмѣсто того, чтобы сказать, что это взглядъ одного Августина), выраженный устами блаж. Іеронима«.

Иногда рецензентъ высказываетъ свое порицаніе составителю Христоматіи во имя общихъ принциповъ, основныхъ требованій науки, а иногда во имя своего личнаго взгляда и даже впечатлѣнія,—и опять таки несправедливо. »Что намъ всего болѣе *не нравится*, замѣчаетъ рецензентъ, въ Христоматіи П.—(признаться онъ не имѣлъ въ виду этого при составленіи своей книги) это то, что одни же отрывки приведены и изъ такихъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ, какъ св. Аѳанасій, Василій В., св. Григорій Нисскій«. На это замѣтимъ рецензенту, что первый и третій не имѣютъ въ исторіи проповѣди, въ развитіи ея формъ и содержанія, такого значенія, какъ второй, а первому не даютъ виднаго мѣста въ исторіи проповѣдничества еще и потому, что не находятъ у него твореній гомилетическаго характера, сомнѣваясь въ подлинности изданныхъ съ его именемъ бесѣдъ. Затѣмъ рецензентъ восхищается *своимъ* планомъ Христоматіи, вычитаннымъ изъ статей г. Бадковскаго (см. Правосл. Собесѣдн. 1872 и 73 годы Св. Василій вел. какъ проповѣдникъ). »Какъ бы хорошо сдѣлалъ авторъ, замѣчаетъ рецензентъ, *если* бы привелъ три цѣлыхъ проповѣди изъ Василія в. соотвѣтственно тремъ родамъ ея, которыхъ онъ, между другими,

служитъ лучшимъ представителемъ«. Зачѣмъ же вы, г. рецензентъ, не начали съ св. Аѳанасія и ничего не сказали о св. Григоріи Нисскомъ? Видно и для васъ трудно опредѣлить, какія изъ ихъ проповѣдей наиболѣе характерныя и какихъ родовъ проповѣди, между другими, они были представителями.—»Изъ Златоуста, продолжаетъ рецензентъ, опять слѣдовало бы привести три цѣлыхъ проповѣди: одну изъ бесѣдъ на цѣлыя книги св. писанія (гомилія строго-экзегетическая), одну изъ бесѣдъ на отдѣльныя мѣста писанія (гдѣ къ экзегезису текста присоединяется нравоученіе, какъ новая составная часть) и одну (а пожалуй больше) изъ бесѣдъ на разные случаи (съ зачатками тематизма и съ преобладаніемъ нравообличенія предъ другими элементами проповѣди«). Въ поясненіе нашему рецензенту замѣтимъ, что мы составляли Христоматію не для гомилетики, не для указанія только формъ— бесѣды экзегетической, съ нравоученіемъ и нравообличеніемъ (это можно найти и у другихъ проповѣдниковъ); нѣтъ, мы въ Златоустомъ искали болѣе всего руководства, какъ вести дѣло проповѣди, чтобы оно шло успѣшно. Мы привели изъ него два цѣлыхъ слова и шесть отрывковъ, которыя вмѣстѣ заняли сорокъ восемь съ половиною страницъ и имѣютъ весьма важное значеніе для нашей цѣли.

Въ заключеніе своего разбора »Святоотеческой Христоматіи« рецензентъ говоритъ, что »если составителю Христоматіи угодно держаться своего, по нашему мнѣнію, неправильнаго понятія объ исторіи проповѣдничества, если ему угодно было не дать себѣ труда справиться, какъ составляются гомилетическія Христоматіи, ему можно и должно было знать какъ составляются Христоматіи вообще, такъ какъ Христоматій, напр. по русскому языку, у насъ не мало. Въ нихъ онъ увидѣлъ бы, что за каждою пьесою

(т. е. отрывкомъ?) обыкновенно слѣдуетъ рядъ темъ или вопросовъ, служащихъ руководствомъ при ихъ разборѣ въ предклассныхъ работахъ учениковъ (иногда эти *вопросы* помѣщаются въ особыхъ приложеніяхъ въ концѣ книги,— въ третьей части первыхъ изданій Русской Христоматіи г. Галахова г. П—кій могъ найти цѣлые разборы образцовыхъ русскихъ процовѣдей, а въ Христоматіи Филонова и *проповѣди святоотеческія съ вопросами для ихъ разбора);* предъ каждымъ авторомъ или цѣлымъ отдѣломъ статей извѣстнаго рода—обыкновенно печатается перечень сочиненій и статей историческихъ и теоретическихъ, которыя могли бы быть также предметомъ ученическихъ работъ внѣклассныхъ и предкласныхъ. Подобные списки темъ и вопросовъ и библіографическія указанія были бы не лишнія и въ изданіи г. П—скаго. Тогда она была бы если не исторической Христоматіей, то покрайней мѣрѣ дѣйствительнымъ учебнымъ пособіемъ при изученіи гомилетики семинаристами«.

Въ отвѣтъ на этотъ совѣтъ, *исполненный, по обычаю,* наглой лжи, считаемъ долгомъ замѣтить рецензенту слѣдующее: и Христоматія Галахова и Христоматія Филонова и всѣ другія русскія Христоматіи, о существованіи которыхъ слышалъ когда-либо нашъ рецензентъ, а не разсматривалъ ихъ (въ чемъ можно убѣдиться изъ его собственныхъ словъ), были приняты во вниманіе составителемъ Христоматіи Святоотеческой, но не могли послужить образцомъ для него по тѣмъ простымъ соображеніямъ, что означенныя русскія Христоматіи составлялись для учениковъ гимназіи низшихъ классовъ, соотвѣтствующихъ нашему первому и второму, тогда какъ наша составлялась для учениковъ пятаго и шестаго классовъ семинаріи. Къ тому же въ Христоматіяхъ Галахова и Филонова какъ разъ нѣтъ того, что находитъ въ нихъ г. рецензентъ нашъ. Такъ

напр., въ Христоматіи перваго, собственно не въ Христоматіи, а въ *примѣчаніяхъ* къ ней, *нѣтъ никакихъ вопросовъ*, а вмѣсто *цѣлыхъ разборовъ* образцовыхъ русскихъ проповѣдей есть краткій риторическій разборъ, съ указаніемъ частей ихъ—приступа, предложенія, изложенія и заключенія, только нѣкоторыхъ ораторовъ духовныхъ и притомъ однихъ русскихъ, а въ послѣднихъ изданіяхъ и двухъ святоотеческихъ, но безъ всякихъ разборовъ и вопросовъ. Что касается Христоматіи Филонова, то хотя въ ней есть и проповѣди святоотеческія, большею частію въ отрывкахъ, но *нѣтъ рѣшительно никакихъ вопросовъ для ихъ разбора*, что такъ смѣло, вопреки совѣсти и очевиднымъ фактамъ, утверждаетъ г. Н. И. Барсовъ. Мы думаемъ, на основаніи, конечно, опытовъ, что ученикъ семинаріи, по окончаніи четырехъ классовъ, не затруднится въ указаніи частей проповѣди, и потому нѣтъ никакого основанія указывать эти части въ Христоматіи для учениковъ пятаго класса, которые съ успѣхомъ слушаютъ курсы наукъ въ университетахъ.

Остается, такимъ образомъ, одно пока замѣчаніе рецензента составителю Христоматіи заслуживающимъ вниманія: почему онъ не указалъ историческихъ и теоретическихъ статей и сочиненій, которыя *обыкновенно печатаются* предъ каждымъ авторомъ или цѣлымъ отдѣломъ статей извѣстнаго рода, и которыя *были-бы не лишни* въ Святоотеческой Христоматіи? Къ сожалѣнію, при составленіи Святоотеческой Христоматіи невозможно было сдѣлать того и такъ, что и какъ *обыкновенно печатается*, какъ знаетъ Н. И. Барсовъ, въ другихъ Христоматіяхъ. Исторія проповѣдничества въ нашей литературѣ нисколько не разработана: ни историческихъ, ни теоретическихъ статей и сочиненій у насъ почти нѣтъ, слѣдовательно—нечего было и указывать. Тѣ-же немногія статьи, которыя

напечатаны въ духовныхъ журналахъ о нѣкоторыхъ св. отцахъ извѣстны на перечетъ всякому преподавателю исторіи проповѣдничества и указанія не требуютъ, потому что еслибы не онѣ, то преподавателю пришлось бы благоразумно проходить молчаніемъ такихъ проповѣдниковъ, о которыхъ нигдѣ ни слова не говорится. Для учениковъ же это указаніе можетъ быть сдѣлано каждымъ преподавателемъ, если онъ сочтетъ это почему либо нужнымъ. Семинарскія библіотеки такъ богаты книгами и журналами, что если есть одинъ экземпляръ нужной книги, то и слава Богу. Такія книги большею частію на рукахъ у преподавателей и къ ученикамъ не поступаютъ. Да и неудобно имъ читать какія нибудь длинныя статьи, чтобы извлечь изъ нихъ гораздо меньше того, что они услышатъ въ классѣ отъ преподавателя въ болѣе доступной формѣ и, пожалуй, и полнѣе.

Такимъ образомъ и послѣднее замѣчаніе рецензента составителю Святоотеческой Христоматіи падаетъ само собою, какъ и всѣ другія, которыя представляютъ собою или придирку къ слову, или же наглую ложь, или же не досмотръ и не обдуманность рецензента, или же издѣвательство. Мы не знаемъ мотивовъ, которыми опредѣлялось направленіе рецензіи на нашу книгу; но мы никогда не могли предположить, чтобы такой рецензентъ, какъ Н. И. Барсовъ, професоръ духовной академіи, унизилъ себя до такой степени наглою и злонамѣренною ложью не только на книгу, но и на составителя ея. Впрочемъ этотъ поступокъ нашего рецензента насъ ни сколько не смущаетъ, потому что преувеличіе въ ту или другую сторону его всегдашнее достояніе; но мы надѣемся, что на слѣдующую нашу Христоматію для изученія исторіи русскаго проповѣдничества, которая готовится къ печати, онъ не накинется такъ храбро, какъ на первую. Мы

вѣримъ въ силу пословицы, что »наука въ лѣсъ не пойдетъ«: послѣ разоблаченія его рецензіи онъ будетъ честнѣе и добросовѣстнѣе въ другой разъ.

Свящ. *М. Поторжинскій.*

Изъ бесѣды съ безпоповцами, о необходимости ко спасенію священства и св. причащенія и о непрерывности ихъ до самаго втораго пришествія Христова.

Миссіонеръ. Можно-ли спасти свою душу безъ священства и св. причащенія,—этихъ благодатныхъ средствъ ко спасенію? Въ *Великомъ катихизисѣ*, на листѣ 357, сказано: »потребовати священства всякъ долженъ есть, безъ него бо спастися не можетъ«.—*Св. Златоустъ*, въ 3 словѣ о священствѣ, учитъ: »како бо кто можетъ безъ нихъ (священниковъ) или огня геенскаго избѣжати, или положенвыхъ на небесѣхъ вѣнцевъ получити«.—»Безъ нихъ (архіереевъ, іереевъ и діаконовъ), по ученію *св. Игнатія Богоносца*, даже »церковь не именуется, нѣсть избранна, нѣсть собраніе святое, нѣсть сонмъ преподобныхъ« (посланіе 3 къ Тралліан.). О крайней необходимости для вѣчнаго спасенія св. причащенія *самъ Спаситель* сказалъ въ евангеліи (23 зачал.): *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ.* Книга *о вѣрѣ*, на листѣ 248, утверждаетъ: »безъ причастія тоя истинныя святыни спастися невозможно«.

Безпоповецъ.—Всѣ эти свидѣтельства вѣрны, но онѣ относятся не къ нынѣшнему времени, а ко временамъ, бывшимъ до Никона, вашего патріарха; съ Никона царствуетъ въ мірѣ антихристъ, который и священство истинное и причащеніе тѣла и крови Христовой истребилъ.

Миссіонеръ. Какъ же вы нынѣ, *въ антихристово время,* думаете спасти свою душу?

Безпоповецъ. Уповаемъ спастись правою вѣрою, молитвою и благими дѣлами.

Миссіонеръ. *Св. Златоустъ* и *Кириллова книга* ясно свидѣтельствуютъ, что безъ св. причащенія, а слѣдовательно и безъ совершителей его, архіереевъ и іереевъ, ни коимъ образомъ, никакими жертвами нельзя спасти свою душу.—*Св. Златоустъ,* въ недѣлю V в. п. на листѣ 134, учитъ: »аще кто и чистъ, живя и въ покаяніи, а не пріемлетъ таинъ Христовыхъ, спастися не можетъ«.—*Книга Кириллова*: »ни коимъ образомъ тѣхъ словесъ можетъ разумѣти,—ни о которой иной жертвѣ, кромѣ тоя, иже отъ вознесенія Господня на небеса и до нынѣ въ церкви христіанстѣй во всякомъ мѣстѣ приносится чистая жертва тѣла и крови Агнца Божія« (лист. 102, Псковъ).

Безпоповецъ.—Но *Кириллова* же, на листѣ 32, знам. 6, свидѣтельствуетъ, »яко антихристъ прежде пришествія своего учинитъ, яже вездѣ жертвенники и истинную жертву истребитъ,—будетъ въ запустѣніи нынѣшняя святая жертва«. Антихристъ же, по свидѣтельству *книги о вѣрѣ* (гл. 30, лист. 270), явился съ 1666 года, и истребилъ священство и св. жертву: чѣмъ же нынѣ намъ спасаться, кромѣ вѣры, молитвы и добродѣтели.

Миссіонеръ. Списатель Кирилловой книги слова оныя взялъ у св. Златоуста изъ Толковаго Апостола, гдѣ хоть говорится, что »будетъ спустошѣна сія святая жертва«, только не *предъ пришествіемъ антихриста, а предъ пришествіемъ Христа* (зачало 108, лист. 549, 550); однако эти слова не подтверждаютъ вашего мнѣнія,—будто въ *антихристово время вездѣ окончательно* прекратится совершеніе священниками св. причащенія,—нѣтъ,

св. Златоустъ, вслѣдъ за тѣми же словами въ Толковомъ Апостолѣ, свидѣтельствуетъ, что св. причащеніе будетъ совершаться *не до явленія антихриста, а до явленія Христа на судъ*: »не хлѣбъ и вино въ жертву Богу Отцу принесе, но тѣло и кровь Свою,—а яже Самъ Господь содѣла, сіе и ученикомъ своимъ, и *по нихъ сущимъ, яже до пришествія Своего творити повелѣ*« (зачало 108, лист. 544). Но особенно ясно св. Златоустъ тоже подтверждаетъ въ толков. на 149 зачало 1 посл. къ Коринѳ., лист. 536: »сіе бо знаменаетъ глаголя, елижды бо аще ясте, смерть Господню возвѣщаете, *а яко даже до втораго Его пришествія пребудетъ*, наведе, *дондеже пріидетъ*«. Такъ какъ антихристъ явится *раньше* пришествія Христова на судъ, а священники, по свидѣтельству Златоуста, до самаго пришествія Христова будутъ совершать тѣло и кровь Христову; то, значитъ, и *во время антихристово*, они но перестанутъ совершать это великое таинство.

Безпоповецъ. Да какъ же не перестанутъ, когда св. *Ефремъ* и св. *Ипполитъ*, подобно *Кирилловой* книгѣ, ясно говорятъ, что тогда не будетъ ничего этого, все кончится; именно—*св. Ефремъ* говоритъ: »восплачутъ тогда церкви Христовы вся плачемъ великимъ, зане не будетъ службы святыя въ олтарѣхъ, ни приношенія« (слово 105, лист. 304); *св. Ипполитъ*: »восплачутжеся и церкви Божія плачемъ великимъ, зане ни приношенія, ниже кадило совершается, ниже служба Богоугодная; священныя бо церкви яко овощное хранилище будутъ, и честное тѣло и кровь Христова во днѣхъ онѣхъ не имать явитися; служба угаснетъ, чтеніе писаній не услышится« (слово 3, недѣля мясоп. лист. 133 на обор.). Какого еще яснѣй свидѣтельства о прекращеніи антихристомъ не только св. причащенія, но и всякой службы, совершаемой священниками?

Миссіонеръ. Но прочти и другое свидѣтельство у св. Ефрема о томъ же предметѣ, въ 107 словѣ на листѣ 320,—»рече Богъ, се есть плоть Моя, и се есть кровь Моя, и се творите на Мою память, *да всемощнымъ Его повелѣніемъ бываетъ, дондеже пріидетъ*, тако бо и глагола, *дондеже пріиду*«. Смотри же: прежде—въ 105 словѣ св. отецъ сказалъ, что приношенія св. жертвы въ антихристово время совершаться не будетъ; а здѣсь—въ 107 словѣ говоритъ уже, что будетъ совершаться и въ антихристово время до самаго втораго пришествія Христова. Прочитай и у св. Ипполита,—сказавши: »*чтеніе писаній* въ антихристово время *не услышится*,« онъ тутъ же говоритъ, что и въ антихристово время бу́дутъ слушать и на рукахъ своихъ держать св. писаніе: »мнози,—слышащіи Божественная писанія, и въ рукахъ тая имущіи, прелести его (антихриста) убѣгнутъ«. И все это у св. отцевъ—не противорѣчіе, а указаніе на одинъ и тотъ же предметъ въ *разныхъ мѣстностяхъ*. Когда св. Ефремъ говоритъ, что *не будетъ службы св. въ олтаряхъ, ни приношенія*, тогда онъ указываетъ на то, что антихристъ *въ храмахъ по всѣмъ мѣстахъ*, куда только проникнетъ его власть, прекратитъ св. причащеніе; а когда говоритъ, что св. причащеніе совершаться будетъ до самаго втораго пришествія Христова, тогда указываетъ совершеніе св. причащенія *въ пустынныхъ мѣстахъ, въ горахъ и вертепахъ*, куда *мнози святіи,—услышавши пришествіе сквернаго,—побѣгнутъ со тщаніемъ великимъ,—со слезами молящеся день и нощь* (слово 105, лист. 304), и куда не проникнетъ лютое гоненіе антихриста. Такъ и св. Ипполитъ прежде указываетъ *прекращеніе* слушанія и чтенія *св. писанія* въ подвластныхъ антихристу *храмахъ* христіанскихъ; а затѣмъ указываетъ на слушаніе и чтеніе св. писанія *въ горахъ и въ вертепахъ*, куда *мнози*—

скрыются и избѣгнутъ отъ руки его (антихриста), и куда, значитъ, власть антихриста не проникнетъ.

Безпоповецъ. Однако св. отцы только говорятъ, что многіе святые скроются въ пустыни отъ власти антихриста, но того не говорятъ, что для нихъ здѣсь будутъ совершаться службы и св. причастіе; а вы сами то́ выводите, что будто и въ пустыняхъ, въ горахъ и вертепахъ для вѣрныхъ *будутъ служиться обѣдни.*

Миссіонеръ. Да и вы тоже самое изъ свидѣтельствъ св. отцевъ выведете, если только безпристрастно вникнете въ ихъ слова. Поймите же.—Св. Златоустъ въ 108 началѣ Толков. Апост. на листѣ 549, какъ мы уже говорили, свидѣтельствуетъ, что антихристъ явится предъ пришествіемъ Господнимъ: »будетъ спустошѣна сія св. жертва,—еже содѣлаетъ антихристъ *предъ пришествіемъ Господнимъ*«; и въ *книгѣ о вѣрѣ единой* (стр. 178) тоже говоритъ: »да пріидетъ вскорѣ страшное и великое пришествіе Христово,—*предй же его* пріидетъ сопротивникъ ему (антихристъ)«.—Св. Ефремъ свидѣтельствуетъ, какъ мы тоже сказали, что св. причащеніе будетъ совершаться до самаго втораго пришествія Господня: *да всемощнымъ Его повелѣніемъ бываетъ дондеже пріидетъ*; а св. Златоустъ и В. катихизисъ еще яснѣе говорятъ о томъ. —Св. Златоустъ учитъ въ словѣ на Великій четвертокъ (листъ 559 въ Соборникѣ): »И сей гласъ (*сіе есть тѣло Мое и сія есть кровь Моя, сіе творите въ Мое воспоминаніе*) единою рече, но *выну* трапезу въ церквахъ отъ того *дне* и *до пришествія Ему* жертву совершенну творитъ«. И В катихизисъ учитъ: »еже на всѣхъ престолѣхъ олтаревыхъ даже до сего дне, и *до пришествія Его, подаетъ силу жертвѣ*« (лист. 384). Изъ всего этого не очевидно-ли, что св причастіе должно совершаться и въ *самое антихристово время*, и совершаться въ

сокровенныхъ отъ антихриста мѣстахъ,—именно въ горахъ и вертепахъ, куда скроются многіе вѣрные. Теперь: если должно совершаться, то кѣмъ?—Очевидно, что *архіереями и священниками*, потому что мірянамъ, какъ сами знаете, это не подобаетъ: архіереи и священники, вмѣстѣ *со многими святыми*, скроются въ пустыни и здѣсь совершать будутъ всѣ христіанскія службы и особенно св. причащеніе для вѣрныхъ. А что и *священныя лица* скроются въ горы и вертепы отъ лютости антихриста, о томъ *св. Андрей Кесарійскій* ясно говоритъ въ Толкованіи на *Апокалипсисъ* (лист. 119, гл. XII, ст. 16, и листъ 126): »егда (будетъ) дѣйствуяй во антихристѣ діаволъ, имъ же на церковь ополчитъ,—(тогда) *избранніи* сея (церкви) и верховнѣйшіи побѣгнутъ въ пустыни.—Изящные и *избранные* церковные учители глаголетъ«.—Какъ въ первыя христіанскія времена св. причастіе совершалось въ сокровенныхъ мѣстахъ отъ гонителей, куда убѣгали христіане съ своимъ духовенствомъ: тако будетъ и въ гоненіе антихристово, на что *книга вѣры*, на листѣ 185, указываетъ. Слѣдовательно, хотя бы теперь было, *по вашему*, и антихристово время, но св. причащеніе непремѣнно должно совершаться архіереями и священниками. Но у васъ нѣтъ ни священства, ни св. причащенія, то подумайте, можете-ли вы спасти свою душу безъ нихъ? Да и о томъ хорошенько разсудите, не ошибаетесь-ли вы, признавая, будто антихристъ уже пришелъ, и съ 1666 г. царствуетъ въ мірѣ?

Безпоповецъ.—А *книга о вѣрѣ* говоритъ: »по исполненіи лѣтъ числа, *тысячи шести сотъ тестидесяти шести*, не непотребно и намъ отъ сихъ винъ опасеніе имѣти,—яко настоитъ день Христовъ,—аще кто достигнетъ тѣхъ временъ, на брань съ самимъ діаволомъ« (гл. 30, л. 270). Не указывается-ли здѣсь на самый годъ явленія въ міръ антихриста?

Миссіонеръ.—Нѣтъ, не указывается, а говорится только въ предостереженіе: »*кто вѣсть*, аще въ сихъ лѣтѣхъ, 1666-хъ, явственныхъ предотечь его, если того самого не укажетъ«;—и говорится *гадательно*, *предположительно* и даже съ *сомнѣніемъ*: »*кто вѣсть*«; и дальше: »*но ниже убо да смущаются о семъ сердца благочестивыхъ,—яко вскорѣ быти ему*«.—Притомъ, и обстоятельства *нынѣ* не тѣ, какія указываются во *времена антихристовы*.—Наприм. въ *антихристово время* священство будетъ совершать Богослуженіе, какъ мы сейчасъ видѣли, въ *сокровенныхъ мѣстахъ* (св. Ефр. слова 105 и 107); а *нынѣ* оно совершаетъ Божественныя службы *открыто*, въ городскихъ и сельскихъ храмахъ.—Въ *антихристово время* поставится *образъ антихриста на мѣстѣ святомъ* въ храмахъ (Толк. Апост. 108 зач. л. 549.); а *нынѣ* въ христіанскихъ храмахъ *образъ Христа Спасителя*. Въ *то время* будетъ *поклоненіе антихристу*, *какъ Богу* (св. Ефр. слово 105, л. 303 на оборотѣ); а *нынѣ* поклоненіе *Самому Богочеловѣку*, *Іисусу Христу*. Въ *то время* будетъ страшное гоненіе на христіанъ; а *нынѣ* этого не видно. Въ *то время* отъ лютости антихриста люди станутъ *бросать золото и серебро*, будутъ *умирать на улицахъ* и станутъ *скрываться въ горахъ и вертепахъ* (св. Ипполита слово 3, нед. мясоп. л. 134; св. Ефр. слово 105, л. 302, 304); а *нынѣ* ничего этого нѣтъ. Такимъ образомъ сами вы можете видѣть, что нынѣшнее время не подходитъ подъ лютое и страшное время антихриста. *Се нынѣ время благопріятное*, *се нынѣ день спасенія въ православной церкви*, сіяющей правою вѣрою, полнотою священства и спасительностію таинствъ; а вы, безпоповцы, *смѣжили очи*, и не хочете того видѣть.

Прот. *Андрей Флегматовъ.*

Посада Дубовки, Сарат. еп.

Замѣтка отъ редакціи »Руководства для сельскихъ пастырей«.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей« будетъ издаваться въ 1879 году по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ уже и было объявлено. Поставивъ своею задачею, между прочимъ, способствовать приходскимъ пастырямъ церкви въ ихъ многотрудной обязанности учителей народныхъ, этотъ журналъ останется вѣрнымъ своей задачѣ и въ будущемъ году. Въ составъ »Руководства для сельскихъ пастырей« по прежнему будутъ входить, между прочимъ, и поученія къ простому народу съ тѣмъ только различіемъ, что такія поученія будутъ помѣщаемы не въ началѣ №№ журнала, а въ концѣ— и при томъ въ видѣ особаго приложенія и съ отдѣльною нумераціей страницъ. Такую перемѣну редакція вынуждена допустить по слѣдующимъ причинамъ и соображеніямъ:

Очень часто сельскіе пастыри обращаются къ намъ съ просьбою отпечатать ихъ поученія въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«; такъ какъ присылаемыхъ къ намъ поученій оказывается довольно значительное количество, то по необходимости приходится дѣлать выборъ между ними и только нѣкоторыя изъ нихъ помѣщать на страницахъ своего изданія. Такимъ образомъ не рѣдко и дѣльныя поученія изъ присылаемыхъ къ намъ остаются не напечатанными, и желанія пастырей—сотрудниковъ бываютъ не удовлетворены: не можетъ же въ самомъ дѣлѣ редакція »Руководства для сельскихъ пастырей« оставить безъ вниманія другихъ задачъ своего изданія и цѣлые №№ своего журнала наполнять поученіями. Чтобы имѣть возможность печатать въ большемъ количествѣ поученія присылаемыя къ намъ и выдающіяся въ какомъ либо отношеніи, редакція »Руководства для сельскихъ пастырей«

и рѣшается съ будущаго года помѣщать ихъ въ видѣ особаго приложенія къ №№ своего журнала.

Когда Редакція »Руководства для сельскихъ пастырей« рѣшается отвести особое мѣсто для поученій,—печатать ихъ въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ №№ своего журнала, то имѣетъ въ виду не только интересы своихъ сотрудниковъ пастырей,—не то только, чтобы ихъ авторскій трудъ не оставался напраснымъ, но и интересы своихъ читателей. Въ настоящее время, съ развитіемъ проповѣднической дѣятельности, печатаніе въ значительномъ количествѣ проповѣдей, выдающихся въ какомъ-либо отношеніи, не можетъ быть безполезнымъ для сельскихъ пастырей, призываемыхъ къ усиленному выполненію долга учительства, лежащаго на нихъ; а печатаніе такихъ проповѣдей въ видѣ отдѣльнаго приложенія, дастъ пастырямъ сельскимъ восможность собрать ихъ въ одну книгу, составить сборникъ поученій, и такимъ образомъ съ большимъ удобствомъ располагать по своему усмотрѣнію всѣми поученіями, помѣщенными въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« за тотъ или другой годъ.

Само собою разумѣется, что особыя приложенія къ №№ »Руководства для сельскихъ пастырей« будетъ выходить по мѣрѣ накопленія проповѣдническаго матеріала. Во всякомъ случаѣ мы позволяемъ выразить увѣренность въ томъ, что наши сотрудники—пастыри не съ меньшимъ, если не съ большимъ усердіемъ будутъ дѣлиться съ нами и собратьями по служенію ихъ своими проповѣдническими опытами, и что такимъ образомъ едва-ли будетъ чувствоваться по временамъ недостатокъ въ матеріалѣ для предположенныхъ приложеній къ »Руководству для сельскихъ пастырей«.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 19 ноября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 49. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Декабря 3-го.

Содержаніе: Слово въ день Святителя и Чудотворца Николая.—Слово въ день Святителя и Чудотворца Николая.—О книгахъ, вновь изданныхъ въ руководство пастырямъ церкви.—Изъ дорожнаго дневника.—Законъ о трехдневномъ срокѣ для погребенія и вопросъ объ усыпальницахъ.—Народные религіозные обычаи и обряды южныхъ славянъ.—Изъ Палестинскихъ впечатлѣній: Галилея.—Въ Великій Пятокъ.—Объявленія.

СЛОВО

въ день Святителя и Чудотворца Николая.

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы... и овцы гласъ его слышатъ и по немъ идутъ (Іоан. X, 11,—3 и 4).

Празднуя нынѣ въ честь великаго изъ пастырей Святителя Николая, мы рѣшились, бл. сл., предложить вниманію вашему слова нынѣ чтеннаго евангелія: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы... и овцы гласъ его слышатъ и по немъ идутъ*. Въ этихъ словахъ ясно усматриваются отношенія какъ пастыря къ своимъ пасомымъ, такъ и пасомыхъ къ своему пастырю. Знать эти отношенія въ надлежащемъ видѣ для васъ, бл. сл., необходимо какъ для собственнаго блага, такъ и для блага всего нашего отечества. Отъ надлежащаго отношенія вашего

къ своему пастырю можетъ зависѣть, не говоря о загробной участи, даже самое земное ваше благополучіе,—а благополучіе частныхъ семействъ, живущихъ по вѣрѣ христіанской, составляетъ крѣпкую основу благоустройства цѣлаго государства.

Итакъ,—что же значатъ слова: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы?* Онѣ значатъ, что всякій добрый пастырь, пріявшій отъ Господа на свое попеченіе нѣсколько душъ христіанскихъ, долженъ всѣми мѣрами стараться привести ихъ къ самому Пастыреначальнику Господу Іисусу Христу. Въ противномъ случаѣ безпечныхъ пастырей ждетъ страшная кара Божія: *се Азъ на пастыри*, говоритъ пастырямъ Господь Вседержитель, *взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ и прекращу ихъ... кровь беззаконника отъ руки вашея взыщу* (Іез. 34, 10. 3, 18. 33, 8. Іер. 23, 1. Зах. 13, 8). Какая, подумаешь, страшная отвѣтственность пастырей?!—Какъ же въ этомъ случаѣ должны поступать пастыри? Для спасенія своихъ овецъ они должны учить ихъ непрестанно, освящать ихъ святыми таинствами и, для большаго успѣха къ этомъ, сами жить свято и богоугодно.

1) Пастыри должны учить своихъ пасомыхъ не престанно, благовременно и безвременно (2 Тим. 4, 2) и съ церковной каѳедры, и въ домашнемъ быту. Эта власть дана имъ самимъ Господомъ въ лицѣ апостоловъ, когда Онъ говорилъ имъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари... шедше научите вся языки...* (Мар. 16, 15. Мѳ. 28, 19). Добрые овцы, слыша гласъ своего пастыря, не только принимаютъ его къ сердцу, но и стараются осуществить его на дѣлѣ: *и овцы гласъ его слышатъ и по немъ идутъ...* Но между нами, бл. сл., къ сожалѣнію, не всѣ оказываются такими благоразумными овцами.—Нерѣдко случается видѣть между одними

изъ насъ безпечность и холодность при слушаніи пастырскихъ наставленій, а между другими—высокоумную самомнительность, доводящую таковыхъ до рѣшимости обсуживать иногда пристрастно способъ ученія пастырскаго и при этомъ необузданностію своего языка вредить себѣ и другимъ. Какъ бы глубока ни была наша земная ученость, какъ бы ни было велико и разнообразно наше знаніе, но для спасенія крайне намъ потребно озареніе ума свѣтомъ Божественнаго ученія, предлагаемаго преимущественно во святыхъ храмахъ. Прекрасный въ этомъ случаѣ даетъ намъ совѣтъ св. ап. Павелъ, когда говоритъ: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 6, 20). А чтобы вполнѣ умѣть различать доброе отъ худаго, всего естественнѣе намъ обращаться именно къ духовнымъ своимъ пастырямъ и всегда держаться совѣта и руководства ихъ; потому что безъ пастырскаго руководства намъ легко можно увлечься ученіемъ отъ *духа лестча* (1 Іоан. 4, 1 и 2) и при этомъ незамѣтно отстать отъ святой церкви и впасть въ пагубное для насъ вольномысліе, доводящее даже до богоотступничества. Такъ—нѣкогда сказалъ небесный нашъ Учитель, въ лицѣ Апостоловъ, всѣмъ пастырямъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя* (Лук. 10, 16). Послѣ всего сказаннаго нами теперь, остается намъ, бл. сл., всегда смотрѣть на своихъ пастырей именно какъ на главныхъ своихъ наставниковъ и руководителей въ дѣлѣ вѣры и, какъ добрымъ дѣтямъ, слѣдуетъ обращаться къ нимъ за нужными совѣтами съ полною откровенностію и довѣріемъ.

2) Другое дѣло пастырей: подавать своимъ пасомымъ духовную помощь чрезъ святыя таинства, совершать которыя дана имъ власть отъ Самого Господа. Чрезъ св. таинства душа христіанская очищается, укрѣпляется въ

сілахъ, освящается и дѣлается достойною наслѣдницей *живота вѣчнаго* (Іоан. 6, 54). И дѣйствительно, живя на землѣ, намъ приводится постоянно бороться съ плотію, міромъ и діаволомъ; укрѣпить же и защитить насъ въ этой борьбѣ можетъ только благодать св. Духа, изливаемая на насъ чрезъ посредство духовныхъ пастырей во св. таинствахъ. Возмемъ примѣръ: раждается у насъ младенецъ, духовный пастырь усыновляетъ его Самому Христу чрезъ таинства крещенія и мѵропомазанія; когда возрастемъ, надъ нами начинаетъ господствовать грѣхъ, и мы, чувствуя душевное томленіе, сознавая за собой всю тяжесть тайныхъ своихъ злодѣяній, обращаемся опять къ своему пастырю, и онъ врачуетъ эти наши душевныя язвы; случается въ сей жизни имѣть намъ радость, онъ и тутъ участвуетъ съ нами въ благодареніи и славословіи Господа;—прилучается съ нами горе, бѣда или болѣзнь, онъ опять является къ намъ съ помощію и утѣшеніемъ; наконецъ, когда приходитъ конецъ жизни онъ напутствуетъ умирающаго въ загробную жизнь и не престаетъ молиться о немъ. Такая безцѣнная, незамѣнимая и единственная въ душевныхъ нашихъ немощахъ—помощь пастырей не обязываетъ-ли насъ душевно ихъ почитать? Обратимъ при этомъ вниманіе еще на самую трудность исполненія оной.

Пастырю часто случается, при совершеніи своего служенія, имѣть много разныхъ столкновеній, препятствій, а нерѣдко и огорченій. Въ его паствѣ встрѣчается всякаго рода умы, нравы и настроенія, и, для успѣшнаго дѣйствія на каждаго, пастырю необходимо приспособляться къ каждому; для одного нужно употребить строгость, для другаго снисходительность; тамъ нужна ласка или просьба, а здѣсь упреки или угрозы. Успѣть во всѣмъ этомъ не есть-ли своего рода трудность? Самое

даже исправленіе пастыремъ своей должности не бываетъ ограничено временемъ, требуетъ иногда безотлагательнаго исполненія, хотя-бы это было въ полночь, въ даль, въ грязь, стужу, мятель и даже явно ко вреду своего здоровья, особливо въ прилипчивыхъ и заразительныхъ болѣзняхъ. Въ этомъ случаѣ такой пастырь не полагаетъ-ли душу свою за овцы своя? Но, быть можетъ, нѣкоторые скажутъ, что де пастырямъ или духовенству какъ и не трудиться, когда почти за всякую малую ихъ услугу платятся имъ деньги? Да, это правда! но замѣтьте, на это вызываетъ ихъ отнюдь не корыстолюбіе, а житейская потребность и вмѣстѣ долгъ справедливости. Всякому дѣлателю подобаетъ мзда, а тѣмъ болѣе такому, который только трудами и живетъ. И пастырямъ духовнымъ чѣмъ же иначе поддержать свой житейскій бытъ и не только свой, но и всего причта? Св. ап. Павелъ, въ одномъ изъ посланій своихъ, поэтому случаю разсуждаетъ такъ: *кто насаждаетъ виноградъ и отъ плода его не ястъ? или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ?... Не вѣсте ли, яко дѣлающіи священная, отъ святилища ядятъ, и служащіи олтарю со олтаремъ дѣлятся; тако и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе, отъ благовѣстія жити* (1 Кор. 9, 7 и 13). Да и всякій надлежащій трудъ духовенства, совершаемый для васъ, не приноситъ-ли вамъ душевной пользы и не содѣйствуетъ-ли самому спасенію вашему вѣчному? *Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли аще мы ваша тѣлесная пожнемъ* (тамъ же ст. 13). Итакъ, *братіе, молимъ васъ*, по слову того же Апостола, *знайте труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ и наказующихъ васъ и имѣйте ихъ по преизлиха въ любви за дѣло ихъ* (1 Сол. 5, 12).

3) Наконецъ, третье дѣло пастыря: вести жизнь не зазорную и богоугодную. И это опять для вашей-же пользы.

Часто случается, что на насъ дѣйствуетъ иногда чей нибудь добрый примѣръ, смотря на который мы спѣшимъ отстать отъ извѣстнаго порока. И въ этомъ отношеніи кто другой, какъ не пастырь, долженъ служить для своихъ пасомыхъ примѣромъ благочестія и добродѣтельной жизни? Этого требуетъ отъ пастырей самъ Господь, когда называетъ ихъ *свѣтомъ міра... солію земли... градомъ, стоящимъ верху горы* (Мѳ. 5, 13 и 14). Что-же особеннаго въ жизни требуется отъ пастыря? По словамъ ап. Павла: *пастырю подобаетъ быти непорочну, единыя жены мужу, трезвенну, цѣломудренну, благѣговѣйну, честну, учительну, кротку, своїй домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою* (1 Тим. 3, 2). Вотъ какова должна быть жизнь духовныхъ пастырей! И въ здѣшнемъ мѣстѣ, оставляя въ сторонѣ горькія для насъ и незаконныя охужденія и пересуды нѣкоторыхъ о своемъ духовенствѣ,—надобно по справедливости отдать должную честь вашимъ, бл. сл., пастырямъ, такъ какъ они въ своей жизни заботятся по силѣ своей осуществлять на дѣлѣ всѣ исчисленныя добрыя качества. Остается только вамъ самимъ стараться подражать своимъ духовнымъ отцамъ во всѣхъ, проявляемыхъ ими въ жизни, добрыхъ качествахъ. И тогда несомнѣнно у добраго пастыря будутъ и овцы добрые-же!

Бл. сл.! вы видѣли сейчасъ, что всѣ обязанности добрыхъ пастырей заключаются *въ спасеніи душъ своихъ пасомыхъ* (Евр. 13, 17), видѣли всю трудность исполненія ими своего служенія и всю строгую отвѣтственность ихъ предъ Богомъ за каждаго изъ васъ,—будьте-же сами въ отношеніи къ нимъ овцами добрыми, послушными гласу ихъ и благопокорливыми, особливо страшитесь *злословить*

и поносить своихъ пастырей (1 Тим. 5. 81), ибо они, *слуги Христовы и строители таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1); они отцы,—а вы ихъ дѣти; старайтесь любить ихъ всею душою и *уважать и почитать* ихъ всегда, по слову Божію, какъ истинныхъ *іереевъ Божіихъ* (Сир. 7, 31). Аминь.

Священникъ *Николай Кедровъ.*

Слобода Кукарка.

СЛОВО

въ день Святителя и Чудотворца Николая.

Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся (Матѳ. 5, 9).

Небесный Мздовоздаятель всегда соразмѣряетъ награду съ достоинствомъ нашихъ подвиговъ. Чѣмъ выше какой-либо подвигъ, тѣмъ большая и награда дается за него. Такъ, въ ряду другихъ добродѣтелей Господь отличаетъ подвигъ миротворства и миролюбія и обѣщаетъ за него особенную награду: *блажени миротворцы*, говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *яко тіи сынове Божіи нарекутся*. Если же миротворцы становятся сынами Божіими, то они наслѣдуютъ и царство небесное. Какъ на землѣ, по закону родства, наслѣдниками всего достоянія родительскаго бываютъ только дѣти, такъ и въ небесныхъ селеніяхъ, наслѣдниками всего уготованнаго Искупителемъ нашимъ будутъ тѣ, которые удостоиваются названія сыновъ Божіихъ.

Но что же это за дивная добродѣтель, усыновляющая насъ Богу? Чѣмъ такъ важно миротворство, что за него

обѣщается усыновленіе Отцу небесному и наслѣдіе будущаго вѣчнаго блаженства? Миротворецъ, т. е. тотъ, кто водворяетъ между людьми миръ и согласіе, въ своихъ дѣйствіяхъ подражаетъ Единородному Сыну Божію. Единородный Сынъ Божій, по безконечному милосердію Своему, призвалъ насъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ, примирилъ насъ съ правосудіемъ Божественнымъ и привлекъ къ намъ благоволеніе Отца Небеснаго. И миротворецъ своимъ кроткимъ посредничествомъ поселяетъ миръ и любовь между своими ближними. Враждующіе противъ ближняго своего суть преступники правды Божіей, которая повелѣваетъ намъ любить ближняго своего, какъ самихъ себя; они лишаются благодати искупленія, или, какъ говоритъ апостолъ Іоаннъ: *ненавидяй брата своего во тмѣ есть и во тмѣ ходитъ, и не вѣсть камо идетъ, яко тма ослѣпи ему очи*; враждующіе, по ученію евангельскому, не имѣютъ даже права молиться Богу и просить Его объ отпущеніи грѣховъ своихъ. Но миротворецъ водворяетъ любовь, миръ и согласіе между враждующими и такимъ образомъ оказываетъ для нихъ неоцѣненную услугу. Тѣ, которые прежде враждовали другъ противъ друга и лишены были благодати искупленія, теперь, благодаря миротворцу, помирившись между собою, могутъ привлечь къ себѣ благоволеніе Божіе, *пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ*,—говоритъ евангелистъ Іоаннъ (Іоан. IV гл. 16 ст.). Тѣ, которые прежде гнѣвались другъ на друга и не имѣли права возносить своихъ молитвъ къ Богу, теперь, помирившись между собою при посредствѣ миротворца, снова получаютъ это священное право; прежде они не могли надѣяться получить отъ Бога прощеніе грѣховъ за вражду свою съ ближнимъ, теперь вновь получаютъ эту надежду. Какъ

послѣ этого не сказать, что миротворецъ совершаетъ благотворное дѣло для своего ближняго? Какая же, поэтому, должна быть достойная награда этому благодѣтельному человѣку—какъ не благодатное усыновленіе Отцу Небесному и вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдіе жизни вѣчной, блаженной?

Но гдѣ эти благостныя души, украшенныя добродѣтелями миролюбія и миротворства? Гдѣ эти ангелы мира—благодѣтели человѣчества, которымъ бы мы, не обинуясь, могли усвоить высокую почесть сыновъ Божіихъ? Къ прискорбію должно сказать, что едва-ли мы найдемъ ихъ въ средѣ своей. Извращенное чувство чести заставляетъ насъ большею частію дѣйствовать *око за око, зубъ за зубъ, язву за язву, вредъ за вредъ* (2 Моѵ XXI, 24 25) и такимъ образомъ очень далеко насъ поставляетъ отъ благодатнаго усыновленія Отцу Небесному. Не можемъ не сознаться, что миролюбіе мы почти не считаемъ добродѣтелію и ставимъ его на ряду съ невѣжествомъ. Какъ! говоримъ мы, насъ оскорбляютъ и намъ не искать удовлетворенія—молчать? Здѣсь нарушается законъ правды! Но, слуш., это мнимая правда, а не христіанская: Господу нашему Іисусу Христу совершенно извѣстны законы правды, но прислушайтесь какъ онъ молился за своихъ враговъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ.* Положимъ, скажетъ кто-либо, что по христіанству можно простить обидѣвшему насъ, хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ, а когда два человѣка ссорятся между собою, какое дѣло намъ вмѣшиваться въ ихъ распрю? Народное присловіе говоритъ: »когда два ссорятся, третій не вмѣшивайся«. Отвѣчаемъ: откуда взято это присловіе? Изъ слова-ли Божія? Тамъ его нѣтъ. Изъ собственнаго-ли разума чесовѣка? Но намъ разумъ на то и данъ, чтобы помогать другимъ въ неразуміи. Можно утвердительно ска-

зать, что такое правило не разумно. Чего же надобно и ожидать дѣйствующимъ по этому правилу, судите сами!

Не такъ, бр., поступалъ въ свое время ублажаемый нами угодникъ Божій св. Николай. Жизнь его полна подвигами миролюбія и миротворства: однажды, какъ говорится въ его жизнеописаніи, корабельщики, договорившіеся привезти его изъ Іерусалима въ Муръ-Ликію, направили корабль совсѣмъ въ противную сторону. Сколько не умолялъ ихъ Святитель, чтобы его везли въ Муръ-Ликію, ему упорно не повиновались. Когда же, по изволенію Божію, при пособіи сильнаго вѣтра, онъ прибылъ въ свое отечество, то не только не гнѣвался на корабельщиковъ и не искалъ удовлетворенія за обиду, но не сказалъ имъ даже обиднаго слова и отпустилъ отъ себя съ благожеланіями и благословеніемъ. Такъ былъ миролюбивъ угодникъ Божій! Но при миролюбіи своемъ, онъ былъ вмѣстѣ и миротворцемъ: Епархъ Авлавій, по зависти, оклеветалъ предъ царемъ Константиномъ трехъ воеводъ. Они заключены были въ темницу и былъ уже изощренъ мечь, чтобы убить ихъ. Въ это роковое для воеводъ время, является посредникомъ между судіею и обвиненными св. Николай, уговариваетъ Авлавія, раскрываетъ невинность воеводъ предъ царемъ Константиномъ, и так. образомъ погашаетъ вражду и освобождаетъ невинныхъ отъ напрасной смерти.

Не такъ-ли, бр., и намъ должно поступать съ обидѣвшими насъ, какъ Св. Божій? Не должно-ли и намъ принимать на себя посредничество, когда видимъ враждующихъ между собою ближнихъ? Пусть объ этомъ всякъ размыслитъ самъ съ собою, помня слова Спасителя: *блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся.* Аминь.

А. А.

О книгахъ, вновь изданныхъ въ руководство пастырямъ церкви.

Въ »Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ« мы встрѣтили на дняхъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ новой книги подъ такимъ заглавіемъ: »Инструкція церковнымъ старостамъ (1808 г.), дополненная послѣдующими указами св Синода и разъяснительными распоряженіями Епархіальнаго начальства (322 стр.)«. Когда мы затѣмъ прочитали, что во вновь изданной »Инструкціи« заключается »по возможности полное и по возможности систематизированное изложеніе руководящихъ въ церковно-хозяйственной дѣятельности правилъ и указаній«, то у насъ родилось желаніе пріобрѣсти ее. Желаніе наше однако было мимолетнымъ—минутнымъ: едва только мы замѣтили въ томъ-же объявленіи, что съ требованіями на вновь изданную »Инструкцію церковнымъ старостамъ« нужно обращаться *въ г. Воронежъ, къ преподавателю семинаріи Василію Абрамовичу Мавринкому*, какъ отпала всякая малѣйшая охота пріобрѣсти эту книжку. Признаемся откровенно, что мы отнеслись и относимся съ предубѣжденіемъ къ вновь изданной »Инструкціи церковнымъ старостамъ«, потому что издатель ея не заслуживаетъ довѣрія. Въ духовной литературѣ имя г. *Мавринкаго* уже давненько извѣстно по двумъ изданнымъ имъ книжкамъ: »Своду узаконеній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики« и »Сѣятелю«. Благодаря громкимъ и заманчивымъ рекламамъ г. преподавателя воронежской семинаріи объ изданныхъ имъ книгахъ, мы пріобрѣли и его »Сводъ« и »Сѣятель« и были горько разочарованы: въ этихъ книжкахъ мы не нашли того, что можно было ожидать по широковѣщательнымъ и заманчивымъ объявленіямъ о выходѣ ихъ въ свѣтъ. Вотъ напр. какого рода объявленіе разослалъ

Василій Абрамовичъ Маврицкій о третьемъ изданіи *своего* »Свода« въ настоящемъ году: въ »Сводъ« вошли разнообразные источники, руководящіе пастырской практикой и разъясняющіе ея недоумѣнія,—какъ-то: указы св. Синода, архипастырскія наставленія, распоряженія епархіальной власти, указанія на общепринятую практику и отзывы духовной печати на тѣ, такъ называемые, недоумѣнные вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ сами пастыри обращались къ редакціямъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей«. Судя по такому объявленію можно было полагать, что »Сводъ« есть прежде всего систематизированное собраніе указовъ св. Синода, архипастырскихъ наставленій и распоряженій епархіальнаго начальства, руководящихъ пастырской практикой и разъясняющихъ ея недоумѣнія; въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ не то. »Сводъ« г. преподавателя воронежской семинаріи есть ничто иное, какъ дословная перепечатка разныхъ статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« за разные годы и въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Если такъ, то Василію Абрамовичу Маврицкому прямѣе и справедливѣе было-бы заявить, что *въ его* »Сводъ« вошли отзывы духовной печати на недоумѣнные вопросы пастырской практикѣ, что *его* »Сводъ« есть сборникъ статей »Руководства для сельскихъ пастырей« и нѣкоторыхъ епархіальныхъ вѣдомостей по вопросамъ пастырской практики. Но г. *Маврицкій*, преподаватель воронежской семинаріи зналъ, что такое объявленіе *о своемъ* »Сводѣ« сдѣлать неудобно и не практично; тогда бы такое объявленіе обличало его въ присвоеніи чужой литературной собственности, а главное повредило-бы успѣшному сбыту *его* »Свода«. И вотъ онъ, какъ человѣкъ образованный и практичный, прибѣгаетъ къ фальшивымъ и заманчивымъ рекламамъ о *своемъ* »Сводѣ«. Зная, что наше духовенство

мало знакомо съ дѣйствующими церковно-гражданскими постановленіями (по неимѣнію полнаго оффиціальнаго сборника этихъ постановленій), съ другой стороны, находя, что собранныя статьи и замѣтки по вопросамъ пастырской практики хотя и заключаютъ въ себѣ мнѣнія частныхъ лицъ и не имѣютъ *канонически*-руководительнаго значенія, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ обоснованы на указахъ св. Синода и распоряженіяхъ епархіальнаго начальства, Василій Абрамовичъ *Маврицкій* и заявляетъ, что въ *его* »Сводъ« вошли »указы св. Синода, архипастырскія наставленія, распоряженія епархіальной власти, указанія на общепринятую практику«... Расчетъ оказался вѣрнымъ: книга покупается довѣрчивыми читателями, въ числѣ которыхъ оказались и мы. Да и кто-же могъ предполагать, чтобы на поприще литературной промышленности выступилъ человѣкъ, получившій высшее богословское образованіе и состоящій въ средѣ оффиціальныхъ распространителей духовнаго просвѣщенія? И теперь какъ будто не вѣрится, чтобы одинъ изъ преподавателей духовной семинаріи рѣшился по своему усмотрѣнію располагать чужою литературною собственностію и преслѣдовать собственную наживу на счетъ малоопытности и излишней довѣрчивости провинціальнаго духовенства![1]).

Давши *руководство* пастырямъ церкви въ ихъ церковно-богослужебной практикѣ, г. *Маврицкій* явился руководителемъ пастырей и въ проповѣднической ихъ практикѣ, издалъ *свой* »Сѣятель«. Этотъ »Сѣятель« есть ничто иное какъ сборникъ чужихъ проповѣдей, произнесенныхъ разными лицами въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время въ промежуткѣ отъ 1860 г. до 1875 года, и помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомо-

[1]) Довольно полный и обстоятельный разборъ »Свода« сдѣланъ, помнится, въ Полтавск. Епарх. Вѣд. и др. за настоящій годъ.

стяхъ. Но г. преподаватель воронежской семинаріи Василій Абрамовичъ Мавринскій для отличія *своего* сборника отъ множества другихъ сборниковъ далъ ему аллегорическое названіе—»Сѣятель«; назвалъ *свой* сборникъ »Сѣятелемъ« также и потому, что будто-бы въ немъ хотя общими чертами намѣчается *желанный* типъ русской проповѣди Что это такое? »Сѣятель« намѣчаетъ типъ современной проповѣди, типъ *желанный*, которому, предполагается, должна слѣдовать русская проповѣдь?! Но вѣдь »Сѣятель« г. Мавринскаго есть именно сборникъ чужихъ проповѣдей, стало быть желанный типъ современной проповѣди, трудъ намѣчанія котораго составитель сборника принялъ на себя, не только *намѣченъ*, но и даже выработанъ до извѣстной степени русскимъ пастырствомъ?! Вмѣсто того, чтобы образцами своего издѣлія дѣйствительно помочь русскому пастырству и поднять русское проповѣдничество съ той степени, до которой оно само дошло, составитель »Сѣятеля« занимается прилаживаніемъ Сеньки къ шапкѣ и въ этомъ процессѣ прилаживанья полагаетъ свое довольство,—намѣчаетъ тотъ желанный типъ современной проповѣди, который уже намѣченъ и до нѣкоторой степени уже выработанъ. Къ тому же, составитель »Сѣятеля« довольствуется изображеніемъ типа современной проповѣди общими чертами; значитъ, намѣченный имъ типъ не натураленъ, потому что отвлеченъ и общъ. Не входя въ дальнѣйшую оцѣнку »Сѣятеля«[1]), мы замѣтимъ только, что Василій Абрамовичъ *Мавринскій своему* сборнику усвоилъ аллегорическое названіе и придалъ ему руководительное значеніе, или по недоумѣнію или умышленно,—по побужденіямъ не совсѣмъ-то чистаго свойства.

[1]) Обстоятельный и дѣльный критическій разборъ »Сѣятеля« сдѣланъ въ »Чтен. Общ. любит. дух, просв.« за мѣсяцъ августъ. См. «внутр. обозрѣн.«.

Облагодѣтельствовавши пастырей церкви *своимъ* »Сводомъ« и »Сѣятелемъ«, г. Мавринкій награждаетъ ихъ и только что изданною »Инструкціей церковнымъ старостамъ«. Мы не читали его »Инструкціи«, но съ увѣренностію наперед полагаемъ, что она одного пошиба со »Сводомъ« и »Сѣятелемъ«. Какъ видно, книжная фабрикація пришлась ему по вкусу. Помнится намъ, что въ 1875 году онъ какъ-то робко выступилъ въ первый разъ на поприще книжной спекуляціи; издавши *свой* »Сводъ узаконеній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики«, онъ тщательно скрылъ свое издательское имя (вѣроятно, опасался быть привлеченнымъ къ отвѣтственности за безцеремонное пользованіе чужою литературною собственностію). Теперь же настолько ободрился и проникся духомъ литературной промышленности, что беззастѣнчиво продолжаетъ пользоваться чужимъ, уже прямо подписываетъ свое авторское имя подъ новыми изданіями »Свода« и »Сѣятеля«, и проситъ обращаться съ требованіями непосредственно къ нему, т. е. *въ г. Воронежъ, преподавателю семинаріи Василію Абрамовичу Мавринкому.* Такимъ образомъ есть надежда, что въ своихъ книжныхъ предпріятіяхъ онъ пойдетъ дальше, превзойдетъ въ своей литературно-издательской дѣятельности извѣстнаго г. Ѳ. Ливанова, автора »Раскольниковъ и Острожниковъ« и издателя »Устава духовныхъ консисторій съ дополненіями и разъясненіями«... Впрочемъ—нѣтъ! у насъ есть законъ, ограждающій литературную собственность и строго преслѣдующій всякаго рода контрафакцію[1]).

[1]) По существующимъ у насъ законамъ дозволяется только въ христоматіяхъ и учебникахъ помѣщать статьи или отрывки изъ другихъ сочиненій, хотя бы такое заимствованіе въ сложности

Изъ дорожнаго дневника.

Въ обществѣ сложилось непобѣдимое убѣжденіе, что нѣтъ спокойнѣе и блаженнѣе жизни духовенства, особенно сельскихъ священниковъ, у которыхъ приходъ порядочный и земля даетъ не малый доходъ. Житье »попамъ«, говорятъ обыкновенно въ обществѣ; дѣла у нихъ немного; отслужитъ онъ обѣдню раза два или разъ въ недѣлю, исправитъ требы двѣ—три, много пять, а потомъ и занимайся себѣ, чѣмъ хочешь; никто съ него не спроситъ срочнаго дѣла: хочешь—дѣлай что́ нибудь, а не хочешь—лежи и спи. Изрѣдка развѣ во дни четыредесятницы или по большимъ праздникамъ, или по какимъ-нибудь чрезвычайнымъ случаямъ въ приходѣ приходится ему побезпокоиться и потрудиться съ утра до ночи. Но что это за труды въ сравненіи съ трудами какого нибудь чиновника, который цѣлый день гнетъ спину за письменнымъ столомъ да еще постоянно оглядывается, какъ бы не получить выговоръ отъ начальства;—или напримѣръ въ сравненіи съ работою мастероваго, который съ ранняго утра до поздняго времени не знаетъ отдыха, зарабатывая себѣ копѣйку, и только нѣсколько часовъ ночи имѣетъ для возстановленія истощенныхъ силъ, да развѣ еще отдохнетъ въ праздничный день. Справедливо, говорятъ, простой, но мѣткій русскій умъ издавна охарактеризовалъ положеніе попа краткою пословицей: »только и житья что попу да коту«. А между тѣмъ при такой спокойной жизни какой еще почетъ окружаетъ священника! На него смотритъ окружающая среда какъ на лицо неприкосновенное, и никакія непріятности и огорченія отъ столкновенія съ людьми,

---

разныхъ мѣстъ книги составляло и болѣе одного печатнаго листа. Но развѣ »Сводъ« г. Мавринскаго или его »Сѣятель« могутъ быть отнесены къ категоріи христоматій и учебниковъ?!

такъ обычныя для всякаго другаго, не могутъ касаться священниковъ. Особенно, если опять взять во вниманіе приходы сельскіе. Эта среда, говорятъ, патріархальная. Будь мало-мальски развитъ священникъ, пойми хоть сколько нибудь эти дѣвственныя натуры,—и можно господствовать надъ ними такъ, какъ рѣдко удается кому-либо изъ мірскихъ людей. А этотъ почётъ, этотъ взглядъ простолюдиновъ на рѣшеніе или совѣты духовнаго отца, какъ на непререкаемую истину, эта готовность исполнять его волю развѣ мало составляетъ удовольствія для священниковъ? Многіе мірскіе люди мечтаютъ объ этомъ удовольствіи, но рѣдко—рѣдко удается кому испытывать его. Признаемся, что такое мнѣніе въ обществѣ о положеніи большинства сельскихъ священниковъ нерѣдко заразительно дѣйствуетъ и для лицъ, которые сами вышли изъ среды духовенства, но избрали себѣ пути жизни внѣ духовнаго званія, или даже въ немъ самомъ, но не въ санѣ священниковъ. То-ли дѣло быть попомъ на селѣ, нерѣдко говорятъ нѣкоторые изъ нихъ, тяготясь своими трудами.

Но всѣ такія мнѣнія и возгласы о блаженной жизни сельскихъ священниковъ есть слѣдствіе именно того, что общество мало вникаетъ въ положеніе ихъ или даже вовсе не хочетъ вникнуть; обыкновенно смотрятъ на нихъ издали и, сравнивая себя съ ними, взвѣшиваютъ свои только труды и заботы, нужды и печали. А сами сельскіе священники—Богъ вѣсть почему—слишкомъ рѣдко заявляютъ о томъ, что приходится испытывать имъ на своемъ поприщѣ. Когда-то, когда случится кому-либо изъ мірскихъ лицъ ближе всмотрѣться въ ихъ жизнь или вызвать ихъ на откровенность о своемъ положеніи; но и тутъ опять не всякій-то возмется видѣнное и слышанное передавать публикѣ, потому что мало кому до этого дѣла. При существующихъ у насъ органахъ печати, спеціально даже

назначенныхъ для духовенства, слѣдовало бы самимъ священникамъ почаще предавать гласности о томъ, что дѣлается въ ихъ быту, и знакомить публику съ изнанкой своего, повидимому, блаженнаго состоянія. Скромность въ этомъ отношеніи вовсе неумѣстна; здѣсь дѣло касается не личностей, а положенія цѣлаго класса людей, неправильное понятіе о которомъ не мало вредитъ высокой миссіи, предназначенной этому классу.

Во время путешествія въ минувшее лѣто, по желѣзнымъ дорогамъ нерѣдко приходилось намъ сталкиваться съ сельскими священниками и вызывать ихъ на откровенную бесѣду о разныхъ случаяхъ изъ ихъ жизни. Не будемъ описывать разсказы о томъ, какія нужды и печали испытываютъ они въ своемъ домашнемъ быту, при крайне ограниченныхъ средствахъ содержанія. Мы собственно обратимъ вниманіе на отношенія къ нимъ прихожанъ—этой патріархальной среды, по понятію общества, этихъ дѣвственныхъ натуръ, надъ которыми священникъ, мало-мальски умѣющій вести дѣла, можетъ, говорятъ, господствовать какъ отецъ въ семьѣ. Мы не отрицаемъ многихъ хорошихъ качествъ нашихъ мужичковъ, но едва-ли кто будетъ оспаривать, что въ этой средѣ нравственныя понятія и убѣжденія слишкомъ мало осмыслены, и потому слишкомъ скоро способны бываютъ колебаться отъ внушеній людей неблагонамѣренныхъ, или подъ вліяніемъ разгорѣвшихся страстей, которымъ мужичекъ не знаетъ удержу. Когда на мѣсто привычныхъ, такъ сказать, безтолку затверженныхъ нравственныхъ понятій становятся у мужика внушенія неблагонамѣренныхъ лицъ или его собственныхъ страстей, онъ дѣлается такимъ, въ которомъ какъ будто нѣтъ врожденнаго нравственнаго закона, для котораго ничего нѣтъ священнаго. И замѣчательно, что это проявляется не въ какихъ-либо бѣшеныхъ порывахъ

страстей, а совершается съ спокойствіемъ и терпѣливою расчетливостію, направленною къ тому, чтобы незамѣтно запутать человѣка и нанести ему глубокую язву. Вотъ факты:

Въ одномъ сельскомъ приходѣ, состоящемъ кромѣ села изъ нѣсколькихъ приписанныхъ къ нему деревень, издавна существуетъ обычай новорожденныхъ дѣтей привозить для крещенія къ церкви и до времени помѣщать ихъ въ церковной сторожкѣ. Разъ одинъ деревенскій мужичекъ, питавшій ненависть за что-то къ священнику и, конечно, искавшій благопріятнаго случая чѣмъ-нибудь чувствительно отомстить ему, привозитъ новорожденное дитя въ сторожку въ полночь. Дитя было недоносокъ, конечно, очень слабое, безнадежное на продолженіе жизни. Расположившись въ сторожкѣ съ обычными спутниками при подобныхъ случаяхъ, онъ поспѣшно со всѣми знаками торопливости спѣшитъ въ домъ священника. Но здѣсь, когда прислуга спрашиваетъ его: »зачѣмъ нуженъ ему священникъ«, онъ хладнокровно и какъ-бы нехотя, отвѣчаетъ: что вотъ привезъ было дитя окрестить,... да что видно батюшка недавно только легъ спать? Да, говоритъ прислуга, заснулъ не болѣе часу тому назадъ,—а то все сидѣлъ и читалъ что-то. »Ну, пущай себѣ поспитъ, говоритъ мужичекъ! что его тревожить въ такую пору«. Прислуга, вполнѣ успокоенная такими словами, а еще болѣе самыми манерами, прямо свидѣтельствующими, что дѣло не спѣшное, не считаетъ нужнымъ докладывать батюшкѣ и ложится себѣ спать. Между тѣмъ мужичекъ приходитъ въ сторожку и почти со слезами на глазахъ, едва переводя духъ отъ безпокойства и бѣготни, говоритъ сторожу и бабкѣ: что сдѣлалось съ попомъ? Будили—будили,—спитъ какъ убитый. Видно такъ дитя и умретъ не крещеннымъ«. Посидѣвши нѣсколько минутъ, отправ-

ляется опять къ священнику и тамъ разыгрываетъ прежнюю роль. »Пущай себѣ, говоритъ, поспитъ батюшка! Онъ намаялся съ жнецами и съ вечера долго не спалъ«, и разумѣется опять даетъ понять прислугѣ, что дѣло не важное и не спѣшное. Начинаетъ уже свѣтать. Въ селеніи показываются пробудившіеся жители. Мужичекъ этотъ бѣжитъ что ни есть мочи и кричитъ всякому встрѣчному: »вотъ попъ у насъ какой: нужно мнѣ поскорѣе окрестить дитя умирающее и сколько разъ я бѣгалъ къ нему, будили будили ни чѣмъ не добудиться, хоть изъ пушки выстрѣли! Храпитъ во всю ивановскую, что мнѣ дѣлать?— вскрикиваетъ онъ, сшибая руками; ну, неравно дитя умретъ не крещенное... вотъ ужъ сколько часовъ прошло, какъ я привезъ его въ сторожку«. Таже исторія повторилась бы и еще нѣсколько разъ до самаго утра. Къ счастію, священникъ во второе его посѣщеніе пробудился самъ и услышавши стукъ дверей при возвращеніи прислуги полюбопытствовалъ узнать отъ нее, что тамъ такое. Когда-же прислуга разсказала ему, у него возникло подозрѣніе, что тутъ должно быть что-нибудь не такъ, тѣмъ болѣе, что о мужичкѣ у него было понятіе невыгодное. Онъ тотчасъ-же одѣвается на скоро и спѣшитъ въ сторожку, гдѣ застаетъ мужичка среди горькихъ жалобъ предъ окружающими на сонливость священника. Дитя дѣйствительно было чрезвычайно слабо; ему видимо оставалось, только нѣсколько минутъ жизни. Прислушавшись, что оно еще дышитъ, священникъ поспѣшно погрузилъ его въ воду съ произношеніемъ словъ крещенія и потомъ началъ совершать обычный чинъ, въ продолженіи котораго дитя и скончалось. Вотъ какой замыселъ имѣлъ мужичекъ, чтобы отомстить своему батюшкѣ! Ему не жалко было дитя; ему лишь бы доканать попа, дождавшись смерти младенца и заручившись свидѣтелями якобы въ небрежности попа.

Но самъ Промыслъ избавилъ священника отъ злаго ухищренія.

Въ одномъ сельскомъ приходѣ умираетъ крестьянинъ довольно состоятельный, оставившій порядочное наслѣдство сыновьямъ. Наслѣдникъ, старшій сынъ, приходитъ къ священнику и, объявляя о смерти родителя, говоритъ, что за погребеніе онъ заплатитъ священнику послѣ, когда уберется съ хлѣбомъ,—а тогда была пора рабочая. »Теперь, говоритъ, у меня нѣтъ ни копѣйки«. Бывшіе при этомъ мужички совѣтовали священнику потребовать, чтобы обычная плата за погребеніе представлена была теперь же, а то, говорятъ, »мужикъ этотъ плутъ, съ него послѣ не возьмешь ни копѣйки«. Священникъ настаиваетъ, чтобы заплочены были деньги безъ отлагательства. »Ей-Богу, говоритъ мужикъ, нѣтъ ни копѣйки! Развѣ я сталъ бы лгать при такомъ случаѣ! вѣдь онъ же мнѣ отецъ, а не собака... да развѣ мнѣ не грѣхъ жалѣть денегъ на погребеніе его?« Священникъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что мужичекъ лжетъ, потому что всѣмъ извѣстно было, что въ этомъ семействѣ всегда есть деньги въ запасѣ, а тѣмъ болѣе такая незначительная сумма, какая положена за погребеніе, да и другіе крестьяне увѣряли, что здѣсь кроется хитрость,— и онъ усилилъ свою настойчивость, тѣмъ болѣе, что это дѣло касалось не одного его лица, но и цѣлаго причта, который въ противномъ случаѣ могъ имѣть неудовольствіе на священника. »Послушай, говоритъ, уже если ты божиться, что у тебя нѣтъ ни копѣйки, то ты дай хлѣбомъ«.—»Ей-Богу, говоритъ мужикъ, нѣтъ ни зерна въ закромахъ; я еще не начиналъ молотить«. Это была уже очевидная ложь; священникъ зналъ, что молодьба у этого мужика давно началась и въ закромахъ не мало ссыпано, что конечно вполнѣ убѣждало священника въ плутовствѣ мужика, желавшаго похоронить отца даромъ. »Ну, если

такъ, говоритъ ему священникъ, то у тебя есть нѣсколько десятковъ овецъ: дай баранчика, и Богъ съ тобой!« — »Нѣтъ, говоритъ мужикъ, уже немогшій отрицать, что у него есть овцы: — я тебѣ барана не дамъ, а отдамъ деньгами, когда обмолочу хлѣбъ и продамъ«. — Ну такъ, любезный, говоритъ священникъ, я не буду хоронить дотолѣ, пока ты не заплатишь за погребеніе. Видимое дѣло, что ты хочешь отдѣлаться даромъ«. Что же дѣлаетъ послѣ этого мужикъ? Сзываетъ крестьянъ и жалуется имъ: »вотъ попъ хочетъ меня совсѣмъ ободрать за погребеніе отца! дай, говоритъ, ему денегъ за погребеніе, да отсыпь ему еще хлѣба изъ закромовъ, да приведи ему еще барана, а безъ этого, говоритъ, и хоронить не стану«. Поселяне, не знавши какъ было дѣло, разумѣется вѣрятъ этимъ жалобамъ и приходятъ въ азартъ: »да что ты, говорятъ, смотришь на попа! Ты вынеси отца да поставь на паперть... небось похоронитъ, а не похоронитъ, будетъ отвѣчать«. Мужикъ такъ и дѣлаетъ. Выноситъ умершаго и ставитъ его на паперть, а самъ уходитъ, какъ будто до него и дѣла нѣтъ. Священникъ былъ молодой, еще недостаточно опытный, и невольно почувствовалъ робость, когда дѣло такъ далеко зашло. »Что дѣлать? думаетъ: — не похоронить нельзя, но и отказаться отъ своей настойчивости, значитъ дать поводъ мужикамъ глумиться надъ собою«. Къ счастію его, мужикъ при всей своей хитрости въ азартѣ сдѣлалъ промахъ: поспѣшилъ принести умершаго на паперть въ первый же день смерти, между тѣмъ какъ законъ требуетъ не погребать раньше трехъ дней. Священникъ послѣ сего собираетъ прихожанъ и объявляетъ имъ, что на паперти церковной поставлено мертвое тѣло, которое раньше трехъ дней не можетъ быть погребено, и что оно оставаясь безъ призора, можетъ подвергнуться порчѣ отъ животныхъ, въ чемъ, конечно, отвѣтственность падетъ на

всѣхъ. Прихожане, среди которыхъ нашлись люди благоразумные, сильно встревожились, напали на мужика, хотѣвшаго такъ нагло подкопаться подъ священника, и онъ долженъ былъ мертвое тѣло опять перенести въ свой домъ до времени погребенія и, разумѣется, уже не имѣлъ силы отказываться отъ обычной платы за погребеніе.

Приведенные разсказы невольно навѣваютъ грустную мысль о крайней зависимости нашихъ сельскихъ священниковъ отъ своихъ прихожанъ въ матеріальномъ отношеніи. Эта зависимость, подрывая авторитетъ священника въ глазахъ прихожанъ, располагаетъ сихъ послѣднихъ къ неуважительному и крайне наглому обращенію съ своими пастырями; она ихъ успокоиваетъ на мысли, что всякая подобная выходка ихъ пройдетъ безнаказанно. Съ другой стороны и священники, чувствуя свою зависимость отъ прихожанъ, естественно вынуждаются понижать свой голосъ передъ ними и даже вовсе молчать въ такихъ случаяхъ, при которыхъ требуется строгое пастырское обличеніе и вразумленіе или даже обращеніе къ содѣйствію гражданской власти и суда, которые по законамъ государственнымъ обязаны защищать лицо священника отъ наглыхъ оскорбленій. Да и эти опять сцены, когда священникъ вынужденъ торговаться съ прихожанами относительно платы за требоисправленіе или настаивать о своевременномъ взносѣ ея, куда какъ непривлекательны и несообразны съ достоинствомъ служителя алтаря Господня! А между тѣмъ онъ поставленъ въ крайнюю необходимость заводить такія сцены. Въ противномъ случаѣ ему грозитъ опасность потерять значительную долю хлѣба насущнаго. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Одно, конечно, желательно, съ чѣмъ всякій согласится, чтобы пастыри наши поставлены были въ лучшія матеріальныя условія жизни. Но какъ и чѣмъ этого достигнуть?

Законъ о трехдневномъ срокѣ для погребенія и вопросъ объ усыпальницахъ.

»Отъ этой суровой гостьи«—сказалъ про смерть на смертномъ одрѣ отецъ Фридриха Великаго—»никто не отмаливался«.—Едва я родился, едва я зачался, какъ смерть наложила на меня печать свою, разсуждалъ почившій въ наши дни аскетъ—святитель. »Онъ мой!« сказала она и немедленно приготовила на меня косу«[1]).—Ужасъ смерти, содроганье предъ темью могилы составляетъ едвали не органическое свойство человѣческой бренности. Неисчетное количество разъ похоронные вопли и рыданія св. Дамаскина пояснились проповѣдниками, говорившими въ виду могилы. Такъ оплаканы и забыты безчисленныя тысячи смертныхъ...

Встрѣча »суровой гостьи« тяжка для каждаго, на какой-бы кто ни стоялъ ступенькѣ общественной лѣстницы. Но тяжесть разлуки съ бѣлымъ свѣтомъ особенно удручающа въ русскомъ крестьянствѣ. Приводимъ относящееся сюда наблюденіе приходскаго пастыря, живыми чертами описавшаго эту въ высшей степени плачевную картину. »Загляните къ крестьянину въ избу, когда онъ, больной, лежитъ на лавкѣ въ переднемъ углу безъ всякой помощи, мучимый тяжкимъ недугомъ. Сердце изнываетъ, какъ вспомнишь ужасныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ приходилось быть. Жена всхлипываетъ у печи, ребятишки прячутся по угламъ, или робко и съ недоумѣніемъ выглядываютъ съ полатей то на мать, то на отца; а въ головахъ сидитъ словоохотливая старуха, мучитъ его своими причитаніями и мрачными красками описываетъ плачевную участь осиротѣвшаго семейства. Утѣшенія нѣтъ ни откуда, помощи тоже, развѣ Богъ пошлетъ свыше исцѣ-

[1]) Игнатій *(Брянчаниновъ)* епископъ кавказскій. Собраніе сочиненій. Спб., издан. 1865 г., томъ I, стр, 392.

леніе страждущему. Страшная картина!.. Тѣло борется съ недугомъ, душа волнуется самыми мучительными чувствами; разлука съ дорогими сердцу, безотрадная участь сиротъ, страхъ смерти порождаютъ ропотъ отчаянія въ разстерзанномъ сердцѣ. Едвали достаточно всего человѣческаго краснорѣчія, чтобы утѣшить его; еслибъ безпредѣльная покорность провидѣнію не согрѣвала измученнаго сердца надеждою на помощь Божію, то страданія были бы не выносимы«[1])...

Камнемъ преткновенія для русскаго крестьянина въ виду »человѣка-мертвеца« являются обстоятельства другаго рода, относящіяся къ исполненію извѣстнаго законоположенія, въ силу котораго запрещается предавать землѣ трупы прежде истеченія трехъ сутокъ со времени смерти. Извѣстнаго законоположенія... Можно ручаться, что большинство приходскаго духовенства лишь смутно, безъ пунктуальной отчетливости вѣдаетъ, что есть такое законотребованіе, а гдѣ оно лежитъ въ сводѣ и церковное-ли оно или гражданское—про то знаютъ юристы. Намъ приходилось выслушивать недоумѣнія—гдѣ бы отыскать нужный законъ—не отъ простецовъ іереевъ, въ школахъ не бывавшихъ, а отъ пастырей, оставившихъ богословскую скамью въ 1873 году. Въ виду того, что крестьянство считаетъ похороны на третьи сутки послѣ смерти придиркою »поповъ«, полагаемъ, не излишне будетъ принести полный текстъ правительственнаго акта, которымъ должны руководиться священники, предъявляя означенное требованіе.

»Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ по именному своему великаго государя указу умершихъ всякихъ чи-

[1]) *Словскій.* Разсказы о быломъ. Новгородъ, издан. 1865 г. стр. 37.

новъ людей мужеска и женска полу, которые будутъ надлежать къ погребенію у святыхъ церквей и тѣхъ до *трехъ* дней не погребать, а выносить ихъ изъ домовъ въ церкви[1]), а въ третій день ихъ погребать по обыкновенію[2]).—Также во всѣхъ приходахъ сказать его великаго государя подъ смертною казнью, чтобы повивальныя бабки рождаемыхъ младенцевъ, которые родятся, особымъ нѣкакимъ видомъ или несущественнымъ образомъ или какимъ чудомъ не убивали и не топили, а объявляли про нихъ тѣхъ приходовъ священникамъ, а священники про то объявляли въ монастырскомъ приказѣ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину съ товарищи. И о томъ на Москвѣ и по всѣмъ церквамъ и священникамъ изъ патріаршаго приказу послать памяти«.

По дѣйствующему своду похороны прежде трехъ сутокъ отъ смерти воспрещаются 917-й ст. уст. медиц. пол., т. XIII.

Крестьянство при смертной нуждѣ спѣшитъ какъ можно поскорѣй сбыть своего покойника въ распоряженіе земли сырой и, какъ замѣчено, обижается на тѣхъ свя-

---

[1]) По указу отъ 16-го іюля 1812 года и по § 16 инструкціи благочиннымъ приходскихъ церквей вносить въ церковь тѣла умершихъ должно только для отпѣванія и ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ держать ихъ *болѣе сутокъ* въ церкви и то по крайней необходимости.

[2]) Кстати духовенство временъ Петра, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, имѣло активное участіе въ опредѣленіи правоспособности покойниковъ на погребеніе ихъ по христіанскому обряду,—преимущество, которымъ оно нынѣ не пользуется. Въ 13 пунктѣ инструкціи, данной въ 1721 году петербургскимъ закащикамъ духовныхъ дѣлъ архимандритомъ Трифиліемъ, значится: »Священникамъ приходскихъ своихъ людей, кои скоропостижно, безъ покаянія и св. причащенія умираютъ, безъ похоронныхъ памятей у св. церквей погребать не велѣть, и въ тѣхъ памятяхъ писать тебѣ (закащику), дабы священникамъ свидѣтельствовать и обыскивать и осматривзть тѣхъ умершихъ, именно: оной, умершій, въ жизнь свою не былъ-ли церкви святой противникомъ, или явнымъ раскольщикомъ, и не убитъ-ли, и не удавленъ-ли такожде хмѣль-

щенниковъ, которые неуклонно требуютъ соблюденія закона. Причина, побуждающая крестьянъ спѣшить съ похоронами, заключается съ одной стороны въ тѣснотѣ жилья, гдѣ покойникъ отнимаетъ мѣсто и связываетъ своимъ присутствіемъ обычный ходъ крестьянскихъ занятій; съ другой стороны къ ускоренію крестьянскихъ похоронъ побуждаетъ желаніе не столь много тратиться на поминки, такъ какъ каждый лишній день до преданія трупа землѣ влечетъ за собою лишнія издержки.—Въ виду многократныхъ отступленій какъ священниковъ, такъ и прихожанъ отъ указаній закона на счетъ срока похоронъ, были производимы подтвержденія о сохраненіи неприкосновеннымъ требованія закона за подлежащими исключеніями при эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзняхъ. Эти подтвержденія производились по почину какъ духовной, такъ и гражданской власти. Въ харьковской епархіи духовная администрація

нымъ питіемъ и отравами самъ себѣ (или прочіе кто) не уморили ли и не отъ своихъ-ли рукъ умре; и если по свидѣтельству явится тотъ умершій отъ онаго свободенъ; таковаго велѣть погребать у церкви со отпѣваніемъ; и тѣ обыски и осмотры, за руками, велѣть присылать къ тебѣ впредь для спору. А ежели въ ономъ явится въ чомъ виновенъ, таковаго у церкви погребать не велѣть, но внѣ церкви, гдѣ таковыя погребаются« (»Странникъ«, издан. 1866 г., т. II, стр. 9).—Въ виду того, что свѣтское начальство считаетъ себя въ правѣ по своему усмотрѣнію изъ скоропостижно умершихъ и самоубійцъ однихъ удостоивать, а другихъ лишать христіанскаго погребенія и давать священникамъ по этому поводу *безусловно-обязательныя* предписанія, было-бы не безполезно подвергнуть пересмотру и законодательному разъясненію тѣ основы, на которыя опирается въ своихъ распоряженіяхъ свѣтская власть: о затруднительности положенія священниковъ при сказанныхъ предписаніяхъ обстоятельно говоритъ статья г. *Г. М.* »О погребеніи самоубійцъ и лицъ умершихъ неестественною смертью«, помѣщенная въ »Кавказскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ« за текущій годъ.

дѣлала напоминаніе священникамъ о соблюденіи трактуемаго закона вслѣдствіе сношенія гражданскаго начальства; въ самарской же епархіи, наоборотъ, мѣстный преосвященный сносился съ начальникомъ губерніи о несоблюденіи закона въ средѣ населенія губерніи. Полицейскимъ управленіямъ было предписано внушить жителямъ, чтобы они въ точности соблюдали установленный срокъ для погребенія умершихъ и обращались бы къ приходскимъ священникамъ съ требованіями по этому предмету не ранѣе трехъ сутокъ. Но предписанія, внушенія и подтвержденія не дали ожидаемыхъ результатовъ. При настояніяхъ священниковъ на сохраненіи въ неприкосновенности законодательной мѣры крестьяне начали самовольно предавать землѣ трупы безъ отпѣванія. Такимъ образомъ закононарушеніе осложняется, не говоря уже о тѣхъ непріятностяхъ, которымъ подвергается священникъ изъ-за сохраненія требованій закона.

Не слѣдуетъ думать, что крестьянство производитъ нарушеніе закона, относящагося къ похоронамъ, зря, безъ достаточныхъ побужденій. Логика скудости имѣетъ свои резоны, предъявляетъ побужденія, оправдывающія способъ дѣйствій бѣднява; нельзя упускать изъ виду, что при похоронной крестьянской суматохѣ, крестьянскому сознанію чужды и просто непонятны тѣ мотивы, которые вызвали трехсуточный срокъ для опредѣленія дѣйствительной, а не мнимой смерти усопшаго. Поэтому сдается, что возбуждавшіяся по мѣстамъ судебныя преслѣдованія за нарушеніе этого закона едвали окажутся настолько внушительными, что насадятъ общее уваженіе къ указанному закону. Для предотвращенія повсемѣстно практикуемаго нарушенія его и для облегченія крестьянскихъ погребальныхъ хлопотъ требуется указать крестьянству сподручное средство не спѣшить погребеніемъ своихъ покойниковъ раньше трехъ дней. Такое средство указано уже, но отъ теоретическаго

указанія до практическаго осуществленія далеко. По мнѣнію самарской духовной консисторіи при церквахъ или на кладбищахъ должны быть устрояемы усыпальницы, въ которыхъ могли бы помѣщаться покойники до истеченія опредѣленнаго закономъ срока, безъ обремененія тѣхъ семействъ, гдѣ оказалось смертное посѣщеніе. Консисторія обратила вниманіе на то, чтобы усыпальницы были отапливаемы и чтобы при нихъ находились сторожа, какъ днемъ, такъ и въ теченіи ночи. Что сказать объ этой мѣрѣ?—Нужно принять, что усыпальницы—единственное средство къ облегченію для крестьянъ похоронной тяготы, но средство не безусловное. Проектированная самарскою духовною властію мѣра была бы вполнѣ удобоприемлема для крестьянъ, ежели бы она приводилась въ исполненіе на средства изъ церковныхъ кассъ. Иначе—приходъ усмотритъ (справедливо или нѣтъ—это вопросъ другой) въ устроеніи усыпальницъ и въ наймѣ для нихъ сторожей новый налогъ. Еще одно замѣчаніе. Большое или меньшее распространеніе въ приходахъ усыпальницъ, болѣе или менѣе цѣлесообразное примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, устройство ихъ въ подлежащихъ пунктахъ прихода зависитъ отъ такого или инаго отношенія къ этому дѣлу епархіальныхъ преосвященныхъ. Наша приходская среда еще не дозрѣла до самопомощи, до стройнаго дѣйствованія корпоративнымъ разумомъ безъ воздѣйствія извнѣ...

Ив. Павловскій.

(»*Церк. Вѣст.*«).

Народные религіозные обычаи и обряды южныхъ Славянъ [1]).

Кромѣ обрядовъ и обычаевъ соединенныхъ съ извѣстными праздниками и временами года, въ жизни южныхъ славянъ не менѣе замѣчательны обряды и обычаи соединенные съ главнѣйшими моментами человѣческой жизни и родственными отношеніями членовъ семьи. Въ основѣ этихъ послѣднихъ обрядовъ и обычаевъ лежитъ семейное начало, особенно—крѣпкая связь между членами семьи. У славянскихъ народовъ вообще и у южныхъ славянъ въ особенности, по преимуществу развито семейное чувство, семейныя связи особенно крѣпки. Давленіе, испытываемое южными славянами до послѣдняго времени со стороны господствующаго племени, ихъ совершенное удаленіе отъ общественныхъ и гражданскихъ отношеній, занятій и интересовъ,—все это замкнуло ихъ чувства въ тѣсный домашній кругъ и, можетъ быть, не безъ связи еще съ старинымъ устройствомъ славянской *задруги*, особенно укрѣпило семейное начало, связало членовъ семьи особенно тѣснымъ союзомъ родительской, дѣтской и братской любви.

Простота жизни и неиспорченность правовъ у славянскихъ народовъ вообще условливаетъ сравнительно быстрое возрастаніе народонаселенія и плодовитость браковъ. У южныхъ, какъ и прочихъ, славянъ новорожденный радостно привѣтствуется всей семьей, а неплодіе женщины считается большимъ несчастіемъ и приписывается дѣйствію волшебства. Родильницу и ребенка зорко охраняютъ отъ злого глаза, и ребенокъ еще въ утробѣ матерней подвергается разнымъ мистическимъ обрядамъ, съ которыми хорошо знакомы повивальныя бабки и которые

[1]) См. № 42.

и послѣ сопутствуютъ будущему гражданину міра на опасномъ пути жизни, исполненномъ невзгодами, происходящими, по народному повѣрью, отъ злыхъ духовъ.

Когда болгарка чувствуетъ приближеніе родовъ, то она старается получать отъ какой-нибудь »*хаджики*« (богомолки побывавшей въ Іерусалимѣ) кусокъ веревки или тесьмы, которая обматывалась вокругъ камня, служившаго ложемъ Богоматери при рождествѣ Христа Спасителя. Веревка эта или тесьма повязывается около поясницы, и, по народному вѣрованію, содѣйствуетъ благополучному разрѣшенію. Торговля этими тесьмами, по увѣренію Канитца, составляетъ значительный источникъ доходовъ для монастырей св. земли. Кромѣ того, для облегченія родовъ бабка бросаетъ въ тазъ съ водой извѣстный корень съ наговоромъ. Когда мужъ видитъ приближеніе родовъ, онъ опускаетъ въ этотъ тазъ свои руки и заставляетъ жену пить оттуда. Тоже самое дѣлаютъ и всѣ домашніе. По благополучномъ разрѣшеніи, новорожденное дитя предохраняется отъ неблагопріятныхъ вліяній натираніемъ солью, окуриваніемъ комнаты и опять нѣкоторыми наговорами повивальной бабки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бабка втыкаетъ въ волосы родильницы кусокъ чесноку и кольцо, кладетъ ей на подушку красный лукъ и застежку отъ передника и закрываетъ ей лицо до рта бѣлымъ платкомъ, чтобы охранить ее отъ *урокъ* (сглазу, порчи). Счастливое приращеніе семейства привѣтствуется со всѣхъ сторонъ благожеланіями матери и ребенку. Въ мѣстностяхъ около Систова молодые люди пляшутъ вокругъ зажженной соломы, лежавшей (въ воспоминаніе яслей Спасителя) подъ подушкой родильницы. На косякѣ дверей рисуютъ красный крестъ, кладутъ за порогомъ на 40 дней кусокъ желѣза и послѣ захода солнца никто не входитъ въ домъ и не выходитъ изъ него, и ворота крѣпко запираются.

На третій день послѣ рожденія крестная мать приноситъ бутылку вина, сахаръ, баночку масла, немного пшеницы и листокъ амаранта и приготовляетъ при помощи бабки »*третини*« — купель или ванну для ребенка. Она мажетъ ребенка масломъ, бросаетъ въ воду нѣсколько монетъ, которыя послѣ обмыванія дитяти достаются бабкѣ и день заканчивается угощеніемъ, въ которомъ принимаютъ участіе и сосѣдки, приносящія свои благожеланія.

Крещеніе, совершаемое обыкновенно чрезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, празднуется большимъ семейнымъ торжествомъ. Между особенностями, относящимися къ этому обстоятельству, слѣдуетъ упомянуть о той, что у южныхъ славянъ, какъ въ древности было и у насъ, до сихъ поръ при крещеніи большею частію нарекаютъ имена не христіанскихъ святыхъ, а даютъ древнеславянскія имена, какъ напр. Любомиръ, Миланъ, Миленко, Бранко, Стоянъ, Стацко, Драгутинъ, Милутинъ, Злати, или: Любица, Даница (утренняя звѣзда), Ружа (роза), Василика (василекъ), Стана и т. п. Этотъ обычай особенно сильно держится у сербовъ, тогда какъ у болгаръ славянскія имена замѣтно уже уступаютъ христіанскимъ.

Послѣ совершенія обряда крещенія крестная мать передаетъ дитя отцу, ожидающему его на порогѣ дома съ новою рубашечкою, и говоритъ: ты далъ мнѣ ребенка язычникомъ, я возвращаю его тебѣ христіаниномъ. Потомъ начинается угощеніе, приглашенные къ которому приходятъ съ подарками для матери. Крестная мать и бабка получаютъ отъ хозяина вино, кушанья и два куска хлѣба, а родильница даритъ имъ по платку, который онѣ тотчасъ же и привязываютъ у пояса. Въ продолженіе 40 дней ребенокъ купается бабкою. Чрезъ 40 дней мать вмѣстѣ съ ребенкомъ и бабкою идетъ въ первый разъ въ церковь. Здѣсь священникъ читаетъ очистительную молитву, и по-

томъ идутъ къ кумѣ. При уходѣ ребенокъ получаетъ яйцо или сахару, а мать хлѣба съ солью. Для того, чтобы у матери было больше молока, ей вливаютъ въ башмаки немного воды и въ заключеніе кума благодаритъ бабку за труды и цѣлуетъ ея руку. Чтобы предохранить дитя отъ сглазу или порчи, бабка прикрѣпляетъ къ шапкѣ мальчика чеснокъ, а къ чепчику дѣвочки монетку.

Дѣти часто не отнимаются отъ груди до 3—5 лѣтъ. Физическое воспитаніе ихъ, также какъ и нравственное, находится въ пренебреженіи; не смотря на нѣжную любовь матерей къ своимъ дѣтямъ, въ воспитаніи они предоставляются самимъ себѣ, и за отсутствіемъ докторовъ, при леченіи болѣзней домашними, часто суевѣрными способами, наговорами, и т. п. смертность дѣтей чрезвычайно большая.

Родственная любовь и почтеніе къ старшимъ глубоко коренится въ чувствѣ юго-славянъ. Особенно—развитое семейное чувство выражается между прочимъ въ преимущественно-крѣпкомъ здѣсь союзѣ между братомъ и сестрою. Южная славянка съ самою искреннею любовію, даже съ одушевленіемъ привязана къ своему брату. Его военные подвиги, его слава—для сестры служатъ предметомъ высочайшей гордости. Для молодой славянки братъ часто ближе и дороже, чѣмъ возлюбленный или мужъ. Но и братъ съ своей стороны есть природный защитникъ своей сестры. Онъ—охранитель и мститель ея чести. Вполнѣ счастливымъ считается только тотъ юнакъ, который имѣетъ сестру, и только та дѣвица, у которой есть братъ. »Это такъ же вѣрно, какъ я люблю своего брата (или сестру)«— одна изъ самыхъ священныхъ клятвъ южнаго славянства.

По глубинѣ и сердечности чувства съ этимъ союзомъ между братомъ и сестрою можетъ сравниться только *побратимство и посестримство*—другое весьма характер-

ное явленіе въ нравственной жизни молодыхъ людей въ южномъ славянствѣ. *Побратимство* и *посестримство*— это заключенный по свободному выбору, нерасторжимый на всю жизнь союзъ дружбы между двоими юношами или двумя дѣвицами, иногда освящаемый церковію и гораздо болѣе кровнаго родства обязывающій ко взаимной вѣрности и поддержкѣ. Дѣвица или юноша обыкновенно выбираютъ себѣ друга во время игръ молодости и преимущественно во время Пасхи. Если другъ или подруга оказываются надежными, то по истеченіи года обыкновенно на другой день Пасхи они даютъ другъ другу торжественную клятву во взаимной дружбѣ и вѣрности, призывая въ свидѣтели Бога и св. Іоанна. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при этомъ надѣваютъ на голову вѣнокъ изъ вербы, обязываются ко взаимной помощи до смерти и даютъ своей клятвѣ высшее освященіе чрезъ благословеніе священника.

Побратимство и посестримство безъ сомнѣнія ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Но постоянная борьба съ турками, усиливавшая необходимость взаимной защиты или отомщенія за притѣсненія, естественно укрѣпляли и распространяли этотъ древній обычай. Народныя пѣсни не рѣдко прославляютъ подвиги самоотверженія во имя этого духовнаго союза. Нарушенія его бываютъ весьма рѣдко, и если допускается такое нарушеніе, то, по народной вѣрѣ, оно вызываетъ неизбѣжное возмездіе отъ самого Бога, поражающаго виновнаго молніею или другою внезапною смертію.

Не менѣе священное значеніе, также съ обязательствомъ дружбы на всю жизнь, имѣетъ и другой союзъ— *кумовство*, хотя съ болѣе церковнымъ характеромъ. *Кумъ*—это при сватаньѣ и сватьбѣ первый другъ жениха и главное дѣйствующее лицо. Обыкновенно кумъ при

сватьбѣ выбирается и воспріемникомъ при крещеніи перваго новорожденнаго.

Бракъ у южныхъ славянъ рѣдко заключается по взаимной склонности жениха и невѣсты. Женитьба не есть дѣло личной воли брачущихся: матеріальные интересы семьи имѣютъ преимущественное и главное значеніе въ выборѣ невѣсты или въ согласіи на выдачу замужъ. Физическая сила и трудолюбіе особенно цѣнятся при выборѣ невѣсты. Обыкновенно дѣвушки выходятъ замужъ отъ 16 до 20 лѣтъ; 25—лѣтняя считается уже старою и во многихъ мѣстностяхъ можетъ выйти развѣ за вдовца. Парни женятся отъ 20 до 25 лѣтъ; болѣе же пожилые женятся только на вдовахъ. Договоры о приданомъ и о деньгахъ, платимыхъ женихомъ за невѣсту, происходятъ обыкновенно между родителями того и другой. Когда все это устроено, *сваты* формальнымъ образомъ просятъ руки невѣсты, передаютъ кольцо жениха и приносятъ ему кольцо дѣвушки. Потомъ женихъ и невѣста разсылаютъ буветы дѣвушкамъ изъ дружественныхъ имъ семействъ и тѣ вкалываютъ ихъ въ волосы и носятъ нѣсколько дней какъ украшеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кромѣ этой домашней бываетъ и офиціальная помолвка въ присутствіи священника и съ танцами. Помолвка весело празднуется въ домѣ родителей невѣсты въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и друзей. Подарки сдѣланные женихомъ невѣстѣ выставляются при этомъ на показъ всѣмъ гостямъ, и съ слѣдующаго дня невѣста обыкновенно надѣваетъ эти подарки и носитъ ихъ до самаго дня сватьбы. Бываетъ иногда однакоже, что невѣста выходитъ замужъ вопреки волѣ своихъ родителей. Тогда, явившись съ женихомъ въ домъ его родителей, она разводитъ огонь въ очагѣ, и если ее приглашаютъ сѣсть, то это считается знакомъ ея принятія. Но въ такомъ случаѣ ни она, ни ея родители не

получаютъ отъ жениха подарковъ, за то и женихъ не имѣетъ уже права требовать возвращенія ея въ родительскій домъ. Такая сватьба въ Болгаріи называется »*пристанка*«.

Сватьба большею частію отлагается на нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда, если женихъ и невѣста еще очень молоды, то и на нѣсколько лѣтъ. Дѣлается это главнымъ образомъ для того, чтобы женихъ успѣлъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для самостоятельной семейной жизни, построилъ особый домъ на общемъ семейномъ дворѣ, и пріобрѣлъ пару воловъ и необходимыхъ домашнихъ животныхъ. Когда все устроено, *сваты* идутъ къ родителямъ обрученной, доносятъ имъ объ этомъ и спрашиваютъ о точномъ назначеніи дня сватьбы. Обыкновенно сватьба назначается въ одно изъ воскресеній осенью, по окончаніи работъ, такъ какъ празднество непремѣнно занимаетъ нѣсколько дней.

Праздникъ начинается за недѣлю до сватьбы пѣснями и плясками дѣвушекъ около дома невѣсты и молодыхъ людей предъ домомъ жениха. Въ среду женихъ посылаетъ невѣстѣ различныя украшенія и »*кана*«, которою южнославянскія женщины красятъ волосы и брови. Въ этотъ же или въ слѣдующій день подруги заплетаютъ ей волосы и кладутъ въ косички монеты, и сопровождаютъ ее въ баню. Въ пятницу въ домѣ родителей невѣсты выставляютъ ея приданое и она посылаетъ жениху рубашку и пирогъ. Въ субботу бываетъ пиръ, пляски и пѣсни въ домѣ невѣсты.

Вѣнчанье обыкновенно бываетъ въ воскресенье около полудня. Свадебная процессія двигается изъ дома невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обыкновенно поѣздъ размѣщается на повозкахъ или верхами, но въ другихъ процессія отправляется пѣшкомъ даже и зажиточными людьми. Во главѣ церемоніи идетъ нѣсколько музыкантовъ или по-

крайней мѣрѣ одинъ играющій на рожкѣ или свирѣли. Затѣмъ братъ жениха ведетъ невѣсту, а за ними идутъ *старисватъ*, *кумъ*, *байрактарь* (знаменоносецъ) *чаушъ*, родители, родственники и друзья невѣсты. У всѣхъ участвующихъ въ процессіи на лѣвой рукѣ повязанъ пестрый платокъ. Дошедши до дома жениха, процессія останавливается; къ ней присоединяется женихъ, отличающійся отъ всѣхъ повязаннымъ по фескѣ платкомъ, и ему теперь передаютъ невѣсту ея родственники, къ которымъ присоединяются и родственники жениха, и процессія направляется къ церкви. По окончаніи вѣнчанія, совершаемаго обычнымъ порядкомъ православной церкви, пистолетные выстрѣлы около церкви привѣтствуютъ совершеніе бракосочетанія. Съ весельемъ и музыкою возвращается свадебная церемонія въ домъ жениха. Здѣсь теща встрѣчаетъ новобрачныхъ съ различными символическими обрядами, выражающими желанія новой семьѣ и дому всякаго добра и счастія. Такъ около Варны теща осыпаетъ новобрачныхъ при вступленіи ихъ въ домъ сѣменами различныхъ плодовъ; въ другихъ мѣстностяхъ невѣста на порогѣ дома получаетъ два хлѣба, въ которые затѣмъ втыкаютъ двѣ свѣчи и на колѣна невѣстѣ сажаютъ дитя, чтобы изобразить въ ней символически будущую мать. Но болѣе общій обычай при встрѣчѣ новобрачной тотъ, что теща даетъ ей хлѣбъ въ правую и стаканъ вина въ лѣвую руку въ выраженіе желанія, чтобы въ домѣ никогда не было недостатка въ хлѣбѣ и питьѣ. Прощаясь съ гостями и уходя съ мужемъ въ его особый домъ, новобрачная цѣлуетъ всѣхъ присутствующихъ въ лѣвую щеку и получаетъ отъ нихъ подарки.

Новобрачная должна пройти рядъ обрядовъ, для того чтобы вполнѣ вступить въ общество замужнихъ женщинъ. Такъ на другой день послѣ сватьбы мать жениха и мать

новобрачной въ присутствіи женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ церемоніально убираютъ ея голову уборомъ замужнихъ женщинъ. Какъ въ Сербіи, такъ и въ Болгаріи кромѣ того новобрачная на другой день сватьбы въ сопровожденіи женатыхъ и замужнихъ родственниковъ идетъ къ рѣкѣ или колодцу, зачерпываетъ двѣ чашки воды и ее изъ нихъ обливаютъ. Потомъ она всѣмъ по очереди цѣлуетъ руки, получаетъ въ подарокъ фрукты, посѣщаетъ родителей и родственниковъ и, послѣ исполненія всѣхъ формальностей, считается навсегда принятою въ число замужнихъ.

Нравственность дѣвицы вездѣ, за исключеніемъ очень немногихъ округовъ, цѣнится весьма высоко, а супружеская вѣрность жены требуется и охраняется со всею строгостію. Вдова рѣдко выходитъ замужъ вторично. Въ городахъ часто встрѣчаются женщины въ траурной одеждѣ, которую онѣ носятъ до конца жизни, хотя по обычаю трауръ *полагается только на одинъ годъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ овдовѣвшая женщина выворачиваетъ свою одежду на изнанку, снимаетъ всѣ украшенія и покрывается бѣлымъ платкомъ, который не моется 40 дней. Если же умираетъ жена, то вдовецъ 40 дней не брѣется и носитъ у шапки кусокъ черной матеріи. Если вдовецъ женится вторично, то въ день сватьбы онъ идетъ на могилу своей умершей жены и льетъ на нее вино, такъ какъ полагаютъ, что кости ея сгарютъ при этомъ. Дѣти отъ перваго брака не могутъ оставаться въ домѣ въ свадебную ночь, такъ какъ это непремѣнно принесло бы имъ несчастіе.

По замѣчанію путешественниковъ, приближеніе смерти южный славянинъ встрѣчаетъ съ особенною стоическою твердостію. Онъ спокойно разсуждаетъ съ священникомъ и съ родственниками о своихъ похоронахъ, и плачъ женщины не возмущаетъ его. Нѣкотораго рода фанатизмъ,

нажитый историческими испытаніями народа и безотрадною жизнію каждаго частнаго человѣка, фанатизмъ, сопутствовавшій южному ставянину въ жизни, не оставляетъ его и въ послѣднія минуты...

О находящихся въ агоніи говорятъ, что они видятъ ангела. Умершему даютъ въ руки зажженную свѣчу, туго повязываютъ щеки платкомъ и закрываютъ глаза. Во всемъ домѣ опрокидываютъ пустую посуду: кружки, тазы и т. п., чтобы душа не спряталась въ нихъ и не причинила какихъ-либо непріятностей. Потомъ мертвеца раздѣваютъ, омываютъ, одѣваютъ въ самую новую одежду, кладутъ на столъ, ставятъ въ головахъ и въ ногахъ по зажженной свѣчѣ и кадятъ. Умершимъ священникамъ дѣлаютъ все это по возможности священники, а »ходжамъ« (путешествовавшимъ въ Іерусалимъ на богомолье) такіе же »ходжи«. Домъ наполняется затѣмъ родственниками и знакомыми покойнаго, которые приносятъ свѣчи, а женщины и цвѣты, и прощаются съ покойнымъ. Причитанія надъ покойнымъ родственниковъ обычны и у южныхъ славянъ.

Погребеніе совершается обычнымъ порядкомъ послѣ отпѣванія въ церкви на другой или на третій день послѣ смерти усопшаго. Кутья—также необходимая принадлежность погребенія и у южныхъ славянъ. Кладбище располагается обыкновенно вблизи деревни, иногда среди ея, обыкновенно на возвышенномъ, осѣняемомъ деревьями мѣстѣ. Изъ глубокой древности у южныхъ славянъ доселѣ сохраняется обычай—на новой могилѣ ставить глиняную лампаду въ деревянномъ ящикѣ, устрояемомъ въ видѣ маленькой часовенки, лампаду, въ которой постоянно горитъ масло въ теченіе иногда трехъ лѣтъ по смерти покойнаго. »Высокіе деревянные кресты, рядомъ съ небольшими, на которыхъ обозначены имена покойниковъ, разнообразныя каменныя плиты съ синими и красными надписями, даютъ

сербскимъ деревенскимъ кладбищамъ фантастическій колоритъ, который въ соединеніи съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и живописнымъ безпорядкомъ рѣзко отличаетъ эти кладбища отъ нашихъ западно-европейскихъ«—говоритъ Канитцъ.

Обычаи поминовенія усопшихъ также весьма сходны съ нашими. Кромѣ дня погребенія, поминовеніе совершается на третій, девятый, двадцатый и сороковой день, а также чрезъ 3, 6, 9 мѣсяцевъ и по истеченіи года. Во всѣ эти дни родственники покойнаго почитаютъ долгомъ посѣтить могилу усопшаго, совершаютъ тамъ паннихиды и приносятъ на могилы свѣчи, кутью, пироги и ракію (водку). Въ поминальной трапезѣ участвуетъ и священникъ, а также раздаютъ пироги и деньги нищимъ. Совершается также поминовеніе усопшихъ (»*задушница*«) и въ тѣ поминальныя или »родительскія« субботы, какія назначаются для этого и въ нашей церкви. Есть также обычай совершать поминовеніе усопшихъ и въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли. Высокое чествованіе памяти усопшихъ родственниковъ, выражаемое въ усердномъ поминовеніи и молитвахъ о спасеніи душъ ихъ—составляетъ характеристическую особенность славянъ, которая обращаетъ на себя вниманіе западныхъ путешественниковъ. Безъ сомнѣнія она происходитъ изъ того же особенно развитаго семейнаго чувства славянъ, изъ того особенно тѣснаго союза любви между членами семьи, который переходитъ и за предѣлы гроба...

Нельзя впрочемъ не отмѣтить и нѣкоторыхъ суевѣрныхъ элементовъ, соединяемыхъ съ представленіями объ умершихъ. Такъ угощенія, совершаемыя на могилахъ, и употребляемое при этомъ у южныхъ славянъ возліяніе вина и водки на могилы выходитъ изъ древнихъ языческихъ представленій о матеріальномъ существованіи души за гробомъ. Та же мысль выражается въ суевѣрныхъ раз-

сказахъ о *вампирахъ* или *вукодлакахъ*. По народнымъ повѣрьямъ, чрезъ сорокъ дней по смерти злой духъ можетъ оживить трупъ человѣка и сдѣлать его *вукодлакомъ*, который проникаетъ въ домы, душитъ спящихъ людей и сосетъ ихъ кровь. Вукодлаками дѣлаются люди злые, но и добрый человѣкъ можетъ быть обращенъ въ него, если черезъ трупъ его до погребенія перешагнетъ человѣкъ или перебѣжитъ собака, кошка, или перелетитъ птица, почему и стараются всячески предохранить трупъ отъ подобной случайности. Вампиры или вукодлаки особенно много вредятъ во время отъ Пасхи до Вознесенія. Имъ приписываются заразительныя болѣзни и другія несчастія. Чтобы освободиться отъ ихъ пагубнаго дѣйствія, берутъ (въ Сербіи) черную лошадь, ведутъ ее на кладбище къ могилѣ предполагаемаго вукодлака, и если лошадь не хочетъ переступить черезъ могилу, то это несомнѣнный признакъ, что здѣсь погребенъ вукодлакъ; тогда разрываютъ могилу, вбиваютъ колъ въ трупъ покойника и этимъ дѣлаютъ вукодлака безвреднымъ.

Въ заключеніе не можемъ не упоминуть о двухъ особенныхъ праздникахъ южныхъ славянъ, стоящихъ въ связи съ особенно тѣснымъ общиннымъ и семейнымъ ихъ бытомъ. Это—*соборъ* и *слава*. Соборъ или сборъ—праздникъ въ честь святаго, почитаемаго патрономъ извѣстнаго села или деревни, праздникъ отправляемый всѣмъ обществомъ. Послѣ богослуженія совершается водоосвященіе, окропляется св. водою скотъ и совершается крестный ходъ съ молебствіемъ по полямъ села или деревни. Праздникъ заключается угощеніемъ, пѣніемъ, музыкою и плясками. *Слава*—праздникъ въ честь святаго—патрона извѣстной семьи. Какъ каждая деревня или село имѣетъ свой *соборъ*, такъ каждая семья празднуетъ *славу* въ честь извѣстнаго свя-

таго. Праздникъ освящается молебномъ въ домѣ и въ немъ участвуютъ изъ постороннихъ только ближайшіе родственники, которые при этомъ приносятъ нѣкоторые подарки.

А. В—новъ

Изъ Палестинскихъ впечатлѣній.

Галилея.

Прости, Тиверіада, вы—
Струи святаго водоема!..
Съ разсвѣтомъ, въ блескѣ синевы,
Плетусь извивами подъема,
Прощальный взглядъ бросаю я
На радость—озеро, долину,
И на гористые края,
И на цвѣтущую равнину.
Среди прозрачной полутьмы,
Я различаю долгимъ взглядомъ
Хлѣба́, желтѣющіе рядомъ,
Мѣстами—рѣзвые холмы,
По нимъ зеленые узоры,
А тамъ ползучій виноградъ,
А тамъ маслинъ безмолвный рядъ,
Вдали—синѣющія горы.
Какъ гибокъ верхній ихъ извивъ,
Какихъ онъ полонъ тонкихъ линій,
И какъ плѣнительно—красивъ
Тотъ дымчатый покровъ ихъ синій!
Но привлекательнѣй всего
Востокъ играетъ разноцвѣтно;
А вотъ и солнышко! его

Пока не видно, но замѣтно:
Ночная тѣнь уже давно
Бѣжитъ въ ущелія, рѣдѣетъ
И холодкомъ оттуда вѣетъ,
Какъ бы сердясь; но вотъ оно
Туманъ нагорный разрѣдило,
Лучомъ прорѣзало его,
Вершины горъ озолотило
И льетъ сіяніе свое...
Ахъ, что́ за радость въ Галилеѣ:
Полей и рощъ здѣсь цѣлый рядъ,
Иная мѣстность—словно садъ,
И даже горы—веселѣе!
Не такъ ихъ много, и кругомъ
Они раскинулись картинно,—
Простору больше, и на немъ
Не все безлюдно и пустынно.
Тамъ привлекаютъ робкій взглядъ
Въ шатрахъ убогихъ бедуины;
А тамъ нарядныя картины
Полей созрѣвшихъ, пестрыхъ стадъ,—
И мыслишь чудными стихами
Пѣвца, пророка и царя:
„*Луга одѣлися стадами*,
„*Пшеницей кроются поля*,
„*И свѣтлой радостью повиты*
„*Холмы веселые бѣгутъ*,
„*Они людьми, дѣтьми покрыты*,
„*И восклицаютъ, и поютъ*“...
Встаетъ Ѳаворъ... И въ восхищеньи,
При свѣтѣ радостнаго дня,
Не чудеса Преображенья
Припоминаю нынѣ я.

Тамъ—братьи вѣрной, братьи милой
Предсталъ Воскресшій! и челомъ
Передъ Его побѣдной силой
Всѣ пали въ радости о Немъ.
Долой—сомнѣнія напасти!
Они внимаютъ на горѣ,
Что нынѣ все въ Его ужь власти—
На небесахъ и на землѣ.
И тутъ же радостно и дивно
Утѣшилъ Онъ учениковъ,
Что будетъ съ ними непрерывно
И до скончанія вѣковъ.
Отсюда онъ во всѣ народы
Послалъ учить ихъ и крестить,
И власть надъ силами природы
Имъ далъ, чтобъ всѣмъ благотворить...
О, Господи, незримый взгляду,
Но сердцу ясный какъ Любовь!
Прими восторгъ мой, и отраду,
И поклоненіе безъ словъ!...

С. Пономаревъ.

Іюнь 1873.
Назаретъ.

Въ Великій Пятокъ.

Весна! природа оживаетъ,
Повсюду блескъ и красота:
А церковь Божія рыдаетъ
У гроба Господа—Христа.

Надъ нимъ огни, и дымъ кадила,
И ароматы, и цвѣты,—

Природа Богу послужила:
А ты, душе моя?—а ты?...

Гдѣ твой огонь—пылъ вѣры чистой?
Гдѣ ѳиміамъ—молитвы духъ?
Гдѣ цвѣтъ и ароматъ душистый—
Любовь, отзывчивая вдругъ?...

Скорбя, и плача, и цѣлуя
Сіи безсмертныя черты,
Я не кладу, но самъ беру я
Отъ гроба Господа цвѣты.

Беру съ Главы, увитой тёрномъ,
И горячо молюсь душой,
Да будетъ разумъ мой покорнымъ
Его Премудрости святой.

Да сердце съ нею связью цѣльной
Сольется, вспыхнетъ, оживетъ
И вѣкъ любовью неподдѣльной
Благоухаетъ и цвѣтетъ.

О, Господи! Ты зришь и чуешь
Движенья тайныя сердецъ,
Ты и намѣренья цѣлуешь
И ихъ пріемлешь, какъ Отецъ:

Прими же вздохъ мой оживленный,
Прими на гробъ Твой, какъ цвѣтокъ,—
Его вѣдь Ты же, Погребенный,
Изъ сердца бѣднаго извлекъ!

С. Пономаревъ.

6 апрѣля 1873.
Русикъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1879 ГОДУ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

„Православное Обозрѣніе“, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ *ежемѣсячно* книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкой 7 рублей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*, у редактора журнала священника при церкви Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Цѣна „Православнаго Обозрѣнія“ за 1875, 1876 и 1877 г. остается прежняя, т. е. 7 руб. съ перес. за годъ.

Въ редакціи можно получать:

1) Указатель къ „Православному Обозрѣнію“ за одиннадцать лѣтъ 1860 — 1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна указателя 75 коп. съ перес. 1 руб.

2) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія Архіепископа Московскаго. Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.

3) Полные экземпляры „Православнаго Обозрѣнія“ за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы — по 2 руб.

безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869 — по 3 р. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874 по 5 руб. безъ пересылки. а за четырнадцать лѣтъ 1861 — 1874 — сорокъ пять рублей. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 14 лѣтъ — за 100 фунтовъ по разстоянію.

Редакторъ-издатель *свящ. Преображенскій.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей«, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года, будетъ издаваться и въ будущемъ 1879 году.

Подписная цѣна *на мѣсть* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.*

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничн-

ные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ Виталій.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 27 ноября 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб.

№ 50.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Декабря 10-го.

Содержаніе: Богослуженіе на грузинскомъ языкѣ (Поправка).—О „Вспомогательной книгѣ при отправленіи приходскихъ требъ“, составленной свящ. Н. Сильченковымъ.—О воспріемникахъ при таинствѣ св. крещенія.—Отношеніе земства къ народному образованію.—На передовую статью, помѣщенную въ 127 № газеты „Современность“.—Объявленія.

Богослуженіе на грузинскомъ языкѣ.

(Поправка).

Въ № 44 нашего журнала за текущій годъ напечатано извѣстіе, что новый экзархъ Грузіи, Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, издалъ по своему экзархату распоряженіе, въ силу котораго въ грузинскихъ церквахъ возстановляется богослуженіе на грузинскомъ языкѣ. Къ этому извѣстію присоединены разъясненія столь замѣчательнаго распоряженія и предположенія о побужденіяхъ, вызвавшихъ его, причемъ даже не обошлось дѣло безъ Биконсфильда. Какъ самое извѣстіе о фактѣ, такъ и эти разъясненія его и предположенія заимствованы нами изъ разныхъ газетъ, которымъ

мы не находили основаній не довѣрять, предполагая, что сообщаемое ими почерпнуто изъ достовѣрныхъ источниковъ. Въ настоящее время мы имѣли честь получить собственноручное письмо отъ Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, экзарха Грузіи, въ которомъ онъ увѣдомляетъ редакцію, что »никакого циркуляра о возстановленіи богослуженія на грузинскомъ языкѣ имъ не было издаваемо, по той простой причинѣ, что не было въ подобномъ циркулярѣ никакой нужды. Богослуженіе въ грузинскихъ церквахъ и прежде совершалось и теперь совершается на грузинскомъ языкѣ, за исключеніемъ церквей при учебныхъ заведеніяхъ и крестовой экзаршеской. Въ самомъ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ только въ высокоторжественные и праздничные дни богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ, такъ какъ въ эти дни большинство молящихся въ храмѣ бываетъ русскаго происхожденія«.

Извѣщая о семъ нашихъ читателей, мы въ тоже время считаемъ своимъ долгомъ покорнѣйше просить редакціи газетъ, въ которыхъ отпечатано невѣрное извѣстіе о возстановленіи въ экзархатѣ богослуженія на грузинскомъ языкѣ, сдѣлать необходимую относительно сего предмета поправку.

При семъ не можемъ не высказать глубокой скорби, что на столбцахъ газетъ, даже болѣе авторитетныхъ и распространенныхъ, время отъ времени чаще стали появляться невѣрныя извѣстія, могущія невольно подрывать довѣріе публики къ этимъ многополезнымъ изданіямъ и—что всего хуже—выходящія изъ нечистыхъ источниковъ нерѣдко съ самыми неблаговидными цѣлями. Полезно было-бы редакціямъ изыскать мѣры противъ этого зла, пока еще оно не достигло большихъ размѣровъ. Иногда выдумка самая повидимому

невинная можетъ навѣять на читателей цѣлую толпу мрачныхъ мыслей. А что сказать объ извѣстіяхъ, относящихся не къ чести почтенныхъ личностей или цѣлыхъ корпорацій, если эти извѣстія содержатъ въ себѣ не болѣе какъ выдумку?.. Есть лица, которыя находятъ для себя особенное удовольствіе въ пусканіи подобныхъ утокъ и, пользуясь безнаказанностію, имѣютъ въ такихъ подвигахъ обильную пищу для чванства въ своемъ кругу.

О „ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ КНИГѢ ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ ПРИХОДСКИХЪ ТРЕБЪ“, СОСТАВЛЕННОЙ СВЯЩ. Н. СИЛЬЧЕНКОВЫМЪ.

При составленіи своей »Вспомогательной книги« о. *Сильченковъ* преслѣдовалъ ту задачу, чтобы его книга *могла служить дѣйствительнымъ пособіемъ при отправленіи приходскихъ требъ*. Посмотримъ, въ какой степени и какъ онъ достигаетъ своей предположенной цѣли? »При существованіи Требника,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей »Вспомогательной книгѣ«,—казалось бы, не должно быть надобности въ другой какой-либо вспомогательной книгѣ для отправленія приходскихъ богослуженій. Но, какъ ни опредѣленно изложены правила Требника, замѣчаемое въ пріемахъ и способахъ отправленія одной и той же требы разнообразіе,—допускаемое въ разныхъ мѣстностяхъ, иногда—сосѣднихъ между собою,—безпорно говоритъ за необходимость такой вспомогательной книги«. И вотъ о. *Сильченковъ* считаетъ нужнымъ изложить и подробно излагаетъ въ своей »Вспомогательной книгѣ«

обрядовый порядокъ совершенія требъ. Но скажите пожалуйста, почему это о. *Сильченкову* пришло на мысль въ своей «Вспомогательной книгѣ« подробно излагать обрядовый порядокъ совершенія требъ, когда онъ (порядокъ) уже изложенъ въ Требникѣ? Развѣ перепечатка этого порядка изъ Требника въ »Вспомогательной книгѣ« можетъ принести кому-нибудь пользу? Или порядокъ совершенія требъ, изложенный въ Требникѣ, можетъ быть менѣе понятнымъ, чѣмъ въ перепечатанномъ видѣ? Правда о. *Сильченковъ* подробно излагаетъ обрядовый порядокъ совершенія требъ потому, что въ Требникѣ нѣтъ указаній относительно нѣкоторыхъ пріемовъ и способовъ отправленія требъ. Но сдѣлать необходимыя замѣчанія относительно пріемовъ и способовъ совершенія требъ, не указанныхъ въ Требникѣ, легко можно было бы и не прибѣгая къ подробному изложенію обрядоваго порядка отправленія требъ, тѣмъ болѣе, что недомолвки Требника относительно нѣкоторыхъ пріемовъ и способовъ совершенія требъ весьма не многочисленны. Между тѣмъ подробное изложеніе обрядоваго порядка совершенія требъ безъ нужды повліяло на увеличеніе объема «Вспомогательной книги«.

Въ томъ же предисловіи къ своей »Вспомогательной книгѣ« о. *Сильченковъ* говоритъ, что при пользованіи Требникомъ, необходимо также знать церковныя правила и гражданскіе законы, относящіеся до каждой требы (правила замѣнившія или пополняющія указанія Требника). Потому о. *Сильченковъ*, изложивши обрядовый порядокъ совершенія тѣхъ или другихъ требъ, снабжаетъ »Вспомогательную книгу«, назначаемую для пособія при отправленіи требъ, церковными правилами и гражданскими по-

становленіями, относящимися до каждой требы и дѣйствующими въ настоящее время. Но развѣ у насъ нѣтъ подробнаго »изложенія церковно-гражданскихъ постановленій«, составленнаго прот. Парвовымъ и изданнаго въ руководство священникамъ на случай совершенія имъ приходскихъ требъ?! Право мы не понимаемъ, почему это о. *Сильченкову* понадобилось перепечатать эти правила и постановленія въ свою »Вспомогательную книгу«. Или быть можетъ, что церковныя правила и гражданскія постановленія не надлежащимъ образомъ изложены въ книжкѣ прот. Парвова, и потому о. Сильченковъ нашелъ необходимымъ изложить и излагаетъ эти правила и постановленія съ большею полнотою, ясностію и систематичностію? Нельзя этого сказать! Уже то, что составитель »Вспомогательной книги« подъ отдѣльными рубриками излагаетъ церковныя правила и гражданскія постановленія, относящіяся до каждой требы, говоритъ не въ пользу этой книги. Прежде всего мы должны замѣтить, что о. *Сильченковъ* совершенно напрасно поставилъ отдѣльные рубрики для изложенія церковныхъ правилъ и постановленій гражданскихъ, потому что какъ церковныя правила, такъ и гражданскія постановленія входятъ и въ другіе рубрики его »Вспомогательной книги«. Затѣмъ, о. *Сильченковъ* не основательно поступаетъ, когда церковныя правила и гражданскія постановленія излагаетъ подъ особыми рубриками, а не совмѣстно. Отдѣляя церковныя правила отъ гражданскихъ постановленій, относящихся до каждой требы, онъ тѣмъ самымъ придаетъ какъ будто меньшее значеніе постановленіямъ гражданскимъ сравнительно съ церковными правилами. Между тѣмъ и правила церковныя и гражданскія постановленія имѣютъ одинаково руководительное значеніе для пастырей—совершителей требъ, и гражданскія постановленія относительно требъ не могутъ быть названы

гражданскими въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Потомъ, излагая церковныя правила и гражданскія постановленія относительно требъ подъ особыми рубриками, о. *Сильченковъ* по необходимости долженъ былъ повторяться и расширять объемъ своей »Вспомогательной книги« (напр., стр. 36 и 37 съ 39 стр.), потому что выраженное въ правилахъ церковныхъ подтверждается, дополняется или уясняется въ гражданскихъ постановленіяхъ. Кажется, что о. *Сильченковъ* самъ иногда сознавалъ, что неудобно отдѣлять церковныя правила отъ гражданскихъ постановленій и излагать ихъ подъ отдѣльными рубриками; по крайней мѣрѣ въ главѣ о погребеніи онъ уже совмѣстно излагаетъ и церковныя правила и гражданскія постановленія относительно этой требы (стр. 111 »Вспом. кн.«). Наконецъ, нельзя видѣть и того, чтобы о. *Сильченковъ* съумѣлъ надлежащимъ образомъ сгруппировать церковныя правила и гражданскія постановленія, хотя у него и было стремленіе къ тому. Вотъ напр. къ группѣ церковныхъ правилъ относительно *эпитиміи* онъ относитъ и такія: »строжайше запрещается священнику послѣ исповѣди, при какомъ-либо случаѣ, напр. въ ссорѣ съ духовными дѣтьми своими, укорять ихъ тѣми грѣхами, о которыхъ онъ узналъ отъ нихъ на исповѣди. Ему даже запрещается вообще ссориться съ духовными своими дѣтьми—укорять ихъ въ порокахъ, такъ какъ слышащіе брань и укоризны могутъ подумать, что священникъ узналъ о сказанныхъ порокахъ отъ нихъ на исповѣди, и повѣрятъ тому, что укоряемый дѣйствительно имѣетъ эти пороки« (Дух. Регл. ст. 11); или еще: »также строго запрещается открывать и другимъ грѣхи, исповѣданные кѣмъ-либо ему. Грѣхи разрѣшенные на исповѣди, должны быть преданы вѣчному забвенію; тоже, что не разрѣшено на исповѣди, остается на совѣсти кающагося; а совѣсть каждаго есть неприкосновенная

святыня и тайна, которую только Богъ можетъ видѣть и судить« (тамже ст. 9 и 10; Номок. при Б. Требник. пр. 120;—см. 39 стр., Вспом. кн.). Такимъ образомъ съ этой стороны, т. е. со стороны изложенія церковно-гражданскихъ постановленій, относящихся до требъ, »Вспомогательная книга« о. Сильченкова не имѣетъ преимущества предъ книжкою прот. Парвова. Если и есть въ »Вспомогательной книгѣ« что-либо новаго сравнительно съ книжкою прот. Парвова, такъ это изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій относительно крестныхъ ходовъ, молебновъ и присяги. Во всякомъ случаѣ тому, кто имѣетъ у себя книжку прот. Парвова (а кто изъ пастырей церкви не имѣетъ ее?), тому нѣтъ надобности знакомиться съ церковно-гражданскими постановленіями относительно требъ по »Вспомогательной книгѣ« о. Сильченкова; выписывать же »Вспомогательную книгу« и платить за нее 1 р. 40 к. для того только, чтобы познакомиться съ немногими церковно-гражданскими постановленіями относительно крестныхъ ходовъ, молебновъ и присяги, не стоитъ—слишкомъ дорого, къ тому-же пастырямъ церкви уже извѣстны такія постановленія изъ другихъ книгъ и журналовъ духовныхъ.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что Составитель »Вспомогательной книги« преслѣдовалъ болѣе широкую задачу, чѣмъ только изложеніе обрядоваго порядка совершенія требъ и церковно-гражданскихъ постановленій относительно ихъ. Онъ самъ заявляетъ, что вмѣстѣ съ общею жизнью развиваются и формы проявленія религіознаго духа, къ которымъ проявленіямъ должны быть отнесены и требы или богослуженія приходскія; въ нихъ возможны измѣненія, допускаемыя церковною практикою,—возможны, время отъ времени, новые вопросы по требоисправленію, такъ называемые—недоумѣнные вопросы, на которые пока нѣтъ прямыхъ отвѣтовъ въ смыслѣ правила

или закона, но которые тѣмъ не менѣе разрѣшены какъ церковною же практикою такъ и путемъ литературы, согласно съ общимъ понятіемъ о правилахъ и законахъ (см. предисл. къ »Вспом. книг.«). Потому о. Сильченковъ въ свою книгу, предназначенную для руководства пастырямъ при отправленіи требъ, заноситъ практическія замѣтки и указанія на недоумѣнные вопросы,—»замѣтки и указанія, хотя не имѣющія за собою значенія обязательнаго, но существующія уже на практикѣ, появившіяся въ печати, слѣдовательно—болѣе или менѣе обсужденныя и согласованныя съ церковными правилами и гражданскими законами« (тамъ-же). Все это прекрасно, но дѣло только въ томъ, что практическія замѣтки, подъ особою рубрикою помѣщенныя въ »Вспомогательной книгѣ«, суть не что иное, какъ дословная (иногда съ незначительными сокращеніями) перепечатана изъ »Писемъ по пастырскому богословію« прот. Попова, а отчасти и изъ »Руководства для сельскихъ пастырей«. Напр., въ главѣ »о молитвѣ женѣ-родильницѣ въ сороковой день« мы находимъ такія практическія замѣтки: »такъ какъ у насъ приносятся всегда къ воцерковленію младенцы уже крещенные, а не прежде крещенія, въ такомъ случаѣ излишни во второй молитвѣ слова: *да сподобився св. крещенія получитъ часть избранныхъ*... до возгласа, а въ послѣдующей затѣмъ молитвѣ должно быть оставлено прошеніе: *и сподоби е водою и духомъ отрожденія*... также до возгласа«;—»въ молитвѣ—*Нынѣ отпущаеши* не должно говорить *рабу Твою*, но *раба Твоего*, хотя бы младенецъ былъ и женскаго пола, потому что текстъ этой молитвы—евангельскій,—и произносится не прямо отъ лица воцерковляемаго, а только по примѣненію къ событію«;—»въ домѣ »сороковую молитву« читать не слѣдуетъ ни для родильницы, ни для младенца, а только въ церкви«;—»для ма-

терей незаконнорожденныхъ не должна читаться »сороковая« молитва по смыслу 38, 59 и 75 правилъ Василія Великаго; по крайней мѣрѣ, нужно напоминать объ этомъ матерямъ, чтобы они тѣмъ болѣе сокрушались за свой грѣхъ« (стр. 9—10). Обращаясь къ »Письмамъ по пастырскому богословію« прот. Попова, во 2-й части въ § 28 о сороковой молитвѣ, читаемъ: »Такъ какъ у насъ приносятся къ воцерковленію младенцы всегда крещенные, а не прежде крещенія, въ такомъ случаѣ излишни въ 2-й молитвѣ слова: »да сподобився святаго крещенія, получитъ часть избранныхъ...« до возгласа, а въ послѣдующей за тѣмъ молитвѣ должно быть оставлено прошеніе: »и сподоби е... водою и духомъ отрожденія...« также до возгласа«;—»въ это время (когда священникъ съ младенцемъ мужескаго пола входитъ въ алтарь, а съ младенцемъ женскаго пола доходитъ только до царскихъ дверей) читается: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего*,—всегда *раба*, а не *рабу*, хотя бы приносимый младенецъ былъ женскаго пола, потому что текстъ этой молитвы евангельскій, и произносится только по примѣненію, а не прямо отъ лица воцерковляемаго«;—»въ домѣ сороковую молитву для родильницы читать не слѣдуетъ, равно какъ и для младенца, но только лишь въ церкви«;—»для матерей не законнородившихъ не должна бы и читаться сороковая молитва, по всей строгости церковныхъ правилъ (въ сноскѣ о родит. 75, 58—59 пр. Васил. Велик.); по крайней мѣрѣ нужно напоминать объ этомъ матерямъ, чтобы онѣ тѣмъ болѣе сокрушались за свой грѣхъ« (Письм. по паст. богосл. прот. Попова. Пермь 1874, част. II, стр. 96—97). Мы не будемъ дѣлать дальнѣйшихъ сличеній »пастырскихъ замѣтокъ«, помѣщенныхъ въ »Вспомогательной книгѣ«, съ совѣтами и замѣчаніями, изложенными прот. Поповымъ въ его письмахъ по пастырскому Богословію, потому что

для этой цѣли потребовалось-бы переписать треть или четверть всей »Вспомогательной книги« и выписать значительную часть писемъ прот. Попова, что можетъ утомить и вниманіе нашихъ читателей, да и намъ не долволяетъ сдѣлать объемъ нашей статьи. Опять, такимъ образомъ, мы наталкиваемся на неотвязчивый вопросъ: какая о. *Сильченкову* была надобность въ подобныхъ перепечаткахъ?! Конечно, у составителя »Вспомогательной книги« была *какая-то* надобность въ подобныхъ перепечаткахъ и заимствованіяхъ; только, что скажетъ прот. Поповъ, когда въ »Вспомогательной« книгѣ о. Сильченкова увидитъ по частямъ перепечатанными свои письма? Навѣрно ужъ не скажетъ за то спасибо о. Сильченкову! А что сказать объ отвѣтахъ на недоумѣнные вопросы, подъ особою рубрикою помѣщенныхъ въ »Вспомогательной книгѣ«? Это—мелкія статьи по вопросамъ пастырской практики, помѣщенныя въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« за разные годы, а также въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ,—статьи, уже давно собранныя преподавателемъ воронежской семинаріи Василіемъ Абрамовичемъ Маврицкимъ и, благодаря его литературной предпріимчивости, явившіяся въ настоящемъ году третьимъ изданіемъ[1]). Хотя о. *Сильченковъ*, этимъ статьямъ (въ сокращенномъ видѣ) отводя особое мѣсто въ своей »Вспомогательной книгѣ«, и замѣчаетъ предварительно, что онѣ могутъ имѣть весьма важное значеніе, какъ указанія, существующія на практикѣ, появившіяся въ печати, слѣдовательно—болѣе или менѣе обсужденныя и согласованныя съ правилами церковными и гражданскими законами, но это не совсѣмъ такъ. Нѣкоторыя изъ такихъ замѣтокъ литературныхъ не только не имѣютъ руководительнаго значенія, но идутъ въ прямой разрѣзъ

[1]) См. № 49 нашего журнала за настоящій годъ.

съ *каноническими требованіями*, и о. Сильченковъ даже не принялъ на себя труда сдѣлать должный выборъ между ними.

Уже изъ высказанныхъ нами замѣчаній о »Вспомогательной книгѣ« о. Сильченкова можно видѣть, какими достоинствами она отличается, и къ какого рода изданіямъ должна быть отнесена. Можно пожалѣть только, что о. Сильченковъ и время, и силы потратилъ на трудъ не вполнѣ производительный и не вполнѣ благовидный, занимался такъ сказать переливаніемъ »изъ пустаго въ порожнее«.

З.

О воспріемникахъ при таинствѣ св. крещенія[1]).

Церковный обрядъ воспріемничества, начавшись въ самые первые вѣка христіанства, соблюдался всегда и теперь соблюдается во всей церкви. Въ теченіи стольких вѣковъ принимая извѣстныя формы, опредѣляясь постановленіями, онъ очень мало потерпѣлъ измѣненій, и никогда не былъ совсѣмъ отвергаемъ или перекаемъ. Въ сущности своей онъ остается такимъ же, какимъ былъ издревле. Значитъ, въ важности и значеніи его никогда не сомнѣвались.—И такъ—какое значеніе воспріемничества?

Трудно выразить однимъ какимъ-либо словомъ его значеніе, потому что обязанности воспріемника при крещеніи многоразличныя. Впрочемъ онѣ могутъ быть подведены подъ извѣстныя точки зрѣнія. Слово „ἀνάδοχος“ (отъ ἀναδέχομαι) означаетъ то дѣйствіе, когда крещаемаго принимаютъ на руки; отсюда, будучи помощникомъ и сотрудни-

[1]) См. № 20.

комъ священника въ обрядовой части таинства[1]), воспріемникъ вмѣстѣ съ тѣмъ является споручителемъ вѣры при крещеніи младенцевъ, свидѣтелемъ и наставникомъ крещаемаго и, наконецъ, отцомъ его духовнымъ. Разсмотрѣніе воспріемника съ этихъ сторонъ и можетъ дать опредѣленныя представленія о его значеніи.

Покаяніе и вѣра составляютъ необходимыя условія[2]), которыя человѣкъ долженъ показать предъ церковію, чтобы принять отъ ней таинство крещенія; потому еще въ древности, какъ свидѣтельствуетъ Августинъ, готовящихся къ крещенію епископъ спрашивалъ: »вѣруютъ-ли они въ Бога, отрицаются-ли діавола«. Если крещаемые были младенцы или люди, одержимые тяжкими недугами—душевными и тѣлесными болѣзнями, то, говоритъ Кириллъ Александрійскій, »другіе за него отрицаются діавола и сочетаваются Христу«. Подъ словомъ »другіе« здѣсь, конечно, должно разумѣть воспріемниковъ, которые, исполняя это великое дѣло, ручаются за вѣру крещаемаго; потому что самъ крещаемый, въ минуту своего крещенія, и сказать и по-

[1]) О значеніи воспріемника, какъ помощника, не считается нужнымъ говорить подробно. Замѣтимъ только, что обрядовая сторона этого служенія въ древности не была, да и не могла быть опредѣлена съ каноническою точностію. Вотъ какъ она представлена in ordine Ilamoviensi Ассемана: matrina debet expoliare puerum et tradere patrino, qui accipiet subtus scapulas... et deferentes puerum ad fontes, omnibus appratis et patrino tenente eum nudum in porta Ecclesiae, et matrino in manu et pede, si sit consuetudo in illa Ecclesia, vel faciendo caeremonias consvetas, dicit presbyter... Въ Sacramentalbuch упоминается, что при крещеніи воспріемники вмѣстѣ съ крестниками сходили къ водѣ съ обнаженными ногами, на которыя становились крещаемые, держали правую руку на головѣ или плечѣ крещаемыхъ, а послѣ погруженія, надѣвъ на нихъ сорочку, вели къ алтарю.—Какъ совершается это въ нашей церкви—каждому извѣстно.

[2]) Кат. прав. церкви.

нять не можетъ этой вѣры по причинѣ своего младенчества или тяжелыхъ недуговъ. Такимъ образомъ ручательство воспріемника даетъ возможность младенцу принять таинство крещенія, а церкви—сообщить ему оное; а потому на ручательство воспріемника можно смотрѣть съ двухъ сторонъ—въ отношеніи къ крещаемому и въ отношеніи къ церкви. Что такое споручитель по отношенію къ крещаемому? Это какъ бы въ заемъ дающій крещаемому свою вѣру. На вѣрѣ воспріемника основывается возможность таинства для того или другаго лица; потому что эта вѣра принимается церковію, какъ собственная вѣра крещаемаго. Какъ же вѣра воспріемника можетъ вмѣниться крещаемому и—содѣлать чрезъ то достойнымъ принятія св. таинства? За рѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ ученію церкви. Въ пространномъ катехиз. говорится, что младенцы крестятся »по вѣрѣ родителей и воспріемниковъ«. Значитъ, по ученію нашей церкви, для младенцевъ необходима вѣра воспріемниковъ, подъ условіемъ которой совершается ихъ крещеніе; но какъ эта сторонняя вѣра вмѣняется крещаемому, становясь его вѣрою,—церковь того не объясняетъ; потому что это есть предметъ благоговѣйной вѣры, а не знанія. Впрочемъ, разсуждая въ ея духѣ, можно сказать, что это совершается *дѣйствіемъ устроенія Божія и дѣйствіемъ самой вѣры.* Если церковь, водимая св. Духомъ, требуетъ вѣры воспріемника и крещаетъ младенца по вѣрѣ перваго, то ясно, что это согласно съ волею Божіею, что Господь принимаетъ вѣру воспріемника, какъ вѣру самаго младенца. Въ св писаніи есть много примѣровъ подобнаго устроенія Божія, въ силу котораго благодѣтельныя слѣдствія вѣры или дѣйствія одного лица простираются на многихъ. Такъ—вѣра Авраама имѣла благодѣтельныя послѣдствія для всѣхъ его потомковъ, и по силѣ этой вѣры младенцы іудейскіе чрезъ обрѣзаніе всту-

нали въ завѣтъ съ Богомъ. Самое величайшее дѣло домостроительства Божія о нашемъ спасеніи совершается чрезъ вѣру въ заслуги Сына Божія; такъ что предъ правосудіемъ Божіемъ »аще Единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша«[1]). Подобно этому и вѣру воспріемника Господь принимаетъ какъ вѣру самаго крещаемаго младенца,— »нарицаяй несущая, яко сущая«[2]), нарицаетъ крещаемаго младенца вѣрующимъ за вѣру воспріемника.

По вѣрѣ воспріемника, поручившагося за воспринимаемаго, низводится въ душу послѣдняго благодатная вѣра, въ слѣдствіе которой крещенный принимаетъ потомъ всѣмъ сердцемъ ученіе церкви, лишь только начнетъ понимать его. Вседѣйствующая благодать св. Духа, непрестанно толкущая въ сердце каждаго человѣка, не только не встрѣчаетъ никакого препятствія въ сердцѣ дитяти; но еще болѣе укрѣпляетъ въ его душѣ сѣмя вѣры, и потому запечатлѣваетъ её печатію своего дара.

Равнымъ образомъ воспріемникъ есть споручникъ вѣры крещаемаго предъ церковію, требующей ручательства. Таинство крещенія можетъ быть сообщено только истинно вѣрующему; посему для церкви нужно ручательство въ томъ, что извѣстный человѣкъ, ищущій крещенія, имѣетъ всѣ качества, необходимыя для вступленія въ общество вѣрующихъ. Въ этомъ отношеніи церковь смотритъ на воспріемника какъ на лицо, хорошо извѣстное ей—православнаго по вѣрѣ и христіанской жизни, и потому полагается на его ручательство. Правила церковныя, какъ прежде, такъ и теперь, непремѣнно требуютъ воспріемника и при крещеніи людей совершеннолѣтнихъ и здоровыхъ. Изъ возрастныхъ и здоровыхъ не всѣ могутъ быть извѣстны церкви по своимъ умственнымъ и сердечнымъ свой-

[1]) 2 Кор. 5, 14.
[2]) Рим. 4, 17.

ствамъ; церковь можетъ и не знать, достойны-ли извѣстныя лица, желающія принять крещеніе, вступить въ общество вѣрующихъ. А потому и при крещеніи совершеннолѣтнихъ и здоровыхъ поручительство за нихъ предъ церковію оказывается совершенно необходимымъ. Съ этой точки зрѣнія воспріемникъ является свидѣтелемъ предъ церковію за воспринимаего; какъ дѣйствительно онъ и представленъ такимъ въ церковной іерархіи Деонисія Ареопагита: »кто пожелаетъ, говорится тамъ, сдѣлаться причастникомъ тѣхъ сверхъестественныхъ даровъ, то, пришедши къ какому нибудь изъ посвященныхъ въ сіи таинства, долженъ просить, чтобы онъ повелъ его къ совершителю таинства (обѣщаясь самъ повиноваться всѣмъ учрежденіямъ), и чтобы онъ заботился не только о его допущеніи къ нимъ, но и о всей послѣдующей жизни. Тогда этого человѣка, благочестиво заботящагося о спасеніи пришедшаго къ нему, обнимаетъ страхъ и безпокойство; но, наконецъ, онъ соглашается исполнить его просьбу и, взявши его, ведетъ къ великому священнику«. Такимъ образомъ воспріемничество, какъ поручительство за вѣру крещаемаго предъ церковію, входя въ сущность таинства, имѣетъ весьма важное значеніе.

Позволяя воспріемнику ручаться за вѣру крещаемаго и принимая ручательство его, церковь тѣмъ самымъ налагаетъ на воспріемника обязанность, что новокрещенный будетъ имѣть вѣру истинную, православную, и будетъ исполнять всѣ свои обѣты. Въ простр. кат. нашей церкви именно говорится, что воспріемники, ручаясь за вѣру крещаемаго, »по крещеніи должны принять его въ свое попеченіе, для утвержденія его въ вѣрѣ«. Такимъ образомъ. воспріемничество имѣетъ и другое, не менѣе важное значеніе—воспріемникъ не только поручитель за вѣру крещаемаго предъ церковію, но и наставникъ и руководитель его. Памятникомъ

такого высокаго понятія церкви о воспріемникѣ до сихъ поръ *остается одна* бесѣда Августина: »я прошу, говоритъ онъ, чтобы *каждый* мужчина и каждая женщина, воспріявшіе дѣтей *отъ св. купели*, всякій разъ, когда наступаютъ пасхальныя *торжества, припоминали*, что они суть споручники вѣры, и потому должны всегда поддерживать въ воспринятыхъ ими заботливость объ истинной любви, увѣщавали бы ихъ беречь чистоту, сохранять дѣвство до брака, удерживать свой языкъ отъ злословія и клятвопреступленія, не произносить устами соблазнительныхъ пѣсень, не питать въ сердцѣ злобы и ненависти, убѣгать гаданій, чародѣевъ и всѣхъ служителей діавола,—требовали бы, чтобы они содержали вѣру каѳолическую, чаще ходили въ церковь, и, оставивъ разсѣянность, внимательно слушали божественныя чтенія,—чтобы принимали странниковъ, и, какъ сказано было имъ при крещеніи, умывали ноги пришельцамъ, жили дружелюбно, священникамъ и родителямъ оказывали почтеніе съ любовію«. Изъ этихъ словъ бл. Августина видно, что церковь смотритъ на воспріемника, какъ на наставника не только въ христіанскихъ догматахъ, но и—въ дѣлахъ благочестія, или—какъ его опытнаго духовнаго руководителя, въ которомъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ нужду каждый возрожденный. Такимъ именно и долженъ быть воспріемникъ: онъ не только ручается за вѣру крещаемаго; но и за дѣла, достойныя вѣры; слѣдовательно онъ обязанъ наставлять воспринятаго и истинамъ вѣры и правиламъ христіанской жизни. Здѣсь раждается вопросъ,—о важности котораго много говорилъ въ свое время Тертулліанъ. Что, если новокрещенный, за вѣру и благочестіе котораго воспріемникъ поручился предъ церковію, въ послѣдствіи времени и образомъ мыслей и своими дѣлами будетъ, если не совсѣмъ чуждаться христіанства, то по крайней мѣрѣ оказывать къ нему крайнее невниманіе и небрежность? Вопросъ этотъ мо-

жетъ возмущать совѣсть каждаго воспріемника, если взять во вниманіе не только возможность подобныхъ случаевъ, но и дѣйствительные примѣры. Но успокоительнымъ для воспріемника отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить свойство самаго ручательства его предъ церковію. Воспріемникъ ручался за вѣру и благочестіе крестящагося и церковь приняла это ручательство въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ наставлять воспринятаго въ томъ и другомъ отношеніи, какъ только тотъ будетъ имѣть способность понимать ученіе. Такимъ образомъ крещаемому младенцу дается только возможность быть истинно вѣрующимъ, но воспользоваться ею или устранить совсѣмъ ее,—это уже зависитъ отъ него. И воспріемникъ не отвѣчаетъ за то, если, при всемъ усердіи его къ своему дѣлу, онъ не увѣнчается желаннымъ успѣхомъ. Въ исторіи гоненій на церковь упоминается одинъ случай, подтверждающій нашу мысль. Во время гоненія Вандаловъ извѣстному мучителю Епидифору представленъ былъ на истязаніе нѣкто діаконъ Муреta, бывшій воспріемникъ Епидифора отъ купели крещенія (Епидифоръ прежде былъ христіанинъ). Этотъ доблестный мужъ, представъ предъ лицо мучителя, дышащагося злобой и убійствомъ, вынулъ скрытый у него подъ одеждой кусокъ полотна и, разорвавъ его предъ глазами всѣхъ, сказалъ ему: »это твои крещальныя пелены, Епидифоръ! Ты теперь рабъ заблудшій; онѣ будутъ жаловаться на тебя предъ божественнымъ судилищемъ. Я сберегалъ ихъ какъ свидѣтельство твоего развращенія и вѣчнаго осужденія. Онѣ свидѣтельствуютъ тебѣ, несчастный, что ты совершенно чистъ вышелъ со мною изъ купели«.—Но церковь, давая новокрещенному возможность быть истинно-вѣрующимъ, употребляетъ съ своей стороны всѣ средства къ приведенію этой возможности въ дѣйствительность. Назначая воспріемника, какъ споручника и наставника новокрещен-

наго, она усвояетъ ему значеніе свидѣтеля и духовнаго отца для новокрещеннаго, облекаетъ воспріемника властію ему свойственною, чтобы онъ всѣми силами стремился къ одной съ ней цѣли.

Свидѣтель обыкновенно употребляется при договорахъ для строжайшаго и точнѣйшаго выполненія условій, которыя необходимо входятъ въ ихъ составъ. Потому воспріемникъ, какъ свидѣтель крещенія, самымъ своимъ положеніемъ напоминаетъ воспринятому о тѣхъ обязательствахъ, какія этотъ послѣдній принялъ на себя, вступая въ общество вѣрующихъ. Св. Ѳеодоръ, упоминая объ Іоаннѣ Спаѳаріѣ, который при крещеніи своемъ вмѣсто воспріемника употребилъ образъ св. мученика Дмитрія, очень одобряетъ это, говоря, что св. мученикъ, доказавый столькими чудесами дѣйствительность своего заступничества предъ Богомъ, можетъ быть лучшимъ и надежнѣйшимъ свидѣтелемъ, нежели какимъ можетъ быть какой-нибудь царь или князь земный; потому что, прибавляетъ онъ, imaginis siquidem honos transit ad prototypum«. Приведенное обстоятельство показываетъ, что свидѣтельство воспріемника имѣетъ близкое подобіе и сходство съ клятвою. Клятва принимается нами, какъ лучшее доказательство истинности нашихъ увѣреній,—точно такое же понятіе соединяется и съ свидѣтельствомъ воспріемника. Такъ какъ свидѣтельство имѣетъ отношеніе какъ къ тому, для кого дается, такъ и къ тому, кѣмъ дается, то, значитъ, на воспріемника въ качествѣ свидѣтеля можно смотрѣть опять съ двухъ сторонъ въ отношеніи къ церкви, какъ обществу вѣрующихъ, и въ отношеніи къ новокрещенному.

Церковь смотритъ на воспріемника, какъ на свидѣтеля того, что извѣстный человѣкъ чрезъ крещеніе дѣйствительно

вступилъ въ число вѣрующихъ, и что крещеніе надъ нимъ совершено по обряду нашей церкви, что онъ потому имѣетъ право на участіе во всѣхъ таинствахъ и постановленіяхъ христіанской вѣры. Подобное этому свидѣтельству можно находить въ первенствующей церкви. Когда ап. Павелъ, силою благодати Божіей обращенный въ Дамаскѣ къ вѣрѣ Христовой, въ первый разъ пришолъ въ Іерусалимъ, и »покушашеся прилѣплятися ученикомъ, то вси бояхуся его, не вѣрующе, яко есть ученикъ«. Для общества іерусалимскихъ христіанъ необходимо было свидѣтельство другаго лица въ томъ, что Савлъ еще недавно дыша прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни, теперь дѣйствительно принадлежитъ къ обществу вѣрующихъ. И вотъ Варнава, пріемъ его, приведе къ апостоломъ и повѣда имъ, какъ на пути видѣ Господа, и паки въ Дамасцѣ дерзаше о имени Іисусовѣ; и послѣ такого свидѣтельства *бяше съ ними*, замѣчаетъ евангелистъ, *входя и исходя въ Іерусалимъ*[1]). Значеніе воспріемника, какъ *свидѣтеля*, не потеряло своей силы и въ наше время. Когда общество вѣрующихъ имѣетъ нужду въ увѣренности касательно какого-либо человѣка,— точно-ли надъ нимъ совершено таинство крещенія и притомъ по обряду нашей православной церкви, то оно увѣряется въ этомъ свидѣтельствомъ воспріемника. Почему въ нашей церкви существуетъ постановленіе—вносить въ церковныя книги имена воспріемниковъ вмѣстѣ съ именами крестящихся.

Свидѣтель вообще долженъ побуждать къ точному выполненію условій договора или союза. И церковь, усвоя воспріемнику значеніе свидѣтеля крещаемаго младенца, уполномочиваетъ его и властію ему свойственною. Могли и могутъ

[1]) Дѣян. IX. 26.

находиться люди, легко забывающіе свои обязанности, вступивъ въ благодатный завѣтъ съ Богомъ. Воспріемникъ, какъ свидѣтель ихъ обѣщаній и обязательствъ, имѣетъ право всегда напоминать имъ объ этомъ. »Епископъ, говоритъ Діонисій Ареопагитъ, увѣщаваетъ оглашеннаго приступать къ Богу непорочно, какъ Существу совершенному и чистому, и предложивъ ему образъ божественной жизни,—вопросивши—будетъ-ли онъ жить такъ послѣ исповѣданія, возлагаетъ на главу его руку, и повелѣваетъ священникамъ записать этого мужа и воспріемника«. Эта запись, конечно, служила доказательствомъ того, что крещенный обѣщался жить по евангельскимъ правиламъ, что искренность его обѣщанія подкрѣплена и воспріемникомъ, какъ свидѣтелемъ. Слѣдовательно, воспріемникъ, какъ свидѣтель обѣщаній крещеннаго, есть церковно-юридическое лицо, имѣющее право заставить христіанъ жить и дѣйствовать достойно своего святаго званія.

Во имя вышеозначенной цѣли воспріемникъ является предъ церковію также и въ качествѣ духовнаго отца новокрещеннаго[1]). »Какъ отецъ духовный крещенному, воспрі-

[1]) Отсюда происходитъ родство воспріемника съ его крестникомъ, мысль о которомъ была въ церкви съ самаго ранняго времени; но она долго не опредѣлялась извѣстными постановленіями. Кажется, въ первый разъ въ качествѣ церковнаго закона она является въ кодексѣ императора Юстиніана, въ которомъ говорится: »лицо воспринимающее отъ св. купели не можетъ вступать въ бракъ съ воспринимаемымъ; потому что связь, чрезъ которую соединяются ихъ души при посредствѣ Бога, производитъ духовное родство. Этотъ законъ относится только къ ближайшему родству,—въ послѣдствіи времени онъ сдѣлался гораздо обширнѣе. Трульскій соборъ уже запрещаетъ вступать въ бракъ воспріемнику съ своимъ крестникомъ, равно какъ—и съ матерію его. Вѣрованіе западной церкви относительно духовнаго родетва выражается въ опредѣленіи Тридентскаго собора, который говоритъ: воспріемникъ

емникъ есть большій, нежели отецъ, родившій его по плоти; овъ убо къ плотскимъ служитъ ему, сей же къ духовнымъ«[1]). Посему церковь возлагаетъ на воспріемника, какъ на духовнаго отца, обязанность по христіански воспитать воспринятаго имъ крестника. Какъ отецъ тѣлесный доставляетъ своему сыну всѣ средства для питанія и укрѣпленія тѣла, такъ отецъ духовный долженъ заботиться о питаніи, укрѣпленіи и возрастаніи души своего духовнаго сына. Христіанская и родительская любовь вмѣстѣ должна внушить воспріемнику о пріисканіи средствъ для выполненія его тяжелой обязанности. Въ первые вѣка христіанства между такими средствами было обыкновеніе у воспріемниковъ—брать въ свои домы тѣхъ изъ воспринятыхъ ими, у которыхъ умирали плотскіе родители, или такъ были небрежны, что могли соблазнять новокрещенныхъ своею неблагочестивою жизнію. Воспріемникъ въ качествѣ духовнаго отца долженъ заботиться о томъ, чтобы крещенный съ юныхъ лѣтъ воспитывался въ правилахъ вѣры и христіанскаго благочестія.—Изъ всего, что сказано о значеніи воспріемника, можно видѣть и слѣдующія обязанности его: 1) воспріемникъ есть поручитель за вѣру крещаемаго; отсюда онъ никогда не долженъ забывать своего званія, и постоянно внушать своему крестнику,—въ чемъ онъ ручался за него; 2) воспріемникъ есть наставникъ; потому его долгъ стараться о христіанскомъ воспитаніи воспринятаго имъ; и побуждать своего крестника къ исполненію всѣхъ постановленій церкви; 3) онъ есть

долженъ быть одинъ, или одинъ и одна, между которыми и самымъ крещаемымъ, его отцомъ и матерію, равнымъ образомъ, между крещающимъ и крещаемымъ отцомъ и матерію крещаемаго, происходитъ духовное родство. Ученіе же нашей церкви о духовномъ родствѣ хорошо извѣстно каждому.

[1]) См. Требн. Петр. Мог.

отецъ духовный; слѣдовательно долженъ питать родительскую любовь къ воспринятому имъ и постоянно о немъ молиться и заботиться.

Отношеніе земства къ народному образованію.

Недавно, какъ передаетъ »Новое Время«[1]), были засѣданія с.-петербургскаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія. На одномъ изъ этихъ засѣданій, между прочимъ, рѣшались вопросы о народномъ образованіи, при чемъ къ обсужденію этихъ вопросовъ приглашены были инспекторъ народныхъ училищъ петербургскаго уѣзда, г. Семеко, и г. Григорьевъ, производившіе экзамены въ народныхъ школахъ. Въ засѣданіи, при рѣшеніи вопросовъ о народномъ образованіи, присутствовали вмѣстѣ съ публикою учители и учительницы начальныхъ школъ петербургскаго уѣзда. При чтеніи свѣдѣній объ этомъ предметѣ, намъ бросилась въ глаза новая постановка вопросовъ по народному образованію и новое отношеніе петербургскаго земства къ этому предмету. На это мы и хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Въ отчетѣ земской управы говорилось, что очень не мало деревень, не имѣющихъ школъ и лишенныхъ возможности пользоваться сосѣдними школами—по отдаленности; что не всѣ дѣти, посѣщающія школы, выходятъ грамотными, такъ какъ многія изъ нихъ, ничему не научившись, оставляютъ школы до окончанія курса. На все это отчетъ приводилъ цифры. Въ заключеніе въ отчетѣ говорилось, что нужды народнаго образованія далеко не вполнѣ удовлетворены.

Какъ видно, дѣло народнаго образованія даже въ петербургскомъ уѣздѣ, медленно подвигается впередъ. Въ

[1]) „Новое Время“ № 948-й 1878 г.

видахъ содѣйствія успѣху народнаго образованія, одинъ изъ гласныхъ земскаго собранія, г. Цыловъ, пытался дать новую постановку этому дѣлу. Онъ внесъ по этому предмету свое предложеніе въ прошлогоднее очередное петербургское земское собраніе. Въ этомъ предложеніи говорится, чтобы свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности »выдавались не тотчасъ послѣ выпуска дѣтей изъ школы, но чтобы лица, желающія получить эти свидѣтельства, сдавали вторичный экзаменъ въ школѣ по крайней мѣрѣ за три года до призыва, т. е. лѣтъ 18-ти«. Гласный Цыловъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, »что дѣти, получивъ свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности тотчасъ по окончаніи курса, оставляютъ затѣмъ свои занятія въ школѣ и потому ко времени призыва могутъ все перезабыть«.

Предложеніе г. Цылова, можетъ быть, вызвано было и благими желаніями нашему народу; можетъ быть, онъ желалъ, чтобы рекруты являлись на службу хоть съ какимъ-нибудь образованіемъ и, находясь на службѣ, продолжали свое образованіе чтеніемъ книгъ и проч. Желаніе это, въ существѣ дѣла, весьма благое. Въ самомъ дѣлѣ, кто не хотѣлъ бы видѣть въ нашихъ солдатахъ людей болѣе или менѣе образованныхъ? Давно уже русская пословица гласитъ, что »ученіе—свѣтъ, а не ученіе—тьма«... Но прежде, чѣмъ мы дождемся того, что рекруты будутъ являться на службу хоть сколько-нибудь образованными, необходимо позаботиться о томъ, чтобы поощрять образованіе въ средѣ народа. Новый уставъ о воинской повинности, предоставляя льготу по образованію, имѣлъ въ виду поощреніе образованія въ нашемъ простомъ народѣ. Виды правительства въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, оправдались опытомъ. Съ обнародованіемъ устава о всеобщей воинской повинности увеличилось число народныхъ

школъ, увеличилось и число учащихся въ нихъ крестьянскихъ дѣтей. Въ первое время, по обнародованіи воинскаго устава, нашъ простой народъ только и толковалъ о томъ, чтобы поучить своихъ »ребятишекъ уму—разуму« въ школахъ, дабы имъ легче было отбывать воинскую повинность и скорѣе пришлось вернуться домой.

Гласный г. Цыловъ говоритъ, что дѣти, учившіяся въ школѣ, ко времени призыва въ воинскую службу »могутъ все перезабыть«, а потому для нихъ нуженъ вторичный экзаменъ въ школѣ, по крайней мѣрѣ за 3 года до призыва. Взглядъ на это дѣло гласнаго петербургскаго земскаго собранія, какъ видно, отличается своеобразностію. Если крестьянскіе мальчики, по окончаніи курса въ школѣ, до призыва могутъ »все перезабыть«, то какъ же они будутъ сдавать »вторичный экзаменъ въ школѣ«? Что забыто, о томъ и спрашивать нельзя. Можетъ быть, они должны готовиться въ вторичному экзамену? Но это едва ли возможно. Окончившій курсъ въ народной школѣ мальчикъ деревенскаго и даже городскаго рабочаго дѣлается помощникомъ своего отца, такъ какъ въ рабочихъ семьяхъ не можетъ оставаться праздною ни одна сила безъ того, чтобы не лечь болѣе или менѣе тяжелымъ гнетомъ на остальныхъ членовъ семьи. Мальчикъ, учившійся въ школѣ, поступаетъ въ ряды чернорабочихъ и чрезъ это самое лишается возможности продолжать свое образованіе и готовиться ко вторичному экзамену, который онъ долженъ здавать за 3 года до призыва. Да и почему именно онъ долженъ держать экзаменъ за 3 года до призыва? Развѣ въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, пока позовутъ его на службу, онъ не можетъ перезабыть то, въ чемъ онъ во второй разъ экзаменовался? Любопытно бы знать, какъ сдержали бы вторичный экзаменъ по предметамъ школьнаго курса не только люди, учившіеся въ нехитрыхъ

школахъ грамотности, но и учившіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если-бы имъ пришлось сдавать экзаменъ въ то время, когда они не подготовлены къ этому, когда они въ продолженіе, напримѣръ, 5-ти лѣтъ занимались совсѣмъ другимъ дѣломъ, несли какую-нибудь обязанность или службу, которая требовала отъ нихъ неотложнаго и усиленнаго труда... Для экзамена нужна подготовка. Когда же крестьянскимъ дѣтямъ, къ тому же взрослымъ и занятымъ работою, готовиться къ вторичному экзамену? Да и кто ихъ станетъ готовить къ этому? Вѣдь въ нашъ вѣкъ наживы, въ вѣкъ верховенства рубля надъ высшими интересами, никто даромъ ничего дѣлать не станетъ. А простолюдинъ нашъ не можетъ нанять учителя, потому что средства для этого у него весьма скудныя... Еслибы нашъ простолюдинъ узналъ, что его дѣтямъ, учившимся въ школѣ и разъ уже сдавшимъ экзаменъ, для полученія права на льготу по отбыванію воинской повинности, нужно держать вторичный экзаменъ за 3 года до призыва, то онъ, вѣроятно махнулъ бы рукой на народную школу и сказалъ бы: »не надо намъ такого образованія«.

Понятно само собою, что предложеніе г. Цылова о переэкзаменовкахъ, переданное петербургскимъ земскимъ собраніемъ на разсмотрѣніе училищнаго совѣта, не было одобрено этимъ совѣтомъ; оно даже найдено вреднымъ. Училищный совѣтъ въ отзывѣ своемъ сказалъ, что »назначеніе переэкзаменовокъ должно идти въ ущербъ народной школы, не принося практической пользы«. А инспекторъ народныхъ училищъ, вполнѣ соглашаясь съ такимъ заключеніемъ совѣта, присовокупилъ отъ себя еще слѣдующее: »изъ самаго заявленія Н. Н. Цылова слѣдуетъ, что часть учениковъ, съ окончаніемъ курса, отвлекаются отъ занятій насущными потребностями жизни. Какое-же противодѣйствіе этимъ потребностямъ можетъ оказать на-

значеніе лишняго экзамена? Между тѣмъ наша молодая народная школа должна дорожить всѣмъ, что можетъ укрѣпить ея положеніе въ средѣ сельскаго населенія, а потому потеря права, предоставленнаго въ настоящее время, не можетъ не отразиться безъ ущерба на развитіи учебнаго дѣла«. Что-же касается средствъ увеличенія людей грамотныхъ и болѣе или менѣе свѣдущихъ, то училищный совѣтъ рекомендовалъ земству—строго производить экзамены на льготу. Но г. Цыловъ не внялъ соображеніямъ училищнаго совѣта, чистосердечно огорчился ими и въ засѣданіи петербургскаго земства открыто заявилъ, что онъ »сожалѣетъ о такомъ финалѣ обсужденій его предложенія« и, будучи не въ духѣ, по поводу этого финала, даже очень рѣзко выразился о существующихъ въ уѣздѣ школахъ, назвавъ ихъ »мастерскими для фабрикаціи свидѣтельствъ на льготу«... Другіе гласные не увлеклись однако такимъ взглядомъ г. Цылова на народныя школы и согласились съ отзывомъ училищнаго совѣта.

Если предложеніе о переэкзаменовкахъ гласнаго г. Цылова не можетъ вызвать сочувствія у людей, желающихъ просвѣщенія нашему простому народу, то другіе вопросы относительно народнаго образованія, рѣшенныя петербургскимъ земствомъ, вполнѣ заслуживаютъ сочувствія. Къ числу этихъ вопросовъ относится прежде всего вопросъ о прибавкѣ жалованья учителямъ и учительницамъ, отличающимся доброкачественностію въ исполненіи своихъ обязанностей. Петербургское земство рѣшило сдѣлать эту прибавку, которая, безъ сомнѣнія, порадуетъ всѣхъ, кому дороги интересы нашего народнаго образованія. Теперь въ Петербургскомъ уѣздѣ всѣмъ учителямъ и учительницамъ положено жалованье 360 р. въ годъ (было 300 и только немногимъ 360 р.). Что бы тамъ ни говорили о причинахъ

жалкаго положенія нашей народной школы, но одною изъ нихъ является въ этомъ случаѣ недостаточность обезпеченія, какое даетъ школа учителямъ. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ сумма труда бываетъ равна суммѣ вознагражденія. Нужда, испытываемая народными учителями, получающими во многихъ мѣстахъ Россіи годовой окладъ жалованья въ 100—120 рублей, способна бываетъ подавлять у нихъ искреннія желанія служить дѣлу народнаго образованія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого бываетъ часто то, что они смотрятъ на учительское мѣсто какъ на временное и переходное къ другому роду службы, болѣе выгодному для нихъ. Неудивительно, что народныя школы чрезъ это теряютъ лучшихъ и способныхъ учителей и наполняются учителями мало или совсѣмъ не подготовленными къ этому дѣлу, каковыми иногда являются недоучившіеся ученики уѣздныхъ училищъ, а то иногда отставные солдаты и т. п. При достаточномъ вознагражденіи за трудъ многіе изъ учителей, чувствующіе призваніе къ педагогической дѣятельности, навсегда могутъ посвятить себя дѣлу народнаго образованія.

Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ петербургскомъ земскомъ собраніи, особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ объ учрежденіи при школахъ вечернихъ уроковъ для взрослыхъ, какъ для укрѣпленія, а отчасти и увеличенія знаній прошедшихъ школу учениковъ, такъ и для обученія не бывшихъ въ школѣ или не окончившихъ въ ней курса и вообще не могущихъ посѣщать школу. Вопросъ этотъ возбуждался и раньше, но до сихъ поръ оставался безъ опредѣленнаго рѣшенія. Изъ происходившихъ въ засѣданіи преній, между прочимъ, выяснилось, что училищный совѣтъ ставитъ по отношенію къ урокамъ для взрослыхъ только одно ограниченіе, чтобы на эти уроки не допускались одновременно лица обоихъ половъ. По объему программы, вечерніе уроки для взрослыхъ приравниваются къ начальнымъ

школамъ, а потому ихъ учрежденіе и закрытіе, пріемъ и увольненіе учащихся опредѣляется тѣми же постановленіями, какія существуютъ для начальныхъ школъ. Что касается преподаванія на вечернихъ урокахъ, то оно ввѣряется учителямъ народныхъ школъ, но за особое вознагражденіе, которое принято въ половину учительскаго оклада. Расходы, потребные на открытіе вечернихъ уроковъ, на покупку учебниковъ, книгъ, мебели и на жалованье учителямъ въ различныхъ мѣстахъ покрываются изъ различныхъ источниковъ. Земское собраніе постановило ассигновать на этотъ предметъ пока 1,000 рублей, имѣя въ виду открыть эти уроки тамъ, гдѣ это удобно сдѣлать. Эта мѣра къ поднятію уровня народнаго образованія принесетъ, несомнѣнно, благіе результаты. Съ одной стороны учители будутъ уже достаточно обезпечены, получая въ годъ жалованья 540 р., и слѣдовательно могутъ съ усердіемъ вести свое дѣло, а съ другой стороны—народъ нашъ не будетъ отказываться за недостаткомъ времени отъ посѣщенія этихъ уроковъ. Если воскресныя и праздничныя собесѣдованія сельскихъ пастырей съ народомъ, которыя въ настоящее время ведутся во многихъ мѣстностяхъ, какъ днемъ, такъ и вечеромъ, привлекаютъ множество слушателей, число которыхъ иногда доходитъ отъ 100 до 300 человѣкъ[1]), то и вечерніе уроки не будутъ имѣть недостатка въ посѣтителяхъ. Это въ особенности можно сказать о длинныхъ осеннихъ и зимнихъ вечерахъ, когда крестьянинъ, по окончаніи обычной работы, съ охотою пойдетъ въ школу поучиться уму—разуму. А что у нашаго крестьянина есть желаніе учиться, въ этомъ нельзя сомнѣваться, лишь бы только ученіе не отрывало его отъ работы. Въ свободное время онъ всегда готовъ послушать

[1]) »Руководство для сел. пастырей« № 31-й 1878 г.

умныя рѣчи, которыя, какъ онъ сознаетъ, ведутся въ школѣ учителями и законоучителями.

Заслуживаетъ также вниманія возбужденный въ петербургскомъ земствѣ вопросъ о пріобрѣтеніи земли для школъ, въ размѣрѣ 1 десятины на каждую школу. Училищный совѣтъ, возбудившій этотъ вопросъ, имѣлъ въ виду указать на необходимость распространенія въ средѣ нашихъ крестьянъ полезныхъ свѣдѣній по садоводству, огородничеству и хлѣбопашеству. Для этого онъ рекомендовалъ вести хозяйство на пріобрѣтенной землѣ учителю совмѣстно съ учениками. Но земство не отнеслось къ этому весьма важному вопросу съ особеннымъ вниманіемъ. Нѣкоторые гласные увидѣли въ этой мѣрѣ не интересъ школы, а интересъ учителей. Отсюда явились, напр., такія опасенія, что крестьяне будутъ недовольны работою своихъ дѣтей на учителя и не будутъ посылать ихъ на эту работу. Другіе гласные говорили, что при большинствѣ школъ нельзя пріобрѣсти землю не только въ десятинномъ, но даже въ меньшемъ количествѣ, а если и есть возможность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ купить землю для школъ, то это будетъ очень дорого. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что если взять въ разсчетъ то обстоятельство, что школьная земля, будетъ-ли она подъ садомъ, огородомъ и т. п., можетъ служить необходимымъ школьнымъ пособіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ средствъ школьнаго дохода, то окажется, что пріобрѣтеніе ея для школы составляетъ существенную необходимость. Практическая польза отъ этого будетъ несомнѣнна. Работая на школьной землѣ, подъ руководствомъ знающаго учителя, крестьянскій мальчикъ будетъ не только пріобрѣтать нужныя ему для будущаго сельскаго хозяйства знанія и развивать свои физическія силы, но будетъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти оплачивать и расходы на свое обученіе.

Съ этой стороны пріобрѣтеніе земли для школы не можетъ не встрѣтить сочувствія среди крестьянъ и всѣхъ доброжелателей школьнаго дѣла. Если бы предложеніе училищнаго совѣта о пріобрѣтеніи земли для народныхъ школъ было принято земствомъ, тогда разрѣшился бы вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи крестьянъ и спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Спеціальныя сельско-хозяйственныя школы, разумѣется, не могутъ быть доступны многимъ крестьянамъ, а между тѣмъ сельскохозяйственныя знанія существенно необходимы для всѣхъ крестьянъ, а они-то, эти знанія, и пріобрѣтались бы въ народныхъ школахъ.

Въ числѣ вопросовъ по народному образованію, рѣшавшихся въ петербургскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, былъ поставленъ вопросъ о вторичномъ устройствѣ съѣзда законоучителей. Но этотъ вопросъ былъ отвергнутъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ оно нашло »эти съѣзды безцѣльными и ничего не дающими«. Такое отношеніе земства къ этому вопросу болѣе чѣмъ странно. Если теперь входятъ въ обычай съѣзды учителей начальныхъ народныхъ школъ, то отчего же не допускать съѣздовъ законоучителей? Вѣдь эти съѣзды содѣйствуютъ сближенію преподавателей закона Божія, ихъ взаимному общенію между собою, укрѣпляютъ въ нихъ чувства любви и уваженія къ своему призванію, даютъ имъ удобство сообщать другъ другу о своихъ наблюденіяхъ, опытахъ, успѣхахъ, неудачахъ и т. п. Обсужденію съѣздовъ законоучителей подлежатъ предметы, относящіеся къ ученію и воспитанію вообще и въ частности къ преподаванію закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. А это такое обширное поле, что на немъ всегда найдется достаточно матеріала для совѣщаній. На первомъ съѣздѣ законоучителей города С.-Петербурга и с.-петербургскаго уѣзда, бывшемъ въ

прошломъ году, рѣшены вопросы объ учебныхъ программахъ, о методахъ преподаванія, о способахъ надзора за учениками и т. п., вообще вопросы изъ учебно-воспитательной практики законоучителей. Кромѣ того, на этомъ съѣздѣ рѣшенъ вопросъ о допущеніи мірянъ-учителей къ преподаванію закона Божія, если будетъ недостатокъ въ священникахъ...[1]). Неужели, послѣ этого, съѣзды законоучителей можно считать »безцѣльными и ничего не дающими«?

Интересными представляются свѣдѣнія, сообщенныя петербургскимъ земскимъ собраніемъ »о дѣтскихъ артеляхъ при школахъ« для продовольствія тѣхъ изъ дѣтей, которыхъ родители находятся вдали отъ мѣста нахожденія школы. Такихъ артелей въ петербургскомъ уѣздѣ въ настоящее время имѣется двѣ. Въ одной изъ нихъ продовольствовалось среднимъ числомъ по 24 человѣка въ день въ теченіе 68 дней, въ другой—по 31 человѣку въ день въ теченіе 8 мѣсяцевъ. Содержаніе каждаго школьника обходилось въ день около 10 копѣекъ. Мы думаемъ, что въ другихъ мѣстахъ содержаніе школьниковъ будетъ стоить дешевле, чѣмъ въ мѣстностяхъ, близкихъ къ столицѣ, которая вообще вліяетъ на повышеніе цѣнъ какъ припасовъ, такъ и помѣщенія. А потому было бы желательно, чтобы подобныя полезныя учрежденія распространялись и въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, особенно въ тѣхъ, гдѣ селенія рѣдки и гдѣ осенью и зимою часто бываетъ неудобно и опасно ежедневное путешествіе мальчиковъ за 5—6 верстъ изъ дома въ школу и обратно. Эти учрежденія, безъ сомнѣнія, содѣйствовали бы успѣху народнаго образованія.

Въ заключеніе скажемъ, что петербургское уѣздное

[1]) »Руководство для сел. пастырей« № 38-й 1878 г.

земство, какъ видно, не мало прилагаетъ заботъ къ развитію образованія въ средѣ нашего простаго народа; въ этомъ случаѣ оно можетъ служить примѣромъ для другихъ земствъ.

Л.

На передовую статью, помѣщенную въ 127 № газеты »Современность«.

Газета »Современность« въ передовой статьѣ 127 № спѣшитъ подѣлиться съ своими читателями »духовно-литературными новостями« и говоритъ, что »въ будущемъ году духовная журналистика обѣщаетъ въ нѣкоторомъ родѣ особый интересъ. При московской духовной академіи предположено возобновить изданіе »Творенія св. Отцовъ«,—журнала пользовавшагося заслуженною извѣстностію по своему серьезному, строго-научному и строго-православному направленію. Въ »Христіанскомъ Чтеніи«, издающемся при с.-петербургской духовной академіи, предполагается, съ разрѣшенія св. Синода, печатать толкованія на священныя книги ветхаго завѣта. Въ этихъ видахъ образовалась цѣлая группа толкователей« (ректоръ академіи протоіерей *І. Л. Янышевъ*, преподающій нравственное богословіе, э. о. профессоръ по каѳедрѣ библейской исторіи въ той-же академіи *Ѳ. Г. Елеонскій*, доценты по каѳедрѣ свящ. Писанія *И. С. Якимовъ и В. Г. Рождественскій*, свящ. Н. П. Вишняковъ, преподающій по найму еврейскій языкъ въ с.-петербургской семинаріи, и свящ. *А. Л. Лебедевъ* законоучитель Смольнаго института, бывшій приватъ-доцентъ по каѳедрѣ догматики въ с.-петербургской академіи). Сообщивши такую новость, газета »Современность« выражаетъ полное сочувствіе къ той цѣли, съ какою предпринимается

трудъ означенными толкователями, но въ тоже время предается не отраднымъ думамъ,—опасается, что выполненіе широкой задачи толкованія непонятныхъ мѣстъ библейскаго текста »будетъ не по силамъ шести лицамъ, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ дѣйствительно *компетентнымъ* (курсивъ въ подлинникѣ) спеціалистомъ въ дѣлѣ толкованія ветхозавѣтнаго текста извѣстенъ только доцентъ Ив. Сг. Якимовъ«. Намъ кажется, что »Современность« слишкомъ далеко заходитъ въ своихъ опасеніяхъ. То правда, что шести лицамъ не по силамъ будетъ напечатать (и при томъ въ короткое время) толкованія на всѣ ветхозавѣтныя книги, но выражать опасеніе, что выполненіе такой задачи будетъ не по силамъ потому въ особенности, что изъ нихъ дѣйствительно *компетентнымъ* спеціалистомъ въ дѣлѣ толкованія ветхозавѣтнаго текста извѣстенъ только одинъ г. Якимовъ,—не приходится, по крайней мѣрѣ преждевременно. Уже то, что толкователями ветхозавѣтнаго библейскаго текста будутъ избранныя лица, говоритъ за компетентность ихъ въ этомъ дѣлѣ, да и самая профессія лицъ, составляющихъ группу толкователей, ручается за тоже.

Сказавши, что толкованіе библейскаго ветхозавѣтнаго текста будетъ не по силамъ шести лицамъ, газета »Современность« приглашаетъ другія духовныя академіи и прежде всего кіевскую (въ главѣ которой стоитъ извѣстный знатокъ библейскаго текста, преосвященный Михаилъ) раздѣлить тяжелый трудъ съ с.-петербургскою академіею. Все это такъ; только газета »Современность« совершенно не »кстати« вздумала учить кіевскую академію тому, какъ-бы ей—академіи распорядиться изданіемъ »Воскреснаго Чтенія« съ будущаго 1879-го года. »Кстати: съ будущаго года при Кіевской академіи, говоритъ »Современность«, будетъ издаваться »Воскресное Чтеніе« (въ послѣднее время неумѣло издававшееся частнымъ лицомъ), которое будетъ

выходить *еженедѣльно* (курсивъ въ подлинникѣ). Послѣдовательное толкованіе текста той или другой священной книги было-бы самымъ лучшимъ содержаніемъ этаго журнала и пріобрѣло бы »Воскресному Чтенію« такую-же популярность, какою оно пользовалось лѣтъ двадцать пять тому назадъ«. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что за послѣднее время »Воскресное Чтеніе« находилось въ рукахъ не настолько неумѣлаго издателя, какимъ представляетъ его »Современность«, и мы не находимъ основанія, по которому бы »Современность« могла хотя мимоходомъ бросить грязью въ прежняго издателя »Воскреснаго Чтенія«. Затѣмъ, послѣдовательное толкованіе текста той или другой священной книги едва ли будетъ самымъ лучшимъ содержаніемъ этого журнала и пріобрѣтетъ »Воскресному Чтенію« такую-же популярность, какою оно пользовалось лѣтъ двадцать пять тому назадъ. По крайней мѣрѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ если »Воскресное Чтеніе« и пользовалось популярностію, то вовсе не благодаря тому, что въ немъ помѣщалось послѣдовательное толкованіе какой-либо священной книги. Во всякомъ случаѣ, если за послѣднее время »Воскресное Чтеніе«, по замѣчанію »Современности«, *неумѣло издавалось частнымъ лицомъ*, то ужъ навѣрно цѣлая-то ученая академическая корпорація съумѣетъ распорядится изданіемъ этаго журнала въ будущемъ 1879 году. Къ чему же, послѣ того совѣты и внушенія, рекомендуемыя »Современностію« кіевской академіи относительно того, какъ-бы ей—академіи поставить дѣло изданія »Воскреснаго Чтенія«! Или почтенная газета »Современность« не надѣется, что и цѣлая ученая корпорація не совладѣетъ изданіемъ этого журнала, какъ-бы слѣдовало?

Однимъ совѣтомъ, преподаннымъ кіевской академіи, »Современность« не ограничивается, а идетъ еще дальше.

»Считаемъ не лишнимъ отмѣтить еще особенность, говорить Современность«, какую обѣщаетъ въ будущемъ году литературная дѣятельность кіевской духовной академіи. »Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости«, доселѣ издававшіяся при мѣстной семинаріи, съ слѣдующаго 1879 года будутъ издаваться при кіевской академіи. Послѣдняя хочетъ сдѣлать эти вѣдомости *мѣстною церковною газетою* (курсивъ въ подлинникѣ), обѣщая помѣщать въ нихъ, между прочимъ, мѣстныя церковно-историческія извѣстія, достопримѣчательные письменные памятники и разныя церковныя извѣстія. Задача почтенная: но мѣстный характеръ этой церковной газеты не ручается за успѣхъ распространенія ея внѣ предѣловъ кіевской епархіи. Иное дѣло, если-бы академія постаралась (подумаешь—какъ сильно желаніе »Современности« и какъ не легко для академіи выполнить его) придать своему изданію не столько церковно-историческій, сколько *церковно-практическій* (курсивъ въ подлинникѣ) *характеръ*, включая въ программу изданія популярно-научное изложеніе болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, возникающихъ въ пастырской практикѣ: тогда навѣрное можно было-бы расчитывать на большой успѣхъ изданія«. Мы не будемъ подробно разбирать, на сколько »это не лишнее замѣчаніе »Современности« основательно, но не можетъ и оставить его безъ всякаго вниманія. Газета »Современность« говоритъ, что мѣстный характеръ »Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей« не ручается за успѣхъ распространенія внѣ предѣловъ кіевской епархіи, а что, напротивъ, было бы другое дѣло, если бы академія придала »Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ« не столько мѣстный—церковно историческій, сколько церковно практическій характеръ; тогда бы академія могла разсчитывать на большой успѣхъ изданія этихъ Вѣдомостей. Какъ, по видимому ни заманчивы обѣщанія,

адресуемыя кіевской академіи »Современностью«, однако академія едва-ли рѣшится измѣнить мѣстный характеръ »Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей« по той простой причинѣ, что каждыя »Епархіальныя Вѣдомости« и должны быть мѣстною церковною газетою; въ противномъ случаѣ, еслибы какія нибудь »Епархіальныя Вѣдомости« утратили свой мѣстный характеръ, то и не могли-бы называться, напр: »Кіевскими«, »Орловскими« и т. д. Это первое, что мы находимъ нужнымъ выставить на видъ »Современности« на ея »не лишнее замѣчаніе«. Затѣмъ, газета »Современность« говоритъ, что »Кіевскія епархіальныя Вѣдомости«, доселѣ издававшіяся при мѣстной семинаріи, съ слѣдующаго 1879 года будутъ издаваться при кіевской академіи«. Что это такое? Неужели »Современность« никогда не видала ни одного № »Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей« и такимъ образомъ не узнала, что »Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости« никогда не издавались и не издаются при мѣстной семинаріи, и что семинарія не имѣла и не имѣетъ ни какого отношенія къ этимъ Вѣдомостямъ?! Не думаемъ!.. Почему же »Современность« зная, что кіевская семинарія не издавала и не издаетъ »Епархіальныя Кіевскія Вѣдомости«, вздумала замѣтить, что »Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости«, доселѣ издававшіяся при мѣстной семинаріи, съ слѣдующаго 1879 года будутъ издаваться при кіевской академіи«? Какъ видно кіевская семинарія пришлась »Современности« не по сердцу: выше она замѣтила, что »съ будущаго года при кіевской академіи будетъ издаваться »Воскресное Чтеніе«, въ послѣднее время *неумѣло* издававшееся частнымъ лицомъ«, а такимъ издателемъ, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ почтенныхъ преподавателей въ кіевской семинаріи, пріобрѣтшій извѣстность въ духовной литературѣ,—а теперь говоритъ, что и »Епархіальныя Кіевскія Вѣдомости«, из-

дававшіяся при мѣстной семинаріи съ слѣдующаго 1879 года также будутъ издаваться при кіевской академіи, и говоритъ неправду, понятно, съ какою цѣлью. Знай, молъ, не одинъ только изъ преподавателей семинаріи оказался неумѣлымъ издателемъ, а и вся семинарская корпорація, такъ что академія сочла за лучшее взять въ свои руки отъ неумѣлыхъ издателей и »Воскресное Чтеніе« и »Епархіальныя Вѣдомости«!.. Впрочемъ, быть можетъ, »Современность« и дѣйствительно по невѣденію выразилась, что »Епархіальныя Кіевскія Вѣдомости«, доселѣ издававшіяся при мѣстной семинаріи, съ слѣдующаго 1879 года будутъ издаваться при кіевской академіи«... Въ такомъ случаѣ простимъ ей—»Современности« грѣхъ невѣденія, и выслушаемъ дальнѣйшую ея поучительную и вмѣстѣ заносчивую рѣчь.

Выразивши желаніе, чтобы кіевская академія придала »Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ« не только мѣстный—церковно-историческій характеръ, *сколько церковно-практическій*, и обѣщая за исполненіе такого желанія большій успѣхъ распространенія »Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей«, »Современность« продолжаетъ: »Правда у насъ есть спеціальный журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей«. Но какіе вопросы въ немъ возбуждаются? Кѣмъ и какъ рѣшаются они? Достаточно (?) прочитать послѣднія номера этого износившагося изданія, гдѣ ведется пустая и неприличная по тону полемика »о благословеніи хлѣбовъ«, или рѣшается вопросъ объ исповѣди нѣсколькихъ больныхъ, лежащихъ въ одной и той же комнатѣ, чтобы видѣть всю не компетентность этого изданія для указанной цѣли«, т. е. для рѣшенія церковно-практическихъ вопросовъ. И коротко уже и ясно: кіевская семинарская корпорація такъ дурно распоряжается своими изданіями, по мнѣнію высокоумной газеты »Современности«, что кіевская

академія сочла за лучшее отобрать отъ ней и »Воскресное Чтеніе« и якобы »Епархіальныя Вѣдомости« и благоразумно бы поступила, если бы и »Руководство для сельскихъ пастырей« тоже взяла въ свои руки... Позволительно однако замѣтить »Современности«, что ни одна порядочная и серьезная газета по двумъ—тремъ статьямъ, помѣщеннымъ въ какомъ-либо періодическомъ изданіи, не рѣшится обозвать его износившимся изданіемъ. »Руководство для сельскихъ пастырей«, по мнѣнію »Современности«, износившееся и не компетентное изданіе для рѣшенія церковно-практическихъ вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, возникающихъ въ пастырской практикѣ, потому что въ немъ рѣшаются такіе вопросы, какъ вопросъ о благословеніи хлѣбовъ или вопросъ объ исповѣди больныхъ, лежащихъ въ одной и той же комнатѣ. Желательно было-бы знать, какіе-то вопросы, возникающіе въ пастырской практикѣ, считаетъ »Современность« болѣе или менѣе важными, требующими научнаго рѣшенія, и почему же сама »Современность« не займется рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, хотя и имѣетъ въ виду бо̀льшую часть своихъ читателей изъ среды духовенства? Или, быть можетъ, »Современность« сама сознаетъ свою некомпетентность въ научномъ рѣшеніи болѣе или менѣе *важныхъ* вопросовъ, возникающихъ въ пастырской практикѣ, и ей не до рѣшенія такихъ вопросовъ? Или, быть можетъ, »Современность« на столько увлеклась духомъ »Современности«, что признаетъ совершенно безразличнымъ, какъ-бы священникъ, напр., не благословлялъ хлѣбы на всенощномъ бдѣніи, или какъ-бы не производилъ исповѣдь больнымъ? Допускаемъ, что съ точки зрѣнія »Современности« вопросы, рѣшаемые въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«, не важны и мелки, сами по себѣ на столько просты, что безъ труда могутъ быть разрѣшены въ томъ или другомъ

смыслѣ. Но вѣдь »Руководство для сельскихъ пастырей« и не занимается рѣшеніемъ ихъ для такой высокоумной газеты, какъ »Современность«! Тѣ вопросы, которые рѣшаются въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«, обыкновенно возбуждаютъ сами сельскіе священники, стало-быть интересуются ими и придаютъ имъ значеніе. А что сельскіе священники интересуются вопросами, рѣшаемыми въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« и не находятъ эти вопросы и отвѣты на нихъ не важными, доказываетъ полемика, возникающая по нѣкоторымъ изъ такихъ вопросовъ; мало того, если-бы вопросы, рѣшаемые въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« на столько были ничтожны и отвѣты на нихъ пусты, то они и не перепечатывались-бы въ разныхъ »Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ«, какъ это постоянно замѣчается. Но »Современность« или не знаетъ этого или не хочетъ знать: »полемика, говоритъ она, какая ведется напр. по вопросу о благословеніи хлѣбовъ, »пуста и неприлична по тону«. Неприличный тонъ полемики она видитъ въ томъ, что одинъ священникъ разошелся со взглядомъ другаго на образъ благословенія хлѣбовъ и находитъ и доказываетъ, что послѣдній »узко« и »поверхностно« взглянулъ на дѣло,—и сама же при этомъ допускаетъ неприличіе, въ насмѣшливо-ироническомъ тонѣ замѣчаетъ: »въ полемикѣ по вопросу о благословеніи хлѣбовъ одинъ противникъ даетъ понять другому, что послѣдній »съ узкимъ и поверхностнымъ взглядомъ на дѣло (какъ будто рѣчь идетъ о какомъ-либо существенно-серьезномъ предметѣ), впадаетъ въ »непохвальную крайность«, употребляетъ »Сладчайшее имя (Іисуса) вмѣсто указки«,—а я-де самъ »іерей образованный и мыслящій«... Нѣтъ, прежде чѣмъ другихъ учить приличію, не мѣшалобы »Современности« самой запастись имъ!... При своемъ надмѣнномъ и пренебрежительномъ отношеніи къ вопро-

самъ, рѣшаемымъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей«, почтенная газета доходитъ до того, что не хочетъ или не можетъ понять надлежащаго смысла и въ отвѣтахъ на такіе вопросы. Въ статейкѣ по вопросу объ исповѣди нѣсколькихъ больныхъ, лежащихъ въ одной и той-же комнатѣ, »Современность« въ словахъ: »пока исповѣдуется одинъ больной, пусть другой, находящійся въ той же комнатѣ, закроется съ головою и займется припоминаніемъ своихъ грѣховъ«, усматриваетъ одинъ изъ способовъ для возбужденія покаяннаго чувства, рекомендуемый будто-бы »Руководствомъ«, и восклицаетъ: »нечего сказать—хорошій способъ для возбужденія покаяннаго чувства!« Но въ приведенныхъ словахъ указывается-ли »Руководствомъ« *одинъ изъ способовъ для возбужденія покаяннаго чувства?* Ни о какихъ способахъ для возбужденія покаяннаго чувства въ больныхъ въ упомянутой замѣткѣ объ исповѣди и рѣчи нѣтъ!

Вмѣсто того, чтобы судить да рядить о другихъ періодическихъ изданіяхъ, благоразумнѣе поступила-бы »Современность« если-бы присмотрѣлась къ себѣ и подумала,—всё у ней самой—дома обстоитъ благополучно, не обносилась-ли она сама. Присмотрѣвшись къ себѣ, »Современность« могла-бы замѣтить, что она уже давненько и частенько щеголяетъ въ газетныхъ лоскуткахъ, взятыхъ на прокатъ изъ распространенныхъ и не распространенныхъ вѣдомостей, газетъ и журналовъ. И такая-то газета, три раза въ недѣлю мѣняющая свой нарядъ, склеиваемый изъ газетныхъ лоскутковъ, кичится своимъ нарядомъ и заносчиво называетъ другія изданія износившимися?! Хотя мы далеки отъ той мысли, чтобы читать »Современности« мораль, но какъ-то невольно припоминаются намъ, когда мы слышимъ надмѣнныя и кичливыя сужденія »Современности«, слова Спасителя: »*Не судите, да не судимы*

будете. Ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствуешь?« (Ев. Мѳ. гл. VII, ст. 1—3).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЪ 1879 ГОДА
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости,

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ Кіевской Епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе,

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера, въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи,

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ об-

щезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ возобновлены переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.

Такимъ образомъ изданія Кіевской Духовной Академіи будутъ имѣть въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости"); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе"), и 3, научнаго образованія богословскаго („Труды Кіевской духовной Академіи").

„Епархіальныя вѣдомости" будутъ выходить *еженедѣльно*, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Воскресное Чтеніе" будетъ выходить также *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *не менѣе 12* листовъ, изъ коихъ около 5 будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 3 р. 60 к., Воскреснаго Чтенія—4 р; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р; Воскреснаго чтенія съ Трудами—10 р; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, *или* Воскреснаго чтенія, *или* Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться: 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина (бывшихъ С. И. Литова)—въ Кіевѣ, на крещатикѣ, д. С. И. Литова и въ С.-Петербургѣ, на малой садовой, д. № 4, и 32 у книгопродавца А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), VI (1842—43), VII (1843—44), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою.

„Труды Кіевской духовной Академіи" продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1869 годы по 2 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 коп. безъ пересылки, съ пересылкою 4 р; за 1874 годъ 4 руб 50 коп., съ пересылкою 5 р.; за 1875 годъ 6 руб.; за 1876, 1877 и 1878 г. г. по 7 руб.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“ дѣлается уступка по 25 % съ номинальной цѣны; выписывающіе „Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ перес. 75 коп.

Въ редакціи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены)

1) Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Высокопр. Арсенія, Митрополита Кіевскаго (въ 8 д. 634 стран.). Цѣна *(вмѣсто трехъ рублей)* 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

2) Изъясненіе Божественной Литургіи. Высокопр. Арсенія, Митрополита Кіевскаго (въ 8 д. 450 стр.). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

3) Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ. Ц. 40 коп. съ пер. 55 коп.

4) Книга для назидательнаго чтенія. Изданіе второе, Ц. 40 к. съ пер. 55 к.

5) Сборникъ статей изъ Воскр. Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 к. съ пер. 30 коп.

6) Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

7) Изслѣдованіе о талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

8) Девять историческихъ книгъ св. Писанія ветхаго завѣта, въ русск. перев. съ евр., съ примѣчан. М. С. Гуляева. Ц. 1 р. 25 коп. *(вм. 1 р. 80 к.)*

9) Жизнь и творенія блаж. Августина. Ц. 40 коп., съ перес. 50 коп.

10) Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ. Ц. 30 коп. *(вм. 70 к.)*

11) Послѣдніе дни жизни Преосвящ. Филарета, Митрополита Кіевскаго. Ц. 25 коп. *(вм. 50 коп.)*

12) Описаніе 50-лѣтняго юбилея Высокопреосвященнаго Арсенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

13) Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской духовной Академіи первыхъ XXV курсовъ (1819—1869). Ц. съ пер. 10 к.

14) Указатель Воскреснаго Чтенія. Цѣн. 30 к. съ пер. 40 к.

---

15) Христіанская наука, или основанія св. герминевтики, твореніе блаж. Августина. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм. 90 к.)*

16) Ученіе св. отцевъ подвижниковъ о благодати Божіей. Ц. 25 коп., съ пер. 35. коп. *(вм. 65 к.)*

17) Императоръ Ѳеодосій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм. 45 к.)*

18) Императоръ Юстиніанъ и его заслуги для церкви. Ц. 5 к., съ пер. 35 к. *(вм. 65 к.)*

19) Софроній патріархъ іерусалимскій. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. *(вм. 55 к.)*

20) Михаилъ Керулларій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм. 65 к.)*

21) О времени крещенія св. Ольги. Ц. 10 к., съ пер. 16 коп.

22) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. В. И. Аскоченскаго. Два большихъ тома. Ц. 1 руб. 50 коп. *(вм. 3 руб.)*.

23) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 25 коп., съ пер. 35 к. *(вм. 75 к.)*

24) О чинѣ православія. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. *(вм. 65 к.)*

25) О первоначальномъ переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ. Ц. 10 коп., съ пер. 20 коп. *(вм. 30 к.)*

26) Библейская хронологія. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

27) Польская грамматика. Ц. 25 к. съ пер. 35 к. *(вм. 45 к.)*

28) Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской дух. Академіи. Т. 1-й. Ц. 75 к. съ перес. 1 р. *(вм. 1 р. 25 к.)*

---

29) Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства. Архимандрита Сильвестра. Цѣна 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

30) О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Поспѣхова. Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 к. *(вм. 3 р.)*.

31) Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. 1-й. Ив. Игн. Малышевскаго. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к. *(вм. 4 р.)*

32) Руководство къ начальному обученію. Ц. 50 к. съ пер 60 к. *(вм. 70 к.)*

33) Обзоръ философскихъ ученій. П. Ив. Линицкаго. Ц. 80 коп. *(вм. 1 р. 25 к.)*

34) Ученіе Платона о божествѣ. П. И. Линицкаго. 1876 г. Ц. 1 р. *(вм. 1 р. 50 к.)*

35) Философія отцовъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Скворцова. Ц. 1 р. 85 коп., съ пер. 2 руб.

36) Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. К. Ив. Скворцова. Ц. 65 к., съ пер. 80 коп.

37) Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

38) Записки по церковному законовѣдѣнію. Прот. И. М. Скворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 р. 5 коп.

39) О видахъ и степеняхъ родства. Прот. И. М. Скворцова. Цѣна 35 к. съ пер. 45 коп.

40) О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи ея отъ православной. Ив. М. Бобровницкаго. Цѣна 65 коп., съ пер. 80 коп.

41) Синайское дѣло. А. Д. Воронова. Ц. 80 к., съ пер. 90 коп.

42) Сборникъ изъ лекцій бывшихъ наставниковъ Кіевской духовной Академіи, архимандрита Иннокентія, прот. Ив. М. Скворцова, П. С. Авсеньева (архимандрита Ѳеофана) и Я. К. Амфитеатрова. Ц. 2 р. 50 коп. *(вм. 3 р 40 к.)*

43) Объ отношеніи древней христіанской церкви къ римскому государству. П. А. Лашкарева. Ц. 30 к. *(вм. 40 к.)*

44) Кіевская архитектура въ X—XII в.в. П. А. Лашкарева, ц. 30 к.

45) Бекон Веруламскій. Куно-Фишера (съ портретомъ Бекона) Ф. А. Терновскаго. Ц. 20 к., съ перес. 30 к. *(вм. 40 к.)*

46) Изученіе византійской исторіи и ея приложеніе въ древней Руси. Ф. А. Терновскаго. *(1-й выпускъ весь распроданъ)*. Выпускъ 2-й. 1876 г. Цѣна 1 р. 50 к

47) Апокрисисъ Христофора Филалета и исторія Флорентійскаго Собора (большой томъ болѣе 600 страницъ). Цѣна три рубля.

48) Ветхозавѣтная исторія. Прот. И. М. Скворцова. Ц. 70 коп.

49) О богослуженіи православной церкви. И. М. Скворцова. Ц. 80 коп.

50) Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія. Н. Ив. Щеголева. Цѣна съ перес. 1 р. 20 к.

51) Правило пастырское св. Григорія Двоеслова. Перев. Д. А. Подгурскаго. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылк.

52) Адріанка. Комедія Теренція. Переводъ Д. А. Подгурскаго. Цѣна 50 к. съ перес.

53) Описаніе рукописей церк.-археологич. музея при Кіевской Академіи. Н. И. Петрова. Вып. 1-й. 1 р. 75 коп.; Вып. 2-й. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

54) Судьбы древнихъ памятниковъ св. земли. А. А. Олесницкаго. Ц. 20 к.

55) Св. земля. А. А. Олесницкаго (болѣе 35 печатныхъ листовъ *съ рисунками* и *планомъ грунта Іерусалима*). 1875 г. Цѣна 2 р. 50 к.

56) Отвѣтъ на предложенную старокатоликами схему о Св. Духѣ. Архимандрита Сильвестра. 1875 г. Ц. 75 коп. *(вм. 1 р.)*

57) Историческій характеръ книги Іудиѳь. Н. М. Дроздова. 1876 г. Ц. 50 к.

58) Богослуженіе христіанское со времени апостоловъ до четвертаго вѣка. Ѳ. А. Смирнова. 1876 г. Ц. 2 руб.

59) Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ. К. И. Скворцова. 1876 г. Ц. 2 руб.

60) Подложное письмо половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру святому. Ив. Игнат. Малышевскаго. 1876 г. Ц. 75 коп.

61) Историческая записка о состояніи Кіевской Академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе. Его-же Ц. 40 к.

62) Дѣятельность митрополита Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи Кіевской Академіи. Его-же. Ц. 30 к.

63) Бесѣды о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, просвѣтителяхъ славянскихъ. Его-же. Ц. 30 коп.

64) Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. Н. И. Петрова. 1876 г. Ц. 60 к.

65) Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Ив. Аболенскаго. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

66) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. (847 стран.). К. 1876. Ц. 4 р.

67) Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. П. А. Лашкарева. Кіевъ, 1876 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

68) Сверхъестественный элементъ въ новозавѣтномъ Откровеніи. Ст. М. Сольскаго. Кіевъ. 1877 года. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

69) Ученіе Аугсбургскаго исповѣданія и его апологіи о первородномъ грѣхѣ. М. Ф. Ястребова. 1877 г. Ц. 1 рубль.

70) Опытъ историческаго изслѣдованія о числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX вв. П. Чудецкаго. 1877 г. Ц. 50 коп.

71) Самуилъ Миславскій митр. Кіевскій. Ѳ. Рождественскаго. 1877 г. Ц. 1 руб.

72) Воспоминанія о покойномъ митрополитѣ Кіевскомъ Арсеніѣ. В. Ѳ. Пѣвницкаго. 1877 г. Ц. 80 коп.

73) Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. А. Д. Воронова. К. 1877 г. Ц. 2 руб.

74) Три первые вѣка христіанства. Проф. Терновскихъ. К. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

75) Топографія нынѣшней Кіевской епархіи въ XVII в. по Андрею Зеларію (*съ картою*). С. Шенкевича. К 1877 г. Ц. 75 к.

76) Собраніе сочиненій Максимовича. т. II. (*съ рисунками*) К. 1877 г. Ц. 3 р.

77) Конечныя причины. Поля Жанэ. Перев. подъ редакціею Д. В. Поспѣхова. К. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к.; съ пер. 3 р.

78) Толковое евангеліе Архимандрита (нынѣ Епископа) Михаила, кн. 1: евангеліе отъ Матѳея, изд. 3, 1877 г.; кн. 2: евангеліе отъ Марка и Луки, 1871 г.; книга 3: евангеліе отъ Іоанна, 1874 г. Ц. каждой книгѣ 3 руб. съ перес.

79) Толковый апостолъ, кн. 1: Дѣянія св. Апостолъ. Егоже. Ц. 3 р. съ пер.

80) Введеніе въ новозавѣтныя книги свящ. писанія. Герике. Перев. Архимандрита Михаила. Въ 2-хъ частяхъ. М. 1869. Ц. за обѣ части 3 руб., за каждую отдѣльно 1 р. 50 коп. съ перес.

81) Опытъ православнаго догматическаго богословія (съ историч. изложеніемъ догматовъ). Архимандрита Сильвестра. 1878 г. Ц. 1 р. 75 к.

82) Святая земля (съ рисунками). А. Олесницкаго. Т. 2-й (*болѣе 40 лист.*) К. 1878 г. Ц. 3 руб. съ перес.

83) Римъ и метръ ветхозавѣтной поэзіи, егоже. Ц. 2 р.

84) Происхожденіе и составъ 1 и 2 кн. Паралипоменонъ. 1878 г. А. Царевскаго. Ц. 70 к.

Печатано по опредѣленію Совѣта Академіи.

Ректоръ Академіи, *Е. Михаилъ.*

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“

БЫВШІЙ

„ДѢТСКІЙ САДЪ“.

Будетъ выходить въ 1879 г. въ направленіи, принятомъ съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція задачей поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка

и о предметахъ преподаванія, выяснять теоріи, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются разсказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи, въ педагогическомъ отдѣлѣ: Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера. Дюбуа Реймонъ о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности *Португалова*, Женское рукодѣлье *М. Артемьевой*, Дѣти игрушки, Что должно требовать отъ учителя, Чтеніе. Какъ воспитывать женщину, Воля, Преподаваніе географіи, Глухота къ потамъ. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Вильямъ Пенпъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, стихотвореніе. Бури и кораблекрушенія, Зеленый Островъ. Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе. *А. Михайлова*. Н. А. Некрасовъ, *М. Артемьевой*, съ портретомъ Некрасова. Для младшаго возраста: Встрѣча съ рисункомъ, Пропажа Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при лунномъ свѣтѣ, Алена, разсказъ *М. Артемьевой*, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ.

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ю долю большаго формата. Цѣна. *4* р. *50* к. безъ доставки съ пересылкой и доставкой *5* р.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: *Екатерингофскій проспектъ д. 51 кв. 4.*

Издатель *А. Поповъ*.
Редакторъ *Н. Бѣлозерская*.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Годъ VI. въ **1879** году **Годъ VI.**

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: церковный, внутренній, иностранный, судебный и біографическій (отчеты о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ) и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По прежнему задачею »Церковно-Общественнаго Вѣстника« будетъ: содѣйствовать поддержанію въ обществѣ религіозно-нравственнаго начала, сближенію духовенства съ обществомъ, уясненію правъ и обязанностей духовенства въ сферѣ общественной и церковной, огражденію ближайшихъ интересовъ духовенства, наиболѣе, правильному и цѣлесообразному рѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, преуспѣянію духовной школы, уясненію путей и средствъ для сближенія съ православіемъ различныхъ неправославныхъ обществъ внутри Россіи и за границей, разработкой вопросовъ благотворительности, общественной нравственности, народнаго образованія и прочихъ входящихъ въ программу газеты и интересующихъ общество и духовенство.

Въ каждомъ № помѣщается не менѣе трехъ сообщеній собственныхъ корреспондентовъ. Въ наступающемъ году, кромѣ другихъ заготовленныхъ уже статей, будутъ помѣщены два обширныя изслѣдованія покойнаго Д. И. Ростиславова, доставленныя въ редакцію по разборѣ бумагъ: 1) «О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ», и 2) «О русскомъ ученомъ монашествѣ», и будетъ продолжаться періодическое обозрѣніе русскаго проповѣдничества.

Въ №№, выпускаемыхъ по средамъ, печатается полный сводъ распоряженій по духовному вѣдомству за истекшую недѣлю, въ томъ числѣ и епархіальныхъ, представляющихъ общій интересъ.

Съ № 1 «Церковно-Общественнаго Вѣстника» на наступающій годъ, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, по примѣру первыхъ пяти лѣтъ, будетъ разосланъ, въ видѣ безплатнаго приложенія, «Календарь для духовенства» на 1879 годъ, въ составъ котораго войдутъ, кромѣ календарныхъ свѣдѣній, сводъ указовъ и опредѣленій Св. Синода по церковному управленію и учебному вѣдомству, различныя инструкціи, правила и постановленія, имѣющія руководственное значеніе, свѣдѣнія историческія, библіографическія и др.

Цѣна газеты съ безплатнымъ приложеніемъ: за годъ 6 р., за полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р., за одинъ мѣсяцъ 1 р. съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника», на Пескахъ, по Конногвардейской улицѣ, № 59.

Въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» можно получить изданный ею АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ духовнаго вѣдомства. (Центральныя учрежденія.—Главное духовное управленіе.—Придворное и военное духовенство.—Цензурные комитеты.—Ставропигіальные монастыри.—Епархіальн. управленіе.—Консисторіи.—Попечительства.—Мѣстные комитеты.—Братства.—Миссіи.—Благочинные.—Духовно-учебныя заведенія.—Академіи, семинаріи, женскія и мужскія училища.—Редакціи духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей). Первый полный сборникъ справочныхъ именныхъ указаній всѣхъ должностныхъ лицъ духовныхъ администрацій. Цѣна *одинъ рубль* съ пересылкой.

Редакторъ-издатель **А. Поповицкій.**

Съ 1-го января 1879 года, въ С. Петербургѣ будетъ издаваться:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ большихъ иллюстрацій 1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца. Каждый нумеръ представляющій по своему художественному и литературному содержанію возможно вѣрное воспроизведеніе всѣхъ сторонъ міровой жизни, будетъ иллюстрированъ множествомъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими граверами.

Подписная цѣна за год. изд. »Иллюстрированнаго Міра«: Въ С.-Петербургѣ безъ доставки. *4 р.* Безъ дост. въ Москвѣ. *4 р. 50 к.* Съ доставкою въ Спб. и для иногородныхъ. *5 р.*

Быстрое развитіе за послѣднее время иллюстрированныхъ журналовъ было причиною того, что ежегодно появлялась цѣлая

масса новыхъ иллюстрацій, которыя также скоро погибали, какъ и нарождались. Наобѣщавъ множество приманокъ и не будучи въ состояніи выполнить всего обѣщаннаго, онѣ прекращали свою дѣятельность на первыхъ-же попыткахъ, вслѣдствіе того, что литературное содержаніе ихъ, какъ и большинства существующихъ иллюстрацій, ограничивалось безсодержательными повѣстушками и разсказцами, да невинными стишками; рисунки же, поражая своею случайностью, состояли изъ заграничныхъ клише, которыя въ большинствѣ случаевъ, какъ завалявшіяся у заграничныхъ издателей, покупались оптомъ по дешевой цѣнѣ.

Редакція »Иллюстрированнаго Міра« поставляетъ себѣ цѣлью: воспроизводить на страницахъ своего журнала какъ текущія событія, такъ равно и художественныя произведенія, находящія мѣсто въ однѣхъ лишь художественныхъ изданіяхъ; выпуская-же свой журналъ въ форматѣ, одинаковомъ съ большими заграничными иллюстраціями, будетъ помѣщать и тѣ рисунки, которые не могутъ имѣть мѣста въ нашихъ маленькихъ иллюстраціяхъ, но которые, при тщательномъ выборѣ, позволятъ читателю ознакомиться со всѣми выдающимися явленіями міровой жизни. Вообще-же редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы *дать въ каждомъ нумерѣ своего журнала возможно полное выраженіе какъ русской жизни, такъ и жизни всего остальнаго міра, при чемъ одинаковое вниманіе будетъ обращено какъ на художественную сторону журнала, такъ и на литературную.*

Изданіе большаго иллюстрированнаго журнала сопряжено съ громадными расходами и этимъ обусловливается высокая подписная цѣна нашихъ и заграничныхъ большихъ *еженедѣльныхъ* иллюстрацій. Редакція »Иллюстрированнаго Міра«, желая сдѣлать свой журналъ доступнымъ большинству читателей, но въ тоже время заботясь о добросовѣстномъ выполненіи намѣченныхъ цѣлей, находитъ возможнымъ назначить незначительную подписную цѣну лишь при условіи выхода журнала два раза въ мѣсяцъ:—1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца. При такихъ срокахъ выхода журнала редакція можетъ выпускать нумера не скороспѣлые, сшитые на живую нитку, а составленные самимъ тщательнымъ образомъ какъ по отношенію рисунковъ, такъ и помѣщенныхъ статей.

Что касается *премій* и всякаго рода *приложеній*, которыми

большинство иллюстрацій стараются заманивать подписчиковъ, то въ этомъ случаѣ редакція держится своего взгляда. Всѣ безплатныя преміи, требуя значительныхъ затратъ со стороны редакціи ставятъ ее въ необходимость искупать эти расходы на внутреннихъ достоинствахъ журнала, и чѣмъ роскошнѣе обѣщанныя преміи, тѣмъ скуднѣе содержаніе самаго журнала. Редакція „Иллюстрированнаго Міра“, не отказываясь отъ разсылки различныхъ приложеній, но въ тоже время не желая выдавать ихъ въ ущербъ достоинствамъ журнала, будетъ разсылать и преміи, и приложенія, когда то дозволитъ наличное число подписчиковъ,—словомъ, редакція сдѣлаетъ съ своей стороны все возможное, чтобы за *пять* рублей дать своимъ подписчикамъ хорошій, большой иллюстрированный журналъ.

„Иллюстрированный Міръ“ будетъ издаваться по слѣдующей програмѣ: *I. Беллетристика*: повѣсти, разсказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ какъ оригинальныя, такъ и переводныя. *II. Этнографія, статистика и путешествія.* Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются рисунки, изображающіе виды разныхъ мѣстностей, городовъ, отдѣльныхъ зданій, и пр. *III. Науки и художества.* Популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній и очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ картинъ, статуй и пр. *IV. Исторія.* Иллюстрированное описаніе историческихъ событій и эпизодовъ, съ изображеніемъ описываемыхъ лицъ и мѣстъ. *V. Біографіи и портреты* замѣчательныхъ дѣятелей. *VI. Библіографія и критика.* Замѣтки обо всемъ, что появляется замѣчательнаго въ литературѣ. *VII. Современное обозрѣніе* правительственныхъ мѣръ и законовъ. Важнѣйшія явленія общественной и гражданской жизни. *VIII. Политика.* Обзоръ замѣчательныхъ государственныхъ и гражданскихъ событій *IX. Смѣсь и новости.* Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія, разныя мелкія происшествія, каррикатуры, шахматы, задачи, моды, игры и пр. *X. Объявленія.*

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*, въ Редакціи и Администраціи „Иллюстрированнаго Міра“, Фонтанка, № 103, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

1—3.

ПОУЧЕНІЯ
ДЛЯ ПРОСТАГО НАРОДА

(примѣненныя къ современнымъ религіозно-нравственнымъ, общественнымъ и бытовымъ потребностямъ народа)

сельскаго священника Ивана Полканова.

Цѣна 1 рубль съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ Казань, въ книжный магазинъ А. А. Дубровина, на Воскресенской улицѣ, въ Гостинномъ дворѣ и къ автору—въ г. Спасскъ, Казанской губ., свящ. села Барана Ив. Полканову.

Выписывающіе отъ автора за разъ 10 и болѣе экземпляровъ пользуются уступкою 20%.

1—3.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“ ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей«, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года, будетъ издаваться и въ будущемъ 1879 году.

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.*

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878

годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ. 3 декабря 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб. № 51. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Декабря 17-го.

Содержаніе: Поученіе въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ—св. отецъ.—О воспріемникахъ при таинствѣ св. крещенія.—Физическое воспитаніе.—Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ—св. отецъ.

Книга родства І. Христа... Сына Авраамля (Мѳ. I, 1).

Св. апостолъ и ев. Матѳей называетъ Господа І. Христа сыномъ Авраамовымъ, потому что отъ Авраама произошелъ народъ еврейскій, въ которомъ двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ Авраама явилась на свѣтъ Божій дочь Іоакима и Анны, пренепорочная Дѣва Марія, Матерь Господа нашего Іисуса Христа. Такимъ образомъ первый родоначальникъ Іисуса Христа былъ Авраамъ. Жизнь этого благочестиваго и глубоковѣрующаго человѣка на-

столько назидательна, что въ ней и бѣдный и богатый, и счастливый и несчастный человѣкъ найдутъ для себя многое, чему можно поучиться, въ чемъ брать себѣ добрый примѣръ для своей жизни.

Благочестивый Авраамъ жилъ сперва въ странѣ Халдейской, въ Мессопотаміи. Въ то время истинная вѣра въ Бога уже угасала на землѣ; люди предавались порокамъ, забывая Бога и страхъ Божій; выдумывали разныя божества, и въ честь ихъ устрояли идоловъ, и покланялись имъ, какъ истинному Богу. Не преклонялъ колѣнъ своихъ предъ идолами только благочестивый Авраамъ съ своею женою Саррою. Чтобы сохранить на землѣ истинную вѣру, Богъ явился Аврааму и сказалъ: *»оставь свой домъ и родину, и иди туда, куда Я укажу тебѣ. Тамъ Я произведу отъ тебя многочисленный народъ, изъ котораго произойдетъ Тотъ, Который благословитъ всѣ народы земные«*. Авраамъ повѣрилъ слову Божію, и безъ сожалѣнія оставилъ свой родной край и удалился въ неизвѣстную ему землю Ханаанскую. Съ нимъ пошолъ Лотъ, его родной племянникъ, съ женою и семействомъ.

Страна Ханаанская для Авраама была страна незнакомая, чужая; жители страны Ханаанской были язычники, идолопоклонники, и среди ихъ Авраамъ былъ чужой человѣкъ, чужой по языку, по вѣрѣ, по образу жизни. Одинокъ онъ былъ на чужой сторонѣ. Впрочемъ на первое время это одиночество не такъ было замѣтно; съ нимъ былъ его племянникъ Лотъ, и Авраамъ любилъ и уважалъ его, какъ единственнаго своего родственника. Но вскорѣ и это измѣнилось. Пастухи Лота затѣяли ссору съ насту-

хами Авраама, и Лотъ не доволенъ былъ этимъ. Но Авраамъ, какъ добрый, любящій отецъ, предупредилъ ссору; онъ сказалъ Лоту: »мы родные, и насъ здѣсь только двое, а земля эта обширна и богата пастбищами. Роднымъ ссориться изъ за этого не слѣдуетъ. Лучше разойтись по согласью. Выбирай, гдѣ тебѣ больше нравится. Если ты пойдешь на лѣво, я пойду на право; если ты пойдешь на право, я пойду на лѣво«. Разумное, доброе слово дяди Лотъ принялъ съ уваженіемъ и, простившись съ нимъ, отправился въ плодородную и богатую равнину Сиддимскую, гдѣ и поселился на постоянное жительство въ Содомѣ. Теперь Авраамъ остался въ полномъ смыслѣ одинокимъ въ странѣ Хананской, и его любящее сердце не могло не горевать о разлукѣ съ близкимъ ему человѣкомъ. Но Господь былъ съ Авраамомъ; и чтобы утѣшить его въ разлукѣ съ Лотомъ, котораго было очень жаль Аврааму, Богъ явился ему и сказалъ: »*Авраамъ, войди на высокую гору и осмотри эту землю на всѣ четыре страны.—Эту землю Я отдаю тебѣ и твоему потомству, которое будетъ такъ многочисленно, какъ звѣзды небесныя, или какъ песокъ на берегу моря*«. Это обѣщаніе утѣшило Авраама; и хотя у него не было еще дѣтей, но онъ вѣровалъ слову Божію, вѣрилъ и надѣялся, что силенъ Богъ дать ему дѣтей и потомство.

За то Лотъ, скоро послѣ своей разлуки съ Авраамомъ долженъ былъ испытать величайшее несчастіе. На городъ Содомъ напали непріятели, овладѣли имъ, захватили имущество, а жителей увели въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и Лотъ. Когда объ этомъ дошло извѣстіе

до Авраама, онъ тотчасъ же вооружилъ всѣхъ своихъ слугъ, уговорилъ къ союзу трехъ другихъ владѣтельныхъ лицъ и погнался за врагомъ. Погоня была такъ быстра и неожиданна, что при первомъ нападеніи врагъ бѣжалъ, оставивъ все награбленное добро и плѣнныхъ въ руки Авраама.—Эта побѣда пріобрѣла Аврааму славу и уваженіе жителей земли Ханаанской, а плѣнники, освобожденные Авраамомъ, питали къ нему непритворную любовь за то, что онъ не только возвратилъ имъ свободу, но и отдалъ каждому его похищенное имущество. Съ торжествомъ побѣдителя Авраамъ возвращался въ землю Ханаанскую. Когда онъ подходилъ къ городу Содому, царь и первосвященникъ Салимскій Мелхиседекъ вышелъ на встрѣчу побѣдителямъ, и именемъ Всевышняго Бога благословилъ Авраама. Съ благоговѣніемъ принялъ Авраамъ благословеніе священника Божія, и въ знакъ совершеннаго уваженія своего далъ ему въ подарокъ десятую часть того, что осталось ему, какъ побѣдителю.

По возвращеніи въ землю Ханаанскую, Авраамъ поселился въ Хевронѣ, и жилъ счастливою, мирною жизнію, почитая Бога истиннаго, помогая нуждающимся, принимая и угощая странниковъ.—Вѣсть о добротѣ Авраама проносилась далеко за предѣлы страны Ханаанской; имя Авраама благословляли многіе. Такъ добро награждается доброю славою. Но за добро Авраама Богъ наградилъ его еще особенно. Господь видѣлъ любовь Авраама къ странникамъ, видѣлъ,—съ какою привѣтливостію онъ зазывалъ всякаго проходящаго въ шатеръ своей, съ какимъ усердіемъ обмывалъ ихъ ноги, съ какимъ радушіемъ угощалъ хлѣбомъ—солью, съ какою любовію относился къ нимъ. Видѣлъ это

Господь, и пожелалъ Самъ принять на Себя видъ странника.—Когда Небесный Странникъ съ двумя товарищами (это были ангелы) подходилъ къ дому Авраама, Авраамъ въ это время сидѣлъ подъ дубомъ. Увидя приближающихся путниковъ, Авраамъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и съ ласкою сказалъ: »господа мои, удостойте посѣтить домъ мой!« Странники, видя радушіе старца, зашли. Авраамъ усадилъ ихъ подъ густою тѣнью огромнаго дуба, и омылъ имъ ноги; а Сарра поторопилась приготовить гостямъ роскошное угощеніе... Вдругъ Одинъ изъ трехъ странниковъ говоритъ: »*Авраамъ, ровно чрезъ годъ жена твоя Сарра родитъ тебѣ сына*«. Услышала это Сарра и удивилась; уже она находилась въ лѣтахъ преклонныхъ, и перестала даже думать о томъ, что въ ея лѣта она можетъ стать матерью. Поэтому и не удивительно изумленіе и недовѣріе Сарры... Странникъ опять говоритъ: »Сарра смѣется, Сарра не вѣритъ. Но повторяю тебѣ, Авраамъ, что жена твоя Сарра чрезъ годъ родитъ сына и ты наречешь его Исаакомъ, такъ какъ Сарра этому не вѣритъ и смѣется«. Авраамъ понялъ тогда, что не простые путники въ гостяхъ у него. Вѣрующая и любящая душа его ощутила присутствіе Божіе, и когда путники собрались идти, Авраамъ проводилъ ихъ далеко отъ дому, и сталъ просить благословенія отъ Господа. Въ это время двое молодыхъ путниковъ оставили ихъ и отправились по дорогѣ въ Содомъ, а Господь открылъ Аврааму, что за беззаконія жителей Содома и Гоморы Онъ осуждаетъ эти нечестивые города на истребленіе.—Добросердечный Авраамъ усердно проситъ Господа не губить праведныхъ вмѣстѣ съ нечестивыми. »*Если*, говоритъ Авраамъ, *найдется въ Содомѣ пятьдесятъ праведниковъ, ужели они дол-*

жны будутъ погибнуть вмѣстѣ съ нечестивыми?«— Не только не погибнутъ, сказалъ Господь, но *ради пятидесяти добрыхъ пощажены будутъ тысяча злыхъ«.— Господи!* говоритъ Авраамъ, *я вижу Твое милосердіе и долготерпѣніе. Такъ позволь рабу* Твоему еще сказать: *если тамъ найдется только сорокъ, или тридцать, или двадцать—или хоть только десять добрыхъ людей?«* Господь сказалъ: *»и ради десяти добрыхъ не погублю всѣхъ остальныхъ, поелику ты умолилъ Меня«*.—Авраамъ преклонился предъ неизреченнымъ милосердіемъ Творца и, принявъ Его благословеніе, возвратился въ домъ свой.

Да, братіе! Много можетъ споспѣшествовать намъ въ нашихъ дѣлахъ и въ нашихъ грѣшныхъ молитвахъ усердныя молитвы святыхъ людей. Молитвы святыхъ угодниковъ Божіихъ—сильны преклонить тяготѣющій надъ грѣшнымъ міромъ праведно движимый гнѣвъ Божій; и слѣдовательно не напрасно мы обращаемся къ нимъ съ нашими смиренными молитвами. Молитвы святыхъ, а особенно молитвы Святѣйшей всѣхъ святыхъ Царицы Небесной, Матери Христа Бога нашего, подаютъ много милостей Божіихъ грѣшнымъ людямъ, молящимся и просящимъ у Бога помощи, заступленія и прощенія грѣховъ.

Обѣщаніе, данное Богомъ Аврааму, исполнилось. Ровно чрезъ годъ, когда Аврааму было сто лѣтъ отъ рожденія, а Саррѣ девяносто,—она родила сына, которому Авраамъ далъ имя—Исаакъ. Понятно, велика была радость Авраама и Сарры, когда Исаакъ далъ имъ надежду стать продолжителемъ рода Авраамова и наслѣдникомъ всего его

имущества. Съ любовью они воспитывали своего возлюбленнаго сына и радовались болѣе и болѣе, когда видѣли, что ихъ Исаакъ сколько возрасталъ тѣломъ, столько же и показывалъ своимъ родителямъ свою вѣру въ Господа, и свое доброе, любящее сердце.—Вдругъ этой радости и любви родительской послано было отъ Бога тяжкое искушеніе... Едва Исааку исполнилось 17-ть лѣтъ, Богъ сказалъ Аврааму: »*Возьми сына твоего возлюбленнаго Исаака, котораго ты любишь, и принеси его Мнѣ во всесожженіе!..*« Получивъ повелѣніе отъ Бога принести въ жертву Исаака, сына своего, Авраамъ тотчасъ-же собрался въ путь... У священной горы, гдѣ Авраамъ всегда приносилъ жертвы, гдѣ удостоился явленія Божія, и гдѣ устроенъ имъ былъ жертвенникъ,—Авраамъ оставилъ слугу и осла. Сыну своему онъ велѣлъ нести дрова, а самъ взялъ огонь и ножъ. Дорогою Исаакъ спрашиваетъ: »*отецъ мой! вотъ огонь и дрова; гдѣ-жъ жертва; гдѣ тотъ агнецъ, какого ты такъ часто раньше приносилъ Господу во всесожженіе?*«—»*Богъ укажетъ намъ жертву, сынъ мой!*« отвѣтилъ отецъ, и въ безмолвіи продолжалъ путь свой. Вотъ и вершина священной горы, вотъ и жертвенникъ. Исаакъ сбросилъ свою ношу и осмотрѣлся,—но жертвы нѣтъ. Вотъ отецъ его сложилъ дрова на жертвенникъ, а жертвы нѣтъ! »Богъ укажетъ«, думалъ Исаакъ. Но когда-жъ укажетъ?... А того еще не зналъ, что жертва указана уже давно, жертва эта—онъ, молодой, прекрасный благочестивый юноша... Авраамъ объяснилъ сыну своему требованіе Божіе, и Исаакъ безропотно повиновался. Вотъ отецъ вяжетъ его, вотъ повалилъ на дрова, вотъ занесъ руку съ острымъ ножемъ, и этотъ ножъ, привыкшій сразу поражать животныхъ на смерть, уже готовъ былъ опуститься и прекратить жизнь цвѣтущаго отрока, какъ рука Авраама съ поднятымъ

ножомъ остановилась вверху. Авраамъ поднялъ взоръ и увидѣлъ ангела Божія, который сказалъ ему: »довольно! Богъ видитъ вѣру твою и цѣнитъ твое послушаніе и покорность. Богъ повторяетъ еще, что Онъ умножая умножитъ потомство твое, и въ Исаакѣ тебѣ наречется сѣмя, т. е. отъ этого краткаго, послушнаго Исаака, безропотно позволившаго на принесенныхъ имъ дровахъ заколоть себя въ жертву, произойдетъ нѣкогда Тотъ, Который исполняя волю Отца Своего Небеснаго, тоже понесетъ на Голгофу свой крестный жертвенникъ, и яко агнецъ незлобивый веденъ будетъ на заколѣніе вольное, закланъ будетъ и этимъ низведетъ благословеніе Бога на весь грѣшный родъ человѣческій.—Понялъ это Аврамъ, увидѣлъ въ жертвоприношеніи Исаака прообразъ страданій и смерти Богочеловѣка, и *видѣ* и *возрадовася*, какъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ самъ І. Христосъ. Но не настало еще это время, время пролитія Божественно-человѣческой крови за спасеніе міра; Аврааму указанъ былъ для жертвы агнецъ, стоящій между двумя кустами. Его то потомъ взялъ Авраамъ и съ благодарнымъ чувствомъ принесъ во всесожженіе вмѣсто сына своего Исаака.

Возможно ли болѣе вѣры, болѣе надежды, болѣе любви, болѣе всецѣлой преданности волѣ Божіей, какую явилъ Авраамъ? Не даромъ его называютъ отцемъ вѣрующихъ. И до Авраама и послѣ Авраама не много было людей, такъ глубоко вѣрующихъ въ Бога, и потому по всей справедливости онъ сталъ первымъ отцомъ по плоти Того, Который вѣрующимъ даетъ областъ чадомъ Божіимъ быти; Авраамъ сталъ первымъ родоначальникомъ І. Христа, Господа нашего.

Пусть же, братіе, вѣра Авраамова послужитъ обли-

ченіемъ нашего маловѣрія, суевѣрія, холодности нашей къ вѣрѣ истинной, къ нашей вѣрѣ православной.—Намъ далеко до такой вѣры. Что-бы имѣть вѣру Авраамову, нужно прежде имѣть сердце Авраамово, нужно быть такимъ же добрымъ благожелательнымъ ко всѣмъ человѣкамъ, какимъ былъ Авраамъ.

Авраамъ предложилъ Лоту избрать для жительства тѣ мѣста земли хананской, какія ему больше нравятся... А у насъ какъ дѣлается при дѣлежахъ? Не старается-ли, напротивъ, каждый, если можетъ и съумѣетъ, захватить себѣ надѣлу и большую и лучшую долю, или по крайней мѣрѣ не упустить своего? А изъ-за этого при дѣлежахъ всегда брани, ссоры, распря, и вражда иногда очень на долго! Авраамъ съ опасностію для собственной жизни спѣшитъ освободить племянника, попавшаго въ плѣнъ... Такъ-ли мы спѣшимъ на помощъ къ своимъ роднымъ, друзьямъ, знакомымъ, когда они находятся въ бѣдѣ какой или въ несчастіи? такъ-ли усердно стараемся устранить несчастіе, избавить отъ бѣды близкихъ своихъ? Напротивъ, если-бы пришлось чѣмъ-нибудь поплатиться намъ, чтобы выручить изъ бѣды брата или племянника,—какъ это намъ не нравится, какъ это не охотно дѣлаемъ и какъ часто стараемся отговорится и извиниться, что мы для нихъ ничего не можемъ сдѣлать,—хотя бы и могли? Да, братіе. Въ настоящіе дни очень мало между людьми истиннаго доброжелательства; всѣ какъ-то стали ужъ до нельзя самолюбивы и злопамятны. Авраамъ, принявъ благословеніе Мелхиседека, за молитвенныя благопожеланія этого іерея Божія обдарилъ его богатыми дарами... Фактъ весьма поучительный. Теперь далеко не всѣ христіане считаютъ долгомъ принять благословеніе священника. Многіе не дѣлаютъ этого. Почему? Неужели стыдно или унизительно

принять благословеніе служителя Божія, который благословляетъ не своимъ, а Божіимъ именемъ, и чрезъ благословеніе котораго нисходитъ благословеніе Господне на насъ, на наши дѣла, на всѣ наши начинанія. Добрые христіане никогда не пренебрегаютъ благословеніемъ священника. Были и есть примѣры, что лица высокія, царственные и тѣ принимаютъ благословеніе священника, и не считаютъ для себя униженіемъ лобызать руку благословляющаго... Устыдитесь люди гордые, пренебрегающіе благословеніемъ священниковъ! Авраамъ почиталъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, когда первосвященникъ Бога Всевышняго принялъ его приношеніе. А у насъ какъ? Не праведно-ли, не законно-ли и священники должны быть вознаграждены своими прихожанами за свои духовные труды, низводящіе на васъ милость и благословеніе Божіе.

Авраамъ любилъ принимать и угощать странниковъ. А мы? Какъ часто мы спѣшимъ запирать ворота, когда видимъ проходящихъ, желающихъ къ намъ зайти обогрѣться! Какъ часто отказываемъ мы въ ночлегѣ проѣзжающимъ, когда знаемъ, что отъ нихъ намъ не будетъ никакой пользы, кромѣ хлопотъ... Не доказываетъ ли это, что мы любимъ только себя; а какъ придетъ случай оказать любовь ближнему, и не хочется, особенно если это не выгодно. И дружбы конецъ и родня въ сторону, если другъ или братъ намъ не приноситъ ни какой пользы; или если другъ, или братъ требуетъ нашихъ пожертвованій.

Авраамъ просилъ Бога за нечестивыхъ Содомянъ... Научимся и мы ходатайствовать за несчастныхъ и отвращать отъ нихъ несчастія и не зложелательствовать, не рыть ямы другому, помня, что и мы грѣшники, и мы

нуждаемся въ милости Божіей; помня, что аще не отпустимъ кійждо брату своему прегрѣшеній его, то и Отецъ небесный не отпуститъ намъ согрѣшеній нашихъ.

Авраамъ любимаго сына не усумнился принести Богу въ жертву. Ахъ, братіе, еслибы и мы съ такою-же охотою не пожалѣли оставить свои страсти, похоти, грѣшныя привычки и пожеланія,—эти излюбленныя наши дѣтища, которыхъ теперь лелѣемъ съ такою любовію, которымъ служимъ, которымъ раболѣпствуемъ! Какъ было бы хорошо, еслибы мы навсегда выбросили изъ сердца своего гнѣвъ, ярость, похоть злую, и лихоиманіе... особенно лихоиманіе, корыстолюбіе, жажду наживы, неумѣренное желаніе обогатиться во что-бы то ни стало, безумное стремленіе только о томъ и хлопотать, какъ бы нажить, разбогатѣть... Хорошо быть богатымъ, но такимъ, какимъ былъ Авраамъ, всѣхъ любившій, всѣмъ помогавшій. Но избави Богъ уподобиться тому богачу, который сказалъ: душе! имаши благо многа, лежаща на лѣта многа; почивай, яждь, пій, веселися, не думая ни о комъ, и ни о чемъ;—тому богачу, у котораго среди его радости и веселья, въ туже ночь, когда онъ и не думалъ, взята изъ тѣла грѣшная душа его, такъ любившая богатство! Уподобляйтесь, братіе, богатому Аврааму, помогающему бѣднымъ, угощающему странниковъ, вознаграждающему служителей Божіихъ. Тогда ваше имущество, ваше богатство будетъ вамъ во спасеніе, а не въ погибель.—Аминь.

Свящ. *А. Тихомировъ.*

С. Девятины.

Ол. губ.

О воспріемникахъ при таинствѣ св. крещенія[1].

О важности воспріемничества.

Важное значеніе воспріемничества, постоянное сохраненіе и соблюденіе его въ теченіи вѣковъ при совершеніи таинства св. крещенія уже ясно говоритъ о его не прерѣкаемой важности. Важность воспріемничества можно разсматривать съ трехъ сторонъ: со стороны догматической, церковной и со стороны приложенія его ко всѣмъ христіанамъ вообще. Если исповѣданіе вѣры въ св. Троицу и отреченіе отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его, какъ мы видѣли выше, существенно и необходимо при совершеніи таинства крещенія, и если, за слабостію или немощію крестящагося, это дѣлаетъ воспріемникъ, то безъ воспріемника, какъ споручника вѣры, не можетъ быть совершено таинство св. крещенія. Крайняя нужда, не терпящая никакихъ отлагательствъ и замедленій, часто требовала и можетъ требовать, чтобы крещеніе было совершено и вовсе безъ обрядовъ, съ соблюденіемъ только сущности самаго таинства. Въ крайней нуждѣ, конечно, можно обойтись и безъ воспріемниковъ; но это нисколько не отвергаетъ догматической важности воспріемничествъ, какъ исключенія никогда и нисколько не отнимаютъ силы у общихъ положеній. Могутъ случиться обстоятельства, какъ онѣ и дѣйствительно были, при которыхъ каждому человѣку предоставляется право совершать таинство св. крещенія, но слѣдуетъ-ли отсюда, что и всегда каждому возможно совершать это таинство? Очевидно, нѣтъ; что сдѣлано и можно дѣлать въ крайности, того не

---

[1]) См. № 56.

должно дѣлать по произволу. Далѣе, въ ослабленіе догматической важности воспріемничества можетъ быть представлено то обстоятельство, что оно будто-бы не принадлежитъ къ установленіямъ апостоловъ. Мы, говорятъ намъ, нѣсколько разъ встрѣчаемся въ апостольскихъ писаніяхъ съ описаніемъ крещенія, но нигдѣ не видимъ и намека на присутствіе при томъ воспріемниковъ. Такъ упоминается[1]), что ап. Павелъ крестилъ Лидію и весь домъ ея, а о воспріемникахъ не говорится ни слова. Но изъ молчанія повѣствователя о воспріемникахъ при крещеніи еще нельзя заключать о томъ, что воспріемничество не имѣетъ догматической важности. Въ св. писаніи нигдѣ нѣтъ полнаго описанія того, какъ совершалось св. крещеніе; въ немъ не упоминается о троекратномъ погруженіи крещаемаго, объ употребленіи освященной воды и проч., тѣмъ не менѣе троекратное погруженіе составляетъ необходимое условіе при совершеніи таинства крещенія. Равнымъ образомъ, хотя о присутствіи воспріемниковъ при совершеніи крещенія нигдѣ въ св. Писаніи не упоминается, тѣмъ не менѣе воспріемничество составляетъ необходимую, существенную принадлежность этого таинства. При этомъ не нужно упускать изъ виду еще того обстоятельства, что воспріемничество предписывается Діонисіемъ Ареопагитомъ, общникомъ, какъ его называютъ, апостоловъ. Не въ правѣ-ли мы на этомъ основаніи догадываться, что обрядъ этотъ существовалъ и при апостолахъ, что онъ есть преданіе, сохраненное для насъ отъ ихъ времени? Въ самомъ дѣлѣ, если апостолы, какъ

[1]) Дѣян. 16, 15.

извѣстно, крестили цѣлые домы, въ которыхъ, можно предполагать, были и дѣти, то они непремѣнно должны были крестить ихъ при помощи воспріемниковъ. Отецъ семейства, исповѣдуя свою вѣру въ І. Христа предъ апостолами, исповѣдывалъ её, конечно, и за дѣтей своихъ; ручаясь же за ихъ вѣру и благочестіе, онъ чрезъ это являлся уже въ качествѣ воспріемника. Иначе и не могло быть. Мы знаемъ, что апостолы сообщали таинства только достойнымъ, только тѣмъ, у которыхъ видѣли живую вѣру и плоды покаянія. Какимъ же образомъ они сообщили бы благодать св. крещенія младенцамъ, если бы не были увѣрены, что и они несомнѣнно будутъ исповѣдывать вѣру въ І. Христа? А эту увѣренность они могли пріобрѣсть только чрезъ ручательство родителей или родственниковъ, которые, значитъ, и воспринимали младенцевъ. Итакъ, на основаніи молчанія св. писанія о воспріемникахъ при крещеніи, еще нельзя подвергнуть сомнѣнію догматическое достоинство воспріемничества.

Важность воспріемничества, какъ одного изъ необходимыхъ условій къ совершенію крещенія, ясно засвидѣтельствована древне-вселенскою церковію. Св. Іустинъ мученикъ говоритъ: »младенцы удостоиваются благъ, даруемыхъ чрезъ крещеніе по вѣрѣ тѣхъ, которые приносятъ ихъ ко крещенію«. По словамъ блаженнаго Іеронима »младенцу приноситъ пользу вѣра приносящихъ его къ освященію«. А бл. Августинъ образно представляя обрядъ воспріемничества при крещеніи, прекрасно характеризуетъ его достоинство: »церковь даетъ младенцамъ ноги другихъ, чтобы они ходили,—сердца,—чтобы вѣровали,—языкъ, чтобы исповѣдывали«. Изъ такого взгляда на воспріемничество открывается, что крещеніе младенцевъ основывается на воспріемникахъ; слѣдовательно, воспріемничество со-

ставляетъ существенную и необходимую принадлежность таинства; а потому и догматическое достоинство его не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Важность воспріемниковъ выводится также изъ отношенія ихъ къ церкви, какъ вѣрной хранительницѣ таинъ Христовой религіи. Св. церковь, какъ духовная мать, рождаетъ своихъ чадъ посредствомъ таинствъ; но это духовное рожденіе совершается ею подъ извѣстными условіями. Если бы воспріемники не ручались предъ церковію за вѣру и благочестіе крестящихся младенцевъ, то послѣдніе не очищались бы такъ рано отъ грѣховныхъ скверны въ купели св. крещенія. Значитъ, святое и великое дѣло духовнаго рожденія безъ участія воспріемниковъ могло бы нѣкоторымъ образомъ затормотиться; тогда нужно бы ожидать того возраста, въ которомъ начинаютъ обнаруживаться и дѣйствовать познавательныя силы человѣка. Много потребовалось бы времени на то, чтобы готовящемуся принять крещеніе сообщить истины христіанской вѣры и правила благочестивой дѣятельности, а между тѣмъ грѣховное зло, въ которомъ человѣкъ рождается, во все это подготовительное время развивалось бы съ особенною силою и быстротою, такъ какъ оно не встрѣчало бы тѣхъ препятствій, которыя теперь полагаются на его пути при самомъ рожденіи человѣка. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ въ младенцѣ проявились бы разумныя силы, грѣхъ господствовалъ бы въ немъ, какъ ни чѣмъ не ограничиваемый законъ. Тогда какъ теперь воспріемники съ первыхъ-же дней рожденія младенца дѣлаютъ его христіаниномъ,—и онъ при помощи благодати Духа Святаго возрастаетъ вѣрующимъ. Даже въ отношеніи къ взрослымъ и совершеннолѣтнимъ воспріемничество весьма нужно; потому что оно ускоряетъ ихъ крещеніе. Для церкви необходима увѣренность въ томъ, что ищущіе крещенія,—по своей вѣрѣ и

дѣламъ, достойны этого таинства; но для пріобрѣтенія этой увѣренности потребовалось бы много времени. Слѣдовательно, безъ участія воспріемниковъ въ таинствѣ св. крещенія, замедлялось бы распространеніе царства Божія на землѣ, мало этого, оно могло бы сокращаться. Всѣ младенцы, скоро и неожиданно умирающіе, были бы внѣ благодатной церкви Христа, а такъ какъ процентъ смертности въ дѣтскомъ возрастѣ сравнительно очень великъ, то между членами церкви не доставало бы тогда цѣлыхъ милліоновъ. Не желая лишать спасенія о Христѣ такого числа людей, и исполняя заповѣдь своего Владыки—Господа—проповѣдывать евангеліе всей твари[1]), церковь установила воспріемничество, при посредствѣ котораго всѣ люди—младенцы и взрослые, здоровые и больные—могутъ получать отпущеніе грѣховъ и надежду на вѣчное спасеніе. Такимъ образомъ важность воспріемничества открывается изъ того, что оно есть одно изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ средствъ къ насажденію и распространенію на землѣ благодатнаго царства.

Не менѣе важнымъ представляется воспріемничество и въ отношеніи его ко всѣмъ христіанамъ, или обществу вѣрующихъ въ І. Христа. Каждый членъ этой церкви обязанъ знать, во что онъ вѣруетъ и долженъ жить сообразно съ своею вѣрою,—иначе онъ не будетъ христіаниномъ. Есть въ христіанствѣ истины вѣры, знаніе которыхъ тѣсно соединено съ нашимъ спасеніемъ; есть и истины дѣятельности, не исполняя которыхъ, человѣкъ не можетъ наслѣдовать живота вѣчнаго. Но какъ тѣ и другія истины сдѣлать доступными вѣдѣнію всѣхъ и каждаго? Это достигается церковію между прочимъ при помощи воспріемниковъ, которые, наставляя вѣрѣ воспріемлемыхъ, руко-

[1]) Марк. 16, 15.

водятъ ихъ въ жизни христіанской. Подобно тому, какъ Богъ даетъ въ крещеніи каждому человѣку на служеніе ангела-хранителя, который бы охранялъ душу христіанскую отъ козней темныхъ силъ, церковь съ своей стороны даетъ человѣку воспріемника, который дѣятельно руководитъ воспринятаго ко спасенію—вразумленіями слова Божія и примѣрами благочестивой жизни. Въ качествѣ наставника воспріемникъ сообщаетъ своему духовному сыну истины христіанскаго вѣдѣнія, а какъ руководитель онъ неослабно слѣдитъ за образомъ жизни воспринятаго имъ. Чрезъ это каждый христіанинъ, познавъ всѣ истины исповѣдуемой имъ вѣры, будетъ преуспѣвать и усовершаться въ благочестіи; и такимъ образомъ спасительный духъ христіанства низводится въ кругъ общественной жизни, проникая въ самый простой и обыкновенный бытъ христіанъ. Понятно отсюда—какъ важно и благотворно воспріемничество въ дѣлѣ духовнаго возрастанія и укрѣпленія членовъ Христовой церкви. Но не будетъ-ли оно излишнимъ въ настоящее время, когда крещаемые воспитываются подъ руководствомъ своихъ родителей или въ общественныхъ заведеніяхъ при посредствѣ наставниковъ? Не довольно-ли даже однихъ церковныхъ наставленій въ вѣрѣ?—Неоспоримо, что на родителяхъ лежитъ обязанность заниматься христіанскимъ образованіемъ своихъ дѣтей, что они имѣютъ и сильныя побужденія и дѣйствительныя средства къ выполненію этой обязанности. Но это нисколько не дѣлаетъ излишнимъ трудъ воспріемника заниматься духовнымъ воспитаніемъ своего духовнаго сына. Извѣстно, что отецъ крещаемаго есть вмѣстѣ и отецъ другихъ, и, можетъ быть, многихъ дѣтей, есть вмѣстѣ попечитель цѣлаго семейства, членъ общества, слуга отечества и проч. Всѣ это налагаетъ на него столько различныхъ трудовъ, заботъ, связей и отношеній, что онъ какъ-бы по необхо-

димости можетъ забывать о духовномъ воспитаніи своихъ дѣтей. Потому церковь, зная—какъ трудно плотскому родителю быть вмѣстѣ и духовнымъ отцомъ, раздѣляетъ воспитаніе между отцомъ и воспріемникомъ, усвоя послѣднему значеніе духовнаго отца, какъ лицу заботящемуся объ одномъ только духовномъ воспитаніи младенца и какъ имѣющему и болѣе времени и болѣе опытности и вообще болѣе средствъ заняться духовнымъ образованіемъ своего крестника. На этомъ-то основаніи церковь въ древнія времена преимущественно назначала въ воспріемники діаконовъ и діакониссъ,—лицъ болѣе способныхъ заняться духовнымъ развитіемъ, спеціально подготовляя ихъ къ успѣшному выполненію высокой обязанности воспріемничества. Не нужно забывать и тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, когда родители умираютъ, или по какимъ-либо причинамъ оставляютъ своихъ дѣтей,—въ такихъ случаяхъ христіанское воспитаніе новокрещенныхъ единственно лежитъ на обязанности воспріемниковъ. Соображеній этихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что воспріемничество, при посредствѣ котораго церковь хочетъ научить своихъ чадъ истинамъ ею хранимымъ, не излишне и въ настоящее время, при домашнемъ образованіи дѣтей своими родителями.

Воспріемничество не лишне и при воспитаніи крещеннаго подъ руководствомъ школьныхъ наставниковъ и учителей. Самое строгое, тщательное школьное воспитаніе, какого только можно желать, всегда будетъ дѣйствовать только на умъ; оно хотя и коснется сердца, но рѣдко достигаетъ его глубины, гдѣ зачинается, спѣетъ и совершается всякое начинаніе человѣка. Общественное воспитаніе начинается въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ началъ привыкать, если ужъ не привыкъ, къ извѣстному образу мыслей и дѣйствій,—когда онъ уже хорошо пони-

маетъ добро и зло, и умѣетъ скрывать послѣднее отъ наблюдательнаго взора людей, слѣдящихъ за его жизнію. Отъ этого можетъ произойти то, что, вмѣсто полнаго, истиннаго религіознаго воспитанія, воспитанникъ получитъ одно только воспитаніе научное; онъ будетъ знать догматы своей вѣры, и въ тоже время не будетъ заботиться о томъ, чтобы перевести свое знаніе въ жизнь. Если сѣмя добра не положено въ сердцѣ человѣка съ самыхъ юныхъ дней его, если съ младенчества своего онъ не полюбитъ его всею душою, то религіозно-нравственное воспитаніе такого человѣка въ школѣ ненадежно. Кто же вкоренитъ въ сердце новокрещеннаго это драгоцѣнное чувство добра и соединитъ съ нимъ знаніе истинъ вѣры? Это спасительное дѣло лежитъ опять на обязанности воспріемника; онъ долженъ, по намѣренію церкви, напоминать воспринятому о тѣхъ обѣтахъ, которые тотъ давалъ при крещеніи и которые долженъ выполнять. И воспріемникъ для этого располагаетъ такими средствами, какихъ никто другой имѣть не можетъ. Съ одной стороны духовный отецъ, по своей любви къ духовному сыну, можетъ вполнѣ сочувствовать духовнымъ потребностямъ послѣдняго и удовлетворять этимъ потребностямъ, съ другой—духовный сынъ, какъ очень близкій по духу къ воспріемнику, можетъ заявлять предъ нимъ о своихъ духовно-нравственныхъ нуждахъ.

Что церковныя наставленія для крещеннаго не могутъ замѣнить наставленій со стороны воспріемниковъ,—это очевидно. Чтобы ясно и основательно сообщить новокрещенному истины вѣры,—для этого, кромѣ продолжительности времени, нужно еще приспособленіе къ его умственному состоянію,—приспособленіе даже къ обстоятельствамъ его частной жизни. Но подобныя наставленія церкви не могутъ подчиняться всѣмъ этимъ условіямъ. Потому-то

церковь и возлагаетъ духовное образованіе дѣтей на воспріемниковъ.

Такимъ образомъ воспріемничество имѣетъ всю свою важность, какъ одно изъ догматическихъ условій къ совершенію таинства крещенія,—какъ лучшее средство къ распространенію церкви на землѣ,—какъ самое удобное и надежное средство къ познанію истинъ вѣры и правилъ христіанской жизни. Но въ настоящее время, воспріемничество сохраняетъ-ли всю свою важность и всегда-ли оно достигаетъ тѣхъ цѣлей, для достиженія которыхъ установлено церковію? Къ глубокому прискорбію, нужно признаться, что въ наши дни духовное родство утратило у многихъ христіанъ тотъ глубокій смыслъ и высокое значеніе, какія дала ему церковь. Кому не извѣстно, что у людей знатныхъ, воспріемничество сдѣлалось не болѣе, какъ свѣтскою сдѣлкою, и что у простаго народа оно есть одна простая необходимость, безъ которой нельзя окрестить новорожденнаго! Одни избираютъ воспріемниками богатыхъ и важныхъ въ свѣтѣ, чтобы чрезъ то войти въ свѣтскую связь съ знатью. Другіе не выбираютъ, а просто зовутъ: иди, будь у меня кумомъ или кумою. Отъ этого часто выходитъ, что воспринимающія часто забываютъ, кого и гдѣ они воспринимали, а воспринятые не знаютъ и не помнятъ, кто у нихъ крестный отецъ и мать. Искорененіе этого зла, столь вожделенное и желательное, можетъ быть достигнуто только при заботливости пастырей церкви. Только пастыри могутъ искоренить это зло, съ одной стороны рекомендуя своимъ пасомымъ избирать въ воспріемники благонадежныхъ христіанъ и внушая воспріемникамъ при крещеніи обязанности ихъ, съ другой—строго наблюдая, чтобы воспріемники исполняли свои обязанности, чаще напоминая имъ объ этомъ и угрожая въ случаѣ небреженія страшною отвѣтственностію предъ Богомъ и церковію.

Физическое воспитаніе[1]).

Разумная, согласная съ требованіями гигіены, забота о питаніи, дыханіи и отправленіяхъ кожи—лишь одно изъ средствъ къ достиженію намѣченной нами цѣли физическаго воспитанія—развитія и укрѣпленія нервной и мускульной системъ, притомъ средство, не прямо ведущее къ этой цѣли. Нужны болѣе прямыя средства; онѣ и существуютъ.

Нервная система, раздѣляясь на центральную и периферическую части и состоя изъ головнаго, спиннаго мозга и нервовъ, въ своей жизни и своемъ развитіи подчиняется тѣмъ же общимъ законамъ, которымъ подчинена вообще всякая органическая жизнь. Имѣя въ виду эти законы, педагогика даетъ слѣдующія предписанія относительно развитія и укрѣпленія нервной системы какъ центральныхъ ея частей, особенно головнаго мозга, такъ и периферической части.

1) Напряженность дѣятельности головнаго мозга должна соразмѣряться со степенью развитія его. Необходимымъ условіемъ дѣятельности и развитія мозга служатъ, какъ извѣстно, внѣшнія впечатлѣнія, происходятъ ли онѣ отъ внѣшней природы—внѣшнихъ предметовъ, или отъ людей. Чтобы содѣйствовать развитію и укрѣпленію мозга, внѣшнія впечатлѣнія не должны быть ни слишкомъ сильны, ни слишкомъ слабы. Если онѣ бываютъ чрезмѣрно сильны, то ведутъ за собой истощеніе мозга; если очень слабы, то ослабленіе, обезсиленіе его. На этомъ основаніи слѣдуетъ предохранять голову дѣтей, особенно маленькихъ, отъ всѣхъ очень сильныхъ внѣшнихъ вліяній, отъ рѣзкаго холода, большаго жара, отъ ударовъ и другихъ потрясеній. Поэтому же не слѣдуетъ принуждать малолѣтнихъ дѣтей

[1]) См. № 47.

къ болѣе продолжительной и напряженной умственной дѣятельности, чѣмъ игра, которая для нихъ самое лучшее упражненіе и которой они при здоровомъ состояніи предаются со всей энергіей, на какую они только способны, и до тѣхъ поръ, пока не устанутъ. Такъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока мозгъ дѣтей не достигнетъ своей нормальной величины и достаточной твердости и устойчивости на 7-мъ или 8-мъ году. Школьное обученіе не должно начинаться ранѣе перемѣны зубовъ на 7-мъ, или 8-мъ году. Начинаясь по наступленіи количественной зрѣлости мозга, оно должно сперва лишь умѣренно возбуждать мозгъ и съ строгой постепенностью усиливать свои требованія по мѣрѣ увеличенія и качественнаго развитія мозга, пока онъ не достигнетъ полной зрѣлости.

2) Ежедневная умственная работа не должна быть слишкомъ продолжительной. Время ежедневныхъ занятій поэтому должно быть тѣмъ короче, чѣмъ менѣе мозгъ развитъ и чѣмъ болѣе преобладаетъ въ организмѣ ребенка растительная жизнь. Поэтому поступающіе въ школу дѣти не должны съ самаго начала обученія высиживать такое же количество учебныхъ часовъ, какое назначается для дѣтей высшаго возраста, или для юношей. Такъ какъ въ нашихъ училищныхъ уставахъ въ опредѣленіи числа ежедневныхъ и еженедѣльныхъ часовъ для занятій учащихся мало приспособленія къ возрасту дѣтей, то учащіе сами должны дѣлать это, позволяя малолѣтнимъ ученикамъ только что поступившимъ въ школу, играть и отдыхать частію среди самыхъ продолжительныхъ для нихъ уроковъ, частію въ промежуткахъ между ними.

3) Душевная дѣятельность не должна быть односторонней, но попеременно возбуждать всѣ части мозга къ соотвѣтствующей имъ дѣятельности. Въ этомъ случаѣ имѣетъ важное значеніе выборъ такихъ разнообразныхъ

предметовъ для занятій, которые находятся между собой въ довольно тѣсной связи. Не менѣе важно, далѣе, и то, чтобы одинъ и тотъ-же предметъ представлялся съ различныхъ сторонъ, разсматривался съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ этихъ же видахъ совѣтуютъ соединять съ обученіемъ упражненіе, переходить отъ усвоенія урока къ примѣненію его въ самостоятельной работѣ, такъ, чтобы знаніе переходило въ умѣнье, мысль въ дѣло. Занимать же дѣтей въ теченіи 2-хъ, 3-хъ часовъ однимъ и тѣмъ-же предметомъ вредно; предметы занятій въ школѣ каждый часъ должны быть различными.

Примѣняя главные законы органической жизни къ дѣлу развитія периферической части нервной системы—органовъ внѣшнихъ чувствъ, особенно: зрѣнія, слуха и осязанія какъ важнѣйшихъ, діэтетика требуетъ,

1) чтобы впечатлѣнія, возбуждающія органы внѣшнихъ чувствъ, не были чрезмѣрно сильными и чрезмѣрно слабыми; то и другое одинаково мѣшаютъ ихъ развитію. Такъ яркій свѣтъ, быстрая смѣна свѣта темнотой и недостатокъ свѣта при занятіяхъ, требующихъ напряженія глазъ, вредятъ глазамъ, притупляютъ ихъ. Точно также очень сильный шумъ, пронзительный крикъ, крѣпкій стукъ оглушаютъ человѣка. Но если всѣ чрезмѣрно сильныя и чрезмѣрно слабыя впечатлѣнія вредно дѣйствуютъ на развитые органы внѣшнихъ чувствъ; то тѣмъ болѣе онѣ вредятъ органамъ внѣшнихъ чувствъ дѣтей и особенно новорожденныхъ, такъ какъ сила органовъ внѣшнихъ чувствъ растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ организма. Новорожденнаго поэтому особенно нужно ограждать не только отъ яркаго свѣта и слишкомъ сильныхъ звуковъ, но и отъ освѣщенныхъ блестящихъ предметовъ, отъ взгляда на горящую свѣчу, отъ крупнаго разговора; тихіе, гармоническіе звуки, умѣренный свѣтъ—впечатлѣнія самыя соотвѣтственныя гла-

замъ и уху младенца. Слишкомъ сильный шумъ и стукъ производятъ на организмъ новорожденнаго просто потрясающее дѣйствіе; чрезмѣрно же сильный свѣтъ ослѣпляетъ новорожденнаго. Болѣе же взрослыхъ дѣтей, ограждая органы ихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ и новорожденныхъ дѣтей, отъ неблагопріятныхъ вліяній, между прочимъ, пыли, дыма, грязи, быстрой перемѣны температуры и проч., слѣдуетъ пріучать, чтобы они сами по возможности избѣгали вредныхъ впечатлѣній, не читали, напр., и не писали въ сумерки, на ходу, во время ѣзды и проч.

2) Чтобы впечатлѣнія, получаемыя органами внѣшнихъ чувствъ, не были ни слишкомъ продолжительными, ни слишкомъ скоропреходящими. Очень продолжительное возбужденіе притупляетъ и ослабляетъ органы внѣшнихъ чувствъ. Поэтому не слѣдуетъ заставлять дѣтей въ теченіи нѣсколькихъ часовъ заниматься, напр., чтеніемъ особенно книгъ мелкой печати, письмомъ, черченіемъ, рисованіемъ, вышиваньемъ, слушаніемъ длиннаго разсказа и пр. Скоропреходящее возбужденіе точно также вредно, потому что не даетъ времени къ воспріятію впечатлѣній.

3) Чтобы впечатлѣнія не были односторонними, а содѣйствовали бы развитію всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, не исключая даже совершенно и низшихъ: обонянія и вкуса. Только при развитіи послѣднихъ слѣдуетъ пріучать дѣтей обращать вниманіе въ получаемыхъ чрезъ органы этихъ чувствъ ощущеніяхъ преимущественно на предметную сторону, а не на сопровождающія ихъ чувства пріятныя и непріятныя чувства. Въ этихъ видахъ полезно заставлять дѣтей въ темнотѣ узнавать чрезъ осязаніе растенія, монеты, различать запахи различныхъ цвѣтовъ, лекарствъ, вкусъ различныхъ веществъ и проч.

Мускулы съ распространяющимися въ нихъ нервами движенія суть по преимуществу органы движенія, органы,

посредствомъ которыхъ осуществляются во внѣ наши желанія и хотѣнія. Но для того, чтобы мускулы были вполнѣ годнымъ и хорошимъ орудіемъ нашей воли, необходимо 1), чтобы мускулы работали. Работа, упражненіе мускуловъ дѣлаетъ не только самые мускулы крѣпче, плотнѣе и толще, но и оживляетъ кровообращеніе, усиливаетъ дыханіе, возвышаетъ температуру тѣла, слѣдов. энергію жизни всего тѣла. Поэтому долгъ воспитателей не стѣснять движеній членовъ младенческаго тѣла чрезъ свиваніе и пеленаніе, а давать, напротивъ, въ движеніяхъ полную свободу: по мѣрѣ возрастанія ребенка не мѣшать ему ползать, сидѣть, валяться, стоять, ходить, но и не прибѣгать въ видахъ скорѣйшаго пріученія его къ этимъ движеніямъ къ искусственнымъ мѣрамъ.

Вообще нужно замѣтить, что въ дѣтскомъ возрастѣ особенно до начала ученія потребность движенія и развитія физической, мускульной силы такъ велика и дѣти сами умѣютъ удовлетворять ей по большей части такъ хорошо, что со стороны взрослыхъ не требуется почти никакого вмѣшательства; воспитателямъ остается только смотрѣть за дѣтьми, чтобы они не прибѣгали къ играмъ и движеніямъ вреднымъ и опаснымъ для здоровья ихъ организма, лишь въ рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ предлагать свое руководство. Но коль скоро дѣти начинаютъ учиться и посѣщать школу, дѣло развитія и укрѣпленія ихъ мускульной системы должны принять на себя воспитатели и учители. Кромѣ разнаго рода подвижныхъ игръ къ этой цѣли можетъ вести гимнастика, но въ томъ, впрочемъ, лишь случаѣ, когда она преподается образованнымъ педагогически учителемъ, а не какимъ-либо унтеръ офицеромъ или отставнымъ солдатомъ. Необходимо обученіе гимнастикѣ какъ одно изъ весьма сильныхъ средствъ тѣлеснаго развитія учащихся не только въ городскихъ среднихъ и

низшихъ школахъ, но и сельскихъ. Почему считается она необходимой даже для дѣтей крестьянъ и рабочихъ, учащихся въ сельскихъ, а частію и городскихъ, школахъ, не смотря на то, что они, начиная съ 7-ми, 8-ми лѣтъ и никакъ не позднѣе, чѣмъ съ 10—12 лѣтъ, упражняютъ свои мускулы подчасъ черезчуръ достаточно, работаютъ чуть не наравнѣ съ взрослыми; на это будетъ сейчасъ указано немного ниже.

2) Физическая работа, упражняющая мускулы, должна имѣть опредѣленную мѣру напряженности и продолжительности, соотвѣтственную крѣпости и силѣ мускуловъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, пока дѣти не учатся, эта мѣра почти никогда не нарушается, если только не вмѣшиваются въ подвижныя игры дѣтей съ неразумной помощью взрослые, если они не навязываютъ имъ непосильной работы, что преимущественно встрѣчается въ семьяхъ нашего простонародья. Нужно всѣми силами возставать противъ этого обычая, чтобы въ самомъ нѣжномъ возрастѣ не надрывались силы дѣтей.—Съ наступленіемъ школьнаго періода, когда физическая сила воспитываемыхъ достигаетъ значительнаго развитія, становится возможной для нихъ довольно напряженная настоящая работа и когда у нихъ является наклонность подчасъ похвалиться своей физической силой и ловкостью, воспитатель долженъ пріучать дѣтей держаться границъ своей силы. Поэтому-то съ самаго начала школьнаго обученія не слѣдуетъ заставлять учащихся совершать сложныя и трудныя гимнастическія упражненія, а лишь вольныя движенія и гимнастическія игры. Въ крестьянскомъ быту въ этомъ случаѣ нужно останавливать и сдерживать не дѣтей, а родителей и воспитателей, которые сплошь и рядомъ взваливаютъ на дѣтей 10—12 лѣтъ такую работу, которая по силамъ

лишь болѣе взрослымъ дѣтямъ, бываетъ если не чрезъ мѣру напряженна, то очень продолжительна.

3) Работа, приводящая въ дѣйствіе мускулы, не должна быть односторонней, а возбуждать и развивать равномѣрно всѣ мускулы произвольнаго движенія. Въ дѣтскомъ возрастѣ существующія дѣтскія игры вполнѣ удовлетворяютъ и этому требованію Діэтетики; играя, дѣти совершаютъ самыя разнообразныя движенія. Но по мѣрѣ того, какъ игры начинаютъ замѣняться у дѣтей серьезной работой, по мѣрѣ того, какъ они начинаютъ учиться, или пріучаться къ какой либо механической работѣ: принимать серьезное участіе въ домашнихъ и полевыхъ работахъ, учиться тому или другому ремеслу, напр., сапожному, швейному, столярному, токарному и пр., имъ грозитъ опасность односторонняго развитія мускульной системы, потому что большая часть физическихъ работъ взрослыхъ упражняетъ только одну какую-либо группу мускуловъ. Вотъ здѣсь-то существенную пользу и можетъ принести дѣтямъ крестьянскаго, рабочаго люда гимнастика, которая о томъ и заботится, чтобы чрезъ цѣлесообразныя упражненія довести произвольные мускулы всѣхъ частей тѣла: рукъ, ногъ, спиннаго хребта до надлежащей степени силы и ловкости, а чрезъ это все тѣло до возможной выправки, ловкости и красоты.

Только при нормальной, гармонической дѣятельности всѣхъ членовъ тѣла, и чрезъ нее именно, послѣднее развивается и укрѣпляется надлежащимъ образомъ—вотъ общее положеніе, которое само собою вытекаетъ изъ всего выше сказаннаго. Но было бы ошибочно думать, что чѣмъ дольше дѣйствуютъ, разумѣется, попеременно, всѣ органы человѣческаго тѣла, тѣмъ болѣе послѣднее укрѣпляется и развивается. Для этого кромѣ дѣятельности, бодрствованія организма необходимъ надлежащій отдыхъ, сонъ. Сонъ

есть необходимое послѣдствіе бодрственнаго состоянія организма. Во время бодрствованія нервная и мускульная дѣятельность непрестанно поглощаетъ то, что вырабатывается системой органовъ пищеваренія, дыханія и кожей,—и такъ, что послѣдніе вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія ихъ энергіи сравнительно съ первыми не успѣваютъ возстановлять потери въ организмѣ, отъ чего происходитъ общее утомленіе и сонъ. Нервная и мускульная системы, не получая надлежащаго питанія, отказываются совершать свою обычную дѣятельность. При такой тѣсной связи между сномъ и бодрствованіемъ, или, точнѣе, дѣятельностью во время послѣдняго, понятно, что лучшимъ средствомъ для того, чтобы сонъ былъ здоровымъ, служитъ правильная дѣятельность во время бодрствованія. Извѣстно, кто хорошо бодрствуетъ, т. е. совершаетъ посильную напряженную дѣятельность въ бодрственномъ состояніи, тотъ хорошо и спитъ. Не слѣдуетъ только непосредственно предъ сномъ предаваться ни душевной, ни физической напряженной дѣятельности. Какъ извѣстно, потребность сна даетъ о себѣ знать общимъ утомленіемъ, которое постепенно переходитъ въ сонливость. Если мы будемъ противодѣйствовать этой потребности усиленной душевной, или физической дѣятельностью, или какимъ-либо инымъ образомъ возбуждать къ дѣятельности уставшую нервную систему (напр. принятіемъ кофе, чая, спиртныхъ напитковъ въ значительномъ количествѣ, наркотическихъ веществъ), то чрезъ мѣру возбудимъ нервную и мускульную системы и сдѣлаемъ чрезъ это сонъ безпокойнымъ, не укрѣпляющимъ нашихъ силъ.

Что касается мѣры времени необходимаго для нормальнаго сна, то она зависитъ отъ силы организма и, въ частности, отъ возраста. Чѣмъ слабѣе и малоразвитѣе организмъ, тѣмъ менѣе времени можетъ онъ проводить въ

бодрственной, сознательной дѣятельности (будетъ-ли она физической, или психической,—эта все равно) и тѣмъ долѣе онъ долженъ спать.

Въ періодъ младенчества, когда силы организма весьма слабы, ребенокъ спитъ почти цѣлые сутки, за исключеніемъ 2-хъ, 3-хъ часовъ, когда онъ принимаетъ пищу, переодѣвается и обмывается; въ концѣ же 1-го года онъ проводитъ во снѣ уже около $^2/_3$ сутокъ. Съ наступленіемъ же отрочества—на 7-мъ или 8-мъ году для сна можно положить не менѣе 9 ти часовъ въ сутки,—въ юношескомъ возрастѣ—не менѣе 8 часовъ,—для вполнѣ же взрослаго человѣка достаточно будетъ, если онъ проведетъ во снѣ 7 часовъ въ сутки[1]).

N. N.

---

[1]) *Для подробнаго ознакомленія* съ дѣломъ физическаго воспитанія рекомендуемъ *Популярную гигіену* д-ра Реклама съ статьей: *О дѣтской гигіенѣ*—д-ра Зеленскаго, изд. 1875 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА“

ВЪ 1879 ГОДУ.

Православный Собесѣдникъ

будетъ издаваться въ 1879 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1879 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—*

семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, *въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.*

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1879 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій* и *другихъ вѣдомствъ:* а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ *четыре* руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ *три* руб. (всего за оба изданія *десять* руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.*

Въ тойже редакціи продаются слѣдующія книги:

А. *Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ *Православный Собесѣдникъ:* за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ *Православнаго Собесѣдника* приложенія къ нему:

1. *Посланія св. Игнатія богоносца* (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ), одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. *Дѣянія вселенскихъ соборовъ* въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб. за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. за всѣ семь томовъ 24 руб.

3. *Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ* въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

4. *Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта*, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матѳея. Цѣна 1 руб. 75 коп. Томъ 2-й на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ третій—на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 руб.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.

5. *Его же* толкованія на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

6. *Его же* толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

7. *Его же* толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

8. *Святаго отца нашего Григорія Двоеслова.* Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

9. *Сказанія о мученикахъ* христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

10. *Посланія Игнатія,* митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

11. *Сочиненіе преподобнаго Максима грека* (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

12. *Стоглавъ* (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.

13. *Сочиненія инока Зиновія:* Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.

14. *Остенъ.* Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

15. *Сборникъ* древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

16. *Житіе* преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго

чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

17. *Житіе* преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

18. *Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.* Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р. 25 к.

19. *Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.* Н. Красносельцева. 1872. Цѣна 1 р. 25 коп.

20. *Ересь антитринитаріевъ III вѣка.* Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

21. *Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.* Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

22. *Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства.* Изслѣдованіе В. Снегирева. Ц. 2 р.

23. *Книга* о антихристѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

24. *Стародубье.* Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 р.

25. *Толковая Палея.* В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

26. *Указатель* статей, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.

27. *Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.* Ц. 20 к.

28. *Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева.* Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 коп.

29. *Списокъ съ писцовыхъ книгъ* по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Ц. 40 коп.

30. *Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей* по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками „*Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ*“. Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ из-

ложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края, 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства, и отношеніе его къ христіанству; 26) Религіозное и политическое значеніе *хаджа* или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р. Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани Е. А. Малову.

Отъ издателей можно выписывать книги:

1. *Слова* въ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

2. *Церковная исторія*, соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. д. академіи Н. Соколова. Первый томъ. Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 р. сер. Второй томъ. Цѣна такая же.

3. *Исторія русской словесности.* Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 2-е исправл. и дополненное. Цѣна 2 р. 50 коп. съ перес.

4. *Твореніе блаженнаго Августина* „de civitate Dei“ *какъ апологія христіанства въ его борьбѣ съ римскимъ язычествомъ.* Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 руб.

5. *Первый опытъ крещено-татарскаго словаря.* Н. Остроумова. Казань. 1876. Цѣна 1 р.

6. *Руководство къ русской церковной исторіи.* П. Знаменскаго. Второе дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

7. *Очерки по церковной географіи и этнографіи.* Сост. С. Терновскій. Цѣна 30 коп.

8. *Сборникъ бесѣдъ со старообрядцами.* Изд. подъ редакціей э.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

9. *Антитринитаріи XVI в.* Выпускъ 1-й. Соч. Е. Будрина. Казань. 1878. Цѣна 3 руб.

10. *Характеристика римскаго католичества съ точки зрѣнія папскаго догмата.* Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878 года. Цѣна 30 коп.

11. *Типы современной философской мысли въ Германіи.* П. Милославскаго. 1878. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо изъ подписчиковъ той или другой книжки Собесѣдника, Редакція покорнѣйше проситъ заявлять ей объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки и при этомъ прилагать отъ мѣстной почтовой конторы удостовѣреніе, что требуемая книжка, за неполученіемъ въ конторѣ, подписчику дѣйствительно не доставлена. При исполненіи этого послѣдняго условія подписчикъ немедленно получитъ изъ Редакціи новую книжку. Если же удостовѣренія отъ мѣстной почтовой конторы въ Редакцію доставлено не будетъ, то подписчику придется ждать, пока утратившаяся книжка будетъ розыскана почтовымъ вѣдомствомъ.

Мѣста и лица, желающія получить отъ редакціи, кромѣ требуемыхъ книгъ, увѣдомленіе о полученіи денегъ (свыше 5 руб.), благоволятъ присылать въ редакцію почтовую марку въ 8 коп. и гербовую марку въ 5 коп.

СТРАННИКЪ

Ежемѣсячный духовный учено-литературный журналъ, издаваемый священникомъ С. В. Протопоповымъ, въ 1879 году вступаетъ въ двадцатый годъ своего существованія. Имѣя въ виду удовлетвореніе духовно-нравственныхъ потребностей общества,—популярно изложенными статьями знакомить своихъ читателей со всѣми отраслями богословскаго знанія, преимущественно съ исторіею церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ назидательное чтеніе. Цѣна за 12 книжекъ (отъ 8—10 л. каждая) безъ доставки четыре рубля, съ доставкою же въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—*пять*, за границу—шесть рублей. Адресоваться: Въ редакцію духовнаго журнала „СТРАННИКЪ“, С.-Петербургъ, Шпалерная, д. 50, кв. 29. Московскіе подписчики могутъ подписываться у книгопродавца А. Н. Ферапонтова въ Москвѣ.

Редакторъ, протоіерей *В. Протопоповъ*.

О продолженіи еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“ въ 1879 году.

Еженедѣльное изданіе «Мисіонеръ» будетъ продолжаться и въ будущемъ 1879 году по той же програмѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предъидущіе пять лѣтъ своего существованія.

Согласно съ утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ программою въ «Миссіонерѣ» по прежнему будутъ помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ: 1) *историческія свѣденія о насажденіи и распространеніи христіанской вѣры* въ различныхъ странахъ міра и біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей миссіонерства: 2) *разсказы изъ современной дѣятельности православныхъ миссіонеровъ* какъ въ предѣлахъ Русской Имперіи, такъ и внѣ ея — въ Средней Азіи и преимущественно въ Японіи; 3) *историческія свѣденія о миссіонерской дѣятельности западныхъ христіанъ и разсказы изъ современной ихъ миссіонерской практики*; 4) *этнографическія свѣденія изъ мѣстъ дѣятельности миссіонеровъ*: описаніе вѣрованій, нравовъ, обычаевъ,

условій жизни и быта инородцевъ, вмѣстѣ съ описаніемъ природы въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности; 5) обсужденіе *способовъ и пріемовъ распространенія христіанства;* 6) *статьи обличительныя,* имѣющія цѣлію, между прочимъ, раскрытіе и утвержденіе христіанскихъ истинъ и нравственныхъ понятій въ самихъ православныхъ христіанахъ, подъ вліяніемъ духа времени нерѣдко измѣняющихъ своему высокому призванію — *быть свѣтомъ міра*; 7) разныя извѣстія, замѣтки, миссіонерскіе отчеты, объявленія и т. под.

Въ 1879 году «Миссіонеръ» будетъ выходить *еженедѣльно* въ объемѣ отъ одного печатнаго листа и болѣе. *Цѣна* годовому изданію *три руб.*, съ пересылкою и доставкою *три рубля пятьдесятъ копѣекъ.*

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи еженедѣльнаго изданія «Миссіонеръ» въ квартирѣ священника Троицкой, на Арбатѣ, церкви В. С. Маркова, въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, въ домѣ Казанской церкви у Калужскихъ воротъ, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. *Иногородные* благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію «Миссіонера» въ Москвѣ.

Въ редакціи „Миссіонера“ продаются слѣдующія книги:

1) Сборникъ свѣдѣній о православныхъ миссіяхъ и дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества. Москва. 1872. Въ двухъ книгахъ. Цѣна за обѣ книги 1 р. 50 коп., а за каждую порознь 1 р.

2) Памятники трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 г. до 1853 г. *А. С. Стурдзы* Ц. 1 р. и съ пересылкой.

3) Бесѣдовательное толкованіе втораго посланія къ Солунянамъ. *Епископа Θеофана.* Москва 1873. Ц. безъ пересылки 50 к., съ пересылк. 75.

4) Толкованіе посланія къ Галатамъ. *Епископа Θеофана.* 1875 г. Ц. безъ перес. 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

5) Краткіе очерки исторіи христіанской церкви. *Иркутскаго миссіонера іеромонаха Димитрія.* СПБ. 1874 г. Ц. безъ перес. 50 к. съ перес. 75 к.

6) Нѣсколько проповѣдей протоіерея *А. Ключарева*. Москва. 1873 г. Ц. 1 р.

7) О Евангеліи отъ Матѳея. *Свящ. Влад. Маркова*. Москва 1873 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

НОВАЯ КНИГА:

Историческіе критическіе и полемическіе опыты,

Николая Барсова, э. о. профессора Спб. духовной академіи.

(539 страницъ убористаго шрифта). Ц. 3 р. съ пересылкою продается у автора (Знаменская улица д. 39, кв. 9, а также въ магазинахъ для иногородныхъ, Мамонтова, Глазунова и др. въ Спб. Книга содержитъ въ себѣ 36 монографій и статей, частію *историческихъ* (русскіе проповѣдники XVIII в.; Арсеній Маціевичъ, м-тъ ростовскій, и его доношенія; мистицизмъ въ Россіи въ XIX ст.; догматика, мораль, обряды и исторія секты хлыстовъ; къ исторіи церк. законодательства въ Россіи въ ц. Екатерины II; проэкты улучшенія быта духовенства и церковныхъ реформъ четырехъ преосвященныхъ, членовъ св. Синода; личность Ѳеофана Прокоповича; къ біографіи А. П. Волынскаго), составленныхъ по неизданнымъ матеріаламъ,— частію— *духовно-публицистическихъ*, посвященныхъ выясненію принциповъ православія въ сравненіи съ католичествомъ и протестантствомъ (новый методъ въ Богословіи—по поводу богосл. сочиненій Хомякова) и защитѣ интересовъ Прав. Церкви и духовенства въ ихъ соприкосновеніи съ современными стремленіями общества (по вопросу о вѣротерпимости въ Россіи и русскомъ клерикализмѣ; насколько возможно возникновеніе въ Россіи церковно-политическаго вопроса; религіозное состояніе р. общества; по поводу Редстока; типы духовенства въ беллетристикѣ—по поводу разсужденій От. Зап. о духовенствѣ; о духовной администраціи и о выходѣ изъ духовнаго званія; современный русскій юдаизмъ; о внѣ—церковныхъ обязанностяхъ духовенства; о преподаваніи Закона Божія въ нар. школахъ; за что русскіе любятъ славянъ); частію собственно *критическихъ* (преосв. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ; наши про-

повѣдники—публицисты; Бѣлинскій, какъ религіозный мыслитель; книга для народа; о собесѣдовательномъ Богословіи; объ исторіи р. проповѣдничества, и пр). и *педагогическихъ* (о преподаваніи словесности и рус. языка; о подвижныхъ школахъ и учителяхъ изъ солдатъ и пр.).

Въ предисловіи авторъ говоритъ: »Просмотрѣвъ настоящее изданіе, читатель найдетъ, что авторъ въ своихъ статьяхъ, хотя онѣ писались совершенно независимо отъ его занятій по профессіи, хочетъ быть поборникомъ—на сколько компетентнымъ о томъ пусть судятъ читатели—принциповъ, православно-религіознаго міровоззрѣнія, въ его свѣтломъ, конфессіонально-научномъ пониманіи,—истолкователемъ, на сколько въ правѣ быть таковымъ частное лицо, каждый вѣрующій,—интересовъ и стремленій православной русской Церкви, въ ея охранительно-зиждительномъ призваніи, а равно правъ и обязанностей русскаго духовенства въ отношеніи къ русскому обществу и народу,—что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ авторъ думаетъ стоять на дѣйствительномъ уровнѣ современныхъ интеллектуальныхъ потребностей русскаго общества и русскаго народа«.

ПРАВОСЛАВНОЕ
НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВІЕ,

соч. Самарск. Каѳедральн. Протоіерея ІОАННА ХАЛКОЛИВАНОВА, разсмотрѣнное въ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ, и, опредѣленіемъ Св. Синода отъ 24 января (24 февраля) 1875 г., признанное учебнымъ пособіемъ при преподаваніи Нравственнаго Богословія въ Духовныхъ Семинаріяхъ. Изд. 2-е.

Адресъ: Въ г. Самару, Каѳедральному Протоіерею *Ивану Егоровичу Халколиванову.*

Желающіе могутъ получать отъ автора слѣдующія книги его сочиненія:

1) *Катихизическія поученія (50)* на Символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди закона Божія и заповѣди Церковныя. Изд.

1874 г. 248 стр. Сочиненіе это приспособлено какъ для каѳедры церковной, такъ и для домашняго чтенія въ семействахъ христіанскихъ. Цѣна съ пер. 1 руб.

2) *Слова и поученія (235)* на всѣ недѣли въ году, на праздники Господскіе и Богородичные, на дни Святыхъ, особенно чтимыхъ Прав. Церковію, на дни Высокоторжественные, освященіе храмовъ, погребеніе усопшихъ, съ 4-мя житіями Святыхъ, 2 тома. Изд. 2-е 1873 г. 892 стр. Цѣна съ пер. 3 р.

3) *Краткое ученіе о Св. Храмѣ, Священно-церковно-служителяхъ, Богослуженіи и Богослужебныхъ книгахъ Православной Церкви.* Изданіе 3 е 1863 г. 150 стр. Цѣна 45 к. съ пер.

4) *О Римско-Католической церкви.* 1865 года. 246 стр. Цѣна съ перес. 60 коп.

5) *Бесѣды (7) къ причастникамъ Св. Христовыхъ Таинъ.* 1865 г. 57 стр. 15 к. съ пер.

Желающіе имѣть книги въ переплетѣ, прилагаютъ за лучшій переплетъ за книгу 50 коп., за обыкновенный 30 коп. сер.

1—2

Вышла въ свѣтъ новая книга: »**ОПЫТЪ ПРАВОСЛАВНАГО ДОГМАТИЧЕСКАГО БОГОСЛОВІЯ** (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ)«. *Архимандрита Сильвестра*, доктора богословія, профессора Кіевской дух. Академіи. Т. 1-й. Кіевъ, 1878 г. Цѣна съ пересылкою 1 р. 75 к., безъ пересылки 1 р. 50 коп.

Съ 1-го января 1879 года, въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ большихъ иллюстрацій 1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца. Каждый нумеръ пред-

ставляющій по своему художественному и литературному содержанію возможно вѣрное воспроизведеніе всѣхъ сторонъ міровой жизни, будетъ иллюстрированъ множествомъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими граверами.

Подписная цѣна за год. изд. »Иллюстрированнаго Міра«: Въ С.-Петербургѣ безъ доставки. *4 р.* Безъ дост. въ Москвѣ. *4 р. 50 к.* Съ доставкою въ Спб. и для иногородныхъ. *5 р.*

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*, въ Редакціи и Администраціи „Иллюстрированнаго Міра“, Фонтанка, 103, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

2—3.

ПОУЧЕНІЯ
ДЛЯ ПРОСТАГО НАРОДА

(примѣненныя къ современнымъ религіозно-нравственнымъ, общественнымъ и бытовымъ потребностямъ народа)

сельскаго священника Ивана Полканова.

Цѣна 1 рубль съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ Казань, въ книжный магазинъ А. А. Дубровина, на Воскресенской улицѣ, въ Гостинномъ дворѣ и къ автору—въ г. Спасскъ, Казанской губ., свящ. села Барана Ив. Полканову.

Выписывающіе отъ автора за разъ 10 и болѣе экземпляровъ пользуются уступкою 20%.

2—3.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 11 декабря 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять рублей сереб.

№ 52.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кіевской семинаріи.

1878 года. Декабря 24-го

Содержаніе. Поученіе къ поселянамъ въ день Рождества Христова.—Поученіе къ поселянамъ на второй день Рождества Христова.—Библіографическая замѣтка.—Изъ дорожнаго дневника.—Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ
къ поселянамъ въ день Рождества Христова.

И роди Сына своего первенца, и повитъ Его, и положи Его въ яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители (Лук. 2, 7).

Въ то время, когда надлежало Спасителю міра воплотиться отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, римскій императоръ Августъ приказалъ сдѣлать народную перепись всѣмъ своимъ подданнымъ. Для этого каждый долженъ былъ явиться въ тотъ городъ, откуда происходили его предки. Дѣва Марія и обручникъ ея Іосифъ происходили изъ города Давидова; а потому они и отправились для записи въ городъ Давидовъ—Виѳлеемъ. Но случилось, что въ этотъ городъ такъ много пришло народу, что для святыхъ пришельцевъ не нашлось пріюта ни въ одномъ домѣ,—и

они принуждены были помѣститься на городомъ, въ одной пещерѣ, куда партухи загоняли свой скотъ. И въ этомъ-то бѣдномъ мѣстѣ, во время ночи, отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи родился Господь нашъ І. Христосъ. Дѣва Марія спеленала Божественнаго Младенца и положила Его въ ясли, потому что, какъ мы уже сказали, не было мѣста въ городѣ. Такъ повѣствуетъ о семъ св. евангелистъ Лука: *и роди Сына своего первенца, и повитъ Его, и положи Его въ яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители.*

Бр. христіане! І. Христосъ, родившійся нѣкогда отъ Дѣвы Маріи ради нашего спасенія, и теперь приходитъ къ намъ, чтобы спасать насъ отъ грѣха и вѣчной смерти. Онъ и теперь хочетъ войти въ наши души, чтобы жить въ нихъ своею благодатію. Но есть-ли у насъ мѣсто для І. Христа? Не заняты-ли чѣмъ другимъ наши души? И въ какихъ именно сердцахъ обитаетъ нынѣ Господь?

Если мы посмотримъ на наши дѣла, совершаемыя нами въ эти дни, въ которые празднуемъ Рождество Христово, то едва-ли найдемъ у себя мѣсто для І. Христа. Вспомните, бр., какъ привыкли мы проводить эти св. дни? Каждый изъ насъ знаетъ, сколь не свойственно христіанину, напримѣръ, пьянство! А у насъ, какъ нарочно, въ посмѣяніе христіанскаго праздника и нашего имени, христіане, эти св. дни большею частію проводятъ въ пьянствѣ. Ни днемъ, ни ночью шумъ и крики пьяныхъ не умолкаютъ. Грустно становится на душѣ, когда вспомнишь, что многіе христіане, вмѣсто прославленія родившагося Спасителя міра, вмѣсто воздержанія и благочестія, приличнаго празднику, своимъ нечестивымъ поведеніемъ уничижаютъ свое христіанское имя и безобразятъ себя по душѣ и тѣлу. И на какія только дѣла не рѣшается пьяный? Сквернословитъ онъ не боится, без-

чинствовать, не стыдятся, и уподобляетъ себя твари несмысленной. Итакъ, нѣтъ у таковыхъ людей христіанскаго праздника, нѣтъ у нихъ и мѣста для Іисуса Христа.

Каждому изъ насъ извѣстно также, какія непристойныя собранія составляются у насъ во дни сего праздника. На этихъ собраніяхъ можно видѣть людей всякаго возраста и пола. Сюда идутъ и юноши цвѣтущіе, и дѣвицы невинныя, и тѣ и другія забываютъ украшающее ихъ благонравіе, свойственное ихъ возрасту и полу. И чего только не дѣлается на этихъ собраніяхъ? Подобно язычникамъ, одни предаются безчинными играмъ и богопротивнымъ гаданіямъ, другіе поютъ соблазнительныя, безнравственныя пѣсни, и иные рѣшаются и на такіе пороки, о которыхъ срамно и сказать. Здѣсь женщины и дѣвицы переряживаются въ мужчинъ, а мужчины въ женщинъ. Но этого мало: здѣсь можно видѣть безсмысленныя переряживанья часто изъ человѣка въ скота. Такимъ образомъ, вмѣсто праздника христіанскаго у насъ дѣлается празднованіе языческое, вмѣсто радости христіанской и прославленія Іисуса Христа является ликованіе діавольское. Итакъ, нѣтъ здѣсь мѣста для Іисуса Христа.

Если посмотримъ и на другія наши дѣла, то окажется, что мы очень часто не позволяемъ Іисусу Христу войти въ наши души. Каждый изъ насъ знаетъ, что если когда, то во дни св. праздниковъ должны мы примиряться съ своими недругами, оказывать любовь и милосердіе къ ближнимъ. Но сколь часто проводимъ мы праздничные дни въ разныхъ пересудахъ, злословимъ и хулимъ своихъ ближнихъ! Мы даже иногда какъ-бы успокоеваемся, когда успѣемъ своимъ злорѣчіемъ опорочить честь ближняго и сдѣлать ему какое-либо зло. И можемъ-ли мы пересказать теперь всѣ свои худыя дѣла? Итакъ, нѣтъ у насъ мѣста для Іисуса

Христа. Видя у насъ одну грѣховную скверну и суету мірскую, Онъ отвращается отъ насъ и удаляется.

Но бр. мои! Вспомните, для чего приходилъ на землю Іисусъ Христосъ? Какъ Богъ мира и любви, Онъ для того и приходилъ къ намъ, чтобы примирить насъ съ Божіимъ правосудіемъ, съ нашею совѣстію и нашими ближними, содѣлать насъ святыми и приготовить для насъ пресвѣтлый рай на небесахъ, чтобы жить съ нами вѣчно. Что-же будетъ значить наше празднованіе, если въ душахъ нашихъ не будетъ Іисуса Христа? Что будутъ значить всѣ наши радости, если мы своими грѣхами будемъ лишать себя Божіей любви и, вмѣсто уготованнаго намъ Божія царства, приготовлять себѣ погибель временную и вѣчную? И потому, если когда, то въ сіи св. дни должны мы украшать свои души благочестіемъ христіанскимъ.

Но я, бр., не окончилъ моего слова: мнѣ нужно сказать еще о томъ, въ какихъ душахъ обитаетъ нынѣ Христосъ? У кого нынѣ истинный праздникъ? Но чтобы не обременить вашего вниманія, я отлагаю это дѣло до завтрашняго дня. А теперь прошу и молю васъ, соблюдайте святое воздержаніе, храните въ чистотѣ и святости вашу душу и тѣло. Аминь.

Священникъ *Іоаннъ Якимовъ.*

Кур. губ., Пут. у., село
Попова слобода.

ПОУЧЕНІЕ

къ поселянамъ на второй день Рождества Христова.

По милости Божіей дождали мы и втораго дня праздника Рождества Христова. И вчера и сегодня, по случаю великаго праздника, въ Божіемъ храмѣ, великое и собраніе христіанъ. Какъ вчера, такъ и сегодня мы одинаково радуемся и прославляемъ родившагося Спасителя міра.

Но у кого же у насъ истинная радость? Гдѣ и съ какими людьми обитаетъ Христосъ? У кого нынѣ истинный праздникъ? Исторія настоящаго праздника представляетъ намъ на это поучительные примѣры.

Посмотримъ, прежде всего, на Іисуса Христа, родившагося отъ Дѣвы Маріи. Онъ есть Царь всей вселенной; но гдѣ Его дворъ и которая палата? Для спасенія нашего Онъ пришелъ на землю не въ богатыя палаты, не въ славѣ и величіи земномъ, но въ уничиженіи и бѣдности: Онъ родился среди поля, въ пастушеской пещерѣ и положенъ былъ въ ясляхъ. А это научаетъ насъ тому, что для Іисуса Христа ни что не значитъ ни богатство, ни знатность, ни слава и величіе земное,—что Ему пріятна и бѣдность, если она украшается чистою добродѣтельною жизнію. Онъ называетъ даже своими братьями тѣхъ, кои живутъ въ бѣдности, но богаты добродѣтелями. А сколько у насъ бѣдныхъ людей? Сколько есть такихъ, которые съ великимъ трудомъ пріобрѣтаютъ себѣ дневное пропитаніе? Но сколь ни тяжела для насъ бѣдность, мы должны стараться украшать себя святыми добродѣтелями, и тогда Господь будетъ обитать въ душахъ нашихъ своею благодатію. А гдѣ Господь, тамъ и радость великая, тамъ и праздникъ истинный.

Есть у насъ люди и богатые, славные и знатные. Но и они не лишаются отъ Господа истинной радости; и у нихъ нынѣ истинный праздникъ, если только они, по примѣру Спасителя, имѣютъ въ душѣ своей христіанское смиреніе, если они не гордятся и не превозносятся предъ людьми бѣдными и незнатными, всѣмъ оказываютъ любовь и милосердіе.

Посмотримъ на ту пещеру, въ которой родился Христосъ. Съ какими людьми обитаетъ Онъ въ своей пещерѣ? Какіе люди служатъ Ему? Тамъ Его Пречистая

Матерь Дѣва Марія и праведный Іосифъ. И такъ, вотъ то святое семейство и общество, въ которомъ пребываетъ Христосъ! Вотъ гдѣ истинная радость и блаженство! Дѣва Марія и обручникъ ея Іосифъ были люди хотя и бѣдные, но великіе предъ Богомъ, просіявшіе кротостію, смиреніемъ, чистотою. Отъ того и Господь возлюбилъ ихъ и вселился съ ними! О, бр., мои! Какъ бы были мы пріятны Богу, если бы всегда украшали себя тѣми святыми добродѣтелями, которыми украшали себя Дѣва Марія и праведный Іосифъ! Тогда въ каждомъ нашемъ семействѣ и въ цѣломъ обществѣ пребывалъ бы Христосъ, и мы бы только радовались и блаженствовали.

Не далеко отъ Господней пещеры были на полѣ пастухи съ своимъ стадомъ. Но кто эти пастухи? Это были люди смиренные и добродѣтельные. И вотъ они за свои добродѣтели при рожденіи Спасителя удостоиваются видѣть свѣтлаго ангела и славу Божію, ихъ озарившую; первые получаютъ радостную вѣсть о рожденіи Іисуса Христа и слышатъ славословіе ангеловъ. И такъ, вотъ гдѣ великій, во всемъ мірѣ праздникъ—на полѣ, между ангелами и смиренными пастухами! Это по истинѣ было празднованіе неизреченное, неописанное торжество неба и земли!—Если и мы, бр., будемъ подражать добродѣтелямъ смиренныхъ пастуховъ, и вмѣстѣ съ ангелами умомъ и сердцемъ и добрыми дѣлами прославлять Іисуса Христа, тогда и у насъ будетъ истинный праздникъ. Святые ангелы будутъ и намъ указывать путь къ вѣчному блаженству и радоваться о нашемъ спасеніи.

Посмотримъ еще на смиренныхъ пастырей. По указанію ангела они оставляютъ свои стада и спѣшатъ въ дивной пещерѣ; первые удостоиваются видѣть на землѣ обѣтованнаго Избавителя міра и покланяются Ему. Итакъ, вотъ кому Господь являетъ свою высокую любовь и бла-

гость—людямъ добродѣтельнымъ и смиреннымъ, умомъ и сердцемъ стремящимся къ Богу и прославляющимъ Его!— И мы, бр., по примѣру пастырей, должны оставлять въ воскресные и праздничные дни свои земныя думы и заботы, и по звону колокола, какъ по гласу ангела, спѣшить въ Божій храмъ для прославленія Іисуса Христа; по выходѣ же изъ храма, не обращаясь къ дѣламъ суетнымъ, должны размышлять объ одномъ Спасителѣ, о Его неизреченной любви къ роду человѣческому. Тогда и намъ будетъ являть Господь свою Божественную любовь и благость.

Но вотъ и еще достойные люди, которымъ Господь явилъ свою Божественную любовь и благость при своемъ рожденіи. Это мудрецы, идущіе съ востока. Они увидѣли на небѣ необыкновенную звѣзду, и эта звѣзда привела ихъ къ родившемуся Іисусу Христу. Они поклонились Ему и принесли Ему, какъ Царю и Богу, злато, ливанъ и смирну.—И для насъ, бр., сіяетъ незаходимый свѣтъ, ведущій къ познанію Бога и истины. Это есть ученіе евангельское, слово самаго Іисуса Христа. Если мы будемъ поступать такъ, какъ учитъ Господне евангеліе, то Господь всегда будетъ и къ намъ близокъ своею благодатію и введетъ насъ въ вѣчное Свое царство. Добрыя же дѣла наши—вотъ тѣ наши дары, которыя мы должны всегда приносить Іисусу Христу! Сіи дары Онъ пріемлетъ отъ насъ лучше всякаго золота и благовонія и награждаетъ за нихъ своими дарами небесными.

Вотъ сколько находимъ мы поучительныхъ для себя уроковъ при воспоминаніи Христова Рождества! Воспользуемся сими уроками благоразумнымъ образомъ. А для сего будемъ молиться родившемуся отъ Пресвятыя Дѣвы Іисусу Христу, да поможетъ Онъ намъ своею благодатію св. дни праздника, а также и всѣ дни жизни нашей про-

водить богоугоднымъ образомъ, чтобы въ душахъ нашихъ обиталъ самъ Господь. Будемъ бояться оскорблять Его нечестивыми дѣлами и мыслями. Кто живетъ нечестиво, отъ того Христосъ удаляется. А безъ Іисуса Христа всякое наше празднованіе и всѣ наши радости ничего не будутъ значить. Безъ Него мы будемъ удаляться отъ истины и добра, и можемъ погубить себя на вѣки. Аминь.

Священникъ *Іоаннъ Якимовъ.*

Кур. губ., Пут. у., село
Попова слобода.

Библіографическая замѣтка.

Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. Историко-каноническое изслѣдованіе. Н. Заозерскаго. Кострома. 1878 г. Въ 8-ю долю листа 349 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп. и пересылка за 1 ф.

Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: »Церковный судъ въ первые вѣка христіанства« г. Заозерскій излагаетъ исторію церковнаго внѣшняго суда въ первые пять вѣковъ христіанства или въ его до-юстиніановскій періодъ. Все сочиненіе его распадается на двѣ части; изъ которыхъ первая посвящена изслѣдованію мѣстъ свящ. писанія новаго завѣта, заключающихъ ученіе Спасителя и апостоловъ о церковномъ судѣ. Но такъ какъ ученіе апостоловъ не все было заключено въ письмени, а многое передано было апостолами устно и сохранялось потомъ и доселѣ сохраняется въ преданіи, то въ эту же часть внесено авторомъ изслѣдованіе и непосредственнаго апостольскаго преданія, относящагося къ церковному суду.

Прежде всего г. Заозерскій подробно разбираетъ и анализируетъ тѣ мѣста свящ. писанія новаго завѣта, въ

которыхъ содержится ученіе Христа Спасителя о церковномъ судѣ (ев. Мѳ. XVIII гл. 15—18 ст. сн. XVI гл. 19 ст. и др.) и на основаніи такихъ мѣстъ приходитъ къ тому общему выводу, что а) Спаситель ясно предоставилъ церкви право производить судъ открытый, судъ внѣшній, по поводу частной жалобы одного или нѣсколькихъ членовъ христіанскаго общества, какъ одно изъ необходимѣйшихъ средствъ къ водворенію духа евангельской любви въ новыхъ людяхъ, составляющихъ Его общество;—б) этотъ судъ ясно отличается отъ безформеннаго братскаго суда основными чертами суда формальнаго, внѣшняго суда (въ немъ различаются судьи, имѣющіе право произносить приговоръ надъ виновнымъ и подвергать его внѣшнему наказанію, хотя бы послѣдній и не признавалъ себя такимъ,—подсудимые, обличители и свидѣтели);—в) въ церкви есть особенныя лица, уполномоченныя исключительнымъ правомъ и властію производить этотъ церковный судъ надъ согрѣшающими членами церкви;—г) церковному суду подлежатъ всѣ *преступленія* противъ новаго, т. е. христіанскаго и церковнаго законодательства,—упорство во всякомъ грѣхѣ, не прекращающееся вслѣдствіе частныхъ увѣщаній, подлежитъ церковному судебному изслѣдованію, обличенію и приговору;—д) церковь не можетъ освободить своего члена отъ своего суда, ни по какому преступленію, которое есть въ тоже время и грѣхъ, но тѣмъ самымъ не уничтожается право государства требовать такого преступника къ отвѣтственности предъ своимъ судомъ (стр. 15—20).

Далѣе, авторъ излагаетъ характеристику церковнаго суда на основаніи указаній книги Дѣяній апостольскихъ (V гл. 1—11 ст.), перваго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ (V гл. 1—5, VI гл. 1—5 ст.) и въ особенности пастырскихъ посланій этого апостола къ Тимоѳею (1 посл.

къ Тимоѳ. V гл. 19—21 ст.) и къ Титу (I гл. 9, 13 ст.; II гл. 15 ст.), и затѣмъ рисуетъ намъ картину апостольскаго суда по »апостольскимъ правиламъ«. Сгруппировавши всѣ черты этого суда, авторъ говоритъ, что а) церковный судъ имѣетъ право изрекать свой приговоръ о каждомъ проступкѣ, о каждомъ дѣйствіи человѣка; получаетъ-ли человѣкъ справедливое возмездіе себѣ отъ человѣческаго (гражданскаго) правосудія за то дѣяніе, которое и церковный судъ считаетъ преступленіемъ, или нѣтъ,— для церковнаго суда это не имѣетъ значенія. Приговоръ церкви произносится совершенно независимо отъ гражданскаго правосудія, на основаніи ея божественнаго закона; виновнаго предъ этимъ закономъ она и осуждаетъ. Послѣдній не можетъ отклонить ея суда никакимъ земнымъ заступничествомъ и ходатайствомъ.—б) Въ отношеніи къ судоустройству основнымъ правиломъ является, прежде всего, положеніе, что судья есть въ тоже время и лицо облеченное властію надъ подсудимымъ и въ другихъ отношеніяхъ,—есть его начальникъ. Власть судебная принадлежитъ епископу, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и единый правитель въ предѣлахъ ввѣренной ему паствы. Судъ епископа области есть первая постоянно существующая инстанція, обладающая исключительно ей принадлежащею юрисдикціею во всей паріикіи; другаго равнаго ему судебнаго органа въ одной и той-же паріикіи нѣтъ. Всѣ принадлежащіе къ ней члены подчинены единственно ему во всѣхъ отношеніяхъ. Другой судъ для каждаго подчиненнаго епископу есть не равный, но высшій судъ; это— соборъ епископовъ всей области, епархіи, провинціи подъ предсѣдательствомъ митрополита или перваго епископа. Здѣсь опять отношеніе судей къ подсудимымъ есть тоже отношеніе начальствующихъ къ подчиненнымъ. Тотъ и другой виды церковнаго суда,—епархіальный и соборный,

обладаютъ, каждый въ своихъ предѣлахъ, всею суммою исправительныхъ и карательныхъ церковныхъ мѣръ наказаній.—в) Форма и способъ судопроизводства строго соотвѣтствуютъ характеру церковно-судебной власти, а именно: господствующая форма церковнаго судопроизводства—обвинительная, способъ производства—устный, состязательный, открытый; сознаніе подсудимаго, показаніе свидѣтелей не менѣе двухъ,—основаніе для постановленія приговора; постановляется и произносится приговоръ немедленно за окончаніемъ слѣдствія самимъ судьею и выслушивается остальными присутствующими на судѣ, для немедленнаго его исполненія; однакожъ недовольный рѣшеніемъ подсудимый не теряетъ еще права подать жалобу на ежегодномъ епископскомъ соборѣ (стр. 49—53).

Подъ руководствомъ этихъ общихъ началъ апостольскаго суда г. Заозерскій, во второй части своего труда, и останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ данныхъ относительно церковнаго суда, какія представляютъ ему исторія церкви и ея законодательство, со времени апостоловъ до пятаго вѣка включительно. Для болѣе удобнаго расположенія содержанія этой части онъ подраздѣляетъ ее на три слѣдующія отдѣленія: I) о предметахъ церковнаго суда во II—V вв. и отношеніи его къ суду свѣтскому; II) объ устройствѣ церковнаго суда, или о лицахъ его производящихъ; и III) о производствѣ церковнаго суда во II—V вв., или о формѣ и порядкѣ движенія суднаго дѣла и его изслѣдованія. Трудно въ короткихъ и немногихъ словахъ передать все содержаніе этой, довольно обширной, части изслѣдованія г. Заозерскаго о церковномъ судѣ въ періодъ времени отъ II по V-й вѣкъ, потому мы ограничимся указаніемъ на болѣе главное и существенное изъ того, что авторомъ высказано въ ней.

Первое отдѣленіе второй части изслѣдованія г. За-

озерскаго состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ авторъ, на основаніи апостольскихъ постановленій, правилъ св. Григорія Неокесарійскаго и св. Петра Александрійскаго, а также на основаніи сочиненій св. Кипріана Карѳагенскаго, опредѣляетъ границы церковнаго суда во II и III вв. и замѣчаетъ, что »церковь имѣла ясно опредѣленный характеръ, основанія и источники своего карательно-судебнаго права и точные способы приложенія его къ судебнымъ дѣламъ. Въ священномъ писаніи и преданіи церковный судъ находилъ существенное и важное руководство и пользовался ими, какъ въ непосредственной своей практикѣ, такъ и въ опредѣленіи способовъ своей дѣятельности на будущее время,—руководство всѣмъ обязательное, для всѣхъ имѣющее силу и авторитетъ, чтобы ему подчиняться. Всѣ роды и виды преступленій возводимы были къ одному этому общему основанію, и сопоставляемыя съ нимъ дѣйствительныя явленія церковной жизни оправдывались или осуждались« (65 стр). Какъ въ теоріи, т. е. въ церковномъ законодательствѣ, относящемся къ суду, такъ и въ своей практикѣ церковь только развивала указанное ей апостолами направленіе, не выходя изъ предначертанныхъ ими предѣловъ, но и не сокращая ихъ (стр. 57). Во второй главѣ перечисляются предметы подлежащіе церковному суду по законодательнымъ памятникамъ IV и V вв., при чемъ авторъ всѣ преступленія, подвѣдомыя церковному суду, подводитъ подъ четыре главныя категоріи,—*преступленія противъ вѣры, собственно церковныя преступленія, преступленія противъ нравственности и брачныя дѣла.* Относительно законодательныхъ опредѣленій церковной подсудности въ IV и V вв. авторъ уже изъ сказаннаго имъ въ первой главѣ дѣлаетъ тотъ выводъ, что эти опредѣленія нельзя считать вполнѣ новыми, выработанными независимо отъ древнѣй-

шей церковной практики. Церковное законодательство этого времени иногда цѣликомъ заносило въ свой кодесъ написанное прежде правило, иногда видоизмѣняло или приспособляло его къ данному случаю и обстоятельствамъ, иногда же и составляло совершенно свое, новое опредѣленіе (стр. 70). Въ третьей главѣ авторъ доказываетъ, что церковный судъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно и во всей широтѣ своей подсудности и при первыхъ христіанскихъ императорахъ, когда возникли попытки со стороны церкви и государства точно опредѣлить ихъ взаимное отношеніе и обозначить границы своей подсудности. Послѣ признанія христіанской вѣры въ римскомъ государствѣ,—говоритъ онъ,—церковь нисколько не измѣнила характера и направленія въ образѣ своихъ дѣйствій противъ непокорныхъ ей членовъ, выработавшемся путемъ предшествующей судебной практики. Свободно распространяя свое вліяніе на подданныхъ обширнаго государства, церковь какъ будто и не обращала вниманія на то, что у государства есть суды и судьи, что существуютъ опредѣленные закономъ роды наказаній для пресѣченія и отмщенія преступленій, и продолжала также бдительно слѣдить за жизнію своихъ членовъ, назначать свои собственыя наказанія, предписывать свои особыя правила дисциплины совершенно также, какъ и въ то время, когда она была предоставлена исключительно самой себѣ, когда государство не хотѣло знать, что̀ законно и что̀ правильно съ ея точки зрѣнія. Съ другой стороны и государство, съ признаніемъ христіанской вѣры господствующею въ римской имперіи, продолжало жить также самостоятельною жизнію, какъ и прежде; его судебныя учрежденія также продолжали дѣйствовать и среди людей, сдѣлавшихся теперь изъ язычниковъ хрпстіанами. Свѣтскій уголовный судъ, напр., по прежнему привлекалъ къ отвѣтственности и

преслѣдовалъ воровъ, разбойниковъ, убійцъ, прелюбодѣевъ и пр. Такимъ образомъ, съ признаніемъ церкви господствующею въ римской имперіи лицомъ къ лицу стояли два суда, изъ которыхъ каждый, кромѣ своей собственной, спеціальной юрисдикціи, считалъ себя вполнѣ правоспособнымъ произносить свои приговоры и по нѣкоторымъ изъ тѣхъ дѣлъ, которыя считалъ своею неотъемлемою принадлежностію—другой. Необходимымъ послѣдствіемъ отсюда было то, что одно и тоже лицо за одно и тоже преступленіе судимо было нерѣдко двойнымъ судомъ (церковнымъ и свѣтскимъ) и несло двойное наказаніе (стр. 105—107). Точнѣе опредѣляя границы между церковною и гражданскою подсудностію, г. Заозерскій говоритъ, что по всѣмъ вообще судебнымъ дѣламъ церковь и государство стояли тогда въ отношеніи одна другой взаимно восполняющихъ: церковь судила ереси, расколы, нарушеніе дисциплины между клириками и мірянами и изрекало о нихъ свои приговоры, а государство слѣдило за исполненіемъ этихъ приговоровъ и вооружалось всею своею карательною властію, когда само замѣчало, или когда на то указывала ему церковная власть, напр., что ея приговоры пренебрегаются. Точно также, съ другой стороны, государство судило всѣ тѣ преступленія, которыя предусмотрѣны были его законами, и назначало свои уголовныя наказанія. Но такъ какъ свѣтскій судъ сосредоточивался преимущественно на внѣшней юридической сторонѣ преступленія и не обязанъ былъ проникать во внутреннее, нравственное значеніе преступленія съ цѣлью воздѣйствовать на душу преступника, и такъ какъ этотъ судъ своею формальностію и не всегда безопасными для лица потерпѣвшаго отъ преступленія условіями обвиненія нерѣдко удерживалъ частныя лица отъ веденія процесса о тѣхъ и другихъ преступленіяхъ и такимъ образомъ нѣкоторыя преступленія оказы-

вались или оставались безнаказанными; то для церкви открывалось всегда широкое поле дѣятельности къ обличенію и исправленію преступниковъ, успѣвшихъ избѣжать свѣтскаго правосудія, и однихъ доводить до чистосердечнаго раскаянія и возвращать къ общенію съ церковію, другихъ же навсегда удалять изъ нея (стр. 117—118). Въ частности всякій споръ, стоящій въ связи съ дѣлами церкви, по словамъ автора, долженъ былъ изслѣдуемъ и рѣшаемъ только епископами и притомъ такъ, что ихъ приговоръ не допускаетъ измѣненія (стр. 122). Свѣтская власть въ отношеніи къ дѣламъ церковнымъ ограничивается только исполненіемъ приговора суда духовнаго (стр. 127).

(2) Второе отдѣленіе (объ устройствѣ церковнаго суда въ II—V вв.) заключаетъ въ себѣ четыре главы. Въ первой изложенъ трактатъ о судѣ епархіальнаго епископа, его составѣ и предѣлахъ судебной власти, на основаніи апостольскихъ постановленій, посланій Игнатія Богоносца, сочиненій Тертулліана и свв. Епифанія и Кипріана Карѳагенскаго, и правилъ церковнаго законодательства IV и V вв. Описавши устройство епархіальнаго суда въ II—V вв. и кратко замѣтивши, что церковное законодательство даже не представляетъ возможнымъ, чтобы низшія епископа духовныя лица могли когда-либо заявить законное, или даже только облеченное въ законную форму, притязаніе на раздѣлъ или ограниченіе епископской власти по управленію имъ епархіею, авторъ посвящаетъ особую—вторую главу рѣшенію вопроса о значеніи вспомогательныхъ епископу, второстепенныхъ лицъ въ составѣ церковнаго суда. Въ этой—второй главѣ онъ говоритъ о »пресвитеріи« древней церкви, объ участіи пресвитеровъ и діаконовъ въ церковномъ судопроизводствѣ въ IV и V вв., какъ вспомогательныхъ епископу органахъ епархіальнаго суда. Въ третьей главѣ говорится о соборномъ

судѣ, его составѣ и предѣлахъ судебной власти со II по V в.,—о судѣ областныхъ соборовъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, какъ главнаго епископа цѣлой области, и о судѣ окружныхъ—діоцезальныхъ соборовъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ митрополитовъ (впослѣдствіи патріарха). Трактуя о соборномъ судѣ, его составѣ и придѣлахъ судебной власти авторъ даетъ понять, что соборы составлялись не случайно и епископы дѣйствовали на нихъ не просто по своему усмотрѣнію и благоразумію, но исполняли твердо укоренившіяся правила, имѣвшія уже такую силу, что иныхъ правилъ и порядковъ нельзя было вводить и придерживаться, не возбудивъ противъ себя общаго отпора со стороны предстоятелей церкви (стр. 204).

Въ третьемъ отдѣленіи (о производствѣ церковнаго суда въ II—V вв.) находимъ шесть главъ. Въ первой идетъ рѣчь о церковномъ судопроизводствѣ во II и III в., формѣ и порядкѣ епархіальнаго суда во II и III в. по апостольскимъ постановленіямъ и о соборномъ судопроизводствѣ III вѣка. Во второй главѣ содержатся общія положенія церковнаго судопроизводства IV и V вв., выведенныя изъ правилъ церковныхъ и практики того времени; тутъ говорится о лицахъ, могущихъ быть обвинителями, объ юридическихъ доказательствахъ, о перекрестномъ допросѣ, какъ обычномъ пріемѣ судебнаго слѣдствія того времени, о доказательствахъ письменныхъ и вещественныхъ или, по древнему римскому праву, технически обозначавшихся выраженіемъ: argumenta per indicia. Въ третьей главѣ изображается епархіальное и соборное судопроизводство IV и V вв., которое очень напоминаетъ собою въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ наше гражданское судопроизводство. Въ четвертой вниманіе автора останавливается на разсмотрѣніи апелляціоннаго судопроизводства въ IV и V вв. Въ пятой главѣ разбираются имъ сходныя черты

римскаго обвинительнаго процесса съ церковнымъ судопроизводствомъ IV и V вв., и доказывается, что церковное судопроизводство явилось въ IV в. какъ самобытное, оригинальное, отличное отъ римскаго судопроизводства, и какъ таковое продолжало существовать и въ послѣдующее время, хотя въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и приспособлялось къ римскому обвинительному процессу (стр. 312). Въ послѣдней—шестой главѣ авторъ съ одной стороны для нагляднѣйшаго объясненія того, что доселѣ высказывалось имъ въ общихъ чертахъ, а съ другой—для того, чтобы фактически оправдать вѣрность сдѣланныхъ имъ обобщеній, излагаетъ, близко держась подлинныхъ актовъ судопроизводства, три церковно-судебныхъ процесса V вѣка—процессъ между епископами Аѳанасіемъ и Савиніаномъ, по своей сложности и запутанности въ четвертый разъ разсматривавшійся отцами четвертаго вселенскаго собора, процессъ четырехъ клириковъ едесской церкви съ ихъ еп. Ивою и процессъ Евтихія на константинопольскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ Флавіана, архіеп. константинопольскаго. Въ заключеніи своего изслѣдованія »о церковномъ судѣ въ первые вѣка христіанства« г. Заозерскій выражаетъ ту мысль, что законченность, полнота и опредѣленность церковнаго суда явилась прямымъ слѣдствіемъ узаконеній Спасителя и апостоловъ, постепеннымъ, хотя и очень быстрымъ путемъ практики предшествовавшихъ вѣковъ и сообразовавшагося съ нею церковнаго законодательства. (стр. 343).

И дѣйствительно, читая изслѣдованіе г. Заозерскаго о »церковномъ судѣ« ясно различаешь послѣдовательные ступени того осложненія и опредѣленія, съ какими церковный судъ является въ V вѣкѣ, но въ тоже время видишь, что на пространствѣ пяти вѣковъ не было мо-

мента времени, въ который бы церковный судъ измѣнилъ свой характеръ такъ, чтобы въ немъ нельзя было узнать прежняго апостольскаго суда, и такимъ образомъ приходишь къ тому убѣжденію, что церковный судъ V вѣка сохраняетъ неразрывную связь внутреннюю съ судомъ I вѣка или судомъ апостольскимъ. Эта связь выражается во многихъ однородныхъ и существенныхъ свойствахъ, неотъемлемыхъ какъ отъ суда V вѣка, такъ и отъ суда апостольскаго. Конечно, къ чести автора относится, что онъ, при нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностяхъ суда апостольскаго отъ суда церковнаго въ II—V вв., подмѣтилъ внутреннюю связь и соотношеніе между тѣмъ и другимъ,—обозначивъ тотъ путь, по которому церковно-судебная власть неуклонно шла въ продолженіи пяти вѣковъ и который былъ предначертанъ ей Іисусомъ Христомъ и апостолами. Изъ его сочиненія оказывается, что въ вѣкъ апостольскій церковно-судебный строй организуется по плану предначертанному Іисусомъ Христомъ въ евангеліи: опредѣляются органы церковно-судебной власти, подсудность, характеръ отношеній судящихъ къ судимымъ и, наоборотъ, указываются существенные моменты судопроизводства, основной характеръ и назначеніе въ церкви формальнаго суда. Во второмъ и третьемъ вѣкѣ церковь стремится сохранить въ своей практикѣ тотъ строй церковнаго суда и образъ дѣйствованія на немъ служебныхъ органовъ, который былъ завѣщенъ ей апостолами; тогда же, по обстоятельствамъ времени, предстоятели церкви заняты болѣе точнымъ формулированіемъ хранившагося въ преданіи образа дѣйствій церковнаго суда и дальнѣйшимъ раскрытіемъ въ церковно-судебной практикѣ началъ, указанныхъ Іисусомъ Христомъ и апостолами. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ церковь также стремится сообразовать свой судъ съ апостольскими писаніями и апостольскимъ

преданіемъ; занятая разграниченіемъ церковной подсудности отъ свѣтской, она остается въ своихъ опредѣленіяхъ относительно устройства и производства суда вѣрною преданію, какое преданіе она ограждаетъ только положительнымъ писаннымъ правомъ. А именно: вопросъ *о подсудности* во всѣ вѣка, отъ I по V в., церковію рѣшаемъ былъ одинаково; каждому человѣческому дѣйствію преступному указывала свою цѣну, какимъ-бы лицомъ оно ни было совершено, произносила свой приговоръ и назначала соотвѣтствующее ему наказаніе. Въ церковномъ *судоустройствѣ* всегда различались два основные органа церковно-судебной власти—епархіальный епископъ и соборъ епископовъ. Епископъ признавался полновластнымъ судьею въ предѣлахъ своей епархіи и на его судъ никто не имѣетъ власти, кромѣ собора епископовъ. Въ волѣ епархіальнаго епископа состоитъ—придать-ли своему суду видъ торжественнаго открытаго акта, совершаемаго имъ въ присутствіи и съ участіемъ его сослужителей и подчиненныхъ клириковъ, или же единолично. Основнымъ началомъ соборнаго судоустройства всегда признавалось полное равенство въ судебныхъ дѣлахъ каждаго епископа съ остальными, взятыми отдѣльно, и равенство каждой отдѣльной церковной области и каждаго отдѣльнаго округа съ каждою другою областью или округомъ. Въ отношеніи къ церковному *судопроизводству* соблюдались одни и тѣ-же общія начала его. Всѣ предписанія Христа Спасителя и апостоловъ относительно обвинителя, подсудимаго, свидѣтелей и судебнаго приговора, всѣ существенные моменты судопроизводства одинако были соблюдаемы въ теченіи I—V вв. (стр. 344—348).

Изъ кратко и бѣгло переданнаго нами содержанія книги г. Заозерскаго, уже видно, что изслѣдованіе его о »церковномъ судѣ« представляетъ довольно обстоятельную,

полную и законченную картину церковнаго суда, дѣйствовавшаго на пространствѣ пяти вѣковъ. Правда въ его сочиненіи встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы относительно нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго суда въ тотъ или другой періодъ времени, но такіе пробѣлы зависѣли отъ недостатка бо́льшаго количества историческихъ данныхъ о церковномъ судѣ. За недостаткомъ необходимыхъ историческихъ свидѣтельствъ авторъ вдается въ предположенія, строитъ гипотезы и спѣшитъ заключеніемъ отъ частнаго къ общему. Подобныя предположенія и гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, могутъ быть оспариваемы (стр. 55—56 и др.), въ чемъ подчасъ сознается и самъ авторъ (см. 144 стр.). Свое изслѣдованіе о »церковномъ судѣ въ первые вѣка« обосновываетъ на несомнѣнныхъ данныхъ исторіи и церковнаго законодательства,—теорія и практика идутъ у него рука объ руку и разсматриваются одновременно. Въ изложеніи и разсмотрѣніи данныхъ исторіи и церковнаго законодательства замѣтна обстоятельность, а иногда и критическое отношеніе къ нимъ.

При полнотѣ и обстоятельности изложенія изслѣдованіе г. Заозерскаго отличается систематичностію, но при всемъ томъ оно не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. Самъ авторъ въ заключеніи своего изслѣдованія говоритъ, что »въ непрерывномъ дѣйствованіи церковнаго суда на пространствѣ пяти вѣковъ наше сознаніе легко различаетъ три отдѣльные періода, характеризующіеся особенностями своими«. Сообразно съ тѣмъ справедливѣе было-бы подраздѣлить историко-каноническое изслѣдованіе о церковномъ судѣ въ первые пять вѣковъ на три части, а не на двѣ какъ сдѣлалъ авторъ. Не вполнѣ правильная постановка, какую г. Заозерскій далъ своему изслѣдованію, повидимому, и не разъ ставила его самого въ затруднительное положеніе. Это легко замѣтить каждому читателю. Въ самомъ

дѣлѣ, съ нѣкоторыхъ сторонъ онъ находитъ возможнымъ въ одной и той-же главѣ разсмотрѣть судъ церковный за все время отъ II по V вѣкъ, между тѣмъ какъ заговаривая о другихъ сторонахъ церковнаго суда, онъ уже не находитъ этой возможности и у него, по необходимости, являются двѣ главы вмѣсто одной. Такъ напр. во второмъ отдѣленіи первой части »объ устройствѣ церковскаго суда« авторъ находитъ возможнымъ въ одной и той же главѣ (1-й) сказать о »судѣ епархіальнаго епископа, его составѣ и предѣлахъ судебной власти« въ весь періодъ времени отъ II по V вѣкъ; точно также въ одной главѣ (3 й) трактуется у него о соборномъ судѣ, его составѣ и предѣлахъ судебной власти отъ II до V вѣка. Когда же онъ касается церковнаго судопроизводства, то онъ ставитъ двѣ главы,—въ одной трактуетъ о судопроизводствѣ епархіальномъ и соборномъ во II и III вв., а въ другой—объ епархіальномъ и соборномъ судопроизводствѣ въ IV и V вв. Или въ рѣчи о предметахъ церковнаго суда во II—V вв., онъ въ двухъ отдѣльныхъ главахъ разсуждаетъ о церковной подсудности сначала—во II и III вв., потомъ въ IV и V вв.

Кромѣ общей, по нашему мнѣнію, не вполнѣ правильной постановки, какую г. Заозерскій далъ своему историко-каноническому изслѣдованію о церковномъ судѣ въ первые вѣка христіанства, замѣчаются промахи его и въ частностяхъ. Въ его сочиненіи »правила« и »постановленія« апостольскія представляются раздѣленными по времени и послѣдовательности ихъ, какъ будто они были не одинаковой важности канонической для науки и отличались свойствами разновременнаго происхожденія. Тѣ и другія по своей сущности произошли отъ апостоловъ, а потому и слѣдовало-бы помѣстить ихъ въ одномъ ряду (однихъ съ другими) и одновременно разсмотрѣть ихъ,

какъ относящіяся къ одной эпохѣ апостольскаго вѣка. Позднее сравнительно собраніе ихъ и приведеніе въ одинъ составъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ до настоящаго времени, не имѣетъ здѣсь значенія; здѣсь важна норма опредѣленій, выраженныхъ въ настоящей формѣ »правилъ« и »постановленій« апостольскихъ, а происхожденіе этой нормы въ ея сущности никто не относитъ къ позднѣйшему времени. Кажется, это хорошо понималъ и самъ авторъ, иначе онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы поставить свидѣтельства »апостольскихъ постановленій« раньше свидѣтельствъ св. Григорія Неокесарійскаго, и св. Кипріана Карѳагенскаго, и даже Тертулліана и св. Игнатія Богоносца. Апостольскія постановленія собраны и приведены въ одинъ составъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ до настоящаго времени, не раньше конца III или начала IV вѣка, и самъ авторъ упоминаетъ о взглядѣ на апостольскія постановленія, по которому они относятся къ болѣе позднему времени и не отвергаетъ такого взгляда. Понятно послѣ того, что если онъ поставляетъ свидѣтельства апостольскихъ постановленій раньше свидѣтельствъ Игнатія Богоносца и Тертулліана, то потому такъ поступаетъ, что апостольскія постановленія признаетъ произшедшими отъ апостоловъ. Если такъ, то что-же могло помѣшать автору помѣстить апостольскія постановленія въ одномъ ряду съ »правилами« апостольскими и одновременно разсмотрѣть тѣ и другія? Во всякомъ случаѣ мы должны замѣтить, что авторъ долженъ былъ сдѣлать одно изъ двухъ: если онъ признаетъ норму апостольскихъ правилъ и постановленій произшедшими отъ апостоловъ, то долженъ-бы помѣстить ихъ въ одномъ ряду и одновременно разсмотрѣть тѣ и другія, какъ по своей сущности относящихся къ одной эпохѣ апостольскаго времени, или если онъ желалъ остаться вѣрнымъ историко-

хронологической точкѣ зрѣнія относительно времени происхожденія письменныхъ памятниковъ церковной литературы, то не долженъ былъ поставлять свидѣтельствъ апостольскихъ постановленій прежде свидѣтельствъ Игнатія Богоносца и Тертулліана; мало того онъ не могъ бы и »апостольскія правила« ставить подъ рядъ съ предписаніями апостоловъ относительно церковнаго суда, заключенными въ ихъ посланіяхъ, потому что и »правила«, извѣстныя намъ съ именемъ апостоловъ, также въ сравнительно позднее время были написаны, собраны и приведены въ одинъ составъ и тотъ видъ, въ какомъ они существуютъ и до настоящаго времени.

Не можемъ пройти молчаніемъ и другихъ промаховъ, допущенныхъ г. Заозерскимъ въ изслѣдованіи о церковномъ судѣ въ первые вѣка христіанства, хотя и менѣе важныхъ. Первая часть его сочиненія, по существу дѣла, должна бы быть раздѣлена на двѣ главы, между тѣмъ она носитъ одно общее оглавленіе: »о церковномъ судѣ по ученію Спасителя и апостоловъ, *изложенному въ священномъ писаніи Новаго Завѣта*« (стр. 7). Такое общее оглавленіе первой части не соотвѣтствуетъ самому содержанію ея, потому что въ ней авторъ занимается изложеніемъ и правилъ апостольскихъ относительно церковнаго суда, переданныхъ ими устно. Что касается вообще внѣшняго изложенія, то сочиненіе г. Заозерскаго отличается простотою, хотя по мѣстамъ встрѣчается и тяжелая конструкція рѣчи.

Не смотря на нѣкоторые недостатки и промахи въ изслѣдованіи г. Заозерскаго »о церковномъ судѣ въ первые вѣка христіанства«, его сочиненіе можетъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, появившихся въ нашемъ отечествѣ. Вотъ какое мѣсто отводитъ самъ

авторъ своему труду въ ряду другихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, появившихся въ нашемъ отечествѣ: »въ послѣднее время,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своему историко-каноническому изслѣдованію о церковномъ судѣ въ первые вѣка христіанства,—въ нашей литературѣ вопросъ о церковномъ судѣ нашелъ себѣ видное мѣсто въ ряду другихъ церковныхъ и общественныхъ вопросовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе читающихъ людей. По поводу вопроса о церковно-судебной реформѣ не мало было удѣлено трудовъ на отысканіе и толкованіе тѣхъ данныхъ практики и законодательства церкви, которыми такъ или иначе представители нашей канонической литературы думали обосновать свои сужденія и проэкты преобразованія современнаго намъ церковнаго суда, который бы вполнѣ удовлетворялъ, съ одной стороны, современному положенію церкви и ея потребностямъ, съ другой—въ тоже время согласовался бы и съ основными началами суда древней вселенской церкви. Такимъ путемъ естественно затронутъ былъ вопросъ о судѣ древней церкви и наша литература представила нѣсколько изслѣдованій о немъ, съ цѣлью установить правильное отношеніе къ нему предполагаемыхъ церковно-судебныхъ реформъ. Такимъ путемъ вопросъ о церковномъ судѣ повидимому и исчерпанъ, и разрѣшенъ окончательно, такъ что всякое дальнѣйшее изслѣдованіе его должно считаться совершенно излишнимъ. Но такое воззрѣніе на дѣло, если и можетъ быть оправдано въ виду практическихъ его интересовъ, ни мало не оправдывается интересами теоретическими, научными. А именно, полно ли наше представленіе о церковномъ судѣ первыхъ вѣковъ христіанства, какое дала намъ литература наша по этой части? Что оно не полно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія уже потому одному, что нашимъ изслѣдователямъ и не представлялось ника-

кихъ побужденій подробно разсматривать этотъ судъ: для нихъ достаточно было указать въ немъ только на то, что имѣло какое-либо отношеніе къ спорнымъ и занимавшимъ ихъ вопросамъ. Далѣе, вѣрно-ли наше представленіе и о дѣйствительно изслѣдованныхъ сторонахъ древняго церковнаго суда? И этотъ вопросъ наша литература не разрѣшаетъ окончательно, потому что спорившіе между собою изслѣдователи разошлись съ противоположными воззрѣніями на этотъ предметъ: одни нашли древній судъ нисколько не противорѣчащимъ съ выработаннымъ проэктомъ реформы нашего церковнаго суда, другіе напротивъ нашли ихъ не согласующимися между собою. Въ виду этаго представляется далеко не излишнимъ новое изслѣдованіе, которое, отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени, представило бы по возможности полное и точное изображеніе церковнаго суда«. Эту задачу, говоритъ авторъ, и имѣетъ въ виду настоящее его изслѣдованіе, обнимающее собою исторію церковнаго суда въ первые пять вѣковъ христіанства. И мы видѣли, что г. Заозерскій выполнилъ свою задачу, т. е. представилъ болѣе или менѣе полную, обстоятельную и законченую картину церковнаго суда въ первые пять вѣковъ христіанства. Но дѣло въ томъ, что на основаніи изслѣдованій г. Заозерскаго все-таки нельзя еще составить вполнѣ цѣлостнаго и всесторонняго представленія о судѣ древней церкви, потому что организація церковнаго суда въ V вѣкѣ не была совершенно закончена, напротивъ въ слѣдующій періодъ—въ такъ называемый юстиніановскій произошла новая реформа въ церковномъ законодательствѣ, судъ церковный получилъ новыя осложненія. Потому картина суда древней церкви была бы полнѣе и законченнѣе, еслибы авторъ принялъ на себя трудъ обозрѣть законы и судопроизводство въ юстиніановскій періодъ.

З-г.

Изъ дорожнаго дневника[1])

Во время путешествія въ минувшее лѣто по желѣзнымъ дорогамъ, пришлось разъ вести разговоръ съ однимъ довольно пожилымъ помѣщикомъ изъ С—ской губерніи. Личность по своимъ взглядамъ на вещи довольно замѣчательная и можно сказать рѣдкая въ этомъ сословіи, по крайней мѣрѣ судя по установившимся у насъ взглядамъ на помѣщиковъ. Этотъ почтенный господинъ разсказывалъ о себѣ, что ему на цѣлыхъ 15 лѣтъ пришлось оставить свое помѣстье и проживать въ Москвѣ для воспитанія своихъ дѣтей, обучавшихся въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ. »Я, говоритъ, боялся выпустить ихъ изъ своего надзора, зная, какъ сильно развиваются въ нынѣшнемъ вѣкѣ разныя тлетворныя идеи и какъ легко прививаются онѣ къ молодымъ сердцамъ. Я готовъ былъ лучше потерять многое въ своемъ хозяйствѣ, чѣмъ допустить до этого своихъ дѣтей; и, благодареніе Богу, не ошибся въ своихъ дѣйствіяхъ. Мои дѣти, окончивъ образованіе, сдѣлались полезными членами общества«. Уже изъ этого можно понять, что личность эта почтенная и высоко стоитъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи; но для насъ собственно замѣчателенъ его взглядъ на современное положеніе крестьянскаго сословія и на отношеніе къ нему пастырей. Въ продолженіе 15 лѣтъ, говоритъ онъ, я не видалъ своего помѣстья, издали управляя имъ чрезъ моихъ довѣренныхъ лицъ. Переселившись потомъ въ деревню, я удивленъ былъ чрезвычайною перемѣною въ крестьянскомъ быту за эти 15 лѣтъ. Поселяне какъ будто переродились: въ ихъ хатахъ уже нѣтъ той грязи и неопрятности, какія обычны были въ прежнее время; въ ихъ одеждѣ, поступи и взглядахъ, въ ихъ рѣчахъ и во всѣхъ манерахъ рѣзко просвѣчиваетъ вліяніе проникшей въ деревню

[1]) См. № 49.

цивилизаціи. Они и смотрятъ веселѣй и говорятъ развязнѣй, и по всему видно, что чувствуютъ себя несравненно довольнѣй, чѣмъ прежде. Особенно пріятно было взглянуть на молодое поколѣніе—на парней и дѣвицъ, которые въ былое время выглядывали дикарями или даже какими-то звѣрками, чуждыми всякаго движенія человѣческой мысли. Вотъ что значатъ школы и грамотность! Около десяти лѣтъ существующая въ селѣ школа успѣла уже многихъ научить грамотѣ и значительно разширила умственный кругозоръ не только молодыхъ, но и старыхъ, что не замедлило отразиться на всей ихъ внѣшности. Но, признаюсь, мои радостныя чувства отъ этихъ первыхъ впечатлѣній скоро помрачились самыми грустными безотрадными мыслями, когда я всмотрѣлся въ нравственную жизнь поселянъ, особенно молодаго поколѣнія! Я увидѣлъ здѣсь такое растлѣніе, о которомъ прежде не только не слышно было, но и подумать было невозможно. Довольно того, рѣдкія семейства остаются не зараженными губительною болѣзнію, обычнымъ спутникомъ разврата; въ иныхъ семействахъ зараза такъ широко развилась, что отъ нея болѣютъ и гибнутъ младенцы; прежняя патріархальная строгость въ отношеніи половъ и въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ почти исчезли. Чего же ожидать, если растлѣніе нравовъ будетъ прогрессивно проникать въ крестьянское сословіе все глубже и глубже; и какую цѣну имѣютъ послѣ сего грамотность и цивилизація? Онѣ даютъ только привлекательную внѣшнюю оболочку, подъ которой скрывается самая отвратительная гниль. Бозспорно, онѣ пробуждаютъ заглохшія силы народа и ведутъ его къ благоденствію; но къ сожалѣнію, при ихъ распространеніи у насъ забыта коренная основа народнаго благоденствія—религія. Эта могучая сила, которая должна бы оживлять всѣ стремленія нашего общества къ лучшему, у насъ далеко отстала въ своемъ развитіи. У крестьянъ, конечно, и всегда были скудныя рели-

гіозныя понятія; но въ прежнее время вся эта обрядность—храмъ, служба церковная, праздники, иконы, свѣчи, посты, разные религіозные обычаи, изстари утвердившіеся—все это въ совокупности у простолюдина хотя не освѣщалось яснымъ сознаніемъ, но сильно дѣйствовало на его сердце и вселяло въ него тотъ религіозный духъ, который поддерживалъ нравственность и ограждалъ ее отъ растлѣнія. Теперь же, когда въ простолюдинѣ зашевелилась мысль и умственный кругозоръ его расширился, одна церковная обрядность уже недостаточна для поддержанія въ немъ религіознаго и нравственнаго чувства. Ему теперь нужны ясныя понятія о религіи и нравственномъ законѣ, которые служили бы противовѣсомъ другихъ ясныхъ понятій, проникшихъ въ его душу, и не давали бы симъ послѣднимъ ослаблять религіозно-нравственное чувство А этихъ-то понятій у него нѣтъ и негдѣ ему достать ихъ. Естественное дѣло, что у простолюдина, хоть сколько-нибудь вкусившаго плодовъ науки свѣтской, раждается холодность и даже легкомысленное отношеніе къ религіи, и она уже перестаетъ ограждать его нравственность. Религія имѣетъ великую цѣну; безъ ней всѣ эти разнообразныя школы, плодящіяся у насъ съ каждымъ годомъ и направленныя къ устроенію благоденствія народа, въ существѣ дѣла не приведутъ его къ благоденствію. Мы обыкновенно всякій трудъ тѣмъ болѣе цѣнимъ, чѣмъ больше проявляетъ себя въ немъ духовная сила. Трудъ носильщика тяжестей, дровосѣка, пильщика, земледѣльца, гдѣ преимущественно проявляетъ себя сила механическая, у насъ обыкновенно цѣнится дешево; дороже мы цѣнимъ трудъ плотника, печника или какого-нибудь ремесленника, и тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе проявляется въ немъ знанія дѣла; трудъ писателя, адвоката, доктора, гдѣ проявляется духовная сила уже въ высшей мѣрѣ, мы цѣнимъ несравненно дороже, опять соразмѣряя оцѣнку съ степенью проявленія этой силы въ

трудѣ. Судя по такому прогрессу въ оцѣнкѣ силъ, религія, какъ высшая духовная сила, коренная основа нравственности и благоденствія народа, очевидно имѣетъ цѣну предпочтительную предъ всѣми силами, на развитіи которыхъ зиждется общественное благоденствіе«.

Слушая эту умную рѣчь, я замѣтилъ своему собесѣднику, что наше общество, такъ безошибочно оцѣнивающее труды, соразмѣрно проявленію въ нихъ духовной силы, относительно трудовъ въ дѣлѣ религіи крайне ошибается. Посмотрите, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся наши священники: ихъ матеріальный бытъ ни чѣмъ не обезпеченъ; они должны собирать съ прихожанъ копѣйками, которыя притомъ выдаются имъ очень не охотно. Очевидное дѣло, общество приравниваетъ ихъ трудъ къ труду низшей рабочей силы. А они служители религіи—силы духовной, даже превосходящей в ѣ духовныя силы, по ея вліянію на развитіе и благоденствіе народа.

— И вы думаете, здѣсь общество ошибается?—возразилъ мой собесѣдникъ.

— Конечно: сами же вы говорите, что религія должна быть цѣнима выше всего.

— Да развѣ религія и священники одно и тоже? Религія, какъ высшая духовная сила и поддержка всѣхъ другихъ силъ, устроящихъ благоденствіе народа, у насъ всегда была цѣнима высоко и никогда не утратитъ своей цѣны, какъ бы люди не развращались. Посмотрите, сколько у насъ великолѣпныхъ и богатыхъ храмовъ—не въ столицахъ только, не въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и по многимъ селамъ. Не въ былыя только времена настроены они, но и теперь продолжаютъ обновляться и строиться вновь. Какихъ громадныхъ средствъ стоятъ эти постройки, сколько обходится поддержка ихъ и повременное обновленіе? А сколько драгоцѣнностей въ храмахъ—на иконахъ, въ сосудахъ и

облаченіяхъ. Теперь уже и по селамъ, даже бѣднымъ, не увидите холщевыхъ или крашенинныхъ ризъ. На все это не скупятся и богатые и бѣдные, а гдѣ есть какая-нибудь святыня, туда многіе несутъ и послѣднее. Очевидно, что общество религію цѣнитъ высоко. Но если оно въ тоже время скудно, какъ вы думаете, оплачиваетъ трудъ священниковъ, то именно потому, что въ ихъ трудѣ видитъ одно механическое исполненіе устава; священники являются здѣсь не болѣе, какъ машиною, выполняющею ту или другую работу по заведенному порядку; слѣдов., въ своемъ трудѣ проявляютъ только большее или меньшее напряженіе физическихъ силъ, а потому и вознагражденіе имъ естественно не должно превышать платы пильщику, водовозу или другому подобному рабочему. Но согласитесь, при всемъ томъ они получаютъ за свои труды гораздо болѣе, чѣмъ упомянутые рабочіе: потому-то и не всегда охотно выдается имъ установленная или требуемая плата.

— Но неужели же труды нашихъ священниковъ такъ ничтожны, что въ нихъ ничего болѣе не видится, кромѣ проявленія механическихъ силъ?

— Ничего больше. Я не отрицаю, что есть между ними почтенныя личности, душевно преданныя пастырскому дѣлу и искренно заботящіяся о нравственномъ воспитаніи своихъ прихожанъ. Я самъ имѣю честь быть знакомымъ съ нѣкоторыми изъ такихъ и могу завѣрить, что они встрѣчаются не въ городахъ только, но и селахъ. Но всѣ такіе въ сравненіи съ остальною массою духовенства только ничтожныя единицы; остальное же большинство есть не болѣе какъ требоисправители. Да хоть бы они службы-то совершали, какъ слѣдуетъ; хоть въ нихъ-то проявляли бы какое-либо участіе духа, сколько-нибудь старались придать имъ силы, дѣйствующей на сердца прихожанъ; а то и этого почти незамѣтно. Народъ болѣе трогается, если не исключительно, благолѣ-

піемъ храмовъ, блескомъ украшеній на иконахъ, звукомъ большихъ колоколовъ, чѣмъ самою службою, которая по большей части дурно выполняется духовенствомъ. Поэтому онъ не скупится на украшеніе храмовъ и ихъ принадлежностей, на устройство высокихъ колоколенъ и большихъ колоколовъ, но скупится жертвовать священникамъ, какъ неудовлетворяющимъ его духовнымъ потребностямъ своими трудами. Отчего у насъ народъ стремится въ монастыри? Отчего желаетъ тамъ служить свои молебны или панихиды, и при этомъ не стѣсняется ни далекимъ путешествіемъ, ни значительными пожертвованіями? Оттого, что онъ тамъ находитъ лучшее и большее удовлетвореніе своей религіозной потребности. Будь со стороны священниковъ болѣе ревности къ своему дѣлу, повѣрьте, народъ всегда оцѣнилъ бы ее и не сталъ бы торговаться съ своими пастырями на счетъ платы за исправленіе той или другой церковной требы. А то онъ видитъ въ нихъ постоянныхъ сборщиковъ дани, а самъ отъ нихъ ничего не получаетъ изъ духовнаго сокровища. Небрежность нашего духовенства къ своему дѣлу, кажется, нѣтъ надобности усиленно доказывать. Факты на лицо. Наши поселяне по мѣрѣ распространенія между ними грамотности, видимо, болѣе и болѣе утрачиваютъ религіозный духъ, служившій крѣпкою оградою отъ нравственнаго растлѣнія, и утратили много прекрасныхъ качествъ въ своей нравственной жизни: отчего пастыри не позаботились поддержать этотъ религіозный духъ? Отчего не усилили своихъ трудовъ въ противодѣйствіе всякимъ стороннимъ вліяніемъ? Оттого, что всѣ мысли ихъ заняты были сборами доходовъ съ прихожанъ. Они зорко слѣдятъ за постепеннымъ упадкомъ цѣнности денегъ и выясняютъ прихожанамъ, что прежнія обычныя платы за требоисправленія соразмѣрно этому должны быть повышаемы; но они вовсе опускаютъ изъ вида постепенно развивающіяся духовныя потребности своихъ прихо-

жанъ и вовсе не думаютъ соотвѣтственно этому развивать свою пастырскую практику.

— Но, позвольте, такой судъ надъ нашимъ духовенствомъ, мнѣ кажется, уже чрезвычайно строгъ. Я согласенъ съ вами, что они не такъ зорко стерегутъ свое стадо, какъ бы слѣдовало; но не могу согласиться, чтобы причина сему заключалась въ ихъ небрежности и нерадѣніи. Причиною всего этого скорѣе недостатокъ обезпеченія въ жизни. Доходы отъ прихожанъ неудовлетворяютъ всѣхъ матеріальныхъ нуждъ священника съ его семействомъ; онъ по необходимости долженъ погружаться въ хозяйственныя занятія и тѣмъ естественно отвлекается отъ надлежащаго исполненія своихъ прямыхъ обязанностей. А будь общество щедрѣе къ своимъ пастырямъ, постарайся оградить ихъ отъ нуждъ житейскихъ, тогда они имѣли бы полную свободу для развитія своей пастырской дѣятельности и при своемъ достаточномъ образованіи, конечно, въ силахъ бы удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ пасомыхъ.

— Т. е. вы хотите сказать, что мы сначала должны дать вознагражденіе священникамъ, а потомъ получимъ отъ нихъ то благо, въ которомъ нуждаемся? Господь съ вами! да гдѣ это видано и слыхано? Сапожнику развѣ я плачу деньги прежде, чѣмъ онъ сошьетъ сапоги? Или плотнику, прежде чѣмъ выстроитъ мнѣ домъ? Всякій товаръ, всякій трудъ оплачиваются тогда, когда они состоятъ на лицо, а не тогда, когда только предполагаются въ будущемъ. Чѣмъ вы увѣрите общество, что изъ его щедрости въ пользу священника непремѣнно выйдетъ какой-нибудь прокъ? А я, на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, могу сказать, что отъ нее менѣе всего можно ожидать прока. Когда священники почувствуютъ себя богатыми отъ какого-нибудь опредѣленнаго обезпеченія, тогда еще менѣе будутъ трудиться въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія пасомыхъ. Теперь, чувствуя свою зависимость,

они доступны всѣмъ и каждому, а тогда и знать никого не будутъ, особенно людей бѣдныхъ. Развѣ мало видимъ примѣровъ, какъ гордо и недоступно держатъ себя священники, прочно обезпеченные въ матеріальныхъ средствахъ. Они сближаются только съ лицами, по ихъ понятію, равными имъ или такими, которые способны дать отпоръ ихъ горделивымъ замашкамъ, а на простыхъ людей, въ средѣ которыхъ должна была бы болѣе раскрываться ихъ дѣятельность, и вниманія не обращаютъ. Нѣтъ, если теперь что дѣлаютъ священники для народа, то именно благодаря ихъ сознанію своей зависимости отъ прихожанъ со стороны средствъ содержанія.

Бесѣда съ этимъ почтеннымъ господиномъ поселила во мнѣ глубокое раздумье. Чувствовалось, что въ его голосѣ звучалъ отголосокъ цѣлаго общества—отголосокъ, въ которомъ нельзя не признать значительной доли правды. Вмѣсто того, чтобы нашему духовенству вопіять о своихъ нуждахъ и безплодно взывать о помощи, первѣе всего необходимо съ полнымъ самоотверженіемъ предаться ревностному исполненію своего долга, искать царствія Божія и правды его, а сія вся, рано или поздно, сами приложатся, по непреложному обѣтованію Спасителя.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА“

ВЪ 1879 ГОДУ.

Православный Собесѣдникъ

будетъ издаваться въ 1879 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Къ № 52 му.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1879 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи —*

семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, *въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.*

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1879 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій* и *другихъ вѣдомствъ:* а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ *четыре* руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ *три* руб. (всего за оба изданія *десять* руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.*

Въ тойже редакціи продаются слѣдующія книги:

А. *Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. *Можно получать и отдѣльныя книжки* Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ *Православный Собесѣдникъ:* за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ *Православнаго Собесѣдника* приложенія къ нему:

1. *Посланія св. Игнатія богоносца* (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ), одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. *Дѣянія вселенскихъ соборовъ* въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб. за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. за всѣ семь томовъ 24 руб.

3. *Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ* въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

4. *Благовѣстникъ*, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матѳея. Цѣна 1 руб. 75 коп. Томъ 2-й на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ третій—на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 руб.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.

5. *Его же* толкованія на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

6. *Его же* толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

7. *Его же* толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

8. *Святаго отца нашего Григорія Двоеслова.* Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

9. *Сказанія о мученикахъ* христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

10. *Посланія Пинатія,* митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

11. *Сочиненіе преподобнаго Максима грека* (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

12. *Стоглавъ* (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.

13. *Сочиненія инока Зиновія:* Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.

14. *Остенъ.* Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

15. *Сборникъ* древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

16. *Житіе* преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

17. *Житіе* преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

18. *Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.* Ѳ. Курганова. 1872. Ц 2 р. 25 к.

19. *Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.* Н. Красносельцева. 1872. Цѣна 1 р. 25 коп.

20. *Ересь антитринитаріевъ III вѣка.* Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

21. *Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.* Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

22. *Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства.* Изслѣдованіе В. Снегирева. Ц. 2 р.

23. *Книга* о антихристѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

24. *Стародубье.* Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 р.

25. *Толковая Палея.* В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

26. *Указатель* статей, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.

27. *Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.* Ц. 20 к.

28. *Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева.* Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 коп.

29. *Списокъ съ писцовыхъ книгъ* по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Ц. 40 коп.

30. *Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей* по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками „*Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ*“. Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края, 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства, и отношеніе его къ христіанству; 26) Религіозное и политическое значеніе *хаджа* или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р. Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани Е. А. Малову.

Отъ издателей можно выписывать книги:

1. *Слова* въ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

2. *Церковная исторія*, соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. д. академіи Н. Соколова. Первый томъ. Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 р. сер. Второй томъ. Цѣна такая же.

3. *Исторія русской словесности.* Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 2-е исправл. и дополненное. Цѣна 2 р. 50 коп. съ перес.

4. *Твореніе блаженнаго Августина* „de civitate Dei" *какъ апологія христіанства въ его борьбѣ съ римскимъ язычествомъ.* Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 руб.

5. *Первый опытъ крещено-татарскаго словаря.* Н. Остроумова. Казань. 1876. Цѣна 1 р.

6. *Руководство къ русской церковной исторіи.* П. Знаменскаго. Второе дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

7. *Очерки по церковной географіи и этнографіи.* Сост. С. Терновскій. Цѣна 30 коп.

8. *Сборникъ бесѣдъ со старообрядцами.* Изд. подъ редакціей э.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

9. *Антитринитаріи XVI в.* Выпускъ 1-й. Соч. Е. Будрина. Казань. 1878. Цѣна 3 руб.

10. *Характеристика римскаго католичества съ точки зрѣнія папскаго догмата.* Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878 года. Цѣна 30 коп.

11. *Типы современной философской мысли въ Германіи.* П. Милославскаго. 1878. Цѣна 2 руб. 25 коп.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1879 ГОДУ:

а) Журнала „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія".

Журналъ »Чтенія« будетъ издаваться въ 1879 году по прежней программѣ и выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Въ 1879 г. въ „Чтеніяхъ“ будетъ продолжаемо начатое съ 1875 года печатаніе, въ приложеніи, перевода съ греческаго языка правилъ соборныхъ и св. отецъ съ толкованіями Зонары, Аристина и Вальсамона и съ присовокуплепіемъ къ нимъ текста Славянской Кормчей.

Цѣна годоваго изданія »Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія« 6 р. 50 к., съ пересылкою на города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

б) Церковной газеты „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“.

»Московскія Епархіальныя Вѣдомости« будутъ издаваться въ 1879 году и выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Цѣна »Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей« въ 1878 г.— безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп., полугодовая 2 руб., съ перес. и достав. 2 руб. 50 коп., за три мѣсяца 1 руб. съ перес. 1 руб. 30 коп., съ дост. 1 р. 25 к.; за мѣсяцъ 40 к., съ перес. и дост. 50 к., отдѣльные №№ по 10 коп.

Лица, подписывающіяся на »Чтенія« и „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ вмѣстѣ, безъ пересылки и доставки платятъ за изданіе 9 р. сер., а съ дост. и перес. 10 руб.

в) Воскресныхъ Бесѣдъ.

„Воскресныя Бесѣды“ будутъ издаваться и въ 1879 году и выходить еженедѣльно.

Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ—50 коп., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города—1 руб. 10 к.; за полгода 30 коп., съ перес. и дост. 60 к., за три мѣсяца 20 к., съ перес. и дост. 35 к., за мѣсяцъ 10 к., съ дост. и перес. 20 к.

Подписка на всѣ изданія Общества принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи изданій Общества любителей духовнаго просвѣщенія— на Донской, въ приходѣ Ризоположенской церкви, въ квартирѣ протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго, и у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ Петербургѣ—у Кораблева и

Сирякова. *Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію изданій Общества любителей духовнаго просвѣщенія.*

Тамъ же можно получать и слѣдующія изданія Общества:

Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отцевъ съ толкованіями. Первый томъ.

Въ первомъ томѣ заключаются правила святыхъ апостоловъ и святыхъ седьми вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Цѣна безъ перес. 1 р. 75 к. съ перес. 2 р. Отдѣльно каждый выпускъ безъ перес. 80 к. съ перес. 1 р. На веленевой бумагѣ цѣна 1-го тома безъ перес. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к., отдѣльно каждый выпускъ безъ перес. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Записки на книгу Бытія митрополита московскаго Филарета—50 к., съ перес. 75 к.

Воскресныя Бесѣды 1870-го, 1874-го, 1875 го 1876-го, 1877-го и 1878-го годовъ по 50 к., за экз., съ перес. 70 к.

Бесѣды о говѣніи по уставу православной церкви 5 к., съ перес. 10 коп.

Избранныя бесѣды 1871 и 1872 года въ одной книжкѣ 50 к., съ перес. 70 к.

Программа закона Божія для преподаванія въ начальныхъ школахъ 5 к., съ перес. 10 к.

Нѣкоторыя черты изъ жизни святаго апостола Іакова, брата Божія. Епископа Алексія. Цѣна 60 к., съ перес. 70 к.

Изъ исторіи религіозныхъ сектъ въ Америкѣ. Методизмъ. Епископа Іоанна. 2 выпуска. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Нѣсколько мыслей о религіозно-нравственномъ воспитаніи протоіерея В. Рождественскаго. Цѣна 3 к., съ перес. 5 к.

Съ 1-го января 1879 года, въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ большихъ иллюстрацій 1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца. Каждый нумеръ представляющій по своему художественному и литературному содержанію возможно вѣрное воспроизведеніе всѣхъ сторонъ міровой жизни, будетъ иллюстрированъ множествомъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими граверами.

Подписная цѣна за год. изд »Иллюстрированнаго Міра«: Въ С.-Петербургѣ безъ доставки. *4 р.* Безъ дост. въ Москвѣ. *4 р. 50 к.* Съ доставкою въ Спб. и для иногородныхъ. *5 р.*

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*, въ Редакціи и Администраціи „Иллюстрированнаго Міра“, Фонтанка, № 103, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

3—3.

ПРАВОСЛАВНОЕ
НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВІЕ,

соч. Самарск. Каѳедральн. Протоіерея ІОАННА ХАЛКОЛИВАНОВА,

разсмотрѣнное въ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ, и, опредѣленіемъ Св. Синода отъ 24 января (24 февраля) 1875 г., признанное учебнымъ пособіемъ при преподаваніи Нравственнаго Богословія въ Духовныхъ Семинаріяхъ. Изд. 2-е.

Адресъ: Въ г. Самару, Каѳедральному Протоіерею *Ивану Егоровичу Халколиванову.*

Къ № 52-му.

Желающіе могутъ получать отъ автора слѣдующія книги его сочиненія:

1) *Катихизическія поученія (50)* на Символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди закона Божія и заповѣди Церковныя. Изд. 1874 г. 248 стр. Сочиненіе это приспособлено какъ для каѳедры церковной, такъ и для домашняго чтенія въ семействахъ христіанскихъ. Цѣна съ пер. 1 руб.

2) *Слова и поученія (235)* на всѣ недѣли въ году, на праздники Господскіе и Богородичные, на дни Святыхъ, особенно чтимыхъ Прав. Церковію, на дни Высокоторжественные, освященіе храмовъ, погребеніе усопшихъ, съ 4-мя житіями Святыхъ, 2 тома. Изд. 2-е 1873 г. 892 стр. Цѣна съ пер. 3 р.

3) *Краткое ученіе о Св. Храмѣ, Священно-церковно-служителяхъ, Богослуженіи и Богослужебныхъ книгахъ Православной Церкви.* Изданіе 3 е 1863 г. 150 стр. Цѣна 45 к. съ пер.

4) *О Римско-Католической церкви.* 1865 года. 246 стр. Цѣна съ перес. 60 коп.

5) *Бесѣды (7) къ причастникамъ Св. Христовыхъ Таинъ.* 1865 г. 57 стр. 15 к. съ пер.

Желающіе имѣть книги въ переплетѣ, прилагаютъ за лучшій переплетъ за книгу 50 коп., за обыкновенный 30 коп. сер.

2—2

ПОУЧЕНІЯ
ДЛЯ ПРОСТАГО НАРОДА

(примѣненныя къ современнымъ религіозно-нравственнымъ, общественнымъ и бытовымъ потребностямъ народа)

сельскаго священника Ивана Полканова.

Цѣна 1 рубль съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ Казань, въ книжный магазинъ А. А. Дубровина, на Воскресенской улицѣ, въ Гостинномъ

дворѣ и къ автору—въ г. Спасскъ, Казанской губ., свящ. села Барана Ив. Полканову.

Выписывающіе отъ автора за разъ 10 и болѣе экземпляровъ пользуются уступкою 20%. 3—3.

СТРАННИКЪ

Ежемѣсячный духовный учено-литературный журналъ, издаваемый священникомъ С. В. Протопоповымъ, въ 1879 году вступаетъ въ двадцатый годъ своего существованія. Имѣя въ виду удовлетвореніе духовно-нравственныхъ потребностей общества,—популярно изложенными статьями знакомить своихъ читателей со всѣми отраслями богословскаго знанія, преимущественно съ исторіею церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ назидательное чтеніе. Цѣна за 12 книжекъ (отъ 8—10 л. каждая) безъ доставки четыре рубля, съ доставкою же въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—*пять*, за границу—шесть рублей. Адресоваться: Въ редакцію духовнаго журнала „СТРАННИКЪ“, С.-Петербургъ, Шпалерная, д. 50, кв. 29. Московскіе подписчики могутъ подписываться у книгопродавца А. И. Ферапонтова въ Москвѣ.

2—2. Редакторъ, протоіерей *В. Протопоповъ.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1879 Г.

Журналъ »Руководство для сельскихъ пастырей«, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кіевской духовной семинаріи съ 1860 года, будетъ издаваться и въ будущемъ 1879 году.

Подписная цѣна *на мѣсто* 4 руб., *а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи* 5 руб. *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ—то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.*

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры »Руководства для сельскихъ пастырей« за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей«, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб., за пересылку 20 к. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ »Руководствѣ для сельскихъ пастырей« въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869-годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

6) Исторія христіанской церкви въ вѣкъ апостольскій. Цѣна 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала »Руководство для сельскихъ пастырей«, въ Кіевѣ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ—какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замѣдлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій**.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 15 декабря 1878 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.